Аластер Рейнольс описывает в высшей степени правдоподобное далекое будущее галактики, и в этом отношении «Дом Солнц» — один из лучших научно-фантастических романов.

AstroWright

аластер рейнольдс



ДОМ СОЛНЦ

НОЧИ БЕЛЛАДОННЫ
ТЫСЯЧНАЯ НОЧЬ

Дом Солнц
Аластер Престон Рейнольдс

Аннотация
Аластер Рейнольдс. Дом Солнц
Дом Солнц
  Часть первая
    Глава 1
    Глава 2
    Глава 3
    Глава 4
    Глава 5
    Глава 6
    Глава 7
    Глава 8
    Глава 9
  Часть вторая
    Глава 10
    Глава 11
    Глава 12
  Часть третья
    Глава 13
    Глава 14
    Глава 15
    Глава 16

Часть четвертая
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Часть пятая
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Часть шестая
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Часть седьмая
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Часть восьмая
Глава 35
Глава 36
Глава 37

Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Ночи белладонны
Тысячная ночь

Аннотация

Когда еще только начиналась эпоха покорения звезд, Абигейл Джентиан разделила себя на тысячу мужских и женских клонов и назвала их шаттерлингами. За шесть миллионов лет шаттерлинги обзавелись самыми высокими технологиями, самыми быстрыми кораблями, самым мощным оружием. С помощью релятивистских скоростей и криосна эти люди научились манипулировать временем, и по сравнению с остальным человечеством они теперь бессмертные – их сравнивают с червями, проползшими сквозь страницы истории.

Для молодых цивилизаций они все равно что боги – могут спасти звезду от взрыва, переместить планету, оживить экономику целого мира.

Но с недавних пор во Вселенной появилась некая сила, стремящаяся уничтожить потомство Джентиан. Чтобы дать отпор этому беспощадному врагу, шаттерлинги должны сначала разгадать его тайну.

Кроме «Дома Солнц», в книгу включены две

повести, сюжетно примыкающие к нему и повествующие о прошлом и будущем некоторых героев романа. На русском языке они публикуются впервые.

Аластер Рейнольдс
Дом Солнц

© А. И. Ахмерова, перевод, 2014
© К. П. Плешков, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Дом Солнц

Трэйс и Грэйс, старшей и младшей сестрам, с любовью

Часть первая

Родилась я в доме с миллионом комнат[1], построенном на крохотной безвоздушной планете у границы империи света и торговли. Взрослые называли империю Золотой Час по причине, которую я поняла не сразу.

В ту пору я была девочкой, единой личностью по имени Абигейл Джентиан, или Горечавка.

За тридцать лет детства я увидела лишь часть огромного, постоянно меняющегося дома. Даже когда подросла и получила разрешение бродить где захочется, я вряд ли разведала более сотой его части. Меня пугали длинные страшные коридоры из стекла и зеркал, спиральные лестницы, поднимающиеся от темных подвалов и склепов, в которые не спускались даже взрослые. Меня пугали покои и залы, где — вообще-то, при мне взрослые и слуги это не обсуждали — обитали привидения, по крайней мере постоянных жителей-людей там никогда не было. Лифты

---

[1] Примечания: 1

Существует реальный прототип дома матери Абигейл Джентиан — дом Винчестеров (дом № 25 на Винчестер-бульваре в Сан-Хосе, штат Калифорния).

тоже пугали, пассажирские и кухонные, когда двигались без указания присутствующих, по непостижимой воле властителя дома. Иными словами, не дом, а рассадник чудищ и призраков: в темных закоулках — упыри, за стенными панелями — демоны.

Был у меня один настоящий друг, только имени его я уже не помню. Навещал он меня редко, надолго не задерживался. За приближением и стыковкой его личного шаттла мне разрешалось наблюдать из герметичного бельведера со стеклянными окнами, расположенного на самой высокой башне дома. Я радовалась, когда мадам Кляйнфельтер позволяла мне подниматься в бельведер, и не только потому, что это означало скорое прибытие моего единственного настоящего друга. Оттуда просматривался весь дом и бóльшая часть планеты, на которой его построили. Дом расползался во все стороны и упирался в ломаную линию горизонта, в скалистую границу моей родины.

Иначе как странным мой дом не назовешь, хотя долгое время мне было не с чем сравнивать. Ни логики, ни симметрии, ни гармонии в нем не наблюдалось. Если некий замысел и присутствовал изначально, его уничтожили бессчетные

пристройки и перепланировки, которые никогда не прекращались. Атмосферы, следовательно, и осадков на планетоиде не было, хотя, судя по проекту, дом предназначался для планеты, где дождь и снег не редкость. Каждую часть дома, каждое крыло и башню венчала крутая крыша с синей черепицей. Тысячи крыш стыковались друг с другом под самыми невероятными углами. Башни с часами и без, трубы и бельведеры в беспорядке усеивали крышу, напоминающую хребет динозавра. Кое-где два этажа, кое-где двадцать с лишним — одни части дома возвышались над другими. Крытые переходы с окнами соединяли башни, и порой за освещенными амбразурами угадывался крадущийся силуэт. Мой дом больше напоминал город, только пересечь его можно было, не выходя на улицу.

Повзрослев, я поняла, почему дом именно такой и почему строительство не прекращалось, а ребенком просто принимала это как данность. Я знала, что наш дом отличается от тех, что показаны в книжках и энциклокубах, но ведь жизнь в книгах и кубах даже отдаленно не напоминала мою. Еще не научившись читать, я поняла: наша семья богата; мне внушили, что равных нам по достатку — раз-два и обчелся.

— Абигейл Джентиан, Горечавка, ты особенная юная леди, — однажды заявила мама, когда ее неувядающее лицо в очередной раз взирало на меня с экранов. — Тебя ждут великие дела.

Сколь великие, мама и представить себе не могла.

Я быстро сообразила, что тот мальчик, мой гость, тоже из богатой семьи. Он прилетал на собственном корабле, а не на рейсовом — из тех, что перевозили менее знатных. Я наблюдала, как корабль прибывает из дальнего космоса, как замедляется на длинном языке кобальтового пламени, как потом застывает над отдаленными крыльями дома, как принимает посадочную конфигурацию, выбрасывает шасси и с элегантной точностью опускается на площадку. Герб нашего дома — черный пятилистник, герб его дома — две сцепленные шестерни, именно он красовался на обтекаемом корпусе корабля.

Едва шаттл приземлялся, я выскакивала из бельведера и неслась вниз по винтовой лестнице. Клон-няне, присматривавшей за мной в тот день, приходилось везти меня к лифту, пересекать со мной дом по горизонтали и вертикали, пока мы не добирались до стыковочного крыла. Примерно в это же время мальчик неуверенно спускался по

длинному, устланному ковром трапу в сопровождении двух роботов.

Роботы, громадины из потускневшего серебра с головой, туловищем, руками и большим колесом вместо ног, пугали меня. Грубый клин головы, а лицо — одна вертикальная линия, как бойница в крепостной стене, ни глаз тебе, ни рта; руки сегментные с трехпалой клешней на конце. Такими только мясо и кости перемалывать. Мне казалось, роботы сторожат мальчишку, чтобы не удрал; казалось, они пытают его, творят с ним такие жуткие вещи, что бедняга не заговаривает о них даже наедине со мной. Лишь повзрослев, я сообразила: роботы охраняли мальчика, а сложная схема искусственного интеллекта предусматривала нечто опасно близкое к любви.

Роботы доезжали до конца трапа и останавливались у деревянного пола приемного зала. Мальчик мешкал, но все-таки спускался, цокая блестящими туфлями по начищенному паркету. Черноту его наряда разбавляла белизна манжет и большого кружевного воротника. Черные напомаженные волосы гладко зачесаны назад, за спиной рюкзачок. Лицо у мальчишки было бледное, щекастое. Глаза круглые, темные, какого именно цвета — не определить.

— У тебя странные глаза, — вечно твердил он мне. — Один голубой, другой зеленый. Что же тебе их при рождении не поправили?

Роботы разворачивали корпус в поясе, ехали обратно в шаттл и ждали там, пока не наступала пора забирать мальчика и улетать.

— Здесь трудно ходить, — вечно ныл мальчик, неуверенно ступая. — Все слишком тяжелое.

— Мне нормально, — говорила я.

Много позже я догадалась, что мальчик прилетал из той части империи, где стандартную гравитацию снизили вдвое, поэтому на нашем планетоиде он двигался с трудом.

— Папа предупреждал, здесь опасно, — сказал мальчик, когда мы с двумя нянями в кильватере шли в игровую.

— Что опасно?

— То, что под вашей планетой. Тебе про это еще не рассказывали?

— Под нашей планетой лишь камень. Я знаю, смотрела в энциклокубе, после того как ты наговорил мне, что в пещерах под этим домом живут змеи.

— Энциклокуб наврал тебе. Кубы врут, когда хотят скрыть от детей правду.

— Они не врут.

— Тогда спроси родителей про черную дыру. Она прямо сейчас под вашим домом.

Мальчик наверняка знал, что мой папа умер, а маму я вижу только на мониторах.

— Что такое черная дыра?

Мальчик задумался.

— Дыра вроде чудища, вроде гигантского черного паука на невидимой паутине. Она хватает все, что подползает слишком близко, жалит и сжирает заживо. Дыра очень большая, и она как раз под вашим домом.

— А со змеями что? — поинтересовалась я, решив поумничать. — Паук их съел?

— Про змей я соврал, — беззаботно отмахнулся мальчишка. — Зато про дыру серьезно. Не веришь мне, спроси энциклокуб. Ее твоя семья устроила, чтобы сделать все тяжелее. Если бы не дыра, мы бы сейчас летали.

— Как же паук делает все тяжелее?

— Я сказал «вроде паука», а не что паук настоящий. — Мальчишка взглянул на меня с жалостью. — Дыра как голодный сосущий рот, который не насытить. Поэтому она тянет все к себе, делая нас тяжелее. Но по той же причине она и опасна.

— Так говорил тебе отец?

— Не только отец. Все можно узнать из энциклокуба, если задавать правильные вопросы. Нужно действовать не напрямик, а обходными путями, как кошка, когда за мышью крадется. Тогда удается обмануть куб и выпытать то, что ему запрещено говорить. Однажды черная дыра заглотила целый планетоид побольше этого. Засосала, как канализация воду. Буль-буль-буль!

— Здесь такого не будет.

— Ну ладно-ладно.

— Я не верю! Ты же соврал про змей, зачем мне сейчас тебя слушать?

Злоба вдруг исчезла с мальчишкиного лица, словно мой настоящий друг только-только появился, а дразнил и подначивал меня вредный самозванец.

— Абигейл, у тебя есть новые игрушки?

— У меня всегда есть новые игрушки.

— Я спрашиваю про особенные.

— Есть кое-что, — проговорила я. — Очень хотела тебе показать. Это вроде кукольного домика.

— Кукольные домики только для девчонок.

— Ну, тогда не покажу, — заявила я и, повторяя его слова, добавила: — Я сказала «вроде домика», а не что домик настоящий. Это Палатиал, замок, которым можно управлять, с собственной

империей. Зря ты отказался, тебе бы понравилось. Ладно, нет так нет. Поиграем в другие игры. Можно пойти в лабиринт настроений или в летадром.

Я тоже научилась манипулировать окружающими и успела немного разобраться в мальчишеской психологии. Понимала: мой гость корчит безразличие, а сам только и думает о кукольном домике. Что же, любопытство более чем оправданное; меня так и подмывало похвастаться новой игрушкой.

Мы с мальчиком и нянями пришли в игровую — мрачно освещенную комнату с глухо закрытыми окнами. Я вытащила коробки, выдвинула ящики и достала игрушки, с которыми мы играли в его последнее посещение. Мальчишка вывалил из рюкзака свои любимые игрушки. Кое-что я помнила с прошлого раза — дракона с чешуйчатыми крыльями, который облетел игровую, полыхая розовым огнем, потом сел хозяину на руку и обвил ее хвостом; солдатика, который прятался, стоило нам закрыть глаза, — в прошлый раз мы искали его несколько часов. Еще запомнились стеклянные шарики с цветными разводами, которые по нашей команде складывались в разные фигурки или, наоборот,

сами складывались в фигурки, а нам следовало угадать, что это. Еще была головоломка-пазл, а еще заводная балерина, которая танцевала где угодно, даже на кончике пальца.

Мы поиграли, няньки доставили нам печенье и лимонад на летучем столике. Где-то в доме пробили часы.

— Теперь я хочу увидеть кукольный домик, — заявил мальчик.

— Но ты же отказался.

— А теперь хочу его увидеть, очень хочу.

Тогда я отвела его в комнату-в-комнате и показала Палатиал. Мальчик пришел в восторг, хотя я продемонстрировала лишь часть возможностей замка. Я поняла, что он мне завидует и в следующий раз тоже непременно захочет его увидеть.

Так я впервые почувствовала, что он в моей власти. Мне очень понравилось.

Глава 1

Я поднял бокал вина, но опьянел, еще не пригубив его, — мне хватало одного пейзажа.

— За безопасность вашей цивилизации и системы, мистер Небьюли!

— За вашу цивилизацию! — подхватила Порту-

лак на другом конце стола.

— Спасибо, — поблагодарил мистер Небьюли.

Мы сидели у пляжа, наслаждаясь вином и теплым вечером. На планете кентавров ночи не такие, как на других. Планета вращается вокруг звезды, излучающей много ультрафиолета, поэтому хранители закрыли ее атмосферу защитным пузырем, этаким прозрачным экраном, для кентавров вполне приемлемым, в отличие от бронированной оболочки, которая понадобилась бы, если бы Дом Мотыльков переместил их систему. Днем пузырь отводит лучи и гасит обжигающий голубой блеск. Ночью он усиливает свет тусклейших звезд или газовых облаков до уровня, на котором человеческий глаз различает цветовые нюансы. Млечный Путь казался многокостным хребтом, изогнувшимся над горизонтом, туманность — остаток соседней сверхновой — рубиново-красным мазком, почерневшим по краям, пульсар в ее сердце — мигающим маяком. Рассеянное скопление голубых звезд в двух сотнях световых лет отсюда мерцало, как электрогирлянда. Звезды-карлики в нескольких световых годах от этой системы сияли янтарным и золотым, суля жизнь, убежище и десятки миллиардов лет стабильности благодаря медленному выго-

ранию в них водорода. Виднелась даже Пустошь — пятнышко беззвездного, безгалактического мрака там, где была Андромеда.

Небо было прекрасным, роскошным, как в наркотической галлюцинации, но все равно напоминало о Пустоши. Сразу пришло на ум обещание, данное доктору Менинксу, которое я пока не сдержал и выполнение которого сейчас висело на самом тонком волоске.

Оставалось надеяться, что кентавры помогут.

— Шаттерлинг Лихнис, уверен ли ты, что звездамба не создаст нам проблем в будущем? — спросило четвероногое существо, стоящее у стола.

— Не беспокойтесь, мистер Небьюли, ваша цивилизация снова в безопасности.

— Замечу, что смертельная опасность ей и не угрожала, — напомнила Портулак, крутя в руке бокал с вином.

— На брешь в звездамбе глаза не закроешь, — с улыбкой проговорил я. — Неисправность устранена. Мы ее возводили, нам и ремонтировать — именно так принято в Линии Горечавки.

— Думаю, наше беспокойство понятно. Нам представили и другие планы спасения, но дали понять, что ремонт звездамбы сопряжен с наименьшим риском.

— Так оно и есть, — отозвался я.

Полтора миллиона лет назад в сверхмассивной звезде, отдаленной от мира кентавров на одиннадцать световых лет, появилась неустойчивость. Перерожденцы пытались откачать содержимое ядра через червоточину, но невероятная плотность и температура мешали работе стабилизирующих устройств, которые держали ее открытой. Вмешательство хранителей не спасло бы биосферу планеты. Таким образом, оставалось только два варианта, не считая эвакуации системы. Линия Шашечницы и Дом Мотыльков, считались экспертами в перемещении звезд. Они предлагали бесплатно сместить либо звезду, либо систему, а в обмен просили эксклюзивные права торговли с кентаврами на следующие два миллиона лет. Оба способа казались рискованными. Сместить звезду значило вытолкнуть ее с галактического диска, пока не произошел взрыв, однако подобные действия порой вели к преждевременной детонации. Вполне можно было переместить систему, но саму планету на это время следовало инкапсулировать для защиты от межзвездной радиации и космического мусора. Клаустрофобы-кентавры отвергли такой план.

Тогда кентаврам представилась Линия Горе-

чавки, Дом Цветов. Ради престижа в Союзе мы предложили идеальный вариант — они остаются на месте, защищенные от капризов нестабильной звезды. Вокруг сверхгиганта мы возведем звездамбу. Когда сверхгигант взорвется, ударная волна останется за дамбой, надежно блокированная экраном из идеальных зеркал.

Разумеется, кентавры встретили нас скептически. Но у Линии Горечавки огромный опыт в таких проектах. Звездамбами мы славимся на весь Союз. Мы возводим их десятки циклов, миллионы лет.

К началу переговоров с кентаврами ни одна дамба Горечавки не рухнула.

Разумеется, это наша заслуга, но с оговоркой. Мы возводим звездамбы, но из готовых деталей, оставленных Предтечами. Они сделали за нас самое трудное — выковали миллионы миров-колец и, как ободья, накинули их на звезды. Потом Предтечи бросили миры-кольца и вымерли.

Примерно через миллиард лет мы начали их собирать. Мы бороздим космос в поисках осиротевших, беззвездных миров-колец, прикрепляем толкатели к их темным сторонам и запускаем через галактику на черепашьей скорости. Запускать надо с осторожностью, иначе кольца

рассыплются на триллионы сверкающих осколков. Они прочные, но разрушиться могут. Зато они блестящие. Ничто во Вселенной не блестит ярче. Зеркальная внутренняя поверхность отражает все, включая нейтрино, которые легко проходят через пятьдесят световых лет прочного свинца.

Чтобы соорудить дамбу и полностью изолировать звезду, нужна оболочка Дайсона. Люди способны заслонить звезду небесными телами, то есть создать рой Дайсона, но в сферу нам их не слить. Зато мы можем ее сымитировать, окружив звезду тысячами миров-колец примерно одной ширины, но разного диаметра. Мы устанавливаем миры-кольца под разными углами к эклиптике. Чем больше колец, тем меньше остается щелей для света звезды. Заслонки смыкаются на слепящем фонаре.

Раз! — и вместо звезды темная сфера. Оболочка сдерживает энергию гаснущей звезды, точнее, световая энергия снова и снова отражается от безупречных зеркальных поверхностей. Погашенная до безопасной интенсивности, она, фотон за фотоном, просачивается в космос.

На это уходит невероятно много времени. Если звездамба рухнет прежде, чем начнет рассеи-

ваться накопленная энергия, последствия будут ужаснее, чем от взрыва, который она призвана предотвратить.

Я преувеличил, сказав, что мы спасли местную цивилизацию, хотя проблема со звездамбой впрямь существовала. Дал сбой один из толкателей — механизмов, которые удерживают миры-кольца на месте. Открылась похожая на глаз брешь, и наружу полился губительный свет.

Меня отправили чинить поломку. С последнего сбора нашей Линии новый толкатель послушным щенком следовал за «Лентяем», моим кораблем. В арсенале у меня имелись «бусы» из латунных шаров, они же одноразовый ключ. Подсоединяешь такой к определенной звездамбе и получаешь временный доступ к ее внутренним устройствам. Прежде чем заглянуть к кентаврам, я воспользовался ключом — испустив гравитонный сигнал, он рассыпался в блестящую пыль — и установил новый толкатель.

Работа выполнена. Портулак считала, что самое правильное — отбыть, не заглядывая к кентаврам, не выпрашивать благодарность.

Вне всяких сомнений, она была права.

— Звездамбу вы выбрали правильно, — заявила Портулак, не сомневаясь, что обращается к дале-

кому потомку существ, с которыми наша Линия имела дело изначально. — Но и разочарование ваше можно понять. Вы ждали от нас лучшего.

Мистер Небьюли шаркнул копытом:

— Ничего страшного.

— Тем не менее примите извинения от имени нашей Линии. Мы гарантируем, что ничего подобного впредь не случится. — Портулак не скрывала, что она тоже шаттерлинг Горечавки. Сожительство наша Линия не одобряла издавна, зато нынешние заказчики славились деликатностью. — Если Линия Горечавки может оказать вам иную услугу, я с удовольствием подниму этот вопрос на нашем следующем сборе. Вы благодарнейшие из заказчиков, мы не заслужили столь милостивого отношения. Все, что вы сделали для нашего гостя доктора Менинкса…

— Легок на помине, — буркнул я, взяв со стола древний бинокль.

— Это ваш гость? — спросил мистер Небьюли.

— Он самый.

— Он путешествует на любопытнейшем устройстве. Что это за круглые штуковины по бокам? Они вертятся…

— Колеса, — ответила Портулак.

— Это его купальная машина, — пояснил я.

Купальная машина — изъеденный ржавчиной черный ромбоид на четырех шасси — появилась из грузового отсека моего корабля, спустилась на рампу и, изрыгая дым, загромыхала с посадочной площадки мимо разрушенных домишек сонного приморского городка к потрескавшемуся бетону древних больверков. Скользкий съезд, песчаный пляж — и вот колеса машины скрылись в воде. Передняя дверь поднялась на крышу, и морская вода хлынула внутрь.

Темное, как чернила, море кишело мерцающими микроорганизмами. Волны набегали на желтовато-белый песок и покрывались темно-розовой пеной. Я направил бинокль на дальний от нас борт машины, надеясь рассмотреть доктора Менинкса, когда тот выскользнет в воду. Увы, я увидел лишь обросшую ракушками фигуру. Прежде чем я разобрал детали, фигура скрылась под водой. Дверца закрылась, купальная машина выползла на берег.

— Можно поинтересоваться, где ты нашел столь необычное существо, шаттерлинг? Подобных доктору Менинксу я не видел давным-давно, несколько десятков тысячелетий.

— Моей заслуги тут нет: я его не находил. Мне его навязали.

— Тебя послушать, это наказание.

— Так оно и есть. Шаттерлинги нашей Линии решили проверить, ответственный ли я, и подсунули непростого гостя.

— Мистер Небьюли, Лихнису просто не повезло. На наш последний сбор Воробейник, другой шаттерлинг, привез доктора Менинкса. К тому времени Воробейник уже тяготился им и искал, на кого бы переложить заботы. Примерно тогда у Лихниса наметился маршрут, включавший в себя Вигильность.

— О Вигильности вам известно все, — проговорил я.

Мистер Небьюли глянул на небо, в сторону Пустоши. Он был в обтягивающем полосатом костюме, который заканчивался там, где человеческое тело сливалось с гнедым конским.

— Кое-что известно, шаттерлинг. Но из этого не следует, что мы когда-либо напрямую контактировали с ней.

Портулак пригубила вино.

— Как выяснилось, цель доктора Менинкса — добраться до Вигильности. Он не просто непоколебимый отреченец, но и мнит себя знатоком древней истории.

— Стало быть, Лихниса доктор тяготит, — резю-

мировал мистер Небьюли.

— Помимо ремонта звездамбы, мне поручили доставить доктора Менинкса на Вигильность и с помощью своих знакомств обеспечить ему прием, достойный высокого статуса ученого, — неограниченный доступ к секретным архивам и так далее. На Вигильности отреченцев не жалуют, а водных обитателей еще меньше, но предполагается, что я сумею уговорить местных…

Мистер Небьюли снова взглянул на море и задумчиво изрек:

— Напрашивается вывод, что ты, шаттерлинг, с заданием не справился.

— Почему, пока все идет по плану, — возразил я. — До Вигильности это последний шанс доктора поплавать, вот он его и использует. Вслед за Портулак я благодарю вас за хлопоты, которые вы взяли на себя из-за доктора.

Кентавр махнул рукой на мерцающий горизонт, за которым блеклой серебристой луной маячил корабль Портулак, слишком большой для посадочной площадки.

— Ничего особенного. В этом океане крупных хищников нет, но ради спокойствия вашего гостя мы просто заблокировали бухту. И надеюсь, не ошиблись с соленостью воды.

Разговор увял. Мистер Небьюли вышел к нашему столику не для светской беседы. Он хотел назвать цену того, что я выставлял на продажу. От его оценки многое зависело, хотя я старательно это скрывал.

— Спасибо, что показали мне свою космотеку, — сказал мистер Небьюли.

Я натянуто улыбнулся, а вслед за мной и Портулак.

— Надеюсь, вас что-то заинтересовало.

— Да, конечно. Вы много путешествовали, много повидали, от других путешественников узнали массу интересного. Познакомиться с вашей космотекой — большая честь.

— Вам что-нибудь приглянулось?

Мистер Небьюли снова шаркнул подкованными копытами:

— Кое-что, шаттерлинг, но большинство твоих находок не представляют для меня особой ценности, несмотря на их уникальность. Если бы мы встретились двадцать килолет назад, получился бы другой разговор. Но минуло лишь одиннадцать килолет с тех пор, как нас посетил некий шаттерлинг Линии Горечавки, и лишь два килогода — как в нашем воздушном пространстве побывал Марцеллин.

— Эти марцеллины повсюду, — процедила Портулак.

— То, что вас все-таки заинтересовало…

— Вот тут у меня все по пунктам, — объявил мистер Небьюли и вытащил из кармана листок размером с салфетку. Кентавр расправил его — «салфетка» превратилась в «скатерть» и повисла в воздухе, покачиваясь на ветерке. Перед нами была таблица на одном из диалектов Языка.

Кентавры знакомы Линии Горечавки более восьми циклов. Они — тринадцатая форма живущих в системе, появились на руинах предыдущей цивилизации. Кентавры владеют этой системой и несколькими пригодными для жизни планетами в ее пределах, но дальше гало своей кометы не путешествуют. Главная их планета суперокеаническая, то есть целиком покрыта водой. Толстая голубая атмосфера содержит фотодиссоциировавший кислород. Хранители разредили атмосферу, сделали ее менее агрессивной, бросили в безбрежный океан плавучие массивы суши, заселили стерильную воду неприхотливыми организмами. Гравитацию планеты не корректировали, поэтому прямоходящими кентавры не стали. Свое происхождение они помнят плохо, но куда лучше большинства мо-

лодых цивилизаций. По прогнозам Всеобщего актуария, у кентавров отличные шансы просуществовать еще как минимум пару миллионов лет при условии, что их амбиции будут скромными. По большому счету, залог долголетия цивилизации — либо сиднем сидеть в одной системе, либо, подобно Линиям, окончательно и бесповоротно отказаться от планетарной жизни. Экспансионизм хорош только на первых порах, а в общем и целом бесперспективен. Молодые цивилизации это не останавливает, равно как и поучительный опыт шести миллионов лет.

Бесконечные становления-расцветы-крахи империй мы называем перерождениями. Кентавры — молодцы, что в него не ввязались.

— Как видите, наши предложения вполне разумны, — проговорил мистер Небьюли.

— Нет-нет, условия очень достойные, — зачастил я. — Просто я надеялся, что вы приценитесь к чему-то покрупнее.

— Я и сам надеялся, но приценяться к уже известным нам данным бессмысленно.

— Неужели нам не достичь компромисса?

— Шаттерлинг, кентавры склонны к щедрости, но всему есть предел. Мы считаем наши условия справедливыми. Жаль, твоя космотека не

слишком ценна для нас. Когда появятся новинки, добро пожаловать на нашу планету. — Кентавр сделал паузу. Три его копыта твердо стояли на земле, четвертое едва касалось ее передней частью. — Оставить вас вдвоем, чтобы вы обсудили наше предложение?

— Да, если можно.

— Я скоро вернусь. Еще вина?

— Нет, спасибо, — проговорил я, подняв руку.

Мистер Небьюли затрусил прочь по извилистой тропке мимо бульверков. В отдалении стояли два кентавра в красной форме. Они держали флажки, символы некой гражданской организации.

Мистер Небьюли приблизился к соплеменникам и спокойно наблюдал за нами.

— Нам конец, — изрек я, уже не беспокоясь, что подслушают.

Портулак допила вино.

— Могло быть хуже. Небьюли готов что-то предложить.

— От его предложений ни жарко ни холодно.

На орбите мира кентавров продавали подержанные корабли. Приглянись моя космотека Небьюли, я выбрал бы себе корабль. На звездолете побыстрее «Лентяя» я бы и доктора Менинкса отвез, и на сбор Линии почти не опоздал бы.

— Может, не стоит уступать, вдруг мистер Небьюли передумает?

— Передумать он должен кардинально. Даже если удвоит цену, тебе и на четверть корабля не хватит. Оптимальный вариант — принять предложение Небьюли. Новый корабль ты не купишь, зато модернизируешь «Лентяя».

— Быстроходнее его не сделать.

— Зато можно сделать безопаснее. Если не согласимся на условия Небьюли, получится, мы зря сюда прилетели. А так отправимся на Вигильность и избавимся от рыбомордого.

Доктор Менинкс словно услышал Портулак: его купальная машина завыла и снова двинулась в море, выпуская клубы черного дыма из-под заднего предкрылка. Дверь поднялась — внутрь хлынула вода. Я взялся было за бинокль, но любопытство уже иссякло. Обросшая ракушками фигура мелькнула на гребне волны и юркнула в машину. Дверь опустилась, и машина поползла на сушу.

— Тоже вариант, — тихо сказал я.

Портулак посмотрела на меня с вошедшим в привычку скептицизмом:

— Когда речь о тебе, варианты есть всегда.

— Перед посадкой я изучил соседние системы.

Опасался, что мистер Небьюли будет несговорчив. Менее чем в сотне световых лет отсюда, почти по пути домой, есть планета Неламбий. Если верить космотеке…

— Если верить космотеке… Где же я это слышала?

— Да ты погоди! Есть на Неламбии один тип, постчеловек по имени Атешга. Говорят, кораблей у него даже больше, чем у Небьюли, и вряд ли он за них столько дерет.

— Что же мы сразу туда не полетели?

— Наша космотека немного устарела, поэтому доля риска присутствует.

— Доля риска. Это я тоже уже слышала.

— Еще мы оказались бы дальше от Вигильности — ну, если бы отправились прямиком на Неламбий — и не смогли бы избавиться от доктора Менинкса.

— Если космотека устарела, зачем вообще рассчитывать на Атешгу?

— Я сверялся с Актуарием, прогноз благоприятный.

Портулак откинулась на спинку плетеного кресла и посмотрела на меня разными, как у всех Горечавок, глазами:

— Так ты предлагаешь доплестись до Вигиль-

ности, забросить доктора, а потом махнуть к Атешге?

— Не совсем. Я предлагаю пропустить Вигильность.

На лбу у Портулак проступила глубокая морщина.

— Оставим его здесь?

— Пусть сам решает. Захочет — отвезу на сбор.

— Менинксу это не понравится.

— Ему вообще ничего не нравится, ты еще не заметила?

Тонкая фигурка двинулась по песку к купальной машине. Когда она приблизилась и по крошащимся ступеням поднялась к дороге, стало видно, что это бумажный арлекин, усеянный блестящими каплями. Двухмерная фигурка — на ветру она дрожала не хуже листа с предложениями мистера Небьюли — была гуманоидным аватаром доктора Менинкса. Одновременно с доктором в нашу сторону зашагал Небьюли, оставив сородичей в красном. Кентавр опередил аватара на добрых сто метров.

— Достопочтимый шаттерлинг, могу поинтересоваться, приняли ли вы решение?

— Боюсь, с вашим предложением мы не согласимся, — ответил я. — Оно, безусловно, разумное,

только я должен быть реалистом. Думаю, что продам свою космотеку выгоднее.

— Если надеетесь на Атешгу, предупреждаю, репутация у него скверная.

Я потер глаза — в них попал песок.

— Кто такой Атешга?

— Шаттерлинг, я лишь предупредил. Решение за тобой. — Небьюли провел ладонями по груди. — Жаль, мы не договорились, но это не мешает нам расстаться друзьями. Мы очень рады, что вы посетили нашу планету. Надеемся, вы довольны.

— Конечно довольны, — кивнула Портулак. — Вы прекрасно нас приняли, мистер Небьюли. Я всей Линии расскажу о вашем гостеприимстве.

— Очень любезно с твоей стороны. — Небьюли повернулся к подошедшему аватару и поклонился человеческой частью тела. — Купание получилось недолгим, доктор. Надеюсь, все прошло хорошо?

— Нет, ничего хорошего в купании не было, — пропищал аватар, — поэтому я и прервал его, как только смог. В воде какие-то темные существа, которых мой сонар не идентифицировал. Температура и соленость мне также не по вкусу. — Бумажная фигурка повернулась в мою сторону. — Лихнис, меня заверили, что информа-

ция о моих потребностях передана кому следует.

Я заерзал. Естественно, я объяснил кентаврам, что нужно доктору, и не сомневался, что они очень старались ему угодить. Но доктору Менинксу не угодишь — все ему плохо, все мало.

— Извините, доктор, это я цифры перепутал, — пробормотал я. — Виноват, ошибся.

— Сам решу, кого винить, — огрызнулся аватар. — Я так ждал этого купания! Ладно, забуду как страшный сон. Скоро я покину эту унылую планетку и устремлюсь навстречу Вигильности. Надеюсь, там умеют принимать гостей.

— Мистер Небьюли сделал все, что мог, — заверил я.

— Да, видимо, — отозвался аватар, словно гостеприимный кентавр не стоял рядом.

Настал момент, которого я с тревогой ожидал после высказывания мистера Небьюли о моей космотеке. Тянуть я больше не мог, хотя в тот миг хотелось лишь залезть в воду и плыть навстречу мерцающему горизонту, где, в зависимости от установки, защитная оболочка либо отпугнет, либо отторгнет, либо ранит, либо просто уничтожит меня.

— Доктор Менинкс, — начал я, сделав большой глоток живительного воздуха, — нам нужно кое-

что обсудить.

Глава 2

Назвать Лихниса лентяем было бы неверно, ведь именно от лени Абигейл так старалась очистить наши характеры. Зато уклоняться от истины он умел мастерски. Дела отодвигал не на завтра, а на килогоды, порой отсрочки растягивались на добрый цикл. «Зачем делать сегодня то, что можно отложить на четверть миллиона лет?» — примерно под таким девизом он жил.

Тридцать один цикл это сходило Лихнису с рук, но нынешняя история с доктором Менинксом обещала стать расплатой за долгое везение. Лихнис шутил о выговорах и отлучении, словно хотел заранее свыкнуться с наказанием. Последние несколько циклов Линия с трудом терпела его выходки. Поэтому Лихнису до́ктора и спихнули. От обузы следовало избавиться при первой же возможности, а не таскать на борту по всей галактике.

От системы кентавров до Неламбия рукой подать — по планетарному времени всего девяносто лет полета, — но войти в одну из форм латентности все же пришлось. Лихнис предпочитал стазис,

я, к его вящему удивлению, — замораживание и оттаивание. Едва выбравшись из криофага, я запросила у «Серебряных крыльев» информацию с датчиков. Помимо шелеста остаточной энергии, означавшей, что столетие назад здесь пролетал корабль, следов присутствия человека не обнаружилось.

Ни Атешги, ни его кораблей.

Я проштудировала анализ датчиков, перебросилась на «Лентяя», потом на мостик, где уже ждали Лихнис и доктор Менинкс. Лихнис откинулся на спинку кресла, рядом с ним стоял аватар. Оба смотрели на огромный, как стена, светящийся дисплеер. Слов я не разобрала, но благодаря акустике помещения поняла, что разговор не из приятных: голоса звенели от раздражения, кто-то отчаянно оправдывался.

О чем речь, я знала без объяснений.

Бóльшую часть дисплеера занимала горизонтальная проекция Млечного Пути, основанная на данных космотеки о его текущем состоянии. Спиральные рукава отображались белыми, желтыми, золотыми, блекло-оранжевыми и ярко-оранжевыми штрихами. Звезд слишком много, по отдельности не разглядишь, только скоплениями. Четко просматривались лишь

ярчайшие — супергиганты на конечной стадии, перерождающиеся в сверхновые, или молодые неустойчивые звезды типа Т-Тельца, ослепительно-голубыми или ядовито-красными глазницами взирающие с пунктирных спиралей.

Диаметр основного диска, не считая внешнего витка Кольца Единорога, — девяносто тысяч световых лет. Обжитые планеты тянутся от ядра к спиральным рукавам, но наиболее заселена широкая дуга Зоны комфорта, где жизнь на планетах требует наименьшей адаптации. Если оставаться в Зоне комфорта, за двести килолет корабль облетит галактику и по дороге посетит сотни систем. Это и есть цикл, двухсоткилогодичный интервал между сборами Линии Горечавки.

Последний наш сбор состоялся на планете у самого ядра спирального рукава Лебедя. С тех пор мы движемся по часовой стрелке, то наружу, к Шпоре Ориона, проходя в тысяче световых лет от Старого Места, то снова вглубь, через рукава Стрельца, Щита — Южного Креста и Персея, потом возвращаемся с другой стороны рукава Щита — Южного Креста. На дисплеере наше продвижение обозначалось красной волнистой линией. Суперокеаническая планета кентавров в Щите — Южном Кресте, и пролетели мы всего ничего

— крошечный, несоизмеримый с длиной спирали изгиб, — даже за пределы рукава не вышли. Красным пунктиром обозначалось расстояние, оставшееся до места сбора, — менее тысячи световых лет по направлению к рукаву Стрельца.

По меркам цикла мы были почти дома. Только хоть десять тысяч световых лет нам осталось, хоть девяносто тысяч — разве это пунктуальность?

Мы опаздывали, сильно опаздывали — и поделать ничего не могли.

— А вот и очаровательная Портулак. — Голос доктора Менинкса звенел от негодования. — В отличие от тебя, Лихнис, она к моим жалобам прислушается. Портулак, ты ведь прислушаешься?

— Не знаю, доктор Менинкс, на что вы жалуетесь?

— Тебе непонятно? — Аватар показал тонкой бумажной рукой на дисплеер. — Лихнис снова меня подвел! Мало того что он не доставил меня на Вигильность, так еще пытался сбыть немытым, неотесанным конелюдям и равнодушно смотрел, как я тону в их загаженной бухте. Теперь ему хватает наглости заявить, что он опаздывает на сбор, где сможет передать меня в руки добрее и надежнее, чем у него.

— Я так не говорил! — Судя по тону, аргументов у Лихниса не осталось. — Я лишь предупредил, что мы немного опаздываем.

— А этот ваш сбор… Он ведь не начнется, пока вы не явитесь? На это ты намекаешь? — верещал аватар.

— Никаких гарантий. Если Атешга на месте, если заменит мне корабль, мы вообще не опоздаем.

По узкому мостику я прошла из главной части корабля на круглую платформу, где ждали Лихнис и доктор Менинкс.

— И где твой Атешга?

— Не знаю, может прячется, — отозвался Лихнис.

— Ага, прячется! — бросился в атаку доктор Менинкс. — Эту тактику торгаши всей галактики используют.

— Зато какой вид замечательный! — улыбнулась я.

Планета Атешги — дисплеер показывал ее под картой галактики — напоминала сладкую мечту. Полосатый зефирный гигант в поясе из сахарных колец, удерживаемых и упорядоченных согласным тяготением десятка карамельно-глазированных лун. Мы пересекали эклиптику и

видели кольца под все большим углом, открывая все новые их красоты. Несомненно, это был восхитительный мир, а повидала я их немало.

Но мы явились не глазеть на живописную планету, даже великолепнейшую в своем роде.

— Портулак, выяснила что-нибудь новенькое? — спросил Лихнис.

Я поцеловала его и села в свободное кресло.

— Следы присутствия высоких технологий есть, но слабые. Либо корабль с шумным двигателем пролетел, либо это утечка внутренней сети другой Линии. У нас действующих узлов в этой системе нет.

— Надо, чтобы появился. Может, Овсяницу хоть это задобрит.

— Боюсь, узла тут не хватит.

— Когда Овсяница опаздывает, никто не шумит.

Я прижала палец ко лбу и почувствовала, как пульсирует жилка.

— Только не начинай про Овсяницу.

— Мы все безропотно погрузились в латентность до тех пор, пока он не соизволил явиться. Сколько времени потеряли? Килолет семь-восемь, не меньше. И никаких ему выговоров.

— Так ведь перерожденцы пригласили Ов-

сяницу на Таинство разжигания. Пока все не закончилось, уйти он не мог, и тебе это прекрасно известно. У тебя такой отговорки нет.

— Ага, бей лежачего, не стесняйся!

— Лучше поручу себя заботам Портулак, — проговорил доктор Менинкс. — Так хоть к концу сбора успею.

— А что, идея хорошая. Улетайте вместе прямо сейчас, а я, как смогу, нагоню вас.

— Нет уж, я на такое не соглашусь! — Я виновато посмотрела на аватара. — Простите, доктор Менинкс, но Лихниса я здесь не брошу.

— Последствия не заставят себя ждать.

— Вы по-прежнему мой гость, — напомнил Лихнис.

— К величайшему сожалению.

— В самом деле. Вдруг до сбора с вами что-нибудь случится? Вдруг по трагической случайности произойдет авария? Вдруг у вас в резервуаре нарушится химический баланс? Об аварии даже данных не сохранится… И ведь не подстрахуешься: моему кораблику место в музее Ужасов Золотого Часа. Летать на таком — неприятности себе наживать.

Бумажное лицо аватара сморщилось от гнева.

— Шаттерлинг, ты мне угрожаешь?

— Нет, чуток размечтался.

Неизвестно, до чего бы дошло, не выдай «Лентяй» сообщение. Кто-то или что-то сигналил или сигналило нам. Из атмосферы зефирного гиганта, неподалеку от его экватора, обвешанного сладкими кольцами, появился корабль. Секунду назад таился, а сейчас вдруг оповестил нас о своем существовании.

— А ты во мне сомневалась, — буркнул Лихнис.

Корабль показался мне этаким крепким старичком — надежным, качественным образцом Одиннадцатого Интерцессионного кораблестроения. Острые углы и блестящие темные грани — огромная глыба угля, обтесанная в форме наконечника стрелы. С момента появления корабль посылал нам одно и то же сообщение на Языке. Отвечать не было смысла: нам просто велели сбросить скорость, сойти с трансэклиптической траектории и ждать дальнейших указаний.

Корабль обогнул систему колец и остановился рядом с «Лентяем» и «Серебряными крыльями зари». Вместе они образовывали почти равносторонний треугольник, центры их масс разделяло не более тысячи километров. Корабль Лихниса напоминал параллелограмм в стиле ар-деко, мой

— безголового хромированного лебедя, который поднял крылья, словно ухаживая за самкой.

— Что дальше? — спросила я.

— Скоро увидим. Думаю, у Атешги, кем бы он ни был, с гостями в последнее время негусто. Вряд ли он захочет испытывать наше терпение.

Я коснулась виска, пронзенная дрожью дурного предчувствия:

— «Серебряные крылья» только что были просканированы сенсорами глубокого проникновения.

— В атаку! — заверещал доктор Менинкс. — Что мешкаете? Атакуйте его немедленно!

— «Лентяй» запрашивает разрешение на имаго-связь! — проговорил Лихнис.

— Мы ничем не рискуем, — заверила я.

Перед нами возникла фигура в капюшоне. Она просвечивала насквозь и мерцала, точно внушая нам: это проекция, а не живое существо. Глубокий голос смодулировали так, что он звучал словно через примитивное переговорное устройство.

— «Лентяй» и «Серебряные крылья зари», изложите цель своего прилета, — проговорило имаго на диалекте Языка, единственного кандидата на универсальный язык общения космических странников.

— Я ищу постчеловека по имени Атешга, — начал Лихнис на трансе, внутреннем языке Союза Линий, рассчитывая, что «Лентяй» переведет на Язык. Вообще-то, Языком Лихнис владеет не хуже моего, но предпочитает напрягать корабль, а не напрягаться сам.

— Спрашиваю еще раз: зачем вы здесь? Зачем прилетели в нашу систему?

— Мне нужен новый корабль, — ответил Лихнис. — Мне дали понять, что здесь я его найду.

Мерцающая фигура была облачена в темно-красный плащ с древними электросхемами, вышитыми тонкой серебристой нитью; руки со сцепленными замком пальцами незнакомец прятал в длинных рукавах, глубокий капюшон скрывал лицо.

— Корабль? — переспросил он, словно Лихнис говорил о чем-то неприличном. — Странник, зачем тебе корабль?

— Мой уже стареват.

Я чувствовала, как из-под капюшона меня буравит нечеловечески проницательный взгляд.

— Странник, много кораблей ты здесь видишь?

— Нет, глаза они мне не мозолят.

— Значит, ты понимаешь, что попал не туда?

— Да, только моя космотека говорит об обрат-

ном, — заявил Лихнис. — Не вынырни вы из глубин этой юпитероподобной планеты, я поверил бы, что данные ошибочны, однако вы здесь, а таких совпадений не бывает. Я ведь с Атешгой беседую?

— А что твоя космотека говорит об Атешге?

— Очень мало. Мол, у него хорошие цены и большой выбор подержанных кораблей. Впрочем, если Атешга впрямь торгует кораблями, этой информации мне достаточно.

Атешга поднял руки, обнажив тонкие белые запястья, необычно сочлененные прутики-пальцы с обсидиановыми ногтями, и откинул капюшон. Лицо его напоминало отвратительную маску — впалые щеки, обтянутые белым пергаментом кожи. Прибавьте к этому глубоко посаженные глаза и зубы, похожие на осколки кроваво-красного стекла, как попало воткнутые в десны.

— Может, корабли у меня и найдутся.

Лихнис взглянул на меня и только потом спросил:

— Покажете?

— За мной! Покажу, что сейчас есть.

— Я не доверяю этому существу! — заверещал доктор Менинкс. — Увезите меня отсюда немедленно!

Меня словно током ударило: вспомнилось предостережение мистера Небьюли.

— Лихнис, а если сперва подумать… — начала я.

Поворот — и корабль Атешги понесся к газовому гиганту. Причудливые частицы вихрем устремились следом, а искаженное, взбаламученное пространство-время вернулось в нормальное русло. Звезды и одна сторона кольчатого пояса планеты помутнели, словно залитые грязной водой.

— Летим следом, — решительно проговорил Лихнис.

Глава 3

В самый последний момент перед входом в облачный слой корабль Атешги покрыл себя плотной оболочкой, пузырем, чтобы защититься от атмосферы. У «Лентяя» защита не так эффективна, поэтому, когда давление увеличилось, нас здорово тряхнуло. Портулак скривилась и пробормотала, что лучше бы мы полетели на ее корабле. «Серебряные крылья» оставались на орбите и следили за нашим снижением.

Атешга затащил нас в облака километров на

сто, отключил параметрический двигатель и проплыл по воздуху, используя пульсацию секвенционного поля. «Лентяй» на такие фокусы не способен уже десять тысяч лет, и я с псевдотяги переключился на реальную.

Наверху небо посветлело до нежно-лазурного с тонкими перьями белых облаков. Изящными месяцами висела пара спутников, а кольца скрылись в тени. Под нами грозовые фронты цвета охры пробивались сквозь темно-желтый смог. Кое-где в прорехи проглядывали головокружительные пейзажи — облачные каньоны многокилометровой глубины.

— По-моему, Атешга заманивает нас в капкан, — с тревогой проговорила Портулак.

— Посмотрим, что он решил нам показать.

Атешга снижался и снижался. Рост давления «Лентяю» не понравился — защитную оболочку он поддерживал с огромным трудом. Но я попадал с ним и не в такие передряги, поэтому не сомневался: он и сейчас справится.

Портулак опустилась в соседнее кресло и пристегнулась, чтобы меньше чувствовать толчки, не погашенные слабым демпфером «Лентяя».

Охренные облака мы буквально прошили, спровоцировав серию гроз, на миг словно застряли

в темно-желтом смоге, потом вырвались в слой чистого воздуха, слабо озаренного солнечными лучами, пробившимися сквозь облака.

Тогда мы и увидели корабли Атешги.

— Пожалуйста, скажи, что у меня глюки, — попросила Портулак.

— Увы, нет.

— У кентавров кораблей было больше.

— Предупреждал я, не доверяйте этому типу, — забухтел доктор Менинкс. — Я сразу понял: это шарлатан, у него одна рухлядь.

Кораблей было двенадцать. Они висели в атмосфере, каждый в отдельном защитном пузыре. Самые разные: от таких, как «Лентяй», пять-шесть километров длиной, до таких, как «Серебряные крылья», то есть длиной километров двадцать-тридцать. Один узкий, километров пятьдесят, с красно-белой защитной маркировкой, я узнал сразу — корабль-игла Спасателей. Снаружи он, конечно, впечатлял, но львиную долю внутреннего пространства занимали реактивные двигатели и генераторы поля, оставив под жилой отсек лишь несколько кубометров.

Богато украшенный лунный корабль Второй Империи показался не меньше, но куда привлекательнее. Полая, со шлюзами по полюсам,

золотая сфера корабля могла вместить город с миллиардом жителей или сокровища тысячи планет. Только лунные корабли слишком привлекательная мишень для менее порядочных путешественников, а я постоянно оглядываться не желаю.

Полной противоположностью этим двум был самый маленький корабль Атешги, рифленый цилиндр длиной два километра двести метров, словно вытесанный из мрамора с бирюзовыми прожилками. Строгие очертания и неукрашенный корпус выдавали в нем сборку Маркграфини. В нормальном состоянии этот корабль обладает и быстрым разгоном, и высокой крейсерской скоростью. Но чтобы выжить на таком (про управление я не говорю), придется кардинально изменить интеллект, а это категорически запрещено Линией.

Оставалось еще девять кораблей, но почти все я отмел, едва окинув взглядом. Слишком медленные, слишком древние, слишком ненадежные, слишком проблемные в плане запчастей, если сломается что-то невосстановимое. Приглянулся «Краебежец» — он явно быстрее «Лентяя», — но я заметил характерную размытость границы плавательного пузыря. Ясно, генератор защитной

оболочки на последнем издыхании. Приглянулся было и пятикилометровый череполет от «Канопус-Солидарности», но я вовремя вспомнил, что эти корабли печально известны как убийцы своего экипажа. Тримаран Вечного Содружества выгодно отличался новизной, но стыковочные лонжероны, соединяющие три его фюзеляжа, гарантированно замедляли ускорение. Жители Вечного Содружества не стремились к быстрому старту — они свято верили, что их империя просуществует миллионы лет.

Вот и весь флот Атешги — двенадцать развалин, ни одна из которых меня не устраивала.

— Не спеши, — посоветовало имаго Атешги. — Осмелюсь поинтересоваться, сколько ты намерен потратить?

— Не важно, Атешга. Эти корабли меня не интересуют.

— Не спеши, странник. Нам есть о чем поговорить. Ты даже не объяснил, какая цивилизация вас прислала, а уже прощаешься. — Атешга поднял голову и наклонил набок, точно у него появилась идея. — Странник, пусть корабли тебе не нравятся, разве это мешает нам заключить взаимовыгодную сделку? Апгрейд не желаешь? Купи новый двигатель, генератор поля, оружие

или датчики.

— Снятые с тех раздолбаек?

— Вовсе нет. В лунном корабле у меня небольшой склад запчастей. Все отличного качества. — Атешга снова сложил пальцы замком и поклонился. Белое лицо скривилось в манящей улыбке. — Расскажи, что продаешь, а потом посмотришь на мой товар, идет?

Портулак потянулась ко мне и зашептала:

— Что-то подозрительно. Ты здесь ради нового корабля, а не ради запчастей. Зачем менять планы на ходу?

— Посмотрим, что у него есть, — ответил я. — Вдруг что-нибудь путное выторгуем.

— Странник!

— Сперва хочу убедиться, что торговаться стоит, и лишь потом покажу космотеку, — сказал я имаго. — Впрочем, намекнуть, что у меня в арсенале, могу. Сенсорная эпопея о Войне в Местном Пузыре, которой нет в свободном доступе. Полная техническая документация машинного народа. Семь логически связанных объяснений феномена Пустоши. Мой отчет о полете на Вигильность и о времени, проведенном в пищеварительной системе куратора. Карта эмпориев до вынужденной миграции. Что-нибудь интересует?

— Весьма, — отозвался Атешга. — Прошу вас, следуйте за мной на лунный корабль. Точно не пожалеешь! Слышал о реликвиях Второй Империи?

— Краем уха.

— Тогда не упускай шанс, взгляни на мои сокровища.

Корабль Атешги коснулся защитной оболочки лунного корабля и погрузился в нее. На стыке полей расплывалось бело-голубое энергетическое кольцо. Под оболочкой корабль Атешги заглушил двигатель и двинулся к северному шлюзу лунного. Узоры на обшивке изгибались к люку, — наверное, они были и на внутренней поверхности. Точно я не знал — так близко к лунному кораблю прежде не оказывался.

Десятикилометровый корабль Атешги с трудом пролез в северный шлюз — зазор составил не более нескольких сотен метров. А вот «Лентяй» беспрепятственно скользнул следом и остановился у его черного рифленого хвоста. Отовсюду лилось золотое сияние, в котором плавало множество предметов различных форм и размеров.

— Что-нибудь приглянулось? — спросил Атешга. — Слева от вас двигатель к погонщику облаков «Кузнец». Справа бронемодули «Сикоракса», по-

держанные, но в работе как новые.

Я уже хотел ответить: мол, сначала надо осмотреться, но почти уверен, что без покупки не улечу, однако корабль Атешги исчез.

— Мне это сразу не понравилось, — заявила Портулак.

Имаго Атешги тоже исчезло, мы остались на мостике одни. Я направил «Лентяя» вперед, но он тотчас выдал сообщение о перегрузке и аварийном отключении двигателя.

— Мы в ловушке.

— Уже заметила, — буркнула Портулак.

Я растянул губы в приторной улыбке:

— Есть предложения более конструктивные, чем: «Полетели бы на моем корабле, а не на этой рухляди, в беду не попали бы»?

— Если Линия Горечавки так заботится о гостях, не хотел бы я стать вашим пленником, — проворчал доктор Менинкс.

— Как мы относимся к пленным, вам лучше не знать. Держитесь оба, сейчас пущу «Лентяя» во всю прыть.

Двигатель заревел, потом громче, потом еще громче. «Лентяй» орал на нас, хотя на деле бесшумен даже на предельной мощности. Он просто включил и транслировал на мостик содержимое

архивной фототеки. Портулак такой мелодраматизм не нравился, но, думаю, она радовалась, что кораблик себя не щадит.

Не помогло. «Лентяй» затрясся, пульт управления предупредил, что двигатель с минуты на минуту выскочит из корпуса.

Я велел кораблю не мучиться. Рев сменился урчанием, потом неодобрительно мрачной тишиной.

— Атешга, вы меня слышите? — спросил я после долгой паузы.

— Он не ответит, — проговорила вместо него Портулак. — Желаемого он уже добился — получил твой корабль со всеми потрохами.

— Выбирайтесь отсюда, отстреливайтесь! — потребовал доктор Менинкс.

— Мы на лунном корабле, — напомнила Портулак, повернувшись к нему. — Представьте последствия использования оружия в такой ситуации.

Вместо ответа, аватар взглянул на нее со злобой и раздражением: мол, это все ты виновата.

— Можно мне переговорить с Атешгой? — спросила Портулак.

— Конечно, если надеешься на ответ.

Она притянула пульт к себе:

— Атешга! Говорит Портулак, владелица «Серебряных крыльев зари». Надеюсь, вы слышите, потому что я хочу сказать нечто важное. Я сомневалась в ваших намерениях с той секунды, как вы вынырнули из местной атмосферы. Сильно сомневалась, поэтому, прежде чем Лихнис затащил нас в капкан, оставила своему кораблю указание. Если не объявлюсь до определенного времени (какого — вас не касается), «Серебряные крылья зари» на аварийной скорости полетят прочь из этой системы.

«Искренне надеюсь, что ты не врешь», — взглядом сказал я Портулак, но опыт подсказывал: она говорит правду.

— Атешга, хотите узнать о другом указании? Корабль передаст подробное закодированное послание в закрытую сеть Линии Горечавки. Да, мы с Лихнисом шаттерлинги. Вы об этом не подумали? Раз спросили, какая цивилизация прислала нас, вряд ли это приходило вам в голову.

Фигура Атешги тотчас появилась снова.

— Такое может сказать кто угодно.

— А говорю я, и я — Горечавка. Атешга, нужно быть осторожнее. Вы увидели два корабля и подумали: «Это не шаттерлинги — шаттерлинги странствуют поодиночке». По сути, вы правы.

Только мы с Лихнисом нестандартные шаттерлинги. Мы сожительствуем. Сожительствуем — значит вместе странствуем, а из этого следует, что у вас огромные проблемы.

— Это еще не доказывает, что ты Горечавка.

— Сейчас докажу. А пока представьте, каково быть нашим врагом. Нас, возможно, уже не тысяча, а лишь восемьсот восемьдесят, не считая Лихниса и меня. Вы наживете восемьсот восемьдесят новых врагов, которых никому не пожелаешь. Врагов, которые не просто знают расположение вашей системы, но и располагают мощнейшим оружием.

— Кто верит угрозам без доказательств?

— Никто, поэтому наша Линия снабжает шаттерлингов паролем-опознавателем. Из космотеки Лихниса мне известно, что шаттерлинг Линии Горечавки посетил эту систему несколько тысячелетий назад. Звали ее Губастик, она представилась вам с помощью пароля, который оставил предыдущий шаттерлинг Линии. При отлете Губастик оставила другой пароль, который выбрала сама и тотчас зарегистрировала во внутренней сети. С тех пор наши шаттерлинги к вам не прилетали, значит пароль не менялся. — Портулак сделала глубокий вдох, явно играя на

публику. — Это слово «пассакалья».

Повисла тишина. Лицо фигуры в плаще было совершенно невозмутимым. Такую ипостась Атешга выбрал, чтобы заманить нас в ловушку. Возможно, истинный он выглядел так, возможно — как огромный организм, парящий под нижним облачным слоем чуть выше океана жидкого водорода.

— Может, вы узнали пароль обманом. Может, поймали и допросили шаттерлинга Горечавки. Может, взломали их закрытую сеть.

— Или, может, мы говорим правду, — подсказала Портулак.

На бесстрастном лице Атешги наконец мелькнуло сомнение.

— Боюсь, произошла маленькая ошибка.

— Да, Атешга, и не маленькая. Вопрос в том, как вы ее исправите.

«Лентяй» накренился — поле ослабло. Я осторожно завел двигатель, опасаясь, что нас снова прижмут, но нет, отпустили. Через южный шлюз я вернул «Лентяя» в вакуумный пузырь, окружающий лунный корабль, активировал собственный генератор защиты и выскочил в бурную атмосферу.

— Мы ждем, — напомнила Портулак Атешге.

— Хорошая скидка проблему не решит?

— Скидки тут явно недостаточно. Нужен подарок. Корабль, например, наверняка нас задобрит.

— Но ведь ни один… — начал я, но Портулак знáком велела молчать.

— Поговорим о пленных, экипаже и пассажирах других кораблей.

— О пленных? — Атешга изобразил недоумение.

— Условимся сразу: если почувствую, что вы темните, тотчас прикажу кораблю переслать сообщение Линии.

— Я просто уточняю, — заискивающе улыбнулся Атешга.

— Тогда поясню. На тех кораблях были пассажиры. Вы вполне могли их убить, но, думаю, предпочли оставить живыми, по крайней мере в стазисе. Хлопот никаких, а пленные — ходкий товар. Какая цивилизация поскупится на разумноситель древней информации?

— Сколько их тут? — спросил я.

— Я хорошо о них заботился… — начал Атешга.

— Покажите, тогда поверю, — оборвала его Портулак. — Доставьте их сюда. Всех, кого сможете.

— Понадобится время.

— Мы никуда не спешим. Разберемся с пленны-

ми, потом о других кораблях поговорим.

— О других кораблях?

— Только что ведь предупредила: начнете темнить…

— Конечно-конечно, о других кораблях! Как раз о них подумал.

— Какие еще корабли? — шепотом спросил я.

— Сейчас увидишь! — прошипела в ответ Портулак.

Как и предполагала Портулак, ждать пришлось, только вряд ли Атешга мог устроить все быстрее, даже если бы захотел. Пленных он держал по одному, по двое, по трое, группами, очень большими группами. Каждый отсек, один ли пленный в нем содержался или целая сотня, состоял из бронированной оболочки с независимым источником питания, генераторами стазиса и защитной оболочки. Целый корабль в отсек не поместится, а капсула со спящим — без проблем.

Выпущенные из чрева лунного корабля отсеки парили в атмосфере как пестрые стеклянные бусинки с разной «начинкой». Иные я опознал как очень старые, иные, из-за незнакомой «начинки», не опознал вообще.

Точь-в-точь стеклянные шарики в игровой дома на Золотом Часе!

— Шаттерлинги здесь есть? — спросил я.

— Ты о Линии Горечавки, досточтимый шаттерлинг? Насколько я помню, нет.

— А других Линий? Кого удалось одурачить?

— Вроде есть Канцлер, Тримейн, Парисон, Зорилла и другие тоже. Но кто есть кто — не поручусь.

Я вздрогнул, сообразив, какая удача вот-вот приплывет мне в руки. Освобождение уже причисленных к погибшим шаттерлингов других Линий невероятно повысит авторитет Горечавок.

— Всех шаттерлингов и тех, кто на них похож, доставьте к грузовому отсеку моего корабля. Места хватит, если отключить генераторы защиты, когда они окажутся под оболочкой «Лентяя».

— А другие кто? — вмешалась Портулак. — Представители молодых цивилизаций? Сбившиеся с пути странники-перерожденцы?

— В основном — да, — ответил Атешга дрожащим голосом: это признание его явно пугало.

— Так, слушайте, — начал я, — приготовьте корабль, в который поместятся все латентные. Загрузите в него их и оборудование, которое продержит их в латентности, пока не доберутся до места. Корабль запрограммируйте так, чтобы

останавливался в пригодных для жизни системах, а мы с Портулак за ним присмотрим.

— Да-да, конечно, — закивал Атешга, словно я предлагал очевидное.

— Теперь покажите другие корабли, — потребовал я, но Портулак подняла указательный палец:

— Погоди! Кого мы пропустили? Шаттерлингов упомянули, перерожденцев упомянули, кто же остался? Не забывайте о том, что случится, если станете темнить.

— Есть еще кое-кто, — нехотя признался Атешга. — Он у меня уже давно.

— Мы тебя слушаем.

— Его зовут Геспер. Он посланник машинного народа.

Я потрясенно покачал головой:

— Вы удерживали в плену посланника машинного народа и все еще живы?

— Тут банальная ошибка. Геспер выдавал себя за биологическое существо, чтобы не привлекать внимания. Знай я, кто он на самом деле, близко бы к нему не подлетел. Раскрыв карты, я, разумеется, должен был идти до конца. Отпустить его я уже не мог.

— Потому что машинного народа вы боитесь больше, чем Линии, — догадалась Портулак, — и

недаром. С нами лучше не ссориться, а уж с ними… Брр, даже подумать страшно.

— Вы с огнем играете, — добавил я. — Отдайте нам Геспера, пока не поздно.

Глава 4

Мы с Лихнисом ждали, пока Атешга все не приготовит, а доктор Менинкс подкрался к моему пульту и зашептал мне на ухо. Голос у него был не громче шелеста листьев.

— Словами не передать, какую ошибку вы совершаете, пуская эту… машину на борт. Ты должна поговорить с Лихнисом.

— Сами с ним говорите!

— Меня Лихнис не послушает. Он знает, что я отреченец, а отреченцы роботов не жалуют. Ты — другое дело. Если начнешь возражать, он задумается.

— А если мне нечего возразить?

— Ты должна возразить! — зашелестел аватар. — Машина на корабле — к беде.

— Геспер не машина. Он посланник машинного народа, попавший в беду далеко от дома.

— А вдруг это происки Атешги? Вдруг этот робот — оружие, которое он внедряет на корабль,

чтобы угнать?

— Определитесь, доктор, вы против Геспера из отреченческих принципов или из подозрений, что он не робот?

— Я против машины по всем мыслимым доводам.

— Машинный народ цивилизованнее многих других. Геспер просто будет еще одним нашим гостем.

— Заводная игрушка, умеющая ходить и болтать! — Арлекинское лицо аватара скривилось от омерзения. — Безумный часовой механизм!

— Не хотите общаться с Геспером — не общайтесь. Если он вам так неприятен, остаток путешествия можете провести в стазисе.

— Для тебя очевидно, что в стазис должен погрузиться я, а не робот? Приятно наконец осознать свое место! Сразу после жестянки, напичканной безмозглыми программами!

— Доктор Менинкс, — с нажимом начала я, — Геспер полетит с нами. Это решено. Как Горечавки, мы не можем отказать ему в помощи.

— Меня машина не увидит. Вы не расскажете ей ни откуда я, ни чем занимаюсь, ни что вообще существую.

— Тогда поменьше высовывайтесь, — посо-

ветовала я. — Если Геспер увидит ваш аватар, неизбежно спросит, кто им управляет.

— Скажите ему просто, что я ученый. Большего ему знать не надо. И пусть к моему резервуару не приближается.

— Зачем Гесперу ваш резервуар?

— Затем, что если он узнает, кто я, а он наверняка узнает, то постарается меня убить.

Я запустила руку в оконце синтезатора и взялась за рельефную рукоять энергетического пистолета. По весу чувствовалось: свежеизготовленное оружие буквально набито хитроумными приспособлениями. Леваторы позволили мне его поднять, но все равно пистолет был тяжелым, как булыжник. Вообще-то, из такого оружия стреляют в силовых доспехах, чтобы погасить остаточную инерцию, но мне не хотелось встречать гостя, самой похожей на робота.

Я запретила себе нервничать, но едва прогоняла одно опасение, на его месте возникало другое. Представители машинного народа пока не нападали на людей, так что пистолет мог показаться излишней, а потому оскорбительной мерой предосторожности. Но я собиралась освободить пленника, который не только обладал сверхчеловеческой скоростью и силой, но и стараниями

Атешги вполне мог обезуметь.

Я искренне надеялась, что пистолет, если придется его использовать, пробьет золотую броню.

— Уверена, что мы поступаем правильно? — спросил Лихнис.

— Нет, ни капли, — проговорила я. — Только освободить Геспера все равно нужно.

Я нажала кнопку и отскочила от вертикального шасси клетки.

Сдерживающее поле ослабевало постепенно — на пол Геспер опускался медленно, как во сне. Вот его ноги коснулись палубы, руки повисли по бокам. Робот стоял, но пару секунд не было ясно, жив ли он или просто балансирует в таком положении. Потом он обратил ко мне золотое лицо и заглянул в глаза.

Восхитительная машина!

Геспер напоминал человека в плотно сидящих доспехах, хотя для человеческого его тело казалось чересчур худым. Аккуратные плоскости и блестящие изгибы черепа. Его лицо сочетало холодную механистичность и болезненную человечность — словно шарж на прекрасного мужчину из древних преданий, отлитый в золоте и хроме. Цвет фасетчатых глаз менялся от опалового до бирюзового в зависимости от

направления взгляда. Квадратный подбородок украшала ямка, а скулы, параллельные хромированные дуги, выступали из-под кожи, словно охладительные элементы. По-моему, его нос не имел функциональной нагрузки — лишь уравновешивал пропорции лица. Пухлые золотые губы скрывали щель со сложным хромированным синтезатором речи. Череп был золотым — за исключением двух панелей из цветного стекла над изящными ушами. Каждую панель покрывала тонкая серебристая паутина, за ней калейдоскопом кружились неяркие огоньки.

Торс впечатлял не меньше, чем лицо, ни одна его часть не нарушала эстетическую гармонию. Рельефная грудь, поджарый хромированный живот, стройные бедра, длинные мускулистые конечности. Совершенство нарушала лишь левая рука — ниже локтя она была толще правой, а кисть массивнее, словно Геспер надел металлическую перчатку.

В общем, торжеству гармонии мешало только это. Люди-машины выбирают себе мужскую или женскую внешность, реже — детскую, еще реже — бесполую. Лицо и тело Геспера не оставляли сомнений, что он мужчина. У него даже гениталии имелись, деликатно обозначенные рельефом.

Ничего грубого и угрожающего — Геспер был произведением искусства, шедевром, объектом желания и восхищения.

Шедевр, но живой. А еще сильный, быстрый, возможно, умнейший и опаснейший из ступавших на борт «Лентяя».

— Кто вы? — спросил Геспер. Пухлые губы шевелились, хотя лицо до этой минуты напоминало застывшую золотую маску. Какой голос! Мелодичный, как птичья трель, превращенная в человеческую речь. Ничего прекраснее я в жизни не слышала.

— Я Портулак, шаттерлинг Линии Горечавки из Союза Линий, а это Лихнис. — Я показала на своего спутника. — Он шаттерлинг той же Линии. Сейчас вы на его корабле. Постчеловек, называющий себя Атешгой, держал вас в плену. Мы только что договорились о вашем освобождении.

— Шаттерлинги, вы меня боитесь?

— Возможно, — ответила я.

— Не бойтесь. На вашем месте я убрал бы оружие. Интеллект у меня распределен по всему телу, одним выстрелом меня не убить. Ранить, возможно, получится, но прежде отраженная энергия нанесет значительный ущерб кораблю. — Геспер медленно огляделся по сторонам.

Голова его поворачивалась с жуткой плавностью пушечной турели. — Вам проще разговаривать на языке Союза? — спросил он, легко переключившись на транс. — Мне это труда не составит.

Мы, шаттерлинги Горечавки, считаем себя непревзойденными знатоками транса. Но Геспер парой предложений разбил мою уверенность.

— Здóрово! — шепнул Лихнис. — Как здóрово!

— Вы прекрасно говорите на трансе, — похвалила я.

— Прекрасно для машины?

— Нет, для любого, для кого этот язык неродной. Извините, я не хотела вас обидеть.

Геспер взглянул на меня мерцающими опаловыми глазами, потом чуть заметно наклонил голову, и они вспыхнули бирюзовым.

— Шаттерлинг, я не обиделся. Не соблаговолите разъяснить мне ситуацию? Вы упомянули некоего Атешгу. Это имя мне смутно знакомо, но я не представляю, как здесь оказался.

— Вы не помните, как попали в плен?

— Отдельные эпизоды помню, а связать их не могу. Помню, что путешествовал. — Геспер прижал ладонь к груди, металлические пальцы не шевелились. — С моим кораблем что-то случилось. Какая-то техническая неполадка.

— Могу предположить, что произошло дальше. В космотеке корабля вы выяснили, что в этой системе есть торговец кораблями. Атешга заманил вас к себе, а потом решил, что забрать ваш корабль выгоднее, чем ваши деньги.

— С вами произошло то же самое?

— Сперва Атешга не понял, что поймал шаттерлингов Горечавки. Мы объяснили ему: если не отпустит нас, будет иметь дело с нашей Линией.

— Угроза нешуточная, — кивнул Геспер. — А как вы добились моего освобождения?

— Выпустив нас, Атешга лишил себя выбора. Просочись информация, что он держит в плену человека-машину, ему пришлось бы еще солонее.

— В таком случае примите мою благодарность. Очень досадно видеть у вас оружие.

— Я опасалась, что вы дезориентированы.

— Ваши опасения обоснованны. Память я повредил. Не подскажете, какое сегодня число?

— Шесть ноль три три, четыре восемьдесят пять по стандартному времени Крабовой туманности. Вы в спиральном рукаве Щита — Южного Креста в системе Неламбия.

— Атешга продержал меня в плену довольно долго. Последняя запомнившаяся мне дата в че-

ловеческом исчислении начиналась с пятерки.

Я посмотрела на клетку. Геспер так и стоял внутри ее, хотя сдерживающее поле уже не действовало.

— Атешга что-то сделал с вашей памятью?

— Я чувствую сбои, которые указывают на сильное электромагнитное излучение. Атешга явно хотел вызвать у меня амнезию, чтобы потом выпустить и не бояться мести. — Геспер взглянул на свою руку, ту, что была больше другой, потом опять на меня. — Простите, шаттерлинги. Мое состояние наверняка сбивает вас с толку. Коль скоро я в вашей власти, могу поинтересоваться, как вы намерены со мной поступить?

— От Атешги мы полетим к системе, где пройдет наш сбор. На последних двух в числе гостей были и люди-машины. Хотите — отвезем вас туда. Если нет, оставайтесь на «Лентяе» сколько пожелаете. — Я сделала паузу, собираясь затронуть деликатную тему. — Конечно, если вы согласитесь посетить сбор, моему положению в Линии это совсем не повредит.

— Это вполне можно устроить. Мы уже улетели от Атешги?

— Кое-что уладим — и улетим. — Я протянула Гесперу руку. — Из клетки можно выйти, если

хотите.

На пухлых губах появилась улыбка. Слишком неестественная и театральная, слишком симметричная, чтобы достоверно отразить человеческие эмоции, но это была улыбка.

— Спасибо, шаттерлинг.

— Зови меня Портулак, и давай на «ты», ладно?

— Хорошо, Портулак. — Из клетки Гесперр вышел осторожно, будто ожидал, что сдерживающее поле включится снова. Он вытянул руки, повернул их вправо, потом влево, словно восторгаясь ими. Тут же вспомнились охотничья кошка, которая была у меня в Палатиале, и копия «Давида» Микеланджело, висевшая в коридоре нашего старого дома. — Портулак, как здорово двигаться! Словами не передать, до чего отвратительно было в плену у Атешги. Реши я отомстить… — Гесперр осекся.

— Гесперр, ты решил мстить? — спросил Лихнис.

— Нет, — ответил робот, — месть для биологических существ, а мы решаем вопросы иначе.

Доктор Менинкс не отреагировал, когда его представили Гесперру, хотя бумажное лицо выражало хорошо продуманное недоверие.

— Мы с Атешгой только что говорили о других

кораблях, — начала я. — Правда, Атешга?

— Все мои корабли вы уже видели, — ответило имаго.

— Атешга, я знаю, что вы сделали с моей памятью, — заявил Геспер, входя в поле зрения имаго. — Вы благоразумно стерли информацию о том, что совершили.

— Я мог тебя убить, — напомнил постчеловек.

— Я учту это, когда вернусь к своему народу и объясню, где был. А пока, чтобы не усугублять ситуацию, советую прислушаться к просьбам шаттерлинга. Раз она хочет увидеть другие корабли, покажите их ей.

Атешга промолчал. Его корабль вылетел из атмосферы, оставив за собой полосу вакуума.

— Куда он понесся? — спросил Лихнис.

— На орбиту, — ответила я.

— На орбите кораблей не было, — возразил доктор Менинкс. — Мы заметили бы их даже за маскировочными экранами. Невидимым корабль не сделаешь.

— Мы их видели, — сказала я. — Точнее, смотрели, но не увидели.

Лихнис сел в кресло и притянул к себе парящий в воздухе пульт. По его команде «Лентяй» вынес нас из атмосферы навстречу «Серебря-

ным крыльям». Мы летели над экваториальной плоскостью планеты и смотрели на ее залитую солнцем поверхность.

— Все равно не понимаю, — признался доктор Менинкс.

— Я тоже, — сказал Лихнис, вглядываясь в планету. — Я вижу лишь…

— …Кольца, — договорила я за него. — Давайте, Атешга, покажите им. Лихнис с доктором сообразительностью сегодня не блещут.

— Что он должен нам показать? — спросил Лихнис.

Тут кольца стали преображаться совершенно невероятным образом. Менялась и текстура, и яркость — сперва появилась прямая линия, которая двигалась с неотвратимостью стрелок часов. За ней кольца становились темнее и будто рыхлее. Раньше на фоне планеты они казались серебристо-белыми лентами, а сейчас напоминали клубы черного дыма.

— Вот где Атешга их спрятал, — пояснила я. — Кольца в основном состоят из мелких ледяных осколков, но корабли-то крупнее. Атешга настроил генераторы их защитной оболочки так, чтобы у пузырей был тот же коэффициент отражения. Сейчас он снял настройки, и отражающая способ-

ность пузырей уменьшилась.

Видела я и сооружения побольше, наверное, все видели. Но в определенном смысле большое есть большое, будь то парящая громада нефритового собора на Лютеции, лунный корабль Второй Империи или гигантский остов механизма Предтеч у Альфы Стрельца.

Эти кольца вместили бы море кораблей.

— Сколько их здесь? — спросила я чуть ли не со страхом.

— Тысяч шестьдесят, — отозвался Атешга. — Я их очень давно коллекционирую.

— Выбирай! — велела я Лихнису. — Если здесь ничего не приглянется, значит искать вообще бесполезно. Уверена, у Атешги тут все типы и модели.

— А я теперь не знаю, — смущенно улыбнулся Лихнис.

— Что не знаешь?

— Стоит ли избавляться от «Лентяя». Разве страшно, что из-за него я на пару встреч опоздал? Главное, я попал, куда хотел, в целости и сохранности.

— Ты совершенно прав, досточтимый шаттерлинг, — вмешался Атешга. — Зачем избавляться от корабля, который служит верой и правдой?

Разумеется, после того, как ты изложишь свои требования, на ремонт уйдет определенное время. Запчасти нужно отобрать, установить на корабль… Работы тут на многие месяцы, если не годы. Не желаете провести это время в стазисе?

— Дельное предложение, — кивнула я. — Но сдается мне, что если мы заснем, то уже не проснемся.

— Придется спать по очереди, — проговорил Лихнис.

Тут послышался мелодичный голос Геспера:

— Необходимости в этом нет. То, что вы называете латентностью, мне не требуется. Пока вы спите, я готов следить за ремонтными работами. Не сомневайтесь, я заставлю Атешгу сдержать обещания.

Мы с Лихнисом переглянулись. Думали мы наверняка об одном: где гарантия, что Геспер — настоящий посланник машинного народа? Атешга, с его коварством, запросто мог использовать его как подсадную утку, как аварийное средство для прижатия нас к ногтю.

— Можете мне доверять, — пропел Геспер, словно прочитав наши мысли. — И сейчас, и всегда.

— Кому ведомы истинные намерения этого существа? — спросил доктор Менинкс.

Разозлившись, я повернулась к арлекину:

— Раз так, дежурить беретесь вы?

— Я… не это имел в виду…

— Ваши подозрения вполне понятны, — сказал Геспер. — Я вас тоже подозреваю. Вы впрямь намерены вернуть меня моему народу или лжете, чтобы подчинить себе? А если вы помогали брать меня в плен?

— Мы не помогали, — отозвалась я.

Геспер примиряюще поднял руку:

— Суть в том, что сразу от сомнений не избавиться. Тут нужно время. Позвольте мне доказать свою благонадежность, проследив, как Атешга держит слово.

— Сможешь присматривать и за «Лентяем», и за Атешгой, чтобы он нас не надул? — спросил Лихнис.

Когда Геспер повернулся к имаго, его глаза сверкали бирюзовым.

— Надувательство исключено, не сомневайся.

Глава 5

Портулак и Геспер сидели за низеньким игорным столом. Призрачные мини-армии схлестнулись на равнине, окутанной дымом и туманом.

Манипуляции в глаза не бросались — игроки командовали своими батальонами как умелые кукловоды.

— Доктора Менинкса не видели? — спросил я, как только вернулся из камеры двигателя.

— Доктор еще спит, или чем он там занимается в своем резервуаре, — ответила Портулак.

— Жаль.

— Ага, жаль.

Несколько сложных жестов Геспера — и его батальон разбился на бесчисленные мелкие подразделения, которые, к вящему неудовольствию Портулак, саранчой налетели на ее солдат. Над затянутой дымом горой появился флажок. Я подумал о Призрачных Солдатах графа Мордекса, штурмующих Королевство на тощих конях.

— Геспер снова разбил тебя наголову, — подвел итог я.

— Как всегда, — сказала Портулак, откидываясь на спинку кресла. — Просила его играть на моем уровне, но он ни в какую.

— Лучше одолеть тебя, чем унизить поддавками, — отозвался Геспер. — К тому же игра отлично тренирует память. Лихнис, с нашего последнего разговора моя оперативная память улучшилась.

— Вот и славно.

Портулак встала и погладила меня по щеке:

— Хватит в игры играть. Нас с тобой работа ждет.

— Ага, нити, — проговорил я подчеркнуто вяло и апатично.

— Откладывать больше нельзя. Мне пора вернуться на «Серебряные крылья» и взяться за дело.

Вообще-то, я собирался именно тянуть и откладывать, причем до последнего. Два дня назад мы улетели от Атешги, двести два дня назад он согласился с нашими требованиями. Под присмотром Геспера работа была выполнена более чем удовлетворительно. «Лентяй» несся вперед чуть медленнее скорости света.

— Лихнис, не хочу отвлекать от дел, — начал Геспер, — но можно задать вопрос?

— Задавай.

— Речь о вашем госте.

— Стараниями Атешги гостей у меня много.

— Я имею в виду доктора Менинкса.

— Так я и думал. Что с ним такое?

— По-моему, доктор Менинкс не одобряет мое присутствие на корабле. Я верно понимаю его отношение?

— Не могу же я заглянуть ему в голову, — по-

пробовал отшутиться я.

— Есть подозрение, что он отреченец. Кто они такие, я помню отчетливо. Отреченцы не считают роботов разумными существами: какое у нас на это право? Самые непримиримые и радикально настроенные из них хотят избавить галактику от искусственного интеллекта.

— Вряд ли доктор Менинкс зашел так далеко.

— Ну, это дело времени, — пробормотала Портулак.

— Так он отреченец? — прямо спросил Геспер.

— Вряд ли это у него серьезно, — уклончиво ответил я. — Линии с отреченцами почти не общаются. Воробейник не привез бы доктора на сбор, если бы подозревал в нем наемного роботоненавистника.

— Доктор Менинкс сильно задерживается. Думаю, он решил, что политика Горечавок не его дело. Вдруг он сейчас показывает свое истинное лицо?

— У доктора были определенные опасения насчет твоего появления на корабле. Он боялся тебя скорее как темной лошадки, а не как робота.

— Ясно. — Судя по тону, Геспер уяснил куда больше, чем я вкладывал в свои слова.

— Я впрямь не вижу повода волноваться. Не хо-

тите видеть друг друга — не надо. Угрозы доктор для тебя не представляет.

— Речь не о страхе. Мне хотелось подружиться с вашим гостем — вдруг он заполнит пробелы в моих воспоминаниях? Портулак говорит, доктор — ученый, летел по научным делам. Мне сразу показалось, что наши с ним дороги схожи.

— Доктор летит на Вигильность, — сообщил я.

— На Вигильность, — эхом повторил Геспер, словно прислушиваясь к слову. — Название знакомое, но откуда — не представляю. А как его научные дела?

— Пока никак. Я мог либо доктора везти, либо лететь на сбор Линии. — Я растянул губы в улыбке. — Взглянем на это с другой стороны: не подвези я Менинкса, не встретил бы тебя.

— А я томился бы в плену у Атешги.

— Вот именно.

— Выходит, невезение доктора Менинкса обернулось для меня удачей. Лихнис, я должен больше узнать о Вигильности. Это название словно ключик к тайникам моей памяти. Теперь еще больше хочется обсудить свое положение с доктором.

— Давай расскажу тебе о Вигильности, — предложил я. — Мне доводилось там бывать. Хочешь взглянуть на мою космотеку?

— С превеликим удовольствием, — ответил Геспер.

Когда скорость «Лентяя» упала намного ниже межзвездной крейсерской, Вигильность стала казаться дырой в бледном сиянии Млечного Пути на пересечении с рукавами Лебедя и Наугольника. В инфракрасном спектре она сияла как маяк — самый яркий на тысячу световых лет. Фотоны видимого спектра в чреве Вигильности теряли энергию, становились тепловыми и разлетались во всех направлениях. Бóльшая часть потерянной ими энергии собиралась и употреблялась для непрерывного сбора и архивации данных. Звезда использовалась как подстанция в подвале библиотеки, как машина для преобразования водорода в информацию.

Вигильность соорудили вокруг звезды солнечного типа, которой оставалось существовать на главной последовательности около миллиарда лет, если в ее ядре не сделать червоточину для дозаправки. Когда-то эту звезду окружала целая система — планеты, кометы, спутники, астероиды, но сейчас не осталось ничего. Все функциональные атомы пошли на создание компонентов роя Дайсона, каковых насчитывается около десяти миллиардов. Предтечи умели

дробить небесные тела и превращать их в несокрушимую оболочку истинной сферы Дайсона. Людям подвластно многое, но все наши попытки создать оболочку нужной жесткости провалились. Максимум на что мы способны — окружить звезду роем тел, которые движутся по своим орбитам, как мошкара вокруг фонаря.

В пятидесяти часах от внешней границы я отправил заявку на приближение и представился шаттерлингом Горечавки. Ответа не последовало. Я притормозил — сравнял скорость «Лентяя» с системной и отправил еще несколько заявок. Действовал я по правилам, сверяясь с космотекой. Когда расстояние до Вигильности сократилось до нескольких часов, я снова притормозил. Теперь остаток пути занял бы год. Я почти не спал — все время бодрствовал, даже к синхросоку не прикасался. Черная сфера медленно приблизилась, поглотив половину моего неба. Ее горизонт был таким плоским, словно «Лентяй» уперся в стену на краю Вселенной. Когда осталось лететь три световые секунды, Вигильность соизволила меня заметить.

Строго говоря, такое расценивается как атака. В «Лентяя» били обжигающие потоки энергии, способные запросто отсечь полкорпуса, пока за-

щитный пузырь не раскрылся полностью. Лететь с заранее раскрытым пузырем я не мог — мои намерения сочли бы враждебными. Однако с позиции Вигильности атака наверняка считалась небольшой проверкой на прочность: стоит со мной возиться или нет.

Я выдержал, и на этом проверкам следовало закончиться, но, пока мой корабль не достиг поверхности роя, Вигильность несколько раз ужесточала критерии отбора. Усиливающийся поток энергии поливал мои заслоны, едва не пробивая их. Представляй я реальную угрозу, сосредоточенная система обороны давно уничтожила бы меня. Но со мной лишь играли, поддразнивали забавы ради.

Вскоре открылся туннель. Орбиты многих тысяч элементов изменились, чтобы образовать темный проход в сердце роя. Как я волновался! Едва туннель закрылся, «Лентяй» стал уязвим для атак с любой стороны. Чем глубже я забирался, тем плотнее смыкались элементы роя, блокируя открытый космос. «Лентяй» передал, что мы в интенсивнейшем инфопотоке. Направляли его не на нас, хотя периодически от шальной пылинки отскакивал фотон-другой и попадал на сенсоры «Лентяя».

Сферы представляли собой искусственные небесные тела — самые крупные диаметром в десятки километров, самые мелкие размером с «Лентяя». Темную гладкость их поверхности нарушали только круговые апертуры сигнальных антенн. Космотека подсказывала: внутри сфер кварковое ядро размером с кулак, а вокруг него концентрические слои устройств по обработке информации. Леваторы с трудом удерживали узлы от саморазрушения. Информация группировалась по степени надежности и полезности. Данные высокой достоверности и те, которые редко нуждаются в коррекции, упрятаны в надежные глубины кварковых ядер. Не слишком удобно для использования, зато защищено от случайного изменения, уничтожения и даже воздействия местной сверхновой. Сомнительная и меняющаяся информация скапливалась в средних и внешних слоях оболочки. В результате перегруппировки данные мигрировали из слоя в слой. Новая информация вводилась извне под чутким руководством кураторов Вигильности. Этих странных медлительных существ видели немногие. Предполагалось, что кураторов столько же, сколько сфер в рое Дайсона, если не больше, но, поскольку они почти не перемеща-

ются ни в пределах роя, ни вне его, их истинное число неизвестно.

Сколько я ни справлялся в космотеках, выяснил лишь, что теорий о кураторах множество, в том числе и противоречивых. Вигильность славится подбором и упорядочением информации, но столь же успешно распространяет дезинформацию о себе.

Я как раз раздумывал о том, какой элемент сомнительных данных добавлю в эту мозаику, когда силовые поля заставили «Лентяя» резко затормозить и остановиться напротив крупной сферы. Мы пролетели половину оболочки. Свет звезды уже сочился сквозь «пол» роя подо мной, его бело-желтое сияние приглушалось до зловеще-багрового.

Над мостиком загремел голос древнее древнейших цивилизаций, безмятежнее времени, медленнее ледников.

— Шаттерлинг, изложи цель своего визита, — потребовал он на трансе.

Ответ я репетировал бесчисленное множество раз:

— Ничего ценного для Вигильности у меня нет. Хочу лишь представить вам свою скромную космотеку и засвидетельствовать почтение от

имени Линии Горечавки, Дом Цветов.

— Желаешь получить доступ к нашим архивам?

— Да, — ответил я, потому что Вигильности врать нельзя. — Но я ни на что не рассчитываю. Как уже было сказано, я прилетел выразить свое почтение.

— Жди, — пророкотал голос, похожий на далекий оползень, — твой запрос рассматривается.

Я ждал.

Ждал неделю. Месяц. Полгода. Шесть с половиной лет. Все это время «Лентяй» не двигался с места — как пришитый.

Когда голос зарокотал снова, я спал. Впрочем, я заранее позаботился о том, чтобы проснуться, как только что-нибудь произойдет.

— Ты допускаешься на узел. Делать пока ничего не надо.

Круговая апертура в элементе роя оказалась диафрагмой, достаточно широкой, чтобы вместить «Лентяя». Поля´ затянули мой корабль в сужающийся туннель и оставили парить в отсеке ожидания. Если верить инерционным датчикам «Лентяя», от погрешностей не застрахованным, центра сферы мы еще не достигли. Стенки туннеля усеивали гладкие, идеально круглые кратеры,

внешние края которых сияли алым. Поля отпустили «Лентяя», но вход в туннель закрылся, и мне оставалось только ждать.

Я снова ждал. На сей раз одиннадцать с половиной лет.

Можно подумать, что для шаттерлинга, странствующего по галактике циклами в сотни тысяч лет, одиннадцать лет — пустяк. Только мы считаем иначе: на отрезки в одиннадцать с половиной лет растрачивается целая жизнь.

К концу ожидания у меня появился спутник. Разомкнулся кратер, и в отсек ожидания влетел яйцеобразный корабль с внешними секциями такой же формы и вытянутым носом. Он был раз в шесть меньше «Лентяя» — семьсот-восемьсот метров в длину. Конструкция оказалась удивительно старой. Бурый корпус местами проржавел, овальные секции соединяли примитивные устройства вроде стыковочных колец на древних кораблях. Корабль проник в отсек и повернулся на девяносто градусов вокруг своей оси. Это удалось ему с трудом, словно физические процессы текли в нем медленнее, чем в «Лентяе». Куполообразная матовая часть корпуса стала сперва белесой, потом прозрачной, как окно, за которым рассеялся дым. Внутри ее просматривалось

непонятное существо, нечто вроде кожистого, биологически выращенного механизма.

Нечто оказалось лицом, взирающим на меня из-за стеклянного забрала. Чувствовалось, что давным-давно оно было человеком. А сейчас… Лицо словно высекли из камня, на миллиарды лет подставили всем ветрам, вот черты и стерлись; глаза метров десять диаметром, само лицо раз в десять шире, рот — темная неподвижная расселина в сероватом граните плоти. Нос и уши превратились в едва заметные неровности. Голова расширялась книзу, к шее, которая скрывалась за соединительным кольцом у основания куполообразного шлема и переходила в огромное тело.

Гигант моргнул — словно прокрутили замедленную запись астрономического явления вроде затмения краткопериодической двойной звезды: веки смыкались несколько минут, потом так же медленно разомкнулись. Глаза смотрели на меня, но ни сосредоточенности, ни интереса во взгляде не было.

Затем он приблизился. Внешние секции оказались рукой с огромными, как деревья, пальцами, которые стиснули «Лентяя», — я услышал, как они гремят по корпусу. «Лентяй» почувствовал мое настроение и счел за лучшее ответных мер

не принимать.

Куратор хотел лишь потрогать «Лентяя». Несколько часов он водил рукой по кораблю, ощупывал, поглаживал, словно убеждаясь, что это не призрак, а потом отстранился.

Снова зарокотал голос, которого я не слышал одиннадцать с лишним лет. Куратор времени явно не ощущал.

— Шаттерлинг, ты один. Ты прилетел один.

— Мы странствуем поодиночке. Ну, если гостей нет. Спасибо, что пустили меня сюда.

Голос рокотал, а на лице гиганта не дрогнул ни один мускул. Впрочем, я не сомневался, что говорю с куратором. Насчет других не знаю, но речевую функцию его рот явно не выполнял.

Гигант не шевелился, лишь каждый час хлопал жуткими глазами-озерами.

— Шаттерлинг, ты очень терпелив.

— Да, куратор, мне советовали запастись терпением. — Я знал, как легко прогневить Вигильность, считал каждое слово гранатой, которую могут швырнуть мне в лицо. — Это правильное обращение?

— Для тебя — да, — ответил куратор. — Тебя называют только шаттерлингом Горечавки или есть другое имя?

— Я Лихнис.

— Расскажи о себе, Лихнис.

Так куратор услышал мою краткую биографию.

— Родился я шесть миллионов лет назад одним из клонов Абигейл Джентиан, Горечавки. В самых ранних своих воспоминаниях я маленькая девочка, живущая в огромном страшном доме. Дело было в тридцать первом веке на планете Золотой Час.

— Ты прожил долгую жизнь, дольше многих разумных существ, включая Предтеч.

— Мне очень-очень повезло. Повезло родиться в Линии Горечавки. Повезло прожить столько лет, практически их не почувствовав.

— Разве долго жить — это плохо?

— Я не об этом. Мозг у меня почти такой же, как у древних людей в их бытность охотниками-собирателями. Усовершенствовали его лишь для обработки воспоминаний и приема нитей — сообщений других шаттерлингов. Но глубинных структур Абигейл не меняла. Мой мозг попросту не приспособлен для столь длительного существования.

— Ты сойдешь с ума.

— Ну, помощь специалиста точно понадобит-

ся.

— Тебя наверняка интересует, как справляемся мы. Кураторы славятся долголетием. В отличие от вас и поздних краебежцев мы не сжимаем время, чтобы века протекали быстрее.

— Видимо, вам и так неплохо.

— Ты уверен?

— Само существование Вигильности доказывает, что сложности гипердолголетия вы преодолели. Ни одна звездная цивилизация не существовала так долго.

— Кому нужна недолговечная Вигильность? Долгую службу мы несем в полном одиночестве, впрочем с самого начала понимая: потребуется терпение и готовность к долгим наблюдениям.

— Вы — ровесник Вигильности?

— В этом случае, шаттерлинг, мне было бы пять с лишним миллионов лет.

— Мне почти шесть.

— На самом деле нет. Родился ты давно, но по-настоящему прожил лишь пару десятков тысячелетий. Ты как книжный червь, пробуравивший страницы истории, согласен?

— Какое меткое сравнение!

— Ровеснику Вигильности пришлось бы пропустить все эти годы через себя. Я стал бы древней-

шим организмом в галактике.

— Разве это не так?

— Я не старейший куратор и до сих пор расту. Все кураторы растут. На заре своей цивилизации мы нашли рецепт биологического бессмертия. Постоянный рост — необходимое условие. Существуют другие способы, но мы остановились на этом.

— Есть кураторы крупнее вас?

— Разумеется, только ты их не увидишь. Они живут в самых больших узлах с самыми важными ядрами, но из-за размера не могут двигаться. У них головы с этот отсек, а невероятная мудрость сопряжена с такой же невероятной медлительностью. Здесь ничего не поделаешь: синаптический путь у них в сотни метров и элементарная мысль формулируется по нескольку минут. Общаться с ними немного… утомительно. Думаю, ты меня понимаешь. С твоей точки зрения… Нет, хватит об этом, ладно?

Встреча с гигантом меня не смутила, хотя разобраться во впечатлениях удалось не сразу. В космотеке содержалось много информации о размерах кураторов, но она была так противоречива, что доверия не вызывала. После отлета с Вигильности я поневоле должен был внести вклад в

общую сумятицу, а следующий путешественник, скорее всего, увидит нечто совершенно иное.

— Вы постоянно носите скафандр? — спросил я.

— Нет, не постоянно. Вряд ли ты в курсе, но дышим мы не воздухом, а жидкостью. В определенных условиях мы выживаем без скафандров, хотя оборудовать каждый узел компрессионной камерой слишком хлопотно. Со временем мы вырастаем из скафандра и перебираемся в больший, оставленный куратором постарше. Я живу в этом скафандре более сотни тысяч лет, и он мне еще не тесен. Прежде его носили множество кураторов. «Старый», — скажешь ты. Зато он очень крепкий и прослужит еще не одному.

— Другие Горечавки считают мой корабль старым, а мне он нравится.

— Вот, это самое важное.

— Куратор, не желаете взглянуть на мою космотеку? Ничего интересного вы в ней не увидите, но должен же я вас чем-то отблагодарить!

— Космотека транспортабельна? В твой корабль я точно не помещусь.

— Я могу ее вынести.

— Меня это вполне устроит. Приготовься и выноси ее. Не торопись — у нас тут спешка не

в почете.

Я предчувствовал, что понадобится скафандр, и заранее дал синтезатору соответствующие команды. В скафандре у меня началась клаустрофобия, я даже мазохистом себя почувствовал. Перебрасывание куда проще.

Скафандр старательно под меня подстраивался. Я выплыл из заднего шлюза — давненько его не использовали! — и прежде, чем нырнуть в вакуум отсека ожидания, глянул на корпус «Лентяя», покрытый боевыми шрамами и царапинами. Новые шестиугольные чешуйки уже пробивались на обшивке и сливались в кружево свежего эпидермиса. В правой руке я сжимал рифленый фиолетовый цилиндр космотеки. Посредине — в месте, где космотека соединялась с кораблем, — блестел золотой поясок интерфейса. Казалось, я несу нейтронную звездочку, полную знаний и мудрости.

— Шаттерлинг, долго ли этот скафандр способен тебя поддерживать?

— Надеюсь, достаточно долго.

— Вели кораблю ждать твоего возвращения. Он ведь может обходиться без пилота?

— Уже велел.

— Доверься мне и держись.

Куратор протянул руку и осторожно сомкнул пальцы вокруг моего тщедушного тела. Скафандр заскрипел — меня вместе с космотекой потащили к огромному лицу. Лишь тогда в кольце, соединяющем шлем куратора с торсом, я заметил сопло. Открылся шлюз, и меня затянуло в небольшой трюм. Вытесняя вакуум, хлынула соленая розовая жидкость. Скафандр провел анализ: окружающая среда кишела длинноцепочечными молекулами.

Открылся второй шлюз, и розовая жидкость понесла меня дальше. Чтобы притормозить и сориентироваться, пришлось работать руками и ногами. Как выяснилось, я попал в шлем и плавал между забралом и подбородком куратора. Его мерное дыхание напоминало прилив и отлив спокойного моря. Розовый поток поднес меня к бреши невероятного рта. Губы казались глыбами песчаника, обточенного подземными реками.

— Шаттерлинг, как ты? Если что-то не так, скажи.

— Все хорошо.

— Попав сюда, многие ропщут.

— Вы не хотите меня обидеть. Иначе давно обидели бы.

— А если я хочу тебя съесть? Об этом ты думал?

— Раз вы об этом заговорили…

— Нет, я не хочу тебя есть, по крайней мере не в общепринятом смысле. Мне нужно тебя проглотить. Зачем — поймешь через пару секунд. Обещаю, ничего плохого не случится, внутри меня ты пробудешь недолго.

— Тогда я должен поверить вам на слово. — Рот раскрылся настолько, что я проплыл между губами. — Куратор, — позвал я, падая в бездонный котлован, — простите за нескромный вопрос, но какие у вас гарантии, что я сейчас не причиню вам вреда?

— Даже уничтожь ты весь узел, большой беды с нашим банком данных не случится и ничего ценного не пропадет.

— Я мог попробовать.

— Тебя проверили тщательнее, чем ты думаешь. Возможности твоего корабля нам прекрасно известны. Оружие на нем есть, но явно не для военных целей. Скафандр твой не представляет совершенно никакой опасности.

— А я сам?

— Мы и тебя досконально изучили. Обнаружили только мясо, кости и немного безвредных механизмов. Разумеется, космотека может оказаться бомбой, но к такому риску мы готовы. Без риска новые знания не добыть.

Жидкость, проглоченная куратором, несла меня по его горлу. В свете фонаря скафандра упругий листок надгортанника казался зловеще-лилово-розовым. Раз! — и вход в гортань закрылся: меня направляли в желудок, а не в легкие.

Пищевод куратора сжимался — перистальтика увлекала внутрь глото́к жидкости, в которой я плавал. По сужающемуся каналу я попал в теплую затопленную полость и решил, что очутился в нижнем отделе живота куратора, хотя где именно — не представлял. Не факт, что внутренние органы этих существ соответствовали человеческим, даже с поправкой на размер.

Я огляделся и подметил особенности пищеварительного тракта. Полость имела форму полусферы с входным отверстием у полюса. Жесткие блестящие образования, не то костные, не то хрящевые, расходились от отверстия и покрывали стенки. Грудная клетка двигалась ритмично и очень медленно, словно гигантские легкие работали где-то выше, за метрами брюшной стенки и плевральной полости.

Самым необычным — я сразу подумал, что в моем организме подобного нет, — была стенка напротив выпуклой части. Она поросла извивающимися щупальцами, похожими на анемоны.

Раза в два-три длиннее меня, щупальца терлись друг о друга, стробировали и переливались завораживающе яркими цветами, некоторые сгибались пополам, пряча концы среди мерцающих соседей. Я подплыл ближе и в брешах между ними увидел темные штуковины, глубоко воткнутые в мясистую стенку. Штуковины имели форму цилиндра, куба, яйца. Согнувшиеся щупальца присосками крепились к их корпусам или погружались внутрь через отверстия в оболочке.

Космотеку я по-прежнему держал при себе. Команд не поступало, и я легонько подтолкнул рифленый цилиндр — пусть плывет. К нему тотчас потянулся добрый десяток щупалец. Их концы подрагивали, как носы зверенышей, льнущих к материнским сосцам. Цилиндр космотеки упал, и щупальца начали за него драться.

— Добро пожаловать в мое чрево, — проговорил куратор. — Это интерфейс моей нервной системы. Интерфейсов у меня несколько, только нам и этого хватит.

— Темные штуковины тоже космотеки?

— Да, или что-то вроде того. Бóльшую часть отдали хозяева. От тебя я такого жеста не жду, но заглянуть в твою хочу.

К золотому кольцу интерфейса моей космотеки

прилепилось щупальце. Оно замерцало разными цветами и завибрировало от кончика к мясистому корню.

— Вы читаете мои материалы?

— Процесс пошел. Закончу я не скоро, спешить тут нельзя. Все данные осядут у меня в голове. Сейчас я буфер между твоей космотекой и Вигильностью. Мы очень боимся порчи данных.

Тем временем три щупальца присосались к моему скафандру. Меня брали в плен, причем незаметно, чтобы я не разобрался в обстановке. Раз! — и я вырвался.

— Куратор, можно вопрос?

— Конечно. Что плохого в вопросе?

«Много чего», — подумал я. Куратор сам признал, что безобидное получение информации порой рискованно.

— О Вигильности нам известно очень мало.

— Здесь побывало столько шаттерлингов, неужели они не удовлетворили ваше любопытство?

— Вопросов еще хватает.

— И ты решил, что сможешь на них ответить?

— Я должен попробовать. Это мой долг перед Линией и Союзом.

— Тогда не стану мешать тебе, шаттерлинг.

Казалось, я на цыпочках стою на краешке пропасти, еще дышу, и это уже здорово. Меня допустили в рой, допустили в информационный узел, удостоили встречи с куратором. Немногие странники достигли такого успеха, по крайней мере из числа вернувшихся.

— Нам давно известно, что Вигильность собирает информацию обо всей галактике, обо всей метацивилизации. На первый взгляд это говорит о вашей беспристрастности: конкретной темы вы не придерживаетесь.

— Такой вывод вполне понятен.

— Однако, присмотревшись, мы обнаружили признаки направленного поиска. Все странники, вернувшиеся с Вигильности, — и невредимые, и с расстроенной психикой — твердят, что определенным темам уделяется повышенное внимание. Статистический анализ ваших многовековых исследований показывает, что есть направление, которое вам важнее остальных.

— Какое же?

— Андромеда, — ответил я. — Точнее, Пустошь. По большому счету, можно сказать, что Вигильность преследует одну-единственную цель. Вас интересует все, что касается исчезновения туманности Андромеды и связанных с ним событий.

— Пустошью интересуются многие цивилизации, что совершенно не удивительно.

Я осмелился покачать головой, хотя неизвестно, заметил ли это куратор.

— Правда то, что все с тревогой думают о Пустоши и гадают, почему она появилась. Но дальше не продвинулся даже Союз Линий. Есть пара исследований, пара теорий — и только. Мы просто научились жить, игнорируя Пустошь. Это чистейший эскапизм, глупый и трусливый, но что поделаешь? Исчезновение Андромеды — самое значительное событие на нашей памяти. Даже поняв его суть, мы не сможем предотвратить подобное явление. Это проявление силы, которая выше нашего понимания, хоть промыслом Божьим ее называй.

— Возможно, так оно и есть.

— Господь уничтожил целую галактику, чтобы люди не впали в грех гордыни?

— Даже если это Промысл Божий, хотя наши данные эту теорию не подтверждают, — говорить так о Пустоши неправильно. Андромеда сейчас не видна, но там определенно что-то есть. Есть звезды, которые образование Пустоши не затронуло. По сути, Пустошь правильнее называть Окклюзией.

— Боюсь, название уже прижилось, — проговорил я, но, подумав над словами куратора, решил, что он прав. Согласно исследованиям Союза Линий Андромеда не пропала, а скорее исчезла из виду — не отражает излучение Вселенной, вплоть до микроволнового фонового, так же как рой Дайсона блокирует свет Млечного Пути у Вигильности. Однако на ее месте осталась не галактика, а нечто вроде норы, поглотившей пространство, черной кляксы с острым, как бритва, краем горизонта событий[2]. Такое и черной дырой не назовешь. Как сказал куратор, вокруг кляксы-норы до сих пор вращаются звезды и поодиночке, и скоплениями. Только их орбиты не реагируют на близость черной дыры, то есть не проявляется эффект Лензе — Тирринга[3]. Звезды двигаются, словно Андромеда не исчезла.

Что означает появление этой кляксы, никто не понимал. Пугающе ясным представлялось одно: Андромеда — галактика вроде нашей. Там, как

---

[2] Примечания: 2

Горизонт событий — граница черной дыры, за которую не может вырваться никакой объект или излучение.

[3] Примечания: 3

Эффект Лензе — Тирринга (увлечение инерциальных систем отсчета) — явление в общей теории относительности, наблюдаемое вблизи вращающихся массивных тел. Эффект проявляется в появлении дополнительных ускорений, сходных с ускорением Кориолиса, то есть сил, действующих на пробные тела, двигающиеся в гравитационном поле.

и на Млечном Пути, могла существовать жизнь. Возможно, жизнь там продолжалась до самого возникновение Пустоши. Все боялись, что, если потерять бдительность, случившееся в Андромеде повторится у нас.

— Часть шаттерлингов видят в этом меру предосторожности, — сказал я. — Мол, жители Андромеды возвели стену, чтобы защититься от нас. Посмотрели они, как мы расселились по этой галактике, и испугались.

— За такой стеной они как в тюрьме. Зачем им себя мучить?

— Это лишь теория. Уверен, у Вигильности есть более состоятельная.

— Конечно, и далеко не одна. Разве стену так быстро построишь? Целой галактике пришлось бы действовать сообща, а это совершенно непостижимо. Неужели нас испугалась бы цивилизация с такой скоординированностью?

— Не знаю.

— Шаттерлинг, тебя интересует Пустошь? Ради нее ты сюда прилетел?

— Я прилетел засвидетельствовать почтение от имени Линии Горечавки. Все остальное вторично.

— Ты не ответил на мой вопрос. — В голосе

куратора появились угрожающие нотки.

У меня аж пот на лбу выступил.

— Да, интересует, но это лишь способ получше узнать вас. Я уже говорил, что Союз Линий предпочитает игнорировать Пустошь, поэтому новые данные и новые теории нам не очень нужны. Считается, что исследовать ее бесполезно. Это как бороться со смертью, которой все равно не избежать.

— Что в нас такого интересного?

— Пожалуй, долголетие. У Линий есть понятие перерождения. Галактические цивилизации, как волны, появляются и исчезают на наших глазах. Долгое время мы считали себя единственными образцами постоянства, но пригляделись к Вигильности и поняли, что это не так.

— Наша культура существует очень давно. Вы же не вчера нас заметили.

— Да, но мы слишком долго считали вас любопытной аномалией и, разумеется, ошибались. Вигильность не просто звездная цивилизация, которая не вымерла. Вы — общество, которое планировало долго существовать и приложило максимум усилий, чтобы план осуществился. Я уже видел рои Дайсона, но ни один из них не сравнится с вашим по эффективности. Работу вы

проделали колоссальную — каждый камешек преобразовали. Вы и себя подвергли мутациям. Вы, кураторы, отважились на кардинальные изменения — кто теперь узнает людей, которыми вы были раньше?

— Во Вселенной есть существа диковиннее нас.

— Верно, есть, например краебежцы. Но они стали диковинными в результате миллионов случайных мутаций, то есть неосознанно. Плана у них не было. Вы же наверняка с первого дня понимали, какими станете. Понимали, что мутируете в неповоротливых гигантов, которые непрерывно растут. Это самое интересное, ведь получается, цели и задачи Вигильность наметила задолго до появления Пустоши. Исчезновение Андромеды застало врасплох всех, но не вас — вы его ждали.

— Мы испугались не меньше других. Наши данные ничего подобного не предвещали.

— Но Андромеду вы исследовали. Может, не ожидали появления Пустоши, но наблюдали не просто так.

— Это ближайшая наша соседка, поэтому она и привлекла внимание.

— В Местной Группе есть и другие галактики, —

возможно, в некоторых существует жизнь. Ими вы тоже интересовались, но не так активно, как Андромедой.

— Не знаю, что сказать тебе, шаттерлинг.

— Мы считаем, что вы обнаружили артефакты Предтеч Андромеды — астротехнику, сферу Дайсона и тому подобное. Они не стремились общаться с нами, просто не могли стать незаметными. Нам пришлось бы странствовать по космосу два с половиной миллиона лет, прежде чем Предтечи нас увидели бы, поэтому вполне вероятно, что они считали Местную Группу своей. Появившись слишком поздно, Предтеч Млечного Пути они не застали или сочли окончательно вымершими. Так или иначе, увидев нас, Предтечи Андромеды встревожились. Союз Линий полагает, что Вигильности велели наблюдать за Андромедой и ее Предтечами, чтобы определить, враги они или друзья. Никого не пугало, что исследование может занять миллионы лет: быстрее галактическую цивилизацию не изучишь. Возможно, вам поручили собирать данные пять-шесть миллионов лет, а потом избрать дальнейшую тактику, вплоть до упреждающего удара, первого в межгалактической макровойне. — Я улыбнулся не столько куратору, сколько себе:

хотелось успокоиться. — Ну, тепло или холодно?

— Ваша теория вполне обоснована.

— Вполне, но не совсем. Если вы просто следите за Предтечами Андромеды, зачем столько секретности?

— Сейчас мы с тобой предельно откровенны.

— Да, но вдруг вы модифицируете мне память, прежде чем отпустить? Будь дело в Предтечах, вы бы не лукавили. О такой проблеме знали бы все, включая шаттерлингов и перерожденцев.

— Секретность важнее, чем ты думаешь, — возразил куратор. — Одна культура вряд ли решится на кардинальные действия, а стань информация о Предтечах Андромеды общедоступной, вероятность увеличится многократно.

— Мы навели бы порядок, если бы понадобилось.

— Не уверен. Если бы перерожденцы собрали военный флот и отправили к Андромеде, еще не факт, что шаттерлинги успели бы его остановить. Даже если их цивилизация исчезнет, флот, защищенный сжатием времени, продолжит путь. Если скорость кораблей близка к скорости света, их не догнать.

— Согласен, повод для секретности есть. Но перерожденцы отнюдь не глупы. Кто-нибудь

понаблюдал бы за Андромедой и увидел бы те же артефакты Предтеч.

— Признаки могли оказаться столь ничтожными, что для их обнаружения понадобился бы весь разведывательный арсенал Вигильности. В любом случае перерожденцы больше интересуются ближайшими соседями по галактическому диску, чем происходящим в двух с половиной миллионах световых лет от них.

Куратор не отрицал, что Вигильность активно исследует Андромеду. Что ж, хоть крупицу нового я Горечавкам принесу. Невелика важность, но наши доводы подтвердятся, а излюбленная теория Союза станет весомее.

— Спасибо, что обсудили со мной эти темы, — поблагодарил я, чувствуя, что дальше расспрашивать неразумно.

— Не за что. Мы всегда уважали шаттерлингов и ценили их умение хранить секреты.

— Я сообщу Линии обо всем, что здесь со мной случилось.

— Так я и думал. — «Потолок» полости взлетел и натянулся, как парус на ветру, — видимо, куратор очень глубоко вдохнул. — Теперь к делу, если можно так выразиться. Я просмотрел содержимое твоей космотеки.

— Надеюсь, вы не слишком разочарованы.

— Ты преуменьшаешь ее ценность. В ней есть данные, которые интересуют нас хотя бы отчасти.

— Рад, что вы не зря потратили время. Копируйте все, что вам нужно.

— Сколько ты за это просишь?

— Нисколько. Мне позволено выдать вам любую информацию в знак дружбы и благодарности Линии Горечавки, которая надеется и впредь поддерживать с вами теплые отношения.

— Шаттерлинг, по-моему, так несправедливо.

— Разве справедливо взимать плату за устаревшую информацию?

— Неустаревшей информации вообще не бывает. Устаревают даже фотоны, достигающие твоих глаз. Вроде бы смотришь на реальные предметы, но неизвестно, существуют ли они до сих пор. Пока фотоны летели, предметы могли безвозвратно исчезнуть.

— Согласен, но плату с вас не возьму.

— Тогда Вигильность сама решит, как тебя отблагодарить. Ты явился сюда как посланник, но вряд ли откажешься от шанса познакомиться с нашими архивами.

— Не откажусь, — осторожно проговорил я,

опасаясь, что излишнее рвение погубит золотой шанс.

— Я посоветовался с другими кураторами. Если содержимое твоей космотеки пройдет стандартную проверку, мы откроем тебе временный доступ. Ты сможешь ознакомиться с данными внешнего уровня для изучения и записи. С данными второго уровня — без права записи, с внесением в память только с использованием обычных мнемонических модулей. К данным третьего уровня и ядра ты не допускаешься.

— Любой вариант превосходит мои ожидания. Вы очень щедры, и я с удовольствием соглашаюсь.

— Очень хорошо. С твоего разрешения, шаттерлинг, космотека останется в моем чреве до завершения проверки.

— Да, конечно.

— Отлично. Наружу выберешься через мой нижний пищеварительный тракт. Выход сейчас откроется.

На моих глазах среди щупалец проступил блестящий туннель, которого я прежде не видел.

— Как покинешь прямую кишку, к забралу можешь не возвращаться. В нижней части моего скафандра есть очистительный патрубок, — объ-

яснил куратор.

— Благодарю… за подсказку, — проговорил я.

— Возможно, такое быстрое достижение результата не слишком разумно, но твоя космотека прошла проверку, и доступ к архиву ты получишь немедленно. Если нет необходимости возвращаться на корабль, можешь сразу приступить к изучению.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Вы упомянули, что доступ будет временным. Не подскажете ли хотя бы приблизительно, когда его срок истекает?

— Шаттерлинг, на Вигильности ты впервые. Мы с тобой славно поладили, но развивать отношения стоит постепенно. Двухсот лет тебе для начала хватит?

Глава 6

Я подняла тост за Геспера, чье золотое лицо дробилось в гранях винного бокала. Робот сидел на противоположном конце стола, доктор Менинкс — справа от него, мой собрат-шаттерлинг — слева.

— За тебя, Геспер! — провозгласила я. — За успешное восстановление твоих воспоминаний,

за возвращение к машинному народу, за будущее и за великие свершения, которых мы добьемся сообща!

— За Геспера! — поддержал меня Лихнис и одним глотком опустошил полбокала.

Геспер поднял свой бокал и, кивнув, отхлебнул столько, что стало ясно: вино он выпил, а не держит во рту для отвода глаз.

— Спасибо! Здорово быть среди друзей. Вы очень гостеприимны.

— И тем не менее… Если чего-то не хватает, если нужна помощь…

— Все хорошо, Лихнис. Не считая повреждений, полученных по вине Атешги, я полностью исправен. Даже прошлое понемногу вспоминается.

— Правда, вспоминается? — уточнила я.

— Да, но медленно. Повреждения велики, но и функции авторемонта у меня на высоте.

— Раз уж заговорили о повреждениях, я все смотрю на вашу руку, — вмешался аватар доктора Менинкса.

— На мою руку?

— Да, на левую. Она куда больше правой, неужели не замечали?

Геспер заерзал, поочередно взглянув на нас с Лихнисом:

— Доктор, вас это беспокоит?

Арлекин откинулся на спинку стула:

— Почему это должно меня беспокоить?

— Потому что вы завели этот разговор.

— Да я просто тревожусь за вас.

— Очень любезно с вашей стороны, но, уверяю, причин для тревоги нет. Мой организм работает в стандартном режиме, без сбоев и отклонений.

Мы сидели в столовой Лихниса в паре сотен метров за мостиком «Лентяя». Благодаря имитации окон казалось, что мы в гондоле, висящей под изогнутым корпусом корабля. Лихнис даже включил имитацию звезд, и мы словно летели в потоке солнц. Звезды неслись по стенам столовой, порой вместе с вращающимися планетами.

— И все равно… странно, — не унимался доктор Менинкс. — Но хватит об этом. Не желаю привлекать внимание к вашим дефектам. Думаю, от них вам и без того мало радости.

— Вы очень тактичны, доктор, — отметил робот.

— Геспер, всем нам очень интересно, что ты вспомнил, — начал Лихнис после неловкой паузы. — Данные о Вигильности чем-нибудь помогли?

Аватар доктора Менинкса наклонился к Гес-

перу, согнувшись в поясе, как переломленная игральная карта:

— Чем вас может привлечь Вигильность?

— У Геспера такое же право интересоваться, как у вас, — проговорила я.

— В том, что касается Вигильности, авторитет доктора для меня непререкаем, — отозвался Геспер, чуть заметно кивнув Менинксу. — Точно я о ней знаю лишь то, что почерпнул из космотеки Лихниса. Сведения весьма интересны, но я не могу отделаться от ощущения, что изучал Вигильность и раньше.

— Вдруг она связана с твоей миссией? — предположил Лихнис.

— С какой еще миссией? — спросила я, чтобы снова не вмешался доктор.

— Может быть, — неуверенно ответил Геспер. Я заметила, как ногтем большого пальца он скребет по бокалу, вверх-вниз, вверх-вниз, так быстро, что отдельных движений не отследить. Похоже, сам Геспер не осознавал, что делает. — Точно могу сказать одно: за хаосом воспоминаний я чувствую насущную потребность, важное задание, которое я должен был выполнить, но не успел. Впрочем, я могу ошибаться. Вдруг я просто турист, странствующий по Вселенной в поиске

новых впечатлений? Ну, почти как вы…

— Но раз ты чувствуешь насущную потребность… наверное, есть причина, — заметила я.

— Не могу избавиться от ощущения, что куда-то сильно опаздываю. — Геспер перестал скрести бокал, чуть наклонил его и покачал. С минуту он завороженно наблюдал за переливами вина, словно в жизни не видел ничего прекраснее. — Надеюсь, что возвращение к своему народу меня успокоит, а пока я радуюсь вашему гостеприимству. — Геспер поднял бокал. — Еще один тост. За долголетие и процветание Линии Горечавки! Пусть славится она еще долгие-долгие века!

Мы с Лихнисом тоже подняли бокалы и чокнулись. Я укоризненно смотрела на доктора Менинкса, пока он к нам не присоединился.

— Надеюсь, тебе понравится Тысяча Ночей, — сказала я. — Не знаю, каким получится этот сбор, но гарантирую, что лучше ни одна другая Линия не устраивает. Мы веселиться умеем.

— Вы собираетесь погрузиться в латентность? — спросил Геспер.

— Нам с Лихнисом нужно кое-что подготовить, прежде чем мы уснем.

— Байки сочинить, — с неприкрытым восторгом подсказал доктор Менинкс. — Подчистить

нити, стереть одни воспоминания, подделать другие — и все ради того, чтобы скрыть, что они любовники. Разумеется, мне известна вся грязная правда, так что их кривляния бесполезны.

— А нам известно, что вы отреченец, — напомнила я. — Помните об этом, когда вздумаете болтать с другими шаттерлингами. Вряд ли вас примут с распростертыми объятиями, если узнают, какой вы мерзкий фанатик.

— Доктор сгущает краски, — проговорил Лихнис, широко улыбаясь. — Мы не лепим себе алиби, а лишь слегка подтасовываем факты. Может, это ни к чему, но если сведем наше общение к паре встреч, то, вероятно, отделаемся хорошим нагоняем со стороны Линии.

— А это не рискованно?

— Еще как рискованно, — кивнул Лихнис, — но выбора у нас нет.

— Когда стираете воспоминания из нити, так сказать, удаляете их из открытого доступа, что происходит с воспоминаниями у вас в голове? Они тоже стираются?

— Нет, собственные воспоминания мы не стираем, — ответила я, проигнорировав смущенный взгляд Лихниса. — Хотя при желании могли бы: ничего сложного в этом нет. Лихнис вот считает,

что разумнее их стирать.

— Простите, — сказал Геспер, — я не хотел поднимать щекотливую тему.

— Ничего страшного, — со вздохом отозвалась я. — В девяноста девяти случаях из ста я с Лихнисом соглашаюсь. Единственное, в чем мы не единодушны, — ладно, один из нескольких случаев — проблема «криминальных» воспоминаний. Я за то, чтобы их хранить. Лихнис за то, чтобы стереть, тогда, мол, ни Овсяница, ни Чистец, ни другой шаттерлинг не используют их против нас. Черт подери, он прав. Только зачем чувствовать, если потом не помнишь собственное чувство? — Я взглянула на свой опустевший бокал. — Самой увидеть что-то прекрасное уже здорово. Если прекрасное видят двое, если они держатся за руки, обнимаются и чувствуют, что запомнят это на всю жизнь, но каждый по убогой половине, а воедино воспоминание сложится, лишь если они встретятся и станут говорить или думать об этом… Такое дороже, чем один плюс один, дороже в два, в четыре, в немыслимое число раз. Лучше умереть, чем потерять эти воспоминания!

— Портулак, твоя убежденность просто восхитительна. Я не ценил воспоминания, пока не утратил свои.

— Пожалуй, нужно скорректировать состав жидкости у меня в резервуаре, — пробурчал доктор Менинкс. — Что-то меня тошнит.

— Я с удовольствием спущусь и помогу вам, — сказал Геспер.

— Он угрожает мне! — завопил бумажный арлекин. — Слышали? Он мне угрожает!

Геспер поднялся:

— Думаю, мне лучше уйти. Очевидно, доктор Менинкс в плену своих гадких фантазий. Очень жаль, ведь меня наш разговор вдохновил.

— Правда? — спросила я.

— Конечно, очень вдохновил. Еще недавно, когда мы обсуждали происхождение моего народа и мою предполагаемую миссию, у меня в памяти неожиданно всплыл один факт. По-моему, он очень важен. Надеюсь, вас не огорчит то, что я сделал.

— Что ты сделал? — спросила я.

Геспер поднял бокал и медленно повернул на сто восемьдесят градусов, чтобы показать нам маленький, но сложный рисунок на стекле. Даже через стол я видела, насколько он подробен и какими чистыми, тонкими линиями его вырезали — словно не ногтем, а лазером. Я вспомнила, как Геспер скреб бокал. Похоже, он медленно пово-

рачивал его, а большим пальцем выцарапывал двухмерное изображение растровыми линиями. И все это время робот казался поглощенным разговором с нами.

— Не возражаете, если я оставлю бокал себе? — спросил он.

Глава 7

По металлическим ступенькам я взобрался на резервуар доктора Менинкса. Решетчатая площадка под ногами вибрировала от безостановочной работы насосов и фильтров. Под решеткой зеленело стекло, такое толстое, что обитателя резервуара я различал с трудом. Я сделал несколько шагов к передней части резервуара, опустился на колени и под визг петель откинул секцию площадки, прикрывающую люк. Старательно удерживая равновесие, я повернул крышку против часовой стрелки. Один оборот, еще один — и люк открылся.

Под крышкой в стекле толщиной с мою руку зияло круглое отверстие, в котором бурлила темная жидкость. Я устроился так, чтобы окунуть лицо в воду. На деле в резервуаре находилась не вода, а химическая смесь, имеющая температуру

тела. Она не только позволяла доктору Менинксу дышать и защищала его от гравитации, но и подпитывала, проникая в его организм через кожу и внутренние мембраны.

В этом супе мой расфокусированный взгляд отыскал нечто большое, темное, поросшее ракушками, с конусовидным передом и блестящими глазами в желобах на части тела, которую я условно считал головой. Возможно, то были не глаза, а совершенно особенные органы чувств или нефункциональные наросты. По бокам я увидел не то конечности, не то ласты — точно не скажу, ведь смотрел я в густой мрак.

— Доктор, я пришел, — проговорил я, погрузив голову в жидкость по самые уши. — Что за важную новость вы хотели сообщить мне без свидетелей?

В ответ раздалось бульканье, которое я разбирал с трудом.

— Речь о Геспере, о ком же еще?

Я поднял голову, чихнул, потом снова погрузился в суп.

— Чем он вам не угодил?

— Я кое-что о нем узнал. По чистой случайности, хотя намерения у меня были благие. Я хотел поговорить с ним, наладить отношения…

— Вижу, как вы налаживаете отношения!

— Можешь мне не верить, дело твое. Мне хотелось найти с ним общий язык, чтобы мирно сосуществовать до конца полета. Я заглянул к нему в каюту. Лихнис, ты заходил туда?

— Не раз, и что?

— А предупреждал, что зайдешь?

Прежде чем ответить, я чихнул, зажал нос и зажмурился, чтобы жидкость не раздражала глаза.

— Уже не помню.

— Ты вряд ли застанешь Геспера врасплох. Его чувства куда острее, чем кажется. Геспер чувствует твое приближение по тысяче сигналов — электрическому полю твоего тела, звукам, которые ты невольно издаешь, химической сигнатуре сорока тысяч клеток кожи, которые ежесекундно с тебя осыпаются.

— К чему вы клоните?

— Я таких сигналов не издаю. То есть мой аватар не издает. Он ведь тоже устройство, но не такое, как Геспер, — его приближения робот точно не чувствует.

Тут был Менинкс прав: когда молчит, аватар бесшумен, как призрак. Впрочем, и говор у него шелестящий, призрачный.

— Итак, вы застали Геспера врасплох. Что по-

том?

— Когда я вошел в каюту — заперто не было, — Геспер с чем-то возился за столом. Я удивился, хотя, наверное, роботы используют столы не реже, чем люди, особенно роботы, старательно косящие под людей. — Жидкость забурлила, словно доктор Менинкс глубоко вдохнул. — Чем именно занимался Геспер, я не разглядел, но обе руки он положил на стол и держал в них золотые пластинки, изогнутые, как на его броне.

— А дальше? — спросил я, внутренне содрогнувшись.

— Как должно вежливому существу, я поздоровался. Лишь тогда Геспер меня заметил. Лихнис, ты хоть раз видел испуганного робота? Нет? Много потерял, это всем зрелищам зрелище.

Буквально на пару секунд я вытащил голову из супа, стер зеленоватую пену со щек и убрал волосы с глаз.

— Я бы тоже испугался, если бы вы ко мне подкрались, — сказал я, снова погрузив голову.

— И при этом ты бы что-то от меня прятал? Геспер спрятал. Едва заметив меня, он заработал руками с невероятной скоростью — они аж в расплывчатое пятно слились. Золотые пластинки безвозвратно исчезли. Разумеется, мы оба пони-

маем, что с ними стало.

— Неужели?

— Геспер вернул пластинки на место — на бронированную оболочку левой руки. Она же толще правой, словно там что-то скрыто.

— Геспер — робот. Что он может прятать или скрывать? Под его оболочкой что, механизмы или оружие? Доктор Менинкс, он сам оружие. Захоти он навредить нам, давно навредил бы.

— Геспер что-то прятал. Я отчетливо это видел.

— Видели, что именно он прятал?

— Я видел, как он что-то прятал. А что именно… не разглядел.

Я понимал, что доктор врет, возможно даже самому себе. Он что-то видел, просто не хочет выставлять себя на посмешище, сказав об этом вслух.

— Послушайте, зачем Гесперу прятать что-то в руке? — начал я, взывая к здравому смыслу Менинкса. — Если бы ему было что скрывать, он не привлекал бы к себе внимание, утолстив одну руку. Он сделал бы обе руки одинаковыми, и мы ничего не заметили бы.

— Но ты признаешь, что ситуация странная?

— Нет, я признаю лишь, что здесь какая-то загадка. Нам известно, что Геспера восстанав-

ливали после поломки и поставили ему руку другого робота. Поэтому руки разные.

— Лихнис, Геспер совсем не такой робот. Устройство у него сложнее, чем у корабля. Такие, как он, способны принимать любую форму. Повреди он себе что-то — легко восстановит и так же легко подгонит под другие части тела. Если понадобится, он и чужие конечности под себя подстроит.

— Так, может, за подгонкой вы его и застали? У Геспера сломалась рука, он прирастил новую и сейчас подстраивает ее под себя. Он возился со своей рукой, ничего другого вы не видели.

— Почему же он напугался?

— Это касается только его. Кто знает, что у Геспера в мыслях?

— Я знаю! Ничего там нет, кроме безостановочного мелькания цифр и механических вычислений.

— Тогда Геспер просто не мог испугаться.

— Слушай, я же не о себе беспокоюсь, а о вас. Геспер, может, существо неразумное, но интриги плести способен. Или механически выполнять программу, заложенную тысячи лет назад. Но вдруг он запрограммирован совершить коварный поступок, причинить вам вред? Лихнис, нельзя прятать голову в песок!

— Что я, по-вашему, должен делать?

— Пока не поздно, выбей из Геспера правду. Пусть скажет, что у него под броней.

— Вас послушать, там бомба.

— Нет, я видел не бомбу.

— Хорошо, что же вы видели?

— Кожу, — ответил доктор Менинкс. — Здоровьем своим клянусь, я видел человеческую кожу.

— Это невозможно.

— Лихнис, я верю собственным глазам. Ваш гость не тот, за кого себя выдает. Вопрос только один: что ты предпримешь?

Глава 8

Лихнис перебросился на «Серебряные крылья зари» и передал мне слова рыбомордого доктора. Я не считала Менинкса надежным свидетелем, но понимала, что серьезный разговор с Геспером неизбежен. Когда мы перебрасывались обратно на «Лентяя», у меня от волнения пульс зашкаливал.

Но вышло так, что Геспер избавил нас от неприятных разборок. Он ждал у камеры переброса, словно мы так заранее условились.

— Ты ко мне хотел перебросить? — спросила

я, стараясь не выдать тревоги.

— Да, собирался, если вас не встречу. — Геспер стоял у двери, вытянув руки по швам. — Надеюсь, ты не рассердилась бы.

— Конечно нет, — заверила я.

— Я должен кое о чем вам рассказать, — начал Геспер, поочередно оглядев нас с Лихнисом. — Давно следовало, но, признаюсь, я был в полном замешательстве. Надеюсь, моя новость вас не огорчит.

— Огорчит? С чего бы это? — спросила я.

Лихнис прочистил горло:

— Вообще-то, мы сами хотели с тобой поговорить…

— О моей руке?

Лихнис взглянул на меня: вперед, мол, а ведь с Менинксом беседовал он.

— Выкладывай! — шепнула я.

— Мы хотели спросить… — начал Лихнис.

— Вас доктор Менинкс надоумил?

Мы с Лихнисом промолчали — вообще никак не отреагировали, но Геспер кивнул, словно получил утвердительный ответ:

— Этого я и боялся. Гадал, хватило ли замеченного им, чтобы возбудить подозрения, но теперь вижу, что хватило. Доктора я не виню. На его

месте я бы тоже испугался, хотя, конечно, он мог переговорить со мной.

— Доктор Менинкс очень удивился, — сказал Лихнис.

— Так что ты хотел нам рассказать? — осведомилась я.

— То, что вас интересует, — о своей левой руке.

— Доктор видел, как ты с чем-то возишься, но не разобрал, с чем именно, — проговорил Лихнис.

— Наверное, встревожился не меньше, чем я, — отозвался Геспер.

— Не меньше, чем ты? — переспросила я.

— Это открытие потрясло не только доктора Менинкса, но и меня самого. Я и сейчас не понимаю, как к нему относиться. — На золотом лице читалась спокойная задумчивость, точно Геспер покорился судьбе. — Хотите заглянуть под обшивку? Она легко снимается. — Не дождавшись ответа, робот согнул левую руку в локте, а правой взялся за пластину. Та, отделившись, с грохотом упала на пол. Геспер снял еще несколько фрагментов, потом еще несколько, пока не обнажил все, кроме кисти. Последней на пол отправилась перчатка.

Предплечье и кисть у Геспера оказались стопроцентно человеческими, сильными, со смуглой,

блестящей от пота кожей, ладонь и волярная поверхность пальцев — чуть светлее. Пока Геспер крутил рукой, сгибал и разгибал пальцы, я заметила и волоски на тыльной стороне ладони, и вены под кожей, и кутикулы.

— Рука и впрямь настоящая, — объявил Геспер, прервав молчание. — Человеческие мышцы, человеческая кожа. — Большим пальцем правой руки Геспер медленно царапнул органическое запястье. Потекла кровь. — Рука кровоточит, потом заживает. Вот за чем меня застал доктор Менинкс: я проверял, насколько зажила царапина, которую я поставил себе накануне.

К Лихнису дар речи вернулся раньше, чем ко мне.

— Тебя послушать, так ты не понимаешь, в чем дело, — пробурчал он.

— Разве я не упомянул, что это открытие потрясло меня до глубины души?

— Как же ты не знал, что рука стала такой?

— О том, что мало о себе знаю, я тоже говорил. Чудо, что имя свое помню. Неужели вы думаете, что я бы скрыл от вас подобное?

— Но ведь ты впрямь скрыл, — заметил Лихнис.

— Только потому, что хотел сперва разобраться,

в чем дело. С тех пор как снова начал двигаться, я тревожился из-за разной толщины рук. Пытался заглянуть под оболочку, но для моих сенсоров она непроницаема. В итоге я отважился снять часть обшивки, чтобы увидеть проблему собственными глазами. Поначалу я опешил… — Впервые на моей памяти Геспер осекся. — Без обид, но перемена мне отвратительна. Вообще-то, органическое мне не претит, только в моем организме ему не место. Вам вот наверняка будет отвратительно проснуться, почесаться и вместо кожи обнаружить блестящий металл. Я убедил себя, что существует рациональное объяснение, которое удовлетворит и вас. — Робот медленно опустил руку. — Но объяснения нет. Не представляю, почему стал таким.

— А если дело в поломке? — предположила я. — Если твоя конечность пришла в негодность, а заменить ее ты смог лишь рукой с человеческого трупа? Ты прирастил ее, а потом забыл об этом?

— Мы никогда так не делаем — просто незачем. Потеряй я руку, смог бы быстро восстановить ее при наличии нужных материалов: металла, пластика, механогеля. При их нехватке я выделил бы необходимое количество из собственного тела практически без ущерба для себя. Повторюсь:

мне незачем возиться с трупами.

— Значит, это сделал Атешга, — выдвинул свою гипотезу Лихнис. — Он сломал тебя, потом приладил органическую конечность, потому что не знал, что у тебя есть функция авторемонта.

— Хотел бы я в это верить, но, увы, не могу. Рука — неотделимая часть моего тела. Я рассмотрел ее получше, сняв обшивку. Под кожей и мышцами тот же механический скелет, что в правой руке. — Геспер снова согнул и разогнул пальцы. — Сил у меня меньше не стало. Правда, скелет модифицирован, чтобы уподобить его человеческому и создать матрицу для органических тканей. Еще в него имплантированы элементы, назначение которых мне неизвестно. Очевидно, они просто снабжают органические ткани необходимыми для жизни веществами.

— Получается, рука взяла и выросла? — спросила я.

— Портулак, других вариантов у меня нет. Я уже объяснял, что способен на авторемонт. Я и руку смог бы отрастить.

— Но зачем это тебе?

— Боюсь, дальше пойдут догадки, — грустно сказал Геспер. — Если бы я мог дать точный ответ, давно сделал бы это, но, как и вы, способен лишь

предполагать.

— Мог кто-то спровоцировать эту трансформацию? — спросил Лихнис. — Навязать ее тебе по некой причине?

— Трудно представить себе такую причину. Не менее трудно представить обстоятельства, при которых мне что-то навязали бы.

— Понимаешь, почему мне больше нравится идея с навязыванием?

— Потому что, если принуждения не было, трансформация прошла добровольно. Да, такой вариант я тоже просчитывал. — Геспер взглянул на руку чуть ли не с отвращением. — Если позволите, я верну обшивку на место.

— Ты расстроен не меньше нашего, — с удивлением отметила я.

— Доктор Менинкс не зря обеспокоился.

— Если хочешь, прячь ее, — сказала я. — Хотя меня она не трогает. Это просто часть тебя. И она для чего-то нужна, даже если мы пока не знаем для чего.

Лихнис обжег меня возмущенным взглядом: мол, за себя говори.

Геспер натянул перчатку и поднял с пола золотые пластинки. Приладил он их поразительно быстро, будто не мог больше смотреть на челове-

ческую конечность. Пара секунд — и рука стала такой, как раньше, но теперь я знала, что́ под оболочкой, и думала только о мышцах, прорастающих сквозь металл.

— И что дальше? — тихо спросил Лихнис.

— Геспер и доктор Менинкс должны выяснить отношения. — Я опасливо огляделась на случай, если бумажный арлекин подкрался к нам, пока мы разговаривали, и, убедившись, что мы одни, смущенно улыбнулась. — Геспер, сначала с доктором может побеседовать Лихнис, а потом Менинкс заглянет к тебе в каюту и, так сказать, получит информацию из первых рук.

— Только рассказать мне ему нечего, — отозвался Геспер.

— Расскажи то же, что нам, и претензий у него не будет. В конце концов, нам ты открылся добровольно. По мне, так это говорит в твою пользу.

— Если мое присутствие вам в тягость, я готов вернуться в клетку.

— Это ни к чему.

— Погоди! — Лихнис медленно поднял руку. — Не надо спешить. В осознанном нанесении вреда мы Геспера не подозреваем, но его странная рука не может не беспокоить. Пока Геспер не найдет рационального объяснения случившемуся, мне

не очень улыбается его свободное перемещение по кораблю. Пожалуй, добровольное возвращение в клетку не такая плохая мысль…

— После того как я узнал про руку, желания вредить вам у меня не появилось, — сказал робот.

— Знаю и верю. Только вдруг у руки своя воля?

Я огорченно покачала головой:

— Лихнис, это безвольный кусок мяса. Отдельно от Геспера рука действовать не может. Уж не думаешь ли ты, что он прокрадется ночью к тебе в каюту и задушит во сне? В клетку Геспер не вернется. Не желаешь видеть его на «Лентяе» — с удовольствием заберу к себе на «Серебряные крылья».

— Я не это хотел сказать.

— А прозвучало именно так. Геспер — наш гость, мы согласились помочь ему раскрыть тайну его прошлого. Рука — это новая зацепка, и только.

— Не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились, — вставил Геспер.

— Да разве это ссора? — пренебрежительно бросила я. — Так, стычка мелкая. Мы с Лихнисом сошлись на том, что в клетку ты не вернешься. Впрочем, скоро мы все погрузимся в латентность, поэтому разницы особой нет. Ты ведь можешь

самостоятельно отключиться — или что вы там делаете?

— Я могу отключить основные функции, но вспомогательные останутся. — Геспер искоса взглянул на свою, теперь опять скрытую оболочкой конечность. — Я должен поддерживать жизнеспособность руки, но не смогу, если отключусь полностью, а она загниет без кислорода.

Я сочувственно кивнула и попыталась не думать о том, как рука прямо на Геспере превратится в рыхлую вонючую гниль.

— Ее надо сберечь, иначе мы не узнаем правду ни о ней, ни о тебе, если на то пошло.

— Я тоже подозреваю, что рука — ключ к моему прошлому и к моему истинному назначению, — согласился Геспер. — Одного не пойму: почему я не замаскировал трансформацию, сделав конечности одинаковыми? Такое ощущение, что маскировка не требовалась. Возможно, бронированная обшивка — это щит, оберегающий руку во время роста.

— Мы докопаемся до сути, — пообещала я с преувеличенной уверенностью, хотя не первый год шаттерлинг и уже усвоила, что далеко не на все вопросы есть ответы. Целые цивилизации превратились в радиоактивную пыль, потому

что не приняли эту горькую истину.

Шаттерлинги должны быть чуть умнее.

Глава 9

— Отвратительно, — покачал головой я, прогнав возможные маршруты через курсопрокладчик «Лентяя».

— Насколько отвратительно? — уточнила Портулак. Она сидела у парящего пульта, закинув ногу на ногу.

— Пятьдесят пять лет — ровно на столько мы опоздаем. Даже если ты бросишь меня и погонишь на «Серебряных крыльях» во весь опор, выиграешь год, не больше.

— Пятьдесят пять лет — не так много, если с последнего вашего сбора прошло двести тысячелетий, — вставил Геспер, разглядывая огромную карту галактики у меня на дисплеере. Красная волнистая линия отображала путь, который мы уже преодолели. Последние его этапы — остановка на планете кентавров, вояж к Атешге и предстоящий бросок к месту сбора — в увеличенном формате показывались чуть ниже, потому что пара сотен световых лет была крохотным штришком на фоне уже пройденного нами рас-

стояния. — Или я не прав?

— Прав, еще как прав, — подтвердил я. — В любой другой ситуации мы не дергались бы ни из-за пятидесяти лет, ни даже из-за ста. Но на сбор опаздывать нельзя. Точно ко времени не прилетает никто — большинство шаттерлингов задерживаются на год-другой, отдельные копуши — лет на пять, еще парочка — на десяток, но к этим отнесутся со строгостью. Опоздавшему сильнее нужно либо предварительно полученное разрешение, либо хорошая отмазка.

— У нас ни того ни другого, — вставила Портулак.

— Не могли же вы знать, что Атешга — подлец, — заметил Геспер.

— Не могли, но опаздываем мы не только из-за Атешги. Слишком понадеялись на кентавров — вот наша ошибка номер один, — сказала Портулак, буравя меня мрачным взглядом.

Я поднял руки в знак капитуляции:

— Эй, я признаю свой промах! Да, с лошадками прогадал. Но ведь сейчас главное — найти выход из сложившейся ситуации. Сперва избавлюсь от доктора Менинкса — пусть Овсяница и другие с ним носятся. Потом выведу на арену Геспера и покажу, какой я примерный, целеустремленный

шаттерлинг.

— А со мной как? — спросила Портулак. — Позволишь погреться в лучах твоей славы?

— Только если ты готова признать нашу связь. Иначе возникнут сложности.

— Мы оба опоздаем, и все поймут, что мы любовники. Скрывать бесполезно.

— Пожалуй, тут ты права.

Портулак сложила руки на груди:

— Конечно права. Так что за Геспера должно воздаться нам обоим.

— Что касается меня, я расскажу, какие вы молодцы и сколько для меня сделали, — пообещал робот.

— Благодарности ваши утонут в море жалоб, — вмешался доктор Менинкс.

— У вас всего тысяча дней и ночей, — напомнил я. — На вашем месте я начал бы заранее.

Бумажное лицо перекосилось от злобы.

— Не советую насмехаться надо мной, шаттерлинг.

— Доктор, я и не думал насмехаться. Так! — Я бодро хлопнул в ладоши. — Перейдем к организационным вопросам. Мы с Портулак планируем погрузиться в латентность, как только закончим чистить нити. На это уйдет пара дней, не боль-

ше. Доктор Менинкс, полагаю, вы будете спать, пока мы не долетим до системы, где состоится наш сбор?

— Чем я занимаюсь в своем резервуаре, никого не касается.

— Я лишь хотел спросить, не надо ли вам, чтобы Геспер присматривал за чем-нибудь, пока мы с Портулак в отключке.

— Присматривал? — мгновенно насторожился аватар.

— Я в латентность не погружаюсь, — объяснил наш золотой гость, — поэтому уже вызвался следить, чтобы с Лихнисом и Портулак ничего не случилось, и о вас с удовольствием позабочусь.

— Ни за что! — Аватар посмотрел на меня с негодованием и неподдельным страхом. — Шаттерлинг, робот близко не подойдет к моим устройствам! Он что-то замышляет!

— Не сделаю я ничего плохого ни вам, ни вашему оборудованию, — возразил Геспер. — Доктор Менинкс, желай я вам зла, вы бы уже об этом узнали. Я лишь предложил услугу.

Я поднял руку, умоляя не ссориться:

— Спокойно, Геспер. Знаю, ты хотел как лучше, но, учитывая настроение доктора, лучше просто промолчать.

— Дело ваше.

— Вы очень глупо себя ведете, — сказала аватару Портулак.

— Глупо было довериться Линии Горечавки. Говорили же мне: у Марцеллинов лучше.

— Что именно вы хотели узнать на Вигильности? — вдруг осведомился человек-машина.

— Много всего, только вас это совершенно не касается.

— Таиться бессмысленно, — заметил я.

— Прежде ты не интересовался. А сейчас вдруг с чего?

— Сам не знаю. Потому что Гесперу любопытно. Потому что прежде мне и в голову не приходило вас спросить. За минувший цикл мне Вигильности хватило по горло, поэтому хотелось высадить вас и поскорее удрать от гигантов.

— Не давите на доктора Менинкса! — велела Портулак. — Он, как ученый, имеет право хранить тайны. — Коварная, она использовала реверсивную психологию, понимая, что чопорный интеллектуал неизбежно проглотит наживку.

— Если вам так интересно… — начал аватар, выдержав паузу, чтобы целиком и полностью завладеть нашим вниманием, — основное направление моих исследований — Предтечи

Андромеды. Так же как Вигильность, я считаю Пустошь результатом организованного воздействия разумных существ. Намеренно или случайно они спровоцировали серьезные изменения в своей галактике. Как разумное существо, обитатель аналогичной спиральной галактики, я, разумеется, испытываю, как минимум, поверхностный интерес к этим изменениям. Глубоко убежден, что Вигильность слишком поглощена сбором и классификацией данных, чтобы остановиться и эти данные проанализировать. Ученый-одиночка, преданный своему делу, усмотрит тенденции и зависимости, которые ускользнули от кураторов. На это я надеялся и до сих пор надеюсь, если, конечно, случится невероятное и я туда попаду.

— Понимаю ваши опасения, — сказал Геспер.

— Правда? — уныло переспросил аватар.

— Правда. Первый же разговор о Вигильности пробудил во мне смутные подозрения, которые с каждым днем крепнут. Вдруг меня послали в этот сектор с миссией, аналогичной вашей?

— Собирать данные о Предтечах? — уточнила Портулак.

— Возможно. Или за другой информацией, известной Вигильности… — Робот сделал пау-

зу. — Доктор Менинкс, можно я спрошу вас как ученый ученого?

— Спрашивайте, — равнодушно отозвался аватар.

— О Доме Солнц вы когда-нибудь слышали?

Бумажное лицо на миг помрачнело, будто по нему пробежала тень от облака в ясный день.

— А если слышал?

— Тогда, пожалуйста, объясните, что эти слова значат.

— Ничего они не значат. Если бы название что-то содержало, я непременно был бы в курсе.

— Где вы слышали о Доме Солнц? — поинтересовалась Портулак. — Звучит как наименование Линии, вроде Дома Цветов или Дома Мотыльков, но такой Линии нет.

— Когда-то я знал, что обозначают эти слова, — сказал ей Геспер, — но сейчас уверен лишь в том, что они имеют отношение к Вигильности. Одно название тянется за другим, будто между ними очевидная связь.

— А что говорит космотека? — спросил я.

— Ничего. То есть словосочетание встречается много раз применительно ко многим цивилизациям, но мне ни один вариант не подошел. Нужное я сразу почувствовал бы — да, мол, вот

оно.

— Это словосочетание ничего не значит, — настаивал доктор Менинкс.

— Только потому, что вы так решили? — подначила Портулак.

— Все это ерунда. Вигильность не подпустила бы Геспера к себе. Они с роботами не контактируют. От машин машинные болезни — вирусы и паразиты, которые искажают и портят данные намеренно или случайно. Поэтому машинный народ всегда общался с Вигильностью через посредников-людей, верно, Геспер?

— Совершенно верно, доктор Менинкс.

— Тогда не нужно объяснять, что ваша миссия не имела бы смысла. В хранилища информации вас бы точно не впустили. Зачем тогда вообще покидать Кольцо Единорога?

— А вдруг эту сложность предусмотрели? — спросил Геспер, словно рассуждая вслух. — Доктор, вдруг машинному народу потребовался прямой доступ к Вигильности, то есть без посредничества людей? Вдруг моя миссия считалась столь важной, что архив должен был изучать лично я?

— Вас бы все равно не допустили, ну, или на части разобрали бы.

— Еще не факт. — Геспер поднял левую руку и снял золотые пластины, обнажив органическую ткань, которая так встревожила Менинкса. — Доктор, возможно, вы разгадали загадку. Улетая с Кольца Единорога, я мог не знать своей истинной цели — не больше, чем вы понимали свою, когда покидали родину. Позднее выяснилось, что нужна консультация Вигильности. Тогда я для маскировки стал преображаться в биоробота. Похоже, начал с левой руки, чтобы проверить свои силы перед полной трансформацией.

— Удобная гипотеза, — съязвил доктор Менинкс, но прозвучало это не слишком уверенно.

— По-моему, вполне логично, — отметил я. — Геспер преобразовал одну руку, но Атешга взял его в плен и помешал закончить начатое. Маскировался Геспер не чтобы уподобиться человеку, а чтобы провести кураторов и попасть к архивам Вигильности. Геспер, думаешь, у тебя бы получилось?

— Похоже, я твердо верил в успех.

— Но задача-то непростая, — проговорила Портулак. — Внешность можно изменить, но разве ты прошел бы проверку?

Человек-машина вернул пластины на руку.

— Могу только догадываться, что предусмотрел

это. Очевидно, бóльшую часть моих когнитивных устройств пришлось бы отдать под биокомпоненты — мышцы и сухожилия — и, как следствие, на время отказаться от ряда функций или свести их использование к минимуму. Скелет мой остался бы механическим, но ведь наряду с процессорами в него можно было встроить и антисканеры, чтобы при проверке выдать механику за кости и мозг. В любом случае вероятность обнаружения или поломки существовала бы. Раз я не принял это в расчет, значит данные хотел получить во что бы то ни стало.

— Если бы тебя поймали, Вигильность прервала бы все контакты с машинным народом, даже через посредников. Ты наверняка понимал это, но на риск пошел.

— Видимо, считал дело очень-очень важным, — обескураженно отозвался Геспер, словно не верил, что решился на нечто столь опасное.

— Вы же подыгрываете ему! — возмутился доктор Менинкс. — Неужели сами не видите? Вигильность — удобная отмазка для переродившейся руки, вот Геспер и вцепился в нее.

— Если я не интересовался Вигильностью, то что делал у рукава Щита — Южного Креста?

— В самом деле, — вставил я.

— С меня довольно! — заявил аватар и с шорохом развернулся на каблуках. — Шаттерлинги, вас же за дураков держат! Самое разумное сейчас — запереть робота. Позвольте Гесперу бродить по кораблю, и очень сомневаюсь, что хоть один из нас выйдет из латентности. Лично я свои шансы высоко не оцениваю.

— Простите, что вызвал такой разлад, — проговорил робот, когда аватар удалился. — Пожалуй, доктор прав, и ради общего блага мне стоит вернуться в клетку.

— Это ни к чему, — возразил я.

— Совершенно ни к чему, — поддержала меня Портулак. — По мне, так пусть Менинкс гниет в своем аквариуме. Очень жаль, что кентавры не пропустили через барьер пару хищников, когда он плескался у них в бухте.

Два дня спустя мы с Портулак занимались любовью, а потом расстались. Переброс на «Серебряные крылья зари» занял буквально секунды. Портулак отправилась в криофаг, я — в стазокамеру. Я настроил компрессор времени и закапал себе в глаза синхросок. Портулак заснет, охладившись до анабиоза, я погружусь в субъективную реальность и за пару мгновений пронесусь сквозь года́.

В мыслях царило полное спокойствие. Мы вычистили нить, сочинив два логически последовательных рассказа. Мы опоздаем на пятьдесят пять лет, но нас оправдывают и еще один прожитый цикл, и гость.

Я уже скучал по Портулак и представил ее рядом с собой. Заниматься любовью для нас с ней как растворяться в общем зеркале. Во время секса мы столько раз делились воспоминаниями, что я четко представлял, каково быть Портулак. Я прочувствовал всех ее любовников, она прочувствовала моих. Словно отражения в зеркальной галерее, они преломлялись друг о друга, таяли в фон, в море чувственного опыта. Я был девушкой, потом тысячей мужчин, женщин и их партнеров.

Активировалось поле стазиса. Синхросок подействовал, и я понесся в будущее на корабле, пожирающем пространство и время.

Часть вторая

В тот день мальчик навестил меня снова. Я поднялась в бельведер, чтобы понаблюдать за приближением его шаттла. На сей раз я уже знала, что весь день мы проведем в Палатиале. Другие игрушки нас не интересовали. От волнения у меня приятно сосало под ложечкой. Тайный мир я открыла мальчику год назад, и с каждой новой встречей Палатиал все больше пленял его воображение.

К тому времени я многое узнала и о мальчике, и о его родине. У нас обоих семьи нажились на Вспышке — так взрослые называли непродолжительную кровопролитную войну, которая охватила Золотой Час в одиннадцатом году нового века. Вспышка закончилась тридцать лет назад, но я кое-что запомнила, ведь замедлители роста растянули мое детство на три десятилетия. Маленькая девочка, суть происходящего я не понимала, но не забыла, как взрослые разговаривали сдавленно и тихо, как бродили по коридорам, обнимали энциклокубы, словно черепа старых друзей, и ловили любую крупицу новостей и сплетен.

Моя семья занималась биологией со специализацией по клонированию человека. Техника клонирования как изготовление бумаги. Если знаешь рецепт — ничего сложного, а начнешь с нуля — успеха не жди. Подводных камней находилось уйма, обойти их можно было лишь с помощью арсенала приемов, хитростей и уловок, отдельные из которых сродни шаманским ритуалам и знахарству. Искусству клонирования тысяча лет, а истинных мастеров единицы, и моя семья среди них. До Вспышки, когда противники перевооружались, мы создавали армии солдат и эскадрильи пилотов. Наши клоны славились не только верностью, но и независимостью мышления, а также стратегическим талантом. Они умели действовать автономно, затаиться, а в нужный момент активироваться без приказа центра. После войны многих уцелевших клонов наделили полными гражданскими правами.

Семья мальчика создавала армии и эскадрильи для противоборствующей стороны, но не органические, а механические. Иногда они управлялись людьми, но в большинстве случаев имели достаточно разума, чтобы функционировать самостоятельно. Боевых роботов делали и другие концерны, а клонов создавали и другие семьи,

но мы превзошли всех в клонировании, а семья мальчишки — в изготовлении механических солдат. После Вспышки были суды, разбирательства, карательные меры, но обе семьи пережили все это сравнительно легко и остались при деле. Роботов, которые сопровождали мальчишку, тоже создала его семья. Их машины распространились повсюду и стали востребованней, чем до войны.

В извечном противостоянии органики и механики моя семья занимала диаметрально противоположную позицию. Как я уже говорила, несмотря на внушительные размеры жилища, роботов мы держали мало, в основном строителей — для постоянной реконструкции и расширения дома. Остальную работу выполняли слуги-люди и клон-няни.

— Я узнала, почему нашу империю называют Золотым Часом, — сказала я мальчишке, когда мы шли в игровую, где ждал чудесный Палатиал.

— Это все знают.

— А ты вот не знаешь, спорим? — Мальчишка промолчал, и я поняла, что можно продолжать. — Из-за света. Быстрее света не движется ничто, даже наши сообщения. Пока ты на планете или на спутнике — никаких проблем. Но чем больше люди осваивали космос, тем дальше друг от друга

оказывались. Стало невозможно нормально разговаривать — слишком долго ждать ответ. Вот и мы с тобой можем болтать, только если сидим в одном доме. Ты теперь живешь с другой стороны солнца, и если я крикну тебе: «Привет!» — ответный сигнал услышу лишь через несколько часов. Со временем такая отдаленность перестала нравиться людям. Космос — это свобода и независимость, поэтому осваивать его они хотели, но тратить часы на простой разговор… Так появился Золотой Час, где почти все мы живем. Энциклокуб говорит, по форме наша империя — тор, кольцо вокруг Солнца. Если мерить скоростью света, диаметр кольца один час. В этом кольце и планеты, и спутники, и миллионы микропланет вроде нашей. Внутри Золотого Часа любой ответ приходит за два часа, а обычно куда быстрее. Еще энциклокуб говорит, что к такой конфигурации человеческая цивилизация шла почти десять столетий. — Я обожала длинные рифмующиеся слова, особенно те, которыми меня пичкал энциклокуб. — Зато теперь мы сможем ею пользоваться тысячи лет, а то и десятки тысячелетий. Разве не здорово? Мы будем дружить вечно.

— Это вряд ли, — надменно выдавил мальчик. — Папа говорит, долго он не протянет.

— Кто не протянет?

— Золотой Час, конечно. Папа говорит, что он лишь временный выход. Мол, потом нам станет скучно, мы развяжем новую войну или придумаем, как общаться быстрее скорости света. В общем, люди забудут про Золотой Час.

Я решила, что мой гость знает гораздо меньше моего.

— Никуда мы отсюда не денемся. Энциклокуб говорит, что в этом нет смысла. Что находится за пределами Солнечной системы, нам давно известно, зачем же туда лететь? Здесь есть и планеты, и спутники, и микропланеты — места всем хватает. — Я старалась говорить убедительно. — Межзвездные перелеты бессмысленны и, самое главное, невозможны.

— Уже возможны, — возразил мальчишка. — Люди уже летали на Эпсилон Индейца и вернулись обратно.

— Ну, это лишь трюк, сомнительный фортель. Вернувшись домой, те смельчаки повредились умом — за время их полета жизнь изменилась, а они к ней так и не приспособились.

— Они просто летели медленно, а мы сможем быстро. Рано или поздно мы полетим быстрее, чем свет. Папа говорит, что вопрос лишь во вре-

мени, — столько исследований сейчас ведется!

— Ну, не знаю…

— В энциклокубе об этом не написано, верно, Абигейл?

— Быстрее света не полетишь, это просто невозможно.

— Потому что ты так говоришь?

— Так говорит энциклокуб, а он всегда прав.

— И про черную дыру у тебя под домом он правду говорит? Ты ведь читала про дыру?

— Ее можно не бояться.

— Ага, конечно!

Я твердо знала, что права, а доказать не могла. В энциклокубе я читала, что скорость света — абсолютный предел, что за тысячу лет экспериментов и пустых надежд обойти ее не удалось. От такого руки опускались — ограничение скорости, будто подрезанные крылья. Будто мне позволили ходить только шагом — спина прямая, руки заложены за спину, а бегать и прыгать по дому через скакалку запретили. Почему ограничили скорость? Почему нельзя бегать и прыгать? Увы, суть ограничения я могла объяснить не больше, чем таблицу умножения. Дважды два четыре — и точка. В отдельные комнаты дома нельзя заходить — и точка. Быстрее света не полетишь

— и точка.

Только чувствовалось, что такие аргументы не для мальчишки.

— Я объясню тебе, почему быстрее света не полетишь. — Он явно упивался тем, что знает больше, чем я. — Причина в каузальности.

Этого слова я не знала, но запомнила, чтобы разобраться потом.

— И ты в это веришь, — проговорила я в надежде, что мальчишка не будет на меня давить.

— Мой отец не верит. Он считает, что каузальность — временная преграда. Мол, из-за нее летать быстрее света трудно, но возможно. Однажды мы эту преграду обойдем и заткнем остальных за пояс. Хотят жить на Золотом Часе — пусть живут, а нам его мало.

Мальчишка и вредничал, и дразнил меня, но только его я считала настоящим другом и только с ним любила играть. Дети-клоны, которых мне периодически присылали, в подметки ему не годились — чересчур безвольные и уступчивые. Я обыгрывала их и знала: поддаются, а мальчишку с другого конца Золотого Часа могла обыграть, лишь постаравшись, то есть по-честному.

Чем ближе мы подходили к игровой, тем покладистее становился мальчишка — так его манил

Палатиал. Без моего разрешения войти туда он не мог, вот и говорил, что я хорошенькая, что он обожает черные ленты у меня в волосах.

Палатиал стоял в игровой, но в отдельной комнатке. Привезли и установили его техники в зеленой форме. Время от времени один из них появлялся с коробкой, полной блестящих панелей-лабиринтов, которые вставлялись в пазы на корпусе Палатиала, и осматривал мой чудо-город. К тому времени я поняла, что моя игрушка не единственная, что тестовый период Палатиалов идет не совсем гладко, поэтому их массовый выпуск до сих пор не разрешен, хотя я свой экземпляр получила уже год назад.

Зеленый куб Палатиала был чуть меньше мини-комнаты, где его установили. Снаружи куб украшала лепнина — замки и дворцы, принцессы и рыцари, драконы, пони и водяные змеи. С одной стороны в толстой стене зиял проем, сквозь который просматривалась комната. Впервые пробравшись сквозь проем, я почувствовала головокружение, и мои мысли бешено закружились в эпициклах дежавю. Секундой позже галлюцинации прошли, второй раз прошел легче, третий — совершенно безболезненно. Впоследствии я выяснила, что стены напичканы сканерами

мозга, которые прочесывают его невидимыми пальцами. У мальчишки тоже был «первый раз», за которым я наблюдала с садистским удовольствием, но и он с каждым разом чувствовал недомогание меньше и меньше. Просто Палатиал хранил карты наших разумов и после первого раза лишь корректировал их.

Палатиал набили не устройствами, не мебелью, а диковинами и чудесами. Посреди зеленоватой пустоты на вершине крутой горы стоял дворец, плод наших галлюцинаций. Узенькая тропка вилась на вершину, пересекала мосты, петляла по туннелям, выводила на жуткие уступы и, наконец, по сияющему разводному мосту попадала внутрь. Копия моего дома, только вытянутый не в ширину, а в высоту, он буквально подпирал облака, розовые и голубые, как глазурь на праздничном торте. Едва увидев дворец, я возжелала узнать, что внутри.

Палатиал позволял туда заглянуть. Разве устояла бы я перед таким соблазном? За окнами, на балконах и в башнях двигались фигурки. Точь-в-точь как живые, но светящиеся, словно витражи или словно картинки на залитой солнцем книжной странице. По сравнению с ними живые фигурки, которые я видела в энциклокубе,

казались блеклыми картонками. В Палатиале фигурки были настоящими, каждая жила своей жизнью.

В самый первый раз я заметила во дворце принцессу в синем платье с желтыми звездами. Одна-одинешенька, она сидела на балконе и расчесывала длинные золотистые волосы. В следующий раз, как и сегодня, я застала ее за шитьем. Фигурку с ноготок в книжке не рассмотришь, но в Палатиале я видела ее лицо с невероятной четкостью. Оно дышало грустью и невыразимой тоской, что искренне меня удивило. Разве живущие в чудесном дворце не должны светиться от счастья? Палатиал, верно, почувствовал мой интерес, потому что внезапно я стала той принцессой. Теперь я сидела на балконе, шила и смотрела на сказочный пейзаж. Однако под фигурку в синем платье подстроились не только мои органы чувств. Я проникла в ее разум и думала за нее. Перед пробуждением на миг вспоминается весь сон, а я за один миг «вспомнила» пережитое принцессой. Начиналось все с весеннего дня, когда гуси возвращались с севера и в самой большой, самой светлой комнате дворца родилась принцесса. Я узнала историю ее королевства, уклад общества, в котором она жила, тяжесть

бремени, которое выпадет ей после восхождения на трон. Я узнала, что ее отец, король, пал в битве с армией соседней провинции. На самом горизонте я увидела мрачный замок, который прежде не замечала. Вражеское логово словно источало непонятную магическую силу.

Я стала принцессой, погрузилась в ее мир, но при этом оставалась и Абигейл Джентиан, Горечавкой, наблюдающей за ней со стороны. Я хранила ее воспоминания, но при этом не расставалась со своими. С ипостаси на ипостась, с Абигейл на принцессу и обратно, я переключалась обычной концентрацией внимания. Видно, Палатиал помогал мне, ведь скоро переключаться стало легче, чем моргать.

В дверь постучали — затянутым в перчатку кулаком по тяжелой дубовой раме. Я вышивала уголок узора, разложив на коленях свои любимые принадлежности, но тут отложила работу и оглянулась. Вошел дворцовый стражник, щелкнул шпорами по каменному полу и отдал мне честь:

— Прошу прощения, миледи, получена депеша. Мажордом велел сразу отнести ее вам.

— Хорошо, Ланий, — проговорила я, — давайте депешу, я прочту ее на балконе. Света еще достаточно.

Дублерша, попав на сцену посреди спектакля, не хочет расстраивать зрителей и играет, вот и я не смогла промолчать. Откуда взялся мой ответ, кто его придумал, я или Палатиал? Имя стражника я назвала очень уверенно. Смутно вспоминалось, как мы вместе с ним угодили в авантюру, о которой сейчас говорить не хотелось.

Я сломала восковую печать и развернула депешу. Писал мой сводный брат, граф Мордекс из Черного Замка. От ужасных новостей у меня задрожали руки. Диверсионный отряд Мордекса взял в плен мою фрейлину, теперь ее держат в Подземелье Криков. В обмен на ее освобождение Мордекс требовал моего дядю, могущественного чародея Калидрия, который отрекся от магии, поселился в деревушке на окраине Королевства и стал обычным кузнецом.

— Мордекс вздумал использовать магию Калидрия для своих гадких целей, — объявила я. — Ту самую, которая даже в руках человека с добрым сердцем едва не расколола Королевство пополам. Нет, я не выдам дядю Мордексу. Или, по-твоему, стоит ради фрейлины? — спросила я, собирая швейные принадлежности. Для вышивки я использовала все имеющиеся иглы, и

лишь одна, окровавленная, по-прежнему лежала в специальном отделении.

— Прошу прощения, миледи, но главный стражник просит позволения организовать рейд в графские земли. Прослышал он, что в Лесу Теней стоит отряд принца Аранея. С их помощью нам вполне по силам захватить Черный Замок.

— Воины принца Аранея не пожелают вмешиваться в наш конфликт с Мордексом. У принца своих забот немало.

— Принц помнит, как мы выручили его в Битве Семи Болот. Даже если он запамятовал, его воины наверняка помнят.

— Ланий, все это весьма напоминает ловушку. Неужели у меня одной такое чувство?

— Ваша осторожность оправданна, миледи. Только действовать нужно быстро и решительно. Главный стражник хочет попасть в Лес Теней засветло, дабы его людей не одурманила Чаровница Змеиных Врат.

— Мне стоит потолковать с Цирлием.

— Он с другими стражниками доспехи готовит. Вызвать его сюда?

— Нет, без особой надобности мешать сборам не стану. Ланий, проводи меня в оружейную и вызови туда Добентона. По пути мы побеседуем

о графе Мордексе. Сдается мне, ты, как никто другой, способен постичь замыслы моего сводного брата.

Я полностью растворилась в ипостаси принцессы, но при этом не забывала, кто я такая. Я видела сон, но осознанный, — понимала, что смогу проснуться, если понадобится. Поэтому, волнению и опасности вопреки, страха я не испытывала. Понятно, это лишь игра и происходящее в зеленом кубе по-настоящему мне не повредит.

Мальчишке игра понравилась сразу. Когда я показала ему Палатиал, то уже привыкла к ипостаси принцессы. Я вполне могла примерить роль любого обитателя дворца, но успела привязаться к своей златовласой сестричке.

— Я — принцесса, — объявила я, показав на фигурки. — Выбирай любую другую.

— Зачем мне роль принцессы?

— Мое дело предупредить.

— А по ходу игры роли менять можно?

— Да, — кивнула я. — Просто сосредоточься на новой фигурке, затолкни себя в ее голову. Только меняться можно на фигурку в той же комнате. Если ты — узник в темнице, то не можешь переселиться в стражника у ворот и заставить его отворить темницу. — Пока разбиралась в прави-

лах Палатиала, я перебрала множество фигурок и вернулась к принцессе. — Слишком часто переселяться тоже нельзя — разрешение сменить роль дает сама игра.

— Что это за замок вдали?

— Это Черный Замок графа Мордекса. В Палатиале он мой сводный брат.

— Хочу быть им.

— Нельзя. Выбирать можно только из обитателей Облачного Дворца.

— Откуда ты знаешь?

— Чтобы вжиться в героя, нужно его видеть, а граф Мордекс всегда очень далеко.

Стражники принцессы несколько раз отправлялись к Черному Замку, но так до него и не добрались. В первую ночь на поляне Леса Теней их поджидали воины графа, переодетые в форму армии принца Аранея. Они подкараулили принцессиных стражников и многих перебили. Атака захлебнулась, главный стражник Цирлий отступил. Еще дважды он пытался штурмовать Черный Замок, чтобы освободить фрейлину, но получал отпор, терял воинов и коней. Тем временем лазутчики графа Мордекса прочесывали деревушки в поисках спрятавшегося чародея. Еще немного, и Калидрий снова обратится к ма-

гии, иначе его обнаружат.

— Наверняка есть способ вжиться в графа Мордекса, — не унимался мальчишка.

— Мордекс — плохиш, зачем он тебе? — удивленно спросила я.

— Это для тебя он плохиш. Небось сам он плохишом себя не считает.

— Мордекс похитил мою фрейлину и не отпустит, пока не найдет Калидрия.

Мальчишка спросил, что я сделала для спасения фрейлины. Я рассказала про дядю-чародея и про неудачные попытки проникнуть в Черный Замок.

— Значит, нужно придумать что-то новенькое. Если я стану Мордексом, то смогу освободить твою фрейлину.

Я объясняла мальчишке, что в Палатиале он станет думать и чувствовать, как Мордекс, — только словами такое не объяснить. От моих доводов он отмахнулся с напускным безразличием:

— Все равно хочу быть Мордексом.

— Не получится. Граф не приближается к Облачному Дворцу и к Черному Замку никого из нас не подпускает.

— Даже гонцов?

— Он тебя убьет.

— Явлюсь к нему под видом шпиона. Мне, мол, известно, где волшебник. Тогда Мордекс меня не убьет. По крайней мере, пока не выслушает. Тогда я в него и переселюсь.

— Вдруг Мордекс не пожелает встречаться с тобой лично?

— Тогда я стану стражником в его тюрьме и шаг за шагом подберусь к нему.

— Ну, не знаю… — с сомнением протянула я.

До сих пор я единолично владела Палатиалом и во время игры определяла ход событий на пару с хитроумным интеллектом самой игры, прорабатывающим бесчисленные варианты. Если мальчишка начнет играть в роли графа Мордекса, моя сказка изменится. На ход событий будет влиять еще один человеческий интеллект. Проиграть другому ребенку совсем не то же самое, что проиграть машине. Смирюсь ли я, если проиграю?

Но до чего же мне не хотелось пускать его в свой тайный мир!

— Начать можно прямо сейчас, — сказала я. — Только в Палатиале спешить не принято. До отлета домой в Черный Замок ты не отправишься.

— Хоть осмотрюсь, — настаивал мальчишка. — Могу и план составить.

— Да, конечно, — отозвалась я. — Планируй сколько влезет, только в итоге это ничегошеньки не изменит.

— Почему?

Глава 10

Тщетно Лихнис пытался скрыть свой страх — его выдавали складки, залегшие у губ, и стиснутые зубы, он плескался в глазах и сочился через поры.

— Что стряслось? — Язык у меня заплетался, как у пьяной. — Я собиралась перебросить к тебе, а не наоборот…

Ответить Лихнис не успел — его опередили «Серебряные крылья», беззвучно нашептав мне объяснение. Оба наших корабля получили тревожный сигнал Горечавок. Ситуация чрезвычайная, вот корабли и решили разбудить нас, своих пассажиров. Мы по-прежнему летели на максимальной скорости, по-прежнему в десяти с лишним световых годах от места назначения.

— Я оклемался первым, — похвастал Лихнис. — Вот оно, преимущество стазиса.

— Не люблю стазис! — раздраженно заявила я, хотя, разумеется, Лихнис это знал.

Он помог мне выбраться из вертикальной камеры криофага и прижал к себе. В его крепких, теплых объятиях я почувствовала себя холодной и хрупкой, как погруженный в жидкий азот цветок, который при малейшей неосторожности разлетится на яркие осколки.

— Как себя чувствуешь? — шепнул Лихнис мне прямо в ухо, прижавшись своей щекой к моей.

— Хочу снова на боковую. Чтобы этот неожиданный подъем оказался лишь плохим сном.

— «Серебряные крылья» разбудили тебя слишком резко, отсюда и легкая заторможенность.

Я плотнее прижалась к Лихнису — надежному и прочному, как якорь, с которым не страшны шторма.

— Вы давно не виделись, — начал Геспер, стоявший за спиной Лихниса. — Если хотите спариться, могу уйти в другую часть корабля и на определенное время отключу свои наблюдательные функции.

Я хотела не спариться, а крепче обнять Лихниса, чтобы жизнь понемногу вернулась в мои кости, мышцы и нервные волокна.

«Серебряные крылья» беззвучно наполняли

меня информацией.

— Что во вложении? — только и спросила я вслух.

— В каком вложении? — резко отстранившись, уточнил Лихнис.

— Ты даже не посмотрел?

— Это просто тревожный сигнал, вложения для таких не предусмотрены.

— «Серебряные крылья» утверждают, что вложение было. Может, оно пришло, но «Лентяй» его не принял?

— Это не по правилам. Мы должны подключиться к внутренней сети и выяснить, из-за чего сыр-бор.

— Тут явно какой-то сбой. Лихнис, как ты вложение проворонил? Без меня как без рук, — добавила я скорее сварливо, чем зло, а потом поморщилась. — Не обращай внимания, у меня крыша едет.

— Мне уйти, пока вы разбираетесь с сообщением? — тактично спросил Геспер.

— Нет, — покачала головой я. — Что бы ни стряслось, это касается всех, включая наших гостей. Приготовься к плохим новостям. Вполне вероятно, что твое возвращение к машинному народу откладывается.

— Спасибо, что думаешь обо мне, когда у вас самих проблем хватает. Если позволите, я хотел бы ознакомиться с вложенным посланием. Может, здесь его и изучим?

— Сперва мне нужно выпить, — заявил Лихнис, опасливо на меня поглядывая.

Все понятно… Я ведь сама разрывалась между желаниями поскорее услышать новости, пусть даже страшные, и оттянуть момент истины.

— Пойдемте на мостик, — предложила я, закрывая дверцу криофага.

— Есть еще одна новость, — шепнул мне Лихнис, когда мы шагали к ближайшей камере переброса.

— Что еще? — Я крепче стиснула его ладонь.

— Мы потеряли пассажира.

— Кого-то из спящих пленников Атешги? — спросила я, соображая по-прежнему туго.

— О нет! Доктора Менинкса. Всё, лишились мы его приятной компании.

— Что? — тупо переспросила я, помня, что в паре шагов за нами следует Геспер.

— Менинкс погиб. У него камера сломалась. Геспер якобы заметил неполадку и попробовал ее устранить, но доктор переборщил с охранными устройствами. — Лихнис выделил слово «якобы»,

показывая, что говорит со слов нашего гостя.

— Господи!

— В любой другой ситуации я думал бы только об этом. Но тут еще и сигнал бедствия… — Лихнис не договорил.

— Не стану врать, что буду скучать по старому фанатику, только…

— Только смерти ты ему не желала. У меня те же чувства. Нас теперь с потрохами сожрут?

— Им только повод дай, но ты не виноват… — Я очень старалась не делать глупостей, но тут не удержалась и глянула на Геспера.

— Утверждает, что это несчастный случай, — чуть слышно сказал Лихнис. — Пока я решил поверить ему на слово.

Когда мы перебросились на мостик «Серебряных крыльев», я не знала, чем мучусь больше — страхом перед вложенным сообщением или сомнениями в невиновности Геспера. Сильно взвинченная, я взошла на мостик, на котором тут же зажегся свет. Корабль ждал нас и приготовил вокруг главного дисплеера — стеклянного полушария на постаменте — три кресла. «Серебряные крылья» раз в пятьдесят больше «Лентяя», зато мостик тут раз в двадцать меньше. Видоизменяемые стены у меня вечно серые, потолок

рифленый, опутанный светильниками, устройствами и управляющими интерфейсами, хотя на виду только самые необходимые.

— Думаю, насчет выпивки ты не шутил, — проговорила я, ожидая, когда синтезатор приготовит два напитка, алкогольный для Лихниса и тонизирующий для меня, чтобы скорее восстановиться после спячки в криофаге.

— Спасибо! — поблагодарил Лихнис, взяв свой бокал.

Я знаком велела Гесперу занять самое прочное кресло, а мы устроились в соседних.

— Хватит тянуть резину, — дрожащим от волнения голосом поторопила я. — «Крылья», объясните нам, что было во вложенном сообщении.

— Во вложении неинтерактивная запись продолжительностью сто тридцать пять секунд, — громко объявил корабль. — Скрытые информационные слои не обнаружены.

— Вложение безопасно?

— Вложение изучено с предельной тщательностью. Угроз не обнаружено.

Я облизнула пересохшие губы:

— Тогда включай! Все готовы?

— Я готов, — отозвался Лихнис, легонько каса-

ясь моей руки.

В полушарии появилась мужская фигура, точнее, лишь верхняя ее часть, зато в натуральную величину. Шаттерлинга Линии Горечавки я узнала мгновенно и почти прошептала:

— Овсяница.

— Зачем ему… — начал Лихнис, но тут Овсяница заговорил:

«Вы получили это сообщение, потому что опаздываете на наш сбор. В обычной ситуации вы заслужили бы строжайший выговор, только… нынешняя ситуация отнюдь не обычна. Сейчас вы заслуживаете благословения, признательности и прежде всего — искреннего пожелания уцелеть. Возможно, вы последние из Линии Горечавки».

Овсяница серьезно кивнул, и мы поняли, что не ослышались, смотрели на него — и не узнавали: от надменности и высокомерия осталась лишь тень; лицо осунулось, влажные растрепанные кудри липли ко лбу, усталые испуганные глаза превратились в щелки; на щеке что-то темнело — не то ожог, не то синяк, не то жирная грязь.

«Мы угодили в засаду. — Овсяница с отвращением растянул последнее слово. — Тысяча Ночей еще не началась — около дюжины кораблей еще не подлетели, хотя к тому моменту мы задер-

жались на пятнадцать с лишним лет. С другой стороны, более восьмисот кораблей уже были на орбите. Большинство шаттерлингов высадились на планету — кто бодрствовал, кто погрузился в латентность. Когда открыли огонь, мы были практически беспомощны. Защитная оболочка планеты оказалась непрочной, а контратаку наши корабли подготовить не успели — их уничтожили. Против нас применили гомункулярное оружие — непередаваемый словами ужас из самых жутких недр истории. Превратив в облака ионизированного газа наши корабли, даже самые большие и мощные, нападавшие занялись миром, выбранный нами для сбора. Сто часов его накачивали энергией. Это предварило несколько минут, за которые раскалилась атмосфера и выкипели океаны, так что планета стала безжизненной, какой была до нашего появления. На этом они не остановились и продолжали подавать топливо, пока не расплавили кору, потом мантию… Наконец остался шар жидкого огня, который сначала сверкал оранжевым, потом золотым, потом начал распадаться, уже не подвластный силам гравитации. За четыре с половиной дня боевые орудия выработали больше энергии, чем ближайшая звезда. Они уничтожили абсолютно все. По

моим подсчетам, случилось это лет восемь назад, хотя неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем вы перехватите мой сигнал. Настройте сенсоры корабля на систему сбора — и увидите новую туманность, облако каменных обломков, газа и пыли. Теперь это облако держится лишь за счет гравитационного поля самой звезды. Оно просуществует века, то есть значительную часть цикла. В нем вращаются спутники и планета, все, кроме той, которую мы надеялись сделать своим временным домом. Она погибла, а вместе с ней — почти вся наша Линия».

Овсяница остановился и пальцем потер припухлость, набрякшую под глазом-щелкой. Неужели он ослеп? Пока проигрывалась запись, взгляд нашего собрата ни разу не остановился на конкретном предмете.

«Тем, у кого самые быстрые корабли, лучшая маскировка и аппаратура радиолокационного противодействия, удалось спастись. Но таких меньшинство. Неудивительно, что я задействовал протокол Белладонны. Немедленно сойдите с нынешнего курса. Ни при каких обстоятельствах не приближайтесь к месту сбора, ведь даже сейчас, через восемь лет после расправы, нападавшие патрулируют систему, подстерегая

опоздавших. Начав исполнение протокола Белладонны, опасайтесь погони, курс меняйте тайком, путайте следы. Если вас вычислят, лучше пожертвуйте собой, чем привести врага к резервному убежищу Белладонны».

Овсяница сделал паузу и посмотрел в сторону, словно что-то там привлекло его внимание. Потом он заговорил снова, но гораздо торопливее:

«Посылаю эту запись во вложении, потому что через внутреннюю сеть слишком рискованно. Сам факт засады означает, что наши меры безопасности недостаточны, что любое подключение к внутренней сети пеленгуется и используется теми, кто решил уничтожить нашу Линию. Касательно нападавших и их мотивов… К сожалению, тут версий у меня нет. — Он категорично покачал головой. — Ни единой зацепки. Но я твердо знаю, что ни одна галактическая цивилизация, даже перерожденцы и машинный народ, не владеет манипуляцией вакуумом настолько, чтобы воссоздать гомункулярное оружие. Если, конечно, за последний цикл не родилась новая цивилизация гениев… Получается, нападающие использовали оригиналы, хотя Марцеллинов обязали уничтожить их четыре с половиной миллиона лет назад. Вопрос очеви-

ден: неужели Марцеллины нарушили обещание, которое дали Союзу Линий, и утаили оружие? Не верится, что они посмели… С другой стороны, не трудно поверить и в то, что Линия Горечавки нажила себе таких врагов. В общем, действуйте осторожно. Если под подозрение попали Марцеллины, то другие Линии Союза и подавно. Не исключено, что после тридцати двух циклов и шести миллионов лет у нас не осталось друзей».

Овсяница снова остановился, и на миг показалось, что это все. Но вот он дерзко вскинул голову и продолжил:

«Жаль, не знаю, сколько вас осталось. Хочется думать, что опоздавших не очень мало, хотя куда вероятнее, что Горечавок истребили поголовно. Пусть это наивно и глупо, но я надеюсь, что меня слышат уцелевшие шаттерлинги, и обращаюсь к ним. Отныне факел, который зажгла Абигейл, нести вам. Это огромная ответственность, какой на вас прежде не возлагали. Не подведите!»

Голова Овсяницы поникла; запись остановилась, потом перемоталась к началу, на случай если понадобится просмотреть обращение снова.

Мы просмотрели, стараясь не упустить ни одной мелочи.

— Не верю! — выпалил Лихнис, когда обращение закончилось. — Это подделка. Кто-то сумел послать фальшивый сигнал бедствия и изобразил Овсяницу.

— Зачем разыгрывать такой спектакль? — возразила я, похолодев при мысли, что наше будущее только что стало намного страннее и страшнее, чем несколько минут назад, но не потеряв при этом способности рассуждать здраво.

— Чтобы дотянуться до нас, конечно же! Чтобы мы не появились на сборе. Недоброжелателей у нас предостаточно. Кое-кто с удовольствием организует наше отсутствие.

— Кто посмеет говорить от имени Овсяницы без его разрешения? Он сам послал это сообщение или поручил тому, кому доверяет.

— Он нас ненавидит! У него миллион причин подложить нам такую свинью.

— И рисковать отлучением? Раз сообщение широковещательное, значит его получит каждый опаздывающий на сбор. Зуб на нас Овсяница, может, и имеет, но мстительностью не страдает, а глупостью и подавно. — Я откашлялась. — У меня те же мысли. Хотелось бы считать это розыгрышем, глупым выпадом против нас с тобой, но, боюсь, тут другое. По-моему, послание настоящее.

Случилось что-то ужасное, и нам велят держаться от места сбора подальше.

— Я тоже так считаю, — вставил Геспер.

— А тебя спрашивали?! — рявкнул Лихнис.

— Прошу прощения. Я напрасно высказался.

— Нет-нет, ты прав. Сообщение настоящее, к нему нужно отнестись серьезно. Лихнис, прислушайся к Гесперу. У него уйма причин рваться на эту встречу, ведь мы обещали, что там он найдет собратьев. Но в сообщении говорится, что сбор сорван, и Геспер верит. Подумай об этом.

Лихнис закрыл лицо ладонями, словно хотел спрятаться от всего мира:

— Не могу, не верю! Здесь какая-то ошибка, это же ни в какие ворота не лезет!

— Или все так, как сказал Овсяница, — засада, большие потери. В любом случае скоро выясним. Теперь у нас особый повод настроить сенсоры на целевую систему. Два корабля дадут хорошую линию обзора — даже чтобы разрешить туманность на звезды, если понадобится.

— Задачу можно упростить, — сказал Геспер. — Если система окутана пылью, изменился ее спектр. На сенсорах она будет краснее, с линиями поглощения, характерными для элементов, составляющих планеты.

— «Крылья»… — неуверенно позвала я, предчувствуя, что наихудшие подозрения вот-вот подтвердятся, — нет ли в целевой звезде необычных расхождений с данными космотеки?

Ответ не заставил себя ждать. «Серебряные крылья» сообщили, что звезда впрямь краснее обычного, а в ее атмосфере ярко выражены спектральные характеристики железа и никеля. Значит, от планеты несостоявшегося сбора действительно остались лишь пыль и осколки. Более того, уже сейчас, на расстоянии тринадцати световых лет, четко просматривалась туманность — теплый сияющий овал, похожий на отпечаток большого пальца.

Так выяснилось, что это не розыгрыш и что отныне все изменится. Первые шесть миллионов лет мы резвились и играли в игрушки.

Теперь придется взрослеть.

— Вдруг в облаке прячутся уцелевшие шаттерлинги? — спросил Лихнис. — Разве мы не обязаны проверить это?

— Овсяница отправил сообщение через восемь лет после атаки, мы получили сигнал тринадцать лет спустя — это уже двадцать один год. Да еще тринадцать займет путь до цели — получается тридцать четыре года.

— Восемь лет протянул, раз сигнал отправил.

— Он не сказал, что до сих пор в облаке. Где записано послание — непонятно. Возможно, на корабле, летящем к убежищу.

— Читай между строк. Овсяница ранен. За пределами системы он смог бы восстановиться. Думаю, он еще внутри облака на подбитом корабле. Небось с самой атаки прячется… Раз так, там могут быть и другие уцелевшие. — Голос Лихниса дрогнул. — Окажись мы в той системе, изувеченные, но живые, и ты и я тоже рассчитывали бы на помощь.

— Спасти Линию важнее, чем отдельных шаттерлингов.

— Подумай, как поступил бы Овсяница, — тихо предложил Лихнис.

— Что?

— Поставь себя на его место. Представь, что послание отправили мы, а он получил и решает, что делать. Овсяница — молодец, что предупредил, но он отлично понимал, что мы не послушаемся. Даже такой надутый лицемерный кретин не подчинился бы. Прав я или в корне ошибаюсь, но отмахнуться не могу. Там, в облаке, шаттерлинги нашей Линии, наши братья и сестры. Они плоть и кровь, которые делают нас людьми. Предадим

их — предадим всю Линию. Какие мы после этого Горечавки?

Мы отправились взглянуть на доктора.

Резервуар был по-прежнему темен, но сейчас за стеклом бледнели бугристые островки, разделенные реками и бухтами неровной тени. «Как эта рыхлая каша попала внутрь, а доктор не заметил?» — тупо подумала я, а потом разглядела овал с прорезью, некогда бывшей глазом. Лишь тогда до меня дошло, что это и есть доктор Менинкс, раздувшийся как минимум вдвое, видимо до предела.

Поднявшись по ступенькам, я откинула заслонку и взялась за крышку. Когда отвинтила ее и приподняла, из образовавшейся щелки потянуло неприятным запахом. Пришлось поскорее захлопнуть.

— Объясни, что случилось.

— Я не знаю, — отозвался Геспер.

Руки задрожали — я отползла к лесенке, потом поспешно спустилась на пол. Доктор Менинкс не понравился мне с самого начала, а потом, столкнувшись с его фанатизмом, я невзлюбила его еще сильнее. Но Менинкс был моим попутчиком, а еще странником, который много повидал, купался в океанах впечатлений и воспоминаний.

Теперь его нет.

Гнев мой напоминал ударную волну при взрыве сверхновой.

— Как это не знаешь?! Мать твою, Геспер, ты же не спал! Тебя одного доктор боялся. Тебя называл своим возможным убийцей. И вот он погиб…

Геспер стоял на пороге каюты. Голова опущена, руки по швам — ни дать ни взять школьник, вызванный в кабинет к директору.

— Портулак, твоя реакция вполне понятна. Только я уже объяснил Лихнису: моей вины здесь нет.

— Почему ты не помог бедняге? — спросил Лихнис.

— Я пытался — несмотря на запрет. Заметив, что химический состав жидкости в резервуаре нарушен — признаки нарушения были отнюдь не очевидны, — я попробовал его отрегулировать. Однако вскоре убедился, что снаружи управлять настройками невозможно.

Мои подозрения еще не улеглись, к тому же версию Геспера хотелось выслушать до конца.

— А потом?

— Манипуляции с оборудованием пробудили доктора Менинкса от медикаментозного сна. Он пришел в сознание, и я объяснил, в чем дело. К

сожалению, доктор не поверил, что намерения у меня благие, и велел отойти от резервуара, причем немедленно.

— Ты послушался?

— Конечно нет — вопреки не самым разумным протестам доктора. Я хотел помочь, но доктору удалось активировать встроенные устройства и блокировать внешние воздействия. Для меня контрмеры Менинкса опасности не представляли, однако серьезно затрудняли доступ к приборам, которые я хотел осмотреть и настроить. С большим сожалением я прекратил попытки. Не в состоянии спасти доктора, я наблюдал за его неминуемой гибелью. В этот момент я пытался разбудить вас, но безрезультатно.

— Что дальше?

— Я предпринял еще несколько попыток успокоить доктора и восстановить химический баланс жидкости, но потерпел неудачу. Вскоре доктор потерял сознание, а затем умер. Мне оставалось лишь следить, чтобы резервуар не треснул и жидкость не вылилась. Доктору помочь я уже не мог.

— Коротко и ясно, — подытожил Лихнис.

— На ложь я не способен, — отозвался Геспер.

Геспер был с нами, когда мы запустили ал-

горитм Белладонны. На дисплеере Лихниса крупным планом изображалась область Млечного Пути диаметром в тысячу световых лет (толщина галактического диска примерно такая же), в которой находился «Лентяй». Красная линия, обозначающая дальнейший курс, тянулась к краю диска. Проекция конуса перед кораблем отображала зону поиска.

— Искать будем в направлении галактического антицентра, — сказала я. — Проверим радиальную линию, которая тянется от ядра через систему сбора. Это не так далеко от нашего нынешнего курса.

— Таким образом, зона поиска включает вашу целевую систему, — отметил Геспер. — По-моему, задача не вполне ясна.

— Белладонна четко велит избегать системы сбора и аналогичных систем в районе галактического центра, — пояснила я. — Нам следует искать дальше, пока не найдем звезду определенного спектрального типа с определенным расположением планет. Чтобы мы могли добраться туда незамеченными, от планеты сбора ее должно отделять как минимум пятьдесят световых лет. Все, что ближе, элементарно просматривается и в качестве убежища не годится. Нужна каменистая

планета с кольцевой орбитой на приемлемом расстоянии от звезды.

— Она должна быть пригодной для жизни?

— Не обязательно. Главное, чтобы безнадежно непригодной не была. В резервном убежище мы вполне можем провести несколько тысячелетий. За это время успеем изменить климат, даже превратить его из пограничного в комфортный для существования.

— А если планета уже заселена?

— Станем гостями у коренного населения. Большинство цивилизаций знают о Линиях достаточно, чтобы помочь в трудную минуту.

— А если не помогут?

— Помогут, куда денутся.

— По-моему, у нас есть вариант, — проговорил Лихнис.

Масштаб резко увеличился, и на дисплеере появилась одинокая желтая звезда в девяноста световых годах от места сбора — по галактическим меркам рукой подать. Если лететь туда не напрямик, а сделать крюк и запутать следы, хвост за собой мы не приведем.

Я запросила информацию в космотеке и получила краткий конспект. Почти уверена, то была выжимка, самая верхушка огромного айсберга

информации, известной Линии Горечавки. С учетом перцептивной ограниченности центральной нервной системы человека «известной» информации могло быть столько, что мне за целую жизнь не удалось бы переварить.

— Это Невма, — объявил Лихнис, поглаживая подбородок. — Название знакомое, хотя таких Невм небось тысячи.

— Нет, я тоже его уже слышала. По-моему, воспоминания относятся именно к этому галактическому сектору. Кто-то из наших шаттерлингов летал туда. Не ты и не я, иначе помнилось бы лучше. Дело было пару циклов назад, за такой период планета могла измениться.

Космотека сообщала, что на Невме жило множество цивилизаций, но сейчас нет ни одной, однако это не гарантировало, что мир не заселен, — последнему обновлению было двадцать килолет.

— Планета и мне кажется смутно знакомой, — вставил Геспер.

— Ты бывал на Невме? — спросила я.

— Нет, бывать, по-моему, не бывал. Чувства, что высаживался, у меня нет, но, возможно, я собирался туда в рамках более масштабных исследований.

— На Невме есть некий Фантом Воздуха, — объявил Лихнис, вчитываясь в конспект. — Что-то вроде постчеловеческого машинного интеллекта, если я правильно понял. Мог он тебя заинтересовать?

— Как машина машину?

— Это тебе судить.

Лихнис относился к Гесперу с подозрением, хотя мы условились принять на веру его версию гибели доктора Менинкса.

— Вполне вероятно. Но также вероятно, что я ошибаюсь. Сам же говоришь, Невм пруд пруди.

— Вот долетим туда, и разберешься.

— Надеюсь, — отозвался робот. — Сначала надо решить маленькую проблему — как не попасть в засаду. Я хотел бы вам помочь, если вы не против.

— Нельзя доверять Гесперу, — проговорил Лихнис, лежа рядом со мной. — Нельзя, даже если хочется.

— Он предложил помощь, и я позволила ему выбрать корабль из моего грузового отсека.

— А вдруг это уловка?

— То есть Геспер угонит корабль и не вернется?

— Да, как вариант.

— А другой вариант — он говорит правду. — Я приподнялась на локте. — Допустим, он нас бросит. Что мы потеряем? Гостя и кораблик, о котором я и думать забыла, — велика беда!

— Припомню тебе это, когда гость наставит на нас пушки.

— Лихнис, Геспер — существо разумное, а не свихнувшийся от ненависти психопат. — Я провела пальцем по волосам у него на груди, по животу и вниз, к спящему пенису. После соития мы наслаждались тишиной и покоем, но меня угораздило завести разговор. — Фанатиком был доктор Менинкс, а Геспер оказался не в том месте не в то время.

— Это он так говорит.

— Ты правда веришь, что он убил Менинкса?

— Нет, — после долгих колебаний ответил Лихнис. — Думаю, Менинкса погубило короткое замыкание. Но я должен сделать вид, что всерьез обеспокоен. Закрывать глаза на гибель гостя нельзя.

— Даже если другой гость готов рискнуть жизнью ради нашего спасения?

— Слушай, не гони, а? Я просто говорю, что Гесперу нужно наверстывать упущенное. Робот должен снова завоевать мое доверие. Наше до-

верие.

Я ласкала партнера, пока он не начал подавать признаки жизни.

— Мое доверие он уже завоевал. Лихнис, это тебе нужно наверстывать упущенное.

Геспер провел золотой ладонью по золотому же борту корабля, который отыскал в углу огромного помещения. Будучи размером с кита, тот казался здесь игрушечным.

— Это «Вечерний», — проговорила я. — Кроме названия, ничего о нем и не помню. Вроде бы мне его подарили. Давненько я не перемещалась между кораблями на шаттлах, — по-моему, с тех пор, как общалась с молодыми цивилизациями. Теперь мы в основном перебрасываемся.

— Это не просто шаттл, — отозвался Геспер, поглаживая золотой борт.

— Что же тогда?

— Настоящий межзвездный корабль. По-моему, под боковым выступом небольшой параметрический двигатель или нечто подобное.

— Особой разницы не вижу, — пожала плечами я. — У меня тут и другие межзвездные корабли. Все на продажу.

Разговор происходил в главном грузовом отсеке, расположенном в хвостовой части «Крыльев».

Этот отсек, он же склад, у меня прямоугольной формы, герметизированный, восемь километров в длину, три — в ширину и почти два — в высоту. От передней стены, похожей на скалу, мы шли по подвесным мосткам, обходя мою коллекцию артефактов и кораблей. Огромные, они таились в густой тени. Лишь изредка холодный голубой свет потолочных ламп выхватывал ровные или зазубренные края, гладкие или чешуйчатые борта.

Давненько я сюда не заглядывала — не тянуло совершенно. Разномастные корабли, артефакты — в общем, хаос — неприятно напоминали о хаосе у меня в мозгах. Не голова, а скороварка, до отказа набитая впечатлениями. И в грузовом отсеке, и в мыслях следовало навести порядок, но чем дольше я откладывала, тем меньше испытывала желание делать это.

Лихнис подобной сентиментальностью не страдал. Сувенир он мог запросто выкинуть, а переживание перевести из краткосрочной памяти в долговременную. По жизни он летел почти без груза, который тяготил бы его или привязывал бы к прошлому. Я всегда восхищалась такой готовностью отбросить минувшее, хотя понимала: без него нет индивидуальности, без него я не смогу

остаться Портулак, даже если захочу.

А я, конечно же, хотела.

Порой я представляла, как Абигейл лепит глиняных кукол — нужно же девчонке скоротать дождливый день, — не думая о том, что станет после того, как она пустит нас в свободное плавание. Пустяков-то — скорректировала черты своего характера и влила понемногу каждому шаттерлингу. Ей хоть приходило в голову, что последствия могут быть не самыми радостными? Что в один невообразимо далекий день на другом конце галактики ее шаттерлинг войдет в огромный грузовой отсек и утонет в меланхолии — невесело оказаться смотрителем заброшенного музея своего существования.

Геспер явно ждал продолжения разговора.

— Шаттерлинги — скопидомы, как ты, наверное, уже заметил. Все, что здесь хранится, я использую крайне редко, а выбросить рука не поднимается: вдруг случайно избавлюсь от чего-нибудь важного?

— Хорошо тебя понимаю. Однако этот корабль не безнадежен. Если не возражаешь, я хотел бы подняться на борт.

«Вечерний» покоился на платформе невесомости неподалеку от гравитационного пузыря

вокруг мостков. Геспер перегнулся через перила и потрогал корпус, украшенный рифленым византийским орнаментом — сложной вязью, уголками, переплетенными цветами, — который постепенно мельчал до микроскопического, так что границы рисунка размывались. Думаю, узор помогал изменять некое энергетическое поле — примерно так же, как шероховатая шкура помогает акуле плавать.

— Что именно ты хотел бы узнать об этом корабле?

— Хочу проверить, на ходу ли он и примет ли меня как пилота.

— Геспер, я не виню тебя в том, что ты решил нас бросить.

— Я и не решил. Просто думаю, как помочь вам высадиться на Невму.

— Но кораблик-то крохотный.

— Размер создаст проблемы, но не такие, как ты думаешь. Маневренность этого корабля ограничивается не только мощностью двигателя, но и слабостью его демпфирующего поля. Только я не человек. Вас дисбаланс сил превратит в красное пюре — прости за натуралистические подробности, но нужно расставить все точки над i, — а мне лишь слегка ограничит свободу движения.

— Проворство не защитит тебя от всего, что таится в облаке.

— Машинный народ наверняка отправил меня с опасной миссией. Я взялся за нее, понимая, что неопределенность и кризисы неизбежны. Так что ничего не изменилось.

— Лихнис показал тебе объекты?

— Да, показал.

При тщательном изучении системы несостоявшегося сбора «Серебряные крылья» обнаружили в облаке яркие объекты неправильной формы — громадные, сияющие, с зазубренными ответвлениями вроде застывших молний. Сейчас их скрывала пыль, но, как только ворвемся в облачную зону, мы их рассмотрим.

Что это, мы не представляли, хотя космотеку штудировали без устали. Присутствие непонятных образований оптимизма не внушало.

— Они тебя не тревожат?

— Скорее, ставят в тупик. Кажется, я даже знаю, что это, но пока не могу заглянуть в тот уголок сознания. Еще я твердо уверен, что пролечу мимо целым и невредимым.

Несмотря на все случившееся, на бремя тяжких воспоминаний, его храбрость меня растрогала.

— Геспер, я серьезно. Если хочешь улететь,

бери любой из кораблей. Ни я, ни Лихнис не обидимся.

— Я в долгу перед вами. Сперва расплачу́сь, потом все остальное. Ты не против, если я осмотрю корабль? Чтобы использовать его по максимуму, возможно, понадобится немного изменить систему управления. Время еще есть, но чем раньше я начну, тем лучше.

— Мы с Лихнисом вот-вот погрузимся в латентность. Проснемся поближе к Невме, когда начнем сбавлять скорость.

Я велела «Серебряным крыльям» разблокировать золотой корабль, чтобы Геспер поднялся на борт. Часть ограждения исчезла, пол поднялся к люку причудливой формы, который проступил на борту «Вечернего». Мягкий голубой свет из кабины озарял хромированные скулы. Едва он вошел в кабину — одна золотая машина в другую, — люк заблокировался, словно обледенел, а потом покрылся узором, полностью слившись с корпусом. Ограждение сомкнулось. По щеке скользнул легчайший ветерок — в грузовом отсеке изменился микроклимат. Я не заглядывала сюда так давно, что мое появление нарушило баланс замкнутой атмосферы.

Порой в латентность погружаешься с тяжким

бременем на плечах, а проснешься — и все не так страшно. Проблемы не исчезают, нет, они еще здесь и требуют внимания, но кислород уже не перекрывают.

В этот раз чуда не случилось — из криофага я выбралась такой же подавленной.

Тормозили мы резко, нагружая двигатели по максимуму; пока не стали цепляться за пространство-время, как кошки когтями за дерево, о скором прибытии ничто не возвещало.

Два процента от скорости света по меркам Линии Горечавки — почти неподвижность, величина настолько малая, что ее измеряют километрами в секунду. Но и эта скорость куда выше, чем у тел, составлявших целевую систему, — у сохранившихся планет и их спутников, у пыли и обломков расколотого мира. Двумя часами ранее «Лентяй» оторвался от «Крыльев» и отошел на расстояние двух минут, то есть на тридцать шесть миллионов километров. Теперь корабли двигались параллельно, словно пули, выпущенные из двустволки. В таком режиме мы собирались пересечь облако — войти в широкой его части и пролететь по разные стороны от звезды, — чтобы прочесать окружающее пространство в поисках технологической активности. Чувствительность

сенсоров позволяла проверить пятую часть облака — не прячутся ли там корабли. Места для этого было предостаточно — хоть в тепловых узлах, хоть в вихрях, образованных уцелевшими планетами, прекрасно укрывающих от «глаз», восприимчивых к теплу и гравитации.

Все это время нам самим необходимо таиться, то есть свести общение к минимуму, — обломки и мусор рассеют узкий инфопоток по системе, и любой посторонний сможет засечь наши разговоры, а то и расшифровать. Еще придется реже использовать двигатели, а генераторы защитной оболочки включать лишь при непосредственной угрозе столкновения. Другими словами, предстоял полет вслепую, полагаясь только на пассивные датчики.

Геспера я проводила. Прежде чем подняться на борт «Вечернего», он пожал мне руку — холодная металлическая ладонь показалась гибкой и податливой, — затем отстранился и вошел в залитую голубоватым светом кабину золотого корабля. Люк заблокировался, слился с узорчатым корпусом. «Вечерний» загудел — сначала тихо, потом громче и решительнее. Теперь его корпус был нечетким, словно я смотрела на него сквозь слезы. «Вечерний», освободившись от фикса-

торов силовой платформы, отошел от мостков. Ограждение восстановилось. Ухватившись за него, я смотрела, как человек-машина маневрирует между большими кораблями, находящимися в отсеке. Вот «Вечерний» превратился в нечеткую золотую крупинку, а едва открылся шлюз, вышел сквозь атмосферный слой в открытый космос. Через пару секунд двигатели заработали на полную мощность, и золотой кораблик исчез — мощное ускорение унесло его прочь.

Я проследила, как закрывается шлюз «Крыльев», и перебросилась на мостик.

— «Вечерний» улетел, — сообщила я Лихнису.

Ответ поступил через четыре минуты:

— Я ничего не видел, хотя смотрел внимательно. Надеюсь, это будет нам на руку, когда и если попадем в переплет.

Изображение Лихниса воссоздавалось из кеша «Серебряных крыльев», а не передавалось, как обычно, по инфопотоку, который в целях безопасности мы свели к минимуму — к невинным фразам с соответствующей интонацией, жестами, фальшивыми намеками для пущей убедительности.

Через час у «Крыльев» появились новости.

— В моей космотеке кое-что нашлось, — пе-

редала я Лихнису. — Яркие объекты в облаке подтверждают рассказ Овсяницы. По мнению космотеки, это лезии, своеобразные раны от гомункулярного оружия. Разумеется, ничего хорошего они не сулят. Во-первых, это значит, что действительно использовали именно гомункулярные пушки, — спустя такое время! Во-вторых, их применили не тридцать четыре года назад, а позже. Лезии распадаются даже в глубоком вакууме, а в такой среде им тем более не продержаться.

— Да уж, новости тревожные, — отозвался мой партнер. — С другой стороны, получается, у кого-то был повод использовать это оружие сравнительно недавно. Стреляли наверняка не просто так, а чтобы перебить спрятавшихся в облаке.

— Или опоздавших, которым хватило пороху сунуться сюда, несмотря на предупреждения Овсяницы.

— Тоже вариант. — Лихнис невесело улыбнулся и глянул на дисплеер. — Пыль густеет, по крайней мере вокруг меня. На всякий пожарный повышу-ка я мощность генератора барьера. Кстати, и тебе советую.

Я дала «Крыльям зари» соответствующую команду.

— Уже повысила. Ты слышишь меня?

Изображение замерцало, запестрило бело-розовыми помехами.

— Да, — хрипло отозвался Лихнис. — Ты входишь в облако, вижу оболочку «Крыльев». Разумеется, я знаю, куда смотреть, но «Крылья» стали заметнее, чем минуту назад.

Не минуту, а две — нас по-прежнему разделяли две световые минуты.

Я увеличила мощность сенсоров до максимума и наблюдала, как мерцает оболочка «Лентяя», отражая встречные обломки. Порой я ругаю Лихниса за то, что он летает на маленьком кораблике, но сейчас видела: оболочка «Лентяя» в сто двадцать раз меньше, чем у «Серебряных крыльев», а значит, меньше и шанс столкновения.

Через два часа обломки добрались и до меня. Чем дальше в планетный пепел, тем гуще становилась пыль. В ответ на каждое попадание «Крылья» вздрагивали — защитная оболочка впитывала импульс приближающегося объекта и через генераторы передавала его кораблю. Амортизаторы старались нейтрализовать колебания местной гравитации, но предупреждения они не получали, поэтому и реагировали с большим опозданием.

Я чувствовала себя капитаном ледокола, пробирающегося мимо айсберга: при каждом толчке с бортов со звоном слетала обшивка.

— Тут хуже, чем я ожидал, — признался Лихнис. От помех лицо у него стало полосатым, голос дребезжал, значит связь портилась. — Погоди, удары пойдут одной волной, и станет легче.

Примерно через час его предсказания сбылись. Теперь «Серебряные крылья» пробивались через плотный град обломков. Тряска превратилась сперва в ритмичное покачивание, потом в едва ощутимую вибрацию. Зато частые удары тормозили мой корабль. Чтобы удержать скорость на уровне двух процентов световой, приходилось подключать двигатель, причем только при заглушенных генераторах защитного поля. «Крылья» периодически встряхивало при встрече с особенно крупными обломками, так что мои нервы в конце концов истрепались в клочья.

После трех с половиной часов болтанки в облаке мы подобрались к первой лезии. Она проступила из пыли, словно остров из тумана, плоская с одного конца, изогнутая посредине, раздробленная на длинные полосы, похожие на скрюченные пальцы, с другого конца. Залитая мягким молочным светом, лезия напугала меня

до смерти.

Я стиснула холодные перила, ожидая, что корабль резко дернется.

Эта язва в ткани пространства вращалась вокруг звезды вместе со всем облаком, но бесчисленные пылинки внутри ее двигались по разным орбитам с разной скоростью. Рано или поздно любые две из них должны были столкнуться и высвободить столько энергии, что вся лезия преобразуется. Что случится дальше, оставалось только гадать. Может, исчезнет — и тогда заключенная в ней энергия без ущерба впитается в пространство-время, из которого появилась. Или взорвется — и мгновенно породит разрушительную силу, способную снести кору с планеты.

Самое разумное — держаться подальше.

— На время прекратим связь, — сказал Лихнис. — Слишком велик риск, что инфопоток рассеется. — Когда пролетим мимо звезды и плотность облака снизится до безопасного уровня, я дам знать.

Следующие пять или шесть часов показались бесконечными. В меня, как в любого шаттерлинга, заложена способность переносить длительные периоды одиночества, но все внутренние программы и настройки у меня сбились давно и

безнадежно.

Сейчас хотелось, чтобы рядом был человек, иначе живым человеком мне себя не почувствовать.

Геспера я не видела, но знала, по какой траектории он собирался лететь. Покинув «Серебряные крылья», на связь робот не выходил, однако я не тревожилась. Мимо лезии Геспер пробрался раньше нас с Лихнисом, а его юркий кораблик вряд ли возмутил эту аномалию. Куда больше меня беспокоили «Крылья». Траектория моего полета проходила намного дальше, зато силовое поле было значительно шире, чем у «Вечернего», и я не знала, хватит ли сотни километров космического пространства, чтобы изолировать язву от моего двигателя и защитной оболочки.

Космотека ничем не успокоила.

Кажется, я не дышала, пока скрюченные пальцы лезии не остались позади. Все обошлось, но в облаке таились и другие язвы. Мои нервы буквально звенели от напряжения, ведь жизнь полностью зависела от защитной оболочки корабля. Если она не сработает, «Серебряные крылья» вмиг разлетятся на части, и я вряд ли об этом узнаю. Сильные удары периодически напоминали, что я лечу среди каменных глыб, а не только среди мелкой пыли.

Вторая лезия оказалась крупнее первой, зато дальше от меня. Ближе чем на шестьсот тысяч километров мы к ней не подбирались. Формой она напоминала предыдущую, но у этой кривое, ущербное тело разветвлялось посредине, а длинные пальцы уродовали шишки и сломанные ногти. С каждой минутой лезии все больше напоминали мне рога, сброшенные в невероятной схватке оленями-гигантами, способными бродить по открытому космосу.

На седьмом часу движения в облаке я максимально приблизилась к окутанной пылью звезде. По другую сторону от нее «Серебряные крылья» зарегистрировали плавное снижение плотности обломков.

Я понимала, что возобновлять связь с Лихнисом еще рискованно, и приготовилась к долгому ожиданию, но вдруг увидела его лицо.

— Я сигнал перехватил, — неуверенно начал Лихнис. — Он очень слабый, но движется независимо от мусора. Вдруг его издает корабль?

— Корабль Горечавки?

— Нет, на Горечавку не похоже. Протоколы слишком старые.

— Тогда не полетим на этот сигнал. Мы ищем уцелевших шаттерлингов нашей Линии, а не

идиотов, которых угораздило сюда забраться.

— Верно, — отозвался Лихнис. — Но вдруг шаттерлинг нашей Линии не может подать нормальный сигнал? Вдруг его корабль поврежден или он укрылся на борту чужого?

— Да, Лихнис, разные «вдруг» ты сочиняешь мастерски.

«Серебряные крылья» ничего не улавливали. Впрочем, «Лентяй» мог быть ближе к источнику сигнала и перехватить его под носом у моих сенсоров. Когда он передал информацию «Крыльям», я убедилась, что именно так и вышло.

— Согласна, сигнал надо проверить, но, пожалуйста, будь осторожен. Мы проигнорировали предупреждение Овсяницы, а сейчас идем на риск, который пару часов назад сочли бы недопустимым.

— Приспособляемость — оборотная сторона здравомыслия, — отозвался Лихнис. — Ладно, лечу на сигнал, до скорого.

Следующим на связь вышел Гесперр:

— Портулак, Лихнис меняет курс. У него и оболочка стробирует. Что произошло?

Плохо, что в маневрах Лихниса ни капли скрытности, но тут ничего не поделаешь.

— Он сигнал перехватил — возможно, от вы-

живших.

— А возможно, от кого-то страшнее и опаснее.

— Это точно, — процедила я. — Лихнис в курсе, но в стороне оставаться не желает.

— Если не возражаешь, я полечу за ним. Разумеется, это в ущерб маскировке, однако, если система под наблюдением, наше присутствие уже наверняка заметили.

— Пожалуйста, будь осторожен!

— Непременно. По возможности извести Лихниса о моих намерениях. Не хотелось бы его пугать.

— Хорошо, Геспер, извещу. И спасибо тебе, я боялась, что не выдержу напряжения и сломаюсь.

— Портулак, в такой ситуации это волне простительно.

Геспер отключился. Я передала Лихнису, что робот летит за ним, а мое сообщение подтверждать не надо. Сидеть и молчать совершенно не улыбалось, но чем меньше разговоров, тем лучше.

Что такое страх, я знала не понаслышке, но прежде мне удавалось подсластить себе пилюлю. Я всегда утешала себя, что если выживу, то вплету в нить воспоминаний невероятное приключение, которое на пару дней прославит меня на всю Линию, хотя побеждать в Тысяче Ночей

меня совершенно не тянуло. Даже если погибну и Линия не получит мою нить, меня все равно помянут. Когда факт моей гибели подтвердится, шаттерлинги придумают, как достойно увековечить шесть миллионов лет моего существования. Мою фигуру либо высекут на поверхности планеты, либо надуют из газа туманности, либо соберут из обломков сверхновой. Такое в Линии уже делали, и не раз. На следующем сборе и на следующем за следующим — и так пока с последним шаттерлингом не исчезнет память об Абигейл Горечавке, на Тысяче Ночей меня будут славить как живую. Хотя бы до утра.

Только ни сборов, ни Тысячи Ночей больше не будет. Даже если найдутся другие опоздавшие, даже если мы выживем, на новый сбор явно не решимся. Опыт и знания нужно сберечь, а самое разумное для этого — забиться в разные углы галактики и ждать, пока наших врагов не истребит время.

Сейчас, как никогда раньше, хотелось утешиться и успокоиться, а у меня не получалось.

Глава 11

Я не слишком удивился, когда произошло нападение. О засаде нас предупредили прежде, чем мы проникли в эту систему, а я сомневался в тревожном сигнале, хоть и летел на него. Впрочем, огонь открыли внезапно.

Мне повезло: я как раз заглушил двигатель, чтобы обломки тормозили «Лентяя», а поближе к источнику сигнала остановили окончательно. Меняй я направление, пришлось бы отключить поле, и в эти секунды незащищенный корабль уничтожили бы. А так «Лентяя» не спалили, а только проверили на прочность. За мгновение защитная оболочка корабля впитала больше энергии, чем за все время полета в облаке. На аварийный режим «Лентяй» переключился, не дожидаясь моих распоряжений. Пузыри защитной оболочки надулись и вокруг основных устройств, и вокруг груза, и вокруг меня. Даже если бы главный пузырь лопнул, а корабль развалился, внутренние пузыри уцелели бы. Они выкатились бы наружу, как икра из потрошенной рыбы.

Несколько бесконечных мгновений я гадал,

сколько продержится защитная оболочка. Передо мной парил пульт управления, красная линия на нем неумолимо ползла вправо. Если бы мощность луча не уменьшилась — не удалось бы протянуть и тридцати секунд. Хотелось увести корабль подальше, сбежать без оглядки, только как?

Первую волну атаки я пережил. Луч погас. То ли пушка перезаряжалась, то ли к стрельбе готовилось другое орудие. Я придумал, какой приказ отдать «Лентяю», но корабль снова меня опередил. Прямо с активированной оболочкой безопасности «Лентяй» открыл люки и выпустил несколько десятков миног — самоуправляемых мини-кораблей с маломощными скейн-двигателями и пушками на борту. Миноги разделились на отряды и направились к барьеру, который автоматически разредился, пропустил их, а затем восстановил непроницаемость. За считаные секунды под оболочку налетели осколки и забарабанили по корпусу «Лентяя», словно огромная стая голодных ворон.

Миноги выполняли два задания. Три отряда по четыре корабля остались у пузыря, заслонив его от предполагаемого источника луча. Остальные шесть отрядов на полной скорости унеслись прочь. Каждый кораблик бурил в облаке тун-

нель, гамма-лучи ионизировали пыль и обломки, превращая их в плазму, которую можно отвести электростатикой. Из-за этого миноги отлично просматривались, однако мне было не до них.

Те, что остались у пузыря, толкали «Лентяя», синхронно воздействуя на его уплотнившееся поле. Через пару секунд они изменили курс корабля, лишив противника шанса прогнозировать мое перемещение. Мощность скейн-двигателей, даже совокупная, ничто в сравнении с мощностью главного двигателя, тем не менее ускорение получилось ощутимым, ведь я включил амортизаторы, и «Лентяй» летел по инерции.

Тут пушка снова вспомнила обо мне. Защитная оболочка едва восстановилась после первой атаки, а красная линия на пульте опять поползла вправо. На другой секции пульта я увидел, как поток энергии, отразившись от пузыря, спалил две миноги. Уцелевшие десять еще могли толкать корабль, но уже не так резво.

Тем временем двадцать четыре авангардные защитницы начали стрелять по источнику луча из тех же гамма-пушек, которыми буравили облако. На главном, во весь мостик, мониторе я видел их лучи. У границы с облаком они рассеивались до видимого спектра, давая яркий контур. Лучи

миног напоминали спицы на колесе, осью которого был мой затаившийся противник. Красная линия на пульте показывала, что изменение курса «Лентяя» большой пользы не принесло, — враг подобрался так близко, что при баллистических расчетах мог компенсировать задержку на прохождение света между нами либо не учитывать ее вообще.

Раз! — луч переметнулся к авангардным миногам и уничтожил три подряд. Так колесо лишилось сразу трех спиц. Пока он не вернулся ко мне, я успел разредить поле и выпустить еще четыре миноги. Арсенал мой истощился, и я заказал синтезатору новые миноги. Вражеский луч отыскал меня — кто бы сомневался! — но красная линия на пульте отползла влево, ведь часть смертоносной энергии рассеялась.

Из новых защитниц две остались толкать «Лентяя», еще две помчались в разные стороны, чтобы влиться в колесо. Вражеский луч уперся в меня, лишь изредка переключаясь на спицы-миноги. Счастье, что пушка была только одна, две доконали бы «Лентяя». Я бы погиб или ждал бы скорой смерти, болтаясь в пузыре.

У меня оставалось восемь миног: четыре — в обороне и четыре — в контратаке, когда

вражеское орудие взорвалось. В облаке пыли образовалась брешь размером со спутник, но нас тут же унесло в разные стороны. Одна за другой утекали секунды, атака не возобновлялась, и можно было вздохнуть чуть свободнее. Тем не менее я понимал, что отключать защитную оболочку рановато.

Собрав уцелевшие миноги перед «Лентяем», я запустил двигатель. На этот раз пузырь я убрал полностью, чтобы корабль летел на всех парах, — предпочел безопасности скорость, чтобы сбежать подальше от противника. Хоть пушка была уничтожена, но тревожный сигнал так и не стих.

Тут на связь вышел Геспер — передо мной возникло его зернистое изображение.

— Лихнис, похоже, на тебя напали, — начал он. — Ты получил повреждения? Серьезно пострадал?

— Жив! — гаркнул я, стараясь перекричать протестующий рев «Лентяя», которого гнал во весь опор. Двигатель выл, как адская молотилка на последнем издыхании. — Спасибо, что спросил. Тревожный сигнал был приманкой. Зря я на него полетел, видел ведь, что протоколы староваты, Горечавки такими не пользуются.

Геспер приблизился, теперь нас разделяла одна

световая минута.

— Так ты в порядке?

— Да, мы с «Лентяем» целы и невредимы. Зато я убедился: не зря Овсяница велел держаться подальше от этой системы. Сущий террариум, нужно убираться отсюда подобру-поздорову.

— Связь тут посредственная, но Портулак у меня в зоне радиовидимости. Я сообщу ей, что ты цел. Чем тебе помочь?

— Мне главное — из облака выбраться, и все будет нормально. А ты позаботься о себе и о Портулак. Пусть ни на какие сигналы не реагирует.

— Ты уверен, что здесь не осталось живых?

— В этой системе? Сколько можно тешиться пустыми надеждами!

Не успел я ответить, как раздался звонок с пульта управления. Я раздраженно глянул на дисплеер — новостей мне уже было достаточно.

«Лентяй» перехватил новый сигнал от другого объекта. Этот оказался куда четче, а значит… Значит, кто-то следил за нами и мог нацелить сигнализатор.

На этот раз я не сомневался: сигнал от Горечавки.

Я потянулся к пульту, но остановил руку буквально в сантиметре от него. По уму сигнал

следовало отклонить, особенно после сказанного Гесперу, но у меня не хватало духу.

— Лихнис, в чем дело?

— Поступил новый сигнал. Он от Горечавки, протоколы свежайшие.

— Опять сигнал бедствия?

— Да.

— Раз здесь нам устроили засаду, разве не логично, что они пойдут с многих кораблей? Уверен, что враги не перехватили ваш сигнал и теперь его не копируют?

— Если у них есть настоящий сигнал Горечавки, зачем начали с подозрительного?

— На этот вопрос ответить не могу, — тихо отозвался Геспер. — Я лишь прошу тебя быть осторожнее. Сообщить новости Портулак?

— Погоди! — Пульта я так и не коснулся. «Лентяй» обнаружил, что у сигнала есть вложение второго уровня — модуляция, которая распознается как аудиовизуальное сообщение.

Коснувшись пульта и вскрыв сообщение, я должен был действовать. А разве мне хотелось этого?

Можно было улететь отсюда и утверждать, что на вторую приманку я не отреагировал, хотя она вызывала больше доверия, чем первая. Видно,

враги поняли, что я шаттерлинг Горечавки, и переключились на формат нашей Линии.

— Лихнис, — позвал Геспер, — прости за самоуправство, но я сообщил Портулак о новом сигнале.

Я больше удивился, чем рассердился:

— Я же не просил!

— Мне показалось, что новость крайне важна и утаивать ее неразумно. Теперь Портулак известно, что в этой системе есть некто способный копировать сигналы Горечавок. Некто может оказаться Горечавкой, а может не оказаться. Даже если нас обоих уничтожат, Портулак теперь предупреждена, а значит — вооружена.

Спорить с Гесперо не было сил, тем более в глубине души я понимал, что он прав.

— Как она отреагировала?

— Считает, что сигнал разумнее проигнорировать. Свое мнение она отстаивала весьма активно.

Я улыбнулся — «активно отстаивала», это, конечно же, мягко сказано — и велел «Лентяю» вывести аудиовизуальное вложение на плоскую поверхность за дисковой панелью управления.

Появилось женское лицо. Я сразу узнал Волчник, она из нашей Линии.

— Надеюсь, что говорю с Лихнисом, — начала она. — Да, почти уверена, твой корабль с другим не спутаешь. Сколько раз советовала тебе его бросить, а сейчас рада, что ты такой упрямый. Знаю, тебя обстреляли, и очень сочувствую, хотя «Лентяя» заметила лишь тогда. Пожалуйста, не отвечай, пока мы не сблизимся. Я-то увидела тебя с другого конца системы, но сама замаскирована и надеюсь, что этот инфопоток не прослушивают. — Волчник облизала губы, бледные и пересохшие, как у измученного жаждой. В нашей Линии ее считают дурнушкой. Самые яркие черты Горечавок — высокие скулы, разные глаза, чувственный рот — у Волчник выразительными совсем не кажутся. Она стояла у стены, увешанной сенсорами и датчиками, — значит, вещала из своего корабля, — волосы собрала в хвост, такой тугой, что кожа на лбу натянулась как на барабане, и надела сиреневую блузку, обнажавшую одно плечо. — Думаю, о бойне тебе уже известно. Я находилась в латентности, корабль должен был разбудить меня, если что-то пойдет не так. Когда стали палить из «Плюющейся кобры», я поняла, что у нас незваные гости. — Лицо Волчник перекосилось от гнева. — Перебили не всех. На корабле у меня несколько шаттерлингов, кото-

рых я подобрала, когда разверзся ад. В системе наверняка прячутся и другие. На борту у меня и пленные, однако с места нам не стронуться — двигатель отказал. Выползти из облака могу, но рано или поздно меня поймают.

— Что я, по-твоему, должен сделать? — чуть слышно спросил я.

Волчник шумно втянула воздух:

— У нас мало времени. Синхросок кончился, девять жизней в стазисе я использовала. Мой корабль умирает — он уже не способен на авторемонт, из всех систем нормально работает лишь генератор защитной оболочки. — Глаза Волчник так и сверлили меня, словно мы играли в гляделки. — Дай знать, что ты получил сообщение. Даже если проигнорируешь его, слегка отклонись от курса. Хочу убедиться, что меня услышали. Если бросишь нас здесь умирать, я должна кое-что сообщить другим шаттерлингам. Я упомянула пленных. Овсяница не знал о них, значит и ты знать не можешь. Одного мы раскололи. Его зовут Синюшка, он паршивая овца из Линии Марцеллин. Вот откуда у врага гомункулярные пушки. Однако Марцеллинов винить не спеши, — кажется, Синюшка с приятелями действовали без их ведома. Не знаю, как отреагируешь, если ты

настоящий Лихнис, но Синюшка твердит, что в бойне виноват ты. Нет, не так. — Волчник с досадой покачала головой. — Не виноват, а совершил невинный поступок, который привел к бойне. Нарочно или случайно, но спровоцировал ее ты.

— Как я мог ее спровоцировать? Как, если отродясь здесь не был? — ошеломленно вопрошал я.

Я переслал сообщение Портулак — пусть услышит про Марцеллинов и про мое якобы отношение к бойне — и тотчас, не дожидаясь ответа, стал поворачивать. Через пару секунд мой маневр повторил Геспер. Чтобы обогнать «Лентяя», он несся во весь опор. Небось под пять тысяч «же» ускорялся, не представляю, какой амортизатор тут справился бы.

Волчник ответила быстро:

— Спасибо, Лихнис. Я надеялась, что ты повернешь, но рассчитывать, разумеется, не могла. Чем бы дело ни кончилось… я твоя вечная должница. Про тебя говорили гадости… Я сама говорила, а теперь каюсь. Ты лучший из наших шаттерлингов, мы должны гордиться тобой.

— Давай я сначала вас выручу, а уж потом гордиться будешь.

— Отправляю тебе наши координаты, — сказала Волчник. — Они неточные, но ничего лучше

предложить не могу. У нас утечка из защитной оболочки, по ней и разыщешь, когда приблизишься. Я, конечно, постараюсь тебя направлять, а вот тебе выходить на прямую связь со мной не стоит.

На пульте появились числа, на главном мониторе — иконка, окруженная бурым пятном облака. Волчник оказалась градусов на пятнадцать севернее точки, откуда поступил сигнал, и чуть глубже в облаке. Если не сбавлять скорость, «Лентяй» долетит туда менее чем за час. Я вглядывался в раздробленную планету, наивно надеясь усмотреть скрытую опасность раньше, чем среагируют гиперчувствительные сенсоры моего корабля.

— Волчник упомянула «Плюющуюся кобру», — начал Гесперр. В отличие от меня он дара речи не лишился. — Откровенно говоря, я не представляю, что это.

— А о червоточинах слышал?

— Немного. Перерожденцы ими звезды омолаживают.

— Это потому, что другого применения нет. Бог посмеяться решил, вот и создал червоточины. Предтечи умели переправлять через них корабли и информацию, а нам их секрет неизвестен. Мы

накачиваем их материей, и точка. Ну, еще топливо с планеты на планету перегоняем. Может, машинный народ умеет начинять поток материи информацией? У нас не получается. На одном конце смодулируешь, а с другого сигнал все равно выходит скомканным.

— Мы столкнулись с теми же проблемами, — отозвался Геспер.

— К счастью, червоточину Предтеч можно превратить в огнемет. Берешь, один конец фиксируешь на звезде — пусть горючее хлещет из другого конца в пустое пространство. Горловину облепляешь устройствами, которые регулируют подачу топлива и наводят «пушку» на цель. Говорю же, огнемет, сущий огнемет.

— Другой конец должен быть в той же системе?

— Хоть в той же, хоть в сотне лет от нее. На звезде может быть несколько червоточин и несколько горловин.

— По-твоему, здесь было несколько горловин?

— Боюсь, точно не скажешь. Мы подбили горловину, однако едва ли повредили. Устройства, может, и разрушили, но ощутимого ущерба точно не нанесли.

— Почему враги используют это оружие, а не

гомункулярные пушки?

— Главным образом из-за диапазона обстрела. «Плюющаяся кобра» дальнобойна, но куда менее мощна. Гомункулярные пушки надо размещать ближе к цели. Раз планету сбора уничтожили, значит пушки заранее поставили неподалеку.

— А если они спрятаны?

— Только внутри корабля.

— Но корабль-то не скроешь, — заметил Геспер.

— Кто заподозрит неладное, если корабль принадлежит нашей Линии и подает наши опознавательные сигналы?

Геспер долго не отвечал. Мое предположение вряд ли его потрясло, — скорее, почтительное молчание было знаком согласия. Факты красноречивы, других выводов из них не сделаешь.

Засаду устроили при непосредственном участии шаттерлинга Горечавки.

Звонок с пульта известил о новом сообщении от Волчник. Оно было кратким — лишь координаты ее корабля. «Лентяй» скорректировал свой курс и выдал расчетное время встречи. С поправкой на торможение мы должны были подойти к ней через двенадцать минут.

— Лихнис, — позвал Геспер, — не хочу тебя пу-

гать, но я вижу нечто помимо корабля Волчник. Нечто большое появилось пару минут назад и направляется к нам.

Раз независимый источник указал на присутствие неизвестного объекта, «Лентяй» напрягся до предела и снизил порог обнаружения. Через пару секунд на дисплеере возникло расплывчатое пятно, вокруг него — рамка и скудная информация, собранная «Лентяем». Объект был крупный, километров пять-шесть шириной, замаскированный и — робот не ошибся — летел к нам.

— Может, это большой корабль, может, корабль с гомункулярным орудием, может, крылатая пушка, — предположил я.

— Вокруг него видны объекты, издающие слабые сигналы. Наверное, там и другие корабли.

Тут Волчник снова вышла на связь. Мы сблизились настолько, что она могла заслать на «Лентяя» имаго, не опасаясь перехвата. Как ни храбрилась шаттерлинг, голос у нее дрожал.

— Лихнис, поворачивай назад! За тобой отправляют гомункулярную пушку. Гони во всю прыть — и уйдешь из зоны обстрела. Они снарядят погоню, но, может, ты окажешься проворнее.

На этот раз протокол ее сообщения позволял мне ответить.

— Похоже, меня хотели расстрелять из «Плюющейся кобры», но я ее подбил.

— Молодец! — Глаза Волчник засияли от восхищения. — Это их не остановит, но ты хоть показал, что наша Линия не сдается.

— Надеюсь, ты права.

— А теперь беги, Лихнис, ты сделал все, что мог. Жизнью жертвовать ни к чему. Важную информацию я тебе передала. Жаль, пленных не успела переправить, только…

— Я лечу к тебе, — упрямо проговорил я.

— Если ты твердо решил их спасти, я вызову огонь на себя, — сказал человек-машина. — Пролечу мимо Волчник на подходящей скорости и увеличу свою видимость.

— Геспер, ты серьезно?

— Да, и я уже направляюсь туда. Через три минуты подойду к Волчник на максимальное расстояние, потом настрою излучение защитной оболочки и работу двигателя так, чтобы привлечь гомункулярное орудие. Оно вряд ли устоит перед ближней целью, даже если заметит тебя.

— Что бы ни случилось дальше, я… Я очень тебе благодарен.

— Конец связи. Встретимся в межзвездном пространстве, когда улетим из этой злополучной

системы.

Имаго робота замерцало и исчезло. Я остался наедине с Волчник.

— Ты разговаривал с человеком-машиной? Но… где ты его нашел?

— Ну, я не так прост, как кажусь.

Следующие три минуты тянулись дольше вечности. Гесперпронесся в полумиллионе километров от корабля Волчник, а я наблюдал за приблизившейся пушкой и ее эскортом. Сомнений не оставалось: передо мной гомункулярное орудие. Я видел его искаженным, но «Лентяй» восстановил на дисплеере истинные размеры и форму — цветок на тонком стебле с венчиком лепестков, прозрачных и испещренных прожилками, словно крылья стрекозы. В космотеке гомункулярную пушку изобразили именно такой. Ее тайно провезли в грузовом отсеке корабля, но скрывать больше не собирались. До чего обманчива внешняя хрупкость! Силовое поле защищало и поддерживало орудие, а буксирами выступали мини-корабли на скейн-двигателях, как у моих миног. Если пушка была цветком, то буксиры — шипами на ее стебле.

Гесперпролетел мимо Волчник и стал «работать на публику» — стрелять по пушке и ее

буксирам, чтобы спровоцировать ответ. Двигатель «Вечернего» гудел так, что его слышали на другом краю системы. Слышала его и Портулак, хотя в чем дело — не понимала.

Через минуту я начал снижать скорость и отключил все защитные устройства. Мотор ревел, амортизаторы стонали, что не справляются с торможением в тысячи «же» и плавный полет не гарантируют.

Я поморщился, прижался к спинке кресла и стиснул подлокотники, словно это спасло бы при отказе демпферов.

До Волчник остались тысячи километров, потом сотни, и я наконец рассмотрел корабль, который решил спасти, — ромбовидный, около километра длиной и метров двести шириной. Волчник замаскировала его как могла, но ведь она не волшебница! Бедняга держался на честном слове — такое не отремонтируешь: на месте двигателя зияла аккуратная сферическая брешь, словно великан надкусил; нос разорвался, как перезревшая семянка; черный корпус пестрел серебристыми ссадинами — следами мелких повреждений.

Волчник проявила изобретательность: генератор защитной оболочки работал, и она собрала

в пузыре миллионы тонн мусора — получилось нечто вроде защитного экрана, который прикрыл бы корабль в отсутствие пузыря. Вблизи он выглядел неестественно — валуны, слившиеся в мини-астероид, в центре блестящий мрамор, — хотя вряд ли кто-то присматривался.

— «Лентяй» рядом с тобой, — передал я. — Грузовой отсек открыт, места для тебя хватит, только отключи пузырь и отсеки защитный экран.

— Боюсь. Они уже близко. Если уберу пузырь, меня в два счета засекут.

— Сама же говорила, что оболочка на ладан дышит. Терять тебе нечего.

На последней стадии приближения «Лентяй» тормозил не так резко, и я посмотрел, как дела у Геспера. Он менял курс, безостановочно обстреливая гомункулярное орудие. Без внимания его маневры не остались — два буксирных мини-корабля отделились от стебля и понеслись к нему. Сама пушка на приманку не реагировала, а буксирные корабли сделали поворот и разогнались примерно до скорости «Вечернего».

«Лентяй» остановился аккурат у последнего слоя маскировочных валунов. Защитная оболочка отключилась, и корабль Волчник на импеллерах пополз через камни, выпавшие

из пузыря. Глыбы бились о корпус, оставляли серебристые вмятины, раскалывались, рассыпались. Импеллеры засветились ярко-розовым, что означало серьезный сбой. Ну и ладно, пусть только протащат корабль еще пару сотен метров, а потом хоть рассыпаются.

Я отправил две миноги соорудить из камней временный экран между нами и гомункулярной пушкой. Постоянное руководство не требовалось — они буквально набросились на камни и засновали туда-сюда с такой скоростью, что не уследишь.

Тем временем я повернул «Лентяя» грузовым отсеком к Волчник и отключил защитное поле. Миноги светлячками заметались вокруг, отводя крупные осколки, разлетевшиеся от приближения второго корабля. Вдруг показалось, что я переоценил вместимость грузового отсека, что, даже обломанный, гость в него не влезет.

— Отключай импеллеры! — скомандовал я. — Скорости тебе хватит. Остальное — моя забота.

Тут половина неба раскололась, словно ночной мрак был тонкой скорлупой на слепящей белизне. Пульт тотчас вывел причитания «Лентяя»: на части корпуса повреждения средней тяжести, один светлячок погиб.

Имаго Волчник задрожало, потом снова выровнялось.

— Пушка выстрелила.

Я кивнул — сам уже догадался.

— Ты ранена?

— По-моему, больше всего досталось камням. Мы пока вне эффективной зоны поражения. У «Лентяя» есть повреждения?

— Ничего такого, что не поддается ремонту или мешает побегу.

О том, что случится, когда орудие приблизится, думать не хотелось. По большому счету, мы от обстрела не пострадали. Я с содроганием наблюдал, как корабль Волчник вползает в грузовой отсек «Лентяя». Он едва помещался, не оставляя и сантиметра свободного пространства. Что-то с лязгом ударилось о корпус, но гость упорно полз вперед. Развалина напоминала грязного тощего зверька, штурмующего уютную норку соседа, и рассыпáлась буквально на глазах, особенно — области пробоин.

За черной скорлупой неба снова проступил слепящий белок, на сей раз еще ярче, очертив розовым грузовой отсек и корабль Волчник. «Лентяй» пожаловался на новые повреждения. От экрана, который соорудили миноги, отлетел

валун, раскаленный докрасна со стороны, обращенной к пушке.

Гость уже скрылся в грузовом отсеке, и манипуляторы заблокировали его в оптимальном положении. Я включил защитную оболочку и приказал «Лентяю» улетать. Миног осталось мало, толкать мой корабль было некому, поэтому разгонялся я медленнее. При тысяче «же» каменный экран распался с потрясающей быстротой. Хотелось верить, что гомункулярная пушка осталась далеко позади, но это было не так.

«Вечерний» я разыскал в момент, когда робот направил его на орудие после такого крутого поворота, который угробил бы большинство кораблей, не говоря о пассажирах-людях.

— Геспер, — шепотом позвал я, — не надо, мы и так выберемся.

Можно подумать, он меня слышал. Можно подумать, он послушался бы, если бы слышал.

Пушка выстрелила снова. Теперь слепящий свет разлился по небу, как асимметричная клякса с рваными краями. Так родилась новая лезия. Видимо, решив убить меня, враги выжимали из пушки максимум.

«Лентяй» рвался прочь во весь опор. Наше спасение теперь от меня не зависело. Тревоги и

метания не изменили бы ровным счетом ничего.

Только я не мог улететь, бросив Геспера на произвол судьбы.

Глава 12

— Ты видел, как погиб Геспер? — спросила я.

— Да, — ответил Лихнис.

— Очень жаль. И тебя, и его.

Мы находились на «Лентяе» и лежали рядом. Оба корабля выбрались из облака в межзвездное пространство и набирали крейсерскую скорость. К Лихнису я перебросилась, едва он приблизился к «Серебряным крыльям». Мы льнули друг к другу и обнимались так крепко, словно воссоединились ненадолго и переменчивая Вселенная могла разлучить нас в любой момент.

Целовались мы сперва нежно, потом жадно и неистово, словно за часы разлуки успели позабыть друг друга. Скинув одежду, мы занимались любовью, проваливались в полусон, потом снова занимались любовью — и так до блаженного беспамятства. Физических сил не осталось, но главное — мы уцелели.

Вот мы проснулись снова и цеплялись друг за друга, как усталые пловцы.

— Нужно представить тебя новым гостям, — сказал Лихнис после большой паузы, за время которой я едва не уснула.

— Они как, ничего?

— Да, я проверял. Сейчас бодрствуют только Аконит и Волчник. Я не хотел отмечать их спасение без тебя и попросил подождать в саду.

— А что с пленным? Или с пленными, если их несколько? Что-нибудь новое выяснил?

— Ничего, кроме того, что уже слышал, — бойню непонятным образом спровоцировал я.

— Значит, либо Волчник неправильно поняла, либо пленный наврал ей с три короба.

— И случайно приплел меня?

Что ответить на это, я не знала.

Мы умылись, оделись и перебросились в сад «Лентяя». Я старательно изображала спокойствие, хотя ум без перерыва просчитывал возможности. Как Лихнис мог спровоцировать бойню, если он безнадежно опаздывал на сбор?

Если только не дал повода во время прошлой встречи… Другими словами — повод в нитях Лихниса. Но в таком случае мы имеем дело с шайкой, которая строила дьявольский план на протяжении целого цикла. Так долго некоторые цивилизации не живут. Мерзкие злодеи терпе-

ливее удавов.

— Любое объяснение упирается в Вигильность, — проговорила я.

Лихнис как раз открывал калитку в каменной стене, окружающей сад.

— При чем здесь Вигильность?

— Сам подумай. Не загляни ты в прошлом цикле на Вигильность, тебе не навязали бы доктора Менинкса. Если бы не доктор Менинкс, мы не вернулись бы в тот сектор рукава Щита — Южного Креста, не повстречали бы ни кентавров, ни Атешгу и на сбор не опоздали бы.

— И не спасли бы Геспера. Он так и томился бы в плену у Атешги.

— Понимаешь, к чему я клоню?

— Не понимаю, как это связано с заявлением Волчник.

— Может, и никак, но, если посещение Вигильности вызвало столько перемен, вдруг оно привело к чему-то еще? Цикл назад оно было основой твоей нити. Что, если в твоих воспоминаниях есть эпизод, кого-то сильно возмутивший?

— Какой еще эпизод?

Порой Лихнис доводит меня до бешенства.

— Понятия не имею. Но раз других объяснений пока нет, может, задумаемся над этим?

— Тогда нужно перемотать мою нить назад, — отозвался Лихнис, словно считал это колоссально сложным.

Больше всего на корабле Лихниса я любила именно сад. Мы миновали калитку в обвитой плющом стене и зашагали через луг по тропке, петляющей между статуями, солнечными часами, водяными часами, ветряными курантами, брызжущими пеной фонтанами и движущимися скульптурными группами, к участку в кольце деревьев. Посредине находился летний домик, деревянный, с конической крышей. Окружал его ров с водой, соединенный с прудом. Через ров перекинулся красный мостик в китайском стиле.

В безоблачном небе над садом растворилась молочная голубизна сотен тысяч планет. Сад никогда не менялся, тепло солнечного полудня было вечным. Есть звезды, которых не существовало, когда он закладывался. Есть звезды, которые светили тогда, а сейчас стали мертвым газом, несущимся во мрак. Бесчисленные цивилизации поднимались, расправляли крылья, именовали себя властителями всего сущего, а в результате оказывались на задворках истории.

Волчник и Аконит ждали нас в доме. Они сидели на скамье, между ними стоял поднос с едой и

бутылкой вина.

— Здравствуй, Портулак! — сказали они чуть ли не хором при моем появлении.

Лихнис вошел следом.

— Очень рада, что вы оба спаслись, — проговорила я.

— А мы спаслись? — спросила Волчник, обращаясь к Лихнису. У нее были короткие волосы цвета выгоревшей соломы и полупрозрачная кожа с россыпью медовых веснушек на щеках.

— Трудно сказать, — ответил Лихнис. — От врагов мы оторвались, но с облегчением я вздохну, лишь когда от этой системы останется одно воспоминание.

— Хочу спросить, — начал Аконит, хлебнув из бокала. Не шаттерлинг, а воплощение эпатажа — высокий, смуглый, с проседью в бороде и целой гроздью звенящих колец в одном ухе. — От других ничего не слышно? А то мы спаслись, но вещать на все облако не рискнули.

— Если кто и уцелел, то сигналов не подавал, — проговорил Лихнис. — Прости, что не могу порадовать.

— Ну, братец, ты не виноват.

— Нам известно, что выжил Овсяница, — вмешалась я, села на другую скамью и подтянула

колени к груди. — Мы получили его сообщение. Овсяница отговаривал нас сюда лететь, но мы рискнули.

Волчник глянула сперва на Аконита, потом на меня:

— Получается, вы не в курсе…

— Овсяница погиб, — сказал Аконит. — Уцелевшие шаттерлинги выбрались из системы сбора, а он остался и, боюсь, отправил сообщение незадолго до этого.

Новость буквально раздавила меня. Я-то считала, что Овсяница жив, иначе как он послал сигнал?

— Что случилось? — спросила я. — Двигатель отказал?

Волчник сокрушенно покачала головой:

— Отвлекал нападавших. При желании мог спастись, но посчитал, что Линия важнее.

— А я плохо о нем думала… — посетовала я.

— Не ты одна, — пристыженно потупился Лихнис.

— Только сырость не разводите! — осадил нас Аконит. — Мы выжили, значит есть кому вспомнить Овсяницу, покрыть его имя славой — и так далее. В лепешку расшибемся, чтобы чувак мог нами гордиться, верно, братан? — Аконит обод-

ряюще толкнул Лихниса.

— Угу, — буркнул тот.

Волчник подлила себе вина. За окном все так же пели птицы, во рву шумел камыш.

— Так вас только двое? — уточнила я.

— Нет, мы не вдвоем в бессознанку погрузились, — отозвался Аконит. — Есть еще Люцерна, Донник и Маун, они сейчас дрыхнут, ну и пленные.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил Лихнис, потянувшись за гроздью винограда. — Медицинская помощь — и так далее?

Наши гости переглянулись.

— Мы с Аконитом чувствуем себя хорошо, — ответила Волчник. — Было тяжело, но корабль о нас заботился. Если бы начались проблемы с питанием или жизнеобеспечением, кому-то пришлось бы погрузиться в долговременную латентность. К счастью, до этого не дошло.

— Вы бодрствуете с начала бойни? — спросила я.

Волчник покачала головой:

— Нет, без латентности мы бы свихнулись от напряжения, поэтому велели кораблю разбудить одного из нас или обоих, если случится что-то необычное. Бодрствовать могла Люцерна или

другие двое, но выпало нам.

— Возможно, такой разговор не ко времени, — начал Лихнис, — но гомункулярное оружие могло попасть на планету сбора только спрятанным.

— В корабле шаттерлинга? — уточнил Аконит.

— Неприятно об этом думать, но…

— Ты прав. Три пушки и «Плюющаяся кобра» прилетели на кораблях Шафрана, Скабиозы и Вики. Но эти трое ни при чем. Их корабли захватили, протоколы Линии взломали. — Аконит смотрел на Лихниса, словно других объяснений и существовать не могло, словно считал иные варианты вселенской глупостью. — Соучастниками они быть не могли, если ты к этому клонишь.

— Сейчас не стоит исключать ничего, — заметил Лихнис.

Волчник шумно втянула воздух:

— Аконит, не время прятать голову в песок. Участие нашего шаттерлинга налицо. Даже Овсяница это подозревал. Он не представлял, как взломать сеть Линии без помощи изнутри.

— Помощь не всегда оказывают добровольно, — напомнил Аконит, но тут же поднял руки в знак капитуляции. — Эй, только не будем из-за этого ругаться. Вот попадем в убежище, тогда и потолкуем. Если появятся веские доказательства,

я не буду прятать голову в песок.

— Я тоже, — сказала я, взяв ломтик хлеба.

Волчник погладила серую обшивку криофага Донник:

— Нужно их разбудить. Мы так и договаривались, если ситуация изменится.

— Лучше не надо, — возразил Аконит. — По крайней мере, пока не будем в безопасности.

— Давайте хоть на «Лентяя» их перенесем, — предложил Лихнис. — У меня на борту полно спящих, еще парочка хлопот не доставит. Когда все в одном месте, и присматривать легче.

— Не замечала за тобой раньше такого гостеприимства. — Волчник сконфуженно улыбнулась.

— Просто так получилось, — отозвался Лихнис.

Пленных держали отдельно от наших шаттерлингов. Волчник шагнула к первой камере, открыла массивный замок и распахнула узорчатую латунную дверь. В камере стоял каркас древнего устройства — рама с генераторами барьера, которые подпитывали ограничительный пузырь — прозрачный, словно стеклянный, шар, достаточно большой, чтобы вместить кресло. Внутри парила другая рама, поддерживающая устройства сжатия времени, которые надули второй пузырь — с алым отливом, словно из

тонированного стекла. В нем зависло кресло с высокой спинкой и краями, загнувшимися по размеру шара, в нем сидел человек, крепко связанный, чтобы исключить непроизвольные движения. Мертвецкой неподвижностью он напоминал голограмму, хотя на деле ни мертвецом, ни голограммой не был.

— Это Синюшка? — спросила я, вспомнив, что Волчник говорила Лихнису в сообщении.

— Нам известно, что в Линии Марцеллин некогда был Синюшка, — ответила Волчник. — Марцеллины отвечали за гомункулярное оружие. Но пока не просканируем ему мозги, наверняка не узнаем.

— Как вы их поймали? — спросил Лихнис.

— Часть шаттерлингов прорвала заслон и ушла в межзвездное пространство. Нападавшие преследовали их, они явно не хотели, чтобы мы выбрались из системы сбора. Овсяница подбил их корабль, позволив уйти другим шаттерлингам. По-моему, он так и не понял, что экипаж уцелел, — когда мы взяли их в плен, он уже погиб.

— Взяли в плен? — хмуро переспросил Лихнис.

— Подбитый корабль прошел рядом с моим. У врагов могли остаться запасы энергии и оружие, которые пригодились бы нам, поэтому мы ре-

шили отключить защитную оболочку и выслать шаттл. Да, затея рискованная, и да, без споров у нас не обошлось. — Волчник в упор посмотрела на Аконита. — Я возражала, но в конечном счете мы поступили правильно. Полезного там оказалось не много, зато взяли в плен четверых. Трусы! — презрительно ухмыльнулась она. — Будь у них хоть капля нашей храбрости, покончили бы с собой, только бы не попасть в наши руки.

— Мы тотчас погрузили их в стазис, — продолжил Аконит. — Стазокамеры у нас допотопные, но других нет, а оставлять пленных в реальном времени было опасно. Они могли сбежать, подать сигнал своим или совершить самоубийство.

— А прежде чем запереть? — уточнила я.

— Допросили как могли, но ничего путного не добились.

— Только от Синюшки, — подсказала я.

— Синюшка раскололся уже после стазокамеры.

Волчник нажала на участок слева от дверцы — показалась секретная панель с массивными латунными ручками, витиевато украшенными датчиками и шкалами. Главный рычаг поворачивался вправо на девяносто градусов. В данный момент его выставили на четыре пятых шкалы,

на отметку сто тысяч. Значит, одна секунда в стазисе равнялась суткам за пределами стазокамеры. Если логарифмический рычаг повернуть до отказа, кратность сжатия времени возрастала до миллиона, но на такое шли лишь с суперсовременными устройствами и в экстренных случаях.

— Сейчас он безопасен, — сказала Волчник, поглядывая на Марцеллина, — но, когда мы попробовали вывести его из стазиса, стало пропадать защитное поле. Поэтому мы держали его на низком уровне, чтобы замедлиться до такого же синхросоком и допросить, но на больший риск не пошли.

— Я вас не виню, — сказала я. — А что с другими?

— Риск тот же, если не больше. Стазокамера Синюшки лучшая из четырех — остальные три еще допотопнее. — Волчник закрыла панель и захлопнула узорчатую дверь. — Его лучше не трогать, пока не долетим до убежища. Там попросим технической помощи у других членов Линии.

— У горстки выживших, — уточнила я.

— В убежище нас ждут другие шаттерлинги, — уперлась Волчник. — Хочешь — считай меня наивной, только если бы я в это не верила… я покончила бы с собой. Акт самоуничтожения

совершила бы.

— Мы все в это верим, — успокоил ее Лихнис.

— Портулак знает, что сказал нам Синюшка? — спросил его Аконит.

— Да, знает.

— И что вы об этом думаете?

— Я хотел бы лично потолковать с ним.

— Потолкуешь, братан, всенепременно потолкуешь, — мрачно улыбнулся Аконит.

— Я верю Синюшке, — заявила я. — Выслушивать такое неприятно, только зачем ему выдумывать эту странную подробность? Раз сказал, значит у Синюшки на то веские основания. В любом случае это не делает Лихниса вражеским сообщником.

— А что об этом говорит Менинкс? — полюбопытствовала Волчник.

— В последнее время доктор не слишком разговорчив, — ответил Лихнис.

— Доктор Менинкс умер, — пояснила я и добавила: — Резервуар сломался.

— Ну и совпадение! — выпалил Аконит, содрогнувшись.

Лихнис аж руками заслонился:

— Я не виноват! Мне строго запретили касаться его резервуара, и я не касался.

Аконит по-свойски похлопал его по спине:

— Если хочешь, я взгляну. Только я не раз сталкивался с водными тварями и заранее знаю, что увижу, — ржавеющую развалюху, напичканную доисторическими устройствами, которая вот-вот отдаст концы.

— Спасибо, — отозвался Лихнис, явно огорошенный таким предложением.

— Видишь, и от Аконита польза есть, — сказала Волчник.

Тут я и получила мысленное сообщение от «Серебряных крыльев» — пришли важные новости.

Мы смотрели на параллелепипед, разделенный зеленой координатной сеткой на кубики. С одной стороны изображались иконки наших кораблей, так близко друг к другу, что напоминали одну сдвоенную, с другой — размазанное световое пятно, обозначающее гелиопаузу системы, которую мы только что покинули. За гелиопаузой влияние звезды несущественно, то есть начинается межзвездное пространство. Посредине были иконки трех кораблей, гнавшихся за Лихнисом с тех пор, как он спас Волчник и остальных.

— Про три корабля мы и так знали, — сказал Аконит. — Может, я туплю, но, хоть убей, не понимаю, из-за чего весь сыр-бор.

Мы вчетвером перебросились на мостик «Серебряных крыльев» и стояли вокруг главного дисплеера.

— Сыр-бор из-за того, что один догоняющий отрывается от двух других, — пояснила я.

Аконит почесал подбородок:

— Вот ты сказала — и я сам увидел… Это впрямь странновато.

Иконки догоняющих напоминали вытянутый треугольник с вершиной — ускоряющимся кораблем. Мы буквально ели глазами дисплеер и через пару минут заметили, что координатная сетка ползет слева направо, а магнитопауза исчезает из виду.

— Резерв мощности, если он был, они уже исчерпали, — пояснила я. — Объяснение тут лишь одно: третий корабль — «Вечерний». Лихнис, ты говорил, что видел, как его уничтожили, но получается, «Вечерний» уцелел.

— Выдержал прямое попадание гомункулярной пушки? — удивился Лихнис.

— Я не утверждаю, что корабль не пострадал.

— Геспер на связь не выходил? — спросила Волчник.

— Поступил сигнал бедствия, который он ввел в корабль. Мы заранее оговорили протоколы —

подобный сигнал может передать только Геспер.

— Вдруг кто-то проник на борт и взломал систему? — предположил Лихнис. — Возможно такое?

— Теоретически — да. Но это значит, что проникший очень ловок и умен, а Геспер, почуяв опасность, не уничтожил сигнальный прибор.

— Значит, сигнал от Геспера, но наверняка ты не знаешь, — заключила Волчник.

— Наверняка выясним, когда заглянем в кабину «Вечернего».

— То есть позволим ему догнать нас, а дальше — как получится? — встревоженно уточнил Аконит.

— «Вечерний» нас не догонит. Мы летели, летим и будем лететь быстрее его, если двигатель не откажет. Может, у «Вечернего» и осталась псевдотяга, но в нынешней ситуации это вряд ли.

— Значит, ему крышка, — проговорила Волчник, кусая губы.

— Если только мы за ним не вернемся, — уточнил Лихнис.

— Да, — кивнула я. — Раз Геспер сигналит, значит просит помощи. В трудную минуту он помогал Горечавкам. Мы не можем его бросить.

— Похоже, я что-то упустил, — начал Аконит, — но ведь если мы сейчас развернемся или хотя бы

притормозим, то снова попадем под обстрел.

— Есть и другие варианты, — сказала я. — У меня в грузовом отсеке целая коллекция кораблей. Некоторые способны развивать скорость выше, чем «Лентяй» и «Серебряные крылья». Правда, ненадолго, но слетать за Геспером я успею.

— А если нет? — опасливо спросила Волчник. — В принципе затея хороша, но… не многовато ли риска?

— Это вполне реально, — объяснила я. На заранее настроенном дисплеере появилась иконка, спешащая от «Серебряных крыльев» к «Вечернему». Я даже наложила овальные проекции зон вражеского обстрела, решив, что ни гомункулярных пушек, ни «Плюющихся кобр» у догоняющих не осталось. — Если Геспер не изменит скорость, можно слетать за ним, не попав в зону обстрела, вернуться на «Крылья» и включить максимальное ускорение. Так мы и отрыв организуем, и не приведем погоню к убежищу.

— Все равно рискованно, — стояла на своем Волчник.

— Дышать тоже рискованно, — пожала плечами я.

— Вообще-то, я не против спасения Геспера, — оговорился Аконит, — но мы обязаны думать, как

любое наше действие отразится на Линии. Для благородных жестов сейчас не время.

— Я тоже так считаю, — кивнула я. — Но еще считаю, что, если мы не вызволим Геспера, не будем иметь морального права называть себя Горечавками.

— Линия в ее нынешнем состоянии не пострадает в любом случае, — заявил Лихнис, кивнув гостям. — Мы с Портулак решили, что вы останетесь на «Лентяе», а мы возьмем корабль из грузового отсека «Серебряных крыльев». «Крылья» чуть сбавят скорость, но после нашего возвращения наверстают упущенное.

— Вы полетите за Гесперо́м вместе? — спросила Волчник.

— Мы и об этом договорились. Портулак не хочет жить без меня, а я без нее, так что вариантов нет.

— Очень даже есть, — возразил Аконит. Видимо, эта мысль пришла ему в голову только сейчас, и он додумывал на ходу. — Раз этот Геспер столько сделал для Линии… беспокоиться о нем должны не только вы с Портулак, но и мы. Короче, лететь нужно мне.

— Исключено, — отрезал Лихнис.

— После всего, что ты для нас сделал? Ну ты

даешь, братан!

Я начала возражать, но Аконит поднял руку:

— Брось, Портулак. Я уже принял решение.

— Ты серьезно? — тихо спросила Волчник.

— Ага, серьезнее не бывает, — энергично кивнул Аконит. — Портулак, который из кораблей ты выбрала?

— Швертбот краебежцев.

— Шикарный выбор.

— По планетному времени его не заводили три миллиона лет. Тебя это не пугает?

— Это самая современная разработка. Только покажи, где включать музыку.

Исчез Аконит мгновенно и так же быстро появился снова. Секунду назад я стояла в грузовом отсеке и смотрела на графитовое небо и звезды, искаженные доплеровским эффектом, а в следующую к «Серебряным крыльям» уже пришвартовался швертбот, появившись словно ниоткуда. Мы с Лихнисом и Волчник поднялись на корабль, едва фиксирующая сила пригвоздила его к месту.

Тогда мы и увидели, что стало с Геспером.

— Он был жив, когда я до него добрался, — рассказал Аконит. — Даже шевелился. Он меня видел.

Зато сейчас Геспер вряд ли что-то замечал. Голова у него не двигалась, выражение лица не менялось, глаза, прежде мерцавшие бирюзовым и опаловым, стали пустыми. Единственным признаком жизни казались огоньки, кружившиеся за стеклянными панелями над ушами, но сейчас они вращались медленнее и поблекли, как угли в потухающем костре.

Тем не менее Гесперу хватило силы воли послать нам сигнал бедствия.

Меня пугала не безжизненность робота — даже если бы погасли огоньки за стеклянной панелью, я убедила бы себя, что он погрузился в машинную кому, чтобы сохранить важнейшие функции, пока не подоспеет помощь, — но он и внешне сильно пострадал. Левый бок практически отсутствовал, точнее, сплавился в бесформенный комок золотых и черных деталей — и самого Геспера, и «Вечернего». Корабль сгинул, зато на Гесперe просматривались серебристые следы — там, где Аконит отрезал его от корабля.

— Времени было впритык, — оправдывался наш собрат, словно его обвиняли. — Я едва успел его вытащить.

— С тех пор его состояние изменилось? — спросила я.

— Огоньки чуть поблекли, хотя они с самого начала светили неярко. Уж не знаю, поддерживал ли Геспера корабль или медленно убивал.

— Когда «Вечерний» подбили, авторемонтные системы нарушились. По-моему, Геспер пострадал оттого, что корабль распознал его как сломанную деталь и приращивал к своей матрице.

— Получается, зря я отсек его от корабля.

— Геспер недаром посылал нам сигнал бедствия, — заметила я. — Вероятно, чувствовал, что отрыв не удержит и враги его нагонят. В любом случае ты подарил ему шанс на спасение.

— Очень надеюсь.

— Не представляю, как его реанимировать. — Лихнис стоял подбоченившись, как садовник над своей делянкой.

— По-моему, самое разумное — ввести в латентность и поскорее доставить к машинному народу, — сказала я.

— Не уверен, что у нас есть подходящая стазокамера, — пробурчал Лихнис. — Не подгонять же его под размеры.

— В таком состоянии Геспера оставлять нельзя, — настаивала я, наблюдая за мерцанием тусклых огоньков за панелями его черепа.

— Мы не оставим, — пообещал Лихнис. — Просканируем его, как ты говоришь, и, если сумеем, устраним неполадки. Если не сумеем, придется ждать прилета в убежище и надеяться, что там находится кто-нибудь из представителей машинного народа — вдруг гостит у кого-то из выживших? — и он скажет, как быть.

— А если не встретим другого робота?

— Мы не волшебники, — чуть слышно напомнил Лихнис. — Что могли, то сделали. Будем надеяться на лучшее.

Сканирование ничем не порадовало — детали Геспера и «Вечернего» сплавились намертво. Левая сторона туловища, включая живую руку, почти не сохранила анатомическую целостность. Но в слиток поступали энергия и необходимые вещества, значит системы жизнеобеспечения функционировали. Хорошо, что Аконит не перерубил провода, когда освобождал Геспера. Одно лишнее движение — и вреда стало бы больше, чем пользы.

Однако Геспер еще мыслил и пусть изредка, но пытался контактировать с нами. Случилось это вскоре после поворота на Невму, к определенному Белладонной убежищу, когда мы удостоверились, что врагам нас уже не высле-

дить. Перемену я заметила, когда в очередной раз — почти без надежды — добивалась от робота внятной реакции. Я смотрела ему в глаза, на стеклянные панели над ушами и вдруг увидела, что на уцелевшей правой руке шевелится большой палец. Казалось, паралич сковал всю конечность, кроме него.

Прежде палец не двигался.

Я потрясенно глазела, пока не вспомнила, что́ человек-машина проделал с бокалом. «Вдруг просветление временное и вот-вот закончится?» — в панике подумала я, бросилась к ближайшему синтезатору, срочно заказала у него бокал, подсунула Гесперу и стада ждать. Палец робота заскользил вверх-вниз по стеклу — получилась вертикальная царапина, которая постепенно углублялась.

Я заглянула Гесперу в глаза, надеясь разглядеть в них намек, подсказку, которая поможет во всем разобраться. Потом вспомнила, что, царапая бокал, человек-машина вращал его другой рукой — наносил штрих за штрихом на манер сканирующего луча. Теперь палец робота скользил вверх-вниз, а я осторожно поворачивала бокал, стараясь делать это плавно. На стекле появилось нечто — не прямая, а прямоугольник, но опозна-

ла я его не сразу: «гравировка» вышла бледной и схематичной.

Я поняла, что Геспер закончил, когда палец перестал двигаться, а когда забрала бокал и прикоснулась к нему, он был безжизненным, как все тело. Но я держала в руках доказательство его активности, высеченное пусть не в камне, а в стекле. Я поднесла бокал к свету — сперва штрихи показались мне совершенно беспорядочными. Неужели это была только дрожь? Неужели я в отчаянии разглядела потаенный смысл в непроизвольных мышечных сокращениях?

Нет, смысл имелся. Геспер и впрямь нацарапал изображение, пусть слабое, едва различимое, — круг или обод со спицами, вроде колеса с толстой втулкой.

— Не знаю, слышишь ли ты меня, — сказала я бессловесной фигуре. — Что бы это ни было, что бы ты ни пытался мне сообщить, я разберусь и приму меры, обещаю.

Ответа не последовало; впрочем, я его и не ждала.

Часть третья

Однажды я узнала страшный секрет моей матери и нашего дома. Случилось это после очередной встречи с мальчишкой. Его я теперь любила и ненавидела, как темную сторону своей души. Минуло уже года полтора с тех пор, как я посвятила его в тайны Палатиала.

Мальчишка стал графом Мордексом. Произошло это в несколько этапов, каждый из которых занял целый день игры. Сперва мальчишка вжился в роль королевского гонца, который стал шпионом и якобы узнал, где скрывается чародей Калидрий. Гонца впустили в Черный Замок после тщательной проверки, убедившись, что он не вооружен. Так мальчишка встретился с Мордексом, но вжиться в его роль сумел не сразу. Правила игры оказались мудреными, мы постигали их методом проб и ошибок. Например, выяснилось, что роли можно менять лишь на равноценные, то есть без скачков в общественном положении. Из крестьянина не перейти в короли, даже если король преклонит колена и поцелует ему руку. Зато из крестьянина можно переселиться в кузнеца, потом в оружейника, потом в командира

королевской гвардии и так далее, шаг за шагом к верхушке. Иногда не получалось доиграть в одной роли, а в следующий раз начать в другой, но запрет вытекал из замысловатого сюжета самой игры. Легкой и стремительной она не была, но каждый этап полностью раскрывал перед нами очередного персонажа, и мы не скучали. Зачастую новая роль занимала настолько, что становилось трудно придерживаться плана, разработанного тремя-четырьмя этапами и персонажами ранее. Сама я с ролью принцессы почти не разлучалась — лишь изредка вселялась в придворных, чтобы убедиться: заговор против нее никто не строит. Когда вычислила вероятную предательницу — служанку, брата которой казнили за браконьерство, я отправила ее на допрос к главному инквизитору. Служанка не выдержала пыток и умерла, не успев сознаться в коварном замысле, но я в ее виновности не усомнилась.

Я уже поняла, что в массовое производство Палатиал не запустят. Единственной партией так и останется десяток экземпляров, в том числе и мой. Подробности я слышала редко, в основном от мальчишки, но поняла, что Палатиал негативно влияет на своих маленьких владельцев. Дети переносили в реальность воспоминания

своих персонажей, перенимали их черты, хотя при выходе из портала Палатиал должен стирать временные нервные состояния. У меня так и получалось: в Палатиале принцесса казалась реальнее моих реальных знакомых, ведь я вживалась в ее роль. Но стоило вернуться из зеленого куба в игровую, она блекла и теряла жизненную силу, превращаясь в книжную иллюстрацию. Ее воспоминания во время игры становились моими, а в реальности таяли как сон, который наутро забываешь. Я помнила достижения и промахи принцессы, помнила свою задачу и текущую игровую ситуацию, но стоило покинуть зеленую комнату — Палатиал превращался в банальный кукольный домик.

Синдикат-производитель защитил себя от судебных разбирательств, связанных с использованием Палатиала. Прежде чем получить пробный экземпляр, каждая семья подписала отказ от претензий. Но при массовом производстве такое невозможно: Палатиал попадет в миллионы домов Золотого Часа. Даже если галлюцинации начнутся у нескольких детей, синдикату конец.

В итоге разработку игры приостановили. Синдикат попытался вернуть экспериментальную партию, но собрать все Палатиалы не удалось.

Их маленькие хозяева впали в зависимость от игры и не желали расставаться с фантастическим миром. Лишь отдельные семьи позволили демонтировать Палатиал — большинство утаило игрушку, тем более что синдикат не стремился затевать судебные тяжбы.

— Ты знаешь, что его сделали для войны? — однажды, когда мы возвращались через портал в игровую, спросил мальчишка.

— Кого «его»?

— Игрушку твою, Палатиал. — Мальчишка до сих пор напоминал графа Мордекса. В его голосе звучала надменность куда сильнее обычного желания уесть и подначить. — Его сделали для солдат вроде клонированных твоей семьей. Солдаты попадали в Палатиал и набирались воспоминаний о войне, хотя их только создали. На настоящую бойню они отправлялись подготовленными, словно прошли целый боевой путь.

О Вспышке я слышала мало — эту тему энциклокуб почти не освещал, — но достаточно, чтобы понимать: чародеи и фрейлины значительной роли в войне не играют.

— Вспышка случилась в космосе, — напомнила я. — Там нет ни замков, ни дворцов.

Мальчишка закатил глаза:

— Разве это важно? Мелкие детали синдикат откорректировал в самый последний момент. При солдатах Палатиал и назывался иначе. Через портал они попадали не в сказку, а в Солнечную систему, на Золотой Час с кораблями и Малыми Мирами. Сказочный антураж добавили после войны, чтобы превратить тренажер в игрушку и снова на нем заработать. Говорят, с ним всегда были проблемы — солдаты застревали в игре, не помнили, кто они и откуда. Думаю, этот глюк синдикат исправил.

— Я тебе не верю. Последняя война была ужасна, поэтому о ней не говорят.

— «Не говорят» не значит «не зарабатывают». Видела роботов, которые спускаются со мной по трапу? Сними верхний глянцевый слой — это будут те же роботы, которых моя семья поставляла на войну.

Роботы до сих пор меня пугали. Во сне я порой неслась по извилистым зеркальным коридорам нашего дома, а одноколесное плосколицее чудище следом. Оно не отставало — какое там! — постепенно меня нагоняло. Пусть Вспышка останется в прошлом, на страницах истории. Незачем ей влиять на настоящее, незачем стучаться в окно и требовать внимания.

— Клонов сейчас нет, — заявила я. — Только мои няни.

— Рабский труд на Золотом Часе запрещен. Отец говорит, что за время перемирия ваша семейка свои фокусы не забыла. Понадобятся клоны — вмиг производство наладите. — Мальчишка еще не вышел из образа графа Мордекса и злорадно добавил: — Это довело твою мамашу до ручки, и она благополучно свихнулась. Неужели ты не в курсе?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — моими устами отчеканила принцесса.

— Твоя мать жива, но повредилась умом. От тебя это скрывают?

— Мама больна.

— Ты ведь никогда ее не видела? Никогда не говорила с ней напрямую?

— Я постоянно разговариваю с ней.

— Ты разговариваешь с экранами — вроде того, который поздоровался со мной, когда я сошел с шаттла. На экране не твоя мать, а образ, составленный устройством, которое наблюдает за ней с тех пор, как она была девочкой, и якобы способно смоделировать ее поведение.

— Ты просто вредничаешь.

— Не вредничаю, а хочу тебя просветить. Поэто-

му у вас дом такой: твоя мать постоянно требует, чтобы его ломали и отстраивали снова. Она свихнулась, думает, что ее преследуют и хотят наказать за прошлые делишки. Не веришь мне, спроси любого, кто за тобой присматривает.

— Ты изменился, — отметила я. — С тех пор как попал в Палатиал, ты больше похож на графа, чем… — Тут я наверняка назвала имя, но сейчас его не упомню.

С бельведера я наблюдала, как шаттл взлетает, поднимает шасси и уносится в красноватую дымку Золотого Часа, навстречу Малым Мирам.

Проводив гостя, я отправилась задавать нелегкие вопросы.

То, что мама больна и не в состоянии принимать гостей, даже собственную дочь, я знала всегда. Для меня это было непреложной истиной, вроде того, что я Абигейл Джентиан, Горечавка, а не девочка из другой семьи, живущей в другом конце Солнечной системы. Я разговаривала с мамой с самого раннего детства и всегда чувствовала ее любовь и гордость за меня.

«Абигейл Джентиан, Горечавка моя, ты девочка особенная. Тебя ждут великие дела».

Мама внушала, что я особенная, что чудеса Вселенной для меня одной. Другие тянутся за

ними, но достать смогу я одна. Вживую я маму не видела, но считала мудрой и доброй, щедрой на любовь и нежность.

И вот мне говорят, что мама безумна и думает лишь, как бы спастись от своих мнимых преследователей или хоть на время их запутать. Если я существовала для нее, то только как точка, как ничтожная ворсинка пестрого ковра ее эгоцентризма.

С того дня все изменилось.

Я отправилась к мадам Кляйнфельтер. Она сидела за столом, вокруг которого парили графики работы слуг и клон-нянь. Когда я подошла, она перемещала блоки заданий светящимся стилусом и постукивала им по губам, обдумывая очередное масштабное изменение.

— В чем дело, Абигейл? — спросила мадам Кляйнфельтер. Она явно надеялась, что я наиграюсь с Палатиалом и устану.

— Моя мама безумна?

Мадам Кляйнфельтер закрыла графики и отложила стилус.

— Это мальчик? — спросила она, назвав его по имени или по фамилии. — Он тебе сказал?

— Так это правда?

— Ты знаешь, что твоя мама нездорова, но, как

и я, ежедневно общаешься с ней через экраны. Она кажется безумной?

— Вообще-то, нет, но…

— Разве она не любит тебя и постоянно об этом не говорит?

— Говорит, но…

— Что «но», Абигейл?

— На экранах впрямь моя мама? — спросила я, памятуя о словах мальчишки. — Или образ, смоделированный устройством, которое хорошо ее знает?

— Зачем экранам показывать образ, а не твою маму? — искренне удивилась мадам Кляйнфельтер.

— Не знаю. Почему я не могу с ней увидеться?

— Потому что она сильно больна и должна находиться в изоляции, пока не вылечится. А она вылечится, дай срок. Пока же она вынуждена находиться в стерильности и общаться через экраны.

— Не верю! Моя мама свихнулась. Что-то довело ее до ручки.

— Ах, Абигейл, ты не сама это придумала, а повторяешь за противным… — Мадам Кляйнфельтер прикусила язык, чтобы не выругаться. — До ручки твою мать ничто не довело. Она… с пробле-

мами не справилась, только и всего.

— Из-за нее у нас такой дом?

Наверное, до этого вопроса мадам Кляйнфельтер надеялась, что я проглочу ее увещевания и уйду, но тут аж в лице изменилась. В ее глазах я пересекла Рубикон, не между детством и отрочеством — для этого время еще не настало, — а между этапами детства. Ребенок может знать о смерти, боли и безумии и оставаться ребенком.

— Я думала, ты спросишь об этом года через два, — посетовала наставница.

— Нет, сейчас скажите! — потребовала я так дерзко, что сама удивилась.

— Тогда пойдем со мной. Только, Абигейл, ты об этом пожалеешь. Тебя ждет потрясение, которое не рассеется, как после игры в Палатиале. Это тяжело ранит душу, и ты пронесешь эту рану через всю жизнь. Зачем страдать уже сейчас, если можно подарить себе еще пару лет счастливого неведения? Ну так? Сейчас или потом?

— Сейчас, конечно сейчас.

Мадам Кляйнфельтер отвела меня в закрытое крыло дома, где держали мою мать. Так я узнала все, что наставница и другие взрослые хотели сообщить мне, когда я немного повзрослею. Мальчишка не врал — моя мама впрямь повредилась

умом. Рассудок она потеряла от стыда и чувства вины за то, что творили ее прекрасные клоны, и за то, что в отместку творили с ними.

Без клонов, которых так искусно создавала моя семья, Вспышка пошла бы совершенно по иному сценарию. Сторона, которую мы снабжали, либо использовала бы тех же боевых роботов, что противник, либо капитулировала бы на унизительных условиях. Вместо этого мы создавали им полчища свеженьких солдат с опытом и закалкой ветеранов — хоть сейчас на передовую. Вспышка закончилась быстро, многомиллионное население Золотого Часа почти не пострадало, зато в других системах жертвы были огромными. В разгар военных действий никто не задумывался, что клоны не просто искусственный интеллект в органической оболочке, не просто начинка для скафандров и боевых кораблей и не просто современный аналог голубей, которых тысячи лет назад превращали в радиоуправляемые бомбы.

Пока шла война, мама сохраняла внешнюю твердость духа, а когда пересчитали погибших, раскаяние подточило ее хрупкое психическое здоровье. Она задумалась о том, сколько жизней создала и погубила наша семья. Иные клоны просуществовали какие-то месяцы или даже недели,

а воевали с уверенностью, что за их плечами целая жизнь. Они считали себя полноценными людьми.

Чувство вины приняло извращенно-болезненную форму — мама утверждала, что ее преследуют души погибших, что они хотят отомстить за ущербную жизнь, которую она им уготовила. Чистейшее безумие, но в мамином сознании оно укоренилось прочно. Лечить ее приглашали лучших психиатров Золотого Часа, только каждое новое вмешательство лишь усугубляло мамино состояние. Ей разобрали мозг, будто дорогую сложную головоломку, тщательно отполировали все части и снова собрали воедино. Ей насадили ложные воспоминания, а связанные с войной пытались стереть — пусть, мол, успокоится.

Ничего не помогало.

Мадам Кляйнфельтер привела меня в комнату с выгнутой стеной и ставнями на окнах. Она опустила рычаг и велела встать рядом с ней. Так я увидела палату, в которой жила моя мать.

Держали маму в контейнере с солоноватой розовой жидкостью. Меня заранее предупредили: в саму палату заходить нельзя, чтобы не нарушить строгую стерильность. Теперь я увидела, зачем она нужна. Верхушку черепа у мамы

срезали, бесстыдно обнажив блестящий розово-серый мозг. Извилистую массу так утыкали зондами и электродами, что она напоминала игольницу. Целая связка проводов тянулась по стенке контейнера к тележке с продолговатыми устройствами. В палате дежурили три техника в зеленой форме, поразительно похожие на тех, что устанавливали Палатиал. Размещались они на невысокой платформе, при необходимости могли дотянуться до приборов на контейнере, следили за парящими дисплеями и переговаривались вполголоса, как все доктора. Их губы шевелились под тонкими марлевыми масками. Периодически мама дергала ногами или руками, но на это техники внимания не обращали.

— Твоя мать живет так уже тридцать лет, — объявила мадам Кляйнфельтер. — Смотреть на нее тяжело, но ей не больно. Терзают ее лишь собственные фантазии. У твоей мамы есть дни прогресса и дни регресса. В хорошие она разговаривает более-менее нормально. Полностью фантазии не исчезают даже тогда, но она сосредоточивается, обсуждает семейные дела и политику, планирует дальнейшее переустройство дома.

— А сегодня у нее прогресс или регресс?

— Сегодня пограничное состояние. Она в своих фантазиях — сражается с призраками, а с нами говорить не может.

— Расскажите мне про дом.

— Твоя мать вбила себе в голову, что знает, как спастись от призраков. Здесь, в глубине дома, она относительно спокойна. В боковое крыло она не осмелилась бы войти, даже если бы могла. Там, по ее мнению, слишком опасно. По мере развития психоза твоя мама пряталась все дальше и дальше от внешнего мира. Теперь ее мир здесь. Сперва он сузился до нескольких комнат, потом до этой палаты, потом до контейнера. Только твоей маме не хватило и этого. Она придумала барьеры, которые задержат призраков и собьют их с толку. Так появились коридоры, ведущие никуда или к своему же началу; невидимые призракам лестницы; бесчисленные зеркала, которые собьют ее мучителей с толку; двери, за которыми стена. Разумеется, не достаточно и этого. Призраки умны и изобретательны, они не оставят попыток прорваться к твоей маме. Дом следует постоянно модернизировать, чтобы мучители не освоились с планировкой. Нужно расширять его, нужно возводить новые крылья и башни, а существующие почаще перестраивать, сооружать лабиринты и

ловушки. Главное — не останавливаться. Пока в доме идут перемены, твоя мать цепляется за остатки разума, пусть даже лишь в дни прогресса. Если прервать обновления, если она поймет, что призракам дали дорогу, ей не сохранить и этих жалких остатков здравомыслия. Мы навсегда ее потеряем. — Мадам Кляйнфельтер взяла меня за руку. Ладони у нее были крупные, шершавые. — Надежда еще есть. Специалисты верят, что твою маму удастся вернуть к жизни. Поэтому мы потакаем ее желаниям и наш дом такой. Поэтому тебе пришлось расти в необычных условиях, которые пугают и расстраивают многих детей. А ты выдержала. Абигейл, ты умница, мы тобой гордимся. Все, включая твою маму.

— Она поймет, что я ее навестила?

— Твоя мама понимает все. Дом напичкан камерами — они в каждом коридоре, у каждой двери. Они подведены к ее мозгу, только следит твоя мама не за нами.

— За призраками, — догадалась я.

— Да. Твоя мама улавливает малейшее изменение в игре света и теней. Если возбуждается, значит она якобы что-то увидела.

— Она сейчас что-то увидела.

— Абигейл, призраков не существует. Они плод

ее больного воображения, запомни.

— Я же не дура! — фыркнула я, а потом задумалась, почему одни комнаты слуги любят, а другие — нет. Почему в некоторых тихих закутках никто и минуты лишней не задерживается? Если дело не в призраках, может, через камеры невидимым нервно-паралитическим газом сочится больное воображение моей матери? — Хватит, насмотрелась, — заявила я.

— Потолковать бы мне с тем мальчиком…

— Он не виноват. Он лишь рассказал мне то, что я в итоге узнала бы сама.

Мадам Кляйнфельтер понимающе кивнула и, опустив металлические жалюзи, скрыла от меня мамину палату. Представляю, какое облегчение чувствовала моя наставница. Наверняка ведь с содроганием ждала этого разговора уже несколько десятилетий, с самого моего рождения.

Глава 13

С первой минуты пребывания в системе Белладонны нас сопровождали. Подлетел корабль и с откровенно воинственным видом набился в спутники. Назывался он «Голубянка красивая», смахивал на зеленую пупырчатую жабу и при-

надлежал шаттерлингу по имени Чистец. Сама подозрительность, Чистец прощупал меня сенсорами глубокого проникновения и лишь после этого признал, что я не представляю опасности.

— Не обижайся, Лихнис, — сказало имаго Чистеца. — Рисковать мы не имеем права. — Он не разглядывал, а сканировал меня, точно заметил в моем лице нечто изобличающее. — Да, это в самом деле ты. Спасся, молодец! Другой корабль — «Серебряные крылья зари»? Значит, это Портулак. Ну, вы у нас не разлей вода… — Не дав прочувствовать язвительность последней фразы, Чистец добавил: — Как же я рад вас видеть!

— Мы не просто добрались к вам невредимыми, но и привезли еще пятерых — Аконита, Волчник, Люцерну, Донник и Мауна. Они пока в латентности, но в целом живы и здоровы.

— Вас семеро? — Чистец радостно засмеялся. — Чудесные новости! Мы так давно не видели своих, что почти перестали надеяться. О других что-нибудь известно?

— Наверняка не скажу, но я видел систему сбора, думаю, надежды мало. — Тут меня захлестнули эмоции. Чистеца я особо не жаловал, считал его правой рукой Овсяницы и не раз замечал, как он плетет интриги и рвется в лидеры. Но раз в

Овсянице я ошибся, не исключено, что ошибаюсь и в Чистеце. Старые обиды и подозрения вдруг превратились в ношу, которую пора сбросить. — Рад встрече, Чистец! — воскликнул я. — Боюсь спрашивать, но скажи, сколько наших с тобой?

— Сорок пять, с вами пятьдесят два. Может, кто еще подлетит, но я не особо в это верю.

— Пятьдесят два, — огорошенно повторил я.

Вообще-то, я ожидал и худшего, не исключал даже, что нас всего семеро, но в то же время надеялся, что уцелела сотня, а то и больше.

— Да, негусто, — кивнул Чистец, словно читая мои мысли. — С другой стороны, хорошо, что хоть кто-то выжил. Нас больше пятидесяти, значит есть кворум. Конечно, при необходимости мы и без кворума приняли бы решение, но здорово, что закон можно не нарушать.

Абигейл никогда не говорила, как быть, если шаттерлингов останется меньше пятидесяти. Видимо, такую ситуацию она считала столь невероятной, что не продумала план действий, например на случай саморазрушения Вселенной или возвращения Предтеч, которые назовут галактику своей.

Нас осталось на два больше допустимого минимума, и в глазах Чистеца читалось огромное

облегчение. Он-то всегда был ярым приверженцем священных заповедей Абигейл.

— Других шаттерлингов вы тоже увидите, — пообещал Чистец. — Они все на Невме, кроме тех, кто сейчас в патруле. Любой проникший в эту систему подвергается самому пристрастному досмотру. Уже пришлось уничтожить три корабля, которые мы опознали как вражеские. Все они оказались исследовательскими зондами местных молодых цивилизаций, но, думаю, наша осторожность понятна.

— Надеюсь, хвост мы не привели, — сказал я. — За нами гнались, но мы сумели оторваться. Чистец, мы ведь пленных везем. Аконит со спутниками захватили их примерно в то время, когда погиб Овсяница.

— Об Овсянице мы слышали. Ужасная новость! Но ведь погиб он достойно. Герой, гордость нашей Линии… — Чистец ненадолго затих, точно лишь сейчас вспомнил погибшего, а потом попросил: — Расскажи про пленных.

— Их четверо. По имени мы знаем лишь одного — Синюшку из Линии Марцеллин. Да-да, раньше с Марцеллинами проблем не возникало. Синюшка мог действовать один. Марцеллины считают его погибшим уже десять-одиннадцать циклов

по своему исчислению.

— Вы его допросили?

— Аконит и Волчник выжали из него все, что могли, но убивать не стали. С более пристрастным допросом они решили повременить до высадки на Невму.

— Верное решение. Если пленные — единственный выход на врага, их нужно холить и лелеять. Боюсь, этого нам не избежать. Только высадки, увы, не будет.

— Почему?

— Из-за местных традиций. Наши данные устарели. Когда мы прилетели на Невму, она оказалась заселена.

— Местные не хотят, чтобы мы высаживались?

— Местные как раз не против. Им не страшны ни мы сами, ни наши корабли. Проблема во фракто-коагуляции, известной как Фантом Воздуха.

— Постчеловеческий интеллект? — спросил я, вспомнив, что читал про Фантома в космотеке после того, как мы впервые узнали, где находится убежище Белладонны.

— А ты хорошо подготовился, — похвалил Чистец. — Фантом живет тут миллионы лет, дольше любой цивилизации. Местные очень его берегут, что неудивительно, ведь на Невму

летят в основном из-за Фантома. Его изучают, ему поклоняются, причем одно плавно перетекает в другое. Непреклонны они в одном: беспокоить Фантома нельзя, а вторжение пятидесятикилометрового корабля в его атмосферу не что иное, как беспокойство.

— Тогда, наверное, можно перебросить.

— Лихнис, там нет вакуумных туннелей. Садиться будем на шаттлах. Надеюсь, тебе это не слишком претит.

— Ничего, справимся.

— Не сомневаюсь. Портулак тоже в латентности?

— Она вот-вот проснется. В любом случае «Серебряные крылья» запрограммированы лететь за «Лентяем», если только я не выкину откровенную глупость.

— Тогда следуй за мной, поищем, где припарковать ваши корабли. Особо пышный прием не обещаю — настроение у нас сейчас не ахти. Но мы очень постараемся.

— Охотно верю, — сказал я.

Зеленый пупырчатый урод-корабль рванул прочь.

— Это точно Чистец, а не вражеский лазутчик?

— Точно-точно Чистец, — заверил я, поражаясь

своему терпению. Выйдя из латентности, Портулак спрашивала об этом уже раз пять-шесть, выслушивала объяснение и ненадолго успокаивалась. — Если это не он, враги внедрились к нам в Линию настолько, что впору капитулировать, причем немедленно.

— Да, ты прав, — согласилась Портулак.

Она еще не проснулась по-настоящему, взгляд был рассеянным, а движения — скованными. Ко мне на корабль возлюбленная перебросилась, едва выбравшись из криофага. Мало-помалу ее взор прояснился, шестеренки в голове закрутились, и я пересказал ей то, что услышал от Чистеца.

— Пойдем проведаем Геспера, — вдруг объявила Портулак. — Посмотрим, не погасли ли огоньки.

Светящиеся точки за стеклянными панелями в черепе робота горели, но ярче или слабее, чем до нашего погружения в латентность, я не знал, а вот замедленность их кружения наводила на мысли о модели планетной системы, у которой почти кончился завод. При Портулак говорить об этом не хотелось.

— Огоньки горят, — сказал я, уравновешивая оптимизм с прагматизмом. — Состояние, конечно, тяжелое…

— Да ладно тебе, Лихнис! Сама понимаю, Гесперу хуже, но он жив. Сила, которая нацарапала узор на бокале, не покинула его.

Я не удосужился спросить Чистеца, привез ли кто из уцелевших шаттерлингов гостей и нет ли среди тех роботов. Почему-то это казалось маловероятным.

— На Невме Гесперу помогут. Там есть цивилизация. Вдруг местные умеют больше, чем мы? Они изучают постчеловеческий машинный интеллект…

— Это как утверждать, что ботаник, изучающий кувшинки, способен вправить вывих плеча.

— Я только говорю, что отчаиваться рано.

— Ты уже видел Невму? — спросила Портулак после небольшой паузы.

— Чистец ведет нас на орбиту. А рассматривать Невму одному не хотелось, я ждал, когда проснешься ты.

— Так мы не высаживаемся?

— С этим проблемы. Без крайней надобности местных лучше не злить.

— Я-то рассчитывала, что планета не заселена.

— Небольшой шанс оставался. По словам Чистеца, если будем паиньками, местные не разозлятся. — Я протянул руку. — Пошли на мостик?

Когда мы перебросились к дисплееру, Портулак немного оттаяла. Мы обнялись, возлюбленная положила голову мне на плечо, — казалось, сейчас она зевнет и начнет посапывать.

Хорошо, что я не просмотрел увеличенное изображение Невмы раньше! «Лентяй» подготовил его несколько часов назад, но я решил дождаться непосредственного выхода на полярную орбиту и жесткого торможения. Когда дисплеер включился, мы пролетали экваториальную плоскость. Планета росла буквально на глазах, корабль Чистеца стал зеленой точкой в центре размытого пятна в тысячах километров от нас.

Невма казалась полной противоположностью суперокеанической планете кентавров. Полюса сковал лед, остальная часть была засушливой и серебристо-серой, как пемза. Поверхность Невмы сияла — это кварцевые дюны отражали свет, наводя на мысли о безжизненной выжженной пустыне. Тем не менее атмосфера виднелась уже сейчас — тонюсенький нимб вокруг планеты. В нем даже облака просматривались. Полупрозрачные, как призраки настоящих облаков, но они там были.

— Жить-то на этой Невме можно? — спросила Портулак.

— Если верить Чистецу, люди там уже живут.

— Кислород есть. Хранители наверняка сюда наведывались. Но я не вижу организмов — ни растений, ни животных.

— Может, предыдущая цивилизация изменила атмосферу, и запас воздуха в системе есть, хоть и не восполняется.

Портулак подняла голову — сонливости почти не осталось:

— А что это за пояс на экваторе? Кольца?

— Нет, не кольца, скорее, какая-то орбитальная конструкция.

— Вид у нее запущенный, — отметила Портулак, когда угол обзора изменился и пояс превратился в зазубренный обод вокруг планеты.

Много циклов назад конструкция была цельной. Когда-то десяток подъемников соединял экватор Невмы и космос. Они, словно спицы, тянулись к ободу в десяти-одиннадцати тысячах километров над землей. Сейчас ни один поверхности не достигал, хотя отдельные до сих пор пронзали атмосферу или возносились дальше в пространство. Обломанные спицы щетинились и топорщились, как кристаллы льда. Они либо остались от предыдущей цивилизации, либо очень быстро деформировались и разрушались.

— Геспер был здесь, — проговорила Портулак.

— Что?

Она стиснула мою ладонь:

— Неужели не видишь?

— Не вижу чего?

— Помнишь рисунок на бокале, колесо? Оно перед нами. Так выглядит Невма из космоса.

Я мгновенно понял, что Портулак права, а вот глубинный смысл ухватить не мог.

— Зачем ему рисовать это место?

— Затем, что Геспер знал: мы летим сюда. Затем, что в глубинах его памяти сохранились воспоминания о Невме. Затем, что сил и времени ему хватило только на это изображение, потом он отключился.

— Все равно не понимаю. Зачем нам картинка? Мы ведь и без него знали, что летим на Невму, а не к другому миру.

— Это не просто рисунок, а послание. Может, даже руководство к действию.

Корабли мы оставили на полярной орбите. Соседей я узнал без труда: вот «Желтый паяц», вот «Полуночная королева», вот «Бумажная кокотка», вот «Стальной бриз»… Каждый корабль свидетельствовал, что выжил определенный шаттерлинг. У меня от сердца отлегло, когда я

увидел «Огненную ведьму» Минуарции. Страшно хотелось, чтобы она уцелела.

К Невме мы устремились на шаттле. Аконит и Волчник уже проснулись, еще троих шаттерлингов пробуждение ждало после высадки. В хвостовой части находились четверо пленных в стазисе. Геспера Портулак решила не трогать, чтобы ненароком ему не навредить. Мы летели за шаттлом Чистеца, хромированной каплей с острым, как игла, хвостом.

Шаттл, на котором летели мы, принадлежал Портулак, и напоминал снятую колоду карт, и идеально подходил для аэронаблюдений. Панорамное окно в смотровой кабине было скошено для беспрепятственного обзора поверхности планеты. У окна стояли столики и стулья, только сидеть никому не хотелось. Мы облокотились на перила из полированного дерева и выглядывали местных жителей.

— Проведу краткий инструктаж, — объявило имаго, которое Чистец заслал со своей капли. Он вырядился в длинный зеленый плащ, бордовые брюки и тяжелые черные ботинки с пластиковым кантом. — У Невмы долгая богатая история. Мы лишь в четырех тысячах световых лет от Старого Места. Здесь высадились уже на двадцать втором

килогоду освоения космоса. Помните Сообщество Блистательной Экспансии?

— Да, — кивнула Портулак, — но смутно.

— Название знакомое, — отозвался я.

— Ну, историей ты никогда не увлекался, даже эпохами, в которые жил сам, — отметил Чистец. За окном безбрежное море серебристых дюн тянулось к светлому горизонту, с высоты нашего полета кажущемуся изогнутым. — Ничего страшного, мне самому пришлось основательно подучить историю Сообщества. Тем более оно не дотянуло и до тридцатого тысячелетия, заселив, по разным источникам, систем пятьдесят-шестьдесят. По нашим данным, до Сообщества здесь никого не было. В кометном облаке нашли артефакты Предтеч — и только.

— Сообщество приспособило Невму под себя? — спросила Портулак. — Я имею в виду атмосферу.

— Они пытались, но не успели — экосистема рухнула. Следующая цивилизация под названием Пышный Цвет прибыла через тридцать тысячелетий, за которые планета полностью восстановилась. Эти поселенцы порезвились на славу — оттрубили сорок пять тысячелетий, в этой системе освоили не только Невму, но и еще несколько небесных тел планетного вида. Увы,

уцелела только Невма. Не ввяжись Пышный Цвет в микровойну с империей Красной Звезды, они еще не таких высот достигли бы.

— А после Пышного Цвета? — спросил я.

— Еще через четверть миллиона лет на Невме появился Дар Небес.

— Наконец-то! — Я вздохнул с облегчением. — Галактическая супердержава, о которой я слышал.

— Нужно очень постараться, чтобы не слышать о Даре. Они почти одиннадцать циклов протянули, а это два с лишним миллиона лет, и разработали ряд приспособлений, которыми и сейчас пользуются хранители: устройства для трансмутации, межпланетные атмосферонасосы и так далее. На определенном этапе Невма была классически земной. Тогда ее жители строили большие города, руины которых и по сей день крупнейшие сооружения планеты. — Чистец прищурился и взглянул на горизонт. — К одному мы сейчас подлетаем. Да вы его из космоса видели, если присматривались.

Вдали замаячила темная башня. Стройная, как обелиск, многих километров высотой, она накренилась под таким опасным углом, что, казалось, вот-вот рухнет на дюны.

— Башню построили под наклоном? — спросил Аконит.

— Нет, — отозвался Чистец, — но она в таком состоянии уже добрый миллион лет и простоит еще миллион, не расколется и не упадет, потому что утоплена глубоко в кору.

— При желании и мы такие города построим, — запальчиво проговорила Волчник.

— В отличие от Дара, пока не построили. Они вписали свое имя в историю, а нам надо очень постараться, чтобы Горечавок помнили в следующем цикле.

Оба шаттла пошли на снижение и полетели в считаных километрах над дюнами. Вообще-то, с такой высоты уже видно людей, но сверкающая поверхность казалась безжизненной. Чистец скользнул под накренившимся обелиском, словно проверял, осмелимся ли мы последовать за ним. Портулак сперва поставила шаттл набок, потом перевернула вверх дном.

Башня Дара Небес была абсолютно черной, без окон, дверей и посадочных площадок. Гладкие грани украшали пластинки с блестящими синеватыми краями, в которых отражалось небо. Кто знает, для чего они служили — для украшения или для практических целей? Вдруг это лозунги

на мертвом языке Дара?

— Почему вымер Дар Небес? — спросил я, решив, что не стоит скрывать невежество.

— Все вымирают, — спокойно ответил Чистец. — В этом суть перерождения.

— Мы же еще не вымерли.

— Только потому, что растянули неизбежный процесс на шесть миллионов лет. Это не значит, что мы неуязвимы. Мы лишь добились отсрочки приговора.

— Настроение у тебя на диво радужное, — съязвила Портулак.

— Бывает, когда Линия на грани вымирания, — отозвался Чистец.

За следующие полчаса мы миновали еще несколько сооружений Дара — черные обелиски, наклоненные под невероятными углами, стояли поодиночке или жались друг к другу, словно кактусы; потом пролетели сквозь глазницы громадного человеческого черепа, увенчанного снежной шапкой. Еще через двадцать минут вдали показался большой город. Солнце Невмы уже клонилось к закату, на дюнах дрожали тени. Город выглядел темным пятном на фоне расцвеченного огнями неба.

— Это Имир, — объявил Чистец, — не самый

крупный населенный пункт Невмы, но нам подходит лучше других — мы в нем почти хозяева, так что жаловаться грех.

— Все наши там? — спросил Аконит.

— Да, практически. Один или двое постоянно отсутствуют — проверяют корабли, которые пересекают границы системы, посещают другие города, поднимаются на орбиту, чтобы погрузиться в латентность или омолодиться. Но большинство с удовольствием живет в Имире. В городе есть все, что нам нужно, включая уединение.

— На планете централизованное управление? — спросил я.

— Нет, тут как минимум три основных государства и с десяток автономий. Они даже говорят на разных языках, только это не наша забота. Для нас Невма — монокультура, так удобнее и им, и нам.

— Так с кем мы имеем дело? И что случилось с Даром Небес?

— Стыдно этого не знать! — прошептала Портулак.

— Лихнису простительно, — возразил Чистец. — Дар Небес исчез два миллиона лет назад — ровно столько же он просуществовал. Радует, что я до сих пор помню их молодой цивилизаци-

ей, освоившей не более ста систем.

— Каждый помнит то, что считает нужным, — отозвался я. — Мне вот ценнее недавние события.

— А мне — их первопричина. — Чистец натянуто улыбнулся. — Каждому свое, дорогой мой. Так или иначе, Дар Небес… Они просто исчезли. Поговаривают, что они повздорили с Нереидами Третьей Фазы, цивилизацией-клиентом, из-за стоимости освоения суперокеана. Жаркий спор захлестнул несколько систем. Другая молодая цивилизация, Пластики, воспользовалась моментом и захватила почти всю территорию Дара Небес. Но и они долго не протянули.

— С ними-то что случилось? — спросил Аконит.

— Пластики оказались слишком непластичны, — сострил Чистец. — Но после их краха и от Дара Небес остались одни руины.

— Это Пластики построили космоподъемники и орбитальное кольцо? — спросил я.

— Нет, и то и другое появилось на шесть-семь цивилизаций позднее. Кольцо и подъемники построили Кормильцы. Они просуществовали минимум четыреста двадцать килолет, потом вымерли.

— А нынешняя цивилизация? — спросил я.

— Они называют себя Свидетелями и рады возможности просто жить здесь и, в зависимости от политических пристрастий, изучать Фантома или поклоняться ему. Города они строят на фундаменте, оставленном Даром. Это проще, чем вбивать сваи в кору планеты, и Фантома не разозлит.

Вблизи Имира стало ясно, о чем говорил Чистец. Из дюн торчали четыре жестких черных «пальца»-обелиска Дара Небес. Каждый наклонился градусов на сорок пять. Самый короткий «палец» был четырех-пяти километров длиной, самый длинный (один из средних) — как минимум восьми. На расстоянии, да еще в лучах заката, казалось, что они унизаны драгоценными кольцами с голубыми камнями. Эти кольца и были Имиром. Свидетели построили город на «пальцах», в основном вокруг «первого сустава». Лазурные башни поднимались с наклонных обелисков — витые, желобчатые, как раковины чудесных обитателей моря, отливающие золотом и серебром. Их опутывала паутина тонких решетчатых лестниц, соединявших «пальцы». Воздух блестел от ярких суетливых точек — летательных аппаратов, снующих между ними.

Когда шаттлы приблизились к Имиру, три точки бросились нам навстречу, чтобы сопроводить к самой высокой башне на самом длинном «пальце». Эти сложные рубиново-золотые устройства напоминали не то стрекоз, не то орнитоптеров. Впрочем, механические крылья с золотыми прожилками или перьями бились слишком быстро и суетливо, чтобы быть единственной движущей силой. В голове каждого аппарата скрывалась кабина, похожая на воспаленный глаз, зажатый когтями. Внутри распласталось по пилоту в очках и шлеме — лежа на животе, они двигали рычаги управления. Вокруг стрекоз сопровождения вились дроны размером с птицу — крошечные беспилотники.

В воздушном пространстве Имира царила самая настоящая давка. Сопровождающие заманивали нас в джунгли башен, перекидных мостов, галерей. Свита все росла и росла — корабли пристраивались к нам, вроде бы держали дистанцию, но не отставали. У местных жителей были крылья разных форм и моделей, которые, однако, служили только для регулировки направления, а непосредственно полет обеспечивали леваторные рюкзаки или пояса.

— Какое-то время вы будете в центре внима-

ния, — предупредил Чистец. — Гости на Невме — редкость, последние шаттерлинги прилетали шесть лет назад.

— Мы справимся, — заверила Портулак.

Черные «пальцы» Дара Небес заслоняли поверхность планеты в километрах под нами. Легко забывалось, что город примостился на падающих башнях цивилизации, которая уже два миллиона лет не дышала воздухом Имира. Далеко не впервые меня глубоко потрясло осознание собственного возраста — сколько воды утекло с тех пор, как я родился девочкой, цельным человеческим существом в разросшемся доме, наводненном призраками.

Вскоре мы подлетели к самой высокой башне — винтовой, с украшенной самоцветами луковицей на макушке, балконами и выступающей полукруглой площадкой на контрфорсах, которая легко вместила бы и оба шаттла, и свиту. В воздух поднялся крылатый беспилотник, а шаттл Чистеца встал на острый хвост, который расширился, превратившись в треногу. Челнок Портулак сел рядом. Через секунду у посадочной треноги показался Чистец и на леваторном диске спустился на площадку. Диск тут же вернулся и заблокировал корпус.

Люк шаттла Портулак открылся, появился трап с перилами. Я тут же почувствовал свежесть и прохладу имирского воздуха; когда вдохнул новые ароматы, закружилась голова. Нет, было вполне приятно, вроде намека на опьянение от первого глотка вина. Портулак взяла меня за руку и повела вниз по трапу. Аконит и Волчник следовали за нами.

На площадке собралось человек сто, стояли они тремя группами. Ближе к нам находились около сорока шаттерлингов Горечавки, видимо все прибывшие на Невму, за исключением отправленных в патруль. Справа от них расположилась группа втрое меньше, вероятно уцелевшие гости сбора. Среди них я заметил пару шаттерлингов других Линий, двух посланников машинного народа и несколько высокоразвитых постлюдей нестандартного сложения. Слева от Горечавок разместилась делегация хозяев, сорок-пятьдесят имирийцев в летной форме, с крыльями, аккуратно сложенными за спиной. В кабинах летательных аппаратов они казались совершенно обычными людьми, но сейчас я видел, что они на голову выше любого из нас и при этом очень стройны. Глаза у них темные, раскосые, черты лица по-эльфийски тонкие, а кожа медового цве-

та на деле оказалась очень короткой шерстью.

Вперед выступила местная жительница. Как и другие обитатели Имира, она была в обтягивающем комбинезоне из пластин с текстурой кожи, скрепленном на груди плетеной металлической тесьмой. На тесьме пестрели разноцветные кругляши — не то кнопки управления, не то государственные регалии. Массивный черный пояс я принял за леваторный. Выше уровня талии синел кушак. Под подбородком висела прозрачная маска с очками и мундштуком, видимо необходимая для полетов в разреженном воздухе Невмы, — по крайней мере так решил я. Носки ботинок были развернуты в стороны; перчатки она не надела — ладони с длинными изящными пальцами остались обнаженными. Надо лбом шерсть сгущалась в темную жесткую гриву, идущую до затылка и перетекающую на шею сзади. Большинство местных носили такие же прически с небольшими вариациями, а вот синего кушака я больше ни на ком не увидел. На десятерых были лиловые, на остальных — черные или красные.

— Приветствую вас, досточтимые шаттерлинги Линии Горечавки! — начала она на безупречном трансе. Властность и уверенность выдавали в ней политика. Сипловатый голос звенел в разре-

женном воздухе над платформой, каждое слово слышалось с поразительной четкостью. — Я Джиндабин, магистрат Имира и Шести провинций. Мне поручено поприветствовать вас на Невме. Прежде всего примите искренние соболезнования: ваша Линия стала жертвой зверской расправы. Сейчас не время говорить о приятном, но мы надеемся, что именно таким будет ваше пребывание в нашем мире. Уверяю вас, что Свидетели, граждане Невмы, приложат к этому максимум усилий. Обращайтесь к нам с любыми просьбами.

Я глянул на Портулак, и она кивнула: давай, мол, говори.

— Благодарю вас, магистрат, за радушное приветствие. Я Лихнис из Линии Горечавки, это Портулак, шаттерлинг той же Линии. — Я повернулся к другим спутникам. — Это Аконит, это Волчник, тоже Горечавки. На шаттле находятся еще три шаттерлинга нашей Линии, они пока в латентности.

О пленных я не забыл, но решил, что торжественная встреча не место для неприятных разговоров.

— Лихнис, Чистец рассказал вам о нашей планете?

— Немного. Разумеется, в нашем распоряжении имеются космотеки, однако это не значит, что мы закрыты для новой информации.

— Думаю, все необходимое вы уже узнали. Но если появятся вопросы — задавайте. У нас свобода слова и секретов нет. Сейчас мой помощник покажет, где вы будете жить. Если не понравится, известите нас, и мы вас переселим. Вам наверняка не терпится поговорить с собратьями. Не смею задерживать.

— Благодарю вас, магистрат, — сказала Портулак.

— По вашему желанию можно установить защитный экран. В любом случае мы с помощниками на время заблокируем понимание транса. Подслушивания можете не бояться.

— Вряд ли у нас найдутся секреты, которыми мы не поделимся с вами, — сказал я. — Но мы очень благодарны вам за этот благородный жест.

— Идите же! — обратилась Джиндабин к прибывшим ранее шаттерлингам. — Возрадуйтесь встрече, пусть даже сквозь слезы.

— Магистрат, — окликнула Портулак, прежде чем мы шагнули навстречу другим Горечавкам, — пока вы не заблокировали транс… Прошу, не сочтите за дерзость…

Я ощетинился, сообразив, о чем она сейчас спросит.

— Портулак, — прошипел я, — не сейчас!

— В чем дело, шаттерлинг?

— Я услышала про Невму и сразу заинтересовалась Фантомом Воздуха…

— Так же как и большинство наших гостей. — Тон Джиндабин стал чуть настороженным. — Что бы было с нашей экономикой, если бы не ваше любопытство?

— Очень хотелось бы… встретиться с Фантомом. Вступить в контакт любым способом.

Ни один мускул не дрогнул на лице Джиндабин, но буквально на миг непроницаемо-вежливая маска исчезла, обнажив звенящее напряжение.

— В архиве планеты хранится множество данных — наблюдения и критический анализ, — восходящих к Дару Небес. Надеюсь, вы удовлетворите свое любопытство. Кроме того, у вас будет возможность встретиться и с теми, кто изучает Фантом, и с теми, кто ему поклоняется.

— Меня интересует сам Фантом, а не документация, — заявила Портулак.

— Но пока мы с огромным удовольствием ознакомимся с архивом, — вмешался я. — Магистрат, вы очень любезны, что предоставляете нам до-

ступ к своим материалам. Обещаю, мы в долгу не останемся.

Портулак обожгла меня свирепым взглядом.

— Обычно за пользование архивом взимается плата, — проговорила Джиндабин. — Дары и энергия — огромное подспорье для Невмы. Но приютить друзей из Линии Горечавки — большая честь для нас, так что об оплате речи нет.

— Благодарю вас, — проговорил Аконит, молчавший с самой высадки. Они с Волчник держали дистанцию, и теперь никто не принял бы их за любовников.

Тут заговорил Чистец. Со стороны показалось, что слова Аконита — условный сигнал для него.

— С позволения магистрата хочу поприветствовать шаттерлингов, присоединившихся к нам! Лихнис и Портулак, Аконит и Волчник, а также Люцерна, Донник и Маун, оставшиеся на шаттле, — на такое счастье мы и не надеялись.

Шаттерлинги радостно закричали, захлопали в ладоши. Я поднял руку в знак приветствия. Героем-победителем я себя не чувствовал, но не отреагировать не мог.

Портулак вежливо улыбнулась и тоже приветственно взмахнула рукой.

— Очень рада, что уцелело столько шаттер-

лингов, — начала она. — В минуты отчаяния мне казалось, что никому, кроме нас, сюда не добраться. Видеть вас — счастье, самое настоящее счастье.

Не считая Чистеца, на Невме оказалось сорок четыре шаттерлинга. Кого-то я заметил не сразу, но мало-помалу узнавал выживших. Вон хрупкая Минуарция — она все такая же красавица с голубоватыми, как снег под луной, волосами. Вон смуглый Горчица — с ним мы не ладим, но коротким кивком он дал мне понять, что все обиды в прошлом. Вон весельчак Церва с надутым, как после пирушки, животом. Вон Эспарцет, Клевер, Паслен, Бартсия и Пижма.

Мы с Портулак подошли к выжившим и пожали руки всем, кому могли. Аконит с Волчник сделали то же самое.

— Лихнис, я очень в тебе ошибался, — сказал шаттерлинг по имени Калган, которого я разглядел лишь сейчас, когда он тянулся через плечо Пижмы, чтобы пожать мне руку. — В жизни себе не прощу! Не думал, что скажу так, но надо было поменьше слушать Овсяницу.

— Решение войти в эту систему мы с Портулак принимали вдвоем, — заметил я.

— Да, конечно, — кивнул Калган.

Ростом он был с меня, лицо багровое, с мелкими чертами, короткие белые волосы пострижены кружком. Вместо левого глаза, зеленого, как у всех Горечавок, у Калгана стоял искусственный. Настоящий глаз и бóльшую часть левого профиля он потерял, когда попал в пекло микровойны и угодил под перекрестный огонь. Раненный, он оказался в лапах молодой межзвездной цивилизации. Их доктора́ кое-как залатали его и поставили глаз, вершину своей кибернауки, а по меркам Линии — страшный примитивизм, вроде культи или деревянной руки, которую не согнешь. Вернувшись, лицо Калган восстановил полностью, а искусственный глаз оставил. В тот цикл нити его воспоминаний были нарасхват, а чудовищный протез стал сувениром, напоминающим о захватывающих приключениях.

— Устроим поминки по Овсянице? — спросил он, стиснув мне руку. — Настоящие, как подобает его положению.

— Надо об этом подумать, — отозвался я.

— Что-нибудь яркое и запоминающееся. Пусть все увидят, что Горечавки так легко не сдаются.

— Ага, — кивнул я. — Только, по-моему, об этом и без ярких напоминаний знают.

— Вот это дело, Лихнис. — Чистец потрепал

меня по плечу. — Мы еще всем покажем. И, небом клянусь, найдем виновных.

— Если это другая Линия, предлагаю устроить мочилово, — зло сказал Аконит. — Оставим в живых пятьдесят два человека и посмотрим, как они запоют.

— Зачем оставлять в живых? — удивился Калган. — Нас хотели уничтожить поголовно. Мы уцелели по счастливой случайности. Я за полное истребление вражеской Линии.

— Откуда уверенность, что виновата другая Линия? — спросил я. — Синюшка мог действовать по собственной инициативе.

— Все Линии — естественные союзницы. На этом и основан Союз Линий, — напомнила Волчник. — Вполне логично, что наши естественные враги — тоже Линии.

— Может, сперва пленников допросим, а выводы потом сделаем? — вмешалась Портулак.

Я сжал ей ладошку. С тех пор как мы прилетели в Имир, я впервые с ней согласился: нельзя делать выводы, не изучив все факты.

— Позвольте представить вас гостям, — сменил тему Чистец.

Не гости, а настоящее ассорти, как я сразу и подумал. Во-первых, присутствовали шаттер-

линги других Линий. Марцеллинов я, правда, не заметил, зато увидел Чекана, Короеда, пару Бархатниц и еще пару шаттерлингов незнакомых мне Линий. Тут же находился постчеловек, здоровенный, как слон, в доспехах из красных пластин, судя по всему кожаных, — не краебежец, но с похожим сложением. Еще две длинные, тощие особи, на вид веники, а на деле живые существа, два человека с обычным сложением — не то шаттерлинги, не то посланники молодых цивилизаций, и два человека-машины, один серый, другой белого цвета с высоким коэффициентом светоотражения, как у слоновой кости или молока. Серый робот был женского пола, белый — мужского. Как у Геспера, над ушами у них были вмонтированы стеклянные панели, за которыми кружились цветные огоньки.

— Это Каденция и Каскад[4], посланцы машинного народа, — продолжал Чистец, справедливо решив представить роботов первыми. — Они прилетели с Эспарцет. Она встретила их на сборе Линии Оленьков, в десяти тысячах световых лет от внутреннего края Кольца Единорога.

— Рада встрече, — проговорила Каденция.

---

[4] Примечания: 4

Отсылка к песне британской группы «Кин Кримзн» «Cadence and Cascade».

Я в жизни не слышал такого звонкого мелодичного голоса, точь-в-точь как у дивного хора ангелов.

— И я тоже. — Каскад приветственно кивнул молочно-белой головой. — Вместе с вами мы ужасаемся чудовищному злодеянию, совершенному против вашей Линии. — Густой бархатный голос робота успокаивал, проникал в душу и заверял, что в присутствии Каскада со мной и моими близкими беды не случится. — Не сомневайтесь, машинный народ приложит максимум усилий, чтобы призвать убийц к ответу. Даю вам слово.

— Благодарю, — отозвался я.

— Вы единственные люди-машины, гостившие на сборе? — спросила Портулак.

— Насколько нам известно, да, — ответила прекрасная Каденция. — Разумеется, кто-то мог погибнуть на подступах к планете сбора уже после бойни, но, на мой взгляд, это маловероятно. У нас отменное чувство самосохранения.

Я вспомнил, как Гесперо понесся навстречу опасности, чтобы помочь нам, но решил промолчать.

— А о нашем госте вы слышали? — осведомилась Портулак.

— О Гесперо? — уточнил Каскад. — Да, конечно. Мы крайне обеспокоены состоянием нашего со-

племенника и хотели бы поскорее его осмотреть.

— Мы очень благодарны за все, что вы сделали для Геспера, — добавила Каденция. — Где он сейчас?

— На «Серебряных крыльях зари», — ответила Портулак. — Это мой корабль, его пришлось оставить на орбите.

— Поговорим об этом позже, — предложил я. — До Невмы Геспер дотянул, один-два дня теперь погоды не сделают.

Каденция и Каскад синхронно кивнули.

— Поговорим завтра, — сказала Каденция.

Ее серебряное лицо состояло из острых граней и плоскостей, но это не умаляло его завораживающей женственности. Интересно, привлекателен ли для Портулак спутник Каденции?

— Позвольте представить Угарит-Панта, посла по особым поручениям Содружества Тысячи Миров. — Чистец показал на слоноподобного сверхчеловека. — Эта весьма уважаемая суперцивилизация среднего уровня находится в рукаве Персея.

Посол поднял хобот, на конце которого оказалась пятипалая кисть с розовым отверстием в ладони. Я пожал отвратительный отросток и скорбно улыбнулся:

— Господин посол, я очень сожалею.

Тот непонимающе посмотрел темными глазами, расположенными по сторонам массивного выпуклого лба:

— О чем, шаттерлинг?

— О случившемся, конечно…

— Что случилось и с кем?

— Когда рухнула звездамба… — Я осекся, потому что Чистец взял меня за локоть и потащил прочь.

— Господин посол, Лихнис спутал цивилизации и говорил о Пантропической Цепи. Дружище, ведь ты ее имел в виду?

— Да, конечно, — смущенно пробормотал я.

— А ведь она даже не в рукаве Персея! Таков уж наш Лихнис — с галактической геополитикой он на «вы», так, дружище?

— Ну да, — ответил я, смутившись еще больше.

— О какой звездамбе ты говорил? — поинтересовался посол.

— Просто ходили слухи, что звездамба рухнула. — Портулак вклинилась между мной и послом. — Но при тщательном изучении фактов выяснилось, что взрыв плановый. Порой сверхновые взрывают, особенно если нужно обогатить металлом соседнюю звездообразующую туман-

ность или дать ей стимулирующий толчок, пока не начался коллапс.

— А при чем тут Пантропическая Цепь?

— Их предупреждали, что опасную зону заселять нельзя. Когда звезда взорвалась, сильная радиация уничтожила жизнь в некоторых их системах. Думаю, это и имел в виду Лихнис.

— Да-да, — с жаром закивал я. — Очень глупо со стороны жителей Пантропической Цепи.

— К этому мы еще вернемся, — пообещал посол, обращаясь к Чистецу. Тот натянуто улыбнулся в ответ.

— Это досточтимый Джапджи из Линии Чеканов… — проговорил Чистец, а когда слоноподобный посол отошел, зашипел: — Он не в курсе!

— Уже понял. Когда вы собираетесь ему сказать?

— Мы не собираемся.

— Разве это не безответственно?

— На самом деле, нет. Он и так на грани самоубийства. Знаешь, как они себя убивают?

— Нет, но уверен, что сейчас узнаю от тебя.

— Уходят в пустыню и взрываются. В грудной клетке посла приборчик с зарядом из антивещества.

— А-а-а, и ты думаешь…

— Пока не получим железную гарантию того, что посол не взорвется рядом с нами или что мы сможем погасить взрыв, придется держать его в относительном неведении. Мы уже поиграли с местными космотеками, чтобы стереть данные о крушении звездамбы и уничтожении Содружества Тысячи Миров. Сейчас нужно подправить ссылки на Пантропическую Цепь.

— Я бы очень расстроился, выяснив, что мне лжет буквально каждый.

— Все шло прекрасно, пока ты не сунулся к нему с соболезнованиями.

— Может, стоило предупредить меня, а не полагаться на телепатию?

— Я прозрачно намекнул тебе, когда знакомил с послом. Зачем бы еще мне говорить о его цивилизации в настоящем времени, а не в прошедшем? Или ты даже не заметил? — Чистец повернулся к Портулак и кивнул. — А ты молодец, ловко Пантропическую Цепь приплела. Хоть один из вас на ходу сориентировался.

— Я здесь лишь десять минут — и уже чувствую, что мне не рады, — посетовал я.

— Если не постараешься очень-очень, в следующий раз такое чувство возникнет уже через пять минут, — надменно процедила Портулак.

Глава 14

На посадочной площадке мы стояли, пока не повеяло вечерней прохладой и имирские чиновники вместе с шаттерлингами и другими гостями не засуетились у летающих подносов с напитками и легкой закуской. Большинство шаттерлингов жили здесь уже не первый год, а нас с Лихнисом лишь несколько субъективных дней отделяло от системы несостоявшегося сбора. У нас душевные раны еще не затянулись и болели слишком сильно, чтобы реагировать на болтовню и формальные соболезнования. Намаявшись, я побрела к неогороженному краю площадки. За ней начинался долгий спуск к «пальцу» Дара Небес, а от него — к мерцающим, непрерывно двигающимся дюнам.

— Если прислушаться, услышишь, как поет песок, — тихо проговорил Лихнис, уединившись со мной на краю площадки.

— В таком-то шуме?

— Хозяева и гости уходят в башню. Еще немного, и останутся только бродяги вроде нас с тобой.

— Вы с Чистецом все уладили?

— Кажется, да, — ухмыльнулся Лихнис. — Чи-

стец обещал проследить, чтобы к послу попадала лишь отредактированная информация. Этим и так занимались с тех пор, как слон сюда прилетел. Всего-то делов — немного пригладить статьи о разрушении звездамбы.

— Посол должен узнать правду. Разве гуманно держать его в неведении?

— Поставь себя на место Чистеца и прочих.

— Слон не подорвет себя.

— Не знаю. Видимо, прецедент есть.

— В истории галактики есть прецедент любого мыслимого события. Но это не значит, что оно повторится здесь и сейчас.

— Чудесно. Так и передай Чистецу, а я вернусь на орбиту и полюбуюсь салютом.

— И бросишь меня?

Лихнис сжал мне руку:

— Конечно нет.

— Как тебе роботы? — спросила я после небольшой паузы.

— Я рад, что они здесь. Это значит, что трагедия касается не только Линии Горечавки. Раз машинный народ соболезнует, значит они на нашей стороне. По-моему, лучше так, чем враждовать.

— Я имела в виду их отношение к Гесперу.

— В каком смысле?

— Думаешь, они хотят ему помочь?

— Они же сами так сказали.

Озябнув, я плотнее запахнулась в плащ.

— Вдруг они хотят разобрать Геспера, а не восстановить?

— Если восстановить не удастся, может, разобрать — единственный выход. По крайней мере, проникнут в архивы его памяти — прочтут то, что Геспер накопил до амнезии.

— Лихнис, он же наш друг. А мы избавляемся от него, как от рухляди, — пусть раздирают и отправляют на переработку.

— Геспер — машина. Когда машины ломаются, других вариантов нет.

— А ты, оказывается, жестокий.

— Нет-нет, мне не наплевать, — заторопился Лихнис, — но будем реалистами. У кого больше шансов восстановить Геспера — у людей-машин, его соплеменников, или у Фантома Воздуха, обитателя туманности, о котором нам не известно практически ничего? — Он покачал головой. — В любом случае мы с тобой забегаем вперед. Роботы его еще даже не видели. Пусть сперва осмотрят и выскажутся.

— Каденция с Каскадом — просто машины. Допускаю, что они способны починить Геспера,

но здесь, в такой дали от Кольца Единорога, у них может не оказаться всего необходимого.

— Тогда пусть забирают его домой.

— Лихнис, в послании Геспера говорится конкретно о Невме. Про Каскада и Каденцию он знать не мог, а о Фантоме Воздуха знал.

— Знай Геспер о других роботах, он велел бы отдать себя им в руки. Каскад и Каденция такие же, как он, и наверняка понимают, что для него лучше. Геспер велел нам позаботиться, чтобы его записи и зарисовки попали к машинному народу.

— Это не то же самое, что отдать им его самого.

— Можно весь вечер об этом спорить, и к согласию мы не придем. Это тем более бесполезно, пока не удастся еще раз поговорить с магистратом. Я вот не почувствовал в ней горячего желания устроить нам встречу.

— Мы же Линия, — напомнила я. — Первый раз просим вежливо, а если не получаем, то берем силой. Так мы поступали, поступаем и должны поступать впредь.

— Должны терроризировать тех, кто слабее?

— Наша долгая история дает такое право. — Я слушала себя и морщилась. Сама ведь ненавижу, когда другие шаттерлинги предлагают исполь-

зовать силу там, где не помогает дипломатия. Ненавижу, когда собираются терроризировать слабых, как выразился Лихнис. Только ведь это ради Геспера. Пусть никто не мешает его восстановлению.

— Вот начинается! — шепнул мой возлюбленный.

— Что начинается?

— Музыка. Песня дюн.

Лишь теперь я уловила гул, хотя он, наверное, нарастал уже несколько минут и наконец достиг порога слышимости. Лихнис не ошибся: большинство участников встречи ушли в башню, а оставшиеся на площадке, совсем небольшая группа, молчали. Звук казался мне потусторонним — низкий, скорбный, он менял тональность, как заунывная сирена.

— Это ветер? — пролепетала я, не решаясь повысить голос.

— Нет, не ветер. В штиль слышно еще лучше.

— Ты же здесь не бывал.

— Здесь — нет, зато бывал на других планетах с дюнами. Ты тоже бывала, но, верно, не в то время. Как ни крути, в мире еще много неизведанного. Ради этого и стоит жить.

— Если шумит не ветер…

— Суть та же, что в лавинах, — с благоговением зашептал Лихнис. — Осыпается подкорковый слой дюны. Правильное название такого рельефа — барханы, или волнообразные дюны, и они могут петь. Осыпающиеся песчинки резонируют с внешним слоем, который начинает вибрировать, как кожа большого барабана. Вибрация передается осыпающимся песчинкам, они синхронизируются. Внешний слой вибрирует сильнее и возбуждает прилегающие воздушные массы. Получается такая вот музыка, — объяснил он и, немного помолчав, добавил: — Здорово, правда?

— Здорово и страшно.

— Как и все лучшее на свете. — Лихнис снова затих, а потом сказал: — Я сейчас разговаривал с Минуарцией.

— Ты всегда к ней неровно дышал.

— Смотреть я смотрел, а руками не трогал. Суть в том, что я задумался над ее словами. У нас сейчас столько забот: Геспер, другие роботы, Синюшка, остальные пленные, неведомый враг, который может найти нас снова, — уймища, хватит на целую жизнь, даже по меркам Линии. Но главное — мы еще живы. У нас есть друзья, кров, и этим бархатным вечером дюны Невмы поют для нас.

Это не просто песок, а осколки мегаустройств Кормильцев, наследие сгинувшей суперцивилизации. Нам поют останки мертвых, которые мнили себя богами, пусть даже галактика их едва заметила. Ну, что теперь скажешь?

— Что живу слишком долго.

Шаттерлинги нашей Линии завтракали отдельно, на террасе под самым куполом-луковицей. Половину ее защищала крыша, половина оставалась открытой. Жизнь в Имире так и кипела — имирийцы, корабли, беспилотники сновали туда-сюда с головокружительной скоростью. Вдоль мостов и воздушных променадов развевались пестрые флаги. Прохладный воздух бодрил, и я чувствовала, что хорошо выспалась ночью. Несколько циклов назад вращение Невмы подогнали под стандарты Линии, приближалось весеннее равноденствие, поэтому можно было насладиться почти двенадцатью часами непрерывной темноты.

Мы с Лихнисом пришли на завтрак вместе. Для нашей Линии накрыли квадратный стол, с каждой стороны которого поместились бы человек двенадцать-пятнадцать. В центре стола стоял объемный дисплеер с вращающейся галактикой. Держась за руки, мы обескураженно смотрели

на присутствующих: все места, кроме двух на противоположных сторонах стола, были заняты.

— Я пересяду, — предложила Бартсия. Она сидела рядом со свободным местом и тут же подобрала подол длинного платья, чтобы встать.

— Зачем это? — весело спросил Клевер. — Думаю, Лихнису и Портулак все равно, где сидеть, как любому из нас. Или я что-то пропустил?

— Ничего страшного, Бартсия, обойдемся, — проговорила я. — А за предложение спасибо.

В итоге я села рядом с ней, а Лихнис — между Пасленом и Ворсянкой.

Чистец, оказавшийся на одинаковом расстоянии от нас, поднял бокал апельсинового сока.

— Как спалось, шаттерлинги? — спросил он, смакуя напиток. — Вас хорошо устроили?

— Не жалуемся, — ответил Лихнис.

Каждому из нас отвели в башне по целому этажу, разделенному на комнаты с панорамными окнами, высокими потолками и закругленными, как в пещере, стенами.

— Ты считаешь, что вправе говорить за Портулак? — с преувеличенной вежливостью поинтересовался Чистец.

— Лихнису известны мои вкусы, — сказала я. — И он вправе говорить от моего имени. Мы

любовники. Все вы это знаете или хотя бы подозреваете, так зачем притворяться?

— В этот трудный для Линии час могли бы хоть изобразить верность традициям, — процедил Чистец.

— А ты никогда не трахал других шаттерлингов? — подначила я.

— Портулак, пожалуйста, мы же завтракаем!

— Чистец, ты разговор завел, а не я.

— Сделаем им поблажку, ладно? — Аконит примирительно поднял руку. — Даже если мы не одобряем их отношения, Линия в долгу перед Лихнисом и Портулак.

Чистец недовольно взглянул на Аконита, но промолчал.

— Хотите осудить нас — валяйте! — дерзко сказал Лихнис, взял краюшку и как ни в чем не бывало отломил от нее кусок. Он держался так уверенно, что меня едва не захлестнула бесстыдная гордость. — Но по-моему, отсутствием здравого смысла никто из вас не страдает. Да, мы нарушили правила, только сейчас правила эти нужны как прошлогодний снег. Привычной всем нам Линии Горечавки конец. Может, мы и возродим что-то из руин, но к чему лукавить — новая Линия будет мало похожа на ту, что шесть

миллионов лет назад создала Абигейл.

— Законы Линии все еще в силе, — миролюбиво напомнил Калган, — но я понял, о чем ты. Лихнис и Портулак не единственные шаттерлинги, состоящие в любовной связи. Может, они и зашли дальше многих, только нарушителей всегда хватало.

— За этим столом других нарушителей нет, — заявил Чистец.

Калган почесал металлическое веко искусственного глаза, напоминавшего приклеенную к лицу бляху с красным самоцветом посредине.

— Может, и нет. Только настало время простить старые грехи. Ну что плохого в том, чтобы переспать с друзьями?

— Абигейл этого не хотела, — уперся Чистец. — Невинные перепихоны во время Тысячи Ночей — это одно, равно как и нечастые оргии, а сожительство — совсем другое. Мы не влюбляемся, не заводим детей, не живем потом «долго и счастливо». Абигейл создала нас не для этого.

— Абигейл уважала гибкость мышления, — не сдавался Калган. — Сиди она сейчас с нами, вероятно, поддержала бы Лихниса и Портулак.

— Это твое мнение, — проворчал Чистец.

— Если бы мы не сожительствовали, то не

опоздали бы на сбор, — начала я. — Мы попали бы в засаду и погибли бы с другими братьями и сестрами.

— Портулак права, — кивнул Калган. — Пожалуй, самое разумное — забыть это мелкое нарушение. Без Портулак и Лихниса не видать бы нам ни пяти спасенных шаттерлингов, ни пленных. — Калган вытер губы, стряхивая крошки. — Кстати, о пленных. Уже решено, что с ними делать? Горечавок мы, само собой, из стазиса выведем, а вот с пленными нужно быть осторожнее. Что с ними делать, когда проснутся, — вот в чем вопрос. — Он внимательно посмотрел на Волчник, сидевшую в отдалении от Аконита, словно они были едва знакомы.

— С разрешения Линии я хотела бы их допросить, — сказала она, — разумеется под должным наблюдением. Хотя они наши с Аконитом пленные. Мы захватили их и караулили, пока Лихнис не подоспел. Правильно это или нет, но я чувствую, что не довела до конца важное дело.

— Никто не возражает против того, чтобы допрос вела ты, — заверил Чистец. — Под наблюдением Линии, как ты сама предложила. У тебя есть план?

— Синюшку оставлю напоследок. По-моему, из

него мы вытянем больше, чем из остальных. Да и шансов пережить возвращение в нормальное время у него достаточно. Если реанимирую его целым и невредимым, буду настаивать на допросе с пристрастием.

— На рассеченке, — с отвращением проговорил Горчица.

— Тоже вариант, — равнодушно пожала плечами Волчник.

— Которую мы не использовали циклами, — напомнил Горчица. — Которую просвещенные молодые цивилизации считают варварским пережитком.

— Молодые цивилизации, а не Союз, — это самое важное. Существующие законы мы не нарушим. — В глазах Волчник вспыхнул недобрый огонек. — Нас атаковали враги, нас едва не истребили, нас, а не другую Линию и не молодую цивилизацию. Поставь их на грань истребления, посмотрим, вспомнят ли они о моральных принципах. Думаешь, Марцеллины хоть на миг задумались бы, прежде чем подвергнуть нас пыткам?

— Пытая Синюшку, ты не обязательно получишь ответы на свои вопросы, — заметил Горчица.

— Это не пытка. Пытка означает боль, а мы и пальцем его не тронем.

— Если отрешиться от этических проблем… У нас есть технические возможности для допроса с пристрастием? — спросил Чистец, опустив подбородок на переплетенные пальцы.

— Аппарат изготовить очень легко, — ответила Волчник. — Образцы и схемы для синтезатора найдутся в любой космотеке. Судя по тому, что я видела в Имире, местного сырья вполне хватит. — Она посыпала сахаром фруктовый салат на тарелке, нарезав его такими прозрачными ломтиками, словно уже готовилась к рассеченке.

— Думаю, мы позволим Волчник вести допрос, — проговорил Чистец, оглядев нас в поиске несогласных. — Аконит, наверно, ты тоже захочешь участвовать. Троих спящих разбудим и предложим присоединиться к вам. Остальные отвечают за контроль. Ограничивать полномочия Волчник мы не станем. Большинство из нас не попали под атаку или вовремя спаслись, а Волчник с попутчиками столько вынесли! Они имеют право, образно выражаясь, махать хлыстом.

— Кстати, никто не догадался, почему нас атаковали? Ну, с учетом последних новостей, — спросила я в надежде увести разговор от пыток.

— Дело в злости, других причин я не вижу, — отозвался Чистец. — Мы не сильнейшая Линия Союза и далеко не самая влиятельная, даже молодыми цивилизациями не манипулируем. Так что зависть и политика тут ни при чем. Шесть миллионов лет мы не лезли в чужие дела, достойно выполняли свою работу: чинили звездамбы, где понадобится, но в грязные игры не играли, в тараканьих бегах не участвовали, за разборками наблюдали со стороны. Все наши враги вымерли много циклов назад.

— Море причин считать нас белыми и пушистыми, — заметил Лихнис. — Откуда злости-то взяться?

— Дружище, плохо же ты знаешь человеческую натуру, — сочувственно проговорил Чистец. — Нас ненавидят уже за то, что мы сила добра, благодушного невмешательства. Мы не замарали руки и сохранили репутацию — этого с лихвой хватает, чтобы нас возненавидели.

— Другая Линия? — спросила я.

— Очень может быть, Портулак, — кивнул Лихнис. — Линии вполне по средствам найти оружие, которое использовали против нас. Особенно Марцеллинам…

— Марцеллины — наши союзники со времен

Золотого Часа, — возразила я. — Мы научили их клонировать, они нас — строить корабли. Все это время не было ни единого повода считать, что они точат на нас зуб.

— Из друзей получаются самые страшные враги, — изрек Чистец.

— А вдруг причина совсем не в этом? — спросил Лихнис.

— Есть идея? — полюбопытствовал Чистец.

Лихнис глянул на Аконита:

— Скажи ему, если считаешь нужным.

Аконит откашлялся и хлебнул воды.

— «Атаку спровоцировал Лихнис» — это единственный внятный ответ, который мы выбили из Синюшки, прежде чем запереть его в стазокамере.

— Лихнис? — подозрительно переспросил Чистец.

— Так сказал тот мерзавец.

— Небось соврал.

— Мы уже думали об этом, — начал Лихнис, подавшись вперед. — Разумное объяснение лишь одно: на сорванный сбор я опоздал, значит причина в нити, которую я подал в прошлом цикле.

— Виновным Лихниса никто не считает, — проговорила Волчник. — А если считает, пусть

растолкует мне после завтрака. Но возможно, он спровоцировал бойню непреднамеренно. Если в той его нити впрямь таилось нечто провокационное, нужно выяснить, в чем дело.

Чистец буквально сверлил Лихниса взглядом:

— Неужели ты даже не представляешь, что там может быть… провокационного?

Лихнис объяснил, что к атаке мог привести его полет на Вигильность. Мол, и Геспер, и покойный доктор Менинкс интересовались галактическими архивами.

— Внезапно всех обуяло любопытство, — подытожил Лихнис. — Машинный народ заслал туда своего представителя, но Геспер потерял память, так и не выполнив задания. Туда как магнитом тянуло доктора Менинкса. Может, собранные мной данные и спровоцировали атаку?

— Ты выяснил нечто архиважное, но не знаешь, что именно? — изумился Чистец.

— Некто увидел в моей нити то, чему я не придал значения, — ответил Лихнис, ничуть не задетый скепсисом других шаттерлингов. — Надо тщательно ее изучить. Возможно, я узнал нечто столь опасное, что нас решили истребить.

— Опасное для кого-то присутствующего на сборе? — уточнил Калган. — Для одного из нас?

— Гомункулярные пушки прилетели на корабле Линии, — вмешалась я, — иначе не попали бы в зону обстрела системы сбора — их перехватили бы. Спросите Аконита и Волчник — они подтвердят.

Я взглянула на Аконита, и тот поднял руки: согласен, мол. Волчник коротко кивнула.

— Кто-то знал, где состоится наш сбор, — вмешался Лихнис. — Уже из этого вытекает, что имелся доступ к закрытой информации. И Овсяница считал, что нашу внутреннюю систему взломали, и явно подозревал кого-то из нас, причем давно. Сиди он за этим столом, задавал бы нелегкие вопросы.

Тут впервые с начала завтрака заговорила Минуарция, убрав голубоватую прядь с темных мечтательных глаз. Я смотрела на нее — и видела сквозь призму воспоминаний Лихниса.

— Большинство шаттерлингов прилетели как раз к засаде. Нити сплетать еще не начали — мы дожидались опоздавших, чтобы начать Тысячу Ночей. Другими словами, нити канули вместе с хозяевами. Нам уже не узнать, чем занимались погибшие последние несколько циклов.

Все смотрели на Минуарцию, не совсем понимая, о чем она.

— Однако нам известны их намерения. — Голос Минуарции обволакивал, как горький шоколад. — В самом конце предыдущего сбора все мы подали ориентировочные планы полетов. Беспрекословно следовать плану никто не обязан: будут интересные данные — будут перемены, но представление получить можно.

— При чем тут… — начал Чистец.

— Планы полетов в открытом доступе, — объяснила Минуарция. — Можно проверить, чей маршрут соответствует нити Лихниса.

— Собирайся кто на Вигильность, я бы запомнил, — проговорил Чистец.

— Вряд ли все так явно, — возразила Минуарция. — Вигильность собирает и изучает информацию со всей галактики, из многих систем. Вдруг твоя нить подвигла кого-то на дополнительное расследование? Для этого на Вигильность можно не лететь.

— Ага, тут есть о чем подумать, — кивнул Аконит.

— Отлично, — недовольно буркнул Чистец. — Минуарция, поручим это тебе, согласна?

— Не возражаю. Пока есть стандартный доступ, могу заняться этим, как и любой другой шаттерлинг. Мне, конечно, понадобится нить

Лихниса. — Минуарция лучезарно ему улыбнулась. — Проблем ведь не будет?

— Даже не знаю, — тихо ответил Лихнис.

— Не понимаю, — покачал головой Чистец. — Цикл назад твоя нить была в открытом доступе. Почему проблемы возникнут сейчас?

— Потому что нити больше нет. Я ее стер.

У Аконита чуть глаза на лоб не вылезли.

— На «Лентяе» ты утверждал…

— Да, но я ошибался. Думал, в космотеке есть резервная копия. Ничего подобного. Я прокололся.

— Зачем стирать собственную нить? — изумилась Пижма.

— Говорю же, я прокололся.

— Непреднамеренная ошибка, с кем не бывает, — проговорил Горчица.

— Нет, не так, — возразил Лихнис. — Тут не ошибка, а морально-нравственный прокол. Нить я стер, потому что устал таскать за собой прошлое. Чувствовал себя каторжником, волочащим мешки, в которых воспоминаний столько, что хватит на целую жизнь. — Большинство шаттерлингов насупились, и Лихнис покраснел. — Воспоминая мои, и я распорядился ими так, как счел нужным. Это неотъемлемое право человека, и Линия тут не указ.

— Ах, Лихнис! — чуть слышно вздохнула я. Очень хотелось поддержать его, я понимала: его поступок на грани непростительного.

— Я думал, ничего страшного, — продолжал Лихнис. — Думал, банк нитей сохранит контрольный экземпляр до следующего сбора.

— Но его уничтожили гомункулярные пушки, — сказал Чистец.

— Не мог же я это предугадать.

— По твоей вине тот экземпляр остался единственным.

— Ага, задним умом каждый крепок, — пробурчал Лихнис.

— Ты и так напрашивался на строгий выговор, но этим поступком заслужил его сполна.

— Слушай, Чистец, вчера ты сиял от счастья. Что изменилось?

— Как спасшийся, ты заслужил самый радушный прием. Только факт остается фактом: ты попрал традиции Линии, пошел на неоправданный риск и допустил халатность по отношению к своей нити. Лихнис, ты не имел права стирать воспоминания: они принадлежат всей Линии Горечавки, а не одному тебе.

— Делайте со мной что хотите. Но как насчет отсрочки приговора до тех пор, пока не выясним,

кто стремится нас уничтожить?

— Прежде чем повесить Лихниса сушиться на солнышке, хочу напомнить, что копию его нити получил каждый из нас, — проговорила Минуарция. — То есть у нас пятьдесят с лишним копий — и все с мнемоническим обозначением.

— Его нить завалена новыми, да и от времени ее характеристики ухудшились, — заметила Волчник таким тоном, словно внесла разумное уточнение, а не ударила Лихниса под дых.

— Верно, — кивнула Минуарция, — но восстановить ее можно. Не утверждаю, что мы получим дубликат контрольного экземпляра, но нечто близкое к нему соберем, особенно совместными усилиями. Если все согласны на повторное извлечение памяти, я выделю варианты нити и сопоставлю, чтобы заполнить пробелы и исправить ошибки.

— Попробовать надо обязательно, — заявил Аконит.

— Минуарция, это очень большая ответственность, — предупредил Чистец.

— Ничего, справлюсь.

Чистец стукнул горбушкой себя по голове, точно судья, готовый огласить решение, молотком по столу:

— Да будет так! Волчник ведет допрос пленных. Минуарция восстанавливает нить Лихниса, насколько это возможно. Пижма… по-моему, сегодня твоя очередь идти в патруль. И хватит разговоров, давайте завтракать.

— Можно мне сказать? — спросила я.

— Конечно, Портулак, говори, — улыбнулся Чистец.

— Нас накажут или нет? Хотелось бы услышать это здесь и сейчас, в присутствии других шаттерлингов.

— Вы только что прилетели. Выбрать вам наказание нелегко — нужно учесть много разных факторов. Торопиться нельзя.

— А по-моему, фактор один — мы сожительствуем. Опоздание на сбор тут ни при чем — такое может случиться с каждым. Мы привезли пятерых шаттерлингов, которые иначе не спаслись бы, пленных и Геспера.

— К сожительству добавляется халатность Лихниса при обращении с нитью памяти.

— Меня за это и наказывайте, а Портулак не приплетайте! — дерзко заявил Лихнис.

— Сожительство, одновременный прилет, вызывающая бравада запрещенными отношениями указывают, что вас следует наказать как пару.

Да будет так.

— Шаттерлинги и прежде стирали нити, — напомнила я. — Никого за это не наказывали. Что же ты сейчас цепляешься к нам с Лихнисом?

— Успокойся, Портулак, — устало проговорил Чистец. — Если вас и накажут, то мягко, с учетом отсутствия взысканий в прошлом. Об отлучении от Линии и речи нет. Его вы не заслужили. Но дисциплина нужна, Портулак, особенно сейчас.

Мне словно пощечину отвесили — я откинулась на спинку стула и зажала между коленями дрожащие руки. Самое ужасное, что Чистец был прав. Линия и впрямь нуждалась в дисциплине, особенно перед лицом нынешней опасности. Вообще-то, шаттерлингам предоставлена свобода действий, но вдруг кто-нибудь перебросится на борт корабля и полетит к системе, которую назначили для сбора, тем самым выдав наше убежище врагу? Без малейших колебаний я поймала бы и казнила нарушителя, даже будь он шаттерлингом Горечавки. Шла бы речь о безопасности Линии — я из гамма-пушки сама выстрелила бы.

— Можно просьбу? — спросила я, когда к щекам снова прилила кровь.

— Давай, — кивнул Чистец.

— Когда мы подлетали к Невме, Геспер выразил

нам с Лихнисом свое пожелание. Он дал понять, что хочет попасть к Фантому Воздуха.

— Он ясно выразился?

— При тех обстоятельствах яснее и быть не могло. — В горле пересохло. Я поняла, что, если не убедить шаттерлингов сейчас, второго шанса не будет. — Я уже говорила с магистратом, но, вероятно, выбрала неудачный момент. Прошу Линию помочь мне добиться встречи с Фантомом.

— Ты сказала об этом Каскаду и Каденции?

— Магистрат была рядом, а при ней снова говорить о Фантоме не хотелось.

— Может, у роботов собственное мнение на этот счет, — предположил Чистец. — Геспер — их сородич, проще всего передать его им и считать проблему решенной.

— Проще не значит правильнее, — возразил Аконит. — Раз Геспер обратился к Портулак с конкретной просьбой, нужно отнестись к ней со вниманием.

— Верно, — кивнул Паслен.

— Машинный народ тоже злить нельзя, — заметил доселе молчавший Утесник. — Если роботы желают осмотреть Геспера, мы не имеем права препятствовать.

— Определенные дипломатические сложности

это нам создаст, — задумчиво проговорила Эспарцет. — Мы, как Линия, превыше всего ставим интересы наших гостей. Раз Геспер обратился к Портулак с такой просьбой, нужно постараться ее выполнить. Это не обязательно выльется в конфронтацию с машинным народом. До сих пор Каскад и Каденция проявляли удивительное понимание. Вряд ли их отношение изменится, если обрисовать им нашу проблему.

— Тебе это известно как никому другому, — заметил Чистец, ведь именно Эспарцет привезла роботов на сбор.

— Рассуждают они здраво и наверняка поймут наши трудности, — продолжила Эспарцет. — Из этого не следует, что их предложения надо игнорировать.

— Портулак, важно это или нет, но я целиком и полностью на твоей стороне, — заверил Аконит.

— И я тоже, — отозвалась Волчник. — Можешь рассчитывать на Мауна, Донник и Люцерну. Они поддержат тебя, когда узнают, что́ ради нас сделал Геспер.

— Спасибо, — сказала я.

— На меня тоже, — подал голос Паслен.

Пока одобрительный ропот не сменился бурными криками, Чистец коротко кивнул:

— Хорошо, Портулак будет добиваться встречи с Фантомом, обращаясь к правителям Невмы от имени Линии. А пока не начала… Портулак, ты хоть отдаленно представляешь, о ком или о чем речь?

Лихнис пришел ко мне чуть позже, когда я ждала ответ магистрата на просьбу об аудиенции. Я стояла на балкончике с низкими перилами, который сообщался с комнатой через проницаемую дверь-мембрану, собиралась с мыслями, выстраивала факты в подобие убедительной, логически обоснованной линии. Чистец внес сумятицу в мои мысли, пробил брешь в тонюсеньком слое уверенности. Я заглянула в космотеку и выяснила, что гнев Фантома уничтожал целые цивилизации. С другой стороны, жизнь на Невме существует лишь благодаря ему. В отсутствие крупных организмов именно Фантом поддерживает динамику местной атмосферы — поглощает углекислый газ и выделяет кислород. Не верится, что машинный интеллект делает это исключительно ради себя.

Фантом терпит нас, даже поощряет наше присутствие на Невме. Только неизвестно, пощадит он меня или сочтет назойливой. Я смотрела в голубое небо, проколотое золотыми башнями

Имира, и гадала, хватит ли мне пороху сделать все, что нужно.

За спиной раздался голос Лихниса:

— Глянь, что я принес.

Я обернулась: Лихнис входил на балкон с куском шоколадного кекса в салфетке.

— Спасибо.

— Аппетит у меня не лучше твоего, но я надеялся, что твой проснется ближе к полудню.

Я взяла кекс и откусила кусочек:

— Ты, как всегда, прав. Мандражирую, а есть хочется. Ну, что скажешь, как мы с тобой держались за завтраком?

— Отвратительно. Хотя в такой ситуации не облажаться было трудно.

— Меня удивил Чистец.

— А меня — нет. Этот пройдоха в лидеры выбивается. При Овсянице и других альфа-самцах шансов у него не было, а сейчас — пожалуйста, дорога расчищена.

— Про альфа-самок не забывай.

— Видела, как он командовал за столом? Будто мы его императором признали! Хватило наглости заявить, что я попрал традиции Линии! По традиции в Линии равноправие, то есть никаких лидеров.

— В критической ситуации разрешается создать актив, группу для принятия решений.

— Да, но мы чуть ли не со дня основания обходимся без актива. Отгадай, кто выступил первый, когда предложили создать актив? Небось наш император его и предложил. Зачем нам актив? Прямое голосование подходит идеально, особенно сейчас.

— Другие шаттерлинги осадят Чистеца. Друзья у нас еще есть. Заметил, как они сплотились, когда я заговорила о визите к магистрату? Половина собравшихся меня поддержала.

— Хм.

— Что значит «хм»?

— Ничего особенного. Просто думаю, была ли та поддержка искренней.

— Разве могла она быть неискренней?

— Кое-кто надеется, что ты получишь отказ от магистрата и опозоришься на всю Невму. А кое-кто — совершенно не удивлюсь! — ждет, что попадешь к Фантому и опозоришься.

— Смерти мне никто не желает.

— Верно, они твари, но не такие. Кое-кто нас с тобой не любит, но мы семья. Я бы никогда не пожелал смерти другому шаттерлингу Горечавки. Думаю, остальные от меня не отличаются.

— Надеюсь. Меня очень беспокоит наказание. Оно мечом надо мной висит.

— Если с Геспером получится удачно, может, и проблемы наши разрешатся сами собой.

— Все сразу?

— Ну, хоть некоторые. Геспер заступится за нас. Кто усомнится в словах человека-машины?

— Иначе говоря, вырисовывается еще одна причина рискнуть всем ради встречи с Фантомом.

— Ага. Ради этого и ради дружбы с Геспером. Мне вообще его не хватает.

— Я тут статей из космотеки начиталась. Чистец не преувеличивает — с Фантомом шутки плохи, так что риск огромный.

— Рискуем мы с тех пор, как нас создали.

— Точно. — Я доела кекс и принялась складывать из салфетки голубка. — Спасибо, что заботишься обо мне. Что бы ни случилось — и здесь, и после Невмы, — я рада, что мы вместе.

— Я без тебя с места не сдвинусь.

— По крайней мере, наша связь больше не тайна. Шифроваться незачем.

— Мы поплатимся, — мрачно предрек Лихнис. — Рано или поздно нам предъявят счет. Надеюсь, ты это понимаешь.

Бумажный голубок был готов — с желтовато-ко-

ричневым глазами и раскрашенными перьями. Голубь хлопал крыльями. Я выпустила его и проводила взглядом: лети, лети навстречу контейнеру для макулатуры. Мы с Лихнисом взялись за руки, потом крепко обнялись.

— Пусть делают что хотят. Я готова к худшему.

Тут у меня в комнате раздался звонок.

Кабинет Джиндабин находился на самом верху башни, в четырехгранном куполе с прекрасным видом, открывающимся в любую сторону. На стенах вместо декоративных сабель висели крылья — синие, зеленые, ярко-красные; их глянцевитые грани покрывали волнистые имирские письмена. Там же были фотографии и пара произведений невмского искусства, очень напоминающих схемы замысловатых садовых лабиринтов. Три выпуклых окна выходили на город, целый лес золотых шпилей, за четвертым к горизонту тянулись бесконечные барханы серебристой пустыни. День стоял ясный, тихий, и в самой дальней дали я разглядела одинокую белую башню.

— Ваша просьба очень необычна, — проговорила Джиндабин, когда мы уселись лицом к ее столу. — Поймите, подозрительность моя вполне естественна. Линия Горечавки никогда не инте-

ресовалась нашей планетой, и вдруг вы желаете заглянуть в ее святая святых.

На столе магистрата стояло нечто вроде кальяна — яркий, деловито фырчащий чайничек с трубками и клапанами. Длинный, набранный из сегментов шланг заканчивался мундштуком, который магистрат то и дело подносила ко рту. Нам с Лихнисом подали имбирный чай — чашки весело звенели у нас в руках.

— Ваше внимание очень приятно, — продолжала Джиндабин, — но я чувствую себя девушкой, которую обольщает коварный кавалер. Что ваши космотеки говорят о Фантоме?

— Фантом — фракто-коагуляция, — ответила я. — Сейчас это воздушное существо, совокупность разрозненных элементов, а некогда он был человеком, носителем человеческого разума. Возможно, этот человек жил на Золотом Часе и звали его Вальмик.

— По-моему, мы впустую тратим время.

Тут вмешался Лихнис:

— Космотека говорит, что Фантом Воздуха воскрешал мертвых — и биологических существ, и механических.

— Для начала он убил множество существ.

— В космотеке указывается, что там не обо-

шлось без провокаций, — заметил Лихнис, — мол, жертвы совершали действия, заведомо неприятные Фантому.

— Провоцировать Фантома ни один из погибших не хотел. Каждый из них считал себя умнее своих предшественников.

— Мы так не считаем, — покачала головой я, — и прекрасно понимаем, что прямой контакт можем не пережить. Но рискнуть готовы. Это ради нашего друга.

Джиндабин пососала мундштук — в чайничке закипело.

— Ради человека-машины. Может, стоит передать его заботам Каденции и Каскада?

— С ними мы, разумеется, посоветуемся, — заверила я, — но Геспер, видимо, чувствовал, что у Фантома больше шансов спасти его, чем у собратьев-роботов.

Джиндабин потерла щеку, поросшую тонкой золотистой шерстью. Пока свет не падал под определенным углом, шерсть поразительно напоминала человеческую кожу.

— Вы ставите меня в пренеприятнейшее положение.

— Нет, мы ходатайствуем о правах доступа, которые до нас получали очень многие путеше-

ственники, — поправила я.

— Тогда время было другое, а Фантом более предсказуем. За последние — нет, не годы — века он стал куда капризнее. Неприятные инциденты уже случались. Научный совет убедил власти, что внеплановые посещения недопустимы. До сих пор недовольство Фантома вымещалось на одиночках или на небольших группах, но вдруг он вообще не пожелает видеть людей на Невме? Говорят, именно он уничтожил Пластиков, а потом Кормильцев.

— Если бы его тяготили люди, он бы давно избавился от вас, — заметил Лихнис.

— Вам легко говорить, вы — гости, можете улететь когда пожелаете и не обязаны Фантому воздухом, которым дышите.

— Конечно, просьба необычна, и вы вправе нам отказать, — примирительно сказала я. — Обещаю в точности следовать рекомендациям научного совета. При малейших признаках недовольства со стороны Фантома контакт я прерву.

— Знаете ведь, что отказать я не могу, — посетовала Джиндабин.

— Еще как можете, — возразила я.

— Неужели? Притом что Линия Горечавки следит за каждым моим шагом? На орбите нет и

пятидесяти кораблей, но мы четко представляем, что они сотворят, если мы проявим строптивость. Башни превратятся в пыль, на Невме даже руин Дара Небес не останется.

— Мы не такие, — заверил Лихнис. — Мы не терроризировать вас пришли.

— Это вы так думаете. Видимо, не склонны к террору — как человек, как личность. Но вместе вы — Линия. Линии всегда добиваются желаемого. Исключений нет.

— Но мы же с просьбой к вам обратились, — жалобно напомнила я.

— В полной уверенности, что в итоге я соглашусь.

— Линия Горечавки не такая, — повторил Лихнис. — Террор и давление не в нашем духе.

— Если я откажу, вы закроете эту тему?

Мы с Лихнисом встревоженно переглянулись.

— Да, несомненно, — кивнула я. — Власть здесь принадлежит вам, а не нам.

— Чистец — шаттерлинг решительный. По-вашему, как он отреагирует, когда вы сообщите ему о моем отказе? Думаю, не обрадуется. Моральные принципы у вас, может, и есть, но, действуя сообща, вы — чудовища. Сколько раз я наблюдала это в других Линиях.

— Мы не чудовища, — возразила я. — Не верите — откажите нам. Клянусь, вы не пострадаете.

— А через тысячу лет? Через десять тысяч? Время для вас ничто.

— Мы изменились, — сказал Лихнис. — Если в прошлом и совершались подобные поступки, теперь все иначе.

Джиндабин положила мундштук на малахитовую подставку в виде крюка с зубцами.

— Ступайте! — велела она, взяв со стола лист бумаги. — Решение я сообщу вам чуть позднее.

В полдень на балконе башни, где нас поселили, мы встретились с Каденцией и Каскадом. Лихнис с яблоком в руке сидел в низком кресле и в разговоре почти не участвовал.

— Спасибо, что согласились прийти, — проговорила я, кивнув безупречно красивым созданиям.

Ответила мне Каденция — серебристый робот с внешностью женщины:

— Портулак, это такая малость! Нам с Каскадом не терпится повидать Геспера и посмотреть, чем ему можно помочь. Вы не поверите, но сострадание к братьям-машинам нам не чуждо. Нам больно думать о том, что Геспер мучится.

— Роботы умирают? — спросила я.

— Да, конечно, — отозвался Каскад. — Уни-

чтожить робота можно. Вдали от родины, от поддерживающих систем нашей цивилизации мы уязвимы почти так же, как люди. — Он коснулся груди белым пальцем. — Меня можно убить хоть сейчас, если правильно выбрать оружие.

— Но ведь ваши архивы и системы где-то далеко, в Кольце Единорога.

— Ближайшая часть Кольца в десятках тысяч световых лет отсюда. За время моих странствий случилось многое, но домой я переслал лишь малую часть информации. Если меня сейчас убьют, весть о моей гибели достигнет Кольца через десятки тысяч лет. Впоследствии соплеменники смогут активировать копию меня с полным набором моих воспоминаний и опыта. Только новый робот будет не мной, а существом, имеющим со мной отдаленное сходство. — Каскад наклонил красивую голову. — Вы, как шаттерлинги, должны нас понимать. Воспоминания у вас почти идентичные, но это не значит, что вы не боитесь смерти.

— В самом деле, боимся, — отозвалась я. — Но как насчет Геспера? Он может умереть?

— Безусловно. До осмотра мы можем только гадать, какие повреждения он получил. Точно знаю одно: если вернуть Геспера в Кольцо, шансы

восстановить его резко возрастут.

— Для этого понадобится корабль, — вставила Каденция.

— А вы без корабля?

— Своего у нас нет. Сюда нас привезла Эспарцет.

Мои мысли прервал смачный хруст. Лихнис внимательно следил за разговором, хотя старательно изображал безразличие.

— Но ведь когда-то корабль у вас был, — заметила я.

— Когда-то был, — равнодушно проговорила Каденция. — Его уничтожили задолго до того, как мы попали на сбор Оленьков. С тех пор мы зависим от милости людей. — Каденция махнула рукой, будто отметая проблему. — Не важно! Корабли — тупые жестянки с интеллектом булыжника. Нам они неинтересны.

— Хорошо бы вам взглянуть на Геспера, — гнула свою линию я. — Помогите хоть спустить его на Невму в целости и сохранности. Я боюсь его двигать.

— Спускать его незачем, — сказал Каскад. — Все, что сможем, мы сделаем на вашем корабле.

— Вам не нужны имирские материалы и инструменты? — удивилась я.

Каденция издала короткий клохчущий звук, — вероятно, так люди-машины выражают насмешку.

— Жители Невмы очень славные, но использовать их инструменты для ремонта Геспера все равно что нейрохирургу — мясницкий нож.

— В крайнем случае и мясницкий нож сойдет.

На опалесцирующе-белом лице Каскада появилась натянутая улыбка.

— Есть варианты получше. Мы — машины гибкие, перестраиваемые. Нынешняя гуманоидная форма принята нами лишь для удобства. Мы без труда сформуем нужные Гесперу интерфейсы, но сперва должны попасть к вам на корабль.

— Это можно устроить, однако мне все равно хочется спустить его на Невму.

— Спускать его незачем, — повторил Каскад.

— У меня есть причина. В двух словах не объяснишь, но Геспер попросил об одолжении. — Я сделала глубокий вдох. — Вы давно на Невме и наверняка слышали о Фантоме Воздуха.

— Ну да, — осторожно ответила Каденция.

— Вы общались с ним?

Она — я не могла не думать об этой машине как о «ней» — покачала красивой гордой головой:

— Нет, не общались. Повода не было. Фантом не

настоящий машинный разум и особого интереса для нас не представляет.

— Это и к людям относится?

— Как раз наоборот. Органический интеллект для нас просто пленителен. Скользкая серая масса с признаками сознания — как тут не очароваться?

— По развитости Фантом — промежуточная стадия между человеческим и настоящим машинным сознанием, — пояснил Каскад. — Происхождение непонятно, сущность нестабильна. Его и объектом исследования не сделаешь — слишком много переменных.

«А еще вы его опасаетесь», — подумала я.

Раз Фантома боятся люди, то и машинный народ наверняка тоже. Лихнис перехватил мой взгляд и подмигнул.

— Меня он интересует, — сказала я вслух. — Геспер хорошо знал, куда мы летим, и, как нам кажется, хотел, чтобы его доставили к Фантому.

— По-вашему, зачем эта встреча? — спросил Каскад.

— Имеются документальные свидетельства того, что Фантом исцелял раненых путешественников и восстанавливал машины, — объяснила я. — Вполне вероятно, он и Гесперу поможет.

— Или сломает его окончательно.

— В этом случае часть Геспера вольется в память Фантома. Думаю, он хотел попробовать такой вариант.

— Престранное желание, — отметила Каденция.

— То, что мы здесь, тоже престранно. И что привезли раненого робота — тоже.

— Тем не менее.

Повисло молчание. Роботы стояли неподвижно, но огоньки за стеклянными панелями в их головах кружились, как безумные светлячки. Видимо, в моем присутствии велась тайная беседа на недоступной мне скорости. Секунды тишины по меркам машинного разума наверняка равнялись годам бурных дебатов.

«Они умнее нас, — подумала я. — Умнее, сильнее, быстрее. Скоро наступит момент истины: мы или они».

— Мы поднимемся на ваш корабль и осмотрим Геспера, — предложила Каденция.

— Попробуем наладить с ним контакт, — добавил Каскад. — Если не получится, спу́стите его на Невму и покажете Фантому.

Меня захлестнула радость пополам с замешательством. Пусть осмотрят Геспера, нельзя

лишать их шанса пообщаться с ним. Может, он объяснит им, чего именно хочет?

— Спасибо, — ответила я, собравшись с мыслями. — Я очень вам благодарна.

— Вы думали, мы станем мешать вашим планам? — мягко спросил Каскад.

— Если бы вы отказались помогать, я бы не обиделась. Для нас Геспер гость, а для вас — соплеменник. Если бы вы решили, что у вас больше прав на него, я бы… Я бы не спорила.

— Но огорчились бы, — подсказала Каденция.

— Да, я чувствовала бы, что подвела Геспера.

— Мы этого не допустим. Вы столько заботились о Геспере, большое спасибо. — Каскад глянул на свою серебристую подругу, потом на меня. — Портулак, когда можно подняться на ваш корабль?

— Как только я получу разрешение Линии вывести шаттл на орбиту. Проблем возникнуть не должно, но пару часов это занять может.

— Тогда ждем ваших указаний, — с поклоном проговорила Каденция.

Глава 15

Во второй половине нашего первого дня на Невме из стазиса вывели трех оставшихся шат-

терлингов. На большую посадочную площадку, где накануне встречали нас, они вышли оглушенными, настороженными, словно не верили в счастливый поворот судьбы. Будто очнулись от одного сна и решили, что попали прямехонько в другой, который может оборваться в любую минуту.

После торжественной встречи с чиновниками Невмы, шаттерлингами и другими гостями — не такой пышной, как вчера, только Люцерна, Донник и Маун не могли этого знать — они подошли к нам с Портулак.

— Лихнис, Аконит нам все рассказал, — начала Донник. — Не знаю, как вас благодарить.

— Вы сделали бы то же самое, — отозвался я.

— Хотелось бы так думать, но уверенности нет. Главное — вы это сделали риску вопреки. Портулак, Лихнис, спасибо! Теперь я горжусь тем, что принадлежу к Линии Горечавки.

— Тут о наказании поговаривают, — сказал я, глянув через плечо, чтобы проверить, нет ли поблизости Чистеца. — Друзья нам с Портулак ох как нужны — вдруг нашу судьбу будут решать голосованием?

— Не верю, что они серьезно, — заявил смуглый красавец Маун.

— Увы, это так, — заверила Портулак. — Но если у нас есть союзники, все не так плохо.

— Союзников у вас больше, чем вы думаете, — вмешалась Люцерна и пристально взглянула на спутников. — Синюшка и другие… Что стало с ними?

— Они здесь и по-прежнему в стазисе, — ответил я. — Волчник поручено провести допрос.

— У нее получится, — хмыкнул Маун.

— Тебя послушать, это плохо.

— Синюшку она допрашивала… с особым усердием, — проговорила Донник, понизив голос.

— Ну, я бы тоже усердствовала, — призналась Портулак.

— Не так, как Волчник. Ее чуть ли не сдерживать пришлось. Не хотелось, чтобы пленный погиб, не сообщив ничего полезного. Ей всех поручили?

— За ней присмотрят, — пообещал я.

— Хорошо бы, — проговорила Люцерна. — На Синюшку нам всем плевать, пусть хоть тиграм его скормят. Но прежде надо развязать мерзавцу язык.

Тот день был богат событиями. Минуарция готовилась извлечь мою нить из воспоминаний выживших, что каждому из нас сулило безбо-

лезненную, но долгую процедуру считывания памяти. Сложность заключалась не в устройствах, благо имелись стандартные схемы для синтезатора, а в том, как организовать нас, чтобы уложиться в несколько дней, а не в полмесяца. В знак доброй воли и своей откровенности первым на проверку явился я.

— Лихнис, тебя я могу пропустить, — сказала Минуарция, когда мы остались вдвоем в комнате, отведенной ей для работы. — Спасибо за готовность, но между нитью и воспоминаниями о тех же событиях в основной твоей памяти возникнет противодействие. Никогда не понимала, зачем Линия обязывает нас получать копии собственных нитей.

— Традиция, — отозвался я, — а еще профилактика диверсий. Задумай я подсадить какую-то гадость в головы братьев-шаттерлингов, неминуемо заразил бы и себя.

— Ну, если бы ты вредил сознательно, то принял бы меры предосторожности.

— Да, но так хлопотнее, а значит — рискованнее. В общем, думаю, традиция больше символическая, чем практическая. Так ты собираешься меня сканировать?

— Да, если у тебя нет других дел. Или хочешь

посмотреть, как развлекается Волчник?

— Неужели я слышу подкол?

Минуарция сморщила нос, словно в комнате дурно пахло:

— Давай попробуем. Если отношение сигнала к помехам будет невыгодно низким, я тебя отсекаю.

— Даже звучит больно.

— Ложись сюда! — с преувеличенной строгостью велела Минуарция.

Она знала, что нравится мне, и в любом нашем разговоре сквозило некоторое напряжение. По-моему, я ей тоже немного нравился.

Я лег на кушетку и выдохнул. Минуарция приступила к сканированию: взяла нечто вроде тюбика и выдавила его содержимое на левую руку, от ладони до нижней части плеча, — получилась сеть толстых восковых линий, соединяющих кончики пальцев с изгибом локтя. На правой руке Минуарция колец не носила, зато на левой — множество, но восковые линии их не задели. Несколько секунд — и сеть из механогеля стала рабочей. Минуарция держала ладонь близко к моей голове, словно грелась у горячего камня. Пальцы были напряжены, как у балерины во время танца, — Минуарция медленно двигала

ладонь, поглядывая на стену, где появлялись результаты. Пока транскраниальные сенсоры копались в моей памяти, выискивая соответствия тегам нити, я чувствовал вспышки неосознанных воспоминаний, этакие блеклые картинки на экране сознания. Совсем как при входе в Палатиал, когда игра сканирует разум.

— Планы полетов что-нибудь дали?

— Не шевелись! Не будешь дергаться и болтать — управимся быстрее.

— Извини.

— Планы полетов я еще не смотрела. Наберу сканы нитей, начну сопоставлять, тогда и займусь планами. Вряд ли раскопаю что-то интересное, но попробовать стоит. Кстати, за тобой должок. За завтраком я тебя прикрыла.

— Угу, согласен.

— Уверена, у тебя будет шанс со мной расплатиться. Кто знает, вдруг однажды я отмочу что-нибудь идиотское, ну свою нить сотру? — Свободной рукой Минуарция поправила выбившуюся прядь голубоватых волос. — Лихнис, ты невыносим. Порой я думаю, что ты воплощение идеалов Линии, порой — что тебя давно следовало отлучить. Ты слишком несерьезный, в этом твоя проблема. Временами это здорово — нельзя же всем быть

как Овсяница и Чистец, но в остальных случаях… Ладно, хватит. Тебе ведь это и так каждый день говорят. Хорошо, что у тебя есть Портулак, — она не даст свернуть на кривую дорожку. Терпения этой женщины целой галактике хватит! Будь на ее месте я… тебе бы памятник давно поставили.

Другими словами, она бы меня убила.

Минуарция быстро закончила и позволила мне подняться с кушетки.

— Получились чистые сканы?

— Не хуже, чем я ожидала. — Минуарция содрала с руки полоски механогеля и скатала в шарик, который втянулся обратно в тюбик. — Особой пользы пока нет, но, когда сложу все, что-то путное получиться должно. Строго между нами — говорить об этом все равно придется, — ты ведь ничего не скрываешь? Не для этого нить стер?

— Если я что-то скрываю, то делаю это мастерски, потому что даже сам об этом не догадываюсь.

— Вполне вероятно. С памятью такое выделывают! Только… — Минуарция осеклась. — После всего случившегося я тебе верю. Не отрицай, недостатков у тебя уйма, но с бойней ты вряд ли связан. Ты как мальчишка, ищущий на берегу красивые ракушки. Увидел яркую, притащил до-

мой и давай хвастаться, не понимая ее истинной ценности. — Минуарция сделала многозначительную паузу. — Зато понял кто-то другой. Кто-то увидел твою находку и решил, что все мы должны из-за нее умереть. Сейчас нам просто нужно найти ту ракушку.

— Минуарция, я так рад, что ты выжила!

— Значит, нас уже двое.

Четыре стазокамеры поставили на постамент в центре зала, который Волчник выделили для допросов. Чуть поодаль высились ярусные скамьи для зрителей, еще дальше — стены с узкими оконцами, в которые сочился тусклый дневной свет. Места хватило и для шаттерлингов, и для гостей, и для небольшой группы местных. Многие уже собрались, когда транспортер высадил меня у входа. Только что на моих глазах в небо взмыл шаттл Портулак. Я сгорал от любопытства: очень хотелось услышать, что пленные скажут в свое оправдание.

Волчник не просто отличалась пунктуальностью, а умела появляться в самый нужный момент. Стоило ей войти, атмосфера накалилась, разговоры сменила звенящая от напряжения тишина.

Волчник черной статуэткой замерла перед

постаментом.

— Шаттерлинги и гости, благодарю, что пришли! — обратилась она к собравшимся. — Сегодня я допрошу пленников с помощью синхросока. — Волчник подняла руку, обнажив тонкое запястье. На нем белел массивный хронометр с переливчатыми шкалами и рифлеными головками. — Поскольку вас заблаговременно предупредили, полагаю, почти у каждого есть синхросок или аналогичное средство для сжатия субъективного времени. Кратность сжатия — сто, но задавать ее будете по моей команде.

Двери всех камер были открыты, демонстрируя пленных в алых пузырях сжатого времени. Волчник поднялась на постамент и подошла к правой:

— По имени мы знаем лишь заключенного в крайнюю стазокамеру слева. Камера Синюшки — лучшая из четырех, у него самые высокие шансы пережить возврат к реальному времени. У других шансы пониже, не исключено лущение. Поэтому их я решусь выводить из стазиса, лишь убедившись, что без внешнего воздействия выкачала все, что могла. Впрочем, пленным это неизвестно.

Волчник открыла контрольную панель с такой

же градуированной шкалой, какую я видел на камере Синюшки еще на «Лентяе». Этот рычаг был повернут вправо почти до отказа, значит кратность сжатия достигла примерно ста тысяч — то есть секунда в стазисе приблизительно равнялась одному дню во внешней среде. С тех пор как я позавтракал с другими Горечавками, пленный едва успел моргнуть. На жест или простую фразу у него могло уйти два-три стандартных дня.

Волчник повернула рычаг влево, снизив кратность до ста. Пленник еще казался неподвижным, но за минуту его грудь заметно поднялась и опустилась. Он дышал, он не погиб! Из алого пузырь превратился в розовый.

— Он видит и слышит только меня, — объявила Волчник, бросив взгляд на собравшихся. — Между мной и вами защитный экран. Впоследствии можно будет провести перекрестный допрос, но пока разумнее мне общаться с пленными в одиночку. Соответствующее разрешение Линии у меня, конечно, имеется. — Волчник коснулась хронометра пальцем. Ногти у нее были длинными и заостренными. — Сейчас я должна замедлиться. Желающих следить за разбирательством прошу сделать то же самое. Задаем продолжительность шесть часов — на несколько

минут беседы этого достаточно.

Волчник охватил псевдопаралич — синхросок тормозил ее умственную деятельность, и, хотя физические процессы не остановились полностью, Волчник упала бы с постамента, если бы ее костюм не застыл, превратившись в поддерживающий корсет. Теперь ее субъективное сознание, сердце и легкие работали в том же ритме, что у пленных. Медленно, очень медленно Волчник открыла рот — послышалось что-то невнятное.

Под действием синхросока разговаривать невозможно: голосовой аппарат человека не способен издавать звуки протяженностью в несколько минут. Но костюм Волчник распознавал намерения хозяйки и, воссоздавая ее голос, подавал пленным и в акустическую систему зала. В итоге мы слышали нечто вроде песни кита — унылое, низкое, с дозвуковыми унтертонами.

Я вытащил из кармана черный пузырек и капнул в глаза по холодной капле синхросока. Препарат тут же начал действовать, ослабив мигательный рефлекс. На своем хронометре я задал продолжительность шесть часов и нужную кратность замедления. Закружилась голова — синхросок воздействовал на организм, а потом единственным проявлением его влияния стало

мелькание минутной стрелки, которая крутилась, как мощная центрифуга. Большинство наблюдающих замедлились вместе со мной. В нормальном режиме остались лишь несколько присутствующих, их выдавали резкие суетливые движения.

Голос Волчник звучал все выше и выше, пока не стал внятным и нормальным.

— …Линии Горечавки, Дом Цветов, — представлялась она в трансе. Значит, я пропустил секунды две, не больше. — Ты у нас в плену на планете, название и расположение которой я не считаю нужным раскрывать. Интересует нас не справедливость, а лишь хладнокровная месть.

Пленный не ответил. Он полностью ожил, ерзал в кресле, насколько позволяли фиксаторы, и следил за каждым движением Волчник.

— Впрочем, возможны уступки в обмен на информацию, — проговорила та, поглядывая на скрытых зрителей. Костюм позволял ей нормально передвигаться. — Вас четверо, а нам хватит признаний одного. Стазокамеры повреждены, шансы благополучно вернутся к нормальному времени у вас незавидные. Если расскажешь то, что нам нужно, обещаю приложить максимум усилий, чтобы ты выжил. Но только если ты

поможешь нам. Если расскажешь все прямо, без утайки. — Волчник подбоченилась. — Ну так что?

Пленный не то улыбнулся, не то ухмыльнулся — толком не разберешь.

— Горечавка, я видел, что мы с вами сделали. И скольких убили, знаю.

— К счастью, есть выжившие, их больше, чем ты полагаешь. И опоздавшие есть.

— Думаешь, я поверю тебе на слово?

— Если хочешь увидеть остальных, я выведу тебя из стаза. Вот и погрузишься в реальность.

— Да у тебя пороху не хватит. Попробуешь меня вывести — останешься с носом.

— По-твоему, не рискну? Не так уж ты мне и нужен живым.

— Ну вот, опять голословное заявление.

— Тебе известно, сколько вас было на корабле.

— Но неизвестно, сколько уцелело. Ну, покажешь ты еще троих, почем мне знать, что это не голограмма?

— Кто вас послал?

— Мы сами.

— Ответ неверный. Расскажи, какое участие в бойне принимали Марцеллины.

— Не знаю, сама расскажи.

— Марцеллинам поручили уничтожить гомункулярные пушки. Они ослушались, иначе наш разговор не состоялся бы. Это диверсия на уровне Линии или Синюшка действовал самостоятельно?

— Кто такой Синюшка?

— Мое терпение не бесконечно, — предупредила Волчник, взявшись за рычаг на контрольной панели. — Сдвину его до отказа влево, и ты проснешься. Сдвинуть?

— Как тебе угодно.

— Объясни, как с засадой связана нить Лихниса. Что в ней такого важного?

— Лучше спроси об этом Лихниса. Или его мы тоже убили?

— Ты шаттерлинг Линии? Марцеллин?

— Неужели я похож на Марцеллина?

— На спор я сказала бы, что ты из Линии Шашечницы. Сходство я заметила, лишь когда ты заговорил, но у тебя такой же надменный оскал и вызывающий блеск в глазах.

Волчник внимательно следила за пленным: вдруг ненароком выдаст свои истинные чувства? Жаль, нельзя было прочесть его мысли — через стазопузырь мозг не просканируешь.

— Раз ты думаешь, я из Дома Мотыльков, обсу-

ди это с ними.

— Да, — глубокомысленно изрекла Волчник, — ты из них, из любителей двигать звезды. — Без предупреждения она вернула рычаг на прежнее место, сковав шаттерлинга-злодея параличом стазиса.

Неподвижность пленного мы видели даже под синхросоком, ведь у него кратность замедления в тысячу раз превышала нашу.

— Хочу сразу посмотреть, Шашечница он или нет, — заявила Волчник. Свет, лившийся в узкие оконца у нее за спиной, теперь падал совершенно иначе.

— В космотеке наверняка есть поименный список шаттерлингов Дома Мотыльков. Не факт, что мы узнаем нашего фигуранта — как и мы, они меняют внешность, — но проверить стоит, — сказал Аконит.

— Вот и займись, — велела Волчник. — Погибших и пропавших без вести не забудь.

Аконит коснулся своего хронометра, вернул себя в нормальное время и быстрее молнии полетел к выходу. Дверь открылась, закрылась, на миг показав сумеречное небо, а через пару субъективных секунд Аконит уже опять сидел на своем месте и замедлялся.

— Имя пробил, — отрапортовал он. — Это шаттерлинг Линии Шашечницы, зовут его Вилохвост. Считается погибшим десять циклов назад по их исчислению.

— Примерно так же, как Синюшка, — отозвалась Волчник. — Значит, их уже двое — шаттерлинги, которых считали погибшими, а они живы-живехоньки. Думаю, стоит и оставшимися двумя заняться — вдруг услышим ту же историю?

— Хочу задать этому Вилохвосту один вопрос, — вмешался я.

— Какой еще вопрос? — не взглянула, а прямо зыркнула на меня Волчник; даже не верилось, что недавно эта девушка благодарила меня за спасение.

— Хочу спросить, не слышал ли он о Доме Солнц?

— Нет такой Линии, — отрезала Волчник.

— Но мне хотелось бы увидеть его реакцию.

— Зачем? Что, по-твоему, он может сказать? Синюшка Дом Солнц не упоминал.

— Подозреваю, что в бойне задействован некий Дом Солнц. О нем говорил Геспер, хотя из-за провала в памяти не мог восстановить, откуда взялось это название.

— Разве Линия может существовать тайком от всех? — удивился Горчица. — Мы знаем, кто мы, знаем, кто в Союзе, знаем, кого исключили. В нашей истории нет места для Линии-невидимки.

— Вдруг Линия появилась лишь недавно и не попала в космотеки? — предположил Маун.

— Вопрос задать можно, — поддержала Донник, подавшись вперед. — По-моему, Лихнис прав: факты дружно указывают на связь бойни с Вигильностью. Геспер тоже интересовался Вигильностью. Была бы у нас в запасе тысяча лет — отправили бы туда экспедицию вопросы задавать. Но времени нет, поэтому ограничимся тем, что можно выяснить на Невме.

Я глянул на хронометр — стрелка крутилась как бешеная. В замедленном режиме, указанном Волчник, мы провели четыре минуты, а в реальности прошло почти шесть часов.

— Спроси его, — не выдержал я.

Волчник снова зыркнула на меня — не любит, когда ей указывают, — тем не менее рычаг дернула и кратность сжатия снизила.

— Развлекаетесь? — подначил пленный.

— Ты Вилохвост из Линии Шашечницы, — начала Волчник. — Тебя считают погибшим: хотел, мол, пронестись через дважды вырожденную

бинарную систему, да с приливными силами напутал. По крайней мере, так утверждают космотеки.

— Тебе виднее.

— Еще бы. — Волчник обожгла меня гневным взглядом. — Вилохвост, есть один вопрос. Расскажи про Дом Солнц.

— Такого нет.

Ответ получился слишком поспешным, это почувствовали все.

Глава 16

Каскад и Каденция стояли на коленях над искореженным Геспером. На «Серебряные крылья зари», то есть на орбиту Невмы, мы поднялись два часа назад. С тех пор живые роботы не отходили от раненого, и их пальцы без устали ощупывали место, где бедняга Геспер слился воедино с обломком корабля. Они не разговаривали и почти не шевелились — только бешеный танец огоньков за стеклянными панелями указывал на активность. Со дня нашей высадки на Невму Геспер совершенно не изменился, по крайней мере внешне. У него огоньки по-прежнему напоминали затухающие угли и едва двигались. Каскад

и Каденция не просто касались его, а словно погружали пальцы в золотую броню. Можно было подумать, что она мягче и податливее глины. Хотя оба человека-машины отстранились — медленно и синхронно, — отпечатков на золотых пластинах не осталось.

Каденция обратила ко мне прекрасное серебряное лицо:

— Портулак, Геспер жив. Тяжелое ранение вынудило его защитить свой интеллект, сконцентрировать сознание, превратив себя в слабо мерцающий светоч ума и памяти. Спасти его можно, только не здесь.

— Тогда где? На Невме?

— Там тоже ничего не получится, — ответил за нее Каскад. Его певучий голос успокаивал и ободрял, даже когда новости были откровенно ужасными. — Геспера нужно вернуть в Кольцо Единорога, к машинному народу. Там его полностью восстановят и вознаградят за труды.

Путь в Машинное пространство займет десятки тысячелетий, обратный — еще столько же, если Геспер вообще вернется. Даже мне, шаттерлингу, привыкшему мерить время циклами, такой срок казался бесконечным.

— Путь-то неблизкий. Геспер его выдержит?

— Это зависит от корабля, — сказала Каденция. — Корабль нужен быстрый, чтобы сократить субъективное время путешествия. В латентность Геспера не погрузить, то есть перелет он прочувствует с первой секунды до последней, как отмерят корабельные часы.

— Разве нельзя собрать большую стазокамеру?

— В Имире нет соответствующих технологий, а у нас — нужных инструментов.

— А если разобрать его? Сложим в стазокамеру по частям…

— Геспер не перенесет разборку, — покачал головой Каскад. — К тому же его сознание распределено по телу. Отсоединение любой части опасно.

— Сами же сказали, что Геспер сконцентрировал сознание, — напомнила я слова Каденции.

— Это образное выражение, — отозвалась та. — Технические подробности вам не понять. Уверяю, возвращение в Кольцо Единорога — единственный шанс.

— Можно спустить его на Невму?

— Если аккуратно, то да.

— Тогда мне хотелось бы показать его Фантому. Ну, об этом мы уже говорили. Пользы может и не быть, но попробовать стоит.

— Мы не возражаем, — согласился Каскад. — Спускать его на Невму рискованно, но рискованно и везти на родину в таком состоянии.

— Вы считаете, что Геспер погибнет при любом раскладе, — догадалась я.

— Такой вариант не исключен, — подтвердила Каденция. — Вашему пожеланию мы препятствовать не станем и, если хотите, поможем все организовать.

— Я пока не получила разрешение местных властей…

— Мы можем поддержать ваше ходатайство, — проговорил Каскад. — Раз Геспер обратился к вам с просьбой, мы тоже обязаны к ней прислушаться.

— Давайте перенесем его в шаттл, — предложила Каденция.

— Ну, если вы считаете… — Я замялась.

— Мы будем очень осторожны и внимательны, — пообещал Каскад.

Роботы подошли к искореженному Гесперу с разных сторон и подняли без малейших усилий, плавно и грациозно. Я хотела отключить гравитацию или вызвать погрузочный челнок, однако Каскад и Каденция в моих услугах не нуждались.

Раненого человека-машину пронесли через

весь корабль в главный грузовой отсек, куда я пристыковала шаттл. Когда мы прилетели, Каскад и Каденция расспрашивали о моем флоте. Число кораблей, которые я вожу с собой, вызвало если не искреннее удивление, то вежливый интерес. Но сейчас роботы полностью сосредоточились на пострадавшем и на мой флот внимания не обращали.

В Имире мы сели уже после заката — остывающие барханы пели свою колыбельную. По моей просьбе Геспера отнесли в безопасное помещение в башне, где нас всех поселили. Мне претило держать Геспера взаперти, как багаж, зато комната могла известить меня о малейших изменениях в его состоянии.

Я вернулась к себе в апартаменты, но, как ни странно, не застала там Лихниса. У себя он тоже отсутствовал. Я почувствовала себе брошенной. Когда мы с роботами улетали на орбиту, Лихнис очень тревожился. А может, я внушила себе и это, и то, что он будет ждать, а потом скажет, как соскучился.

Мрачная, подавленная, я еще и на ужин опоздала, поэтому велела апартаментам приготовить что-нибудь по традициям Горечавок, но ела без аппетита — открыла балкон, разулась и, устроив-

шись на кровати, смотрела, как теплый ветерок колышет занавески. Мимо то и дело проносились жители Невмы на сверкающих пестрых, словно витраж, крыльях.

Я размышляла, что большинство этих летунов умрут прежде, чем кто-нибудь из Горечавок высадится на другую планету. Только они, похоже, об этом не горевали и не казались несчастнее других обитателей галактики — летали, будто родились для этого, будто их крылья чудеснее любых чудес. Галактику они знали лишь по рассказам путешественников. Ну и пусть! Ну и пусть Всеобщий актуарий мрачно называл их цивилизацию однодневкой: мол, через цикл-другой ее перемелют жернова перерождения. Жителям Невмы интересен был лишь сегодняшний день, а вовсе не далекое будущее.

Вдруг Линии в корне не правы? Мы собирали информацию ради самой информации, растягивали жизнь на миллионы лет, но, даже когда многое получалось, когда нас не заманивали в ловушку и не ставили на грань вымирания, шаттерлинги не знали покоя. Вечная суета назойливым внутренним голосом гнала все увидеть, все раскопать, камня на камне не оставить. Мы — как дети, которым нужно перепробовать все

конфеты, даже если потом затошнит. Мы понимали, что огромную галактику нам не облететь, но внутренний голос не велел опускать руки и твердил: «Мало стараешься».

И к чему это нас привело? Я прожила тридцать два цикла, но чувствовала, что знаю не больше, чем в день, когда выползла из камеры, голая, как новорожденный крысенок, но уже во власти ненасытного аппетита Абигейл: хочу насытиться этим миром, наесться им до отвала! Люди живут и умирают, совершают странные, бессмысленные поступки. С социумами то же самое, будь то город-государство или галактическая империя, захватившая тысячи систем. Все приходит и уходит, все сперва новое и многообещающее, потом — старое и унылое, все оставляет на листе вечности крохотный тающий след, отметину, которая со временем исчезнет.

— Ты вернулась!

У двери стоял Лихнис. Вошел он неслышно: шорох его шагов начисто заглушили шелест занавесок и вопли имирской музыки с соседней башни. Заканчивалась рабочая неделя — вот местные и веселились перед тем, как разойтись по домам.

— Ага, — отозвалась я, повернувшись к нему с

бесстрастным видом.

— Я был на допросе, который вела Волчник, — объяснил Лихнис, постучав по хронометру. — Задали продолжительность шесть часов, так они пролетели в мгновение ока. В переводе на субъективное время это же всего ничего. Я вышел из зала и только тогда понял, что уже поздно. Извини, я очень хотел встретить тебя с орбиты.

Несчастная и подавленная, я была готова простить Лихнису все. Он ведь сказал, что собирался меня встретить. А что под синхросоком потерял счет времени — не беда, с кем не бывает!

— Я скучала по тебе, — призналась я. — А похвастаться мне особо нечем.

— Очень жаль. — Лихнис подошел ко мне и поцеловал. — Если хочешь, расскажи, как было дело.

— Рассказывать почти нечего. Каскад и Каденция долго ощупывали Геспера, потом сказали, что помочь не в состоянии. Он, мол, жив, но они восстановить его не могут. Точнее, здесь не могут. Ему, мол, нужно домой, к машинному народу, но нет гарантий, что Геспер долетит живым.

— Где он сейчас?

— Тут, в другой комнате. Мне позволили привезти его сюда.

— От магистрата нет известий?

— Нет.

— Время еще терпит. Если к завтрашнему утру ничего не прояснится, добьемся новой встречи с Джиндабин. Рано или поздно она согласится. В итоге все соглашаются.

Я такой оптимизм не разделяла, однако спорить не было ни сил, ни желания. Лихнис запросил у синтезатора два бокала холодного белого вина. Вместо того чтобы отдать один мне, он вынес оба бокала на балкон. Стекло весело звенело, и я нехотя поплелась следом, оставив туфли у кровати. Музыка звучала то громче, то тише — не мелодия, а штормовая волна. Может, ее включили не на той скорости?

— Как прошел допрос? — поинтересовалась я, и Лихнис рассказал во всех подробностях.

— По сравнению с утром фактов прибавилось. Пленного зовут Вилохвост, он из Линии Шашечницы. О Доме Солнц что-то знает, но отнекивается.

— Кто додумался спросить его об этом?

— Так, у меня мыслишка проскочила.

— Хороша мыслишка, — похвалила я, забирая один бокал.

— Кто стоит за бойней, до сих пор неизвестно.

Линия-невидимка, о которой не знает даже Союз? С какого боку тут Марцеллины и Шашечницы?

— А Горечавки? Мы тут тоже замешаны.

— Потому что угодили в засаду?

— Потому что без шаттерлинга-предателя засады не было бы. Это уже факт. Без Горечавок гомункулярные пушки не попали бы на планету сбора.

— Я стараюсь об этом не думать, — проговорил Лихнис. — Хватит того, что, возможно, есть Линия-невидимка, которая вздумала нас уничтожить, — и без змей подколодных проблем хватает.

— Это может быть кто-то из нас.

— То есть я или ты?

— Я имею в виду выживших — Горечавок, добравшихся до Невмы. Допустим, кто-то знал о засаде. Разве трудно было спрятаться на время бойни, а потом разыграть сцену: вот он я, чудом уцелел? Откуда нам знать, что змея не сидела с нами за завтраком и не прикидывала, как бы прикончить остальных? Некоторые вели себя странновато.

— В смысле, как Чистец? — спросил Лихнис, не задумываясь о том, что за нами могут шпионить. — Нет, это не он. Чистец просто использовал

шанс утвердиться за наш счет. Настоящая змея не высовывается, его или ее никто не подозревает.

— Или змеи все-таки нет, — добавила я.

— Может, и нет. Но пока не убедимся в обратном, исходить нужно из худшего. Мы успокоились, расслабились — и нас едва не уничтожили. Если бы корабли обыскали прежде, чем они попали в зону обстрела планеты сбора…

— «Абы» да «кабы» не считаются. Представляешь, сколько времени ушло бы на обыск? Больше, чем на саму встречу. Только грузовой отсек «Серебряных крыльев» отнимет целую вечность, а я далеко не самый скопидомистый скопидом. — Я покачала головой. — Не стоит ни сетовать, ни обвинять задним числом. Не так плохи наши принципы, раз проработали тридцать два цикла.

— Знаешь, о чем я постоянно думаю? — спросил Лихнис после паузы. — Не случись беда, мы никогда не попали бы на Невму. Не услышали бы песни барханов, не увидели бы прекрасный город… Нет, рано или поздно мы оказались бы здесь, только Невма была бы иной. К нашему следующему прилету тут сменится пяток цивилизаций, а от имирийцев останутся лишь воспоминания.

Я допила вино, мечтая, чтобы оно поскорее ударило в голову.

— Если ты хочешь разглядеть в этом позитив, то я к таким подвигам не готова.

— Нет, просто… Мир очень странный. Он до сих пор удивляет. Наверное, поэтому и стоит жить дальше. Если бы мы существовали среди постоянных дежавю, пусть даже с небольшими изменениями…

— Звучит здорово, конечно, если воспоминания приятные. Тебе вот закаты надоедают?

— Нет, — ответил Лихнис.

— А водопады или пляжи?

— Нет.

— Значит, нам есть ради чего жить.

За спиной прозвенел звонок. Я отдала свой бокал Лихнису и вернулась в комнату, оставив его на балконе. Выжидающий взгляд магистрата Джиндабин я почувствовала, едва устроившись у пульта управления.

— Я уже ничего не ждала, — призналась я.

— Разве я не обещала выйти на связь? — Магистрат и не пыталась скрыть раздражение.

— Просто уже поздно.

— Главное, за полночь не перевалило. Я дала слово сообщить решение к концу дня, но необходимые согласования заняли чуть больше времени, чем рассчитывалось. Вы не передумали

насчет контакта с Фантомом Воздуха?

— Напротив, я окончательно убедилась, что это единственный шанс спасти Геспера.

Магистрат сощурила умные глаза:

— Завтра ровно в три часа пополудни на посадочной площадке восемнадцатого этажа вас будет ждать флайер с членом научного совета, специалистом по Фантому Воздуха, на борту. Если обстоятельства не изменятся, он доставит вас на наблюдательную платформу, где вы сможете встретиться с Фантомом.

Я почувствовала, что за спиной у меня появился Лихнис.

— Благодарю вас, магистрат! Благодарю, что дали разрешение, это очень любезно с вашей стороны.

— А по-моему, не любезно, а глупо.

Позор моей женской интуиции, ведь план Чистеца я разгадала лишь следующим утром, ближе к концу завтрака. Только мы собрались встать из-за стола, на балконе появились Каскад с Каденцией, и Чистец взмахнул салфеткой, словно фокусник — платком. Знали ли роботы о его задумке? По их невозмутимым лицам нельзя было этого определить.

— Пока все на месте, — Чистец оглядел стол,

проверяя, не сбежал ли кто, — стоит обсудить небольшую проблему. Наши гости, посланцы машинного народа, имели несчастье вместе с нами угодить в бойню, то есть знают о наших проблемах не понаслышке. Радует, что они не пострадали, а еще больше — что не держат обиды за случившееся, ведь мы не оградили их от неприятностей.

— Разве могли вы предвидеть засаду? — спросила Каденция.

— Вряд ли, но проявить недовольство вы вправе, — ответил Чистец.

— Вы защищали нас как могли, а потом доставили сюда, на Невму, — продолжил Каскад. — У нас нет претензий ни к Линии Горечавки, ни к Союзу Линий. Однако факты не изменишь: совершено преступление и теперь в него вовлечен машинный народ.

— Вместе с нами весть о злодеянии должна попасть в Кольцо Единорога, — проговорила Каденция. — Машинный народ изучит факты и определит ответные санкции. Шаттерлинги Линии Горечавки могут не сомневаться: если потребуются карательные меры, мы полностью на вашей стороне. Надеемся, что преступление совершено малочисленной Линией, но поддер-

жим вас, даже если ваш противник — целая цивилизация.

— Союзника мудрее или могущественнее Горечавкам не найти, — отозвался Чистец. — Поэтому мы обязательно поможем вам вернуться к своему народу.

Я замерла — до меня постепенно доходило, к чему он клонит.

— К несчастью, у нас нет средства передвижения, — посетовал Каскад. — Разумеется, проще отослать данные в Кольцо Единорога, но в этом случае, пока они не попадут на главный диск, не исключен перехват. Сигнал может исказиться или не достигнуть цели. Если мы переправим данные лично, машинный народ гарантированно получит их в первозданном виде. Мы также позаботимся, чтобы ответные меры были приняты с должной оперативностью.

— Нельзя забывать о Гесперe. — Каденция повернула серебряную голову и перехватила мой взгляд. — Если на Невме не случится чудо, единственный шанс спасти его — отправить домой на самом быстром корабле.

— Вам нужны «Серебряные крылья», — прошептала я.

Каденция кивнула:

— Мы изучили технические характеристики всех кораблей на орбите Невмы. Все они быстры, но ваш способен развить скорость, максимально близкую к скорости света. К тому же у «Серебряных крыльев зари» наибольшие шансы выдержать длительный, даже по меркам Линии, перелет. Снижать скорость ради ремонта или апгрейда не получится.

— Они осмотрели корабли и сделали расчеты, — сочувственно проговорил Чистец, словно сам в этом не участвовал. — На твоем корабле у них больше всего шансов вернуться домой, причем вовремя, пока Гесперу не стало хуже.

— Твой корабль тоже быстр, — напомнила я.

— «Голубянка красивая» разгоняется быстрее, зато крейсерский потолок у нее ниже, чем у «Крыльев», а это принципиально.

— Мы постараемся вернуть ваш корабль, — заверил Каскад. — Считайте, что не подарили его, а сдали в аренду.

— Так через миллион лет я получу его обратно?

— Портулак, «Крылья» у тебя куда дольше миллиона лет, а тут меньший срок, он не должен тебя шокировать.

— Чистец, ты просто гений, — процедила я,

отвернувшись от роботов.

— В каком смысле? — мигом заинтересовался тот.

— Придумал, как мне подкузьмить. Это наказание? Ты наказываешь нас с Лихнисом за сожительство и за опоздание. Плевать на то, что мы привезли пятерых шаттерлингов, которые иначе погибли бы. Плевать, что доставили Геспера и пленных. Нас до́лжно наказать, пусть даже неофициально, не от имени Линии, а втихаря.

— Портулак, пожалуйста, только не перед гостями. Речь не о наказании, а о широком жесте, который мы просим тебя сделать.

Я с безысходностью поняла, что не выиграю, что любые попытки настоять на своем, во-первых, тщетны, во-вторых, наверняка выйдут мне боком в будущем.

— А на каких основаниях ты меня просишь? — поинтересовалась я. — Ты можешь вносить предложения, а не определять политику Линии. Такие вопросы решаются голосованием.

Чистец кивнул:

— Если вы с Лихнисом оставите нас на минуту, мы проведем голосование. Нужно простое большинство — на повестке не серьезный вопрос, вроде отлучения, а лишь перераспределение

собственности.

Я огляделась по сторонам. Человек двадцать поддержат меня, только этого мало. Остальные наверняка встанут на сторону Чистеца.

— Не хочу унижаться, — буркнула я. — Забирайте корабль.

— В таком случае мы забудем твою недавнюю вспышку. Понятно, ты привязалась к кораблю. Мы все тебе сочувствуем.

— Спасибо, Портулак! — хором поблагодарили Каскад и Каденция. — Вы очень великодушны. Обещаем хорошо заботиться о вашем корабле.

— А что будет со мной? — спросила я Чистеца. — Что мне делать без «Крыльев»? Когда все улетят с Невмы, я останусь здесь?

— Ну, ты же среди друзей, — напомнил он.

— Мне так не кажется.

— Ничего, привыкнешь.

— Привыкать ей незачем, — заявил Лихнис, а когда вскочил из-за стола, крошки так и полетели у него с коленей. — Скажу больше: если она привыкнет, то очень меня разочарует. Надеюсь, вас, говнюков, совесть потом не замучит. — Он свирепо оглядел сидящих. — Знаю, не все вы проголосовали бы против Портулак, только слов поддержки что-то не услышал. Ни от тебя, Ако-

нит, Ни от тебя, Волчник.

— Это лишь корабль, — напомнил Аконит. — Братан, да не заводись ты так.

— Это ее корабль! У Портулак он так долго, что вам и не упомнить!

— Тогда скинемся и купим ей новый, — предложил Аконит и с тревогой огляделся, словно искал единомышленников.

— Ничего, обойдусь, — заверила я, хотя внутри все кипело от ярости. — Пусть забирают. Если бы Чистецу хватило такта попросить, а не потребовать, я и сама отдала бы «Крылья» роботам.

— Простите, что из-за нас столько неприятностей, — проговорили Каскад и Каденция.

Захотелось излить гнев на них, но я сдержалась:

— Вы не виноваты. Я не сержусь за то, что вам нужен мой корабль. Понимаю: вы только хотите помочь Гесперу.

— Нам важно довезти его живым, — сказала Каденция.

— Вы даже не представляете насколько, — добавил Каскад.

Молочно-белая ладонь касалась серебристой — роботы держались за руки.

После завтрака как минимум десять шаттер-

лингов подходили ко мне по одному, по двое и на разные лады выражали гнев и сочувствие. Первым побуждением было огрызнуться: «Что же вы за завтраком меня не поддержали?!» — но я вовремя прикусила язык, напомнив себе, что по большому счету дешево отделалась по сравнению с выговором, который теоретически могла получить.

«Это несправедливо, — слышала я из разных уст. — Ты заслужила нагоняй, а не такое. Хотя, если Чистец на этом успокоится, считай, тебе повезло. Могло быть куда хуже».

— Да, но ведь и лучше быть могло, — отвечала я, отвергая сам факт заслуженности наказания. — Кто заставлял Чистеца ко мне придираться?

— Думаешь, он отвел душу? — спрашивали шаттерлинги. — Или и Лихниса травить начнет?

— Отвел, отвел он свою душу. Чистец знает, что, уев меня, он уел и Лихниса. Чересчур мстительным выглядеть не пожелает — он же у нас гигант политики.

Одни предлагали помочь с новым кораблем, другие советовали попользоваться лучшим кораблем из моей коллекции, третьи просто подбадривали. Как ни странно, подбадривали не только друзья, но и те, кого я друзьями никогда

не считала. Я, хоть и растроганная их участием, понимала: голосование обернулось бы против меня. Оставалось утешаться тем, что с завтрака я ушла, гордо подняв голову. Вспышку мне простят: я ведь сказала вслух то, что у многих было на уме. Даже от моих врагов не ускользнула циничность наказания. Будь мой корабль самым медленным и ненадежным, Чистец все равно заставил бы отдать его роботам.

У Каскада с Каденцией не было повода задерживаться на Невме — зачем им ждать, пока Линия не определится, куда лететь дальше? Поэтому мой корабль решили передать им в ближайшее время. «Лентяй» уже почти скопировал космотеки «Серебряных крыльев», оставалось лишь сконсолидировать продублированные фрагменты, а на это требовались считаные часы. Чтобы официально передать «Серебряные крылья» роботам, мне следовало сделать кораблю соответствующее распоряжение. Просто поставить его перед фактом — и все.

Неопределенность оставалась лишь с Геспером. Мы решили, что роботы не улетят, пока я не покажу человека-машину Фантому Воздуха, а дальше будем действовать по ситуации. Если Гесперу восстановится, они улетят либо с ним,

либо без него — как он сам пожелает. Или же они заберут его останки (если будет что забирать) и отвезут в Кольцо Единорога. Мы договорились, что Каскад и Каденция полетят по самой безопасной траектории, даже если это удлинит их путь на пару веков. Хотя что с них взыщешь после того, как они покинут Невму?

Истерзанная обидой, страхом и тревогами, я не собиралась присутствовать на втором раунде допроса пленных. Но Лихнис заверил, что это лучший способ развеяться.

— Даже не знаю, — пробубнила я, однако в итоге согласилась.

Магистрат пообещала флайер в три, то есть оставалось пять часов плюс-минус минуты. К нашему с Лихнисом приходу почти все наблюдающие уже замедлились синхросоком и сидели неподвижно, как статуи. В зал принесли все четыре стазокамеры, но лишь одному пленному, крайнему справа, понизили кратность замедления. Голос Волчник гудел, как треснувший колокол.

Я закапала себе синхросок и завела хронометр, чтобы вовремя разбудил, — на встречу опаздывать было нельзя. Неподвижная Волчник мгновенно ожила и превратилась в прокурора.

— Кто ты, нам известно доподлинно, — начала она, расхаживая по постаменту мимо стазокамер. — Неизвестно нам, чего ради ты восстал из мертвых. Не расскажешь, что случилось после твоей якобы гибели, а, Вилохвост? Или ты погиб специально, чтобы безнаказанно нападать на другие Линии?

— Попробуй догадаться, — откликнулся пленный.

— Синюшку тоже считали погибшим. По-моему, тут просматривается система.

— Неужели? Какая ты умная!

— Готова поспорить, что и другие двое — якобы погибшие шаттерлинги. Скоро мы определим, из Шашечниц они, из Марцеллинов или из какой другой Линии. А пока расскажи мне про Дом Солнц.

— Про него ты уже спрашивала.

— Ты сказал, что ничего не знаешь, но я тебе не поверила. Вилохвост, неужели это Линия, о которой неизвестно даже Союзу?

— Таких попросту нет.

— Это мы понимаем, но существуй такая Линия, ее держали бы в тайне? — Волчник потерла подбородок. — Да, наверное, если бы было зачем. Но кому нужна тайная Линия?

— Разбуди меня, когда выяснишь.

— По-моему, тебе прекрасно известно об этой Линии. Не исключено даже, что ты ее шаттерлинг.

— Ты же меня в Шашечницы записала.

— Нет, Шашечниц ты бросил. Чем докажешь, что потом не примкнул к Дому Солнц?

— Линию не сменишь, это невозможно.

— Только Дом Солнц не настоящая Линия. Возможно, он живет по совершенно иным правилам. Например, подпитывается за счет потерь других Линий. А что, разве это неосуществимо?

— Ну, тебе виднее.

— Конечно, тут надо внедряться в Линии. Шаттерлингам приходится инсценировать свою гибель, а для этого нужна тщательная подготовка. Они должны с самого начала понимать, что вступают в Дом Солнц, который много лучше их родной Линии. За этим стоят щедрые посулы и красивые обещания. Непростая задача. Быть шаттерлингом — почти все равно что богом. То есть чтобы посадить шаттерлинга на крючок, нужно предложить жизнь лучше, чем у бога.

В глазах Вилохвоста промелькнула досада, значит Волчник задела его за живое. Я содрогнулась при мысли, какую страшную сделку он заключил.

Волчник не преувеличивала — шаттерлингам дано почти все, о чем можно мечтать. Мы живем миллионы лет, бороздим галактику, пользуемся богатством и достижениями миллионов культур, на свое усмотрение распоряжаемся материей и энергией. Пожелаем — звезды сиять перестанут, захотим — планеты закружатся, как пылинки. Наши благие, никем не замечаемые дела — залог существования целых цивилизаций. Мы творим настоящие чудеса и не ждем благодарности.

Что может быть лучше, чем быть шаттерлингом?

«Только одно», — подумала я.

Быть шаттерлингом — злодеем, демоном, а не ангелом. Распоряжаться силой и мудростью в угоду себе. Не только создавать, но и разрушать.

— Я надеялась, ты добровольно расскажешь все, что знаешь о Доме Солнц, — процедила Волчник. — Так всем было бы проще и безболезненнее. Очевидно, этого не случится. Сейчас я выведу тебя из стазиса в реальность. Не знаю, выдержишь ли ты. Если да — начнутся новые допросы, а едва придешь в сознание — рассеченка. Ты ведь знаешь, что это такое, да, Вилохвост? Конечно знаешь, опыта тебе не занимать. Каких только зверств ты не видел! Мы все их видели. Но сейчас

ты не просто увидишь, а испытаешь их на себе, если не заговоришь.

— Не знаю я ничего про Дом Солнц, — гнул свое Вилохвост, однако в его голосе появились иные нотки — испуга, который заставлял трескаться и облетать напускную браваду.

Волчник потянулась к рычагу:

— Сейчас кратность сжатия времени — сто. Уменьшаю ее до десяти.

Она сдвинула рычаг влево до предпоследней отметки. Стазокамера загудела так, словно огромный двигатель, работавший на полную мощность, резко сбавил обороты, чуть не подскочила на постаменте, а стрелки на шкалах возле главного рычага мелко задрожали — недемпфированное временно́е колебание получилось чудовищным.

Волчник отрегулировала хронометр, чтобы синхронизироваться с Вилохвостом. Все присутствующие в зале последовали ее примеру.

— Сейчас я выведу тебя из стазиса. Даю последний шанс ответить на мои вопросы. Зачем вы атаковали нас? Что представляет собой Дом Солнц?

— Ты не посмеешь меня разбудить, — сопротивлялся Вилохвост. — Я нужен тебе живым. В

стазисе я могу рассказать то, что никакой рассеченкой не выбьешь.

— Зачем вы атаковали нас?

— Вы сами напросились.

— Что представляет собой Дом Солнц?

— Вы передохнете, но не узнаете.

Волчник повернула головку хронометра и замелькала у меня перед глазами — синхросок возвращал ее к реальному времени. Я потянулась к своему хронометру, но, прежде чем коснулась головки, рука Волчник дернула рычаг влево. Стазокамера вспыхнула, послышался звук, очень похожий на кашель.

Я сразу поняла, что Вилохвост погиб, — нормальное пробуждение куда менее драматично.

Принципы работы стазокамеры никогда меня не интересовали, понятна была лишь сама суть. Обитатель камеры находится в пузыре пространства-времени, отделенного от внешней среды микроскопически тонкой мембраной, как яичный желток в белке. Когда пузырь приближается к нормальному времени, прослойка между ним и внешним пространством-временем должна сжаться. Почти всегда именно так и происходит. Но изредка, особенно в старых и некачественных стазокамерах, «белок» ведет себя совершенно

иначе — клеем пристает к содержимому пузыря. Тут же случается авария: пузырь рвется и выталкивает содержимое наружу, прижимая его к плотной мембране. Мы называем это лущением.

Так вышло и с Вилохвостом. На постамент посыпались части его тела вперемешку с обломками кресла. Волчник нагнулась и выудила из жуткой массы кусок лица. Больше всего он напоминал глиняный оттиск театральной маски, воплощающей страх, оттиск, который держали в печи, пока он не стал глянцевым.

— Ты поспешила, — посетовал Горчица, поднявшись со своего места. — Вилохвост мог рассказать нам больше.

Волчник ничуть не смутилась:

— Вилохвост рассказал все, что собирался. Вывод из стазиса он считал пустой угрозой. Единственным вариантом было рискнуть, что я и сделала.

— Мы потеряли пленного.

— У нас еще трое. Теперь можно показывать им пустую стазокамеру. Пусть видят, я не шутки шучу. — Она подняла кусок лица, словно победительница приз. — И на это пусть смотрят — наверняка узнают приятеля.

Волчник распинала останки Вилохвоста, чтобы

не мешались под ногами, и шагнула ко второй камере. Вот ее рука легла на рычаг, чтобы снизить кратность сжатия времени до диапазона, в котором действует синхросок.

Часть четвертая

В один прекрасный день роботы-няньки посадили мальчишку на корабль, и больше в человеческой ипостаси я его не видела. Тогда я об этом не подозревала — я думала лишь о Палатиале и об очередном раунде длинной игры. То была моя последняя встреча с графом Мордексом.

Мне исполнилось тридцать пять, но это по обычному исчислению. По всем объективным параметрам я оставалась девчонкой лет одиннадцати-двенадцати. Развитой не по годам, со взрослым багажом воспоминаний (пусть даже однообразных), но все равно девчонкой. Через три с половиной десятилетия после моего рождения опекуны и наставники решили, что я могу развиваться естественным образом. Меня вызвали в кабинет мадам Кляйнфельтер и попросили закатать рукав. Чуть ниже локтевого сгиба прощупывалась маленькая припухлость. Мадам Кляйнфельтер приложила к ней тупой стилус, мне стало щекотно — и все. Припухлость исчезла — биоаппарат, который удерживал меня в заданном возрасте, извлекли из моего организма.

Никаких перемен я, разумеется, не почувство-

вала, но часы, стоявшие годами, снова пошли.

— Почему сейчас? — спросила я.

— Когда ты родилась, мы не планировали долго держать тебя в таком состоянии, — начала мадам Кляйнфельтер. — Мы думали о небольшой приостановке — сейчас на Золотом Часе это обычная практика. Почему бы не продлить детство, если впереди целых двести лет? Но растягивать препубертатный период на тридцать пять лет неслыханно даже по нынешним меркам. — Мадам Кляйнфельтер отложила стилус и переплела толстые сморщенные пальцы, как нередко делала во время занятий. — Абигейл, так просила твоя мать в пору просветлений. Доктора убедили ее, что она поправится, хотя, может, и не скоро, через несколько десятилетий. Вот она и решила замедлить твое развитие, чтобы, выздоровев, насладиться твоим детством. Разумеется, тебя могли заморозить, только она не пожелала. Во время просветлений ей хотелось наблюдать за живым ребенком, который учится и играет, а не за куклой в холодильной камере. — Сморщенные пальцы переплелись еще туже. — Но твоей матери, увы, не стало легче. Извини, если порой я говорила о ее состоянии чересчур оптимистично. Дело не в легкомысленности. В первую очередь я

всегда думала о тебе, Абигейл.

— Значит, маму не вылечат.

— Доктора не оставляют надежды, но психоз у нее стал всепоглощающим. Как только ее не лечили — а мы приглашаем лучших специалистов Золотого Часа, — однако пока любая методика приводит к поступательному ухудшению. Просветления наступают все реже и реже. Возможно, завтра доктора найдут новый чудо-способ, но особо полагаться на это нельзя. Таким образом, я возвращаюсь к сложным семейным делам. Раз шансы на выздоровление у твоей мамы столь малы, мы скрепя сердце должны подумать о будущем.

— Обо мне, — проговорила я.

Закружилась голова, словно я слишком резко встала.

— Путь, на который ты вступаешь, нелегок и тернист. Теперь ты вырастешь. Ты станешь женщиной. Пробьет час, и ты займешь место, которое прежде занимала твоя мать. Ты возглавишь семью, как прежде возглавляла она. Все, что она сделала, все, что создала, весь ее опыт и знания перейдут в твои руки. Ее наследие как прекрасное украшение из цветного стекла и редких драгоценных камней. Тебе его доверить

можно. Береги его, береги как зеницу ока.

Из кабинета мадам Кляйнфельтер я отправилась в игровую, точнее, в комнату-в-комнате, еще точнее — в зеленый куб Палатиала. Ингибитор развития извлекли, но о серьезных изменениях во мне пока речи не шло. Только зеленый куб с его волшебным миром вдруг показался детским. Нет, игра по-прежнему влекла и манила меня. Но заходить в портал я теперь считала непотребным, неприличным, даже позорным.

То ли через месяц, то ли через год мадам Кляйнфельтер снова вызвала меня к себе в кабинет:

— Абигейл, случилось нечто важное.

— С мамой? — радостно встрепенулась я.

— Не совсем, — смутилась мадам Кляйнфельтер. — Скорее, проблема в семейном бизнесе. В подробности тебя не посвящали, но, по-моему, ни для кого не секрет, что после перемирия семейный бизнес на ладан дышит. Золотому Часу клоны не нужны, только не теперь, когда роботы настолько совершенны, что годятся в слуги. На плаву мы держимся лишь благодаря тающей горстке верных клиентов из Малых Миров. Если честно, последние несколько лет оптимизма не внушают. Постоянные расходы на перестройку дома, не говоря уже о лечении твоей матери, исто-

щают наши сбережения. — Мадам Кляйнфельтер подняла палец, не давая мне рта раскрыть. — Скажу прямо: много лет мы надеялись, что наше спасение в союзе двух семейных бизнесов. Что мальчик, с которым ты играла… В общем, некоторые надеялись, что детская дружба приведет к браку, то есть к производственному альянсу. — По тону мадам Кляйнфельтер я догадалась, что она в число «некоторых» не входила. — Теперь этого точно не случится — то семейство нашло других партнеров, а про нас забыло. Боюсь, Абигейл, приятеля своего ты больше не увидишь. Разве только когда повзрослеешь и станешь решать сама.

Так мне наконец объяснили, почему прервалась та странная дружба, полная обид и соперничества. Пожалуй, горевать не следовало, вот только другие друзья ко мне в очередь не выстраивались.

Я промолчала, почувствовав, что мадам Кляйнфельтер сказала не все.

— Но, как я говорила, случилось нечто важное и, надеюсь, хорошее. Абигейл, ты слышала о некой Людмиле Марцеллин?

— По-моему, нет.

— Пожалуй, так даже лучше. Людмила Марцеллин — наследница одной из богатейших семей

Золотого Часа. В отличие от Горечавок богатство этой семьи зиждется не на созидательном умении. Марцеллины сколотили огромное состояние на финансовых операциях во время Вспышки. Нет, определенное мастерство у них есть, но с искусством клонирования не сравнится. О клонировании речь и пойдет…

— Не понимаю.

— Людмила Марцеллин решила запустить новый проект. Дерзкий, масштабный, им она наживет себе много врагов. Впрочем, Людмила не робкого десятка. Она хочет исследовать галактику за пределами нашей системы. С тех пор как заключили перемирие, концерн Марцеллинов собирает знания и опыт для осуществления этого проекта. На сегодняшний день им не хватает лишь одного. Тут на сцене появляемся мы. Людмиле Марцеллин нужно мастерство Горечавок. Ей нужны клоны.

— Наши клоны?

— Именно наши, Абигейл. Людмила готова платить за услуги. Это спасательный круг, которого мы ждали, золотой шанс решить финансовые проблемы. Людмила Марцеллин — законодатель моды во всем. За ней потянутся другие заказчики. Нужно продемонстрировать, что мы ответствен-

ны и настроены серьезно. Совет управляющих считает, что тебе следует встретиться с Людмилой, чтобы она убедилась: у Горечавок есть будущее.

— Она прилетит сюда?

— Нет, мы сами к ней отправимся.

— Но я ни разу не покидала дом.

— Все на свете бывает в первый раз, — заверила мадам Кляйнфельтер и отпустила меня.

Вскоре после этого разговора меня посадили в шаттл, и я впервые улетела из дому. Когда поднялись над планетоидом, я поняла, какой он дом на самом деле, — этакий плесневый грибок, расползшийся от горизонта до горизонта. В нем не только мой мир, но и Палатиал, то есть мир, заключенный в мире. Вот они растаяли в выхлопных газах челнока, и я поняла, сколь мало и жалко все, чем я прежде жила.

Шаттл нес меня сквозь ядро Золотого Часа, где небо усеяно фальшивыми звездами и временными созвездиями Малых Миров. В пути я прочла о Людмиле Марцеллин все, что смогла отыскать. Энциклокуб стал куда откровеннее, чем прежде, но о Людмилиных планах освоения Вселенной не сообщал ничего. То и дело вспоминались слова мальчишки, что однажды человечество вырвется

с Золотого Часа в открытый космос. Так говорил его отец, а мальчишка верил ему целиком и полностью. Я тогда возразила, что в космосе смотреть не на что: мол, наши зонды и спутники сообщают все, что нужно знать о других планетах и звездах. Теперь я гадала, что хочет выяснить Людмила Марцеллин.

Перед встречей с наследницей мне показали флот Марцеллинов. Через кордон безопасности шаттл пролетел в частное воздушное пространство вокруг крупного сферического астероида. Кораблей были десятки, каждый больше и уродливее любого из тех, что я встречала в книгах и энциклокубе. Вокруг отдельных виднелись подмости, вспышки сварочных горелок и лазеров, рабочие в скафандрах. Ничего особенного мой ненаметанный глаз не увидел. Я насчитала тридцать пять кораблей, потом из астероида медленно выплыл тридцать шестой.

Астероид пробуравили насквозь, словно яблоко шомполом. Наш дистанционно управляемый челнок нырнул в каменную нору и оказался вплотную к кораблю, выплывавшему из астероида: нас разделяли считаные метры. От стоящих снаружи этот иглоносый корабль отличался лишь сложенным входным устройством. Не

выплыви он из астероида, нам места не хватило бы.

Мне объяснили, что это газосборники. Такие корабли придумали тысячи лет назад, а построили только сейчас. Единственная на сегодня межзвездная экспедиция развила скорость, равную одной пятой скорости света, но эти корабли полетят куда быстрее. После разгона — когда трение от падающих на корабль полей сравняется с реактивной тягой — газосборники наберут до восьми десятых скорости света. Полеты к ближайшим звездам и обратно займут не более десяти лет.

Однако Людмила Марцеллин мечтала не об этом. В своих планах она заходила куда дальше, причем в самом буквальном смысле. Людмила не собиралась возвращаться на Золотой Час.

Мы попали в строительный астероид. Его разъедали, выдалбливали изнутри. Сферическое отверстие в середине плавно расширялось — породу выбирали и превращали в корабли. Их корпуса — и почти достроенных, и только заложенных — напоминали пики, составленные острием друг к другу. Кораблей уже было несколько сотен, а Людмиле Марцеллин требовалось в разы больше. К завершению строительства астероид выпотрошат — останется лишь тонкая

оболочка вроде сухого трупика высосанной пауком мухи.

В центре туннеля парила станция, к которой пристыковался десяток шаттлов и мелких кораблей. Мы тоже пристыковались и вышли из челнока навстречу представителям Марцеллинов. Нас напоили, накормили, провезли по астероиду — получилось нечто вроде экскурсии — и всячески привечали как дорогих гостей. Очень многие взрослые заговаривали со мной — старались проще и понятнее, но чтобы не скатиться на снисходительность. Все знали, что мне тридцать пять, но не могли сопоставить это с моей детской внешностью и манерами. Тем не менее я понемногу поняла суть того, что затевает Людмила Марцеллин.

В астероиде построят тысячу кораблей. Их запустят в межзвездное пространство, каждый по своей траектории, каждый к определенной системе. Одни корабли долетят до своей первой цели за десять световых лет, другие — за двадцать, тридцать или больше.

На каждом из тысячи кораблей полетит Людмила Марцеллин.

Точнее, на каждом из тысячи кораблей полетит копия, клон Людмилы Марцеллин с тем же

опытом и характером, что прототип. Она разделит себя на тысячу отражений и разошлет их по межзвездному пространству.

Наконец появилась сама Людмила — прилетела на шаттле с осмотра нового корабля. Высокая, обаятельная, она излучала харизму, которой вполне хватило бы, чтобы осветить весь астероид. Громкий командный голос выдавал непоколебимую уверенность, что она, Людмила, добьется своего, какими бы фантастическими ни казались ее планы.

— Я верю в человеческий дух, — начала Людмила Марцеллин, — и убеждена, что мы не станем вечно жаться друг к другу в свете невзрачной желтой звездочки. Мы бороздим космос тысячи лет, то есть Золотой Час существует дольше любой человеческой жизни. Легко убедить себя, что наша система навсегда, что она стабильна и протянет до тех пор, пока не погаснет Солнце. Ничего подобного. В сравнении с будущим это тысячелетие — короткий вздох перед началом настоящего приключения. Да, я верю, что приключение вот-вот начнется, и намерена стать его первой участницей. Скоро мне построят корабли, целую тысячу прекрасных газосборников. На каждом из них полетит мой клон, шаттерлинг, если угодно.

Корабли позаботятся о них — никаких экипажей не понадобится. Мои клоны полетят к своей первой цели замороженными, а там разморозятся. Они покинут корабли и отправятся в странствия по планетам и спутникам. Они станут наблюдать и увидят то, что другие не видели, а когда насмотрятся достаточно, продолжат путь. Каждый корабль полетит к трем предопределенным пунктам назначения — все дальше и дальше от Золотого Часа. Потом мои шаттерлинги попадут в миры, о которых сейчас нет точной информации, в системы, недоступные нашим телескопам и зондам-роботам. Куда лететь дальше, они решат самостоятельно, с учетом знаний, полученных за время странствий. Они проложат новые маршруты и устремятся дальше. До этого этапа пройдет лет сто, многих из вас не будет в живых, а я только-только расправлю крылья. Мои шаттерлинги полетят к новым звездам, ступят на планеты, еще не видевшие человеческой ДНК. Они погрузятся в неизведанные моря, обогатят свой опыт. А лет через четыреста-пятьсот, к середине нынешнего тысячелетия, отправятся домой. — Людмила Марцеллин остановилась, внимательно оглядела нас и продолжила: — Дом их будет не здесь. Золотой Час может просуществовать лет пятьсот,

а то и тысячу, но я на это не рассчитываю. Мои шаттерлинги соберутся в системе, которой пока нет названия. Я глубоко убеждена, что к тому времени человечество начнет заселять межзвездное пространство. Возможно, именно мой опыт послужит примером. По пути домой шаттерлинги заглянут на планеты, которые посетили на первом этапе, и обнаружат, что те уже заселены. Наверное, они покажутся престранными, беженцами из прошлого, посланцами в будущее, ведь на том этапе моя миссия только-только начнется. После этого цикла в несколько сотен световых лет, или тысячи человеческих, мои шаттерлинги соберутся снова и обменяются воспоминаниями об увиденном. Потом они рассядутся по кораблям и снова отправятся в путь. На сей раз они помчатся перед волной исследователей космоса и остановятся не раньше чем через сто световых лет. Они посетят больше планет. К концу нового цикла, теперь длиннее, они окажутся почти в тысяче световых лет от Золотого Часа и приблизятся к аномальным структурам, которые мы недавно разглядели в глубине межзвездного пространства. Мои шаттерлинги первыми прикоснутся к этим темным объектам. Они первыми узнают наверняка, существовал ли кто до нас,

называл ли себя властителем галактики. Или до темных объектов раньше доберутся другие люди на подобных кораблях. Думаю, вы меня поняли. Кому-то нужно сделать первый шаг. Почему не мне?

— Сколько веков уйдет на проект? — спросили Людмилу.

Та в ответ пожала плечами, словно этот вопрос никогда ее не занимал:

— Сколько получится, пока не надоест. Каждый последующий цикл станет длиннее предыдущего, пока мои корабли не облетят Млечный Путь. К тому времени человечество расселится по всем обитаемым системам галактики. По-моему, галактика путешественникам не надоест никогда. Так почему бы не задержаться и не посмотреть, что дальше?

Людмила Марцеллин отвечала на вопросы по очереди, опровергала сомнения и придирки, которые нам хватало дерзости высказывать. Откуда технология замораживания и размораживания клонов? Живых людей лишь на заре космической эры замораживали. Ничего страшного — все необходимое Марцеллины узнают из интенсивного курса криореанимации. Кораблям простаивать не придется — они улетят с бодр-

ствующими клонами и уже в пути наполнят их нужными знаниями.

Откуда технология компиляции опыта тысячи субъектов? Нелепый вопрос! В зачаточном состоянии она уже существует. Стоило подумать о том, как Палатиал вторгался в мои воспоминания, и я поняла, что она права. Через тысячу лет это и проблемой не покажется. Неизбежно и то, что Людмилины шаттерлинги получат возможность использовать скомпилированные воспоминания на протяжении значительно удлинившейся жизни. Они должны жить по тысяче лет (или сохранить воспоминания годными для пересадки в другое тело), иначе проект и затевать не стоит.

Все эти проблемы решаемы. При наличии денег и времени можно решить почти все проблемы во Вселенной.

Тут у меня появился вопрос, восходивший к давнему разговору с мальчишкой:

— А можно полететь быстрее?

— Извини, Абигейл, я не поняла, о чем ты, — отозвалась Людмила Марцеллин; нас уже представили друг другу, и она разговаривала очень вежливо.

— Зачем останавливаться на семи восьмых световой скорости, если этого заведомо мало?

— При каждой встрече шаттерлинги станут модернизировать корабли с учетом полученных знаний. Через пару циклов мы наверняка пересядем с газосборников на другие средства передвижения, скорость которых будет куда ближе к скорости света. Разумеется, это даст массу преимуществ — если тратить на полет меньше субъективного времени, сократится и период заморозки. Но определенная форма стазиса все равно понадобится. Чтобы корабли не раздавили нас заживо, интенсивность ускорения мы ограничим. То есть корабли не станут разгоняться до безумной скорости, а потом тормозить. Мы хотим исследовать космос, а не носиться из одного конца Вселенной в другой.

— Я о другом — зачем ограничиваться скоростью света?

— Абигейл, она недаром называется фундаментальной постоянной. Однако ты, наверное, права, и новые цивилизации, далекие потомки Золотого Часа, создадут устройства для полетов на сверхсветовой скорости. Такое открытие будет иметь воистину огромную важность, и мы встретим его с радостью. Только глубинную нашу сущность и нашу миссию оно не изменит. Галактика так и останется безбрежной и слож-

ной — в одиночку ее не постичь. Единственный вариант — раздробиться, дать каждой своей грани индивидуальность. Я не считаю достижение сверхсветовой скорости уделом ближайшего будущего. Умные, серьезно настроенные люди ведут разработки в этом направлении уже тысячу лет. Пока на сверхсветовой скорости не переместили ни одного бита информации, не то что тяжелую громадину вроде корабля. На этом ограничении зиждутся основополагающие законы Вселенной. Нарушать их — все равно что играть в го на шахматной доске — просто-напросто нельзя.

— Почему нельзя?

— На обратном пути расспроси энциклокуб о нарушениях каузальности. Я в свое время расспрашивала, потому что задавалась такими же вопросами. К чему ограничения? По какому праву Вселенная мне указывает? Я умница, а Вселенная — водород и пыль. Однако в данный момент последнее слово за Вселенной. Почитай энциклокуб, думаю, выяснишь массу полезного.

Я еще многое увидела и узнала, но в памяти почти ничего не отложилось. Вот я пожала руку Людмиле Марцеллин и заверила, что мы поможем ей воплотить мечты в реальность, — знания и умения нашей семьи к ее услугам. Моя свита

— мадам Кляйнфельтер и члены совета управляющих наблюдали за мной, снисходительно улыбаясь, словно я исполняла эстрадный номер.

Они ведь даже не представляли, что у меня появилась идея. Сперва она казалась язычком пламени, который вспыхнул только для того, чтобы тут же погаснуть. Однако получилось наоборот — с каждым днем пламя разгоралось все ярче.

Людмила Марцеллин собралась увековечить свое имя — решила устроить настоящую космическую революцию. Столь грандиозный план одним умом не осмыслишь, не то чтобы в жизнь воплотить. Только отступать Людмила и не думала.

«Чем я хуже ее?» — вот в чем заключалась моя мысль.

На обратном пути произошло два интересных события.

— Марцеллины хорошо заплатят за наши знания и навыки? — спросила я мадам Кляйнфельтер.

— Скажем так, о финансовых проблемах можно будет забыть на весьма продолжительное время, даже если за Людмилой не потянутся другие. А они потянутся, вот увидишь. Даже если Людмила

отправит свои корабли к Солнцу и разобьет каждый из тысячи, у нее найдутся последователи. А без мастерства Горечавок ни одному из них клонов не создать.

— Получается, мы у руля?

— Да, впервые за долгое время.

— Условия сделки с Марцеллинами уже оговорены?

Мадам Кляйнфельтер взглянула на меня так, словно я грязно выругалась:

— Детали оговорены еще не до конца, но суть соглашения…

— Нам нужны их корабли, — перебила я.

— Корабли строят для Людмилы Марцеллин. Как только флот будет готов, она свернет производство.

— Я не о самих кораблях, а о схемах. Металлический астероид мы найдем, если нет — выдолбим тот, что под домом, а вот схемы нужны, без них свой флот не создашь.

— Но ведь флот нам не нужен. — Мадам Кляйнфельтер упорно не понимала, о чем я.

— Мне нужен, — заявила я. — Хочу того же, что и Людмила.

Памятуя о Людмилиных словах, я велела энциклокубу рассказать мне про каузальность. Сперва

он выдал детское определение, совершенно не соотносимое с Людмилиными планами освоения космоса. Я уточнила запрос: как нарушить каузальность, но тут же нарвалась на отпор: такое, мол, за пределами моего разумения.

Я настаивала. Я могла быть очень настойчивой.

В итоге куб сообщил, что сверхсветовое перемещение затруднительно по целому ряду причин. Если взять взаимосвязь массы и энергии, сверхсветовая скорость как горный пик, который остается неприступным, сколь высоко ни поднимайся. Корабль израсходует неимоверное количество энергии и наберет девяносто восемь — девяносто девять процентов скорости света, еще больше энергии уйдет, чтобы достичь ста процентов, а превысить ее не удастся. В описании характеристик сверхсветового движения математики скатились на белиберду и тарабарщину комплексных чисел. Заумь заумью, а как выйти за барьер скорости света, никто не объяснил.

Допустим, даже выходить не надо, потому что есть простой и короткий путь сквозь пространство-время, что-то вроде червоточины. Но существовало и другое основание для запрета, куда сложнее и глубже. Энциклокуб называл его

постулатом каузальной, или причинной, обусловленности.

Постулат гласит, что причина всегда предшествует следствию. Появление сверхсветовых скоростей — куб называл их пространственноподобными связями — может привести к нарушению этого постулата. Мол, это не просто теоретический изыск, а самая настоящая лазейка для парадоксов, которые просочатся в реальность.

Благодаря сверхсветовой скорости я смогу увидеть последствия некоего события — допустим, отверстие, которое появляется в броне робота, потому что в него выстрелили сверхсветовой пулей, и отправить стрелку́ сверхсветовое послание: не стреляй, дескать.

Энциклокуб выдавал информацию нехотя, но излагал четко и ясно, только не стану врать, что поняла все сразу. Уяснила я главное: наше исследовательское рвение Вселенную не радует. Куб уверял, что мы способны покорить ее, но и терпение понадобится вселенское.

До самого утра я размышляла о прочитанном. Даже дышать трудно стало, словно ремни безопасности затянули слишком туго. Нелепый тысячелетний собор мы сохранили, но в общей

массе людей терпеливыми не назовешь.

Когда вдали наконец показался родной планетоид, мне позвонил мой давний приятель. Мадам Кляйнфельтер, так и не оправившаяся от моих заявлений, — я словно пощечину ей отвесила — приняла этот звонок в штыки. У меня голова шла кругом от каузальности, а тут еще она заворчала:

— Это непорядочно! Не наша, а его семья помешала вашей дружбе и сорвала возможный брак. На упреки он не имеет права!

— Может, он не собирается меня упрекать? Я поговорю с ним, ладно? Без свидетелей.

Я ответила мальчишке. Задержка времени наверняка растянула наш разговор на многие минуты, только мне это не запомнилось.

— Говорят, у Марцеллинов ты держалась молодцом, — начал мальчишка. Он выглядел старше, будто ему тоже наконец позволили взрослеть. Его голос стал куда ниже и грубее. — Рад за тебя. Рано или поздно клоны понадобились бы. По-моему, сейчас момент самый подходящий.

— Я думала, ты меня забыл.

— Встречаться нам не следует. Мне очень жаль, Абигейл, правда жаль. То, что произошло на уровне концернов, меня не касается. Тебя, навер-

ное, тоже. Мы были пешками в руках взрослых. Веду я лишь к тому, что мы снова можем дружить. Мне очень хотелось бы.

— Нет, мы не можем.

— Тебя послушать, ты сама решаешь что да как. Ты впрямь заняла место своей матери?

— Тебя это не касается.

— Раз уж зашла речь… Извини, что я так говорил о ней. На резкость я не имел права. Но ведь рано или поздно ты выяснила бы. А то у нас с тобой получалось нечестно — я знал о тебе больше, чем ты сама.

— Ну, не бери в голову.

— Не буду. Только, поменяйся мы ролями, ты бы себе такую жестокость не позволила. Кстати, у нас с тобой есть неоконченное дело, помнишь?

В мечтах я покоряла Вселенную, дробилась на тысячу кристаллообразных осколков и оживляла каждый искрой своей личности. Мальчишка казался отголоском опостылевшего прошлого. Пусть исчезнет и заберет с собой мое детство.

— Нет у нас неоконченных дел.

— А Палатиал? Мы же недоиграли, — напомнил он.

О Палатиале я и думать забыла. Мир в нем не изменился с тех пор, как мы в последний раз

вышли из портала.

— С играми покончено.

— Не обязательно. Я к тебе прилететь не смогу, но есть другое решение. Один из Палатиалов случайно попал ко мне в руки.

— Мы же все равно не встретимся.

— А нам и не надо. Игры можно синхронизировать — я войду в свой Палатиал и вольюсь в сюжет твоей игры. Я буду в Черном Замке, ты — в Облачном Дворце, но играть мы станем вместе. Я пошлю гонца — он окажется у твоих ворот. Ты отправишь армию — ее встретят мои воины. По замыслу создателей в игру играют именно так. Разумеется, будет временна́я задержка, но это скажется только на разговорах с глазу на глаз. В Палатиале на всё часы уходят — это и есть доиндустриальное общество.

— Нам нельзя играть.

— Еще как можно, даже нужно! Не зря же я с таким трудом добывал игру! Я о тебе думал… об игре, в которую мы недоиграли.

— Нам не позволят.

— Сделай так, чтобы позволили. Авторитет у тебя теперь есть или скоро будет. Вот и используй его. Потребуй, чтобы твой Палатиал соединили с моим. — Мальчишка отодвинулся от камеры. —

Граф Мордекс будет тебя ждать. Пожалуйста, не подведи его.

Глава 17

В назначенное время мы с Портулак ждали на посадочной площадке восемнадцатого уровня. Геспера привезли в заднем отсеке флайера, принадлежащего Линии Горечавки. Порывистый западный ветер трепал флаги на мостах и переходах между башнями. Пыль царапала щеки, резала глаза. В такую погоду имирийцы если и поднимались в воздух, то исключительно на летательных аппаратах. Я радовался, что больше не наблюдаю за допросами, только под ложечкой сильно сосало.

— Вот он! — Портулак показала на кораблик-букашку, который несся к нам, неистово трепеща бледными крылышками.

Кораблик замер в потоке яркого света, и я приложил ладонь ко лбу, чтобы заслониться от солнца. На миг показалось, что букашка развернется и улетит.

— Кто это?

— Представитель научного совета. Подробнее Джиндабин не объяснила.

Наконец пилот решился пойти на снижение. Корабль коснулся площадки, и из овальной кабины вышел имириец. Спускался он спиной к нам, крепко держась за поручни, и уже на площадке обернулся. На нем был объемный черный наряд с меховым воротником и манжетами, а еще с карманами, ремешками и клапанами. Толстый рифленый воздуховод тянулся по нижнему краю наряда и поднимался к дыхательной маске, которая висела под подбородком. Глаза имирийца защищали очки; к нам он шел быстро, чуть вразвалочку.

— Я Портулак, — представилась моя спутница. — Это Лихнис, он тоже шаттерлинг Горечавки. Спасибо, что согласились нам помочь.

— Согласился? Меня никто не спрашивал — обязали помочь вам, и все.

Как и у магистрата Джиндабин, у прилетевшего была шерстка медового цвета, но испещренная белыми пятнами — признаками стресса, возраста или просто нарушения пигментации.

— Так вы против? — спросил я.

— Разумеется. Будь моя воля, я бы даже на орбиту Невмы вас не пустил.

— Сурово, — заметил я.

— Шаттерлинг, я изучаю Фантом Воздуха всю

сознательную жизнь. Пока ваши корабли не появились у нашей планеты, он так не нервничал. Вы Фантому не нравитесь, он мечтает вас спровадить. Если честно, я тоже.

— Приятно, когда тебе рады, — съязвил я.

— Ничего личного, шаттерлинг.

— Конечно-конечно. Простите, как мне к вам обращаться?

— Зовите меня мистер Джинкс.

— Мистер Джинкс, простите, что создали вам столько проблем, — начала Портулак. — Мы должны помочь раненому другу. Он хотел встретиться с Фантомом. Это последнее, что он сообщил, пока еще мог подавать сигналы. Вы ведь понимаете, почему мы стараемся ради него?

Единственным выражением сочувствия, если мистер Джинкс его испытывал, стало сухое «кхм-кхм». С другой стороны, он мог и горло прочищать, потому что давился раздражением.

— Мы уже опаздываем, — проговорил он, начисто игнорируя то, что мы с Портулак пришли в условленное время. — Я бы сейчас не рискнул приближаться к смотровой башне. Что ж, непунктуальность у вас в крови. Готовы следовать за мной?

— Раненый друг с нами, — кивнул я на задний

отсек флайера. — Не взглянете на него?

— Мое мнение ничего не изменит.

— Я лишь подумал…

— Шансы на успех у вас ничтожны, а получить ранение или погибнуть, напротив, — очень велики. — Мистер Джинкс развернулся, заковылял к своему кораблику и через плечо скомандовал: — Летите за мной на безопасном расстоянии и ни в коем случае не отклоняйтесь от моей траектории.

Мы вернулись на флайер.

— Не абориген, а само обаяние. Радует, что он за нас горой.

— На его месте я бы тоже расстроилась, — сказала Портулак, усаживаясь в свое кресло. — Получить указание сверху исполнять наши прихоти! Неудивительно, что он немного зол.

— Ага, немного.

Мистер Джинкс мгновенно набрал высоту, развернулся и рванул прочь, лавируя между башнями Имира. Портулак пустила наш розовый флайер следом, и ускорение прижимало нас к креслам, пока не сработал амортизатор. У кабины не было фонаря, лишь два козырька у передних сидений. Секунду-другую нас хлестал ветер, потом машина окружила себя аэродинамическим

полем. Тряска тотчас прекратилась, и стало тихо, как внутри дирижабля.

— Может, затея впрямь безумная, — проговорила Портулак. — Все равно что бросить сломанные часы в воронку урагана и ждать, что они починятся.

— Только ни один ураган прежде не был живым существом, а Фантом Воздуха был, и не просто живым, а разумным. — Я обернулся проверить, как там Геспер. — А у нас тут куда больше, чем сломанные часы. Мы стараемся не потому, что хотим отремонтировать вещь, которую случайно испортили, а потому, что Геспер — наш друг и пожертвовал собой ради нас.

— Это дает нам право хвататься за безумные идеи?

— Идея не безумная, просто шансов на успех маловато. Разве прежде Фантом не вмешивался, когда возникали подобные ситуации?

— Людей-машин он ни разу не спасал.

— Потому что их здесь не было.

— Это неспроста. Либо роботы слишком благоразумны, либо их не пускают имирийцы.

— Либо роботов что-то страшит, — предположил я. — Механизированный интеллект, который древнее их. Роботы считают, что мы

примитивны и бесхитростны, как игра в крестики-нолики. Может, они и впрямь видят нас насквозь. Но как насчет чего-то воистину сложного и непостижимого? Думаю, встреча с Фантомом прельщает их не больше, чем нас ночь в старом замке, логове нечистой силы. — Я улыбнулся. — Почему мне вдруг понадобилось тебя убеждать? Насколько я помню, идея принадлежит тебе.

— Порой я передумываю.

— Не надо. Мы все делаем правильно, что бы ни говорили Джиндабин и Джинкс.

Флайер Горечавок заведомо быстрее орнитоптера, поэтому даже с тяжелым грузом мы быстро нагнали мистера Джинкса. Портулак могла запросто поравняться с его корабликом, но она держалась позади, как ей и велели. Минут через десять черные башни Имира начали таять на западном горизонте, а еще через двадцать виднелись лишь верхушки самых высоких строений. Под нами простирались затененные белые дюны, извилистые и переплетенные, как человеческий мозжечок.

Смотровую башню мы уже видели из кабинета магистрата, но ее истинное величие я осознал лишь сейчас. Из дюн поднимался стебель цвета слоновой кости, увенчанный плоской круглой

платформой, которая крепилась к нему тонкими подпорами. Мистер Джинкс поднялся еще выше, увлекая нас за собой, пока оба кораблика не поравнялись с площадкой. Метров двухсот в диаметре в ее центре стоял домик с наклонными стенами и без окон. Рядом с ним сел сперва кораблик мистера Джинкса, потом наш флайер. Когда мы с Портулак спустились на платформу, мистер Джинкс выбирался из орнитоптера.

— Вытаскивайте своего дружка. Видите пятно на горизонте, слева от солнца?

— Похожее не то на грозовую тучу, не то на стаю скворцов? — уточнила Портулак.

— Это Фантом Воздуха. Он ближе, чем я ожидал, — верно, с последнего мониторинга перемещался на диво быстро. Времени лучше не терять, — думаю, Фантом уже в курсе, что мы здесь.

Казалось, пятно еще далеко, как гроза, о которой можно не беспокоиться до завтра.

— Фантом приближается? — спросила Портулак.

— Он может подойти, может не подойти. Но раз он в пределах видимости, значит решил приблизиться.

Мы заранее прикрепили Геспера к транспорте-

рам. Я взялся за U-образную ручку ближнего ко мне и начал выгружать искореженного робота из флайера, испытывая неудобства, скорее от его инертности, чем от тяжести. Тянул я его боком — до тех пор, пока не вытащил.

— Куда его лучше положить?

— Подальше от укрытия, — ответил мистер Джинкс. — У западного края платформы есть небольшой постамент. Иногда мы оставляем там тестеры.

На подлете к платформе постамент я не заметил только потому, что он располагался за домиком. Я не спеша двинулся в ту сторону, одной рукой толкая перед собой Геспера. Постамент оказался небольшим возвышением с утрамбованной поверхностью. Когда Геспер замер над ним, я стал опускать леватор, который держал в руке, пока не услышал треск, — массивное золотое тело заняло предложенное место.

— Уберите леваторы, — велел мистер Джинкс. — Раз принесли подношение, не должно оставаться ничего лишнего.

— Вообще-то, это не подношение, — возразила Портулак.

— Это решать Фантому, а не вам.

Я кивнул, отсоединил транспортеры и соста-

вил их вместе, чтобы двигать как одну большую тележку:

— Так устроит?

Я отступил на шаг, чтобы приглядеться к «подношению». С этой стороны открывался вид не на расплавившуюся массу, а на непострадавшую часть гуманоидного тела — прекрасное безмятежное лицо, торс, правую руку и ногу. За стеклянной панелью над ухом до сих пор слабо мигали огоньки, но они совсем потускнели и кружились словно нехотя.

— По-моему, он приближается, — проговорила Портулак, всматриваясь в странную тучу.

— Верно, — кивнул мистер Джинкс. — Если захочет, Фантом будет здесь минут через тридцать. — Он торопливо зашагал к своему кораблику. — Улетайте! Все, что нужно, вы сделали.

— Мы лучше останемся, — сказала Портулак и глянула на меня. — По крайней мере, я останусь.

— Не думаю, что это разумно.

— Если улетим, Фантом, как вы сказали, примет Геспера за подношение. Только Геспер не раскормленный телец, которого мы привезли, чтобы вымолить дождь. Мы хотим, чтобы его вылечили. Фантом должен понять, что этот робот нам дорог.

— Оставшись, вы не поможете достижению желаемого.

— Другого варианта просто нет, — уперлась Портулак. — Мистер Джинкс, я все обдумала. Если рискну собой, Фантом поймет, что Геспер не кусок металла, на который нам наплевать. Для нас он человек, друг.

— Вы переоцениваете способности Фантома к рациональному мышлению.

— Я готова рискнуть.

— И я тоже, — поддержал я.

— Лихнис, ты не обязан оставаться.

— Ты тоже.

Если честно, я не разделял оптимизма Портулак, очень нервничал — странная туча на горизонте пугала, но не бросать же ее одну!

— Мы сами вернемся в Имир, — заверила моя подруга.

— Без флайера не вернетесь.

— У нас есть флайер.

— Его нельзя здесь оставлять — Фантом уничтожит, когда появится. Другие машины он не жалует, даже простейшие. Когда он удалится, призовете флайер обратно, если понадобится.

— А леваторы? — спросил я.

— Их пока тоже отошлите. Лучше от всех

устройств избавиться.

— У меня в голову устройства имплантированы, — сказала Портулак. — Через них я общаюсь со своим кораблем.

— Что же вы молчали?

— Да вот только вспомнила.

— Сейчас уже ничего не поделаешь. Остается надеяться, что Фантом не обратит на них внимания. — Мистер Джинкс с опаской посмотрел на горизонт — темное пятно беспокойно пульсировало. — Если ваши устройства будут работать тихо, все обойдется.

Портулак на миг закрыла глаза, а потом сказала:

— Ну вот, велела «Крыльям» пока не выходить на связь.

Я перенес транспортеры в задний отсек флайера, дотянулся до консоли пилота и отдал команду улететь, а утром вернуться. Это означало ночевку в укрытии, только в тот момент она пугала меньше всего.

Мистер Джинкс уже взялся за поручни, чтобы подняться в свой кораблик, но в последнюю секунду замер:

— Вы не передумали? Еще не поздно отступиться. А то сейчас я улечу, и вы останетесь одни.

Отсюда не выбраться, если, конечно, не решите прыгнуть с башни. Боюсь, ваш флайер вовремя не среагирует.

— Мы готовы рискнуть, — отозвалась Портулак.

— Мне даже любопытно, чем все кончится. Есть желание остаться здесь и понаблюдать.

— Так вы понаблюдаете?

— Издали. Встречу с Фантомом пока не выдержало ни одно записывающее устройство. На платформу нацелены телескопы, но в присутствии Фантома они не слишком эффективны.

— Оставайтесь, — предложил я.

— Нет, мое здравомыслие сильнее любопытства.

Нежданно-негаданно поднялся ветер и хлестнул меня по щеке. Мистера Джинкса позабавило мое изумление.

— Что, шаттерлинг, почувствовал? Воздушные массы перемещаются, значит Фантом меняет погоду на свой лад. Все, мне пора.

— Летите, — кивнул я. — За нас не беспокойтесь. Утром мы расскажем, как все было.

У мистера Джинкса заметно изменилось настроение. Может, он поверил, что мы хотим только спасти друга?

— Желаю удачи! Вы в плену иллюзий, однако в храбрости вам не откажешь.

Мистер Джинкс поднялся в свой кораблик, который тотчас рванул прочь, трепеща механическими крыльями. Следом понесся флайер, чтобы переждать ночь в городе, а на заре вернуться. Мы с Портулак смотрели, как корабли превращаются в точки и тают вдали.

Ветер усилился и, словно бритвой, резал глаза. Пришлось закрыть лицо ладонью и глядеть сквозь растопыренные пальцы. Солнце, опускавшееся к западному горизонту, заслонила дымная туча пурпурно-черного цвета. Состоящая из тысяч мельчайших частиц, она роилась, вздымалась, извивалась. Размер я определить затруднялся, потому что не знал, с чем сравнить. Хотя основная масса Фантома — темный пульсирующий сгусток сердца с наибольшей концентрацией воздушных механизмов — в диаметре была по меньшей мере такой же, как смотровая платформа. Трепет я испытывал и прежде — благоговейный, который вызывали великие деяния, отчаянно храбрые, порой рискованные, например шедевр живописи или штурм горной вершины, сейчас же трепетал от животного страха. Всепоглощающий ужас велел бежать, прятаться и кислотой разъедал

мою решимость.

Я вспомнил все, что узнал из космотеки и от имирийцев. В дремучие века Золотого Часа Фантом Воздуха был мужчиной по имени Абрахам Вальмик. Богач и долгожитель, Вальмик хотел получить от Вселенной много больше, чем отдавал. К тому времени Абигейл и другие основатели Линий уже избрали свой путь к бессмертию — раздробились на шаттерлингов и, гонимые жаждой к знаниям, принялись осваивать галактику. Наверное, в то же время кто-то пошел другой дорогой и начал превращаться в кураторов Вигильности. Вальмика не устраивало ни дробление, ни сжатие времени, ни биотрансформация. Он пожелал стать машиной, чтобы его сознание переселилось в максимально прочную оболочку. Нейрон за нейроном, его мозг заменили механическими составляющими. Замену производили постепенно — так порой реконструируют городские районы, вместо того чтобы снести старые дома и построить новые, — и Вальмик разницу не чувствовал. Зато ее ощутили другие: гудящая паутина искусственных нейронов сделала Вальмика совершенно непохожим на людей.

Едва процесс завершился, Вальмик отказался от человеческого тела, в котором больше не

нуждался. При необходимости он использовал органическую нервную систему, однако требовалось это крайне редко. Абстрактные миры симулированного опыта стали ему милее общения с людьми во внешнем мире. Люди теперь докучали ему — они же патологически предсказуемы, мысли как под копирку. Вальмик чувствовал себя иным — рыбой, которая выпрыгнула на берег и поняла, что способна дышать. Остальные же так и гнили в океане. Что общего могло быть у него с ними?

Веками искусственный разум Вальмика не менял ни место существования, ни конфигурацию. Копии, разосланные по Золотому Часу и за пределы системы, подлежали активации лишь в случае гибели прототипа. Вальмик методично усложнял его строение, добавляя искусственные нейроны до тех пор, пока они не превысили число функциональных живых клеток на многие сотни. Он настолько возвысился над людьми, что по-настоящему контактировал лишь с другими носителями усовершенствованного разума. Поначалу те выдерживали темп оптимизации, потом стали отставать. Чересчур осторожные, они не желали окончательно отказываться от человеческой конфигурации мозга. Они цеплялись

за его древнее строение, за многовековой уклад сенсорных и когнитивных модулей. Человеческий мозг развивался под воздействием внешних факторов, благоприятных или неблагоприятных, причем новое нарастало поверх старого. Совсем как в доме, где я родился: коридоры и лестницы вели никуда, заброшенные комнаты и галереи, зажатые другими, не подлежали расширению; невероятно и неоправданно сложная конструкция водопровода объяснялась необходимостью прокладывать новые трубы вокруг паутины заржавевших. Словом, другим носителям не хватало пороху снести беспорядочно громоздкий памятник старины. Вальмику хватило. Он был смелее, решительнее и не боялся потерять себя.

Вальмик поклялся перестроить свой разум целиком и полностью, от самых основ. Он собирался проверить каждую часть, распутать каждый узел. Все это время сознание оставалось активным. В период самых бурных преобразований оно ослабело, но полностью не отключилось. План был продуман досконально. Подобно хирургу, одурманенному собственной анестезией, он не сумел бы оперативно отреагировать на возможный сбой, поэтому учел каждую мелочь.

Обошлось без сбоев. Вальмик стал крупнее,

быстрее и необычнее, чем прежде. Древний особняк превратился в сверкающее, рационально спроектированное здание — ничего лишнего, все максимально эффективно. Такой разум порождал невероятно четкие, ясные мысли. Оценивая проделанное, Вальмик видел, что старался не зря. Еще он понимал, что оставил своих товарищей далеко позади. Он неустанно перестраивал и оптимизировал себя. А другие… даже если бы затеяли принципиальные изменения и решили подражать Вальмику, ничего бы у них не вышло. Вальмик стал уникумом, какого не существовало со времен Предтеч.

На этом перемены не закончились. Вальмик, даже в усовершенствованном виде, был привязан к процессорному модулю одного устройства. С учетом источника питания, внешних слоев и бронезащиты устройство было размером с небольшой астероид. В ту пору, до открытия тайн пространства-времени, кинетического момента и инерции, перемещаться было непросто. Вальмик охлаждался, превращая кометы в пар. В закрытом мире своего разума он стал богом, но унизительная зависимость от других устройств и людей сохранилась. Иссякни поток комет, Вальмик выкипел бы от своего блеска. Устройство, в

котором он жил, мог разрушить один прицельный выстрел мощного орудия.

Это следовало исправить.

Очередная перемена еще больше отдаляла его от человеческой ипостаси, хотя ипостась та превратилась в тающий на горизонте берег, по которому Вальмик тосковать не собирался. Теперь каждый из десятков тысяч нейронов его разума мог функционировать автономно. В то дремучее время Вальмику требовалось сырье и топливо — улавливать и использовать скрытую энергию вакуума он еще не научился, — однако механизмам-составляющим хватало ума и сноровки находить себе ресурсы. Их связывал свет, и Вальмик превратился в облачный разум, заняв куда больше места, чем прежде. Облако способно раздуваться до бесконечности. При желании Вальмик мог без труда объять целую планету. Единственным минусом оказалось замедление мыслительного процесса: на обмен информацией между составляющими теперь уходили не миллионные, а десятые доли секунды. Однако Вальмик не желал разговаривать ни с кем, кроме себя, поэтому не слишком тревожился. Зато он мог раскинуться по всей Солнечной системе и еще дальше.

Спустя много времени после того, как Золотой Час остался лишь в истории, а шаттерлинги устроили третий сбор — первые три цикла растянулись на семь тысяч лет, ибо Абигейл решила, что осваивать еще не заселенную галактику бессмысленно, — Вальмик добрался до облака Оорта, семейства спящих комет, от которых до Солнца от тысячи до ста тысяч раз дальше, чем от Старого Места. Теперь простейшая мысль занимала месяцы планетарного времени. Солнечная система шумела внутри Вальмика, как часы с перекрученной пружиной.

Огромный, с множеством составляющих, Вальмик стал практически незаметным. В жизни человечества он не участвовал, и люди постепенно о нем забыли. Поговаривали, что облако Оорта пронизывают непонятные сигналы, но такие разговоры считали очередной байкой. Путешественники, встретив элемент Вальмика, принимали его за космический мусор времен покорения галактики. Вальмик легко жертвовал своими составляющими. Люди не могли ни навредить ему, ни даже создать неудобства. Не тревожил Вальмика и растущий авторитет Линий.

Тревожило его Солнце. На главной последова-

тельности светилу оставалось несколько тысяч субъективных лет — совсем немного по меркам медленно работающего разума Вальмика. Это решительно никуда не годилось. В далеком будущем Линии или другие человеческие цивилизации могли научиться продлять жизнь звезд, но полагаться на это Вальмик не мог. Принимать меры следовало немедленно, пока хватало времени для маневров.

В итоге облачный разум вышел в межзвездное пространство. Вместо того чтобы устремиться к другой звезде как единое целое — этакой флотилией с несметным числом кораблей, — Вальмик рассредоточился — разослал свои элементы во всех направлениях. Минули десятки тысячелетий, прежде чем первый из механизмов-составляющих достиг новой звезды, ведь элементы Вальмика летали куда медленнее кораблей Линий. В рассредоточенном состоянии мыслительные процессы замедлились на несколько порядков. Облачный разум охватывал сотню звезд, простейшие мысли занимали десятилетия по планетарному времени, зато Вальмик больше не зависел от одной системы.

На этом этапе данные космотек стали несистематичными, а то и противоречивыми. Что

случилось с Вальмиком за следующий миллион лет, не совсем понятно. По одной версии, он растянулся на большой отрезок галактического пространства — проглотил сотни тысяч систем общей протяженностью в тысячи световых лет. В зависимости от точки отсчета Линии провели седьмой, восьмой или девятый сбор. Золотой Час стал всего лишь ярким пятном в истории, светящейся точкой, чьи черты уже не разглядеть сквозь прошедшие эпохи. Вальмик обнимал целые империи, не подозревавшие о его существовании. Ценой такого расширения стало практически застывшее сознание — ныне на простейшую мысль уходили миллионы лет.

По другой версии, больше чем на десятки световых лет Вальмик не рассредоточивался. Он достиг размеров туманности, провел в таком состоянии несколько сот тысячелетий, а потом решил, что с него хватит. Вальмик снова потянулся — пусть даже лишь по собственным меркам — к людям, хоть это и требовало сжатия до размера планеты. Сжатие его не пугало. В период расширения он научился осторожности. Во внешних источниках энергии он больше не нуждался. Он наблюдал за первыми галактическими войнами протолюдей и видел, на что способно их оружие. Если сохра-

нить маневренность и не слишком рисковать, Вальмик мог снова стать неуязвимым.

Сходились космотеки в одном: так или иначе, Фантом Воздуха, он же фракто-коагуляция, — то, что осталось от Абрахама Вальмика еще через пять с половиной миллионов лет. Бóльшую часть этого периода он провел на Невме, поскольку в исторических документах планеты упоминается постоянно. Временами Фантом превращался в неуловимое, почти сказочное существо, раз в сто лет показывающееся обескураженным очевидцам, рассказам которых не всегда верили. Временами он присутствовал в атмосфере чуть ли не постоянно, словно метастабильная буря в газовом гиганте. Одних цивилизаций Фантом избегал, другие уничтожал, третьим благоволил. После неудачи хранителей он сберег воздух Невмы пригодным для дыхания. Такая милость не стоила ему ничего — все равно что человеку на муравья не наступить.

Так утверждали теории. Верил я далеко не каждой, хотя в целом считал рассказы о Вальмике вполне правдоподобными. Раз Фантом изначально не робот — очевидно, что машинный интеллект не мог появиться раньше машинного народа, — значит некогда он был человеком

или группой людей. Абигейл Джентиан и другие основатели Линий совершили отчаянно смелый поступок. Даже в те времена их критиковали, осуждали, называли осквернителями человеческой природы. Абигейл никого не слушала, благодаря чему я существую. Слишком самонадеянно утверждать, что другим людям не хватило дальновидности и непоколебимой решимости выйти за рамки человеческой ипостаси.

Фантом приблизился, занял полнеба, и я разглядел, что его элементы различны по размеру и форме. В большинстве они были не крупнее насекомого, хотя попадались и размером с птицу или летучую мышь, но отчетливо механическую: крылья-лезвия крепились сложными петлями к округлым телам, на безглазых головах то играли нежные переливы цветов, то вспыхивали яркие огоньки. Я не без труда вспомнил, что передо мной не робот усовершенствованной модели, не чудной представитель машинного народа, а существо, родившееся человеком и превратившееся за миллионы лет поступательных изменений в подобие гигантского облака.

Фантом танцевал, извивался, менял форму, как гигантский трехмерный калейдоскоп. Каждое движение сопровождалось порывами ветра и

безумным гулом с разительно меняющейся громкостью — то он не слышался, а скорее ощущался, то перерастал в рев, от которого раскалывалась голова. Портулак стиснула мне руку, и я понял, что давно так не боялся и не чувствовал себя таким беспомощным. Внезапно надежда спасти Геспера, передав его Фантому, показалась по-детски нелепой — речь о жизни друга, а мы в сказку поверили. Однако пути назад не было, с площадки нас мог увезти только флайер, который прилетит еще не скоро.

Фантом собрался над платформой — облако размером с полнеба превратилось в грозу, бурлящую прямо над нами. Под ним и вокруг него осталась прослойка чистого воздуха. В ревущем сердце грозы я различал лишь черноту — слой механизмов был столь плотным, что не пропускал дневной свет. Мрак разбавляло только мерцание огоньков — так общались бесчисленные устройства. Полил дождь, хотя до появления Фантома даже влажно не было.

Фантом начал снижаться. Захотелось пригнуться, но я понимал, что это бесполезно, и остался стоять, только взглянул на укрытие. Портулак, наверное, думала о том же и покачала головой. Верно, мы прилетели сюда ради Геспера, а не

прятаться за стенами, которые все равно не защитят.

Моя подруга ткнула пальцем в постамент и сквозь рев Фантома прокричала:

— Туда! Покажем, зачем мы здесь.

Я понимал, что она снова права. Держась за руки, мы зашагали через платформу туда, где оставили Геспера. Казалось, он за нами наблюдает, но, судя по тусклому взгляду, не узнаёт. Огоньки за стеклянными панелями на миг заплясали быстрее, но потом снова замедлились и поблекли. Они как будто потемнели с момента нашего прилета сюда.

Фантом опустился еще ниже и заслонил все небо. Стало сумрачно, словно уже смеркалось. Рев казался невыносимым, черное облако застыло над нами жадно раскрытым ртом. От его пурпурной каймы отделился поток похожих на мусор механизмов и зазмеился вниз, будто на разведку. Завихрившись смерчем, он сузился и превратился в зонд, который повис над Гесперо, не задевая его, хотя несколько раз тянулся к нему и отстранялся. Вопреки неоспоримой силе Фантома Воздуха явственно чувствовалось его опасение. Думаю, за все время своего существования таких, как Геспер, он не встречал. Наверное, Фантому

впервые попалось существо, по сложности не уступающее ему самому, хотя принципиально иного вида и происхождения.

Зонд снова потянулся к Гесперу, и я наивно решил, что цель достигнута — наше подношение принято и расценено верно. Но если кишащий механизмами зонд и коснулся золотой кожи Гесперa, то лишь на миг, а потом отстранился с удручающей быстротой и исчез в черной туче. Словно рука отдернулась после ожога, удара током или контакта с едким веществом. Туча почернела еще сильнее, а вой, и без того невыносимо громкий, стал оглушительным. Опять полил дождь — неистово роящиеся механизмы выжимали влагу из воздуха.

Эпицентр облака, опускавшегося на постамент, сместился на нас. Фантом потерял интерес к Гесперу.

— Что-то пошло не так.

— Ничего не поделаешь, — отозвалась Портулак, словно я искал утешения.

Крылатые механизмы слетелись осмотреть нас. Соприкасаясь, их крылья клацали, словно ножницы, однако ни одного поврежденного я не заметил. Они едва не пикировали на меня, завораживая интенсивным миганием огоньков,

которые, очевидно, были и сенсорами, и коммуникаторами. Изредка я ощущал холодок металла и вздрагивал, хотя запретил себе шевелиться. После очередного прикосновения я поднес ладонь к щеке, а опустив, увидел кровь, хотя боли не было, а ранка скоро подсохла. Портулак царапнули шею и тыльную сторону ладони, но она будто не почувствовала. Вряд ли Фантом хотел нас поранить, просто его частицы действовали недостаточно слаженно.

Потом случилось нечто, о чем мистер Джинкс не предупреждал. Механизмов стало больше, они роем окружили меня, практически скрыв Портулак из виду. Внезапно я поднялся над платформой и, поддерживаемый механизмами, повис в воздухе. Я позвал возлюбленную, но за ревом Фантома она не услышала. В роящемся мраке казалось, что я перемещаюсь, но было ли так на самом деле? Я отклонился назад и тут же потерял ориентацию. Механизмы так интенсивно гасили мои движения, что я чувствовал себя во власти медленно прогрессирующего паралича, хотя продолжал беспомощно барахтаться.

Раз! — и под ногами остался лишь серебристый песок — меня вынесло за край платформы. Прежде я не боялся высоты благодаря защитным

устройствам — помощникам-роботам, которые меня сопровождали, — специальной одежде или самой среде. Зато теперь страх овладел мной, словно наверстывая упущенное. Сейчас мне на выручку не мог прийти «Лентяй», а Портулак — «Серебряные крылья». На мне была самая простая одежда, не способная даже выделить лекарство, если я упаду и поранюсь.

Нет, упав с такой высоты, ранением не отделаешься. «Так и гибнут шаттерлинги, — подумал я. — Идешь на неоправданный риск, уверенный, что стал неуязвим, раз прежде столько раз проносило. А ведь дело в банальном везении, которое кончилось здесь и сейчас».

Едва я об этом подумал, как механизмы меня бросили.

Падение длилось не больше секунды, но она показалась мне длиной в жизнь. Я успел обдумать многое, даже печальные обстоятельства своей скорой и неминуемой гибели. Прежде я твердо верил, что не оставлю после себя тело, а кровавое искореженное месиво и подавно. С такой высоты на дюны падать все равно что на камни. Портулак тоже сбросили с платформы? Увидим ли мы друг друга прежде, чем упадем? Или Фантом пощадил ее? Если пощадил, то меня почему губит?

Вдруг я перестал падать — меня остановили механизмы. Вокруг снова сгустилась темная масса, и с замиранием сердца я почувствовал, что резко набираю высоту. Раз! — и меня опять отпустили, я оказался в чистом воздухе за сотни метров от платформы, к которой стремительно приближался.

Механизмы снова меня спасли.

Я понял, что со мной играют, как кошка с раненой птицей. То же самое наверняка вытворяли с Портулак, только я не решался даже глянуть в ее сторону. Нельзя сказать, что я покорился судьбе. Раз моя гибель откладывалась, я немного успокоился, мысли потекли более-менее нормально.

Не знаю, как долго со мной играли — может, секунд десять, может, несколько минут. В черном аду роя следить за временем было не проще, чем ориентироваться или двигаться.

Но вот игра закончилась, и меня бесцеремонно швырнули обратно на платформу. От падения дыхание сбилось, но кости я точно не переломал. Распластанный на белой поверхности, я ловил воздух ртом, словно рыба на отмели. О том, чтобы встать, я подумал как минимум через минуту, а когда попробовал, сердце бешено стучало, а грудь тяжело вздымалась. Воздух по-прежнему

кишел механизмами, но до самых ближних было несколько метров.

— Портулак, — негромко позвал я, потом собрался с силами и проорал: — Портулак!

— Лихнис, я здесь! — отозвалась она.

Портулак стояла шагах в десяти от меня, но я видел ее урывками, только когда редел рой механизмов. Я побрел к ней, чувствуя, как болит колено, ушибленное при падении. Возлюбленная двинулась мне навстречу, вытянув руки перед собой, как сомнамбула. Мы обнялись и внимательно осмотрели друг друга: нет ли ран. Ничего серьезного не обнаружилось, мы отделались царапинами, ссадинами и скрытыми под одеждой синяками.

— Эта мерзкая тварь… — начал я, но Портулак поднесла палец к губам:

— Фантом до сих пор рядом и наверняка знает транс. Лучше его не обижать.

Я покорно кивнул, хотя внутри все кипело от ярости. Мы попали в лапы не злой силы, а извращенного ума, примерно как у непослушного шалуна, только хуже и опаснее.

— Я думал, мне конец, — признался я.

— Я тоже. Хотя чему удивляться? Нас предупреждали, что Фантом бывает в игривом настроении.

Теперь ясно, почему мистер Джинкс так торопился унести ноги.

— Если это игривое настроение, то не хотелось бы застать агрессивное.

— Он разорвал бы нас на куски и бросил бы в дюны. Лихнис, там что-то происходит.

Портулак глядела мне через плечо. Я боязливо обернулся. Туча поднялась выше, позволив нам хоть частично осмотреть постамент.

— Фантом забирает Геспера, — проговорила Портулак с благоговейным страхом.

Фантом Воздуха отбросил прежние сомнения и прикасался к роботу. Рой покрыл нашего друга почти целиком, но не осматривал его, а разбирал на части и поглощал. Черной волной механизмы катились от оплавленной стороны золотого тела, то есть от края постамента, к непострадавшей — к голове, к глазам, которые еще недавно за нами наблюдали. Когда волна прошла, на постаменте не осталось ничего. К небу потянулась кружащаяся черная воронка, сквозь бреши в ней сверкало золото.

— Надеюсь, мы поступили правильно, — сказал я, наблюдая за происходящим не то с ужасом, не то с ликованием. — Фантом убивает Геспера или уносит с собой, чтобы вылечить?

— Он может прирастить тело Геспера к себе, поглотить его воспоминания и личностные качества. — Портулак сжала мою ладонь. — По-другому мы спасти его не могли. Геспер уже погиб. Это был его последний и единственный шанс.

О чем тут еще говорить? У нас на глазах рой слизнул Геспера с постамента, засосал в воронку, а воронка подтянулась к ревущему черному рту. Фантом повисел над нами еще несколько минут, оживленно мерцая огоньками, словно активно размышлял о том, что делать дальше. Потом разом стихли и ветер и дождь, Фантом рассредоточился настолько, что в брешах показалось темнеющее небо. Наконец туча собралась, пару минут потанцевала над платформой и унеслась навстречу закату.

Мы с Портулак смотрели вслед, пока он не превратился в роящуюся кляксу, потом вошли в укрытие и стали ждать утра.

Глава 18

Чистец налил себе невероятно крепкого кофе и надменно покачал головой, давая понять, что разочарован:

— Итак, ваша затейка провалилась. И хотел бы

сказать, что удивлен, да не могу.

— Делать выводы еще рано, — возразила я.

Утреннее небо облепили облака, теперь оно было по-зимнему холодным, а пестрые флаги на мостах и воздушных променадах за ночь поблекли, превратившись в унылые тряпки. Казалось, Фантом принес с собой новый сезон.

— Так робота восстановили?

— Пока нет.

— Но ведь на смотровой платформе ничего не осталось. Фантом уничтожил Геспера — такой вариант не исключался с самого начала. Как можно говорить о восстановлении, если робота уже не существует?

— Насчет «не существует» ты поспешил. Есть документальные свидетельства того, что Фантом убивает, разрушает, а потом возвращает останки на платформу.

— Гарантий нет.

— Зато есть шансы на спасение.

— Как правило, Фантом милостив к интересным подношениям, — вмешался Лихнис. — Он как ребенок, обожающий яркие, блестящие игрушки. Разумеется, Фантом умнее любого ребенка. Пожалуй, он умнее любого существа, с которым мы встречались. Ему по вкусу необыч-

ное и замысловатое, как раз такое, как другой машинный интеллект.

— Ну и когда ожидается чудесное возвращение восстановленного Геспера? — поинтересовался Чистец, опустив подбородок на переплетенные пальцы.

— Мы ничего не «ожидаем», — ответил Лихнис. — Мы лишь верим, что затея наша не абсурдна и шансы на успех есть. Геспер наверняка думал о том же, иначе не передал бы нам сообщение.

— Пусть через несколько дней или лет, но, думаю, Геспер вернется, — проговорила я. — Фантом поглотил его сущность, только это не значит, что Геспера нельзя восстановить. Фантом разобрал его, как головоломку, но наверняка помнит, как сложить ее обратно. Он знает, кто такой Геспер, знает, каким тот был до ранения, и сможет собрать его заново.

— Твой оптимизм радует.

— Оптимистка не я, а те, кто верит в будущее Линии, — огрызнулась я. — Считай меня наивной дурой, но я не притворяюсь, что Линия существует и дела идут по-прежнему. Только взгляни на нас: сидим за столом как большая счастливая семья…

— Ясно, ты все еще обижена из-за корабля. А я-то надеялся, что ты видишь дальше своего носа и помнишь об ответственности.

— Слушай, Чистец, не учи меня ответственности!

Лихнис коснулся моей руки и кашлянул.

— В наше отсутствие что-нибудь случилось? — спросил он. — Мы с Портулак улетели, когда Волчник убила пленного.

— Его стазокамера убила, а не я, — напомнила Волчник, сидевшая напротив. Кусок хлеба она грызла со звериной яростью — наверняка представляла, что это шея Лихниса. — Что могла, я из него вытрясла. В стазокамере он больше ни слова не сказал бы.

— Ну, еще пару деньков можно было потянуть.

— Пару деньков, недель или лет? Где бы ты черту подвел, а, Лихнис? Рано или поздно Вилохвоста пришлось бы будить.

— У нас еще трое в запасе, — вмешался Аконит. — Допросы не закончены.

Лихнис повернулся к Минуарции, которая до сих пор не проронила ни слова. В глазах у нее читалось скептическое удивление, словно мы разыгрывали сценку, а она была зрителем.

— Что, Лихнис? — спросила она, перехватив

его взгляд.

— Просто хотел поинтересоваться, как у тебя успехи.

— Дело движется. Я просканировала почти всех и, думаю, собрала уже достаточно данных, чтобы восстановить твою нить. — Минуарция провела унизанным кольцами пальцем по волосам, убирая за ухо выбившуюся голубоватую прядь. — Закончу со считыванием и начну анализировать. Пара дней погоды не сделает, если вспомнить, что бойне уже больше века.

— Чем скорее получим готовую нить, тем лучше, — заявил Чистец.

— Я почти у цели. Успела поднять штурманские журналы и планы полетов, которые все мы подали в конце прошлого сбора. Сопоставление еще не провела, но вот закончу с нитью Лихниса — и сразу займусь.

— Спешить незачем, — покачал головой Калган. — Минуарция такую тщательную проверку затеяла, что смазывать результат просто глупо.

— Вот именно, — кивнула Минуарция. — Хоть кто-то это понимает.

— Очень жаль, что так получилось, — проговорила Каденция, когда мы встретились после завтрака.

— Весьма прискорбно, — повторил Каскад, скромно сложив руки на коленях. — Только вам не стоит корить себя за эту неудачу. Для нас очевидно, что вы желали Гесперу добра. Если честно, он вряд ли перенес бы дорогу домой.

— Вы так не говорили, — сказал Лихнис.

— Мы делали гипероптимистичные прогнозы, чтобы не расстраивать вас, — пояснила Каденция.

— Геспера забрал Фантом Воздуха, — напомнила я. — Это не значит, что у нас ничего не получилось.

— Как же иначе? — мягко спросил Каскад тоном, каким обращаются к неразумному ребенку.

— Фантом и раньше уносил с собой подношения, — ответила я. — Порой он возвращал их в тот же день, порой через несколько недель, а то и месяцев. Если Фантом не собрал Геспера вчера, это еще не значит, что он вообще его не соберет. Нужно запастись терпением и ждать.

— Терпение входит в число наших добродетелей, — проговорила Каденция. — Однако мы обязаны вернуться в Кольцо Единорога при первой же возможности. Это наш долг перед Линией Горечавки и Союзом Линий. Чем скорее наш народ узнает о вашей трагедии, тем

лучше подготовит ответные меры. По-вашему, год-другой особой роли не сыграет — путь у нас неблизкий…

— Да, это приходило в голову, — призналась я.

— Тщательный анализ галактической истории доказывает, что многое сложилось бы иначе, если бы важная информация поступила годом раньше или годом позже. Нельзя уповать, что мы станем исключением.

— Иначе говоря, вам все равно нужен мой корабль.

— К сожалению, да, — подтвердил Каскад.

— Забирайте его, когда хотите, я уже смирилась. Сегодня на рассвете видела «Крылья», они сияли, как Утренняя звезда. Сердце разрывается при мысли, что корабль больше не мой. Чем скорее он исчезнет, тем лучше.

Роботы переглянулись.

— Тогда не будем мешкать. Ранний отлет идеально подходит нам и, надеюсь, меньше расстроит вас.

— Сперва мне хотелось бы освободить грузовой отсек. Его содержимое вам вряд ли интересно, а мне дорого. На него Линия не претендует, речь шла только о корабле.

— Там есть что-то ценное? — спросила Каден-

ция.

— Особых ценностей нет. Корабли — часть меня и моего прошлого. В отличие от Лихниса я по характеру скопидом, но уж какая есть.

— Пусть заберет свою коллекцию, — сказал роботам Лихнис. — Много времени это не отнимет, а без балласта корабль полетит еще быстрее.

— У меня возражений нет, — сказал Каскад. — Но желательно, чтобы корабль официально передали нам в собственность, причем поскорее. Мы успели бы ознакомиться с системой управления. Нельзя ли заняться этим в ближайшее время? Пока вы собираете свою коллекцию, мы осваивали бы корабль. Как только закончите, мы без промедления покинем орбиту Невмы.

— Не ждите, что я стану прыгать от радости, — предупредила я.

— Мы понимаем, сколь болезненно для вас это расставание, — отозвался Каскад. — Не знаю, утешит ли это вас, но своей щедростью вы заслужите благодарность машинного народа.

— Разве она его еще не заслужила? — удивился Лихнис.

— Да, конечно, — кивком подтвердил Каскад.

— Сейчас у меня нет сил, — сказала я. — А мне еще нужно обсудить события прошлой ночи с

мистером Джинксом. Этого разговора я жду не дождусь. Если вас устроит, давайте поднимемся на корабль завтра утром.

— Нас вполне устроит, — хором ответили роботы.

Глава 19

Волчник проводила допросы до самого вечера. В зал я пришел без Портулак — та отправилась к имирскому ученому обсуждать нашу встречу с Фантомом Воздуха.

Публичного осуждения не было, но чувствовалось, что Волчник отчитали за то, как она поступила с Вилохвостом, шаттерлингом Дома Мотыльков. Может, она не собиралась его убивать, но наверняка понимала, что шансы пережить вывод из стазиса у него невысоки. Волчник убедила себя, что выжала из пленного все, но Аконит и прочие вряд ли разделяли ее уверенность. Сейчас их присутствие было куда ощутимее. Допрос по-прежнему вела Волчник, но Аконит, Люцерна, Донник и Маун сидели в отдельном ряду между постаментом и местами для зрителей. Они молчали, но Волчник уделяла им не меньше внимания, чем пленным. Каждый

ее шаг контролировался, Волчник и слова не произносила, не взглянув на своих спутников, точно спрашивала: «Можно продолжать?» При этом держалась она уверенно, чуть ли не вызывающе. Ее приструнили, велели оставаться в рамках, но от допросов не отстранили. Отстранить для Чистеца и прочих означало признать, что они ошиблись, поручив это дело Волчник, что начисто исключалось. В результате та не поджала хвост, а даже приободрилась.

Стазокамеры, три занятые и пустую, составили полукругом, чтобы пленные видели друг друга. Волчник снизила кратность замедления до сотни, и мы с помощью синхросока сделали то же. Двенадцатичасовой допрос уложился в семь с половиной минут субъективного времени. При нормальном разговоре за такой период едва любезностями обменяешься, только тут в данном случае разговор не был нормальным. Волчник, обуреваемая праведным гневом, закидывала пленных вопросами — те едва успевали отвечать. Зайдя в тупик, она возвращалась к нормальному времени и советовалась с четверкой своих спутников, после чего допрос продолжался.

К концу дня выяснить удалось на удивление мало. Идентификация лиц показала, что двое

неизвестных пленных, вероятно, сгинувшие шаттерлинги Линий Короеда и Бархатницы. Такая гипотеза вызвала массу неудобств, ведь у нас гостили их посланцы Линий. Как ни убеждала Волчник, свои имена пленные не назвали. Не сообщили они ничего и про Дом Солнц, который оставался не менее таинственным, чем когда Геспер впервые его упомянул. О Доме Солнц слышал один Синюшка, хотя, возможно, мне только показалось так по его реакции.

— С тобой мы уже почти друзья, — заявила ему Волчник.

Вспомнилось, как Донник говорила об усердии, с которым Волчник добивалась правды, когда в системе несостоявшегося сбора еще могли скрываться уцелевшие шаттерлинги.

— Решай: либо в стазис меня погрузишь, либо разбудишь, — отозвался Синюшка; голос у него был грубый, скрипучий, словно связки высохли на солнце.

— Вас теперь трое. Вилохвост погиб.

— Кто такой Вилохвост?

— Шаттерлинг Дома Мотыльков, твой сообщник. Двое других — Короед и Бархатница. Всех вас считают погибшими.

— Похоже, ты сама все знаешь.

— Не все, а почти все. — Волчник откинулась назад, выгнув спину, как потягивающаяся кошка. — Я уже спрашивала про Дом Солнц Вилохвоста. Теперь спрашиваю тебя.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Очевидно, это Линия. Судя по всему, Дом Солнц состоит из шаттерлингов, прежде входивших в другие Линии. Не знаю, может, его численность нужно периодически пополнять. Может, его шаттерлинги проникают в известные Линии, заменяя полноправных членов точными копиями. При таком раскладе настоящий Синюшка погиб миллион лет назад. Если бы в течение цикла ты занял его место и появился на очередном сборе в его ипостаси, с его генами и набором воспоминаний, мы не заметили бы подмены. Синюшка, зачем ты так с нами? Чем мы заслужили бойню?

— Вы существовали. Этого достаточно.

— Еще в системе нашего сбора ты упомянул Лихниса. Ты издевался, думал, мы никогда не увидим ни его самого, ни его космотеки. Синюшка, ты ошибся. Лихнис уцелел, выжил, значит у нас есть шансы разобраться в мотивах вашего преступления.

— Вперед и с песней.

— Осторожней, Синюшка! Я покажу, как серьезно настроена. — Волчник подошла ко второй стазокамере и взялась за рычаг-регулятор уровня стазиса.

Пленный — предположительно Короед — испуганно заерзал в кресле, заговорил, но Волчник отключила микрофон, и слов мы не расслышали.

— Поздно, ты свой шанс упустил, — сказала она. — Теперь принесешь нам больше пользы, доказав Синюшке серьезность моих намерений.

У меня судорожно сжалось горло — захотелось что-то сказать, вмешаться. Волчник глянула на Аконита, Люцерну, Донник и Мауна, но те молчали. Она стиснула зубы и, коротко кивнув, до отказа сдвинула рычаг влево.

Стазопузырь лопнул, сдавленно кашлянув, совсем как при гибели Вилохвоста, но эта камера убила пленного иначе. Когда отключились генераторы защитного поля вокруг вылущенного трупа, на постамент посыпалась сухая пыль. У ног образовалась аккуратная серая пирамидка. Волчник присела на корточки, зачерпнула горсть и посмотрела, как пыль ручейками течет сквозь пальцы. Потом поднялась и растоптала пирамидку.

— Синюшка, ты внимательно смотрел? — спро-

сила Волчник, шагнув к стазокамере, где сидел предполагаемый шаттерлинг Бархатницы. — Через пару минут тебя может постичь та же участь. Я с удовольствием тебя вылущу. С огромным удовольствием.

— Наша атака боли никому не причинила, — заявил Синюшка. — Ни садизма, ни издевательств — все прошло быстро и эффективно. Мы же не чудовища!

— По-твоему, я чудовище?

— Ага, в зеркало взгляни.

— Зачем вы устроили засаду?

— С чего ты решила, что я в курсе?

— Ты упоминал Лихниса, когда думал, что тебя не призовут к ответу.

— Мне говорили, что тут задействована нить Лихниса. Больше нам знать не полагалось. Мол, это и так слишком много.

— Кто так говорил?

Тут Синюшка испугался. Он, похоже, впервые намекнул, что кому-то служит и подчиняется, причем проболтался в самый неподходящий момент — когда его крепко взяли за жабры.

— Волчник и вы, остальные! — Плененный шаттерлинг глянул в нашу сторону из открытой камеры. — Знаю, тут зрители собрались, я их чув-

ствую. Так вот, послушайте, я уверен, что выйду победителем. Уверен, что добью вас. Вы, как бешеные собаки, растерзаете друг друга, вычисляя, кто предатель. Или среди вас их несколько?

— Среди нас нет предателей, — твердо возразила Волчник.

— Откуда такая уверенность? — Синюшка улыбался не то безумно, не то понимая, что ему нечего терять. — Предатель есть, Волчник, еще как есть. Он или она — уточнять не буду — может сидеть в этом зале. Он или она прекрасно понимает, что случилось, зачем и почему. Готов поспорить, он или она уже планирует, как добить вас, независимо от того, что скажу я.

— Назови имя! — потребовала Волчник.

— Ни за что. Сама вычисли. Походи поспрашивай.

Волчник потянулась к регулятору уровня стазиса на камере Бархатницы:

— Имя!

— А если назову предательницей тебя, ты позволишь себя допросить?

— Не надо! — взмолился Бархатница.

— Ты расскажешь все начистоту? — спросила Волчник, глядя на него устало и недоверчиво.

— Я ничего не знаю. Нам приказали перебить

вас, и все.

— Откуда гомункулярные пушки?

— Из тайника Марцеллинов. После Гомункулярных войн бóльшую часть оружия утилизировали, но кое-что припрятали на случай крайней нужды.

— Это правда? — спросила Волчник, повернувшись к Синюшке.

— Тайник существовал, только другие шаттерлинги моей Линии о нем не знали. Они тут ни при чем.

— Это решит Союз Линий. — Волчник снова повернулась к Бархатнице. — Ничего нового ты мне не сообщил. Если ты ничего не скрываешь и не утаиваешь, то нашему разбирательству поможешь только как модель для демонстрации моей решимости.

— Нет! — пролепетал Бархатница.

Волчник двинула рычаг влево, на сей раз медленнее. Относительно нас пленный ускорился — с каждой секундой все быстрее ерзал и дергался.

Тут во мне что-то взорвалось.

— Стой! — закричал я, пока Волчник не повернула рычаг до конца. — Наверняка есть другой способ.

Та взглянула на меня с холодным презрением:

— Хочешь поучаствовать, да, Лихнис? А то ты подозрительно тих.

— Выходи из замедления, — предложил я, чувствуя, как бешено крутится стрелка моего хронометра. — Поговорим в реальном времени.

— Мне и так неплохо.

Ко мне подошел Аконит и умиротворяюще поднял руки:

— Братан, не вмешивайся. У нас все под контролем.

— Ага, под контролем. Волчник пленных будто косой косит. Осталось только двое. Теперь каждый на вес золота.

— Мне достаточно разговорить одного, — заявила Волчник и снова потянула рычаг влево.

Я вышел из замедления и оказался среди потрясающе естественных восковых фигур. От ярусных скамей я рванул к постаменту, а когда пробирался через электроэкран, скрывающий зрителей, меня слегка кольнуло током. Волчник до сих пор смотрела на мое место, но выражение ее лица менялось — я словно наблюдал за медленным-медленным оползнем. Голова начала поворачиваться вслед за размытым пятном, которым я для нее казался. Раз! — я столкнул ее

руку с рычага-регулятора и вернул Бархатницу в глубокий стазис. За спиной у меня засуетились шаттерлинги, один за другим выходившие из замедления. Правая рука Волчник двинулась к хронометру.

Кто-то схватил меня за плечо. Аконит! Он рывком развернул меня лицом к себе.

— Зря ты так, братан, — раздосадованно проговорил он. — Мы перед тобой в вечном долгу, но всему есть предел.

Аконит прижимал меня к стазокамере Бархатницы. Я бы оттолкнул его, да в другую руку как клещами вцепился Маун.

— Она же не ведает, что творит!

Волчник вышла из замедления.

— Убирайся! — зашипела она.

— У тебя от ненависти рассудок помутился.

— Они нас ненавидят. Почему бы не ответить им взаимностью, хоть самую малость?

— Потому что мы Горечавки. И все наши добрые дела на протяжении шести миллионов лет говорят, что мы лучше и выше.

— У тебя свое мнение. У меня — свое. — Волчник кивнула Акониту и Мауну. — Лихнис хочет как лучше, но нельзя, чтобы он срывал мне допрос. Выведите его из зала, а дальше пусть Чистец с

ним разбирается.

Чистец, который доселе молчал, поднялся с места:

— Прости, Лихнис, такие выходки мы терпеть не намерены. Покинь зал добровольно, не то тебя выведут. Мне бы этого не хотелось, но раз тебе так нужно внимание… — Чистец отмахнулся с такой безнадежностью, словно не чаял меня понять.

— А если Синюшка не врет? — упирался я. — Если среди нас предатель, гибель пленных ему очень на руку. Тогда никто его не выдаст.

— Уходи, Лихнис! — велел Чистец. — Уходи, пока не наговорил того, о чем потом пожалеешь. Я очень в тебе разочарован. Я считал тебя здравомыслящим, надеялся, что ты забудешь про корабль Портулак и не затаишь обиду на Линию. Очевидно, я ошибался.

— Мы стали жертвами чудовищной атаки, — начал я. — Жестокой, совершенной без предупреждения. Мы должны добиваться справедливости, должны призвать злоумышленников к ответу. А вот попирать моральные принципы, которым всегда следовали, не должны.

— Времена сейчас другие, — заметила Волчник. — К тому же это они нас спровоцировали, а не наоборот.

Тут дверь зала распахнулась — мелькнуло имирское небо, розовеющее в лучах заката. Я с изумлением понял, что просидел взаперти почти целый день. На пороге стояли Лопух, который сегодня патрулировал орбиту, и имириец с крыльями и маской.

— У нас важное заседание, — строго напомнил Чистец.

— Заседание подождет, — осадил его Лопух. — Имирийцы разыскали меня, едва я сошел с шаттла. — Он с имирийцем шагнул в зал и закрыл за собой дверь. — Речь о Минуарции.

— Что с ней?

— Погибла. — Лопух замолчал, справляясь с эмоциями. — Видимо, упала с балкона — и прямо на обелиск Дара Небес, ниже самого низкого уровня города.

Флайер ждал у ближайшей посадочной площадки, молотя крыльями темнеющий воздух. Первым на борт поднялся Чистец, за ним Лопух, Аконит и Донник, следом Калган и Горчица, потом Люцерна и я. Едва я оторвал ногу от площадки, флайер взял с места, а как только я уселся в плюшевое кресло, мы понеслись вниз. Я представил, каково было Минуарции: она падала и понимала, что ни одна сила во Вселенной ее не

остановит. Мне довелось стоять на краю скалы десятикилометровой высоты, зная, что малейшая неловкость закончится падением. Только до встречи с Фантомом меня никогда не сталкивали и я не падал. Впрочем, и тогда опасность быстро осталась позади. А Минуарции не повезло. Ожидание смерти, которая не просто близка, а неизбежна, страшнее, чем сама смерть. Я искренне надеялся, что Минуарция была мертва или без сознания к тому моменту, как упала на обелиск, но чувствовал, что выяснить это не удастся.

— Упади Минуарция с другой башни или с моста, она пролетела бы между «пальцами», — предположил Горчица, — а если бы упала в песок, то выжила бы?

Имириец Лимакс глянул на дюны:

— Боюсь, что нет. Даже если бы она не разбилась мгновенно, падение вызвало бы лавину, и Минуарция задохнулась бы, мгновенно утонув, — с переломанными-то костями. Ужасная была бы смерть, уверяю вас.

— Это не значит, что Минуарции повезло, — заметил я.

— Нет, шаттерлинг, не значит, — хмуро отозвался Лимакс. — Я лишь говорю, что могло быть

хуже.

Тут до меня дошло, как сильно случившееся ударит по имирийцам. Мы потеряли еще одного шаттерлинга, что стало бы трагедией, даже если бы нас по-прежнему была тысяча, — только нас в двадцать раз меньше, поэтому утрата переживается куда тяжелее. Началось все с засады. Вне зависимости от обстоятельств, которые мы выясним, гибель Минуарции — часть плана истребления Горечавок. Для имирийцев мы гости, путники, препоручившие себя их заботам. Нам позволили жить в городе и свободно передвигаться, а мы в ответ подчинились местным законам и правилам. Мы с Портулак могли бы встретиться с Фантомом Воздуха без разрешения магистрата или неохотной помощи мистера Джинкса, но обязаны были продемонстрировать, что примиримся с отказом и не станем ни на кого давить. Мы оставили на орбите корабли, оружие, слуг-роботов и прилетели в Имир, взяв с собой лишь самое необходимое. Если бы на Невме проходили наши сборы, вся планета, весь Имир превратились бы в устройство, оберегающее нас от напастей. В таких условиях даже ободрать локоть было бы непросто.

Самый нижний из заселенных уровней Имира

остался в сотне метров над нами. К «пальцу»-обелиску Дара Небес он присоединялся побитым ветрами цоколем без единого окна. Тело Минуарции лежало метров на пятьдесят ниже цоколя, в небольшой выемке — в разметке, вырезанной на черной поверхности. Ее либо швырнуло набок во время падения, либо подбросило и перевернуло уже после удара о камень.

Имирский флайер остановился метров на десять ниже этого места. Бушевала пыльная буря, и мы, выбравшись из салона, согнулись в три погибели и ступали с крайней осторожностью, хоть и находились на приличном расстоянии от края обелиска, поскольку существовала опасность поскользнуться на наклонной, гладкой, как мрамор, поверхности, — тогда шансов выжить не осталось бы. Словно муравьи по стволу накренившегося дерева, мы ползли к изувеченному телу нашей сестры.

Зрелище оказалось ужаснее, чем я думал, хотя Лопух меня предупреждал. От удара тело разбилось в лепешку. Одну ногу завернуло за спину, другую согнуло под неестественным углом. Руки сломались в нескольких местах, сквозь прорехи в одежде зияли рваные раны, на коленях и локтях кости продрали кожу. Значит, Минуарция

отлетела, ударившись либо о стену башни, либо о «палец» Дара Небес. От головы не осталось почти ничего, лицо, неузнаваемое кровавое месиво, не вызывало даже отвращения. Зато легко узнавались волосы, но лишь там, где ветер не задул их в жуткую красную кашу. Не удержавшись, я погладил длинную прядь, голубовато-белую на фоне моей кожи. Унизанные кольцами пальцы не оставляли сомнений, что это не какая-нибудь другая блондинка. Одна кисть не пострадала, Минуарция раскрыла ладонь, точно умоляла: «Утешь меня!»

— Минуарция! — шепнул я, лишь сейчас осознав суть случившегося. Душу заполнила пустота, напоминавшая пропасть, космический войд, сквозь который дуют ветра Вселенной.

Калган подошел поближе и положил мне руку на плечо:

— Мы найдем тех, кто это сделал. Мы не подведем Минуарцию и обязательно за нее отомстим.

Горчица выдавил на ладонь механогель — получилась черная татуировка. Он опустился на колени и перевернул раскрытую ладонь так, чтобы гель упал на размозженный череп Минуарции.

— Ничего не ощущаю, — проговорил он через

несколько секунд. — Я знал, что, скорее всего, это бесполезно, но если бы не попробовал…

— Ты правильно сделал, — поддержала его Люцерна.

— Нужно просканировать ее мозг, — распорядился Чистец. — Вдруг найдутся необработанные воспоминания, которые она еще не ввела в космотеку, или мысли, застывшие в момент смерти мозга?

— Я бы на это не рассчитывал, — заметил я.

Выделять воспоминания у недавно умерших вообще сложно, а уж если трагическая гибель произошла несколько часов назад… Какие мы все-таки слабые и уязвимые! Перемещаем планеты, строим звездамбы, скачем по пространству и времени, как галька по воде, только Минуарции это больше не нужно. Несколько часов назад в этом теле жила душа, а сейчас ни одна сила во Вселенной ее туда не вернет. Мы — как обезьяны, которые сидят у потухшего костра и гадают, почему исчезли свет и тепло.

— Не стоит спешить с выводами, — сказал Чистец, когда я отступил на шаг. Несколько волосков Минуарции остались у меня между пальцами. — Может, ее никто не толкал, может, она упала по собственной неосторожности.

— Ты правда в это веришь? — спросил Аконит.

— Мне сложнее поверить, что ее убил кто-то из нас.

— Но ты уж поверь, — посоветовал я. — Участие нашего шаттерлинга вырисовывалось со дня засады. Гибель Минуарции — лишь очередное подтверждение.

— Минуарция — наша сестра. Вот ты убил бы меня предумышленно? Ну, если бы знал, кто я, что сделал и сколько прожил? — Всем своим видом Чистец запрещал мне ответить «да». — Мы прошли почти через все, через что можно пройти. Несколько тысячелетий до нашего появления — не более чем пролог. Настоящая история началась с первым вдохом Абигейл.

— Мы — книжные черви, пробуравившие страницы истории, — сказал я, припомнив слова куратора Вигильности. — Это не совсем жизнь.

— Но мы знаем, какие мы. Знаем, как драгоценна жизнь. Допустим, я не одобряю твои поступки, Лихнис, и твое отношение к традициям Линии, но я не посмел бы тебя и пальцем тронуть. Это же как осквернить памятник, как погубить хрупкую экологию… Чистейший вандализм, а не убийство. Почему-то я чувствую, что ты так же относишься ко мне.

— Разумеется! — зло отозвался я. — Но это потому, что я не убийца. И ты тоже, если говорил искренне. Но кто-то наших чувств не разделяет. Кто-то увидел в Минуарции угрозу и избавился от нее так же легко, как мы с тобой бросаем мусор в утилизатор.

— Тогда они не наши собратья. Как бы ни выглядели убийцы, в душе они не Горечавки.

— Мне бы твою уверенность.

Чистец глянул через плечо, и я посмотрел в ту же сторону. На снижение шел флайер нашей Линии, такой же как возил нас с Портулак к Фантому.

— Мы заберем Минуарцию, — проговорил Чистец. — Поднимем на мой корабль, и я ее осмотрю.

— Она погибла, — напомнил я.

— Лихнис, нужно попробовать!

Чистец воскликнул это с таким пылом, что я заподозрил приближение истерики. Вспомнилось, как он ликовал, когда мы с Портулак привезли уцелевших. О Минуарции я горевал больше всех, но ее гибель ударит по всем шаттерлингам, включая Чистеца. Теперь в Линии Горечавки остался пятьдесят один шаттерлинг, и как минимум один из нас хотел уничтожить собратьев.

Флайер сел. Прищурившись, я смотрел на Минуарцию и вспоминал, как она выглядела за завтраком. Он уже казался далеким прошлым, когда Вселенная была проще, теплее и уютнее.

Ветер усилился, колючая пыль оцарапала мне щеки.

Глава 20

Лихнис молчал весь вечер. Гибель Минуарции выбила из колеи, расстроила, озадачила и меня, но он горевал особенно сильно. Я знала, что Минуарция всегда ему нравилась, и вороватые взгляды ловила достаточно часто, чтобы понять: он любуется ею. Минуарция тоже прекрасно понимала, что Лихнис к ней неравнодушен. Это проявлялось в каждом их разговоре — шутливая надменность удавалась ей бесподобно. В глазах Минуарции светилось пренебрежение к сдержанным ухаживаниям Лихниса, но неизменно с примесью невольного уважения. «Ты смеешь надеяться, что интересуешь меня не меньше, чем я тебя? Может, твоя наивная надежда и вызывает интерес, но лишь мимолетный». Вообще-то, его ухаживания были игривым началом партии, завершать которую Лихнис не собирался. Он на-

слаждался внешним видом Минуарции, мечтал о ней, но вряд ли думал о сексе или даже об обычном для шаттерлингов невинном поцелуе. Тем не менее мне следовало ревновать. Но все упиралось в то, что я не могла настроить себя на это.

Сейчас я радовалась — конечно, не гибели Минуарции, а тому, что ни секунды ее не ненавидела. Я очень хотела найти убийц, а еще больше — показать им, где раки зимуют.

Наутро, еще до завтрака, я столкнулась с роботами.

— Мы слышали горестную новость, — начала Каденция.

— Горестную и печальную, — добавил Каскад. — После всех несчастий потерять еще одного шаттерлинга… Глубину нашего сочувствия словами не передать.

— Спасибо, — отозвалась я.

— Будет какая-то церемония? — спросила Каденция.

— Да, похороны пройдут завтра или послезавтра. Минуарцию обследуют — просканируют мозг, — а потом сразу похоронят.

— На похороны допускаются только шаттерлинги? — спросил Каскад.

— По традиции — да, но на сей раз мы ей вряд

ли последуем. Думаю, участие примут и гости — все мы жертвы бойни, и все, включая вас и имирийцев, знали Минуарцию. Должно получиться очень необычно — у нас тела́ не хоронят. Шаттерлинги гибнут вдали от дома, в тысячах световых лет от собратьев. Не появившихся на одном сборе считают пропавшими, а на двух подряд — погибшими. В таком случае организуются похороны и кому-то поручают изготовить памятник. Поскольку с момента смерти проходит, как минимум, цикл, похороны превращаются в поминки или день памяти. А Минуарцию ждет настоящее погребение — боль и горечь еще не притупились.

— Если нужна наша помощь, пожалуйста, обращайтесь, — сказала Каденция.

— Я передам Чистецу. Он наверняка уже вовсю готовится.

Если роботы уловили горькую иронию — мое недовольство тем, что важные решения принимает один Чистец, — то тактично не показали виду.

— С учетом последних событий наш отлет стоит отложить. Мы по-прежнему полны желания скорее отправиться в путь, но при этом хотели бы отдать последний долг Минуарции. Разумеется,

если Линия позволит.

— Несомненно, позволит. Вы молодцы, что приспосабливаетесь к обстоятельствам.

— Мы видели, с каким уважением вы относитесь к Гесперу, — сказала Каденция. — Самое малое из того, что мы можем сделать, — ответить взаимностью.

Я поблагодарила роботов за доброту.

Завтрак стал настоящей мукой. Каждому хотелось выговориться, но нарушить тишину никто не решался. Даже Чистец помалкивал почти до самого конца. Всех терзало подозрение, что убийца Минуарции сидит за этим самым столом и корчит из себя убитого горем.

— Похороны состоятся завтра, — наконец проговорил Чистец, и сперва показалось, что на этом все, но он потер подбородок и добавил: — Сегодня Волчник продолжит допрашивать пленных. Недавние события подталкивают к активным действиям, поэтому я дал ей разрешение вывести обоих из стазиса.

— Мы их потеряем, — предостерег Лихнис.

— Придется рискнуть, хотя, по-моему, это маловероятно. Камера Синюшки в куда лучшем состоянии, чем камера Бархатницы. Я считаю, что у нас великолепные шансы успешно разбу-

дить по крайней мере одного из них. — Чистец насупил брови и заглянул Лихнису прямо в глаза. — Если ты настроен так же, как в прошлый раз, тебе лучше не присутствовать.

— Пусть приходит, если есть желание, — вмешалась Волчник, вытирая пальцы салфеткой, — лишь бы больше не лез.

— Делай что хочешь, — покачал головой Лихнис. — Я найду занятие интереснее, чем смотреть, как ты терроризируешь и пытаешь пленных.

— Раз добровольно они ничего не рассказывают, у меня нет выбора. — Волчник свернула салфетку и положила ее на стол. — В любом случае спор уже неактуален. Как сказал Чистец, первая стадия допросов закончена. К обеду у меня будут проснувшиеся живые пленные, по крайней мере один.

— Если не повезет, ни одного не останется.

Волчник пригвоздила Лихниса немигающим взглядом:

— Аппарат для рассечения готов. Буду очень рада, если ты придешь посмотреть.

— Мы все придем, — пообещал Чистец. — Сегодня никаких отговорок, отсутствовать вправе лишь те, кто в патруле. Портулак, тебя это тоже касается.

— Скоро ты начнешь указывать мне, когда дышать, — съязвила я.

— Я хочу, чтобы все присутствовали. Мы станем наблюдать за реакцией, и увидим, кому не по себе.

— Мне будет не по себе, — сказал Лихнис.

— Дерзить сейчас не время, — предупредил Чистец.

Лихнис пожал плечами и поднялся — он все сказал. Вслед за ним я отошла к перилам террасы, подальше от чужих ушей. Тем утром мы едва разговаривали. Я проснулась на заре, а Лихнис уже сидел на балконе и смотрел на темно-серебристые дюны. Глаза у него покраснели от слез.

— Мы справимся, — сказала я ему сейчас.

Лихнис сжал мою ладонь:

— Пытаюсь себя в этом убедить, но не могу. Мне проще поверить, что завтра Линии Горечавки наступит конец.

— Именно сейчас нужно быть сильными. Предрассветный час самый темный — и так далее.

— Можно и без избитых фраз, — буркнул Лихнис и отвернулся.

— Избитые фразы вроде этой есть у любой цивилизации — и не зря. Порой нужно просто делать свое дело и верить, что жизнь наладится. Иначе

не уцелеть. В истории миллионы раз случались кризисы, которые усугубились бы, если бы люди смирились с неизбежным. Иные уничтожили бы человечество, если бы отчаянные, безумные оптимисты не цеплялись за соломинку надежды.

— Честное слово, Портулак, я цепляюсь. Только соломинка с каждым днем все тоньше.

— Значит, нужно крепиться и ждать перемен к лучшему. Они обязательно наступят. Минуарцию очень жаль. Но это хотя бы свидетельствует, что мы напали на след. Кто-то испугался настолько, что уничтожил ее. Убийство доказывает, что она слишком глубоко копнула.

— Теперь получается, что Минуарция старалась напрасно.

— Нет, ее работу продолжит другой шаттерлинг. Минуарция была лучшим кандидатом для восстановления твоей нити, но это не значит, что никто, кроме нее, не справится. Просто уйдет чуть больше времени.

— А может, именно это и нужно предателю — чуть больше времени, а потом будет не важно.

Я переступила с ноги на ногу, не представляя, как на такое реагировать:

— Лихнис, я знаю, что ты чувствовал к Минуарции. У тебя, наверное, сердце разрывается.

— Ты ненавидишь меня за это?

— За то, что она тебе нравилась? С моей стороны ненависть говорила бы о мелочности, особенно сейчас. Минуарция была гордостью нашей Линии и редкой красавицей, не думай, что я не в курсе. Сложно упрекать тебя за восхищение ею.

— Как хорошо, что у меня есть ты! Мои чувства к Минуарции не идут ни в какое сравнение…

— Знаю, — перебила я и приложила палец к его губам. — Об этом можно не говорить. Ни сейчас, ни вообще. Главное… чувствуй, ладно? Чувствуй и не уходи.

— Я никуда не собираюсь, — проговорил Лихнис.

Часть пятая

В руках я держала письмо, написанное на тончайшей бумаге, бархатной, как ухо щенка, пахнущей нежно, как постель куртизанки. Письмо благоухало сиренью, миндалем и редкими специями Далеких островов и архипелага, что лежал на самом краю света, за Королевством и соседними империями, за Щитовыми горами и омывающими их морями, за опасными водами Океана Белого Чудища. Черную восковую печать украшала решетка из костей — эмблема графа Мордекса, придуманная, чтобы пугать и выбивать из колеи. Я сломала печать ногтем — сердце бешено застучало в ожидании вестей.

Предчувствие не обмануло — эти слова очень точно передают переживания. Письмо действительно написал мой сводный брат, граф Мордекс. Он не изменил изысканному стилю и повелительному тону и на сей раз. Любовные письма граф писал в том же ключе, что смертные приговоры. Сегодняшнее послание не было ни тем ни другим.

В письме говорилось, что мою фрейлину, пленницу графа, казнят, если я не сообщу, где

находится Калидрий. Казнят ее способом, «соответствующим» моему упрямству. Если приму меры в течение ближайших часов — спасу ее, если до конца дня — облегчу страдания, а если промедлю — обреку на мучительную гибель.

— Я не могу так поступить, — сказала я мажордому Добентону.

Разговор происходил в зале, где обычно заседает военный совет, у массивного дубового стола, заваленного картами, планами, акрами тяжелого пергамента и кожи. В зале были темные стрельчатые своды, а зарешеченные оконца якобы охлаждали пыл шпионов и убийц. Свечи едва разбавляли гнетущий мрак. Ничего хорошего в этих стенах не замышляли — одни наказания да смерть. Рядом с Добентоном стоял главный стражник Цирлий.

— Как я предам Калидрия после того, что он для нас сделал?

— Миледи, вы при всем желании не предадите Калидрия, — молвил Цирлий, поглаживая багровый шрам, напоминание о давней дуэли. — Даже лучшим шпионам моим неведомо, где скрывается чародей. Такова его воля — исчезнуть и для врагов и для друзей.

— Калидрию до́лжно жить в людном месте, —

напомнила я. — В этом его сила и его слабость. Ни один из чародеев не сравнится с Калидрием. Только магия — стихия особая, она заражает разум тех, кто ее использует. Один чародей чувствует разум другого чародея, пылающий, словно маяк во тьме. Единственный способ укрыться — окружить себя народом. Магия есть в каждом. Наши умы не сияют так ярко, как у Калидрия, но способны его замаскировать. В городе, большом или малом, даже в деревне, скроет Калидрий свой ослепительный разум среди слабо мерцающих разумов соседей. Быстро его не найти никому, даже другому чародею. В этом его сила. Но в этом же и слабость, ибо странствия, хоть и со свитой, становятся опасны. Если некто, подобный Мордексу, замыслит разыскать Калидрия, ему придется истребить не одну деревню Королевства, пока чародей себя не выдаст.

— Нам уже докладывают о разбойниках, поджигающих деревни у восточной опушки Леса Теней, — сказал Добентон. — Они являются с востока, говорят по-бандитски грубо…

— Не сомневаюсь, что это люди Мордекса, — сокрушенно кивнула я. — Не сомневаюсь и в том, что они не пощадят ни одну деревню, где, по их мнению, может скрываться Калидрий.

Наша армия ослаблена, нам каждое селение не защитить. — Я отложила ненавистное послание, мерзкое надушенное письмо сводного брата. — Не могу допустить, чтобы сжигали ни в чем не повинных людей. Граф Мордекс казнит мою фрейлину, но разве он на этом успокоится?

— Боюсь, миледи права, — проговорил Добентон. — Только что это меняет? Калидрия нам не разыскать.

— Я разыщу.

— Каким образом? — осведомился Цирлий.

— Людмила даст мне схемы кораблей, — ответила я.

Добентон нахмурился:

— Миледи?

Я устыдилась своего детского выпада, хотя слова вырвались сами собой. Людмила Марцеллин, принцесса другого королевства, властительница небесных кораблей и летающих за́мков, жила в моих снах.

В реальности ей не место.

— Прошу прощения. От недосыпания ерунду болтаю.

— Ничего страшного, миледи, — отозвался Цирлий. — Но касательно Калидрия…

— Я найду его. Прежде чем исчезнуть, Калидрий

сделал мне подарок. — Из складок платья я извлекла вышитый прямоугольник набора для рукоделия.

Добентон и Цирлий опасливо на него взглянули, не понимая, в чем дело. Я открыла набор и разложила на коленях. Иглы, булавки, наперстки и вышивка были там, где я их оставила.

— Миледи! — снова окликнул меня Добентон.

Я потянулась к кармашку с иглами и вытащила самую маленькую, которую никогда не использовала при шитье:

— Вот что мне подарил Калидрий. — Я подняла иглу повыше, и она замерцала в неровном свете свечей. — На первый взгляд самая заурядная игла, но это не так. На нее Калидрий наложил заклинание кровной связи.

— Я о таком не слышал, — признался Цирлий.

— И я тоже до некоторых пор. Это магическая уловка. Калидрий понимал, что ему нужно исчезнуть, поэтому и спрятался средь бесталанных простолюдинов. Но мудрость подсказывала ему: в один прекрасный день он очень понадобится Королевству. Придет тяжелая пора, когда нас спасет только магия.

— Магия Калидрия едва не расколола наш мир пополам, — напомнил побледневший Добентон.

Я не могла не согласиться. Темная сила Калидрия распахнула врата ада.

— Так, может, его магия спасет наш мир, когда его раскалывает другая сила? Калидрий это предчувствовал. Он далеко не глуп и лучше всех в Королевстве осознавал опасность. Однако он дал мне иглу кровной связи. Она поможет мне его вызвать. Стоит уколоть палец, выдавить капельку крови — и Калидрий услышит мой зов.

— Но как?

— Невидимая игла уколет ему палец и пустит кровь. Калидрий почувствует это, обратит взор на Облачный Дворец и поймет, что нужен мне.

— Вы готовы его вызвать? — спросил Цирлий.

— Других вариантов нет, — проговорил Добентон.

— Секунду назад вы не были так уверены, — напомнила я.

— Лучше дать свободу магии, чем смотреть, как облавы графа Мордекса губят Королевство, — устало пожал плечами Добентон. — Конечно, мы из двух зол выбираем меньшее, но альтернативы я не вижу.

— Потому что ее нет, — подсказала я. — Нам нужен Калидрий.

— Чтобы выдать Мордексу в обмен на фрейли-

ну и безопасность наших деревень? — спросил Цирлий. — Вариантов впрямь нет? А что Реликт, тот нерадивый ученик, паршивая овца? Он ведь у нас под стражей. Реликт нас не выручит?

— Я пообещала Калидрию, что даже в самый недобрый час не обращусь к Реликту. Калидрий не доверял своему ученику. Магический дар Реликта он считал темным и извращенным.

— Калидрий не мог предвидеть наших нынешних бед, — заметил Цирлий.

— Это несущественно. Я не намерена выдавать Калидрия Мордексу. Граф своих обязательств по договору ни за что не выполнит. Уж я его знаю. Одно время нас с ним хотели поженить.

— Миледи, граф Мордекс — ваш сводный брат, — тактично напомнил Добентон.

Замешательство на миг спутало мне мысли. Я не сомневалась: нас с графом хотели поженить, пока закулисная политика не сделала помолвку невозможной. Откуда я могла знать его голос, его манерность и неумение держать слово, если не входила в ближайшее окружение Мордекса на правах будущей супруги?

— Он прилетал ко мне играть… — Я осеклась, почувствовав, сколь нелепы мои слова. — Я помню его корабль, роботов…

— Миледи нужно выспаться, — проговорил Добентон. — До полного изнеможения довела она себя заботами о своем народе.

Цирлий молча смотрел на меня. Я не знала, о чем он думает.

— Калидрий должен вернуться, — увереннее прежнего сказала я. — Не для того, чтобы мы обменяли его на фрейлину, а чтобы использовать магию против Мордекса. Какого чародея им ни выдай, наши враги из Черного Замка могут нарушить свои обещания.

— Истинная правда, — согласился Добентон.

— Я отдаю отчет в том, что говорю, и настроена решительно. Время пришло.

— Решать вам, миледи, — проговорил Цирлий.

— Да, — отозвалась я. — Да будет так во веки веков.

Я уколола палец иглой кровной связи и выдавила чисто-алую каплю. Больно не было. Где-то в Королевстве Калидрий, могущественнейший из чародеев, прочувствовал боль за двоих.

Глава 21

— Ты же неглуп, — сказала Волчник нарочито громко, чтобы слышали все собравшиеся, хотя

она обращалась к пленному. — Опыта тебе не занимать — многое в жизни повидал. Ты прекрасно понимаешь, какую участь я тебе уготовила.

— Так давай к делу, — отозвался Синюшка. — Ты уже надоела мне до смерти.

Допрос проводили на свежем воздухе — на одном из самых больших балконов имирской башни. Синюшку вывели из стазиса. Шаттерлингу Бархатницы повезло меньше — он превратился в кучку пепла, а вот Синюшка уцелел. Как и предполагала Волчник, его стазокамера была в лучшем состоянии, чем три другие. Переход в реальное время он выдержал без проблем и теперь, в прямом и переносном смысле, оказался в руках Горечавок.

Точнее, оказался на несколько минут. Опасаясь, что Синюшка лишит себя жизни или возможности полноценно отвечать на вопросы, Волчник распорядилась поместить его в ограничитель — стойку сложной конструкции, жесткий каркас с прозрачным параллелепипедом из механогеля, — в который Синюшку, теперь раздетого, усадили силой. Ограничитель позволял дышать и общаться, а выбраться из него пленник не мог. Предположение об имплантированном устройстве для самоубийства мы отмели сразу

— Синюшка активировал бы его еще в стазокамере, когда ради допросов уменьшали кратность сжатия времени.

Аппарат для рассечения поставили в центр балкона, подсоединив ограничитель, в котором сидел Синюшка. Над ограничителем повисли вертикальные стеклянные панели, каждая длиной и шириной с жесткую стойку. Расположились они правильным кругом, над каждой — серая перекладина с фланцем и леваторами. Панели могли выполнять элементарные команды Волчник. Все это синтезаторы изготовили по древним чертежам.

Механогель, проникнув Синюшке в легкие, действовал на нервную систему, поставлял воздух и информацию, позволял дышать, двигаться, правда до определенных пределов, и слышать вопросы. Мы видели, как вздымается его грудь, как его глаза следят за Волчник, расхаживающей взад-вперед.

— Трех твоих сообщников я уже убила, — начала она. — Я и тебя убила бы без колебаний, да ситуация изменилась. Погибла наша сестра. Ее уничтожили, потому что она докопалась до важной информации. Поэтому тебя я не убью, то есть пока не убью — сперва выжму все соки, а там,

глядишь, и интерес потеряю. Ты для меня — ничто, лишь хранилище известных тебе сведений. Их я из тебя выбью, если не сразу, то постепенно.

— Делай что хочешь — ничего у тебя не получится.

— Опустить панель! — скомандовала Волчник, глянув в сторону.

Одна панель тотчас отделилась от группы и опустилась до самого ограничителя. На миг она замерла в этом положении, потом по команде Волчник двинулась дальше — пробила невидимое стекло и, словно острый нож, прорезала механогель. Саму панель мы почти не видели, только бледный опускающийся край.

— Ты почувствуешь, как тебя пронзает, — пообещала Волчник пленному. — По-настоящему больно не будет — нервные окончания восстанавливаются сразу после повреждения. Зато неприятные ощущения гарантирую — сквозь тебя словно холодный фронт пройдет, да еще с острыми краями. Когда панель опустится, у тебя не останется сомнений, что часть тебя с одной стороны от нее, часть — с другой.

Панель двинулась Синюшке сквозь череп: лицо осталось с одной стороны, затылок и уши — с другой. Ползла она медленно, примерно на

один сантиметр в секунду, но не плавно, а будто периодически сталкивалась с биоструктурами поплотнее и посложнее.

Я знал, что толщина устройства не превышает микрона, но Синюшку оно рассекало не хуже металлической гильотины. Тот не умер, более того, продолжал мыслить, хотя его мозг разрезали пополам. Стекло практически не нарушало основные биофункции — они выполнялись сквозь него, будто сохранилась целостность мозга. Наверное, не много биоматериала проникало сквозь стекло в целом виде, — скорее, он распадался на атомы или простые молекулы, поглощался подвижной самоадаптирующейся матрицей и восстанавливался по другую сторону от него в соответствии с нарушенными циркуляторными паттернами. То же самое касалось электрических и химических сигналов, связанных с синаптической функцией.

Панель проре́зала голову и двинулась дальше, к плечам и верхней части груди. Синюшку слегка перекосило, хотя это можно было списать на плывущие над балконом облака и игру светотени. Механогель позволял ему напрягать мышцы ровно настолько, чтобы на лице отразилось волнение или страх от происходящего с ним. Даже

реши он сейчас заговорить, для Волчник мало что изменилось бы.

С благоговейным ужасом я наблюдал за рассечением до самого конца. Панель коснулась нижнего ограничителя и замерла. Бледные края мы больше не видели, и казалось, что Синюшка цел. Разумеется, только казалось. Один жест Волчник, и он распался на половины — переднюю и заднюю. Половины отогнулись в разные стороны, и Синюшка раскрылся для нашего обозрения, словно богато иллюстрированная книга. Похоже, панель раскололась на две тонкие пластины, каждая из которых удерживала красно-бело-багрово-розовый слой костей, плоти и сухожилий. Видимые части ничем не отличались, повторяя друг друга в зеркальном отражении. Но зеркало было живым — Синюшка еще дышал. За стеклом просматривались вздымающаяся грудь, очертания плевральной полости, работающее сердце, напоминающее бутон, который раскрывался и закрывался, как при ускоренной съемке.

Рассеченное тело мы разглядывали еще минуту, потом Волчник развернула переднюю половину на сто восемьдесят градусов — теперь Синюшка смотрел на свою заднюю половину.

— Это ты, — проговорила мучительница, пока-

зывая на красно-бело-багрово-розовый слой за прозрачной панелью — чем не анатомическая таблица? — Это не проекция, а ты, рассеченный посредине и зафиксированный стеклом. Принципиально важно, чтобы ты понимал суть происходящего. Если понимаешь, кивни — механогель позволит сделать это движение.

Думаю, Синюшка не мог не кивнуть или его заставило кивнуть устройство, к которому его привязали. Передняя часть шевельнула головой, задняя повторила это движение без ощутимой задержки. В итоге задняя половина наклонилась вперед, к стеклу, и мы увидели безостановочно шевелящийся мозг в поперечном разрезе.

— Это последнее сознательное движение в твоей жизни, — сказала Волчник. — Ты будешь дышать, кровь будет циркулировать по телу, но шевелиться ты не сможешь. Разумеется, предложение ответить на вопросы еще в силе — мне нужно лишь твое согласие. — Волчник повернулась к нам и, явно играя на публику, добавила: — Рассечение продолжится, пока ты не превратишься в сотню тонких слоев, разделенных стеклом. Уверяю, я готова на такое. Ты можешь остановить меня в любой момент, если внятно ответишь на наши вопросы.

— Сказать мне нечего, — отозвался Синюшка; голос у него не изменился, что удивляло, ведь говорила только половина.

Волчник кивнула, словно ждала именно такого ответа.

— Останови ты меня сейчас, я расстроилась бы, — проговорила она.

Еще две панели отделились от группы и зависли над половинами Синюшки, параллельно первому сечению.

Раз! — и Волчник снова разрезала пленного, потом еще и еще. Число истончающихся слоев увеличивалось в геометрической прогрессии.

Я встал, чтобы уйти. Думал, что решился на такое одним из первых, но увидел, что Портулак меня опередила.

Когда объявили, что мозг Минуарции просканирован, ее тело вынесли на парящую платформу, которую слегка наклонили вперед, чтобы все убедились, что наша сестра погибла, и увидели ее раны. Тело почти не изменилось с тех пор, как мы его нашли, только поза стала другой — теперь казалось, что Минуарция отдыхает. Под простыней угадывались очертания ее конечностей — руки положили вдоль тела, ноги выпрямили, торчавшие кости вправили, раны очистили от

крови. Лица у несчастной почти не осталось, но, судя по наклону головы, Минуарция выжидающе смотрела в вечернее небо. В сопровождении четырех шаттерлингов платформа остановилась у похожей на стол глыбы и медленно опустилась на нее. Остальные встали полукругом, подняли факелы и неспешно приблизились. Нас было не пятьдесят один, а только пятьдесят: одного — сегодня настал черед Клевера — отправили в патруль. А вот факелов было пятьдесят один, по одному на каждого выжившего плюс один запасной, который передавался из рук в руки в знак уважения отсутствующего.

Приглашенные на похороны — шаттерлинги других Линий, наши гости, высокопоставленные лица из Имира и других городов Невмы — стояли в почтительном отдалении, выстроившись на круглом постаменте. Они явились в трауре, мы тоже оделись соответствующе — во все черное с черными же вышитыми цветами в качестве единственных знаков различия, которые совершенно не бросались в глаза. Портулак зачесала волосы назад и заколола простой заколкой-цветком. Как и другие сестры, она пришла без макияжа и украшений. Было холодно, но мы запретили одежде нас греть и поддерживать

факелы. Мой факел оттягивал руку — чем дольше он светил, тем тяжелее казался.

Я не удивился, что говорить вызвался Чистец, и в кои веки не упрекал его за желание высунуться. Минуарцию я знал не хуже остальных, хотя близким другом ей не был — те погибли в бойне, я же в лучшем случае считался хорошим знакомым. Чувствуя некую связь с Минуарцией, я верил, что порой понимал ее, как никто другой. Только не хотелось обижать Портулак, рассуждая о своих чувствах к погибшей. Между нами не было ничего, кроме тени шанса, а сейчас не стало и ее. К тому же традиции Линии я знаю не так хорошо. Мы с Портулак правильно объяснили роботам: похороны, подобные нынешним, чрезвычайно редки. Обычно нет ни тела, ни исчерпывающих доказательств гибели шаттерлинга.

Речь Чистеца была недолгой. Он подчеркнул, что гибель Минуарции бросает тень на остатки Линии, что обстоятельства гибели выясняются и могут привести к неприятным разоблачениям, но это не мешает ее помянуть. Минуарция многое повидала. Не счесть славных поступков, которые она совершила, и жизней, в которых оставила след. Нити воспоминаний она несла шесть миллионов лет. Ее любили, ею восхищались, ей

завидовали. Чистец назвал с десяток важнейших вех в жизни Минуарции, не забыв и события далекого прошлого.

Как ни старался я возмутиться словами Чистеца, к своему вящему неудовольствию, ничего возмутительного в них не обнаружил. Позднее, когда на небе показали самые яркие моменты жизни Минуарции, я вспомнил его выступление и признался себе, что ничего не изменил бы и не добавил. Рассказ Чистеца получился как хайку — четким, ясным, отточенным, говорил он искренне, с уважением и любовью, о которой сам упоминал. Меня откровенно бесило, что Чистец стал командовать Линией, но, слушая его поминальную речь, я окончательно убедился: он не убийца.

После выступления Чистец стянул простыню с Минуарции, открыв ее страшные раны. Наша сестра лежала обнаженной, лишь на пальцах остались кольца. Содрогнулись все, даже те, кто уже видел ее тело после падения. Чистец отдал свой факел стоявшему рядом Церве, вытащил из кармана большой черный тюбик механогеля, выдавил немного на ладонь и помазал Минуарции руку — то место, где после падения торчали кости, прорвавшие кожу. Потом он отступил,

передал тюбик Церве и забрал у него оба факела. Церва нанес механогель на помятый лоб и передал тюбик Горчице, который смазал блестящей массой живот Минуарции. Так продолжалось, пока к тюбику не приложились все присутствующие. Не знаю, как я оказался последним — либо случайно, либо шаттерлинги сообща решили доверить финальный аккорд мне. К тому времени несмазанным у Минуарции осталось лишь искореженное лицо. Нанося гель, я невольно коснулся жестких неровностей — из-под кожи выпирали хрящи и кости. Рыдать я себе запретил, и меня аж трясло от напряжения. Я отступил, забрал у Портулак свой факел, а руки все дрожали. Круг расширился, шаттерлинги на пару шагов отошли от неподвижного тела.

Когда я нанес свой мазок, механогель уже начал действовать. Он впитывался в тело Минуарции, залечивал раны. Раз! — и руке вернулась естественная форма, пальцы задрожали, словно Минуарция спала. Рана стала закрываться и там, где кости прорвали кожу. Вмятина на лбу разгладилась, разбитый нос выпрямился. Механогель не возвращал Минуарцию к жизни — для этого было слишком поздно. Хотя иллюзию жизни он создать мог — реанимировать труп, восстано-

вить клетки, перезапустить их метаболический цикл. Покойница села бы, улыбнулась, начала бы ходить, говорить, смеяться. Только глаза ее не светились бы разумом, по крайней мере разумом Минуарции.

Пока механогель действовал и искореженный труп уподоблялся телу спящей женщины, над Имиром собралась наша эскадрилья. Корабли не кружили по орбите, а застыли за ионосферой Невмы, аккурат над местом похорон. Солнце уже село, но они были так высоко, что лучи касались корпусов, превратив эскадрилью в созвездие месяцев с ослепительно-ярким серебряным, золотым или алым контуром. Корабли выстроились квадратом, заняв тысячи километров космического пространства, активировали защитное поле и направили его вниз, в ионосферу, входящую в магнитосферу Невмы. Они мяли, загибали, растягивали силовую линию поля магнитосферы и окрашивали небо в пастельные тона. От горизонта к горизонту побежали светло-зеленые и нежно-розовые волны. Цвета усилились, почти скрыв из виду корабли, которые стали незаметными, беззвучными кукловодами. Они выпускали в атмосферу ионы, и те раскрашивали цветовые полотнища. Полотнища вспыхивали,

мерцали, переплетались, кружились быстрее и быстрее, наполняясь новыми красками, пока не появились очертания, которые быстро переросли в картины: перед нами мелькали эпизоды из нитей Минуарции, набранные из архива ее корабля. Нам показывали поля, города, планеты, спутники — то, что доводится повидать каждому шаттерлингу. Самой Минуарции на картинах почти не было, от этого ее редкие появления воспринимались еще болезненнее. Она стояла спиной к нам, всегда вдали, на скале или высоком здании. Одна рука на поясе, другая заслоняет глаза от солнца — Минуарция упивалась бескрайним миром и жизнью человека, невероятно удачливой обезьяны. Голубовато-белые, как хвост кометы, волосы струились по плечам, словно их ласково колыхал солнечный ветер.

Пока мы смотрели подборку картин-эпизодов, которые корабли вывели на небо, механогель восстанавливал тело. Наконец блестящая оболочка закончила работу и соскользнула, ожидая новых заданий. Теперь позолоченная светом наших факелов Минуарция выглядела невредимой. Лицо дышало безмятежностью. Глаза были закрыты, но, казалось, один громкий возглас или смешок — и она стряхнет дрему.

Платформа оторвалась от каменной глыбы. Сперва она поднималась медленно — до уровня глаз ползла целую минуту, потом быстрее и быстрее. Факел до сих пор казался тяжелым, а тут словно таять начал. В какой-то миг он стал невесомым, а секундой позже рвался у меня из рук, точно его тянула невидимая нить. Другие шаттерлинги вцепились в свои факелы, чтобы не выпустить раньше времени.

— Отпускаем! — негромко скомандовал Чистец, и мы разом разжали пальцы.

Момент он выбрал бесподобно — факелы взмыли в небо огненным кольцом, которое не распалось, пока они не поравнялись с платформой. У всех шаттерлингов от напряжения болели руки. Мы вместе смотрели, как прямоугольник платформы тает в вышине и превращается в огненную точку.

До космоса Минуарция долетит не скоро. Нам же осталось пересматривать картины ее жизни и размышлять о том, сколько она для нас значила. Я чувствовал солидарность с каждым присутствующим, даже с Чистецом, даже с Волчник, даже с теми, кого считал ответственным за наказание Портулак. Однако я не сомневался: среди нас есть некто, кому не жаль Минуарцию. В каждом

скорбном лице я искал фальшь, злорадное удовлетворение тем, что Минуарция устранена, но видел лишь искреннее горе.

Сегодня мы не просто прощались с сестрой. Ее похороны открыли в наших сердцах невидимую дверь, которую мы прежде не отпирали. Сегодня мы впервые оплакивали более восьмисот шаттерлингов, погибших в бойне. Настанет время — и каждому воздадут почести, как велят традиции, каждому соорудят памятник, но скорбеть можно и сейчас. Необычные похороны подействовали — я четче прежнего осознал, что сотворили с нашей Линией, впервые оценил истинный масштаб преступления и… содрогнулся от леденящего ужаса.

Наконец Минуарция долетела до космоса, соскользнула с платформы и начала падать в атмосферу Невмы. На наших глазах она прочертила в небе чудесную огненную линию. Сперва тонкая, линия обернулась нежно-голубой лентой, вспыхнула так, что мы зажмурились, медленно побледнела и рассыпалась на блекнущие красные стрелы. Атом за атомом таяло тело Минуарции, ее опыт, все, чем она была и могла быть, пока от нее не остался лишь образ в нашей памяти.

Корабли еще долго проигрывали эпизоды жизни Минуарции, но вот погасли и они. Магнито-

сфера Невмы обрела нормальную конфигурацию, а потемневшие корабли вернулись на орбиту. Шаттерлинги других Линий, наши гости и имирийцы стали расходиться, дрожа, хотя одежда наконец начала греть.

Похороны завершились. Мы проводили Минуарцию с почестями. Линии Горечавки следовало жить дальше.

Тем же вечером, когда Портулак легла спать, я стоял на балконе, вспоминал, как на небе проигрывались картины жизни Минуарции, выстраивал их в логической последовательности и гадал, что сказала бы она сама, если бы увидела это зрелище. Потом во мраке я почувствовал присутствие кого-то тяжелого, неуклюжего и услышал шорох, словно ковер терся о камни. Я огляделся, держа в руке пустой винный бокал. Полупьяный, я затерялся у размытой границы между ностальгией и черной трясиной меланхолии.

Это был Угарит-Пант, слоноподобный сверхчеловек, с которым я разговаривал вскоре после прибытия на Невму.

— Добрый вечер, господин посол! — Я приветственно поднял бокал. — Как вам наша церемония?

Угарит-Пант был в паре метров от моего балкона, но хоботом мог запросто хлестнуть меня по лицу.

— Получилось очень трогательно, — ответил он; под длинным, сморщенным, мерзкого вида отростком шевелились вполне человеческие губы.

— Минуарция была одной из лучших Горечавок. Я буду очень по ней скучать.

— Так же, как скучали бы по своей цивилизации, если бы она исчезла?

У посла едва получалось смотреть прямо на меня: глаза у него не спереди, а по бокам. Чтобы равномерно нагрузить оба полушария, ему приходилось коситься, поворачиваться ко мне то одним глазом, то другим.

Я попытался стряхнуть алкогольный туман.

— Иные личности для меня важнее целой Линии Горечавки. Если я прежде этого не понимал, то сейчас понял.

— Как не понять, если твоя Линия на грани вымирания!

Тон посла сильно меня задел. Я отступил от края балкона, вспоминая долгое падение тела Минуарции. Посол по особым поручениям Содружества Тысячи Миров не из мелких, он весит раз в двадцать больше меня, даже без учета тяжелых

на вид доспехов и металлических украшений. Я под мухой становлюсь неловким, а о том, что в подобном состоянии натворит посол, и думать не хотелось. Я стал гадать, рассчитаны ли балконы имирийцев на такие крупные особи.

— Вымирание — это всегда страшно, — проговорил я с приторно-сочувственной улыбкой.

— Вот именно. — Угарит-Пант приблизился на шаг, точнее, на четыре, по одному каждой ножищей толщиной с дерево. Его зловонное дыхание обожгло мне лицо, словно открыли заслонку печи, полной гнилых фруктов. — Шаттерлинг, ты чуть не прокололся. А сам небось решил, что обошлось.

— Когда это?

— При нашей первой встрече. Ты мне посочувствовал.

— Неужели?

— Ты пожалел мою цивилизацию, уничтоженную аварией на звездамбе.

— Я ошибся — думал о Пантропической Цепи, совершенно другой цивилизации. Я даже спиральные рукава спутал!

— Ну конечно! Твоя ошибка сильно меня удивила. Ты говорил так уверенно, соболезновал так искренне, что я потерял покой.

Я огляделся по сторонам, отчаянно надеясь, что меня спасут:

— Да я ошибся.

— Не усугубляй свою ошибку ложью. В тот вечер я обратился к космотекам Линии Горечавки. Почему-то гостевой доступ был временно заблокирован. Наутро мне все объяснили: мол, к системе подключают новую группу выживших, вот и возникли проблемы с настройками безопасности.

— Ну, тогда не о чем беспокоиться.

— Это по-твоему, а я при первой же возможности проверил снова. И разыскал статью о своей цивилизации, Содружестве Тысячи Миров. В ней впрямь упоминалась звездамба, о которой мне прекрасно известно. Ее построили Горечавки. К моему облегчению, об аварии на ней в космотеке не упоминалось.

— Вот и славно, — отозвался я, старательно показывая, что хочу сменить тему.

— Меня грызли сомнения. Не в силах успокоиться, я разыскал статью о Пантропической Цепи. В жизни не слышал о такой цивилизации, а тут нашел вместе с сообщением, что ее уничтожило крушение звездамбы Горечавок. — Посол сильно наморщил широкий серый лоб — бреши между

бронепластинами позволяли это разглядеть.

— Это единственная наша неудача.

— Ты уверен?

— В этом вопросе Горечавки не допускают небрежности. Линия гордится своим мастерством, а звездамбы — его воплощение. Даже с поправкой на ту единственную аварию мы спасли миллионы жизней, только… Только от этого не легче. Ничуть не легче.

— Шаттерлинг, я рад, что ты так рассуждаешь. Но видишь ли, мои тревоги не улеглись. В голове мелькнуло: вдруг звездамба Содружества таки рухнула? Линия Горечавки поторопилась бы мне об этом сообщить?

— Мы не стали бы лгать. Рухни та звездамба, мы взяли бы на себя ответственность.

— А как насчет лжи во спасение? Вдруг Линия Горечавки в первую очередь беспокоилась о моем душевном здравии? Вдруг вы посчитали, что я не вынесу правды? Ну, что я теперь один во Вселенной, что стал последним представителем Содружества? Вдруг вы решили, что правда меня убьет? Разве тогда вы не солгали бы?

— Но Пантропическая Цепь…

Посол презрительно махнул хоботом:

— Это ложь, экспромт, сочиненный, чтобы при-

крыть досадную оплошность.

— А космотеки?

— Насколько мне известно, данные космотек отредактировали, чтобы скрыть от меня правду. Я ведь обращался только к местным источникам: космотеки у вас на кораблях могли бы сообщить мне совершенно иное. Только иное было не для моих глаз. Мне следовало поверить вашей информации — не бросать же тень на честность Горечавок!

— Тут, пожалуй, вы правы.

— Но при желании всегда найдешь лазейку. Снедаемый томлением, я кое-что вспомнил. Для вас, шаттерлингов, очень важен Всеобщий актуарий. Вы и циклы свои планируете, и маршруты составляете с учетом информации порой тысячелетней давности.

— Либо так, либо монетки подкидывать.

— По мне, монетки перспективнее. Видишь ли, я уговорил одного из ваших открыть мне доступ к Всеобщему актуарию.

Кровь у меня в жилах похолодела до температуры сверхтекучего гелия.

— Кто же это был?!

— Ну, не ругай его! Калган понятия не имел, чего я добиваюсь. Я беседовал с ним, как и с дру-

гими шаттерлингами, незаметно свел разговор к Всеобщему актуарию и изобразил интерес. Другие мое любопытство не поощряли, а вот Калган оказался на диво отзывчив. Думаю, ему польстило внимание.

— Идиот! — в сердцах пробормотал я.

— Вообще-то, вины Калгана тут нет. Убеждать я умею, а откуда ему знать про мои скрытые мотивы? Я заявил, что интересуюсь самим Актуарием, не уточнив, что ищу информацию о Содружестве. А ты догадался бы? Данные Актуария под космотеки не подогнали. Ни один из вас не подумал, что я так основательно разворошу ваши секреты.

Я тяжело вздохнул, хотя, если честно, на душе полегчало.

— Как по-вашему, господин посол, стоит дальше ломать комедию?

— Конечно нет.

— Не знаю, утешит ли вас, но мое сочувствие было искренним.

— Я в этом не сомневался.

— Меня не проинструктировали. Наверное, тут Чистец виноват: не предупредил, что отдельные темы под строгим запретом. Хотя, думаю, он врал вам так долго, что привык. — Я пожал плечами. — Или сам я виноват — болтаю лишнее, суюсь куда

не следует. Однако уверяю вас: в первую очередь Линия заботилась о вашем спокойствии, а не оправдывала свою ошибку.

— Уничтожение целой цивилизации — ошибка?

— Мы спасли сотни цивилизаций, — парировал я. — Понимаю, звучит жестоко, но такая позиция единственно верная. Трагедию это не уменьшает, и вы имеете полное право злиться…

— «Злиться» — очень мягко сказано. Я думал, у тебя, шаттерлинг, достаточно здравого смысла, чтобы это осознавать.

— Господин посол…

— Я надеюсь, все вы понимаете, что лгать мне больше не нужно.

Посол развернулся, шлепая плоскими ступнями, дряблая кожа под броней висела отвратительными складками. Угарит-Пант ушел к себе в апартаменты. Я посмотрел ему вслед, а потом в поисках утешения взглянул на пустой бокал.

— Ты воплощение такта и дипломатичности, — сказал я себе. — Запиши на свой счет очередной блистательный успех.

Той ночью мне снова приснилась Минуарция. Во сне я был в комнате для сканирования, лежал на кушетке, а Минуарция выдавила себе на ла-

донь механогель и сделала из него сетку. Только вместо того, чтобы держать ладонь у меня над головой и сканировать мои воспоминания, Минуарция пригладила мне волосы и наклонилась так низко, словно хотела поцеловать в щеку.

«Я всегда тебе нравилась, — зашептала она мне на ухо. — А ты всегда нравился мне. Сейчас я прошу тебя об услуге. Будь внимателен и осторожен».

Тут я проснулся.

Наутро я перехватил Калгана, пока он не сел завтракать. Когда я потянул его за рукав, он взглянул на меня с таким видом, словно ожидал утренний поцелуй возлюбленной. Секундой позже от его оптимизма не осталось и следа.

— Ты идиот! — процедил я, глядя ему в здоровый глаз.

— Не рановато для оскорблений? — спросил Калган, растерянно хлопая веками. — Выкладывай скорее, потому что мне сегодня в патруль, — выпью кофе и поднимусь на «Полуночную королеву».

Я утащил его подальше от остальных:

— Вчера вечером я классно поболтал с Угарит-Пантом. Ну, ты знаешь, с послом, который не должен знать, что его цивилизация уничтожена.

— А, с этим…

— Похоже, ты позволил ему покопаться во Всеобщем актуарии.

— Посол хотел понять, как он работает. Разобраться в социометрических моделях, в статистических методах и так далее. Все абсолютно безобидно.

— На самом деле Угарит-Пант разыскал данные о Содружестве Тысячи Миров.

— И что? — Калан провел пальцами по жестким белым волосам.

— Данные не отредактировали, вот что! Они не соответствуют местным космотекам. Теперь послу доподлинно известно о случившемся. Вероятность существования Содружества в будущем Актуарий оценил в ноль процентов, потому что его уже не существует.

Калган беззвучно выругался — до него дошло, что́ он натворил. Он глянул в сторону стола — шаттерлинги занимали места. После вчерашних похорон все были в черном. По традиции Линии черными были даже фрукты, выпечка и напитки.

— Кто еще в курсе?

— Понятия не имею. С послом мы разговаривали тет-а-тет. Утром я поделился с Портулак, но

она болтать не станет. А вот с кем еще общался Угарит-Пант, я не знаю.

— Нужно с ним потолковать.

— С Чистецом или со слоном?

— Не знаю. Наверное, с обоими. Вот дерьмо!

— В самом деле, дерьмо.

— Слушай, Лихнис, у тебя самого рыльце в пушку. Все шло гладко, пока ты не посочувствовал несчастному уродцу.

— Меня не предупредили. Считай меня дураком, но не сумел я расшифровать мысленные сигналы, которые посылали вы с Чистецом во главе. — Калган мертвенно побледнел, и я смягчился. — Стучать на тебя я не стану. Ошибка непреднамеренная, каждый мог так облажаться.

— Да я просто не сориентировался. Думал, что Актуарий синхронизирован с космотеками. Конечно, нужно было сперва проверить, но… вот дерьмо! Как тебе Угарит-Пант? Он сильно нервничал?

— По-моему, он больше раздосадован.

— Нельзя, чтобы он совершил самоубийство при нас. Не знаю, говорил ли тебе Чистец, но сородичи посла любили носить в себе бомбы. Если Угарит-Пант здесь взорвется…

— Не взорвется, он вполне адекватен.

— Но неизвестно, как на него подействует новость. Где он сейчас?

— Даже не представляю. — Я прижал палец ко лбу и якобы рассеянно добавил: — Эх, в буйстве эмоций не прикрепил к нему маячок.

— Кому-то нужно поговорить с Чистецом. — Страх на лице Калгана перерос в ужас. — Лихнис, я не могу! Чистец скажет… Ну почему я? При чем тут я? Теперь меня накажут. Нет, хуже.

— Можно определить, что твоим Актуарием пользовались?

— По-моему, нет. Если только мы с послом не признаемся.

— Тогда с Чистецом потолкую я. Когда и так в опале, вряд ли сделаешь себе хуже.

Калган, похоже, не поверил в мою искренность:

— И что ты скажешь?

— Что посол, с его же слов, сам догадался. Ни об Актуарии, ни о тебе не заикнусь.

— Вдруг Чистец разыщет посла и Угарит-Пант сам ему разболтает?

— Боюсь, тут я бессилен. Но даже если такое случится, полагаю, тебе бояться нечего. Ты совершил глупость, но сглупил непреднамеренно.

— Да, конечно. — Калган слегка порозовел. —

Спасибо, Лихнис. Ты прав, я идиот. Головой надо было думать, но клятый слон умеет убеждать.

— Наверное, раз мы здесь стоим, господин посол не намерен себя взрывать, по крайней мере сегодня.

— Понимаю, ты хочешь приободрить меня, только…

— Пошли, нас завтрак ждет! — Я похлопал Калгана по спине. — Вид у еды что надо.

— Мне очень жаль Минуарцию.

Тотчас вспомнился сон и шепот: «Будь внимателен и осторожен».

— Нам всем ее жаль.

Я так и не сел за стол рядом с Портулак (она разговаривала с Горчицей) — меня задержал имирский чиновник.

— Лихнис? — осведомилось миниатюрное создание.

— Да, — отозвался я.

— Прошу прощения, шаттерлинг, но вас ожидают в кабинете магистрата Джиндабин.

Портулак, увидев, что происходит, встала из-за стола и стряхнула черные крошки с черной блузки.

— Есть новости?

— Не могу сказать, — ответил имириец. — Я

просто должен проводить вас к магистрату.

Глава 22

В кабинете Джиндабин мы застали мистера Джинкса. Магистрат и ученый сидели за столом друг напротив друга и поочередно прикладывались к мундштуку фырчащего чайничка с трубками и клапанами.

— Кое-что случилось, — сообщила нам Джиндабин. Мистер Джинкс протянул ей мундштук, и она сунула его в рот, даже не протерев. — Похоже, ваша трогательная похоронная церемония дала неожиданный результат. Мы обычно не позволяем творить такое с атмосферой.

— Нам разрешили, — заявила я, готовая ощетиниться.

Джиндабин примирительно подняла руку:

— Я не оспариваю. Знай мы о масштабах планируемой церемонии, вероятно, воспротивились бы, но факт остается фактом — мы дали вам зеленый свет.

— Возникли проблемы? — спросил Лихнис.

— Трудно сказать, — вступил Джинкс. — Похоже, вы подвигли Фантома на ответ. Он проявляет активность, особенно у платформы, как правило,

в дневные часы. Сегодня появился ночью. Для нас это проблема. Мы не любим, когда Фантома тревожат, беспокоят, выводят из себя. Целые цивилизации гибли, попав к нему в немилость. Мы не хотим пополнить их число.

— Что случилось? — спросила я.

— Вчера, после окончания погребальной церемонии, Фантом приблизился к платформе, которую мы позволили вам посетить с раненым роботом, — начала магистрат. — Разумеется, мы отслеживали его перемещения и не удивились присутствию в том секторе, но не ожидали, что Фантом подлетит к самой башне, и еще меньше — что он остановится.

— Геспер вернулся! Пожалуйста, скажите, что Геспер вернулся!

— Так что? — присоединился Лихнис.

Магистрат приложилась к мундштуку.

— В ходе наблюдений на платформе обнаружен золотой объект, по форме напоминающий человека. Вчера его не было.

— Нам срочно нужно туда, — сказала я Лихнису.

— Сперва нужно попросить разрешение, — напомнил он.

— Я даю его вам, — проговорила магистрат. —

Иначе зачем было вас вызывать? Однако Фантом неподалеку. Робота нужно забрать немедленно. Если не управитесь в течение ближайшего часа, его останки станут собственностью научного совета.

— Они принадлежат машинному народу, — заявила я.

— Уже нет. Робот перестал быть представителем машинного народа, как только Фантом его разобрал. Объект на смотровой платформе — артефакт Фантома и лишь внешне напоминает робота, которого вы знали. Очень сомневаюсь, что хоть один его атом остался в первозданном виде.

— По-моему, пререкаться не стоит, — прервал ее Лихнис.

— Вам точно не стоит, — парировала магистрат. — Идите и заберите останки. Делайте с ними что хотите. Поручаю вам сообщить эту новость другим роботам. И… не интересуйтесь больше Фантомом. Никогда.

— Не будем, — пообещала я.

— Когда вы говорите «останки», что…

— Я говорю как есть. Судя по наблюдениям, робот выглядит почти так же, как в день, когда вы его оставили. Он больше не слит с куском

корпуса, но других изменений к лучшему нет. Ваш план, увы, провалился.

Пять минут спустя мы с Лихнисом летели на флайере, пустив его во всю прыть. Разговор не клеился — мы обрадовались, что Геспер вернулся, но тотчас сникли, услышав о его состоянии. Камеры слежения не обнаружили признаков жизни у золотой фигуры, которая после ухода Фантома ни разу не шевельнулась. Под нами проносились дюны, и я поняла, что меньше всего ожидала такого результата — что Геспера вернут невосстановленным. Я допускала, что Фантом починит его, что превратит в нечто странное, что вообще не вернет. Что Геспера разберут, на несколько дней втянут в облачный разум, а потом изрыгнут в прежнем состоянии — казалось бессмысленным. Увы, факты не изменить, от золотой фигуры на постаменте не отмахнуться.

— Может, ему нужно время, чтобы восстановиться? — предположил Лихнис. — Как больному после операции на планете, где еще режут людей ножами и лазерами.

— Спасибо, что стараешься меня подбодрить. Но лучше не обнадеживай впустую.

— Я лишь к тому, что о Гесперe мы знаем не так много. Исключать нельзя ничего. Фантом не

просто так его вернул.

— Фантом поиграл с Геспером, разобрал забавы ради, понял, как он работает, и, наигравшись, вернул.

— Не починив?

— Мы же не знаем, что думает Фантом. Вдруг, в отличие от нас, он не считает, что Гесперу нужна помощь.

Вскоре мы подлетели к башне и, когда пошли на посадку, четко рассмотрели Геспера. Он лежал на спине и не шевельнулся, даже когда над ним пролетел флайер. В глаза бросалось одно-единственное изменение — отсутствие оплавленной массы с включением обломков «Вечернего». Фантом явно понял, что бесформенному куску на Геспере не место, восстановил расплавленные части тела робота, но последний шаг не сделал — к жизни его не вернул.

Мы сели на платформу и вышли из флайера. Лихнис достал из багажника леваторы и, пока мы шли к постаменту, толкал их перед собой по воздуху.

Я опустилась на колени перед Геспером и провела ладонью по золотым выпуклостям его груди.

— Ни следа повреждения, — проговорила я тихо, словно боясь потревожить спящего. — На

теле ни единого изъяна, даже руки теперь одной толщины. Вряд ли у него осталась органическая ткань.

— Фантом столько сделал для Геспера, так почему не оживил?

— Огоньки до сих пор кружатся, значит какая-то активность сохраняется.

— Но не интенсивнее, чем до встречи с Фантомом.

— Я думала, все будет не так. Думала, если Геспер вернется, то целым и невредимым.

Лихнис прикрепил леваторы и поднял робота над платформой. Тот не шевельнулся, застывшие конечности даже без опоры лежали неестественно ровно. Казалось, перед нами золотой монолит.

Я взглянула на горизонт, не увидела ничего и разозлилась, словно меня подвели, словно Фантом Воздуха нарушил соглашение.

— Нам пора, — проговорил Лихнис, и я отвернулась, чтобы он не видел мох слез.

Глава 23

Двести пятьдесят шесть слоев лежали на полу квадратом-мозаикой стороной в шестнадцать

плиток. Волчник разместила их по мудреной схеме, а на первый взгляд казалось — как попало. Суть принципа заключалась в том, что если слои соседствовали на плитках, то не соседствовали на теле Синюшки. В итоге получилось, что одна содержала слой тела целиком, а соседняя — отдельные куски. Плитки светились изнутри — в каждой еще теплилась жизнь. Под тонким стеклом масляными ручейками текли физиологические жидкости. Легкие Синюшки сдувались и раздувались — каждое ритмичное движение эхом отдавалось на многих плитках, разделенных каменными дорожками так, что получилась решетка. Больше всего зрелище напоминало классический сад с прудом, на темной поверхности которого пульсировали странного вида кувшинки. Когда мы пришли, Волчник расхаживала по дорожке, покачивая пистолетом. Допрос уже начался: Синюшке в бессчетный раз задавались одни и те же вопросы.

— У меня времени много, — проговорила Волчник, — а у тебя оно тает с каждым часом. В стрельбе я могу упражняться, пока нервная система у тебя не станет как у рака. — Она подняла пистолет, отрегулировала интенсивность луча и прицелилась в плитку справа от себя. — Ну

как, Синюшка, есть разница? Чувствуешь, что я ускоряюсь? Мысли путаются? Небось с трудом вспоминаешь, как и почему оказался у нас в плену? — Свободной рукой Волчник заслонила глаза от света, спустила курок энергетического пистолета и направила малиновый луч на плитку. Целилась она Синюшке в голову. Плитка не раскололась, но в тонком слое мозга появилась аккуратная дырка, а вокруг нее — темное кольцо опаленной ткани. — Так есть разница? Ты не почувствовал, но я только что уничтожила несколько миллиардов твоих мозговых клеток. У тебя их еще сотни миллиардов, но ты же прекрасно понимаешь, что запас не бесконечен. Стекло проложит проводящие пути вокруг раны, но воспоминания, которые ты сейчас потерял, не восстановит. Самое обидное, ты и не вспомнишь, что потерял их. Почувствуешь лишь непривычную пустоту, будто в комнате, из которой убрали мебель.

— Я сказал тебе все, что знаю, — прогудел Синюшка.

— Я тебе не верю.

— Думаешь, мне сказали хоть одно лишнее слово? Сообщили необходимый для операции минимум — и точка.

— Точка, если ты сам не потребовал объяснений, а это возможно, по крайней мере теоретически. Пока я не разобралась со структурой и величиной Дома Солнц, такую возможность исключать нельзя. — Волчник перескочила к плитке в шести рядах справа от предыдущей. — Зачинщик ты или нет, я не верю, что ты рассказал мне все. — Она прицелилась и выстрелила Синюшке в живот. На сей раз он вскрикнул. Слои-части мозаики закорчились под стеклянным заслоном. — Ага, — одобрительно кивнула мучительница, — здесь хороший пучок нервов. Было по-настоящему больно. До сих пор болит?

— Она переступила черту, — шепнул я Портулак.

— Тоже мне новость!

Я высмотрел среди зрителей Аконита, Мауна и других шаттерлингов, которым следовало присматривать за Волчник. Одетые в траур, они напоминали черную стаю. Чистец сидел в паре рядов от них, рядом с Горчицей.

— Жди здесь, — шепнул я.

— Опять на рожон лезешь?

— Мне запретили появляться в зале для допросов, а мы сейчас не там.

Пока Волчник мучила Синюшку, я двинулся

к Аконитy и другим. Уже на полпути я снова услышал треск энергетического разряда. Крика не было, значит уничтожению подверглась очередная группа нервных клеток.

— Лихнис, садись, братан! — Аконит похлопал по свободному месту рядом с собой. — Здóрово Волчник отжигает.

— Здóрово. Для ненормальной.

— Ну… без страсти никуда. А ты другого ожидал?

— Она трех пленных вылущила. А на Синюшке к концу дня живого места не останется. Его вообще не останется.

— Синюшка в курсе. Не думаешь, что он вот-вот расколется?

— Скорее, он вот-вот потеряет речевой центр.

— По-моему, Лихнис прав, — чуть слышно вступил в разговор Маун, откашлявшись. — Волчник позволено слишком много. Она хочет как лучше, да и к Синюшке мы относимся одинаково, но главное — выбить из него информацию. Нельзя, чтобы эмоции ставили под угрозу безопасность Линии.

— Думаете, пора ее приструнить? — спросила Донник под аккомпанемент очередного разряда. — Некрасиво получится, особенно перед

гостями.

— Красоты и так мало, — заметил я. — По мне, так допрос очень напоминает пытку, которую Линия санкционировала во имя садистского удовольствия.

— Что ты предлагаешь? — спросил подсевший к нам Чистец. — Уверен, мыслей у тебя хоть отбавляй.

— Для начала я отнял бы у нее пистолет. Инфосоединения между слоями можно оборвать, не нарушая физических структур. Так и надо сделать, если хотите добиться результата. Синюшке без разницы, он так и так почувствует, что от него отрывают по кусочку. Преимущество такого метода в том, что, если ничего не получится, пленника можно будет восстановить.

— Раз он молчит, когда мы отрываем от него по кусочку, причем самыми разными способами, то второй раунд допроса результата не даст, — сказал Аконит.

— Так устройте вторым или третьим раундом настоящий допрос, хотя бы попробуйте! — Я пожал плечами. — Пусть хорохорится — посмотрите, сколько правды будет в его блефе. Вдруг Синюшка почти созрел, но стараниями Волчник не успеет расколоться?

— Вижу, ты твердо решил мешать дознанию, — подытожил Чистец.

— Нет, — покачал я головой — не зло, а скорее устало, — я целиком и полностью поддерживаю любой способ вызвать Синюшку на откровенность. Помог бы топор — первым стал бы рубить плиты. Только пытки не помогут. — Я заглянул Чистецу в глаза, отчаянно взывая к его здравому смыслу и рационализму. При непомерных амбициях он далеко не глуп. — Ты же понимаешь, что так нельзя. Я помню, как ты вчера вечером говорил о Минуарции.

Чистец ухмыльнулся и отвел взгляд:

— Ты всегда найдешь, к чему придраться.

— Разве я придираюсь? Говорил ты здорово. Я благодарил небеса за то, что выступаешь ты, а не я. Ты воздал ей должное.

Возникла пауза длиной чуть ли не в тысячу лет. Другие шаттерлинги отодвинулись, чтобы мы поговорили тет-а-тет.

— Я думал, тебе не понравится, — наконец сказал Чистец.

— Нет, ты произнес замечательную речь, правдивую с первого до последнего слова. Будь Минуарция жива, она сказала бы то же самое.

— Мне хотелось подобрать верные слова. Ми-

нуарцию я знал хуже твоего, но уверен — ей понравилась бы правда. Вряд ли она хотела бы, чтобы ее жизнь приукрашивали.

— Ты взял верный тон. — Я тяжело вздохнул, понимая, что либо окончательно оттолкну Чистеца, либо перетяну на свою сторону, — грань была очень зыбкой. — После похорон я убедился, что был не прав насчет тебя. Когда наказали Портулак, у меня появилась, точнее, промелькнула мысль, что ты замешан тут сильнее, чем мы думаем. — Я нервно сглотнул. — Потом убили Минуарцию, и я…

— …решил, что это моих рук дело?

— Да, по глупости. Кто-то же виноват. Я подозревал тебя, хоть и недолго. Прости, так получилось… — Говорить стало тяжело, грудь вздымалась, будто я только что поднялся на гору. — Ты позволил Волчник продолжать допросы, вот я и решил… Ну, что ты рассчитываешь на неудачный исход.

— Чтобы ничего не прояснилось.

— Ты ведь понимаешь, откуда такие мысли?

Судя по выражению лица, принятие любого решения Чистец готов был растянуть на световые годы.

— А сейчас? — невозмутимо спросил он.

— Твоя речь все изменила.

— Несколько удачных слов? А если я притворялся? Если я впрямь убийца?

— Только ты не притворялся.

— Нет, — сказал он после долгого молчания. — Не притворялся. Говорить о Минуарции было трудно. Ведь я знал, что убийца здесь, рядом.

— Значит, мы заодно. — Я повернулся к Волчник и к мозаике из блестящих плит с корчащейся начинкой. — Вот почему расправу нужно остановить, пока не поздно. Волчник не убийца, но она нам не помогает. Я понимаю ее ненависть и желание отомстить, но сейчас не время и не место.

Снова раздался треск энергетического разряда. Снова за ним последовал крик Синюшки.

— Волчник! — громко позвал Чистец. — Пожалуйста, сделай паузу.

Волчник обернулась. Она целилась прямо в нас, глаза полыхали звериной злобой. На балконе защитных приспособлений не было. Если пистолет не запрограммировали против стрельбы по Горечавкам, одно неосторожное движение могло привести к гибели пяти-шести шаттерлингов.

— Что случилось, шаттерлинг Чистец?

— Ничего, Волчник. — Как ни старался Чистец скрыть волнение, голос его дрожал. — Я подумал,

что пора устроить перерыв.

— Мы ничего не выяснили.

— Тем не менее… нелишне проанализировать нашу тактику, а может, внести изменения.

К моему облегчению, Волчник опустила пистолет и повернула регулятор интенсивности луча заряда — вероятно, поставила на предохранитель, затем двинулась к нам. Пистолет повис в воздухе.

— Это никуда не годится. У меня же получалось!

— Ничего у тебя не получалось, — парировал я.

— Разве Лихнису не запретили присутствовать на допросах? — недовольно уточнила Волчник у Чистеца.

— Запрет касался зала для допросов, — ответил вместо него я. — Балкон — место общественное. Следом за мной придется удалить и имирийцев.

— Еще немного, и Синюшка раскололся бы, — сказала Волчник Чистецу, упорно меня игнорируя. — Я это чувствую интуитивно.

— Беда в том, что неизвестно, сколько придется терзать Синюшку, прежде чем он заговорит, — заметил Чистец. — А он, образно выражаясь, ресурс невозобновляемый. Если убьешь этого, другого Синюшки про запас нет.

— Мне хватит одного.

— Боюсь, Чистец прав. — Аконит примиряюще улыбнулся. — Ты славно потрудилась, мы все тебе благодарны, но сейчас сто́ит подумать о новой тактике.

Чистец взглянул на меня, потом снова на Волчник.

— Синюшка меня слышит? — тихо спросил он.

— Нет. Я отключила ему аудиоканал, когда ты меня остановил.

— Телесные повреждения мы больше наносить не станем. По крайней мере, пока не испробуем все другие способы. Поэтому скорректируй интенсивность луча так, чтобы не пробивать стекло. Будем симулировать пытку, расстреливая инфосоединения между слоями.

— Чистец, Синюшка почувствует разницу. Боли-то не будет.

— Значит, обойдемся без боли. Синюшка и так почувствует, что истончается, теряет слой за слоем. Даже без боли ощущение не из приятных.

— Он поймет, что процесс обратим.

— Но уверен не будет, особенно если продолжать стрельбу. Пока Синюшку еще можно собрать в единое целое, способное разговаривать и ходить. А если и дальше простреливать слои,

он превратится в книгу, где половина страниц вырвана, в определенный момент окажется за гранью восстановления — и почувствует это.

Вряд ли Волчник изменила мнение, но едва ли ей хотелось в открытую пререкаться с Чистецом и другими. Ей предлагали продолжить допрос, то есть давали отличный шанс сохранить лицо перед зрителями. Руки, конечно, будут связаны, но это не так унизительно, как полное отстранение.

— Мне это не нравится, — тем не менее заявила она.

— Но ты подчинишься, — договорил за нее Чистец. — Милая, это оптимальный вариант. Если он окажется тупиковым, я первым признаю ошибку. Но пока поступим именно так.

Мрачная и недовольная, Волчник возвратилась к мозаике и схватила пистолет, словно осу в кулак зажала. Она отрегулировала интенсивность луча и повернулась к нам, сжимая рукоять побелевшими пальцами:

— Будь по-вашему, девочки и мальчики.

Глава 24

Роботы навестили меня вскоре после полудня. Лихнис остался смотреть, как Волчник допраши-

вает Синюшку, а я вернулась в комнату, где мы снова устроили Геспера. За день его состояние не изменилось, но я знала, что должна быть начеку и не упустить ни секундного оживления, ни малейшей попытки заговорить.

— Вы сделали все возможное, — заявила Каденция, без предупреждения появившись у двери. Я аж вздрогнула. — Не корите себя за то, что ничего не получилось.

— Почему же ничего? — обиделась я, заметив за Каденцией фигуру Каскада. — Геспер отделен от сплавленной массы, его тело полностью восстановлено. Даже рука.

— Рука? — удивленно переспросил Каскад.

— На левой руке под оболочкой из металла у него была органическая ткань. Он выдавал себя за человека, чтобы попасть на Вигильность.

— Мы впервые об этом слышим, — сказала Каденция.

— Впрочем, сейчас важно само участие Фантома, который не просто швырнул Геспера обратно на платформу. Он определил, что именно с ним не так, — и именно это вызывает тревогу.

— Решил мелкие проблемы, — подытожил Каскад.

— Да, возможно, только откуда уверенность,

что Фантом не отремонтировал Геспера полностью? Не восстановил ему память и не устранил все повреждения?

— Налицо доказательства обратного, — сказала Каденция. — По сравнению с предыдущим осмотром новых признаков когнитивной деятельности, увы, не наблюдается.

— Огоньки у него в голове до сих пор горят.

— Но слабее, чем прежде, и не кружатся. Не стоит слишком на них уповать.

— По-вашему, Геспер мертв?

Мне почудилось, что роботы обмениваются мыслями, — воздух резко загустел, словно перед грозой.

— Надежда есть, — без особой уверенности наконец ответила Каденция. — Но его паттерны могут нарушиться в любой день. Чем скорее он отправится в Машинное пространство, тем лучше.

— Мы не хотели беспокоить вас после гибели Минуарции, — мягко, но настойчиво начал Каскад, — однако, если это не слишком болезненно, нельзя ли вернуться к разговору о нашем отлете?

— По-моему, вопрос уже решен, — отозвалась я. — Геспер здесь, с Минуарцией мы попрощались. Хотите — забирайте мой корабль сегодня

же.

— Вы уверены? — уточнила Каденция.

— Абсолютно. Забирайте, чтобы я больше его не видела.

— Такой вариант подходит нам идеально, — сказал Каскад.

— Если это поможет Гесперу, моей Линии и машинному народу, такой вариант подходит и мне. — По сути, я сказала полуправду.

До гибели Минуарции и возвращения Геспера я искренне возмущалась тем, что вот-вот потеряю «Серебряные крылья». Сейчас остались лишь опустошенность и ощущение, что меня предала не только моя Линия, но и сама Вселенная. Отмена наказания мало что изменила бы — это как бросить камешек в пруд и ждать, что он выйдет из берегов.

— Вы собирались забрать свою коллекцию из грузового отсека, — напомнила Каденция.

Я кивнула, хотя никакого энтузиазма не чувствовала:

— Много времени это не займет, большинство старых кораблей вылетят сами.

— Как договаривались, пока вы забираете коллекцию, мы начнем знакомиться с кораблем, — проговорил Каскад и кивнул на неподвижного

соплеменника. — Геспера можно поднять на орбиту уже сейчас. В этом случае мы лучше подготовим его к перелету.

— Я больше его не увижу?

— Увидите, если его восстановят, а вы проживете достаточно долго, — ответила Каденция.

— Геспер может и не вспомнить нас. Гарантий ведь нет?

— Мы позаботимся о том, чтобы его долг перед вами был оплачен, — заверил Каскад.

— Дело не в долге, а в дружбе. Мы с Лихнисом относились к нему по-человечески, и, по-моему, он к нам тоже.

— Ни о чем не беспокойтесь, Геспер в надежных руках, — убедительно сказала Каденция.

— Вы поможете его погрузить? — спросила я. — Я в течение часа приготовлю свой шаттл и выведу на посадочную площадку. Чтобы подняться на орбиту, нужно разрешение Чистеца, только вряд ли он станет возражать, — в конце концов, это его затея.

— Вам это хлопот не доставит? — спросил Каскад.

— Других дел у меня на сегодня не запланировано.

— В таком случае ваше предложение с удоволь-

ствием принимается. Геспера мы подготовим.

— Пожалуйста, позаботьтесь о нем, — попросила я.

Я оставила роботов с Геспером и вернулась в открытую аудиторию к Лихнису. Тот по-прежнему сидел с Чистецом и остальными, пристально следя за Волчник. Вот он заметил меня и пересел подальше от чужих ушей.

— Я лечу на «Серебряные крылья», чтобы передать управление Каскаду и Каденции, — объявила я, приблизившись. — Они забирают Геспера.

— Вернешься скоро?

— Мне нужно лишь освободить багажный отсек и утвердить смену владельца. На Невму планирую высадиться к полуночи, самое позднее — к завтраку.

— Я с тобой. — Лихнис поднялся со своего места.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Отдавать корабль роботам и так тяжело, а в твоем присутствии будет невыносимо. Знаешь ведь, что для меня значат «Крылья».

— Знаю, — кивнул Лихнис. — Тебе лучше лететь одной.

— Когда покончу с этим, станет легче. Я просто

хотела сказать, куда направляюсь. Со мной ничего не случится, обещаю.

— Проследи, чтобы эти роботы ничего лишнего не прихватили.

— Не волнуйся, прослежу.

Лихнис поцеловал меня и сжимал в объятиях, пока я не высвободилась.

— Однажды они поймут, что ошиблись, и пожалеют об этом. Чистец уже понял, что гибель Минуарции представила все в новом свете, но, раз уж пообещал твой корабль роботам, на попятную не пойдет.

— Если они вернут «Крылья» хоть с одной царапиной, то поплатятся, клянусь!

— Вот это настрой! — Лихнис улыбнулся. — Давай лети и поставь точку на этом идиотском наказании.

Я снова поцеловала Лихниса, взяла его за руки, а отпустив, повернулась к Чистецу, который тайком за нами наблюдал.

— Я собираюсь подняться на «Крылья», чтобы передать управление роботам. Ты ведь не возражаешь?

— Разумеется, нет, — ответил он и перевел взгляд на Волчник, словно не мог смотреть мне в глаза.

Голова гордо поднята, спина прямая — с чувством маленькой победы я отправилась на посадочную площадку. Шаттл уже ждал меня, а вскоре появились люди-машины с золотым грузом.

Над Имиром мы поднялись без происшествий. Я смотрела на удаляющиеся башни и слегка повернула шаттл, чтобы хоть мельком взглянуть на балкон. Мозаика Волчник сверкала на солнце — бриллиантами блистали двести пятьдесят шесть граней, некогда составлявших человеческое тело. Между стеклянными плитками двигалась черная фигурка. Мелькнула рубиновая искра — выстрелил энергетический пистолет, потом балкон заслонила башня. Шаттл набрал высоту и вскоре попал в разреженные слои атмосферы, где проигрывались картины жизни Минуарции. Роботы стояли у меня за спиной, между ними лежал Геспер. Оба, каждый со своей стороны, крепко держали его за плечи. То же самое я видела на борту «Серебряных крыльев», когда они пытались наладить с ним контакт. Сейчас, как и тогда, золотая броня Геспера словно превратилась в податливую глину.

Я велела шаттлу привести положение и скорость в соответствие с полярной орбитой корабля.

«Крылья» тотчас замаячили вдали и стали приближаться так быстро, что шаттл затормозил, дабы избежать столкновения, которое до последней секунды казалось неминуемым. В салоне мы почувствовали только, что резко замедлились. По команде шаттла открылся грузовой отсек, и мы вплыли в чрево прекрасного хромированного лебедя, который так долго был моим кораблем. Я переключилась на ручное управление, провела шаттл меж кораблей своей коллекции и поставила в свободный отсек, который использовала в прошлый раз. Фиксаторы поля заблокировали шаттл, я перевела двигатель на холостой режим, и мы выбрались из салона. Я шла первой, Каскад и Каденция несли Геспера, и так добрых полкилометра до ближайшей камеры переброса.

— Добро пожаловать, Портулак! — беззвучно обратились ко мне «Серебряные крылья». — У тебя посетители. Ты привела этих особей добровольно или по принуждению?

«По принуждению, — мрачно подумала я, — только виноваты не эти машины, а шаттерлинги моей Линии».

— Это мои друзья, — произнесла я вслух. — Прошу любить и жаловать. Серебристый робот — Каденция, белый — Каскад.

— Добро пожаловать, Каденция и Каскад!

— С Геспером вы знакомы, — продолжила я. — Он так и не пришел в себя, но люди-машины переправят его туда, где ему помогут. Вскоре я передам им управление, так что вы успеете друг к другу привыкнуть.

— Портулак, ты избавляешься от меня? — по-прежнему беззвучно спросил мой корабль.

— Не по своему желанию. Поговорим об этом на мостике. При удачном раскладе увидимся снова где-то через полмиллиона лет.

Камера переброса, рассчитанная даже на крупногабаритный груз, легко вместила меня и трех роботов. Я начала было набирать направление на парящем в воздухе пульте, но потом с сомнением взглянула на гостей:

— Гесперу перебрасывался, значит и вы сможете. Только дело было до ранения. Ему хуже не станет? В крайнем случае пойдем пешком, но до мостика километров пятнадцать.

— Мы умеем перебрасываться, — сказала Каденция. — И Гесперу это не повредит.

— Ну, если вы так уверены…

На стенах камеры вспыхнула решетка из красных огоньков, значит поле переброса вот-вот активируется и нам нужно встать на обозначен-

ную часть пола. Поле засосало нас — казалось, мы несемся вниз по лабиринту трубопровода, — а в следующий миг мы уже стояли в камере километрах в пятнадцати от первой.

— Произошла ошибка? — спросил Каскад, глядя в темный гулкий вестибюль за дверями. — Мостик я представлял себе совершенно иначе.

— Он тут рядом, — заверила я. — Поначалу существовал прямой переброс из грузового отсека на мостик, но потом решили, что так слишком опасно. Это же как открыть корабль для любых захватчиков или пустить скоростной лифт от городских ворот до мэрии. Все равно что напрашиваться на большие проблемы.

— Так идти недалеко?

— Совсем близко.

Вестибюль окружали камеры переброса. Я показала на ту, что была напротив нашей, и быстро зашагала через мост, ведя за собой роботов. Мост перекинулся через громадную шахту — верхнюю и нижнюю ее границу невооруженным глазом не увидишь, — полную медленно движущихся устройств в форме наковален. Здесь локальная сила тяжести приводилась в соответствие с продольной осью «Крыльев», поэтому шахта тянулась почти через весь корабль и упиралась

в огромный грузовой отсек. Параллельно устройства занимались непрерывным самоконтролем и самовосстановлением.

Каждая шестая камера предназначалась и для людей, и для груза. Остальные одновременно вмещали одного-двух человек, но попадались и рассчитанные на несколько сотен. Былая слава «Серебряных крыльев» утонула в глубинах истории, но вместимость системы переброса, прежде чем камеры убрали с мостика, не оставляла сомнений, что раньше кораблем пользовались миллионы пассажиров. Порой я гадала, не тоскуют ли «Крылья» по временам, когда в их залах, галереях, на плазах и в вестибюлях кипела жизнь. Теперь корабль видел лишь меня, в лучшем случае с парой гостей. Мы носились по кораблю, словно призраки по пустому особняку.

Вот и другая камера переброса. Я застучала пальцем по пульту, хорошо понимая, что через несколько секунд мы попадем на мостик, где без промедления начнется передача корабля. С момента отлета с Невмы я готовилась к этому и почти поверила, что возьму себя в руки и справлюсь. Но вот время подошло, а у меня судорожно сжималось горло. Нет, малой кровью мне отделаться не удастся.

На стенах вспыхнула красная решетка. Этот переброс должен был стать мгновенным.

Но тут что-то случилось.

Наверное, я на миг потеряла сознание, потому что ступор, охвативший меня, к перебросу отношения не имел. Словно парализованную, меня вытолкнули из зоны действия поля с такой силой, что я рухнула на пол и теперь лежала, не столько мучась болью, сколько ожидая ее и не сомневаясь: она придет. Наконец я закашлялась и застонала, не понимая, что стряслось, но, когда зрение немного сфокусировалось, разглядела золотую фигуру, склонившуюся надо мной. Вне сомнений, это был Геспер, и, вне сомнений, живой. Каскад и Каденция исчезли.

— Нужно выбираться. — Человек-машина поднял меня с пола. — Нужно выбираться отсюда, — повторил он, — и поскорее.

Синяки синяками, но, похоже, я ничего не сломала — резкой боли не чувствовалось.

— Геспер! — воскликнула я, обрадованная, но совершенно сбитая с толку. — Что ты…

— Здесь не место для разговоров. Я вытолкнул тебя из зоны действия транзитного поля в момент, когда оно набрало рабочую силу. Каскад и Каденция перебросились и уже попали в задан-

ное место.

— На мостик, — хрипло подсказала я и поднялась, хотя и не без помощи.

— Можно отсюда перебросить обратно в грузовой отсек?

Перед глазами у меня плыло, мысли путались.

— Нет… надо… перебраться через мост.

— Отлично. Давай я тебя понесу. Быстрее получится.

Не помню, дождался ли Геспер моего согласия. Он бережно взял меня на руки и зашагал к мосту, все набирая и набирая скорость, пока наконец не побежал так быстро, как ни одному человеку и не снилось. Мы перебрались через шахту, где устройства в виде наковален поднимались и опускались в соответствии со своим непостижимым планом, и достигли камеры переброса. Человек-машина коснулся пульта. Корабль выполнил его команду, очевидно по-прежнему считая Геспера хозяйским гостем. Мы перебросились обратно в камеру у входа в грузовой отсек.

— Что произошло? — спросила я, чувствуя, что туман перед глазами рассеивается.

— Я обманул Каскада и Каденцию, — объявил Геспер, когда мы вошли в отсек. — А они лгали о своих намерениях.

— Они хотели получить мой корабль. Я собиралась его передать. Зачем им лгать?

— Пока не знаю, но уверен в одном: они не собирались возвращать меня в Кольцо Единорога. На флайере они подсоединялись ко мне, чтобы убить.

Геспер заметно раскрепостился, если можно так выразиться, — голос не изменился, зато речь уже не звучала неестественно правильно.

— Зачем?

— В первый раз, на борту твоего корабля, Каскад и Каденция хотели выкачать из меня информацию и убить. Потом они солгали бы, что я умер от ран, которые получил в системе сбора. Ничего не вышло — я оказался сильнее, чем они ожидали, но, к сожалению, так ослаб от их манипуляций, что не мог поделиться опасениями с тобой и Лихнисом. Зато, когда ты объявила, что отвезешь меня к Фантому Воздуха, Каскад и Каденция ликовали.

— Потому что рассчитывали на твою гибель?

— Да, но я не погиб. После возвращения от Фантома во мне еще теплилась искра жизни. Когда мы поднимались над Невмой, Каскад и Каденция снова пробовали меня убить. Они старались разыскать искру жизни и затушить ее. Понадо-

билась вся моя сила и хитрость, чтобы отбить их атаки, да так, чтобы они не заподозрили, что я сопротивляюсь. У меня получилось, иначе я не застал бы их врасплох. — Мой золотой переносчик замер. — Портулак, у тебя со зрением проблемы?

— Да, перед глазами легкая дымка.

— Толкнуть тебя пришлось очень сильно. Боюсь, у тебя полопались капилляры или даже сетчатка отслоилась. Прости, ни предупредить, ни подготовить тебя я не мог. Во главе угла стояла скорость.

— Все равно не понимаю. Зачем им лгать?

— Когда они подсоединялись ко мне, я ненадолго заглянул в их разумы. Каскад и Каденция обрадовались, что ты выполнила их просьбу. Если бы ты отказалась или задержала их, они убили бы тебя без долгих колебаний. Твоя смерть была бы поразительно, милосердно быстрой, — пожалуй, это единственное утешение.

Вопросов появилось столько, что я не знала, с какого начать, а задавать приходилось по одному:

— Что с ними сейчас?

— Я вмешался прежде, чем ты передала им управление кораблем. Если не ошибаюсь, сейчас они на другом конце туннеля переброса, то есть

на мостике.

— Верно. И без меня им обратно не перебросится.

— Корабль может передать им управление без твоего распоряжения? Хотя бы настолько, чтобы перебрасываться или открывать заблокированные двери?

— Нет, и это нам на руку. По сути, Каскад и Каденция — заложники мостика. Попробуют сломать его или выбраться, корабль почувствует, определит их как источники опасности и отреагирует соответственно.

— То есть катапультирует?

— Нет, это возможно исключительно по моей команде. А вот сдерживающим полем окружит наверняка.

— Поле надолго их не задержит. Каскад и Каденция намного сильнее и изобретательнее, чем ты думаешь. Портулак, ты должна немедленно приказать кораблю, чтобы катапультировал их обоих! — строго проговорил Геспер. — Если не удастся — пусть уничтожит.

— Это не так просто.

— Почему? Ты же можешь отдать приказ отсюда.

— Дело не в этом. Я не могу просто убить людей,

пусть даже механических, или вышвырнуть в космос. Так нельзя.

— Они не те, за кого себя выдают.

— Я не могу поверить тебе на слово! — Я застонала и от досады, и от смущения. — Не обижайся, но пару минут назад ты не подавал признаков жизни. Откуда мне знать, что такая реакция — не последствие случившегося с тобой на Невме? Роботы — гости Линии. Я должна вернуться и сказать, что вышвырнула их за борт? Как, по-твоему, это будет выглядеть?

— Зачем мне врать?

— Геспер, поставь себя на мое место. Ты хочешь, чтобы я положилась на голословное утверждение.

— Прежде ты мне доверяла.

— Дело не в недоверии, просто я не хочу рубить сплеча. Ты теперь другой, даже разговариваешь по-другому, как человек. Откуда мне знать, что изменилось только это?

— Я изменился сильнее, чем ты в состоянии представить. Я по-прежнему Геспер, но при этом нечто большее, чем раньше. И я настаиваю: тебе нужно избавиться от Каскада и Каденции.

— С мостика они нам не навредят. Я посоветуюсь с Линией, выберу оптимальные меры…

— Некогда! Роботам не обязательно, чтобы ты передала им управление кораблем; просто так было бы проще. На мостике они уже несколько минут, а по машинным меркам это несколько веков. Каскад и Каденция времени не теряют — наверняка перебрали тысячи стратагем захвата власти «Серебряными крыльями». Попытки продолжатся, и одна окажется успешной. Лазейка есть всегда.

— Они не захватят власть!

— Захватят, дай только срок. Причем срок этот измеряется минутами, если не секундами. Твой корабль большой и старый, а Каскад и Каденция умны и изобретательны. Думаю, я тоже справился бы, а их двое.

— Если ты не прав, а я окажусь виновной в гибели представителей машинного народа…

— Я возьму вину на себя, а убеждать я умею прекрасно. Нужно действовать, Портулак. Время не на твоей стороне. В отличие от меня.

— Отпусти меня, — попросила я. — Не у тебя же на руках команды отдавать!

Геспер сбавил темп и поставил меня на палубу. Грузовой отсек был похож на музей старины — нас окружали темные силуэты кораблей и непонятных устройств.

— «Крылья», меня слышно? — спросила я.

— Слышно, Портулак, — раздалось у меня в голове.

— Я ведь представляла Каскада и Каденцию, моих гостей?

— Да, Портулак.

— Они сейчас на мостике?

— Да, Портулак.

— Я хочу их увидеть.

Во мраке появилась картинка: роботы на мостике. Они стояли рядом и совершенно неподвижно.

— По-моему, Каскад и Каденция ничего не делают, — проговорила я.

— Это на первый взгляд, — отозвался Геспер.

— «Крылья», их надо обездвижить, — выдавила из себя я.

— Портулак, они представляют опасность?

— Да, — ответил Геспер.

— Пока просто обездвижь обоих. Заблокируй активаторами защитного поля.

— Сделано, Портулак.

Картинка не изменилась. Не появилось ни малейшего намека на то, что роботы пригвождены к месту, зажаты в тиски сдерживающего поля.

— Ну вот, теперь они ничего сделать не мо-

гут, — сказала я Гесперу.

— Портулак, Каскад и Каденция могут то же, что и прежде. Они используют свой разум, ищут брешь в обороне твоего корабля. «Серебряные крылья» ничего не почувствуют — настолько ловки Каскад и Каденция. Когда добьются своего, они сразу отключат сдерживающее поле. После этого контролировать их будет невозможно. Каскад и Каденция получат неограниченный доступ. По сути, «Крылья» станут их кораблем. За считаные секунды они проникнут в систему переброса, а еще через несколько секунд попадут сюда. — Гесперповернулся к двери. — Их двое, я один. Я постараюсь защитить тебя, но шансов мало. Даже сейчас.

— Даже сейчас? — переспросила я, уловив странные нотки в его голосе.

— Не думай об этом, лучше поверь мне на слово. Портулак, мы через многое вместе прошли. Не хочется, чтобы все кончилось вот так. Тем более что нам нужно столько обсудить…

Горло у меня судорожно сжалось.

— Я проконсультируюсь… Свяжусь с Лихнисом или Чистецом и через пару секунд…

— Они скажут, чтобы ты не слушала меня. С их точки зрения, это самое разумное решение. Тебе

сложнее — ты попала в непростую ситуацию, и я утверждаю, что твой корабль могут захватить в ближайшие секунды. Каскада и Каденцию нужно немедленно катапультировать или уничтожить.

— Геспер, это очень серьезный шаг.

— Как они попали на Невму? Ты пыталась это выяснить? — зачастил он, словно почувствовав, что времени в обрез.

— Их Эспарцет привезла. Они ее гости.

— Эспарцет не привозила их, — возразил Геспер, разглядев в моих глазах сомнение. — Похоже, она сама так думает, но это неправда. Каскад и Каденция наверняка ее выследили. Они хотели попасть на Невму — это я почувствовал сразу. К Линии Горечавки у этой парочки особый интерес, но их появление должно было показаться случайным. Эспарцет была их марионеткой, а не наоборот.

— Она говорила, что встретила их на сборе Линии Оленьков.

— Каскад и Каденция наверняка рассчитывали на появление шаттерлингов Горечавки. Если бы никто не прилетел, они добрались бы до вас окольными путями. Их конечной целью было проникнуть на ваш сбор.

— Что они задумали?

— Портулак, хватит вопросов!

Я коротко кивнула. Нет, Геспер не убедил меня, но он внушал доверие и насчет Эспарцет не ошибся. Еще он казался решительнее и авторитетнее прежнего, хотя речь стала естественнее — менее формальной, чем до ранения.

— «Крылья», катапультируйте обездвиженных гостей, — дрожащим голосом приказала я.

— Портулак, ты не ошиблась? Приказ очень необычный.

«Крылья» имели в виду, что за долгие циклы владения таких распоряжений я не отдавала.

— Нет, не ошиблась. Вытолкните Каскада и Каденцию в атмосферу подальше отсюда. От них не убудет.

— Выполняем.

Я стала ждать, когда «Серебряные крылья» катапультируют роботов.

Я ждала, ждала, ждала…

— Не к добру это, — проговорил Геспер, снова взял меня на руки и побежал. Его ноги замелькали, как золотые поршни.

— «Крылья», подтвердите выполнение последнего приказа! — потребовала я, перекрикивая рев ветра, который поднял Геспер, рассекая воздух грузового отсека.

Ответа не было.

— Корабль потерян, — объявил человек-машина.

— Нет! — возразила я, не желая ему верить, ведь «Серебряные крылья» не изменились, они выглядели как всегда.

— Не вини себя. Приказ ты в итоге отдала. Не исключено, что Каскад и Каденция захватили корабль еще до того, как ты велела их обездвижить. Думаю, их просто интересовали твои намерения.

— И что теперь?

— Теперь они попытаются тебя убить, а меня вывести из строя. Надеюсь, мы успеем добраться до шаттла.

— А потом?

— Мы улетим. Только бы «Серебряные крылья» не сразу открыли огонь.

До шаттла было вроде недалеко, хотя по моим меркам — целые километры. Мы спешили мимо кораблей, которые вполне годились бы для побега, если бы были заведены и протестированы. Забраться бы в любой из них и пробудить ото сна! Юрисдикция «Крыльев» распространялась на грузовой отсек, но не на корабли внутри его. Бронированный корпус защитил бы нас от атак и позволил бы спастись. Но двигатель челнока

работал в холостом режиме — я сама его так оставила, чтобы побыстрее улететь. Добравшись до места, Геспер опустил меня на платформу. Я велела шаттлу открыть салон и впустить нас. Мы поднялись на борт, люк заблокировался, и я немного успокоилась.

Не обращая внимания на ушибы и туман перед глазами, я тут же села в кресло пилота и вытянула руки вперед, словно рыцарь в ожидании латных рукавиц. Я выбрала ручное управление, и шаттл услужливо создал пульт. Отключив фиксаторы поля, я перевела двигатель с холостого режима на руление, достаточное, чтобы выбраться из грузового отсека, и повернула клиновидный нос челнока к прямоугольному отверстию шлюза, зиявшему меж кораблей и стыковочных платформ, которые растянулись километров на семь. По прибытии на «Крылья» я оставила его открытым — ведь предстояло перегонять корабли через атмосферу.

— Думаю, мы выберемся.

Окажись путь свободным, я бы прибавила газу, но приходилось петлять, а на высокой скорости можно запросто врезаться в судно больше и мощнее, чем шаттл, прикрепленное к платформе. Это все равно что столкнуться с высоченной скалой.

— Каскад и Каденция в курсе наших планов, — сообщил Геспер.

— Откуда ты знаешь?

— Шлюз закрывается.

Я присмотрелась, но не разобрала, сузился ли проем. Определить было трудно, потому что ракурс постоянно менялся: челнок огибал препятствие за препятствием.

— Геспер, ты уверен?

— Целиком и полностью. Хочешь, я сяду за штурвал?

— Да нет, спасибо, сама справлюсь.

— У меня получится лучше. Я не обременен периферической нервной системой. В одном моем пальце обрабатывается больше информации, чем под твоим черепом.

— Ты так любезен!

— Я лишь констатирую факт. Мы быстрее доберемся до выхода, если ты передашь управление мне.

Сейчас стало ясно, что шлюз все-таки закрывается. Прямоугольник космоса в обрамлении проема был по-прежнему три километра шириной, а вот высота сильно уменьшилась, километров до полутора или того меньше.

— Передаю временное управление пассажиру

с правом отменить эту команду, — объявила я, убрав руки со штурвала, и отстранилась от пульта. — Вот, шаттл в твоем распоряжении, не подкачай.

Геспер сел в кресло, заслонив пульт широкой спиной:

— Спасибо, Портулак. Я сделаю все возможное.

Мы помчались быстрее. Намного быстрее — огибали препятствия, ныряли в бреши между платформами, проскакивали буквально в миллиметрах от кораблей. Геспер так стремительно менял курс, что буфера реагировали с трудом. Инерция толкала меня туда-сюда, словно невидимые пальцы, которые запросто могут любого размять в пюре, если как следует ухватятся.

— Закрытие шлюза ускорилось, — сказал Геспер, возмутительно спокойный, притом что руки у него двигались в безумном темпе, как у фокусника. — Видимо, Каскад и Каденция разгадали наш план и включили аварийную блокировку.

— Можно еще наддать?

— Если рискнуть, то да. По-моему, большого выбора у нас уже нет.

— Так рискни. Я прижмусь к стенке и закрою глаза.

— В следующий раз ставь челнок поближе к

шлюзу.

— Я о тебе думала. Мол, чем быстрее Каскад и Каденция донесут тебя до камеры переброса, тем меньше шансов повредить.

— В таком случае я преклоняюсь пред твоим глубокомыслием и извиняюсь за неуместную критику.

Геспер обошел еще несколько острых углов — в прямом и переносном смысле. Шаттл трясся, подскакивал, буквально чиркая по отдельным кораблям. Не знаю, случайность то была или просчитанная роботом погрешность. Тогда я понимала одно: шаттл идет быстро, но шлюз его опережает, превращаясь в темную щель, в которую мы надеялись протиснуться.

Наконец основная часть препятствий осталась позади, а от проема нас отделяла лишь двухкилометровая прямая. Шлюз неумолимо закрывался, но теперь Геспер мог как следует ускориться. Стены грузового отсека замелькали мимо, и я осмелилась понадеяться, что мы прорвемся.

И ошиблась. Внезапно челнок сбросил скорость и закачался, словно угодив в невидимую сеть. Стены отсека поплыли медленнее. Геспер выжимал из двигателя все соки, но шаттл не разгонялся, а неуклонно тормозил. На пульте

заалели предупреждения, послышался монотонный звуковой сигнал.

— В чем дело? — спросила я.

— Столкновение ведущих полевых импульсов, — пояснил робот, оглядываясь через плечо. — Этого я боялся больше всего. «Серебряные крылья зари» активировали свой параметрический двигатель. Поля противодействуют друг другу, и, боюсь, шаттл проигрывает.

— Неужели ты бессилен?

— Ты же сама понимаешь. Если и дальше терзать двигатель, он отключится из-за перегрузки или разорвется на части. Не хочу гадать, какой вариант вероятнее. — Руки Геспера снова запорхали над пультом, но уже медленнее. — Прости, Портулак, по-моему, мы попались.

— Шлюз почти закрыт. Даже если реанимировать двигатель, мы не спасемся.

«Серебряные крылья» меняли курс. В сузившемся проеме мелькнула дневная сторона Невмы — планета уменьшалась на глазах. Одна минута ускорения в тысячу «же», и до нее уже восемнадцать тысяч километров. Еще через минуту расстояние увеличилось до семидесяти двух тысяч километров, что вдвое больше длины окружности Невмы. Все, кого я знала и любила,

все, кто знал меня, остались на тающей вдали планетке. Я едва не потянулась, чтобы удержать Невму, пока ускорение не унесло ее прочь.

Шлюз закрылся. Геспер перевел двигатель на холостой режим:

— Боюсь, у нас большие неприятности.

Аэродинамическое сопротивление герметизированного отсека пригвоздило нас к месту.

— Нельзя же болтаться у закрытого шлюза, — проговорила я.

— Справа свободная платформа. Рискну завести двигатель и поставить шаттл на нее.

На пульте вспыхнуло предупреждение, раздался тревожный сигнал, но Геспер загнал челнок на платформу и посадил на ограничители. Фиксаторы поля мгновенно нас заблокировали.

— Мы покидаем систему Невмы, — сказал Геспер. — Твой корабль — один из быстрейших у Линии?

— Да, и особенно сейчас, когда остался пятьдесят один шаттерлинг. Поэтому Каскад и Каденция так рвались заполучить «Крылья».

— Этого я и опасался. Нагнать нас твоим собратьям будет непросто, тем более с учетом фактора внезапности.

— Нельзя же опустить руки и лететь с угонщика-

ми. Мы даже не знаем, куда они направляются.

— Вряд ли у них есть намерение взять нас с собой. Улетят из системы, разберутся с потенциальной погоней и примутся за нас.

— То есть?

— Уничтожат. Я буду тебя защищать, но я в меньшинстве.

— Что им нужно?

— Куда-то улететь.

— Корабль можно было найти не только на Невме. Если ты прав, получается, что Каскад и Каденция готовили эту диверсию задолго до бойни.

— Да, так и получается.

Геспер отвернулся от пульта. Золотое лицо было, как всегда, невозмутимо прекрасным, но я чувствовала в нем доброту — и ничего более.

— Геспер, ты что-то недоговариваешь. Я поняла это сразу, как ты очнулся. Что случилось на Невме?

— Нужно заново проанализировать ситуацию, — отозвался он, проигнорировав мой вопрос. — На шаттле есть устройства для стазиса?

— Нет, в них не было нужды.

— Так я и думал. Пока укроемся в шаттле, но, по идее, неплохо бы перебраться на большой, лучше защищенный корабль. Если у тебя есть что-ни-

будь со средствами поражения и реактивным двигателем, мы вырвемся из грузового отсека. Ничего на ум не приходит?

— Дай подумать. Створки грузового шлюза довольно толстые. Парой лазерных пушек их не прошибешь.

— Может, что вспомнится?

— Ага, — оторопело пробормотала я, тщетно пытаясь осознать последние события. Я так боялась потерять «Серебряные крылья», а теперь поняла: это ерунда. Стать пленницей собственного корабля — вот что страшно. — Геспер, все случилось так внезапно. Пожалуйста, не суди меня строго. У меня есть периферическая нервная система, поэтому мне труднее приспособиться к радикальной смене парадигмы.

— Портулак, да разве я тебя виню? — Робот снова повернулся к пульту и что-то подрегулировал. — Оставлю двигатель в холостом режиме — вдруг появится шанс? Хотя особо рассчитывать на это не стоит.

— Я и не рассчитываю. Думаешь, на Невме заметили, что «Крылья» покинули орбиту?

— Наверняка.

— И что?

— Горечавки, скорее всего, гадают, в чем дело.

Могут подумать, что корабль угнала ты, а не Каскад и Каденция.

— Они так не подумают, — возразила я и тут же поняла, что Геспер прав. — Надо было связаться с Лихнисом.

— Горечавки решили бы, что ты искажаешь ситуацию, выставляя злодеями роботов.

— Они и есть злодеи.

— На Невме в это не поверил бы никто.

— Лихнис поверил бы. Он поверил бы в любой мой рассказ, как бы дико тот ни звучал.

— Тогда жаль, что ты не связалась с Лихнисом, хотя в итоге это мало что изменило бы. — Золотая ладонь Геспера легла мне на плечо. Пальцы у него были холодными, сильными, но при этом нежными. — Вероятно, и не получилось бы. Если Каденция и Каскад подчинили корабль прежде, чем ты решила их катапультировать, — а я в этом почти уверен, — они без особых раздумий блокировали бы твои попытки.

Я закрыла усталые затуманенные глаза, отчаянно желая, чтобы Вселенная сложилась в стопочку и спряталась в уголок. Но вот я разомкнула веки и обнаружила, что и Геспер, и Вселенная ждут моего ответа.

— Мне страшно, — призналась я. — Прежде я

всегда контролировала ситуацию. Даже к Фантому Воздуха мы отправились по собственному желанию.

— Рано или поздно такое случается с каждым.

Геспер коснулся моих век большим и указательным пальцем. Не будь прикосновение молниеносным, я вздрогнула бы, а так почувствовала лишь ледяной укол, слишком быстрый, чтобы отозваться болью. Доля секунды — и золотая ладонь опустилась.

— Я подлечил тебе глаза. А то в обоих лопнули капилляры, а в правом еще сетчатка частично отслоилась. Полагаю, сейчас ты видишь лучше.

Чудо из чудес, но он оказался прав.

— Что ты сделал?

Геспер поднял указательный палец левой руки. Между золотым ногтем и ложем появилось что-то вроде крошечного гарпуна, усеянного фрактальными шипами, мельчайшие из которых растворялись в пурпурно-золотой дымке, словно устройство лишь частично находилось в фокусе. Или в реальности.

— Я восстановил тебя, — ответил Геспер. — Это было не трудно.

— Ты всегда это умел?

— С тех пор, как мы встретились.

— Но ты еще много что умеешь. После возвращения от Фантома ты изменился.

— Умений у меня не прибавилось, но я вижу мир в новом свете. А еще знаю куда больше прежнего.

— Потому что Фантом восстановил твою память?

— И поэтому тоже.

— А еще почему?

— Портулак, мне открылось много нового. Кое-что я никак не могу принять.

— Но сейчас не время об этом говорить?

— Да, сперва ты должна решить, остаемся мы в шаттле или перебираемся на другой корабль.

— Решение должна принять я?

— Портулак, мне известно многое, но только не содержимое этого грузового отсека. Подумай хорошенько. От этого зависит наше будущее.

— Ну, тогда я само спокойствие и хладнокровие.

Часть шестая

— Миледи, — начал Добентон, с поклоном войдя ко мне в покои, — я принес дурную весть.

Прошло две недели с тех пор, как я уколола палец иглой кровной связи. Я ожидала, что Калидрий появится в Облачном Дворце через два-три дня. Ну, или через четыре-пять, если учесть трудности странствий по открытой местности под носом у шпионов Мордекса. К концу первой недели я начала беспокоиться, а к концу второй — почти смирилась с ужаснейшим из вариантов — гибелью Калидрия. С одной стороны, я очень давно не получала от него вестей. Только поднося мне в дар иглу кровной связи, Калидрий обмолвился, что магия действует, пока жив он. Уколов палец, боли я не почувствовала, а ведь покинь Калидрий наш мир, я должна была ощутить хотя бы укол.

— Добентон, выкладывайте свою весть. Калидрий погиб? Его поймали на подступах к Облачному Дворцу?

— По донесениям наших шпионов, Калидрий жив. Миледи, мы совершили чудовищную ошибку.

До появления Добентона я сидела у красивого витражного окна.

— Не понимаю.

— Очевидно, когда вы подали знак Калидрию, он уже томился в плену у Мордекса. Разбойники графа захватили его с большой группой селян. Среди них были кузнецы и умелые ремесленники, поэтому пленных не казнили. Мордекс сделал их рабами, чтобы ковали оружие для его армий. Калидрий ловко замаскировался, а дар свой скрыл блокирующими заклинаниями. Затея мудреная, опасная, но она почти удалась. Калидрий одурачил даже чародеев Мордекса. Это не могло продолжаться до бесконечности — сила тратилась немыслимая, — но тщательный осмотр и проверку Калидрий выдержал. Позднее, когда пленных направили бы на работы, Калидрий изловчился бы освободиться.

— Прошу вас, расскажите, что еще узнали наши шпионы.

— Один из пленных увидел Калидрия в момент укола и ощутил действие чар. Кровь на пальце Калидрия появилась откуда ни возьмись, а боль была несоизмерима с пустяковой ранкой. В тот же миг Калидрий утратил контроль над блокирующими заклинаниями — слишком много сил они

отнимали. Пленный испугался, вызвал стражу и рассказал о случившемся. Калидрия схватили и привели к Мордексу. К тому времени чародеи графа уже почуяли, что в Черном Замке появился великий разум. Калидрия разоблачили, заковали в цепи и заткнули рот кляпом, прежде чем он использовал магию против пленителей.

— Это шпионы вам поведали? — недоверчиво спросила я Добентона. — Раз у нас на службе такие люди, как же мы Черный Замок до сих пор не захватили?

— Еще мы получили это послание, — объявил Добентон, протянув мне письмо.

При виде печати с черной решеткой я содрогнулась: очередная депеша от моего сводного брата. Я вскрыла письмо и прочла злорадный рассказ Мордекса о пленении Калидрия.

«Думаешь, я не смогу изменить его? — прочла я. — Ошибаешься. Изменить можно. Изменить можно любого. Меня изменил Палатиал. Я думал, что я сильнее игры, что смогу стать Мордексом, не унаследовав его прошлого и характера, но просчитался, а ты просчиталась с Калидрием. Я скажу: ты предала его ради спасения своей фрейлины, а я захотел удостовериться, что это не самозванец, и потребовал у тебя доказательства.

Сперва он мне не поверит, но я видел, как ломаются люди. Время подточит его преданность и подчинит воле Черного Замка. Тогда на Королевство обрушится магия, силу которой ты даже не представляешь».

Я посмотрела на Добентона, чувствуя, как в жилах стынет кровь:

— Все кончено. Мы проиграли.

Веки у Добентона набрякли от постоянного недосыпания. В последние дни мажордом Добентон, главный стражник Цирлий и мои министры думали только о Калидрии и Черном Замке.

— Может, Калидрию хватит силы не перейти на сторону врага.

— Такое пока никому не удавалось. Добентон, вы же читали письмо графа. Не притворяйтесь, что не вскрывали его, прежде чем вручить мне. Разве трудно запечатать письмо по новой? Палатиал изменил графа. Я помню, каким он был, прежде чем попал в зеленый куб.

— Какой Палатиал, миледи?

На миг я почувствовала холодок невероятного открытия, секрета, который сделает наши проблемы менее страшными. Подобное чувствует актер, который настолько вошел в роль, что забыл: на сцене разыгрывают спектакль. Погло-

щенный переживаниями своего персонажа, он вдруг осознает, что это лишь представление и он волен сбросить маску когда пожелает. В последнее время такое чувство посещало меня не раз, — казалось, я играю роль и вне стен с зеленой обивкой мои поступки значения не имеют. Порой слово или фраза — Палатиал, газосборник, Малые Миры — представлялись зловещим ключом, который вот-вот откроет страшные тайны. К счастью, — ведь они отвлекали от насущных проблем — эти моменты быстро проходили, оставляя смутную тревогу.

— Не обращай внимания, Добентон. Я просто не думаю, что нужно слишком полагаться на моральную устойчивость Калидрия: на карте-то судьба Королевства… — Я замялась, водя пальцем по острым углам письма. — Есть ведь и другой кандидат в помощники. В первый раз, когда предложили такой вариант, я его отвергла и с учетом ситуации на тот момент была права. Но расстановка сил изменилась, события приняли более зловещий оборот, и я должна подумать снова. Если магию Калидрия обратят против нас — боюсь, именно так и случится, — нам нужен союзник, равный ему.

— Вы о Реликте, нерадивом ученике. — Земли-

стое лицо Добентона стало еще бледнее. — Миледи, я и тогда не согласился с Цирлием. Реликт должен сгнить в темнице.

Насчет моральной устойчивости Калидрия я не ошиблась, хотя о том, что он перешел на сторону Мордекса, услышала лишь через месяц, когда Призрачные Солдаты стали нападать на наших людей.

Единственной слабой стороной графа Мордекса всегда была численность армии. Его прекрасно вымуштрованных и вооруженных солдат едва хватало на все кампании и атаки границ Королевства. Моя армия была больше, хотя, что греха таить, менее эффективной. Лишь численный перевес моих солдат держал Мордекса в узде. Если бы граф добился перевеса, он не стал бы брать заложников и переманивать Калидрия. Человек практичный, хорошо усвоивший кровавую науку войны, он не жаловал магию. Однако я ни секунды не сомневалась, что при определенных обстоятельствах он использует нового пленника на все сто.

Первые сообщения о Призрачных Солдатах поступили от испуганных, не слишком надежных свидетелей. Очередную деревню спалили разбойники. Вернее, за разбойников с пиками и

факелами выдавали себя люди Мордекса. Но на сей раз их сопровождали всадники в доспехах. Примчались они на тощих конях, поджарых и быстрых, как борзые, остановились за деревней и наблюдали за пожаром. Лишь один всадник прискакал на крепком коне, лишь один поднял забрало шлема. У остальных доспехи покрывали каждый дюйм тела. Всадник с поднятым забралом был в кожаной тунике с металлическими нашивками. Он явно командовал другими, хотя ни одной команды вслух не произнес.

Селянин, у которого спалили дом, в порыве ярости разыскал всадников и принялся стрелять в них из краденого лука. Он выпустил шесть стрел, но они либо отскочили от доспехов, либо застряли в них, не причинив вреда. Когда разбойники ушли из деревни, всадники в доспехах двинулись следом. Тут селянин выпустил седьмую стрелу, которая по счастливой случайности угодила в коня, а не во всадника. Конь встал на дыбы и сбросил седока. Когда тот упал наземь, раздался лишь скрежет металла. На звук обернулся только всадник в кожаной тунике. Он махнул рукой, и остальные поскакали следом за ним, даже не взглянув на упавшего.

Селянин выбрался из укрытия и взглянул на

поверженного всадника. Увиденное потрясло его до глубины души. Доспехи сломались, рукав отлетел, а оторванной руки не было. Селянин нашел лишь броню, пустой металлический панцирь. Тогда он понял, почему кони были такими тощими и быстрыми, — они несли доспехи без седоков.

Так мы впервые услышали о Призрачных Солдатах. Через несколько недель вести о них поступали со всего Королевства. Передвигались Призрачные Солдаты и ночью и днем — так быстро и проворно, что границы наши пересекали там, где прежде нарушителей не было. Их кони пахли мертвечиной, словно лошадиные трупы реанимировали специально для этих седоков. Кони не щипали траву, не пили воду и в самый холодный вечер из ноздрей у них не валил пар.

А сколько их было! Благодаря магии, которую использовал против нас Калидрий, Мордексу нужно было позаботиться лишь о доспехах. Наши кузнецы справились бы, но какой резон, если у нас нет столько солдат. А вот Мордекс мог заполучить их в любом количестве.

Тогда я поняла: хватит сомневаться, без Реликта нам не обойтись.

Глава 25

Я разминал ноги на имирском мосту, завороженный хлопающими на ветру флагами — яркие цвета пульсировали на фоне неба, — когда меня разыскал Чистец.

— Лихнис! — позвал он, поднимая ворот куртки, чтобы защититься от ветра.

— Волчник закончила допрос?

— Речь пойдет о Портулак. Только что поступили печальные новости.

До сих пор ветер меня не тревожил, а тут пронизал до самых костей.

— В чем дело?

— Нам известно лишь, что она поднялась на «Серебряные крылья» с обоими роботами. И вот недавно ее корабль без предупреждения покинул орбиту. Сейчас он удаляется от Невмы с максимальным допустимым ускорением.

Чтобы не упасть, я схватился за перила моста — от таких новостей голова буквально пошла кругом.

— Когда это случилось?

— Еще и пятнадцати минут не прошло. Я разыскал тебя, как только смог.

— Мне нужно на орбиту.

— Все шаттлы в боевой готовности. Через пару минут забираю свой — хочешь, полетели вместе. Заброшу тебя на «Лентяя», потом состыкуюсь с «Голубянкой красивой».

Потрясенный до глубины души, я даже не оценил его жест.

— А другие корабли?

— Три отправлены в погоню без экипажа. Три покинули орбиту, так что какое-никакое преследование уже организовано. «Серебряные крылья» они не настигнут, но хотя бы окажутся…

— …в зоне обстрела, — договорил я.

— Окончательно мы еще не решили, но нужно рассмотреть все варианты. Пока непонятно, что там произошло, но в плане такого точно не было. Не говорю, что мы сразу откроем огонь на поражение. Нет, это в самом крайнем случае. Но если подобьем — замедлим настолько, чтобы приблизиться…

— Понимаю, к чему ты клонишь. Только Портулак не угнала бы собственный корабль.

— Она не хотела отдавать его роботам.

— А ты на ее месте захотел бы? — Я зло покачал головой. — На Портулак это не похоже. Она собиралась отдать «Серебряным крыльям» распо-

ряжение о передаче и вернуться с гордо поднятой головой.

— Что же случилось?

— Мне эти роботы сразу не понравились.

— По-твоему, они угнали корабль? — Чистец смерил меня раздраженным взглядом. — Лихнис, они и так получили бы его. Зачем им заморачиваться, если нужно было лишь дождаться, когда Портулак его передаст?

— Не знаю. Я просто говорю, что они мне не нравились. И не надо обвинять меня в роботофобии — с Геспером я ладил прекрасно. — Тут меня осенило. — Поговорить с Портулак никто не пробовал?

— Мы попробовали сразу, как «Серебряные крылья» сошли с орбиты. Она не ответила.

— Это доказывает, что дело нечисто.

— Неужели?

— Портулак не улетела бы, не простившись с нами. Чистец, она непременно объяснила бы что, как и почему.

— Может, она ответит, когда почувствует себя в безопасности.

— Портулак не отвечает, потому что не в состоянии. Там что-то случилось.

Мало-помалу из клубка мыслей выделилась

страшная и черной тучей заслонила безоблачное небо: «Портулак убили!» Я пытался отогнать ее, но она возвращалась. Если роботы угнали корабль, вместо того чтобы дождаться официальной передачи, то уж человека уничтожили бы глазом не моргнув.

— Мне нужно туда, к ней.

— Сейчас полетим. — Чистец схватил меня за плечи. — Слушай внимательно, Лихнис. У нас были разногласия. Я не жду от тебя ни дружбы, ни прощения за то, что я причинил Портулак. Пойми, я имел на то причины — думал о Линии, об этом невероятно хрупком, уникальном образовании, которое нас объединяет. Еще я стремился показать, что дисциплина сейчас важна, как никогда раньше. Ничего личного, никакой мести здесь нет. Можешь не верить, но я признаю, что ошибся, позволив Волчник вести допрос. Если простишь мне обиды, я выброшу из головы твое бесцеремонное, неуважительное отношение к Линии. Я протягиваю тебе руку товарищества и взаимопонимания. Если Портулак оступилась, она заслуживает шанса исправиться. Если не оступалась — абсолютно и безоговорочно заслуживает нашей помощи. Чтобы нагнать ее, я пущу корабль во весь опор. И ты наверняка

тоже. Наши чувства разделяют еще сорок восемь шаттерлингов.

— Ты все сказал? — поинтересовался я, сделав небольшую паузу.

— Только то, что хотел. Если ты согласен полететь со мной, шаттл готов поднять нас на орбиту. Если мое общество тебе в тягость, скорее всего, Аконит или Пижма предложат свои услуги.

— Полетели, — отозвался я после короткого размышления.

Политика Линии предписывает держать корабли готовыми к вылету, чтобы выйти за орбиту и помчаться в межзвездное пространство, едва патрульный заметит врагов. Каждую секунду пребывания на Невме в глубинах сознания шаттерлингов маячила перспектива отлета. И вот через полчаса мы должны были покинуть планету и, вполне возможно, никогда больше ее не увидеть.

Это, впрочем, не означало, что все оставшиеся корабли помчатся в погоню за «Серебряными крыльями зари». Произошло чрезвычайное происшествие, но поводом для экстренной эвакуации оно не считалось. В тот день орбиту патрулировал Калган на «Полуночной королеве», и он не сообщил ни о странных нарушителях,

ни о подозрительных флотилиях, переходящих с космической скорости на орбитальную. Линия, хоть и поредевшая, не покинет убежище. В любом случае из тридцати пяти уцелевших кораблей как минимум половина по скорости не могла сравниться с «Крыльями», а из оставшихся шанс догнать их был менее чем у десяти. Три уже отправились в погоню без экипажей. Если бы не апгрейд Атешги, «Лентяй» считался бы безнадежно медленным. Теперь мой корабль стал полуперспективным: чтобы настигнуть Портулак, следовало выжимать из двигателя супермаксимум, а что до конструкции корабля — я даже не представлял, какие условия и ограничения сейчас применимы.

— Продолжаем сигналить, но ответа до сих пор нет, — объявил Чистец, когда мы подошли к «Лентяю» на расстояние переброса. — Если кораблем управляют роботы, им нечего у нас требовать.

— В самом деле, нечего, — отозвался я. — Есть данные о траектории полета?

— «Крылья» движутся в антицентр галактики параллельно ее плоскости. Когда попадут в межзвездное пространство, могут сделать один поворот, но пока нет причин думать, что корабль летит не в Кольцо Единорога.

— Чистец, тут что-то не так.

— Тут все не так.

— Но не по вине Портулак. В глубине души ты сам это понимаешь.

— Я очень удивлюсь, если Портулак виновата, хотя мне удивляться не впервой.

— Спасибо, что подвез, — поблагодарил я и перебросился на «Лентяя».

Корабль почувствовал, что я прибыл, и мгновенно подготовился к отлету. Когда я попал на мостик, «Лентяй» уже рвался в погоню.

События развивались так стремительно, что казались ирреальными. Через двенадцать часов скорость «Крыльев» должна была приблизиться к световой настолько, что быстрейший из кораблей сможет настигнуть их лишь через сто тысячелетий. К тому времени и беглец, и преследователь попадут в другой конец галактики. Единственный шанс догнать Портулак — пуститься в погоню немедленно, забыв о мерах предосторожности.

Я сел за пульт, задал курс и ускорение в тысячу «же». Невма понеслась вниз, словно камешек в колодец. Когда высаживались, она, как и другие планеты, казалась размером со Вселенную. Сейчас я увидел Невму в истинном свете — серебри-

стый шарик, крошечный на фоне окружающего вакуума, отделенный от него тончайшей прослойкой атмосферы.

Первые несколько минут я летел один — в ближайшем окружении сенсоры не улавливали никого; потом появились другие корабли, не уступающие «Лентяю» в скорости разгона. Впереди неслись беспилотники Горчицы, Лебеды и Лопуха, следом еще пять — в их числе «Лентяй» и «Голубянка красивая», три других принадлежали Щавелю, Пижме и Паслену, пассажирами на них летели трое владельцев авангарда. Скоро шестым к нам должен был присоединиться Калган, бросивший патрулирование ради преследования. Он выжимал сто двадцать «же», умоляя «Полуночную королеву» не жалеть реактивную тягу. Из всей эскадрильи догоняющих именно «Королева» имела наилучшие шансы сократить расстояние до «Серебряных крыльев зари», хотя крейсерская скорость корабля Портулак была намного выше.

Через час от Невмы, теперь яркой точки, едва различимой в свете звезды, нас отделяло более трех световых минут. Когда полет перешел в стабильную фазу — по договоренности лимит ускорения составлял тысячу «же», — мы сблизили корабли настолько, чтобы провести

конференцию в режиме реального времени. У моего мостика, как и на других кораблях, появился круглый стол. Вокруг одно за другим возникли имаго братьев-шаттерлингов. Все были четкими, за исключением имаго Калгана, расплывчатость которого напоминала, что хозяин «Полуночной королевы» отстает более чем на минуту и оперативно реагировать не сможет.

— В полдень ни один из нас не чаял еще до заката оказаться на корабле, летящем прочь от Невмы, — начал Чистец. — Что бы ни говорили о Горечавках, когда нужно, к ситуации мы приспосабливаемся мгновенно. Горчица, Лебеда и Лопух, спасибо, что выслали свои корабли вперед. Уверяю, Линия вашу щедрость не забудет.

— Перебрасываться опасно, но, если ускориться до одиннадцати или даже двенадцати «же», мы приблизимся к нашим кораблям настолько, что я полечу к своему на шаттле, — проговорила Лебеда. Она положила руки на стол, демонстрируя длинные ногти, к похоронам Минуарции покрашенные черным лаком. — Мне лучше находиться у себя, чем сидеть здесь и наблюдать издали. Тройка авангарда слишком далеко от нас для эффективного управления в режиме реального времени, а у моего корабля нет протоколов для

такой ситуации. Я о боевых протоколах, если кто не понял, — спокойно добавила Лебеда.

— С протоколами разберемся, — пообещал Чистец. — Сперва хотелось бы выслушать Лихниса. Он знает Портулак лучше любого из нас. В кои веки я не собираюсь его критиковать — сейчас не до критики. Если у него есть идеи, догадки, что угодно, связанное с этой ситуацией, нам бы хотелось услышать.

— Нет у меня идей, — отозвался я. — Только то, что уже сказал: Портулак не виновата. Она либо убита посланцами машинного народа, либо у них в плену.

— Зачем все это роботам? — удивился Горчица. — Ни пленение, ни даже убийство Портулак им ничего не дает. Корабль они и так получили.

— Если Портулак пошла против Линии… — начала Пижма.

— Не пошла! — перебил я. — Мы разговаривали перед самым ее отлетом. Скорое расставание с «Серебряными крыльями» Портулак не радовало, но она смирилась. Еще она хотела, чтобы роботы наилучшим образом помогли Гесперу. Если бы для этого требовалось пожертвовать кораблем, Портулак пожертвовала бы с готовностью.

— А если она блефовала? — спросил Щавель,

трепля посеребренную проседью бороду. — Извини, но кто-то должен был спросить. Если Портулак спланировала все заранее, тебя в курс дела она точно не ввела бы.

— Портулак не блефовала.

— Наверняка ты знать не можешь. Горечавки не ясновидящие. Если Портулак твердо решила…

Я пригвоздил Щавеля гневным взглядом. Прежде отношения мы не выясняли, но и настоящими друзьями не были.

— Уверяю, Портулак не собиралась угонять свой корабль.

— Предположим, Лихнис прав, — сказал Чистец. — Первая наша задача — остановить «Серебряные крылья зари». Вот справимся с этим, вытащим Портулак, тогда разберемся, что там стряслось.

— Как ты собираешься останавливать «Серебряные крылья», не подбивая их? — поинтересовалась Пижма. — Простите, я неловко выразилась. Только не набрасывать же на «Крылья» аркан в надежде, что корабль полетит медленнее.

— Стрелять будем прицельно и подобьем «Крылья», чтобы не пострадали экипаж и пассажиры, — сказал Чистец. — Сейчас это оптимальный вариант.

— С Портулак кто-нибудь связывался? — спросил Горчица.

— Мы сигналим ей с тех пор, как «Крылья» покинули орбиту Невмы, — ответил Чистец. — Она молчит.

— Что не доказывает ровным счетом ничего, — парировал я. — Если корабль захватили роботы, им с нами разговаривать не о чем.

— По-твоему, Портулак еще жива? — спросила Пижма.

— Надеюсь.

— Это не ответ.

— Другого предложить не могу. Давайте не будем об этом, пожалуйста.

К счастью, Пижма не настаивала.

— Прежде чем займемся «Серебряными крыльями», нужно обратить внимание на один момент, — проговорила Лебеда, барабаня ногтями по призрачному столу. — Если корабль захватили роботы, можно предположить, что они действуют от имени машинного народа. Обстрел «Крыльев», даже с целью замедлить, может быть истолкован как враждебное действие, а с определенной позиции — как объявление войны.

— Они же не идиоты, — возразил Лопух. — Это единичный случай. Наш корабль вывели с орби-

ты без должных объяснений. Мы имеем полное право вернуть собственность Линии.

Лицо Лебеды дышало непреклонностью, было ясно, что возражений она не потерпит.

— Я сказала «с определенной позиции», — напомнила она. — Нас могут, как минимум, исключить из Союза. Нет нужды объяснять, сколь катастрофичны будут последствия для Линии Горечавки, особенно в этот час. В худшем случае мы спровоцируем роботов на акт возмездия.

— Мы обоснуем свои действия, — проговорил Чистец.

— Надеюсь, кто-нибудь нас послушает. Между этими двумя вариантами целая уйма дополнительных, и почти все они плохие. На нас может напасть другая Линия — просто чтобы показать роботам свою силу. Если против нас объединятся несколько молодых цивилизаций, малой кровью тоже не отделаться.

— Тех, кто осмелится, разобьем наголову, — пообещал Чистец. — И роботов тоже, если они посмеют ополчиться против нас. Несмотря на их силу и быстроту, мы существуем куда дольше их.

— Не будем забегать вперед, — сказал я, надеясь образумить остальных. — Нам мало известно об этих двух роботах, да и о машинном народе в

целом, если уж на то пошло.

— К чему ты ведешь? — спросил Горчица.

— К тому, что не нужно спешить с выводами. У нас уже есть основания считать, что первопричиной засады стал мой полет на Вигильность. Повод лететь туда был и у доктора Менинкса, и у Геспера. Возможно, он был и у Каскада с Каденцией.

— Роботы прилетели к нам, — напомнил Щавель.

— Моей точке зрения это не противоречит. Ни с того ни с сего Вигильность оказалась в центре внимания, а из-за моей нити это внимание коснулось и нас. Вполне вероятно, роботы решили, что мы для них интереснее.

— Не пойму, с какой стати, — с сомнением отозвался Щавель. — Почему бы не полететь прямо на Вигильность, раз она всех так интересует?

— Вигильность не имеет дел с роботами — признает только органический интеллект. Почему — спросите у самих кураторов. Геспер собирался выдать себя за человека. Для этого потребовались бы большие жертвы: физические возможности пришлось бы урезать до предела и у него могло не получиться. Вероятно, Каскаду и Каденции таких сложностей не хотелось или они заранее решили, что риск разоблачения слишком

велик. Представляете некрасивую ситуацию: людей-машин уличили в попытке внедриться в человеческую цивилизацию? Галактику вполне мог охватить дипломатический кризис, причем без усилий с нашей стороны. Поэтому роботы и прилетели к нам — выяснили, что мы получили от Вигильности информацию, имеющую стратегическую ценность. Они понадеялись раздобыть эти данные у нас, минуя Вигильность.

— Считаешь, они так пристально следили за нами? — спросил Щавель.

— Кто-то же следил, — отозвался я, устало пожав плечами.

— По-твоему, роботы связаны с Домом Солнц? — поинтересовался Чистец.

— Все взаимосвязано, — ответил я, — но это не значит, что все преследуют одну и ту же цель.

— Я был готов поверить, что мы вызвали гнев другой Линии, — начал Чистец. — Что засада — расплата за что-то совершенное много циклов назад, за оплошность, которой мы тогда не придали значения.

— Но сейчас ты так не думаешь, — продолжил его мысль я.

— Нет, если тут замешаны роботы. И не нужно себя обманывать — они тут замешаны. — Чистец

оглядел участников дискуссии. — При всем уважении к Эспарцет…

— Похоже, ее использовали, чтобы добраться до нас, — перебил я. — Получается, машинный народ интересуют все наши дела. Роботы отправили Геспера. Каскада с Каденцией, по-моему, тоже. Вопрос лишь в том, одинаковые ли у этих посланцев цели.

— Разве это не очевидно, если все они из машинного народа? — спросил Щавель.

— Ничего подобного. Как и люди, роботы могут быть непослушны и непокорны. — Стоило задуматься о недавних событиях и поискать в них логику, начинала болеть голова. Я прижал пальцы ко лбу. — Я лишь говорю, что Каскад и Каденция могли исполнять другой приказ или иметь бóльшую свободу действий.

— По мне, так они не особо усердствовали, — заявила Пижма. — Прилетели на сбор, уцелели в бойне, погостили на Невме и согласились вернуться домой с новостями о засаде. Что я пропустила?

— Почти ничего, — отозвался я. — Единственное: Каскад и Каденция улетели с Геспером, чего наверняка не планировали. Помимо того — если роботы не коварнее, чем нам казалось, — они

вряд ли проникли в наши тайны или выяснили на Невме больше, чем мы. По-моему, на допросах они почти не присутствовали, словно не очень-то ими интересовались.

— Может, они заранее знали все, что скажет Синюшка? — предположил Горчица.

— Если людей-машин не интересуют наши секреты и рассказы пленных, что же им нужно? — спросил Щавель.

— Очевидно, другое, — ответил я. — Нечто мозолящее нам глаза, нечто столь очевидное, что мы не замечаем, или же нечто, совершенно нам неизвестное.

— Но имеющее к нам отношения, — уточнил Горчица.

Тут впервые заговорило расплывчатое имаго Калгана:

— Простите, что вмешиваюсь, но, по-моему, ясно одно: угон не в стиле Портулак. Соглашусь с Лихнисом — ее наверняка обманули роботы. Не стоит забывать: именно они завели разговор о том, что им нужен быстрый корабль. Портулак не повезло, что подошли именно «Крылья» и что именно она заслуживала наказания.

Чистец стиснул зубы, но перебивать не стал.

— Портулак просто жертва обстоятельств. К

счастью, она — это она, находчивая, приспосабливающаяся к обстоятельствам Портулак, и угнан ее корабль. По-моему, очень велики шансы, что она жива. С другой стороны, не исключено, что роботы захватили контроль над пушками «Серебряных крыльев». Приблизиться к кораблю, возможно, будет непросто.

— Есть же специальные средства защиты, не позволяющие кораблям одной Линии обстреливать друг друга, — напомнил Щавель.

— Если роботы достаточно изобретательны, они любое из них обойдут, — через минуту отозвался Калган. — Нельзя закрывать глаза на опасность. Впрочем, у нас есть броня, генераторы защитного поля, свое оружие и подавляющее численное преимущество. Предлагаю заблокировать ограничители скорости на первых трех кораблях — пусть максимально приблизятся к Портулак.

— Я по-прежнему хочу вернуться к себе! — с негодованием заявила Лебеда.

— Я тоже, — поддержал ее Горчица.

— Корабль, даже быстрейший, можно заменить, — парировал Калган, — шаттерлинга, даже худшего, — нет.

— А если погоня провалится? — спросил Чистец. — С чем мы останемся, если потеряем три

корабля авангарда?

— У «Полуночной королевы» наилучшие шансы ликвидировать отрыв, — ответил Калган. — Средства поражения и броня у нее не хуже, чем у других участников преследования. Если понадобится, я пойду в отрыв следующим. — Он скупо улыбнулся. — Уверяю вас, я полностью осознаю возможные последствия.

— В отрыв мы пойдем все вместе, — предложил я.

— Очень благородно с твоей стороны, Лихнис, но нужно подумать о Линии. Еще немного беззаветной храбрости — и Горечавки исчезнут. Чтобы выжить, необходимо подбавить тактической трусости. — Калган снова улыбнулся — так улыбаются те, кто не рассчитывает дожить до конца цикла. — Я не первый храбрец Вселенной. Откровенных трусов среди нас нет, зато у каждого здоровое чувство самосохранения. В любом случае у меня быстрейший из кораблей, значит я обязан использовать его на благо Линии.

— Пока не приблизимся к первой троице, ничего не предпринимай, — распорядился Чистец. — И даже тогда никакой самодеятельности.

— Значит, решено? — спросила Лебеда. — Наши корабли пускаются в расход?

— Лучше корабли, чем вы сами, — ответил Чистец, безапелляционным тоном давая понять, что тема закрыта. — От Невмы мы летим на тысяче «же». Кто готов в крайнем случае поднять скорость до тысячи двухсот?

Сразу не ответил никто. Каждый понимал: кораблям придется солонее, чем когда-либо. Даже если двигатели выдержат, мы отдадим себя на милость инерционным буферам, работающим в турборежиме. Мы медленно переглянулись, чувствуя, что проблема у нас общая, а значит — и риск общий.

— Я готов, — отозвался я.

— Все готовы, — проговорил Горчица. — Всё или ничего — у Горечавок принято так.

Глава 26

Геспер отвернулся от пульта управления шаттла и покачал красивой головой:

— Портулак, ситуация очень серьезная.

— Мы повредили челнок, когда пытались сбежать?

— Сомневаюсь, что проблема в передатчике или в приемнике. Скорее, «Серебряные крылья» блокируют сигналы шаттла, либо ответные сиг-

налы с Невмы, либо сигналы с кораблей, которые наверняка летят следом.

— Это лишь челнок, — напомнила я. С чего Геспер уверен, что кто-то летит следом? По моим подсчетам, мы в пути не более трех часов. Порой у Линии на завтрак не меньше уходит! — Никто не ожидал, что он станет сигналить более чем через пару световых секунд или через ведущее поле другого корабля, — проговорила я, чувствуя, как накатывает уныние.

А вот мой спутник унывать не собирался:

— Я просил подумать о переходе на корабль, в котором проще спастись или отражать атаки. Ты составила список?

От усталости путались мысли. На Невме только вечерело, а мне казалось, что роботы захватили «Крылья» несколько дней назад.

— Варианты есть.

— Отлично, — похвалил Геспер, скрестив сильные руки на груди. — Расскажи о них.

— Один стоит в паре километров к началу отсека, ближе к двери, через которую мы вошли.

— То есть дальше от шлюза?

— Боюсь, что так, но, сколько ни перебираю в уме корабли, постоянно возвращаюсь к нему. Он словно приглашает нас в нем укрыться.

— А надолго получится? На неопределенно долгий срок?

— Это ковчег, не новый, построен молодой цивилизацией. Другой народ нашел его бесхозным, снабдил стардрайвом и чем-то еще. Оттуда можно подать сигнал через ведущее поле «Крыльев». И там есть рабочий синтезатор.

— А устройства для стазиса?

— Вроде бы тоже.

— Вроде бы…

— Геспер, я вспоминаю как могу. На ковчег давненько не заглядывала, но, по-моему, камеры там есть. По крайней мере, для меня. Насчет тебя не знаю.

— Я обойдусь. Перебираться нужно сейчас же, пока у Каскада с Каденцией другие заботы. На этом шаттле синтезатор есть?

— Есть, но небольшой. Что ты задумал?

— Хотел сделать для тебя скафандр, если, конечно, здесь нет готового.

— Скафандр?

— Думаю, он понадобится. Мы ведь не можем ни перебросится на другой корабль, ни рассчитывать на наличие воздуха в этом грузовом отсеке.

— Не помню, когда в последний раз надевала

скафандр… — растерялась я. — Погоди! Надевала, когда мы были на Вигильности…

— Если не ошибаюсь, там был только Лихнис.

— Ну вот, память шалит… Этот синтезатор не справится, разве по частям. Зато в багажнике может найтись готовый.

— По-твоему, это вероятно?

— Нет. На шаттле вроде этого скафандр если и нужен, то раз в миллион лет.

— Этот раз настал. Иди ищи скафандр, но не дольше двух минут. Если не уложишься, уходим без него.

Я послушалась, в глубине души понимая, что искать бесполезно. На счету шаттла миллиарды часов безопасного полета, и ни разу он не оконфузился, заставив пассажиров надеть скафандры.

— Сюда мы вряд ли сможем вернуться, — сказал Геспер. — Лучше не оставлять ничего ценного, ничего такого, что не изготовят синтезаторы ковчега.

— У нас ничего такого нет. Даже энергетического пистолета.

— Тогда уходим сейчас же. Расскажи подробнее, как добраться до ковчега. Опиши, как он выглядит и как попасть на борт.

Я описала, рассказала, и Геспер медленно кив-

нул:

— Да, помню, мы пробегали мимо, когда пытались спастись. Люк там, в тридцати восьми метрах от носа. Ковчег точно пустит меня на борт?

— Пломб там нет. Да и зачем? Корабль-то мой.

— Я хотел удостовериться. — Человек-машина повернулся к пульту управления. — Жди меня у люка. Я скоро.

— Что ты делаешь? — спросила я, глядя, как его пальцы скользят по пульту.

— Увеличиваю мощность двигателя.

Шаттл, скованный ограничителями платформы, ощутимо вздрогнул.

— Мы уже пробовали, — напомнила я. — Не получилось.

— По пути объясню. Сейчас не время.

Когда я спустила трап и сбежала на мостик платформы, Геспер уже закончил. С пульта раздался сигнал тревоги — челнок рвался с привязи, а взлететь не мог.

— Что ты сделал?

Робот спустился по трапу, нажатием кнопки убрал его в шаттл и заблокировал люк.

— Давай я понесу тебя. Чем быстрее доберемся до ковчега, тем лучше. Уверен, что за нами

следят.

— Неси, меня от этого не убудет.

— Значит, нас уже двое.

Геспер поднял меня на руки и побежал с невероятной скоростью. Золотые ноги так и мелькали, но меня совершенно не трясло — мы словно в воздухе парили.

— Геспер, что ты сделал с двигателем?

— Как я уже говорил, за нами наверняка летят корабли Горечавок. Двигатель шаттла сейчас работает против параметрического двигателя «Серебряных крыльев», слегка понижая его КПД.

— «Слегка» — очень сильно сказано. Это почти как тормозить океанский лайнер, опустив в воду прутик.

— Да, только прутиков у нас много.

— Не понимаю.

— У тебя полный отсек кораблей. Как только укроемся на ковчеге, я постараюсь завести как можно больше двигателей. Даже если получится лишь несколько, КПД «Крыльев» понизится на один-два процента.

— Каскаду и Каденции это не понравится.

— Я готов попробовать все, что им не понравится… — Геспер замолчал, а потом пробормотал: — Ну вот…

— Что «ну вот»?

— Только что почувствовал микроизменение в давлении.

Я глянула туда, где остался шаттл. Шлюз начал открываться — створка поползла вверх, обнажив тонкую полоску межзвездного пространства.

— Завеса давления… — начала я.

— Каскад и Каденция ее отключили. Портулак, дыши глубже. Боюсь, нас лишают воздуха.

Шквал ударил секундой позже — в вакуум засасывались почти пятьдесят кубических километров воздуха. Тихий свист постепенно набрал такую силу, что мне показалось, будто Вселенная разрывается пополам.

До ковчега оставалось больше километра. Я пробовала заговорить, но не услышала собственного голоса — его заглушил рев вылетающего воздуха. Шквал превратился в плотную стену, которая унесла бы меня в космос, не цепляйся я за Геспера. Не представляю, как его не сдувало, — наверное, при каждом шаге но́ги прилипали к мостику.

Издалека донесся гул, который заглушал даже вой ветра, хотя казалось, что такое невозможно. Прищурившись, я увидела один из своих кораблей — оборвав швартовы, он несся к нам,

кувыркаясь и налетая на суда побольше, еще державшиеся в ограничителях. Маленький, почти катер, нас бы он стер в порошок. Только я так подумала, катер врезался в другой корабль, так что тот, поймав ветер, понесся по отсеку, затем натолкнулся на Одиннадцатый Интерцессионный швертбот и рассыпался, как трухлявый скелет. Часть полетела в нашу сторону. Я машинально наклонила голову, точно это спасло бы. Гесперстиснул меня одной рукой, махнул освободившейся и отбил обломок. Я увидела лишь золотую вспышку. Мимо промчались другие куски, следом швертбот, тоже сорвавшийся с места. Обернувшись, я успела заметить, как обломки выплывают через открытый люк, а когда вдохнула, воздух стал разреженнее и холоднее, чем прежде. Люк открылся полностью, поэтому грузовой отсек опорожнялся куда быстрее. При следующем вдохе в легкие не попало ничего — я словно хваталась за то, что уже исчезло.

Видимо, я лишилась чувств, хотя как теряла сознание — не помню, потому что очнулась в теплой белой тишине с воздухом и гравитацией. Надо мной склонился Гесперр:

— Мы на ковчеге. Ты теряла сознание, но, по-моему, особо не пострадала. Ты хорошо себе

чувствуешь?

— Нет.

— Пожалуй, вопрос я задал не совсем корректно.

— Оклемаюсь, ничего страшного. Долго я была без сознания?

— Пару минут, а без воздуха всего девяносто секунд. Люк я открыл, следуя твоим указаниям. — Робот похлопал по белой стене, у которой стоял. — Отличный выбор, Портулак. Этот ковчег станет нам убежищем, по крайней мере временным.

Он помог мне встать, поддерживая бережно и трепетно, как любовник.

— Теперь мы в безопасности?

— Ковчег привел тебя в сознание, значит энергия точно есть. Судя по всему, в отсеке сейчас очень глубокий вакуум. Остальное выясним, когда покажешь мне центр управления.

— По-моему, мостик в той стороне, — махнула я рукой в сторону коридора.

— Тогда веди.

Белыми извилистыми проходами мы добрались в помещение, напоминающее купол, над китообразной носовой частью, где располагался мостик. По дороге попадались древние галереи, в

которых, ярус над ярусом, некогда были спальные места. Спящие наверняка напоминали каменные фигурки на стене собора. Сейчас там остались только гробики-ниши. Цивилизация, переоборудовавшая корабль, — ее забыли почти начисто, как и построившую его, — намеревалась использовать галереи не то для хранения груза, не то для развлечений и соответственно расширила двери. Другие галереи заполнили громоздкие устройства стардрайва и смежных систем, заняв добрую треть имеющегося объема. Не помню, пустовали ли оставшиеся грузовые отсеки или разрывались от моего хлама.

Круглый мостик венчал низкий вогнутый потолок. Мягкие, как кресла, сиденья из белой кожи стояли у круглого же пульта, над которым висел прозрачный шар-дисплей. От пульта управления поднимались разветвляющиеся белые черенки с наконечниками в виде упругих груш или мягких, похожих на курки ручек. Окон не было, под потолком разместились небольшие шарообразные светильники, белые стены покрывал светло-сиреневый узор. Белым на мостике оказалось почти все — и это при едва ли не полном отсутствии теней и контрастов.

— Я присяду, если ты не против, — сказал Гес-

пер, показав на гостеприимно-мягкое сиденье.

— Я не против. Садись и осваивайся.

Робот устроился поудобнее и склонился над пультом. Почти мгновенно части белого пола сложились в приборные щитки и подались к нему. На экранах появились акры плотного красного текста и диаграмм, набранных замысловатыми пиктограммами квадратного формата.

— Знакомые символы? — осторожно спросила я.

— Я их уже видел. Просто нужно немного времени, чтобы поднять фильтр перевода из глубин памяти.

— Отлично. Я давно хотела подогнать свои корабли под стандарты Линии, но все руки не доходили.

— Вот, будет тебе уроком.

— Каким еще уроком?

— Не откладывай на следующий цикл то, что можно сделать в этом.

Геспер выдал сей мудрый совет и замолчал. Золотые пальцы деловито шевелились — текст и диаграммы прокручивались с невероятной скоростью, слившись в размытую красную полосу.

— Ну, скажи что-нибудь хорошее, — попросила я через какое-то время.

— Как мы и предполагали, на ковчеге есть энергия. Важно то, что ее более чем достаточно для наших нужд. Стардрайв готов к работе. Системы жизнеобеспечения функционируют нормально. Есть двигатели реальной тяги, чтобы вырулить на свободное место. Если бы не препятствия, мы бы немедленно отсюда выбрались.

— Что же нам мешает? — спросила я, почесав затылок.

— Портулак, Каскад и Каденция полностью контролируют ситуацию. Шлюз они открывали, чтобы убить тебя. Воздуха больше нет, и я уверен, что они активировали завесу давления и закрыли створки. Боюсь, далеко нам не уйти.

— Можно хотя бы попробовать.

— При попытке к бегству мы погибнем. А сейчас, по крайней мере, живы и строим планы.

— А Каскад и Каденция тем временем…

— Мы способны причинить угонщикам неудобство, замедлив твой корабль. Тебе нужно составить список кораблей с рабочими параметрическими двигателями. А то их в отсеке слишком много — все обойти сложно.

— Список я составлю, а какие у нас еще варианты?

— Попробуем связаться с летящими следом,

параллельно уточним наше местонахождение, скорость и ориентировочный курс. Потом поразмыслим над причиной угона.

— Мы возвращаемся в Машинное пространство.

— Да, видимо, — неохотно согласился Геспер.

— Похоже, ты не слишком в этом уверен.

— Портулак, я ни в чем не уверен. Я давно не был в Кольце Единорога, но не помню, чтобы машинный народ горел желанием развязать войну. Как раз наоборот, прогрессивные мыслители мечтают о мире и процветании для обеих наших метацивилизаций. Меня послали изучить необычную информацию в архиве Вигильности ради полноты наших данных и любопытства. Заводить врагов и начинать военные действия меня не уполномочивали.

Так Геспер впервые сказал что-то определенное о своей миссии.

— А как насчет Каскада и Каденции?

— Их могла послать другая фракция машинного народа. Какая цель у них, сказать не могу.

— Но подозрения у тебя есть.

— Есть осколки подозрений и целая, очень неприятная правда, которую мне скоро придется поведать тебе.

— Скажи, зачем тебя послали, — попросила я, чувствуя, что под ногами вот-вот разверзнется бездна.

Геспер что-то отрегулировал, а на мой вопрос не ответил.

— Я заблокировал внешний люк ковчега. Теперь его просто так не откроешь.

— В нынешней ситуации не особенно обнадеживает.

— Не хочу завышать наши шансы. Если у Каскада с Каденцией есть доступ к системам «Серебряных крыльев», они изготовят любые устройства и оружие большой проникающей способности. Но синтезаторы есть и у нас. Мы будем защищаться. А еще у нас есть одна возможность, которой точно нет у угонщиков.

— Какая? — уточнила я, уловив в голосе робота зловещие нотки.

— Мы можем взорвать этот ковчег. Если его двигатель самоуничтожится, сомневаюсь, что хоть одна система герметизации предотвратит подрыв всех кораблей на этом складе, даже если «Серебряные крылья» накроют его защитной оболочкой.

— Значит, у нас есть-таки шанс им навредить, — проговорила я; заострять внимание на

страшном условии этого шанса не хотелось.

— Случится это мгновенно. Портулак, если боишься, последний этап можно провести, когда ты погрузишься в стазис.

— Не будем забегать вперед.

— Я просто хотел, чтобы мы оба осознавали наши возможности.

— Я все поняла. А Каскад и Каденция поймут?

— Да — что мы способны на такой шаг теоретически, а вот сообразят ли, что мы на него решились, — другой вопрос.

— Думаешь, им известно, что мы еще живы?

— Им известно, что я в рабочем состоянии, а ты была жива, пока не потеряла сознание. Вряд ли они способны следить за происходящим на ковчеге.

— Когда выберешься наружу, Каскад и Каденция тебя увидят.

— Я буду быстр, изменю свой цвет и постараюсь прятаться за кораблями и другими преградами.

— Мне нужно время, чтобы составить список. Мою космотеку бы сюда…

— Уверен, ты справишься, — по-деловому сухо проговорил Гесперр. — Сейчас, с твоего позволения, я переведу двигатель ковчега в режим руления. Псевдотягу использовать не рискну,

чтобы ненароком не съехать с платформы.

— Хорошо, — отозвалась я и отступила в сторону, чтобы не мешать.

Геспер пробудил спавший двигатель — завел его впервые за десятки субъективных тысячелетий. Многие корабли заартачились бы, но ковчегу, при реконструкции приготовленному для долгой славной жизни, подобная просьба немыслимой не показалась. На белых, прежде чистых панелях замелькали красные символы, послышались разные звуковые сигналы, меня вдруг качнуло так, что я схватилась за опору. Потом осталась лишь слабая пульсация, не звук, а нечто дозвуковое. «Серебряные крылья» плыли по волнам своего силового поля, а ковчег им противодействовал.

— Думаешь, Каскад и Каденция заметят?

— Непременно. Еще заметнее станет, когда я проделаю то же самое на других кораблях.

Я подумала о списке, который просил Геспер. Несколько кораблей уже можно было бы назвать, но не хотелось, чтобы он ушел, пока я не припомню все.

— Мне нужно чем-то записать названия и расположение.

— Просто назови вслух. Все важное я запом-

ню. — Геспер подрегулировал что-то на пульте — раздались новые звуковые сигналы. — Я включил передатчик ковчега на полную мощность и задал циклическую частоту — так сигналам легче проникнуть сквозь стены отсека и неравномерности вихревой струи за «Крыльями». Он сообщит, если получит сигнал обратной связи.

— Может, за нами никто не летит.

— Думаешь, Лихнис отпустит тебя без объяснений?

— Без разрешения Чистеца он за мной не погонится.

— Сомневаюсь, что запрет его остановит.

— Ты прав, не остановит. — От мысли, что Лихнис рядом, стало и легче и тяжелее. Хотелось, чтобы он был в безопасности, а не рисковал жизнью ради меня. — Геспер, — неуверенно начала я, — ты только что говорил о неприятной правде. Не хочешь со мной поделиться?

Робот встал — с пультом он пока закончил.

— Боюсь, удобный момент не настанет никогда.

— Давай считать, он уже настал.

Геспер обдумал мои слова и жестом показал на мягкое белое сиденье:

— Садись, Портулак.

— Зачем?

— Ты сильно взвинчена, а мои откровения не поднимут тебе дух.

— Не волнуйся, в обморок я не упаду.

— Присядь.

Я послушалась, а человек-машина встал передо мной, скрестив руки на груди.

— Я не Геспер, — объявил он.

От неожиданности у меня аж смешок вырвался:

— Как это не Геспер? Я тебя знаю. Я доставила тебя к Фантому Воздуха и забрала обратно.

— Я неловко выразился. Я был Геспером, а теперь нечто большее. Геспер по-прежнему часть меня, очень важная, драгоценная, но он не весь я. Теперь я человек по имени Абрахам Вальмик не меньше, чем робот по имени Геспер.

Я похолодела от страха:

— Не говори так!

— Портулак, это чистая правда. Фантома Воздуха на Невме больше нет. Все, чем он был, что знал и что видел, теперь часть меня.

Я покачала головой, категорически отказываясь ему верить:

— Невозможно! Когда мы улетали, Фантом был на Невме.

— Там осталась оболочка, лишенная сознания. Она, как и раньше, движется по атмосфере, но это уже не я. Теперь я живу в этом золотом теле. Пришло время измениться, стать компактнее. Я Абрахам Вальмик. Когда-то я был человеком, потом стал Фантомом Воздуха. Сейчас я опять ближе к человеку.

Я попыталась осмыслить услышанное. Фантом существует столько дней, веков, тысячелетий… Почему он решил измениться именно сейчас?

— Зачем срываться с безопасного места? — спросила я. — На Невме ты был неуязвим, а сейчас можешь погибнуть в любую секунду, если Каскад и Каденция вздумают нас уничтожить.

— Риск присутствует. Однако по зрелом размышлении я понял, что выбора нет. Пора стабильности, длившаяся миллионы лет, заканчивается. Ничто не указывает, что на Невме будет безопаснее, чем на борту этого ковчега.

— Что тебе известно?

— Все. Все и ничего. Портулак, я упомянул неприятную новость. Тебя мог встревожить рассказ о моей новой сущности, но я имел в виду совсем другое.

Я откинулась на спинку сиденья:

— Выкладывай свою новость, я готова слу-

шать.

— Встреча с Геспером, существом мыслящим, хоть и серьезно раненным, ускорила перемены. Назревали они довольно давно. Наверное, я сам понемногу просыпался — осознавал, что пора сниматься с места. Но если бы меня-Геспера не принесли ко мне-Вальмику, я застрял бы на переходной стадии, как спящий, вырывающийся из тисков сладкого сна, в котором краски ярче, а чувства острее, чем в реальности.

— Мы с Лихнисом хотели помочь Гесперу.

— Вы проявили необычайную доброту. Мы оба вам чрезвычайно благодарны. Но сейчас ты должна услышать все до конца.

— Рассказывай, — проблеяла я, чувствуя, как сжимается горло и сосет под ложечкой.

— Машинный народ прежде не высаживался на Невму. Геспер стал первым, по крайней мере первым, кого увидел я. Когда мы встретились, я, поглотив его искореженное тело, вспомнил один эпизод. Дело было так давно, что я не мог отличить его от своих фантазий. Но, разложив на части память Геспера, я подобрал ключ к собственным воспоминаниям. — Он пристально взглянул на меня. Я не подозревала, что золотое лицо робота способно выразить такое волне-

ние. — Геспер был не первым.

— Ты же сам говорил, что машинный народ прежде не высаживался на Невму.

— Верно. Через миллион лет после Золотого Часа, за четыре миллиона лет до появления машинного народа были другие.

— Какие еще другие?

— Другая машинная цивилизация. Другая цивилизация мыслящих роботов.

— Не может быть, — категорично возразила я. — Историю я знаю. Цивилизаций, подобных машинному народу, во Вселенной не существовало.

— Это лишь гипотеза, которую ты считаешь правдой. Вигильность выявила доказательства обратного — нашла следы цивилизации роботов, разбросанные по галактическому пространству. Прежде эти доказательства были неверно истолкованы, а следы приписаны Предтечам. Вигильность нашла ошибку в официальной версии, временно́е несоответствие гипотезе о Предтечах, и пометила вопрос как нуждающийся в дополнительном исследовании. Когда слухи об этой загадке дошли до Машинного пространства, мне поручили проникнуть на Вигильность и выяснить все, что им известно.

— Вот она, цель твоей миссии…

— Примерно в это же время — плюс-минус цикл — Лихнис посетил Вигильность и составил отчет для Линии Горечавки. В его нити упоминалось то же самое несоответствие, хотя лишь походя, как одно из множества любопытных открытий. Однако именно с того открытия все началось. Когда Лихнис сдал свою нить, закрутился маховик страшного процесса, в результате которого двести килолет спустя вам устроили засаду.

— Так виной всему — несоответствия в данных Вигильности?

— Точнее — значимость этого несоответствия для человечества, для машинного народа и особенно — для Линии Горечавки.

Я ушам своим не верила. Шокировало не расхождение с учебниками истории. Какие учебники, если я сама прожила почти все то время и видела историю своими глазами. Я помнила каждый кризис, каждую перипетию, на одном дыхании могла отбарабанить названия тысяч молодых цивилизаций. В длиннющем перечне важных событий не было столь значимых, как появление живых машин.

— Гесперр, я не понимаю. При чем тут Линия Горечавки? Если роботы существовали, почему я их не помню? Как же они появились и исчезли,

не оставив в истории ни малейшего следа?

— Почему, след они оставили.

— Что?!

— Они оставили в истории множество следов, но их один за другим стерли, очень методично и тщательно.

— Сами роботы стерли?

— Нет, к тому времени роботы уже вымерли.

— Тогда кто?

Геспер выдержал паузу и заговорил очень мягко, стараясь не причинить мне боль и страдания.

— Домом Солнц называется секретная Линия, которой поручили уничтожить следы машинной цивилизации. В создании этой Линии участвовала и ты, и каждый шаттерлинг Союза. Ваши темные средства и методы обернулись против вас самих — вот что случилось во время бойни.

Глава 27

Тошнота накрывала меня медленно и неуклонно, как прилив — суперокеаническую планету. Погоня длилась уже четыре часа, а «Серебряные крылья зари» так и не вышли на связь. Корабли Горчицы, Лебеды и Лопуха летели на предельных

скоростях, пренебрегая стандартными мерами безопасности. После долгих споров было решено, что их хозяева останутся со второй группой кораблей — «Лентяем», «Голубянкой красивой», а также кораблями Щавеля, Пижмы и Паслена, — а первая тройка попробует догнать «Серебряные крылья» и заставить притормозить. Калган еще отставал от нас и пока не мог сделать ничего полезного.

Кто бы ни управлял «Крыльями», Портулак или роботы, в успех погони мы не слишком верили. Однако, чтобы понять, как далеко готов зайти управляющий беглым кораблем, необходимо было сделать следующий шаг.

Я стоял на мостике один; Горчица, Лебеда и Лопух распределились по другим кораблям. Зато присутствовали имаго этих троих, а также Чистеца, Щавеля, Пижмы и Паслена.

Имаго Калгана появлялось, лишь когда он хотел высказаться, но из-за отставания от нас по-прежнему было нечетким. Все имаго стояли, руки на расплывчатых перилах отображались не полностью. Дисплеер показывал систему Невмы. От планеты исходили блестящие прямые — траектории наших кораблей. Они пролегали так плотно друг к другу, что практически сливались.

У иконки каждого корабля мелькали значки, обозначающие скорость в долях скорости света. Корабль Калгана двигался по слегка закругленной асимптоте, отставал от нас более чем на полминуты, но во весь опор летел по следу первой троицы. Как и остальные, Калган наверняка нервничал. Как и остальные, наверняка в бессчетный раз проверял средства поражения и оборонительные системы. Ограничиться следовало одной проверкой — как-никак эффективность и надежность систем доказывалась шестью миллионами лет существования Линии, — но ничто человеческое шаттерлингам не чуждо. Так, солдаты перед битвами полировали мечи, смазывали ружья, целовали амулеты.

Три корабля авангарда летели на расстоянии прицельного выстрела друг от друга. Я приготовился к очередному часу ожидания, когда мы получили сигнал. Посланный на циклической частоте, не по стандартным протоколам Горечавок, он, несомненно, пришел с «Серебряных крыльев зари».

— Это просто оклик, — сказал Чистец, имаго которого стояло ко мне ближе других. Он смотрел на мой дисплеер, где рядом с моделью системы отобразилась расшифровка. — Содержания как

такового нет, если мы не упускаем нечто почти неуловимое.

Имаго Горчицы покачнулось — корабль вздрогнул от неожиданного ускорения. Словно матрос на накренившейся палубе, Горчица схватился за перила так, что мышцы взбугрились от натуги.

— Ответить все равно нужно. Окликают обычно для того, чтобы установить связь.

— Может, это ловушка, — предположила Пижма.

— Терять нам нечего, — покачал головой Горчица. — Тому, кто управляет «Серебряными крыльями», уже известно, что мы летим следом. Почему не выяснить, что он или она хочет нам сообщить?

Чистец закусил нижнюю губу:

— Зачем пользоваться незнакомым протоколом, а не передатчиком «Серебряных крыльев»?

— А если у них нет выбора? — спросил я. — У Портулак в грузовом отсеке много кораблей. Если она пробралась на один из них, может сигналить нам даже против воли роботов.

— В таком случае, ответив, мы покажем роботам, что она еще жива, — проговорил Щавель.

— Они и так знают, — заметил я. — Если Портулак не нашла корабль с однонаправленным

передатчиком, Каскад и Каденция перехватили исходящий сигнал. Горчица прав: ответив, мы не потеряем ничего. А если сигнал от Портулак, она поймет, что ее не бросили.

— Я против, — с задержкой выразил свое мнение Калган. — Если роботы желают поговорить, то должны сбавить скорость и ждать указаний. Переговоры мы ведем не на их условиях, а на наших. Если Портулак в заложниках, ей не поможет сообщение о том, что мы преследуем «Серебряные крылья».

Я гадал, с полной ли готовностью Калган вызывался в погоню или втайне надеялся, что кризис минует прежде, чем ему придется блеснуть отвагой.

— Портулак там одна. Я хочу показать, что мы ее не забыли.

Калган молчал. Мои слова должны были долететь до него не быстрее чем за тридцать пять секунд, а еще через столько же — прийти ответное сообщение.

— Отзовись на сигнал, — велел Чистец.

— Ты серьезно?

— Подробно о наших планах не распространяйся. Пусть роботы поймут, что мы здесь и обратно на Невму не собираемся.

Я кивнул, откашлялся и велел «Лентяю» подготовить сообщение вроде тех, что мы обычно посылаем новорожденным цивилизациям, — без «воды», которой разбавляем свои послания, дабы усложнить подслушивание и имперсонацию. Потом я заговорил:

— Это Лихнис с «Лентяя». Мы в трех минутах от вас и приближаемся. Портулак, я получил твой сигнал. Надеюсь, ты разберешься в моем ответе. Не сомневаюсь, что ты меня слушаешь и что жива, не сомневаюсь. В этом я уверен как ни в чем другом, — солгал я исключительно для блага возлюбленной, пусть знает, что я никогда не откажусь от погони, и продолжал: — Еще я не сомневаюсь, что инициировала сигнал ты, а не Каскад или Каденция. Если бы роботы хотели поговорить, они воспользовались бы протоколом Горечавок. Надеюсь, ты сумеешь ответить, но, если не сумеешь или если мы успеем обменяться лишь парой сообщений, скажу все, что тебе следует знать. Вы покинули Невму четыре часа назад, с тех пор выжимаете тысячу «же» и при таком раскладе крайних звезд Кольца Единорога достигните через сто тридцать тысяч световых лет. В настоящий момент «Крылья» набрали сорок восемь сотых скорости света и ускоряются. Вас

догоняют девять кораблей. Мы вылетели с Невмы при первой же возможности, мчимся во весь опор и обратно не собираемся. Мы не оставим преследование, пока не догоним вас. Если можешь, пожалуйста, ответь. Мне так хочется услышать твой голос! Я люблю тебя, шаттерлинг, — добавил я, чувствуя, как сжимается горло.

От страха и опустошенности я едва держался на ногах и почти не надеялся на ответ. Если Портулак и жива, нет гарантий, что она может отправить сигнал сложнее оклика. «Крылья» опережали нас на три минуты, значит ждать следовало минут шесть.

Каждая секунда превратилась в мучительную вечность. Когда подошло время, было по-прежнему тихо. Секунды ползли дальше, и вот уже целая минута добавилась к шести истекшим.

Потом — чудо из чудес! — Портулак ответила искаженным, скрипучим голосом. «Лентяй» усилил его, хорошо помня, как говорит Портулак, но получилось глухо, словно из-за толстого стекла.

— Лихнис, я жива-здорова. Я с Геспером. Он тоже жив и на нашей стороне. Мы в грузовом отсеке, забились в белый ковчег. Каскад и Каденция… Они обманули нас. Они не собирались помогать Гесперу, надеялись, что он погибнет, а когда этого

не случилось, собирались убить. — Портулак перевела дыхание. — Я должна столько тебе рассказать! Мы расстались всего полдня назад, а я узнала много-много нового, большей частью плохого. Выяснила, что такое Дом Солнц, но сейчас распространяться не стану. Каскад и Каденция могут подслушивать, а Гесперу не уверен, что они уже добились всего, чего хотели. Их планов мы до сих пор не знаем. Если не желание помочь Гесперу, то что их заставило так торопиться в Машинное пространство? Любую ценную информацию можно легко переслать. Помню, они объясняли: мол, этот способ не самый надежный, но теперь мне известно о них достаточно, чтобы считать подобную причину ложью. — Портулак опять передохнула. — Говорила бы с тобой без остановки, но у нас с Геспером дела. Как закончим, я сразу с тобой свяжусь. Люблю тебя, шаттерлинг! Спасибо, что пустился в погоню.

Сигнал исчез. Сразу возникло ощущение, что на меня обрушилась Большая Пустота Волопаса.

Чуть позднее наши имаго собрались вокруг голограммы «Серебряных крыльев зари», созданной на основе данных космотек. Разумеется, голограмма могла получиться неидентичной оригиналу, но ничего лучше у нас не было. Пока

вопиющих несоответствий я не видел.

— Белый ковчег в этой части корабля, за параметрическим двигателем. — Я ткнул пальцем в хвост голограммы. — Точнее не скажу — грузовой отсек семь километров длиной, а ковчег может приткнуться где угодно. Даже если бы я знал точнее, нереально пробить двигатель или другой ключевой узел корабля, не повредив отсека.

— Если корабли поравняются с «Крыльями», то смогут стрелять в носовую часть, — сказал Паслен. — Тогда двигатель подобьют, а другим частям корабля серьезного урона не нанесут.

— Рискованно, — пробормотал Горчица.

— Но менее рискованно, чем удары в хвостовую часть, — заметил Чистец, лицо которого выражало мрачную решимость, словно его отлили из металла и оставили охлаждаться. — Мы не откроем огонь, пока находимся сзади, даже если это на руку роботам. Первые три корабля параллельными курсами приблизятся к «Серебряным крыльям» с флангов. Подойдут на расстояние прицельного выстрела и попробуют вывести из строя двигатель.

— А мы будем молиться всем богам, чтобы в тот же миг отключилось подавление инерции, не то Портулак на себе прочувствует тысячу «же»

несбалансированной компенсации, — подсказал я.

— Опасность осознаем мы все, включая Портулак.

— Если погрузится в стазис, шансов уцелеть при атаке у нее будет куда больше, — проговорила Пижма.

— Если предупредить ее об этом сейчас, роботы мгновенно разгадают наши планы, — сказал Щавель.

— Небось уже сообразили, что мы не с букетами к ним летим, — съязвил Горчица.

— Тем не менее, пока не откроем огонь, роботы не будут уверены в наших намерениях, — возразил Чистец. — Может, они считают, что мы хотим начать переговоры или штурмовать корабль. Соглашусь со Щавелем: про латентность Портулак нельзя говорить до самой последней минуты.

— А если она не успеет погрузиться?

— Она на ковчеге в грузовом отсеке своего корабля. Резкого ускорения это не погасит, но хоть отчасти защитит. Прости, Лихнис, но третьего не дано: либо атакуем, либо бездействуем. Во втором случае с Портулак можно попрощаться уже сейчас.

Глава 28

Пока я рылась в памяти, Геспер расхаживал взад-вперед по белому мостику ковчега. Ни разу не видела, чтобы робот так суетился. Мне хотелось лишь поговорить о Первых Роботах, выяснить все, что ему известно, и понять, какую роль сыграли Горечавки в крахе их цивилизации. С Лихнисом я любила побеседовать по душам — при этом казалось, что внутри на месте темного вакуума загорается огонек, а откровения Геспера просто вытеснили из моей головы все остальные мысли.

— Не знаю, с кем я разговариваю, с Геспером или с Вальмиком… Откуда тебе известно о вымирании? Были бы люди-машины в курсе, разве они не рассказали бы нам сотни тысячелетий назад?

— Люди-машины не знают той цивилизации. Появившись на галактической сцене, они считали, что исторические факты, которые изложили им люди, достоверны. Из этого не следует, что роботы исключали ошибки и неточности. Просто не было оснований полагать, что история переписывалась в таком объеме и так методично. С момента рождения моей цивилизации мы счи-

тали себя первыми носителями искусственного интеллекта. Скоро станет общеизвестно, что это не так.

— Ты до сих пор не рассказал, как выяснил правду.

— В молодости я встречался с роботами.

— Прежде я говорила с Геспером, а теперь с Вальмиком?

— Нет, сразу с обоими — под одной маской сразу два лица. Прости, если сбиваю тебя с толку, но для меня совершенно естественно переходить от одной личности к другой. Во мне словно две реки слились в одну полноводную. — Геспер зашагал не так быстро. — Более пяти миллионов лет назад, намного позже Золотого Часа, но задолго до моего появления на Невме, меня разыскали мыслящие машины. Я был им в новинку — большой, медлительный, диковинный, а они были в новинку мне. Я тотчас понял: передо мной человеческая технология, одержимая, порабощенная своим острым умом. Я и прежде видел умные машины, но сообразительности и хитрости, как при настоящем интеллекте, не встречал. Сомнений не было: это роботы нового вида. Гремучая смесь сложного и беспорядочного сделала их мышление сознательным и свободным.

— Что с ними стало?

— Роботы хотели наладить связь с человеческой метацивилизацией. Я тогда был человеком, поэтому меня просили стать посредником и помочь на дипломатическом поприще. Я призывал к осторожности. Десятки империй на моих глазах появлялись и исчезали, расцветали и увядали, как лилии на пруду, и так снова и снова. Иные были дружелюбны и благожелательны, иные воспринимали в штыки любое внешнее воздействие — на длительности существования это совершенно не сказывалось. Добродушные протянули не дольше злобных. Впрочем, существовал образец стабильности, не стесненный рамками планетарной жизни.

— Линии, — подсказала я с благоговейным ужасом.

— Роботов больше интересовали Линии, а не микроскопические цивилизации-однодневки — разве не логично? Наладив отношения с Союзом — к тому времени он уже существовал, — они при посредничестве Линий могли бы обратиться к цивилизациям, которые окажутся достаточно стабильными и прогрессивными. Шаг за шагом, роботы сблизились бы с человечеством. От тесного контакта выиграли бы обе стороны.

Невозмутимые, равнодушные к политическим распрям людей, машины могли стать третейскими судьями, снять напряжение бесконечных перемен и принести мир в галактику. Люди в свою очередь открыли бы доступ к наследию своей древней цивилизации — к науке и культуре, которые притягивали роботов как магнит. Вопреки неуемному любопытству что-то в машинном складе ума глушило творческое начало. Единственным новаторством с их стороны стало появление на свет. После этого они только и делали, что задавали вопросы. Для ответов нужна интуиция, а ее не было.

— Не похоже на людей-машин.

— Не похоже. У роботов второй волны, которые появились миллионы лет спустя, есть нечто, у первой волны отсутствовавшее. Хотя, возможно, те, первые, просто не успели изобрести для себя творческое начало. Поработали бы над своим интеллектом и, вероятно, нашли бы недостающий ингредиент.

— Но им не хватило времени.

— Сперва роботов приняли с распростертыми объятиями. Их появление сочли сюрпризом, неожиданным поворотом истории. Люди уже не надеялись, что в галактике есть другие разум-

ные существа. Роботы стали и благословением и проклятием. С одной стороны, у людей были бесконечные возможности освоения Вселенной, безграничные источники сырья, с другой — приходилось мириться с гробовой тишиной. Да, человечество раздробилось на миллионы видов и подвидов, порой непохожих друг на друга. Но человеческая сущность под чешуей, шерстью или броней почти не изменилась. Увы, гробовую тишину Вселенной мартышечьей болтовней не разбавишь. Зато теперь появилась компания. Согласен, изначально роботы — продукт человеческого труда, только во многих отношениях они кардинально отличались от своих создателей. Их интеллект работал по совершенно иным принципам. Различиям вопреки, первое время роботов привечали. Немногочисленные, они жили компактно, в безопасном отдалении от древних цивилизаций, захватнических настроений не демонстрировали. У человечества, выросшего единственным ребенком в огромном, кишащем демонами доме, вдруг появился товарищ для игр. Какое-то время отношения впрямь были товарищескими. А потом испортились.

Нахлынули воспоминания о давних-предавних событиях, словно зазвонили колокола,

молчавшие миллионы лет. Вспомнился дом со множеством комнат и приятель, иногда прилетавший в гости.

— Что случилось?

— То, что нередко случается в таких ситуациях. Смутная тревога, непонятное беспокойство — с этими роботами что-то не то и не так — переросли в настоящую паранойю. Разумеется, заразились ею не все — были и такие, кто ни в чем машины не подозревал. Только их никто не слушал. Верхушка Союза — первые лица самых влиятельных Линий задумались, как разобраться с роботами.

— О геноциде…

— Людей интересовало не порабощение, не непосредственный контроль, а возможность контролировать и нейтрализовать угрозу, которую роботы могут представлять в будущем. С огромным тщанием люди разработали план. Множество роботов-посланников были пойманы и расчленены. Их гибель представили как несчастные случаи, унесшие и человеческие жизни. Собранную информацию Союз обрабатывал несколько веков — люди хотели понять, как функционирует машинный интеллект. Не получилось ровным счетом ничего. Однако крупицу пользы этот провал принес. В механическом

интеллекте нашелся изъян, несовершенство, не затронутое бесчисленными эволюционными изменениями. Немного хитрости — и со временем этот изъян мог принести людям пользу. Сообщество придумало способ внедрить структуру данных, что-то вроде нейронной бомбы, в разум каждого представителя машинной цивилизации. Бомба будет переходить от робота к роботу, а они ничего не заподозрят. Со временем заразится вся цивилизация. Но самое прекрасное то, что потом ничего не случится. Пока роботы нужны, они не пострадают и останутся в тесном контакте с людьми. Возможно, бомба и не понадобится — на это наверняка уповал Союз Линий, хотя действовал крайне осторожно и предусмотрительно. Зато в день, когда роботы станут опасны для гегемонии человека во Вселенной, нейронные бомбы можно будет активировать. Достаточно одного-единственного сигнала в центр машинной цивилизации. Как только роботы начнут обрабатывать новые данные, делиться ими, запустятся их внутренние часовые механизмы. Взорвутся бомбы не мгновенно. Если массовый мор начнется сразу после получения сигнала, роботы могут ввести карантин или обнаружить источник своих бед. Предусмотренная задержка

Союз не пугала: Линии строили долгосрочные планы со дня появления шаттерлингов.

Я поняла, что слушаю с тупым фатализмом, — способность удивляться и негодовать давно исчерпалась.

— Так что произошло? Роботы ополчились на нас?

— Нет! — тихонько засмеялся Геспер. — Воинственностью они не отличались. На деле им следовало опасаться биологических существ больше, чем биологическим существам — их. Не хочу утверждать, что мир и любовь царили бы вечно. Рано или поздно возникло бы напряжение. Только роботы человеческую метацивилизацию и пальцем не тронули…

— Что стряслось? — поторопила я.

— Нейронная бомба сработала. Либо роботы изменились, либо люди неверно поняли принцип действия их интеллекта. В общем, бомба активировалась без вмешательства извне. Началось массовое вымирание. Поначалу роботы не понимали, в чем дело, и даже обратились за помощью к Союзу Линий. Тогда люди поняли, во что вылилось их коварство. Испуганные, глубоко потрясенные, они не признались, что спровоцировали массовую гибель, и превратились в

пассивных наблюдателей. Им было вполне по силам принять контрмеры, отправить сигнал, который передался бы от робота к роботу и своевременно нейтрализовал тот, первый. Но при таком раскладе Союз Линий мог себя выдать. Поэтому люди распространили информацию, что роботов поразил некий вирус, оставленный Предтечами.

— Геспер, откуда ты все это знаешь?

— Я поддерживал контакт с роботами до самого конца. Даже заподозрив, что с ними сотворили, они не отвернулись от меня. Из века в век моя связь с человечеством слабела, и они решили, что мне можно доверять.

Потрясенная до глубины души, я покачала головой:

— Так ты знал. Все это время ты знал правду.

— Портулак, я на себе испытал те события и бесчисленное множество других. Ты считаешь, что прожила шесть миллионов лет, но, по сути, не имеешь ни малейшего понятия, каково это. Бремя воспоминаний как океан жидкого водорода, сжимающийся в металл. Каждое новое событие, с которым я сталкиваюсь, делает его еще тяжелее. В самых темных и глубоких тайниках своей памяти я сохранил сведения о

том, что стало с Первыми Роботами, но словно замуровал их в скалу, хотя и мог извлечь в любую минуту. Пару раз я вытаскивал их на свет, но уже сомневался, достоверны ли они. Геспер положил конец моим сомнениям. Увидев его, первого в своем роде, напичканного лживыми данными о Вигильности из ваших космотек, я вспомнил и что уже встречал таких, как он, и что с ними стало. — Геспер развел руками. — И вот я здесь, рассказываю об этом тебе.

— Все роботы умерли?

— Они один за другим гибли на протяжении тысячелетий. Поначалу Союз не мучила вина за содеянное. Линии утешались тем, что хотели не истребить роботов, а лишь получить контроль над ними, возможность приструнить, если понадобится. В умышленном геноциде их обвинить нельзя. Грань очень зыбкая, но за нее отчаянно цеплялись. Увы, для восстановления душевного спокойствия этого не хватило. Пришлось стереть из истории Союза сам факт. Никто из вас его не помнит, потому что вы предпочли не помнить, соответственно отредактировали исторические документы и собственные воспоминания.

— Мы бы так не сделали. Переписывать историю слишком ответственно и сложно. Другие

цивилизации…

Я пыталась возразить не потому, что не верила Гесперу. Я просто хотела понять.

— В этом зверстве участвовала не одна Линия. Союз принял необходимые координационные меры. Последующие сборы, Тысячи Ночей, использовались для уничтожения и изменения ключевых воспоминаний. Этим занимались вы сами, а не абстрактные, неподвластные вам силы. Параллельно подделывались общие исторические документы Союза. Каждую Линию обязали принять новую версию истории. Отказавшихся исключали. Лишенные поддержки и информационной подпитки Союза, они постепенно угасли.

— Не верю, что в геноциде участвовали только Линии. Другие цивилизации непременно заметили бы присутствие роботов в космосе.

— Они заметили. Только их самих смололи жернова перерождения. Ну и без помощи Линий не обошлось.

— В каком смысле?

— Союз гордится своими добрыми делами — поддержкой и защитой молодых цивилизаций. По праву гордится. Но при этом Линии участвовали в их порабощении и уничтожении. Неужели ты веришь, что за шесть миллионов лет такого

не случалось?

Тошнота, опустошенность — меня словно выпотрошили.

— Ты не можешь все это знать. Одно дело — контактировать с древними цивилизациями, встретить Геспера…

Он хотел отвернуться, очевидно раздосадованный тем, что я не принимаю его слова за чистую монету, но застыл вполоборота ко мне:

— Портулак, ты сомневаешься, что засада связана с геноцидом, о котором я говорил? Пять миллионов лет спустя ваши преступления наконец разоблачаются. Старт дала Вигильность. Не раскопай кураторы артефактов машинной цивилизации, ничего не случилось бы. Но именно вам, Горечавкам, с вашей сорочьей страстью к новому, интересному, блестящему, выпало привлечь внимание к реликвиям. Если бы ваш шаттерлинг привез на очередной сбор исчерпывающие доказательства существования древней машинной цивилизации, со временем восстановилась бы вся картина. Думаешь, представители машинного народа отмахнулись бы от прошлого и простили бы вам давние ошибки? Нет, они почувствовали бы родство с древней культурой и гадали бы, не устроите ли вы геноцид им, если

подвернется благоприятная возможность. Союз был бы дискредитирован, и это далеко не все. Неминуемо развязалась бы макровойна людей и роботов. Открытие следовало утаить. Уничтожение Линии Горечавки, тысячи бессмертных душ, показалось весьма сходной ценой. Хранители секрета без колебаний уничтожили бы миллион, миллиард. Они целую цивилизацию истребили бы.

— Старт дала Вигильность. Что же хранители секрета не уничтожили Вигильность, не доводя до всего этого?

Наивность моего вопроса искренне позабавила Геспера.

— Тебя послушать, дело яйца выеденного не стоит! Вигильность не уничтожишь. Это же огромный рой Дайсона, практически невосприимчивый к внешней агрессии. Вигильность существует более пяти миллионов лет и, по всей вероятности, переживет все цивилизации галактики. К счастью, кураторы не осознали важность своей находки. Они слишком зациклены на себе и на Андромеде, чтобы растрачиваться по мелочам.

— Ты нас ненавидишь? — спросила я после долгой паузы.

— Ну что ты, вы же столько для меня сделали! Я чувствую не ненависть к вам, а скорее жалость, как к участникам страшного преступления.

— Я себя преступницей не чувствую.

— В нем участвовал каждый из вас. Некоторые возражали против того плана, но не достаточно активно. Некоторые, наоборот, считали, что бомбу следовало активировать, когда она более-менее распространится среди роботов. Твоя позиция мне неизвестна. Это целиком на твоей совести.

— Стертые воспоминания… Есть шанс их восстановить?

— Человеческий мозг при всей своей простоте полон загадок. Его нельзя воспринимать как шкаф с ящиками, содержимое которых можно менять, как захочется.

— Знаю, — тихо отозвалась я. — Геспер, мне очень жаль, что мы так поступили. Нет, «жаль» мягко сказано. Только детей не наказывают за преступления их родителей.

— Вы детьми не были.

— После того как отформатировали себе память, мы практически стали детьми. Разве можно наказывать нас за то, что мы едва помним?

— Удивишься, если скажу, что согласен?

— Уже не знаю, что думать. Хочу поступить правильно, найти выход из тупика. Если для этого нужно сдаться машинному народу — пусть рассудят, виноваты мы или нет, — возможно, так и стоит сделать.

— В нынешней ситуации я бы не слишком полагался на машинный народ.

— А как насчет Каскада и Каденции?

— Я до сих пор не знаю, зачем их послали.

Мы с Геспером составили план действий и белыми коридорами двинулись к люку ковчега. С помощью приборов наблюдения уже было выяснено, что, после того как кончился воздух, большие устройства в отсек не проникали.

— Почему Каскад и Каденция еще не здесь? Странно, что они не караулят тебя.

— Рано или поздно они появятся. Сейчас, наверное, им важнее оторваться от погони. С этого момента не пускай на борт никого, кроме меня. Используй пароль, о котором мы условились.

— Дремлик и лебеда, — произнесла я, словно уже могла забыть.

Геспер кивнул:

— Помни, для Каскада и Каденции элементарно скопировать мою внешность и речь. Но они считают меня только Геспером, а не Геспером и

Вальмиком. Если я назову пароль, но все равно буду тебе подозрителен, ищи во мне Вальмика. Это твой последний вариант защиты. Если не услышишь речь Вальмика, значит я не Геспер.

— Что мне тогда делать? Разве трудно им открыть люк и ворваться в ковчег?

— Здесь ничего посоветовать не могу, — отозвался золотой робот. — У тебя есть синтезатор.

— Хочешь сказать, что мне лучше совершить самоубийство?

— Если Каскад и Каденция хотят убить тебя, то как минимум один шанс уже упустили.

«К чему это он?» — подумала я, а вслух сказала:

— Они очень старались воспользоваться им, когда опорожняли отсек.

— Но ты уцелела. Подозреваю, что они хотели не убить тебя, а заблокировать в одном месте. Портулак, по-моему, им что-то от тебя нужно, какие-то сведения. Иначе почему ты до сих пор жива?

Я содрогнулась при мысли о допросе прекрасными роботами, белым и серебряным. На какие пытки они пойдут, чтобы добиться своего?

— Я ничего не знаю, — пролепетала я.

— Очень может быть, но важно лишь то, что думают Каскад и Каденция. — Геспер открыл

дверь в переходный шлюз, готовясь выбраться в глубокий вакуум грузового отсека.

— Как ты будешь со мной разговаривать? В вакууме же ни звука не издашь.

— В шлюзе есть простой радиоретранслятор. При необходимости я с тобой свяжусь. До тех пор буду молчать — не хочу, чтобы Каскад с Каденцией меня выследили.

— Долго тебя не будет?

— Час или два, в зависимости от обстоятельств. Точнее не скажу.

— Идти лучше мне. Благодаря скафандру и знанию отсека…

— Быстрее меня ты все равно не управишься. Когда нужно, я ношусь как ветер.

Я погладила мускулы под броней его руки:

— Береги себя, Геспер.

— Обязательно, — отозвался он и через секунду добавил: — Портулак, мне стало легче. Я думал, ты возненавидишь меня за то, что пришлось рассказать.

— За расстрелом посланников меня прежде не замечали. Ты поступил правильно.

— А ты очень правильно реагируешь. Будем надеяться, другие Горечавки последуют твоему примеру.

Геспер исчез за дверью шлюза. Через стеклянную перегородку я наблюдала, как он мимикрирует: золотая кожа стала пепельной. Не думала, что роботы так легко меняются, хотя насчет Геспера удивляться уже не следовало. Пепельная фигура превратилась в размытый штрих — робот пулей вылетел из шлюза. Потом закрылся внешний люк, и на белом ковчеге я осталась наедине со своими переживаниями.

Лишь тогда меня осенило: я единственное биологическое существо на борту «Серебряных крыльев зари».

Часть седьмая

Вот уже шесть лет Реликта держали в самой глубокой из наших подземных темниц, но в условиях, совершенно непохожих на тюремные. Ему выделили две комнаты: одну — для сна, другую — для еды и занятий. Ему позволяли греться у огня и выбирать книги для чтения, приносили свечи, бумагу, перья и чернила. Его кормили и поили не хуже, чем высших чинов нашей армии. Порой ему даже куртизанок доставляли. А вот колдовать не разрешали. Лишь во время еды с него снимали тяжелую маску, которая заглушала голос так, что не поколдуешь. Стражники связывали ему руки за спиной, кормили с ложечки и вливали вино в рот. Как и было велено, они относились к Реликту с пиететом. Один стражник постоянно караулил чуть поодаль, готовый к любым провокациям со стороны арестанта, и имел при себе нож, чтобы при необходимости перерезать Реликту горло.

Я сама спустилась в темницу, ибо перемещать Реликта без крайней нужды казалось чересчур рискованным. Меня он встретил в путах и в маске. Его привязали к черному стулу, стул привинтили к полу. За спиной Реликта стоял

стражник, приставив нож к его горлу. Маска из кожи и металла оставляла открытыми лишь глаза в круглых глазницах — глаза молодого человека, почти мальчишки.

— Реликт, у меня возникли сложности. Я всегда относилась к тебе с добротой. Настоящим узником ты никогда не был, хотя, едва открылась истинная сущность твоего дара, мне советовали отрубить тебе руки, отрезать язык и выжечь глаза: мол, так безопаснее. По доброте душевной я ничего подобного не сделала. Пришлось посадить тебя в темницу, но я постаралась облегчить бремя заключения. Колдовать не позволила, зато предоставила тебе привилегии, другим заключенным недоступные. С учетом имеющихся вариантов ты вряд ли станешь утверждать, что с тобой обошлись несправедливо.

Реликт кивнул, только я не поняла, что это значит. Да, с ним обошлись несправедливо, или да, он со мной согласен?

— Как я уже говорила, возникли сложности. Тебе наверняка известно, что Калидрий, твой бывший учитель, попал в плен к графу Мордексу. Очень огорчает, хотя и не удивляет то, что он перешел на сторону врага. С помощью магии создал он армию Призрачных Солдат, которая растет

день ото дня, в то время как наши силы тают.

Реликт снова кивнул и посмотрел на стол: там были бумага и чернила — он явно хотел что-то написать. Ему освободили одну руку, а нож еще плотнее прижали к горлу, чуть ниже маски.

«Расскажите про солдат», — написал Реликт.

— Они в доспехах, но без плоти. Они скачут на конях, не то дохлых, не то полудохлых, но способных двигаться поразительно быстро и бесшумно.

«Вам удалось поймать хоть одного?»

— Только искореженные доспехи. Такое ощущение, что дух или призрак, живущий в броне, улетает, когда ей наносят серьезные повреждения. По словам очевидцев, из брешей валит красный дым.

«Принесите мне доспехи, но целыми».

— Не знаю, возможно ли такое.

«Добудьте их любой ценой. Это очень важно».

— Реликт, ты поможешь нам?

Из-под маски раздался скрежет. Похоже, Реликт смеялся.

Той ночью с постели меня подняли лазутчики в зеленом. Вот насколько мы ослабили контроль — шпионы графа Мордекса беспрепятственно проникли в Облачный Дворец и разыскали мои

покои.

Из дворца лазутчики поволокли меня в белую комнату и там допросили с пристрастием. Они кололи меня иглами, ослепляли светящимися штуковинами. Они звали меня Абигейл, уверяли, что я заблудилась в зеленом лабиринте какого-то Палатиала, но они спасли меня в самый последний момент.

К счастью, я ускользнула от лазутчиков и бродила ярко освещенными коридорами, пока некий фокус или магический трюк не вернул меня в Облачный Дворец.

Облегчение мое не передать словами. Я закрыла все окна и приказала удвоить охрану. Наутро Добентон так неохотно говорил об инциденте, что я начала сомневаться, не пригрезился ли он мне. Так или иначе, проблем хватало и без него. Призрачная Армия стремительно разрасталась, ее безмолвные батальоны вторгались в Королевство, а стремительные бледные кони пахли мертвечиной. Демоны, сущие демоны, только подчинялись они живому командиру. Мы теряли одного солдата, а Калидрий создавал графу Мордексу двух новых. Я проклинала день, когда, воспользовавшись иглой кровной связи, обратила отчаявшегося Калидрия против себя.

Я не забыла о просьбе Реликта. Вопреки увещеваниям Цирлия и Добентона все силы были брошены на то, чтобы поймать Призрачного Солдата, не повредив его доспехов. Безумие, но, увы, необходимое. Королевство теряло села и целые города, ведь солдаты теперь выполняли другое задание. Понимая, кто лишил их защиты, а значит, крова и имущества, родных и близких, люди проклинали меня. Только я была непреклонна.

В один прекрасный день мы сделали это. Призрачный Солдат упал с коня в стог сена, и доспехи не пострадали. Мои люди загнали его в тупик. Он отбивался, но решимость его заметно таяла по мере того, как удалялся командир в кожаной тунике. В итоге Солдат сдался, мои люди затолкали его в мешок и на телеге привезли в Облачный Дворец. Там его привязали к деревянной раме и спустили в темницу к Реликту.

Реликт изучал Солдата очень долго и тщательно. Тем временем Призрачная Армия продолжала свои набеги, регулярно нарушая границы Королевства. Зеленые лазутчики снова забирали меня из спальни, но я переборола их злые чары, вернулась в свои покои и еще пуще усилила охрану дворца. Добентону я ничего не говорила — странные фразы и воспоминания уже заста-

вили его усомниться в моем душевном здравии. Кроме того, я начала подозревать, что зеленые лазутчики — мои слуги, а белая комната затеряна в Облачном Дворце. Иначе как объяснить, что они так легко забирают меня из покоев, а я так легко возвращаюсь? Да и где гарантия, что здесь не замешан Добентон?

Реликт изучал Призрачного Солдата двенадцать дней, потом послал за мной. В окружении охраны я спустилась по винтовой лестнице в темницу.

Призрачный Солдат так и был привязан к раме, но, когда я вошла, повернул скрытую шлемом голову. Реликту развязали руки, но маску не сняли. Его белый рабочий халат испачкался. Крупные кудри падали на глазницы маски. Реликт что-то пробормотал и протянул обе руки стражнику.

— Свяжите его, — велела я. — Он хочет нормально поговорить.

— Миледи, это рискованно, — предупредил Цирлий.

— Я приказываю.

Молодое лицо Реликта дышало непомерными амбициями и жаждой власти. К нему тут же подошел стражник и прижал нож к кадыку.

— Ну что, успехи есть? — осведомилась я.

— Да, миледи.

— Рассказывай.

— Колдовал Калидрий — его почерк я узнаю везде. Под доспехами скрыта так называемая ложная душа. Мы с ним часто обсуждали, какие заклинания нужны, чтобы создать ложную душу и запустить в наш мир. Такая магия опасна и очень трудна, для большинства просто недостижима. Даже для Калидрия создание ложной души — долгое, мучительное испытание. Однажды он показывал мне, как это делается, — продемонстрировал свой дар. Калидрий поместил ложную душу в песочные часы, и мы наблюдали, как она двигает песок. Потом он поклялся никогда больше этим не заниматься и взял с меня слово, что и я не стану пробовать. Ложная душа как ожившая магия: стоит вызвать — и она существует отдельно от чародея. По сути она опаснее заклинания, которое накладывается с конкретной целью, а потом теряет силу.

— Сейчас Калидрий создает ложные души партиями. Такое возможно?

— Призрачная Армия отвечает на ваш вопрос, миледи. Могу только предположить, что Калидрий силой своего дара нашел способ создавать десятки, сотни ложных душ. Помню, он

говорил об устройстве из рычагов и переговорных трубок, способном в разы увеличивать силу заклинаний. — Реликт посмотрел на Солдата, разглядывавшего нас через острый металлический клюв забрала. Я слышала, что глазницы у него стеклянные. При тщательном изучении доспехов выяснилось, что они собраны и загерметизированы весьма необычным способом, дабы удержать красный дым внутри. — Можно снять Солдата с рамы? — спросил Реликт. — Вы наверняка заинтересуетесь. Не бойтесь, он сейчас смирный.

— Смирный? — изумленно переспросила я, не ожидая услышать такое о солдате армии, которая безжалостно уничтожает моих людей.

— Да, я ручаюсь.

Я кивнула стражникам, и на Реликта снова надели маску. Нож по-прежнему упирался ему в горло, а вот с рук путы сняли, чтобы он развязал Солдата. Стражники хотели снова заблокировать Реликту руки, но тот постучал по маске и что-то пробормотал.

— Оставьте его так, — велела я. — Реликту нужно жестикулировать, а не говорить. Призрачный Солдат не выполняет устные приказы.

Реликт жестом велел Солдату отойти от рамы. Металлические сапоги застучали по полу

— Солдат сделал несколько робких шагов. Реликт поднял руки — Солдат тоже поднял. По команде Реликта он, как на ходулях, подошел к столу и взял перо. Солдат выполнил еще несколько простых команд, вернулся к раме и позволил снова себя привязать.

Потом стражники связали руки самому Реликту и сняли с него маску.

— Смирный, — согласно кивнула я.

— Он сделает все, что ни попросишь. Сейчас он считает хозяином меня и, если я отправлю его биться с другими Призрачными Солдатами, безропотно подчинится.

— Нам это не поможет, хотя правоту твою доказывает. Почему им так легко управлять?

— Миледи, покладистость свойственна ложным душам. Это даже Калидрию не изменить. Изначально они невинные создания, которые выполнят любой приказ, отданный достаточно строго и властно. Считайте их послушными детьми. Они прекрасные воины, но в душе у них нет ни зла, ни ненависти. Зло — это те, кто их создал и отправил жечь деревни.

— Получается, ничего полезного ты не выяснил, — раздосадованно подытожила я и собралась уходить. — Этого Солдата доставили тебе ценой

многих жизней, ценой спаленных дотла деревень. Ты любопытство свое потешил, вместо того чтобы найти изъян, в буквальном смысле брешь в их броне.

— Я нашел, — проговорил Реликт, словно подумав об этом лишь сейчас. — Теперь, если прикажете, я могу убить тысячи таких солдат.

— Каким образом?

— Призрачные Солдаты — копии одной души или небольшого числа душ. По-другому Калидрию их столько не создать. Я уже упоминал, что силу заклинания можно увеличить в разы.

— Да, но…

— Представьте устройство, которое копирует жесты — движения кистей, пальцев. Калидрий либо создал манекен, повторяющий его движения и слова, либо привязал блоки и веревки к себе, а голос его разносится по переговорным трубкам. Результат не изменится — одно заклинание даст двойной результат. Или тройной, если устройство сложнее. Или десятерной. Фактически ограничений нет, особенно если заклинание накладывает могущественный чародей.

— Ясно, Калидрий создал тысячи ложных душ одним заклинанием. Но я не понимаю как…

— Души одинаковые, порождены тем же ад-

ским пламенем. Это значит, они… — Реликт поморщился, не представляя, как объяснить несмышленой мне тайны своего искусства. — Миледи, Калидрия вы вызвали иглой кровной связи.

— Это моя главная ошибка.

— Зато поможет мне объяснить. В то мгновение ваша боль стала его болью, ваша кровь — его кровью. Вас объединило заклинание. То же самое относится к ложным душам. Все они — неразрывно связанные братья, потому что созданы в один и тот же миг одними и теми же чарами. В этом сила ложных душ, ставших несметным войском графа Мордекса, в этом же слабость, ибо их можно одолеть одним контрзаклинанием.

— Которое тебе известно?

— Которое я, вне сомнений, выведу, если дадите немного времени. С каждым днем магия Калидрия мне все понятнее. Скоро я разберусь в ней настолько, чтобы составить контрзаклинание.

Я глянула на существо в броне, памятуя, как Реликт сравнивал его с послушным ребенком. На меня смотрело пустое забрало, за стеклянными глазницами роился красный дым. Со стороны Призрачного Солдата я чувствовала любопытство, слабое, как у зверя или невольника, и ни

капли злобы. Остаться с ним наедине мне вряд ли захотелось бы, но я верила утверждению Реликта, что на коварство и ненависть ложные души не способны.

— А потом? Что случится потом?

— Этот Солдат погибнет вместе с другими, созданными тем же заклинанием. Погибнет один полк или вся армия. В любом случае потеря будет ощутимая.

— Тогда обязательно попытайся, — сказала я. — Чем скорее, тем лучше. В твоих руках безопасность человеческого рода.

Глава 29

— Они поворачивают, — проговорил Чистец, когда отпали последние сомнения.

Первые намеки на то, что «Серебряные крылья зари» меняют траекторию полета, появились двадцать минут назад. Поначалу мы не придали этому особого значения — решили, что роботы корректируют курс, заметив погоню. Пользы в маневре мы не видели, но, совершенно не представляя тактику людей-машин, предложили, что «Крылья» вернутся к первоначальному курсу, получив хоть микроскопическое преимущество

перед преследователями.

Только «Крылья» и не думали этого делать. За двадцать минут корабль Портулак изменил траекторию движения градусов на десять и останавливаться явно не собирался.

Машинное пространство, или звезды-изгнанники, которые мы называем Кольцом Единорога, дугой изгибается вокруг основного диска Млечного Пути. Если корабль движется параллельно плоскости диска, он попадет в Машинное пространство, пусть даже на это уйдут не десятки тысячелетий, а добрая сотня. А вот корабль, отклонившийся от параллельного курса, в Кольцо Единорога вообще не попадет. «Серебряные крылья» не возвращались к изначальному курсу, значит летели не в Машинное пространство — с каждой минутой это становилось все очевиднее.

Изменение курса продолжалось еще час, потом «Крылья» снова вернулись к прямой траектории. Маневр подсократил наше отставание, но поворачивать предстояло и нам, чтобы продолжить погоню, так что роботы быстро вернули бы потерянное.

— Чего ради они тянули? — недоумевал Чистец. — Курс-то небось еще на Невме определили. Зачем время терять?

— Наверное, погоня заставила их изменить планы.

— Не обязательно, — возразил я. — Думаю, роботы сразу решили, куда полетят. Просто они хотели изобразить, что возвращаются в Машинное пространство, поэтому вначале и избрали этот курс. За пределами видимости, то есть в паре световых лет от Невмы, они изменили бы траекторию. Каскад и Каденция не ожидали, что мы так живо отреагируем. Мы бросились в погоню, и они поняли: тайком развернуться не получится, вот и повернули сейчас, пока не достигли околосветовой скорости. Такой маневр непрост и на шести десятых скорости света, а на девяти десятых и выше еще сложнее.

— Если они не возвращаются в Машинное пространство… — начал Щавель.

— Курс «Серебряных крыльев» уже спрогнозирован, — объявил Горчица, глядя на парящий индикатор. — Разумеется, роботы могут его подкорректировать. Но мы, опираясь на известные факты, способны экстраполировать на тысячу световых лет и в итоге получим погрешность максимум в тысячу астрономических единиц.

— Покажи! — попросил Чистец, лицо которого по-прежнему выражало мрачную решимость.

На дисплеере «Лентяя» возникла карта галактики, а на ней крупным планом — наше текущее положение в спиральном рукаве Щита — Южного Креста. Масштаб увеличивался, пока не показалась брешь между яркими пятнами наших кораблей и серебристым шариком Невмы. Фактически мы еще находились в ее системе, но вот-вот должны были выйти за границу гелиопаузы, в межзвездное пространство, где летают лишь черные кометы.

— Вот куда, по нашему мнению, летят роботы, — проговорил Горчица, когда перед иконкой «Крыльев» появилась красная линия. Вектор дополз до края дисплеера, масштаб увеличился. — В пределах десяти световых лет ничего. Увеличиваю масштаб до ста, — комментировал Горчица. — Опять ничего. В пределах двух световых лет от траектории нет ни одной известной системы. — Масштаб снова увеличился — теперь ширина дисплеера равнялась тысяче световых лет, но красная линия по-прежнему ничего не касалась, а кроме того — утолщалась, поскольку увеличивалась суммарная погрешность. — Ближе всего звезда-холостячка, в девятистах тридцати годах отсюда, — неуверенно проговорил Горчица. — Может, они туда летят?

— Ни планет, ни мусора, ни льда. Зачем им там останавливаться? — удивился Чистец.

Холостячками называют звезды, которые потеряли свои планетные системы при столкновении с другими звездами. Метацивилизациям они интересны лишь как источники горючего из червоточин.

— Увеличиваю зону поиска до десяти тысяч световых лет, — объявил Горчица. — Теперь мы далеко за пределами рукава Щита — Южного Креста. Радиус погрешности почти шесть месяцев. Через семь тысяч световых лет «Крылья» окажутся в пятнадцати годах от границы Мирного Согласия, империи среднего уровня, состоящей из тысячи семисот населенных систем.

— Роботы летят туда? — спросила Пижма. — С учетом небольших изменений курса…

— Всеобщий актуарий лишь на пятьдесят процентов гарантирует, что Мирное Согласие еще существует. А ко времени прилета «Серебряных крыльев» вероятность снизится до одиннадцати процентов, — прочел со своего дисплеера Щавель. — Неблизкий путь до империи, которую на девяносто процентов не застанешь в живых.

— Всеобщий актуарий иногда врет, — напомнила Пижма.

— Но куда чаще оказывается прав, — возразил Щавель, — а Мирное Согласие — классический пример империи-однодневки. Не представляю, зачем туда роботам, если, конечно, не за ее мумифицированными останками.

— Я тоже не представляю, — отозвался Чистец. — Горчица, увеличь зону поиска.

— Мы и так на десяти тысячах.

— Значит, нужно искать дальше.

Горчица пожал плечами. Судя по выражению лица, на успех он уже не надеялся.

— Зона поиска — пятьдесят тысяч лет, — объявил он. — Радиус погрешности — два с половиной года. Мы рассматриваем чуть ли не полгалактики, систем нахватаем — выбирай не хочу. А выбирать придется из нескольких тысяч.

— Составь список в порядке близости к вектору курса, — велел Чистец. — Мы с ними постепенно разберемся, посмотрим, не бросается ли что в глаза. Попробуй уточнить курс «Крыльев». Вдруг получится немного уменьшить погрешность.

— Мы зря теряем время, — заметил Паслен. — Через полчаса «Крылья» могут полететь по совершенно иной траектории.

— Тогда сделаем то же самое еще раз, — с вызовом сказал Чистец. — Куда-то же они летят. Я буду

спать спокойнее, если выясню, куда именно.

— Или наоборот, — вставил я.

Я представил себе Аконита. Я очень проникся к нему и сейчас был бы рад его видеть. На мостике «Лентяя» никого, кроме меня, не осталось — имаго на время исчезли.

— Есть у меня тревожная мыслишка, — начал я, наговаривая сообщение, которое достигнет Невмы много часов спустя. — Предупреждаю, звучит дико. Но мыслишка не дает покоя. Вдруг она Волчник на допросах пригодится? В общем, с телом Минуарции что-то было не так.

Я представил, как Аконит скребет подбородок. Его сомнения понятны: что может быть «так» с телом, которое упало на камни с большой высоты?

— Минуарция постоянно мне снится, — продолжал я. — Велит быть начеку. Кажется, подсознание уже нашло разгадку, но сознанию не передало. Вот я и надеюсь, что шаттерлинги, оставшиеся на Невме, разберутся в том, что я пропустил. Вас много, к вашим услугам видеохроника имирийцев, можно до самой гибели Минуарции посмотреть. Вдруг что в глаза бросится… — Я остановился, почувствовав, что Аконит получит совершенно идиотское послание. Только я не мог не думать о Минуарции, о ее

настойчивом голосе, упрекающем меня в невнимательности. — Братан, Минуарция очень долго летела вниз. А если она погибла не сразу, если знала, кто ее убил, и оставила нам сообщение?

Я оборвал запись, а вот отправить послание решился лишь через несколько минут.

Ближайших наших планов поворот не изменил. Как мы условились, три корабля без экипажей двигались параллельно «Серебряным крыльям», чтобы, когда догонят, обстреливать фланги, а не уязвимую хвостовую часть. На дисплеере три корабля, расположенные в пяти секундах друг от друга, изображались равносторонним треугольником. «Серебряные крылья» дополняли фигуру до четырехугольника, опережая другие корабли на десять секунд, но разрыв медленно таял. На расстоянии трех секунд догоняющие смогут нанести прицельный удар, чтобы вывести «Крылья» из строя, но не уничтожить.

Очевидно, хотя пока необъяснимо было то, что отставание сокращалось быстрее, чем мы ожидали. Наши корабли чудес не творили — их двигатели и так работали с максимальной мощностью, а грузовые отсеки опорожнились почти полностью. Почему-то после поворота «Серебряные крылья» не ушли в отрыв. Подробный анализ

их движения выявил, что торможение, точнее, едва ощутимое снижение скорости началось еще до поворота.

— Роботы знают о погоне, — проговорил Чистец. — Не вижу ни единой причины не гнать во весь опор. Что же они медлят? Почему не выжимают из корабля все возможности?

— А если это диверсия? — предположила Лебеда. — Если Портулак с Геспером пробрались к двигателю?

— Геспер — возможно, — кивнул я. — Но если он в состоянии устроить диверсию…

— …почему не довел ее до конца? — договорил за меня Чистец. — Он остановил бы корабль, если бы мог.

Тут меня осенило.

— Там есть маломощные корабли, — начал я. — Их целый отсек, и большинство исправны. Нам уже известно, что Портулак с Геспером укрылись на белом ковчеге. Насколько я помню, собственные внутренности у него заменены параметрическим двигателем.

— Думаешь, двигатель ковчега противодействует двигателю «Серебряных крыльев»? — насмешливо уточнил Чистец.

— А что? Без боя Портулак не сдастся. Наверное,

они не смогли выбраться из отсека, зато ухитрились запустить двигатели нескольких кораблей.

— Чтобы ослабить поле «Крыльев» и остановить их?

— Остановить — вряд ли. Скорее, чтобы уменьшить КПД двигателя «Крыльев» на несколько процентов, и то при условии, что Портулак с Гесперо заведут все корабли разом. — Я улыбнулся, воспылав гордостью, ибо не сомневался: именно это задумала Портулак. — Полагаю, так они и поступят. Разве Портулак показалась сломленной и подавленной?

— Только не мне, — отозвался Лопух.

— И не мне. С помощью Геспера она…

— Портулак не объяснила, каким образом Гесперо восстал из мертвых, — заметил Паслен.

— Она знала, что другие роботы подслушивают. Может, ей хотелось что-то от них скрыть.

Нас прервал громкий звуковой сигнал, означающий, что через несколько секунд первые три корабля войдут в зону обстрела. Не сговариваясь, мы повернулись к дисплею и стали ждать.

Глава 30

До чего невыносимо ожидание! Я уже решила, что у Геспера ничего не получилось, когда заметила размытое от стремительных движений пятно — он возвращался. У люка робот остановился, кивнул мне, и его изображение появилось на панели справа от внутренней двери переходного шлюза. Я потянулась к древнему переключателю, который регулировал положение люка.

— Портулак, я закончил. Открывай, — донеслось от панели; в отсеке не осталось воздуха, но Геспер сам генерировал радиосигнал.

— Геспер, ты?

— Да, это я.

Пальцы замерли на переключателе. Пары фраз оказалось достаточно — я уже поняла, что это Каскад или Каденция.

— Мы с тобой условились назвать пароль, — осторожно напомнила я, ледяная рука ужаса ласково погладила меня по спине.

— Портулак, у меня проблемы с памятью.

— Когда ты уходил, их не было. Наоборот, после комы память у тебя восстановилась.

— А сейчас опять проблемы. Пожалуйста, впу-

сти меня.

— Назови пароль.

— Забыл. — Высокий, мощный — он по-прежнему мимикрировал — робот глянул через плечо. Стремительное, как у ящерицы, движение даже отдаленно не напоминало человеческое. — Почти уверен, Каскад или Каденция проникли в грузовой отсек. Нельзя терять времени, если хочешь, чтобы я и дальше тебе помогал.

— Отойди от люка! Не знаю, Каскад ты или Каденция, но однозначно не Геспер.

— Портулак, ты ошибаешься.

— А по-моему — нет. У меня в руках энергетический пистолет — его только что изготовил синтезатор. Луч настроен на максимальное рассеивание, а целюсь я прямо в тебя. — Мощный пистолет холодил ладонь, его вес гасили жужжащие мухами леваторы. — У меня получится. Геспер объяснил, как убивать роботов. Нужно не целиться в одну точку, а рассредоточить выстрел, чтобы поразить больше систем. Пусть у тебя голографическое покрытие, но это не значит, что ты неуязвим.

— Если выстрелишь, наверняка повредишь переходную камеру, а это приведет к полной разгерметизации корабля.

— Значит, не зря я скафандр надела. Он тоже из синтезатора.

Робот отступил на шаг, неуклюжий, как рыцарь в доспехах. Настал момент истины: проанализировав мой тон, он наверняка определил, что уговаривать меня бесполезно. Он менялся у меня на глазах — лицо по-новому разглаживалось и сминалось, талия сужалась, бедра расширялись, грудь увеличивалась. Геспер превратился в изящную, как балерина, Каденцию. Металлическая кожа еще не посветлела до серебристого, но в остальном женщина-машина вернулась к своей внешности.

— Легко и непринужденно, — похвалила я.

— Я убила Геспера, — заявила Каденция своим обычным голосом. — Он больше тебе не поможет.

У меня голова пошла кругом.

— Где ты его убила?

— В этом отсеке.

— Точнее, Каденция! Где именно?

Каденция наклонила голову и отвела взгляд от ковчега:

— У зеленого корабля, вон того, с убранными стазокрыльями.

Зеленый корабль фигурировал в списке, кото-

рый я составила для Геспера. Впрочем, Каденция могла догадаться или увидеть золотого робота на мониторе камер слежения, установленных в отсеке.

— Принеси его тело, тогда поговорим.

— Тела нет. Я разобрала его. — Каденция подняла руку, бронированный рукав плавно разошелся, обнажив зловещие трубки и цилиндры. — Все время нашего пребывания у вас мы с Каскадом были вооружены. — Механически резким движением она опустила руку, и встроенное оружие нацелилось прямо на меня. — Открой люк, Портулак. Не заставляй применять силу.

— Что же тебя останавливает?

— Милосердие. Нежелание причинять вреда больше, чем нужно. Мы роботы, а не мясники и ценим жизнь даже в ее нелепой органической ипостаси.

— Но ты собираешься убить меня, раз так рвешься в ковчег.

— Не хотелось бы до этого доводить. Давай поговорим? Ваша с Геспером затея очень смела и оригинальна. Мы с Каскадом при всей нашей мудрости не предполагали, что вы используете эти корабли, чтобы замедлить «Серебряные крылья». Кстати, Портулак, у тебя чудесный корабль,

достойный нас.

— Рада, что «Крылья» вам нравятся. Я намерена вернуть корабль.

— Ты всегда этого хотела, да, Портулак? — Каденция снова наклонила кукольное личико, свет заиграл на высоких металлических скулах и пухлых губах. — Ты меня удивляешь. Ты якобы в скафандре и держишь в руках пистолет, способный причинить мне вред. Мое дальнейшее существование не в твоих интересах, но огонь ты не открываешь.

— Хотелось сперва тебя расспросить. — Я стиснула рукоять пистолета. Леваторы так крепко держали его на месте, что, казалось, я цепляюсь за неподвижную опору вроде балясины перил.

— Двигатель ковчега до сих пор работает. Серьезных проблем это нам не создаст, тем не менее разумнее его отключить.

— Так убей меня и отключи.

Каденция подняла руку, и встроенное оружие скрылось из виду.

— Ты не веришь в мое милосердие, но я докажу, что способна на него. Отключи двигатель, и мы придем к соглашению, которое гарантирует тебе жизнь. Я даже дам тебе время на размышление.

Сердце стучало, как пульсар, который вот-вот

разорвется на части. Одна ошибка, одно-единственное необдуманное слово отделяло меня от мгновенной гибели. При всем желании я не могла напасть на Каденцию, потому что соврала: скафандр изготовить не получилось. Пистолетом-то едва успела обзавестись.

Следовало показать женщине-машине, что ситуацию контролирую я.

— А ну отойди от люка! Стрелять я не буду — еще ведь Каскад остается. Как я понимаю, вы способны друг друга копировать. «Серебряные крылья» вам понадобились недаром. Причина достаточно веская, чтобы рисковать войной с человеческой метацивилизацией.

Каденция отступила на пару шагов. Похоже, поверила.

— Ты нас не остановишь, — проговорила она. — Ситуацию контролируем мы.

— Это твое мнение. Если честно, не верится, что, добившись своего, вы оставите меня в живых. Иначе говоря, я все равно погибну. Раз так, почему бы не извлечь из этого максимум выгоды?

— Не надо, Портулак. Это не в твоих интересах, — с неожиданной твердостью сказала Каденция.

— Ты меня услышала. Это радует.

Казалось, Каденция просчитывает и анализирует бесчисленное множество вероятных раскладов. Если бы роботы потели, она бы взмокла.

— Мы можем договориться, — сказала она. — Сейчас я уйду и дам тебе время подумать. Если отключишь двигатель ковчега — объявишь условия, на которых останешься в живых. Если они приемлемы, мы их выполним.

Ничего подобного я не ожидала, но постаралась не подать виду:

— И какие условия приемлемы?

— Ты обратишься к шаттерлингам от нашего имени. Убедишь их прекратить погоню в обмен на твое освобождение.

— Я должна верить, что вы сдержите слово?

Каденция начала отвечать — мелодичный голос звучал, как всегда, спокойно и невозмутимо, — но фразу не закончила. Случившееся секундой позже я не могла ни увидеть, ни осмыслить, — так стремительно все произошло. Лишь потом я восстановила события по обрывкам, просочившимся через судорожно сузившееся горлышко моего восприятия.

Геспер напал на Каденцию. Безоружный — после ухода из ковчега изготавливать пистолет было некогда, — он мог рассчитывать лишь на

фактор внезапности. Это помогло — Каденция явно не предполагала, что в полумраке грузового отсека к ней подбираются. В памяти всплыло мое первое впечатление: когда Лихнис привел его на мостик «Лентяя», я вспомнила охотничью кошку, которая была у меня в Палатиале, и репродукцию «Давида» Микеланджело, стоявшую в коридоре нашего старого дома. Те ассоциации, противоречивые, но взаимодополняющие, нахлынули с новой силой, когда Геспер налетел на Каденцию и прижал ее к полу. Они боролись с такой скоростью, что я видела лишь извивающуюся темную массу вроде квантового облака вероятности, но из металла. В глубоком вакууме отсека драка получилась бесшумной. Полумрак озарила яркая вспышка, а секундой позже темный клубок распался.

Оба робота неподвижно лежали на полу.

Оба получили повреждения.

Геспер растянулся на спине в пяти-шести метрах от Каденции. На груди, там, где у людей сердце, темнела дыра. Его кожа посветлела до золотого, потемнела, посветлела, потемнела — и осталась такой. Огоньки больше не кружились за стеклянными панелями над ушами. Каденция лежала на боку, лицом к Гесперу. Казалось, она

сладко спит. Боевая рука, оторванная от локтя, валялась метрах в трех-четырех от Геспера. Из обрубка пробивалось серебряное устройство, лоснящееся от ртутной смазки. Геспер казался мертвым, а Каденция еще подавала признаки жизни. Не в состоянии выбраться из ковчега, я могла только смотреть.

— Геспер, вставай! — взмолилась я, глядя на дверную панель.

Каденция зашевелилась. В голове замерцали огоньки, задергались пальцы здоровой руки, потом обрубка, что валялся рядом с Геспером. Сантиметр за сантиметром Каденция подняла голову так, чтобы видеть обрубок. Лицо ее выражало полнейшую безмятежность.

Серебристый робот отодвинулся от своего обрубка еще чуть дальше и выпустил побег — блестящую нить, которая скоро достигла пола. Побег быстро рос и, как сперва мне показалось, тянулся к Гесперу. Вдруг Каденция задумала что-то вроде ядовитого поцелуя? Но вот побег обогнул Геспера, и стало ясно: ему нужен обрубок.

— Геспер, пожалуйста, очнись! — снова взмолилась я. Хотелось закричать, но холодный рассудок подсказывал: бесполезно. Если Геспер меня не услышал, ему уже не поможешь.

Побег достиг цели — дотянулся до обрубка и обвил его, как плющ обвивает упавшую ветку. Потом он начал сокращаться медленно, но методично, волоча боевую руку с собой.

— Геспер, ну пожалуйста!

Неужели услышал? За панелями над ушами Геспера вспыхнули огоньки. Побег тем временем прополз четверть обратного пути.

— Геспер, она жива! Каденция жива!

Из-за двери донеслись искаженные пронзительные звуки, словно сто человек одновременно кричали на ста разных языках. Это Геспер пытался мне ответить, но безуспешно: с ним было что-то не так. Очень-очень не так. Впрочем, я это уже знала.

— Вставай! — решительнее проговорила я. — Времени в обрез. Слушай меня, робот, либо ты встаешь, либо нам обоим крышка.

Геспер шевельнулся — плавно, лениво, словно зевнув всем телом, — и снова замер.

— Каденция самовосстанавливается, — продолжала я. — Если не помешать ей…

— Пор… — выдавил Геспер, то ли уговаривая себя подняться: «Пора», то ли окликая меня.

— Вставай, золотой мой! Мне нужна помощь!

Робот снова шевельнулся, на сей раз движе-

ние получилось более осмысленным. Раз! — он перевернулся на бок и впился глазами в Каденцию. Обрубок был уже на полпути к ее телу. Гесперприжал ладонь к полу и рывками толкал корпус вверх, пока не оперся на локоть другой руки. Включились ноги, и вскоре он уже полусидел-полулежал. На пару секунд Гесперсловно окаменел — рывок отнял много сил. Обрубок и культю разделяли считаные метры. Видимо, Каденцию временно парализовало, но после восстановления боевой руки к ней вернулась бы возможность стрелять. Только я утешилась ее неподвижностью, Каденция дернулась и стала садиться. К ней, как и к Гесперу, с каждой секундой возвращалась подвижность. Да, умеют же роботы восстанавливаться!

— Гесперр! — заорала я, наплевав на здравомыслие.

Гесперр вышел из короткого стазиса и неуверенно поднялся. Теперь я могла рассмотреть его рану — сквозную брешь с мою руку шириной. Рана блестела густеющим серебром, истекала ртутью и стробировала ярко-голубым. Одна нога сгибалась хуже другой. Гесперр неловко повернулся и увидел, что лишь метр отделяет обрубок от культи.

Как на ходулях, он шагнул к Каденции. Та

вздрогнула и, словно щит, подняла здоровую руку. Левой ногой Геспер наступил на серебряный побег, тяжело опустился на колени и поднял с пола обрубок боевой руки. Серебряный побег потянулся, как расплавленный сыр. Геспер встал, с устрашающей силой сжал обрубок в кулаке и швырнул во мрак. Я ждала грохота, но, разумеется, напрасно — кусок металла приземлился бесшумно.

— Геспер, — позвала я, — ты меня слышишь?

Вместо ответа, Геспер приблизился к Каденции еще на шаг. Он пинал ее до тех пор, пока не перевернул на спину, потом левой ногой наступил ей на живот. Каденция забилась с новой силой. Геспер медленно опустился на колени, только не на пол, а на Каденцию, и обеими руками стиснул ей неповрежденную руку. Мощный рывок — плечи у него двигались, как у крупной гориллы, — и рука вылетела из сочленения. Золотой робот отбросил ее чуть ли не с брезгливостью, и конечность приземлилась в паре метров от него. Потом, одну за другой, он оторвал ноги. Все это время поверженная Каденция отчаянно вырывалась, но не добилась ровным счетом ничего.

Вскоре Геспер полностью расчленил серебряного робота, лишь голову с плеч не снес. Потом он

прижал останки Каденции к груди, выпрямился и, прихрамывая, зашагал к люку. Сердце бешено колотилось, пальцы стиснули энергетический пистолет — я впустила его в переходный шлюз. Тут же хлынул воздух. Открылась внутренняя дверь, и Геспер чуть не упал на меня, волоча за собой голову и торс Каденции. Двигался он по-прежнему медленно и неловко. Пахло оплавленным металлом, сквозное отверстие в груди Геспера не то шипело, не то свистело.

— Я ранен, — вполне четко проговорил он.

— Вот, возьми. — Я протянула ему энергетический пистолет. — Прикончи ее.

— Не стоит. Она нам поможет. — Спокойный голос решительно не подходил хромому, раненному в грудь роботу, — казалось, со мной говорит труп.

— Ты восстановишься?

— Да, со временем. Проводи меня на мостик, там безопаснее.

Геспер прижимал останки Каденции к груди, а сам облокачивался на меня — так мы побрели в белую утробу ковчега, к центру управления. Там не изменилось ровным счетом ничего.

— Мне нужно связаться с Лихнисом.

— Это подождет. Сперва найди мне механо-

гель.

— Какой именно?

— Не важно, любой.

Геспер разжал объятия, и лишенная конечностей Каденция рухнула к его ногам. Она следила за каждым его движением, словно караулящая жертву гадюка.

— Геспер врет, — проговорила женщина-машина совершенно не изменившимся голосом. — Он неремонтоспособен и готовится к полному системному отключению.

— Давай убьем ее прямо сейчас, — предложила я, махнув энергетическим пистолетом.

— Пожалуйста, принеси механогель. — Дрожащей рукой Геспер забрал у меня пистолет. — Я присмотрю за Каденцией. А для себя найди синхросок.

— Зачем синхросок?

— Просто найди, и все.

Раздражение в голосе Геспера я услышала впервые. Наверное, так проявлялась человеческая часть его сущности.

В соседней камере нашлось несколько тюбиков универсального механогеля, а флакон синхросока у меня был с собой. Когда я вернулась в центр управления, Геспер сторожил дергающийся торс.

— А что с обрубками, оставшимися в отсеке?

— Для нас они не опасны. Обрубки попробуют срастись, но, поскольку голова и грудь здесь, ничего не получится. — Геспер вернул мне энергетический пистолет и забрал тюбики механогеля. — Я уже говорил, что ранен, но вживление нужных материалов позволит мне восстановиться. — Он выдавил на ладонь дрожащий шарик черного механогеля, который тотчас распался на геометрические фигуры, показывая, что готов к применению.

— Они… тебе помогут? — Я села на корточки спиной к стене, стараясь держать Каденцию на прицеле. — Это же человеческие устройства. Разве они соответствуют… твоим внутренностям?

— Нет, не соответствуют. — Геспер устало улыбнулся. — Но я их заставлю. Ничего сложного тут нет. — Он нанес гель на рану, замазывая серебристое отверстие, которое пробила Каденция, и невольно вскрикнул. Получилось очень похоже на приемник, одновременно ловящий несколько сигналов. — Мне не больно, — проговорил он, взяв себя в руки. — Тут просто… небольшая нестыковка. Механогель поможет мне восстановиться, но это займет время. — Геспер выдавил еще немного геля и вторым слоем нанес на рану.

На сей раз он вздрогнул словно от удара током.

— Геспер!

— Остерегайся Каскада. — Геспер выжал на рану еще геля. — Восстанавливаться я должен в полусознательном состоянии. Пару часов, а то и дольше буду недоступен для общения.

— Мне страшно. Геспер, Каденция — робот, я видела, с какой скоростью вы двигаетесь.

— На высокие скорости Каденция пока не способна. Можно без опаски принимать небольшие дозы синхросока.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Только, сломанный, я не помощник, а обуза. — Геспер нанес последний слой геля — из сквозного туннеля дыра превратилась в глубокий черный кратер — и обессиленно прислонился к стене. Огоньки за стеклянными панелями у него над ушами вспыхнули и погасли. Оставалось надеяться, что золотое тело живо и занимается самовосстановлением.

— Ну, закапай себе синхросок, — елейным голоском предложила Каденция. — Клянусь, я ничего не сделаю.

Тут ковчег задрожал так, что я едва не потеряла равновесие.

Глава 31

Корабль Горчицы первым попал в зону обстрела «Серебряных крыльев зари». Сигналы тройки лидеров «Лентяй» получал с задержкой в несколько световых минут, поэтому нам оставалось лишь смотреть на голографическую карту галактики и следить за развитием уже происшедших событий. Не в силах ничего изменить, мы едва сдерживались, чтобы не переместить иконки на голубой координатной сетке, словно они были материальными. Порой мне казалось, мы приняли единственно верное решение, а порой — что сейчас на глазах у меня погибнет моя любимая, а я останусь в числе тех, кто обрек ее на смерть.

— Лихнис, зачем тебе следить за атакой? — спросил Чистец. — Подожди в другом месте. Мы позовем тебя, когда все закончится.

— Я понаблюдаю, если ты не против.

— Конечно не против. Но если бы ты ушел, никто из нас не упрекнул бы тебя. Ты ведь это понимаешь?

Имаго Лебеды протянуло ко мне нематериальную руку:

— Нам всем тяжело. Портулак — наша сестра. Но каково тебе — даже представить не могу.

— Портулак в состоянии о себе позаботиться, — сказал я, но прозвучало это неуверенно, словно меня самого следовало убеждать.

— Защитная оболочка «Серебряных крыльев» стробирует, — доложил Горчица. — Псевдотяга падает, как мы и ожидали.

Стробирование защищало «Серебряные крылья», однако в этой броне зияли бреши — паузы между выбросами оболочки, — в которые могла вонзиться хорошо нацеленная рапира.

«Стальной бриз», корабль Горчицы, на карте изображался желтой стрелой с тупым наконечником, которая нагоняла «Серебряные крылья», — отставание измерялось уже не десятками тысяч, а лишь тысячами километров.

— «Бриз» настраивает свои средства поражения, — сообщил Горчица, глядя на флажок со значками и цифрами возле своего корабля. — Синхронизирует гамма-пушки, чтобы пробить оболочку «Крыльев». Здорово получается! — с гордостью продолжал он. — Я сделал бы то же самое, если бы сидел за пультом управления.

— Попадание в борт, — объявил Лопух, когда резко изменились цифры на флажке у «Сереб-

ряных крыльев». — Значительный унос массы корпуса и ионизация… Горчица, по-моему, твой попал.

— Гамма-пушки уже готовятся к следующему выстрелу, — осклабился Горчица. — Синхронизируются с защитной оболочкой. Огонь!

— Второй участок ионизации, в трех километрах за первым. Два хороших попадания. — Воодушевленный Лопух глянул на нас и поднял сжатый кулак. — Мы почти у цели! Роботы не защищаются. Похоже, не полностью контролируют управление кораблем.

— Не обольщайся, — пробормотал я.

«Стальной бриз» пробил пару дыр в корпусе «Крыльев», но, судя по цифрам на флажке, это особо не отразилось ни на скорости, ни на эффективности защитной оболочки.

— Пушки перезаряжаются. Синхронизируются с защитной оболочкой, — комментировал Горчица. — Наводятся на эпицентр двигателя. Огонь!

— Никакого уноса массы корпуса, — сообщил Лопух через несколько секунд. — Никаких новых повреждений.

— Наверное, «Бриз» не в той фазе поля, — предположил Чистец. — Нужна компенсация и корректировка.

— Дайте время, — попросил Горчица. — Он уже попадал в такие ситуации. Через пару секунд восстановится модель прогнозирования смены частот и фаз, и тогда «Бриз» снова начнет пробивать оболочку. Гамма-пушки перезаряжаются. Огонь!

— Новых повреждений нет. Похоже, «Бриз» не поспевает за сменой фаз.

— Погодите, сейчас он отрегулирует модель прогнозирования…

Но и следующий выстрел «Стального бриза» не пробил защитную оболочку «Серебряных крыльев». Оболочка легко поглотила гамма-лучи, использовала часть энергии для своих нужд, а остаток направила в космос, выпустив бурлящий залп рентгеновских лучей.

Я крепче стиснул подлокотники — «Лентяй» ускорялся.

— Другие корабли тоже должны приблизиться к кораблю Портулак, — сказал я. — Одному «Бризу» защиту «Крыльев» не пробить, а вот от трех кораблей с разными частотно-фазовыми настройками защититься куда труднее.

— Мы же избрали другую тактику, — напомнил Щавель.

— Наша тактика не работает. «Серебряные

крылья» совершенно не замедляются. Пора переключиться на иной сценарий, пока не проиграли окончательно.

После недолгих колебаний Чистец кивнул:

— Лебеда, Лопух, прикажите кораблям войти в зону обстрела «Серебряных крыльев». Чтобы найти брешь в их обороне, согласуйте атаку со «Стальным бризом».

Беспилотники опережали нас на три минуты, значит через такое время они должны были получить новый боевой план, и еще через такое же мы увидим его результаты. Пока оставалось лишь наблюдать за кораблем Горчицы. «Стальной бриз» еще дважды выстрелил из гамма-пушки, потом развернулся, застробировал защитной оболочкой и включил псевдотягу.

— «Бриз» не отступает! — сказал Горчица, словно мы только об этом и думали. — Умница, понял, что оболочку не пробить. Сейчас он сделает именно то, что в такой ситуации сделал бы я, — выпустит миног.

— Сколько их у тебя? — спросил я.

— Пятьдесят две. С гамма-пушками средней дальности и высокогистерезисными скейн-двигателями. Что, посмотрим, как «Крылья» с ними справятся?

— Не суйся в воду, не зная броду, — пробормотал я. Миноги быстры и проворны, но разве сравнятся они с мощным корабельным оружием? Разве подстроятся их гамма-лучи под быстрое стробирование и смену фаз защитной оболочки?

На голографической карте миноги напоминали семена, слетевшие с одуванчика — «Стального бриза». Они разделились на две группы: двенадцать окружили корабль Горчицы, оставшиеся сорок рванули к «Серебряным крыльям». Псевдотяга скейн-двигателей позволяла миногам давить на границы поля «Стального бриза», чтобы корабль Горчицы даже с активированной защитной оболочкой не менял положение относительно «Серебряных крыльев». Корабль Портулак не мог позволить себе подобную роскошь: чтобы противодействовать огромной инерции «Серебряных крыльев», понадобились бы тысячи миног, а у Портулак столько нет.

Сорок атакующих корабликов разбились на эскадрильи и открыли огонь по уязвимым участкам «Крыльев», которые мы уже выявили. Периодически миноги пробивали стробирующее поле, но удачные выстрелы были, скорее, случайностью, да и гамма-лучи, касаясь незащищенного корпуса, лишь царапали его. Впрочем, со временем,

атака могла принести результат: «Крылья» погибли бы не от одной серьезной раны, а от тысячи царапин. Я радовался, что корабль Портулак пока не дал достойного ответа. Вдруг роботы впрямь управляют не всеми его системами?

Через шесть минут после отправки новых боевых приказов «Таинственный ветер» и «Желтый паяц», корабли Лебеды и Лопуха, вошли в зону обстрела, застробировали защитной оболочкой и скоординировали фазы и частотность пушечных выстрелов со «Стальным бризом». Миноги все терзали «Крылья» колющими ударами.

Чтобы выпустить свои миноги, «Паяц» и «Ветер» ненадолго отключили защитное поле.

Огонь!

— Попали! — закричал Лопух. — Ионизация, потеря килотонн массы корпуса! План сработал!

— Защитная оболочка нестабильна, — рапортовал Паслен, заразившись волнением Лопуха. — Небом клянусь, «Крыльям» несладко. Поле практически исчезло за две целых восемь десятых миллисекунды. Четыре миноги за защитной оболочкой «Крыльев». Поле снова пропало. Девять миног за оболочкой. Корабли на огневой позиции. Корабли у бреши в защитной оболочке.

— Гамма-пушки перезаряжаются, — объявил

Горчица. — Нужен один точный выстрел. Сейчас мы… — Он осекся. Тупоконечная стрела, иконка «Стального бриза», замигала — корабль подавал сигналы бедствия. На флажке с параметрами быстро-быстро замелькали значки и цифры.

Мы посмотрели на изображение «Бриза» в режиме реального времени, полученное с двух других кораблей. Пространство между ними затуманилось от газа и мощных потоков энергии, бурлило от стробирования защитной оболочки и неравномерностей вихревой струи, кишело обломками. Но даже мутная картинка не оставляла сомнений: кораблю Горчицы очень несладко. Искореженные борта «Стального бриза» пульсировали от мини-взрывов, напоминающих красочный салют. Корабль-стрела начал падать. Замигали розовые огоньки — это двигатели реальной тяги пытались восстановить поперечное управление. Бесполезно. У «Бриза» отказали компенсаторы инерции. Чудовищная гравитация вонзила зубы в корпус корабля и разодрала его, как хищник жертву. Мгновением позже ослепительно вспыхнул умирающий двигатель — сперва надулся белый шар, потом потемнел до лилового, затем его внешний слой почернел. С неуловимой для человеческих глаз быстротой

шар раздулся до размеров защитного поля. Один безумный миг поле удерживало корабль, а ведь его генераторы давно превратились в облако элементарных частиц. Шар, испещренный точками облепивших его миног, снова побелел, да так ослепительно, что хоть глаза закрывай. Потом рухнула последняя баррикада между ним и космосом.

«Стальной бриз» исчез.

— В чем дело? — спросил Горчица, недоуменно озираясь по сторонам. Больше всего он напоминал человека, которому приснился кошмар. — Пожалуйста, объясните мне, в чем дело. Мы же почти победили. Вон, даже защитную оболочку продырявили… Почему «Крылья» вдруг стали отбиваться?

— Небось время тянули, — предположила Пижма. — Выжидали, пока все три корабля не приблизятся. А оболочку наверняка сами себе подбили, у них же гамма-пушка с автосинхронизатором.

— Выведите «Таинственный ветер» и «Желтый паяц» из зоны атаки, — скомандовал Чистец, отчаянно стараясь сохранить спокойствие. — И молитесь, чтобы они уцелели, потому что «Серебряные крылья» настроены очень реши-

тельно, — в этом я не сомневаюсь.

Глава 32

Одну руку я прижала к стене, чтобы выпрямиться, другой крепче стиснула рукоять энергетического пистолета. Пистолет качнулся и снова нацелился на Каденцию. Следующий толчок получился сильнее и резче. С пульта управления послышался предупредительный сигнал, на панелях замигали тревожные сообщения.

— Что происходит? — спросила я.

— Сама думай.

— Похоже, нас атакуют. Это Каскад в отсек вламывается? Нет, вряд ли. Если бы хотел, он давно был бы здесь.

Каденция ответила невозмутимым взглядом.

— Атакуют не ковчег, а «Серебряные крылья». Их оболочка поглощает выстрелы, вот откуда толчки. Или корабль сам стреляет. Или и то и другое.

Женщина-машина чуть заметно кивнула.

— Атака в самом разгаре, — бесстрастно проговорила она.

— Сколько там кораблей?

— Три из числа отправившихся в погоню. Эту

информацию я сообщаю тебе добровольно, потому что никакой ценности она не имеет.

Я встала с корточек и, продолжая целиться в Каденцию, подошла к пульту управления. Геспер объяснил, как им пользоваться, и я включила радиопередатчик:

— Это Портулак. Я на связи. Не объясните, что происходит?

Я прождала необходимые пять-шесть минут, но безрезультатно.

— Они тебя не слышат, — проговорила Каденция. — Защитная оболочка в боевом режиме, поэтому лишь «Серебряные крылья» в состоянии послать полноценный сигнал. Ковчег и до твоих друзей не достучится, и ответный сигнал не получит — чувствительность не та.

— С оболочкой в боевом режиме далеко не улетишь. Рано или поздно ее придется отключить, не то вас нагонят. Получается, тех кораблей вы все-таки опасаетесь.

— На них пушки, которые уничтожат нас, если не принять меры. Это же естественно.

Нас снова затрясло, на сей раз это продолжалось секунд тридцать-сорок. Ни дать ни взять мини-землетрясение, хотя ковчег и защитную оболочку разделял не один буферный слой. Дви-

гатель чихал и кашлял, стараясь поддерживать скорость в моменты ее деактивации.

— Вы так бережете меня! — подначила я. — На вашем месте я бы не пеклась о нейтрализации ускорения, особенно если бы меня атаковали. Я бы только свою шкуру спасала.

— Ты наша заложница. Твоя жизнь — наш козырь в переговорах с преследователями. Значит, мы должны тебя оберегать.

— Так вы их опасаетесь? Или есть другая причина не убивать меня?

— Преследователи нам мешают. Они очень раздражают, только и всего.

Я не верила ни одному слову Каденции и решила снова попробовать связаться с Лихнисом. Меня опять не услышали. Стоило отвлечься на незнакомые устройства буквально на пару секунд, из культи Каденции пробился блестящий хромовый отросток.

— Хулиганка, — сказала я и выстрелила.

Поток энергии обжег культю, превратив ее в угольно-черную. Каденция словно ничего не заметила.

— Пойми: что нужно, я все равно сделаю, — выдала она с невыносимым спокойствием.

— Значит, нас уже двое.

— Каскад сообщает, что два корабля уничтожены. Третий подбит, но готовит новую атаку. То ли они плохо целятся, то ли уже не чают тебя спасти. — В голосе Каденции засквозило высокомерие. — Разумеется, ты чувствуешь себя преданной. Как иначе, если тебя сочли ненужной?

Я не ответила. Спорить с бесстрастным серебряным лицом стало скучновато.

За следующие десять-двенадцать минут тряска усилилась, достигла максимума и резко прекратилась. Я ждала продолжения минуту, две, три — и в итоге поняла, что атаке конец.

— Взорван последний корабль, — объявила Каденция. — Погибли три твоих собрата, и совершенно напрасно. Уничтожены «Стальной бриз», «Желтый паяц» и «Таинственный ветер». Ты наверняка знаешь, кто из шаттерлингов ими управлял.

— Нашим кораблям экипаж не нужен.

— Да-да, верь во что хочешь, — подначила Каденция, а потом добавила: — Мое предложение до сих пор в силе. Ну, помнишь, я говорила, пока нас не прервали? Обратись к своим друзьям. Если прекратят погоню, мы тебя отпустим.

— А Геспера?

— Хочешь — забери его с собой. Что бы Гесперу тебе ни наговорил, восстановлению он не подлежит.

— Ну, ты сама не в лучшей форме. Небось расстроена, что Каскад на помощь не спешит?

— Каскаду известно, что я не представляю опасности для нашей миссии. Принуждение и уговоры, пытки и ложь против меня бессильны. При малейшем риске выдачи тактических секретов я самоуничтожусь. Если такую опасность почувствует Каскад, он доберется до меня и убьет.

— Куда мы направляемся?

— Узнаешь, когда долетим.

— Гесперу заглядывал к вам в разум, когда вы пытались выяснить, что ему известно. Тебя это не тревожит?

— Он почти ничего не увидел. Сейчас Гесперу слабее прежнего, а мы с Каскадом изменили свои протоколы, чтобы заблокировать единственный канал, в который он проник. Мы допустили непростительную оплошность, но большой беды не случилось. Главное — корабль до сих пор у нас.

— Это мой корабль.

— Он очень быстрый. Ты молодец, хорошо о

нем заботилась.

— Каденция, неужели дело только в корабле?

Она вскинула голову:

— В чем же еще? Скорость превыше всего, а твой корабль, несомненно, быстр.

— И это все?

— Да, конечно.

— По-моему, вы избрали очень сложный способ раздобыть быстрый корабль. Мы с Геспером считаем, что на Невме вы узнали не слишком много нового. — Я уселась поудобнее, смирившись с тем, что ждать придется долго. С тех пор как погасли огоньки над ушами Геспера, его состояние не изменилось — ничто не указывало, что он возвращается к жизни. — Минуарцию убили вы с Каскадом? — спросила я. — Говори, наших отношений это не изменит.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Из старого доброго любопытства.

— Коли так, то да, Минуарцию убили мы.

— Вы сбросили ее с балкона? Прости, Каденция, это совершенно не в вашем стиле. Я видела, как быстро вы передвигаетесь, как при необходимости меняете цвет и форму. Почти уверена: вы не стали бы убивать Минуарцию таким варварским способом.

— Убивать ее способом, указывающим на нас прямо, было бы ошибкой.

— Нет, Минуарцию убил кто-то другой. Вам ее гибель оказалась на руку: она отвлекла Горечавок от расследования тайны засады, однако убийцы не вы. Вам не хотелось бы, чтобы я об этом знала?

В глазах Каденции мелькнул не то интерес, не то тревога.

— Меня не касается, что ты знаешь, а что нет.

— Мне известно, зачем устроили бойню: чтобы никуда не просочилась информация, дискредитирующая Союз Линий. Если бы пара шаттерлингов не опоздала на сбор, Линии Горечавки пришел бы конец, а секрет, который мы хотели разнести по галактике, остался бы секретом. Но вашего появления не ждал никто.

— Тогда получается, засаду устроили в интересах людей, — насмешливо отозвалась Каденция. — Тебя послушать, нападавшие поступили правильно. Какая ненависть, какое возмездие — Горечавкам впору им аплодировать. Если тебе небезразлична судьба человеческой цивилизации, нужно сделать все, чтобы исполнить миссию нападавших. Убеди друзей вернуться на Невму и обратить пушки против уцелевших Горечавок,

потом на себя, и так пока не останется ни единого шаттерлинга. Завершающим аккордом станет твое самоубийство — ты унесешь тайну засады в могилу. Разве это не разумный план действий? Разве не так до́лжно поступить?

— Возможно, если бы вы заранее не знали об атаке и ее причинах.

— Ладно хоть так.

Я закапала себе синхросок — по холодной прозрачной капле в каждый глаз.

— Не ради сохранения тайны вы прилетели на Невму и не ради моего корабля. По-моему, причина в другом.

— В чем же?

— Именно это я хочу выяснить и выясню — так или иначе.

— А потом?

— Я вас остановлю. Наверняка есть миллион разных способов.

— Почти каждый подразумевает твою гибель.

— Сама же говоришь, именно так до́лжно поступить. Широкими жестами я не брезгую, особенно если они ради высшего блага. Хотя, возможно, и не во благо тебе.

Я подняла рукав и настроила хронометр, задав параметры замедления.

Глава 33

Свой драгоценный корабль Горчица, может, и потерял, зато не утратил понимания ситуации и помнил о прогнозе курса «Крыльев», который составил до захлебнувшейся атаки. Когда его имаго обратилось к нам, голос почти не дрожал:

— Попытка штурма ничего не изменила. Во время первой волны «Крылья» чуть скорректировали курс, но вернулись на прежнюю траекторию, когда все закончилось и мы потеряли два корабля. Ориентировочный курс, который я вам показывал, по-прежнему верен. То есть через семь тысячелетий «Крылья» пройдут в пятнадцати световых годах от нынешних границ Мирного Согласия. Хотя мы ведь решили, что роботы вряд ли туда направляются.

— А дальше? — спросил Чистец. — Мы же хотели расширить зону поиска до пятидесяти тысяч световых лет.

— Я расширил. Вот системы-кандидаты в порядке близости к вектору курса. — Горчица протянул руку к дисплееру.

«Лентяй» показал мне тот же список, прокручивая его строка за строкой. Координаты,

утвержденное Союзом название основного тела, а также планеты или спутника, с которыми, вероятнее всего, ассоциируется система; цепочка цифр, обозначающих состояние поверхности, металличность, заселенность.

Список получился обескураживающе длинным — целые сотни систем, а я-то надеялся, что просмотреть его удастся быстро. На всякий случай я сразу проверил, не направляются ли роботы в систему, исследуемую Вигильностью, но таких в списке не оказалось.

— «Крылья» летят через все эти системы? — куда спокойнее спросила Лебеда. Потерю корабля она проглотила, но не забыла.

— Может, и нет, но, поскольку точный курс нам неизвестен, нельзя исключать ни одну из них. — Лоб Горчицы блестел от пота, и бедняга старательно смахивал капли, вытирая затем пальцы о рукав. — Планет, на которые заносило Горечавок или шаттерлингов других Линий, целые сотни. Но то же самое можно сказать о любом уголке Вселенной, а в этом списке ничто в глаза не бросается.

— С Предтечами ни одна планета не связана? — спросил я.

— Нет, артефактов ни на одной не обнаружено,

я проверял.

Лопух озадаченно скреб затылок:

— А как насчет цивилизаций, контактировавших с машинным народом? В списке наверняка такие есть.

— Да, несколько, — подтвердил Горчица. — Но по оценке Всеобщего актуария, они наверняка вымерли.

— Сколько всего вариантов? — спросил Чистец.

— Триста сорок восемь. Вообще-то, решение ограничить зону поиска пятьюдесятью тысячами световых лет довольно спорное. Если расширить ее или допустить бóльшую погрешность, получим тысячи. И это без учета собственного движения звезд, вращения галактики и степени изменения траектории гравитационным полем, которую допускают роботы.

— Нас девятеро. Можно разбить список на менее пугающие куски — вдруг что-нибудь высмотрим? — предложил я. — Часть можно отослать на Невму.

— Уже отослано, — заверил Горчица. — Только мы набираем скорость и ответный сигнал получим далеко не сразу. Пока не разделили список, думаю, вы должны кое-что узнать.

— Ты что-то нашел? — спросил Чистец, скрестив руки на груди.

— Не в этом списке. Из чистого любопытства я чуть расширил зону поиска. Ну, вдруг мы упускаем очевидное…

Я почувствовал, что терпение Чистеца висит на волоске.

— И что?

— На другом конце галактики в шестидесяти двух тысячах световых лет отсюда кое-что есть. Если честно, я не знаю, что и думать, но цифры говорят: вероятность очень велика. «Крылья» летят прямо туда.

— Куда? — переспросил я.

— К нашей звездамбе.

Чуть позже появился Калган. Я сидел в саду «Лентяя», возле летнего домика, отчаянно стараясь прочистить мозги при помощи свежего воздуха и синего неба. Я запретил статуям перемещаться — их медленные, как в трансе, движения сильно отвлекали. Мне хотелось абсолютного покоя, пусть только внешнего — в душе и так бушевала буря.

— Я по-прежнему готов рискнуть, — заявило полупрозрачное имаго Калгана, появившись на лугу, отлого спускающемся к домику. Калгана

обступили более четкие имаго других шаттерлингов.

— Только не после случившегося, — возразил Чистец. — Три корабля мы уже потеряли. Не хочу терять еще один и хорошего шаттерлинга. Ты очень смелый, раз предложил такое, но мы говорили об атаке, не представляя, чему противостоим. Отдав еще один корабль на растерзание «Серебряным крыльям», мы не добьемся ровным счетом ничего.

— Мне тоже так кажется, — вмешался я. — «Стальной бриз» и другие корабли были неплохо оснащены и действовали вполне разумно. Они просто не справились с противником, который все виртуознее управляет «Серебряными крыльями зари».

Ответ Калгана прилетел две минуты спустя:

— Поэтому важно атаковать сейчас, пока «Крылья» не до конца подчинены роботам. — Голос его звенел от нехарактерной для него решимости. — Тем более пора изменить тактику.

Я подбоченился:

— Тактику изменить? Если я ничего не пропустил, тактика у нас прежняя.

— Раз никто не решается, я скажу, — проговорил Калган. — Лихнис, от Портулак нет вестей

целый день. Она замолчала еще до атаки, значит дело не только в сложности прохождения сигнала через защитную оболочку. Она должна была выйти на связь. Мы же понимаем, что ощутимого вреда наш обстрел «Крыльям» не принес.

— Значит, Портулак жива.

— Жива, но молчит? — Калган посмотрел на меня с искренним сочувствием. — Лихнис, она вышла бы на связь, если… Если бы роботы до нее не добрались.

— Она была в безопасном месте.

— На ковчеге безопасно, но нам обоим известно, что роботы не оставили бы ее там в покое, особенно если она стала их раздражать. — Калган поднял руку, не давая мне возразить. — Я не утверждаю, что она погибла. Просто давайте рассматривать и этот вариант, а не зацикливаться на том, что она жива. Уверенности в этом у нас, увы, больше нет.

— У меня есть.

— Из спортивного интереса спрошу, что это меняет? — не выдержал Чистец.

— Наши корабли подставились под бортовые залпы — так больше рисковать нельзя. Гамма-пушки у нас по флангам, значит тактическое преимущество дает чистое преследование. Наши

корабли предназначены для стрельбы вперед, а не назад.

Обсуждать конструкцию «Серебряных крыльев» не имело смысла. Калган был прав во всем, и каждый из нас это понимал. Если твои корабли быстрейшие в галактике, защита теряет актуальность. Из этого вытекает не то, что наши корабли бессильны перед нагоняющими преследователями, а лишь то, что самые мощные орудия — как правило, самые тяжелые и неудобные для переустановки — обычно настроены на тыловую атаку.

— «Крылья» выпустят защитную оболочку, едва ты войдешь в зону обстрела, — сказал Горчица. — Наши корабли ее не пробили, с чего ты решил, что у тебя получится?

— Я не утверждаю, что получится. По крайней мере, я не стану стрелять по определенным зонам и щадить уязвимые. Я могу бить в слабейшие участки защитной оболочки или самого корпуса. Раз теперь нам известно, что роботы летят к звездамбе, остановить «Крылья», а при необходимости уничтожить стало важнее, чем просто замедлить.

Калган будто забыл, что насчет звездамбы мы совершенно не уверены, но я решил закрыть на

это глаза.

— Без ключа у роботов ничего не получится, — сказал я.

— Неужели ты уповаешь на это? Неужели готов рискнуть репутацией Линии и будущей стабильностью нескольких человеческих цивилизаций? Прости, Лихнис, но Госпоже Удаче мы больше верить не можем. В последнее время ей на нас глубоко наплевать.

— Я не позволю провести новую атаку, — заявил Чистец. — По крайней мере, пока мы не убедимся, что Портулак погибла. Что творится на борту «Крыльев», нам неизвестно. По идее, Портулак может выйти на связь в любую секунду.

Я вздохнул с облегчением.

— Но ведь до зоны обстрела «Полуночной королеве» еще лететь и лететь, — напомнил Чистец.

— Если погружусь в латентность и отключу все защитные устройства, в зоне обстрела окажусь через тридцать часов, — прикинул Калган. — А если «Серебряные крылья» не сбавят скорость, их ни один другой корабль не догонит.

— Тогда вперед! Линия дает добро, — сказал Чистец, отворачиваясь.

— Что за… — начал я.

— Время еще есть, — перебил Чистец. — Разре-

шение на атаку Калган получит уже на подлете к зоне обстрела, когда мы снова проанализируем все факты. Лихнис, у нас целых тридцать часов. Если к тому времени Портулак не выйдет на связь, тогда и тебе придется смириться… — Договорить он не смог.

— Обещаю начать атаку, лишь когда убедимся, что Портулак погибла, — сказал Калган. — А теперь прошу меня извинить, я должен приготовиться.

Его имаго задрожало и исчезло.

Глава 34

Синхросок действовал — замедлял все функции моего организма, кроме ощущения времени. После того как я два часа продержала Каденцию на прицеле — в реальности пролетело двадцать часов, — мой живот зароптал, напоминая, что некоторые физиологические процессы лучше не сдерживать. Мысли теперь смахивали на старую измочаленную веревку. Я проваливалась в забытье — мне снова и снова снилось, что Геспер восстановился и мы одолели роботов. Просыпалась я каждый раз, полная решимости бдеть, но сил не хватало. Каденция следила за мной с

хищным интересом, наблюдая за подъемами и спадами моих умственных процессов. Для нее мой разум был вроде витражного окна: погаснет свет за определенными его частями — и она начнет действовать.

Через двадцать четыре часа хронометр вернул меня к реальному времени. Вялая и заторможенная, я теперь по-настоящему чувствовала каждую секунду.

— Да, чем дальше, тем тяжелее, — отметила Каденция.

Я поднялась. По онемевшим ногам медленно прокатилась огненная волна боли. Я с трудом добрела до пульта управления, продолжая держать Каденцию на прицеле. По-моему, атака не возобновилась, хотя, возможно, я прослушала.

— Лихнис, это Портулак, — проговорила я в микрофон пульта. — Я жива. Слышишь меня? Есть новости?

Мучительная тишина напоминала бесконечное пространство-время. Я слонялась по мостику, смотрела на сломанных роботов, гадала, почему Лихнис не отвечает. Побочный эффект синхросока в том, что мозг после него восстанавливается не сразу, поначалу реальное время кажется невыносимо медленным. Я об этом помнила, но

все равно чувствовала, что жду слишком долго. Уже собралась послать новое сообщение, когда послышался голос Лихниса.

— Ты жива! Какое счастье! — радовался он. — Мы так долго тебя не слышали, что стали опасаться худшего. Когда выпущена защитная оболочка, сигнал, ясное дело, не пошлешь, но атака завершилась, а ты все молчала. Я забеспокоился! Ты ведь знаешь об атаке? Мы подбили «Серебряные крылья», но не так сильно, как рассчитывали. Ладно, хоть потеряли корабли, а не шаттерлингов. Горчица, Лебеда и Лопух летят на других кораблях. Самое главное — мы не сдались и, похоже, выяснили, куда вы направляетесь. Портулак, поговори со мной! Что у вас творится?

— Сначала скажи, куда мы летим, — попросила я.

Ответ пришел минуты через четыре с небольшим — корабли шаттерлингов подсократили отставание, хотя и совсем чуть-чуть.

— Полной уверенности нет, но мы спрогнозировали ваш курс и кое-что нашли, — начал Лихнис. — Окончательные выводы пока не делаем — слишком мало ясности. На первый взгляд суть такова: если экстраполировать вашу траекторию на шестьдесят две тысячи световых лет,

кое-что обнаруживается. Это не другая система и не граница империи среднего уровня. Это звездамба, Портулак, наша звездамба.

Я глянула на Каденцию: надо же убедиться, что она не затевает гадость.

— Это точно звездамба Горечавок?

— Абсолютно точно. Ей три миллиона лет — половина возраста нашей Линии. По крайней мере, дамба похожа на нашу — мы должны поддерживать ее работоспособность.

Вспомнилась звездамба возле системы кентавров, которую отремонтировал Лихнис.

— Что значит «похожа на нашу»? Дамба либо наша, либо нет. В космотеке должны быть четкие сведения о том, наша ли это работа, кто из шаттерлингов ее выполнял, какую звезду пришлось огораживать и почему проблему не решили перерожденцы или мигранты.

— Дамба однозначно наша, — отозвался Лихнис, — только информации в космотеке куда меньше обычного. И проверить затруднительно. Установкой занимался Очиток — он собирал миры-кольца и размещал их вокруг звезды. Очиток погиб, дело было десять с лишним циклов назад.

«Короче говоря, Очиток погиб вскоре после установки звездамбы», — подумала я и стала

рыться в памяти, воскрешая обстоятельства его исчезновения. Увы, без космотеки ничего не получалось. Еще до бойни мы потеряли более сотни шаттерлингов. Каждый случай я не могла помнить при всем желании. Порой подробности вообще оставались неизвестны.

— Очиток исчез, — продолжал Лихнис. — Что с ним стало, мы не знаем. С тех пор звездамба обслуживает себя сама, разумеется под нашим наблюдением. Раз в цикл мы летали туда с проверкой. Больше и сказать нечего. Дамбу возвели у голубого супергиганта, находящегося в десятке световых лет от места обитания двух молодых цивилизаций. Когда ее строили, в межзвездное пространство ни одна из них не выходила. Взрыв звезды разложил бы озон в атмосферах тех планет и вызвал бы массовую мутацию. За год обе цивилизации вымерли бы. Вмешательство хранителей помогло бы… Только обращаться к ним показалось рискованным. Как раз в то время Линия Горечавки старалась утвердиться в Союзе.

— А что стало с теми цивилизациями?

— Обе сгинули, — ответил Лихнис спустя четыре минуты, за которые я проверила, не ожил ли Геспер. — Одна достигла высокого уровня развития, населив пять тысяч систем. Потом ввязалась

в микровойну с огромным Содружеством Киновари, и все, песенка была спета. Другая цивилизация освободила галактику от своего присутствия, так и не выйдя за предел ракет на химическом топливе и термоядерных бомб. Дальше… — Лихнис остановился, словно перед очередным абзацем статьи из космотеки. — Дальше история мутная. Сегодня сверхновая мешала бы многим соседним цивилизациям. Жизней погубила бы множество, возможно десятки миллиардов. Но все нынешние ее соседи вполне развиты, чтобы организовать эвакуацию или принять меры по защите биосферы. И все они достаточно отдалены от сверхновой — вымирание в масштабах системы никому не грозит.

— Нас сейчас волнует не влияние сверхновой, а возможная авария на звездамбе. Сверхновые второго типа выделяют энергию месяцами, если не годами. А при аварии на звездамбе огромное количество энергии выбрасывается мгновенно.

— Знаю, но это не худший вариант. Помнишь, что произошло с Содружеством Тысячи Миров? Единственный раз на нашей звездамбе случилась авария, но проклятая конструкция была в самом центре империи, а местные жители ничего подобного не ожидали.

Разве я забуду Угарит-Панта?

— А сейчас такое возможно? Ну, гибель целой цивилизации?

— Не знаю. Такой уязвимой, как Содружество Тысячи Миров, не кажется ни одна. Тем более что местных можно заранее предупредить. Предельная скорость «Серебряных крыльев» на сотую долю процента ниже скорости света. Разница крохотная, но, если сейчас отправить сообщение, на скорости света оно долетит на шесть лет раньше, чем вы. Понятно, эвакуировать десятки систем они не успеют, зато примут чрезвычайные меры — выкопают бункеры, переместят население в них или на бронированные корабли посадят. Да и вы летите не так быстро. Сейчас ваша скорость — девятьсот девяносто и девять тысячных световой, что дает местным шестьдесят лет вместо шести. Они даже эвакуацию начать успеют.

— Это все Геспер. Он сумел завести двигатели отдельных кораблей. — Я снова посмотрела на золотого робота, но его состояние не изменилось.

— Он не восстановится, — предупредила Каденция.

— Даже если роботы летят к звездамбе, цели их миссии мы пока не знаем, — продолжал Лихнис. — Если они хотят развязать войну, взрыв

звездамбы в центре галактики — ощутимый психологический удар. Только особого вреда он не нанесет. Ну, вызовут они вторичную детонацию, ну, сделают тот район необитаемым на несколько тысяч световых лет. Если не послать упреждающий сигнал, взрыв в худшем случае затронет шесть или семь цивилизаций, ни одну из которых ключевым игроком не назовешь. Союз Линий серьезно не пострадает, так же как другие крупные цивилизации — хранители, мигранты, перерожденцы. В общем, если роботы хотят выбить метацивилизацию из колеи, то избрали для этого неверную тактику.

«Может, они хотят лишь наказать нас? — подумала я. — Навредить, как мы навредили первой машинной цивилизации? Не истребить полностью, а продемонстрировать, что не забыли наше преступление и тем более не простили? Только разве такой вариант в духе роботов?»

— Есть возражение посерьезнее стратегической бессмысленности, — проговорил Лихнис. — Роботам не сломать звездамбу. Дамбы нуждаются в обслуживании, порой дают сбои. Но извне спровоцировать такой сбой невозможно.

— А вдруг они хотят врезаться в нее на полной скорости? К чему это приведет?

— Трудно сказать. На подобные маневры от нечего делать не решаются. Были случаи, когда корабли врезались в звездамбы или миры-кольца Предтеч на околосветовой скорости. Во всех зафиксированных случаях конструкции выдержали. Плохо установленные кольца рассыпаются, но они крайне ударопрочны. Может, у роботов есть неизвестная нам информация, которая убедила их, что они смогут протаранить дамбу «Серебряными крыльями»? Тогда понятно, зачем им понадобился быстрый корабль…

— А если они сбавят скорость и попробуют испортить дамбу? — перебила я.

— Если заблаговременно послать сигнал местной цивилизации, они окружат военными кораблями дамбу и уже имеющиеся защитные сооружения. Когда «Серебряные крылья» летят на крейсерской скорости, поразить их трудно. Но если скорость придется снизить до системной… По-моему, тогда ваши шансы невелики.

— По-моему, тоже, — проговорила я, обращаясь скорее к себе, чем к Лихнису.

Я так и не рассказала ему о первых людях-машинах и непростительном поступке, который мы совершили по отношению к ним. Слова Геспера таились в моей душе как шило в мешке, неумо-

лимо прорываясь наружу. Не хотелось, чтобы Каскад или Каденция узнали, чем поделился со мной их золотой собрат, ведь многое он мог пережить или испытать только в бытность Фантомом Воздуха.

— А заполучи они ключ, — начала я, не подумав, стоит ли говорить о таком вслух, — одноразовый ключ, вроде того, который тебе выдала Линия, когда послала к кентаврам… у них получилось бы?

— Я использовал тот ключ, лишь чтобы починить звездамбу.

— Есть и более функциональные ключи. Линия поручила тебе только устранить неполадки — разбирать дамбу еще рано, уровень радиации слишком высок. Но если бы тебя отправили демонтировать звездамбу, выполнившую свое назначение, чтобы использовать миры-кольца в другом месте…

— Мне бы дали одноразовый ключ с функциями полного демонтажа. — Лихнис закончил мою фразу с четырехминутной задержкой. — Такие ключи выдают лишь по очень веской причине. Демонтаж проходит под строжайшим контролем Линии. Каждый ключ предназначен для конкретной звездамбы — другую им не откроешь и преждевременно не разберешь.

— Где-то наверняка есть ключ от той звездамбы. Если не сам ключ, то хотя бы указания, как его изготовить.

— Для каждой звездамбы существует единственный ключ. Его делают одновременно с самой дамбой и кодируют сложнейшими кодами. Никакой другой не подойдет, а коды никто не хранит. Мол, лучше потерять ключ и не иметь возможности открыть дамбу, чем рисковать тем, что дубликат попадет в недобрые руки. В результате некоторые миры-кольца привязаны к давно испепелившимся звездам, но для нас это вполне разумная цена.

— А где ключ к той звездамбе?

— Уничтожен в микровойне через пару сотен тысячелетий после возведения дамбы. По крайней мере, так утверждают космотеки. Только безоговорочной веры им у меня не осталось. Мы считали себя умнее других, врали Угарит-Панту, а сами в очередной раз пичкали себя ложью.

Я снова взглянула на Каденцию. Внезапно мрак рассеялся — я поняла, зачем роботам понадобился мой корабль.

Изначально «Серебряные крылья зари» не фигурировали в планах Каскада и Каденции. Их высокая скорость оказалась очень кстати, только

не она стояла во главе угла, тем более у Горечавок есть и другие быстрые корабли. На наш сбор Каскад и Каденция пробрались не в надежде долететь до звездамбы. Пожелай они там оказаться, отправились бы прямиком к дамбе, сэкономив время и силы. В бытность гостями Эспарцет, они даже ее корабль не захватили.

Каскад и Каденция явились за мной. Не за моими воспоминаниями, не за самим моим кораблем, а за тем, что на нем хранится. Задолго до того, как братья-шаттерлинги определили мне наказание, их методично направляли к конкретной цели.

На борту «Серебряных крыльев зари» хранится одноразовый ключ от той звездамбы.

Голова закружилась, словно я слишком резко поднялась на большую высоту и вдохнула разреженный воздух. Доказательств не требовалось — с каждой секундой я все больше убеждалась в своей правоте. В какой-то мере я всегда это знала. Как ни старайся, старые воспоминания полностью не сотрешь.

Я отродясь была скопидомом и неохотно расставалась со своим имуществом.

Получается, тому есть причина.

— Портулак, на случай если связь снова прервется, хочу сказать кое-что еще, — начал Лихнис,

когда головокружение поутихло, хотя полностью проходить явно не собиралось. — Калган намерен повторить атаку. Пусть роботы знают наши планы, ничего страшного. Они так и так разберутся, когда заметят приближение «Полуночной королевы». Если можешь защититься, непременно попробуй.

— Попробую, — отозвалась я. — Лихнис, я тоже хочу сказать тебе кое-что еще. Жизненно важно остановить «Крылья». Мы, конечно, не знаем, зачем роботам таранить звездамбу, но это точно не в наших интересах. Раз выяснили, куда они летят — я уверена, что их цель — звездамба, — мы не должны их туда пускать. Лихнис, «Серебряные крылья» нужно не просто подбить. На кону слишком многое, рисковать нельзя. Скажи Калгану, пусть не жалеет пушек. Пусть расстреляет меня.

Часть восьмая

Если Реликт разочаровал Калидрия, то меня — нет. Наши потери неуклонно росли, но в подземной темнице нерадивый ученик Калидрия наконец составил контрзаклинание. В неволе Реликт мог опробовать его лишь частями. Неделя за неделей он оттачивал их, не оставляя без внимания ни одной мелочи.

— Стоит наложить это заклинание, Калидрий узнает, — сказал Реликт. — Я должен быть уверен в успехе, ведь, если потерплю неудачу, второго шанса не будет. Калидрий изменит свои методы, и мы упустим единственный шанс.

— Делай то, что считаешь нужным.

Наконец Реликт объявил, что готов. Текст заклинания, сложный, как ноты камерной музыки, занял целую страницу. Начав его читать, останавливаться было нельзя. Малейшая ошибка, крохотная неточность — и все пойдет насмарку.

— Развяжите меня, — попросил Реликт. — Без полной свободы движений я не наложу заклинание правильно.

— Нож ему от горла не убирайте, — велела я Ланию, который спустился в темницу со мной.

Реликт медленно покачал головой:

— Нож мне помешает.

— Я должна тебе поверить? — спросила я. — Тебе же ничего не стоит бежать из подземелья, используя свою магию.

— В таком случае побег мой станет наименьшей из ваших бед, миледи. Рано или поздно граф Мордекс восторжествует, отчего мне будет не легче, чем вам. Выбора у вас нет — только довериться мне.

— Уберите нож! — раздраженно приказала я.

Реликт коснулся тонкой царапины, оставленной лезвием на горле. Тогда я поняла, что он не предаст. Время прочесть парализующее заклинание у него уже было, но он сдержался.

Реликт отвязал Призрачного Солдата от рамы.

— Это чтобы продемонстрировать силу заклинания, миледи, — пояснил он. — Иначе вы не заметите разницы.

— Это точно безопасно?

— Совершенно безопасно. Видите, каким доверчивым он стал? — Реликт поманил к себе Солдата, потом поднял руку, повелевая остановиться. — Слов моих он не понимает, но чувствует, что я не причиню ему вреда, по-моему, даже привязался ко мне. Я отношусь к нему куда лучше команди-

ра, который отправил его в бой.

— Ты готов прочесть заклинание?

Реликт вернулся к столу, убрал волосы с диких глаз и стал водить пальцем по строчкам, написанным мудреными знаками языка магов. Один раз его палец остановился, скользнул обратно по строчке, и в лице мелькнула неуверенность. Но вот он кивнул и стал читать дальше.

— Причин медлить нет, — наконец объявил Реликт. — Я готов.

— Тогда приступай.

Реликт на миг закрыл глаза, потом глубоко вдохнул и заговорил. Ни слов, ни жестов я не понимала, зато на Призрачного Солдата они, бесспорно, действовали. Тот задрожал, задергался в доспехах. Реликт так старался прочесть заклинание без ошибок, что вряд ли следил за происходящим. Когда он добрался до середины — я наблюдала, как палец скользит по строчкам, — Солдат рухнул на пол темницы и забился в судорогах, потом все сильнее и сильнее. Из-под доспехов послышался звук, похожий на шум сквозняка, гуляющего по дому. Солдата заколотило еще сильнее. Он вертел головой, сучил ногами — так быстро, что я едва успевала замечать. Реликт читал дальше. Когда осталась треть за-

клинания, припадок Солдата достиг апогея — он молотил пол руками и ногами, выл от боли — и пошел на убыль. Солдат дергался все реже и реже, а когда Реликт дочитал до конца, тот перестал шевелиться. Красный дым в глазницах исчез.

— Я закончил, — объявил Реликт, промокнул лоб рукавом и вздохнул с облегчением. — По-моему, ошибок я не допустил, а судя по состоянию Призрачного Солдата, и с формулировкой заклинания не ошибся.

— Солдат чувствовал боль, — проговорила я, расстроенная зрелищем, которого не ожидала, — непередаваемую словами агонию.

— Разве я обещал, что ему не будет больно? — спросил Реликт, протягивая руки, чтобы стражник их связал.

— А с другими что?

— Если заклинание составлено правильно и я не ошибся в расчетах, сегодня погиб не один Призрачный Солдат. — Реликт улыбнулся. Очевидно, предсмертная агония ложной души волновала его не больше, чем гибель мухи. — Миледи, подождем донесения главного стражника. Полагаю, новости вас обрадуют.

Я оставила Реликта наедине со стражниками. В ушах у меня так и стоял предсмертный вой

Призрачного Солдата. Он еще долго не стихал.

Через десять ночей вернулись зеленые лазутчики. Они затащили меня в ярко освещенную комнату и снова принялись колоть иглами. Они и прежде вели себя настойчиво, но сейчас в их тайных действиях сквозило отчаяние, словно эта вылазка была принципиально важна.

— Абигейл, послушай меня, — сказал один из лазутчиков, склонившись надо мной с маленьким жезлом, светившим мне в глаза малиновым. — Ты в Палатиале. Это не реальность. Реальность за его пределами. Моргни, если понимаешь, о чем я.

Я моргнула, но лишь потому, что хотела обмануть лазутчиков.

Разумеется, лазутчики победили.

Все чаще и настойчивее вторгались они в мой мир. Понемногу альтернативная реальность белой комнаты выступила на первый план. После каждого их посещения она становилась все убедительнее и осязаемее. Зеленые лазутчики оказались не предателями, не агентами другой империи, а техниками и докторами. Медленно, с трудом, я поняла: то, что мне без конца долдонят, — правда. Я не принцесса из сказочного королевства, у меня нет сводного брата по имени

граф Мордекс, я незнакома с чародеем Реликтом. Все это иллюзии, сотканные устройством, которое вышло из-под контроля и засасывает меня в свой фантастический мир.

Я Абигейл Джентиан, Горечавка, наследница славного семейства. Таких мастеров клонирования, как мы, на Золотом Часе не было и нет. Меня ждет большое будущее.

Но как тяжело расставаться со сказочным королевством и всеми его чудесами — возможностью не только управлять финансами, но и командовать чародеями, казнить пленных, посылать армии в атаку с моим именем на устах.

Палатиал тянул, манил, засасывал меня, даже когда я была за пределами зеленого куба. Сны возвращали меня в феодальную простоту его мира. Там настало время великих побед — мы уничтожили Призрачных Солдат и разгромили армию Мордекса.

О самом графе мы больше не слышали.

Много позднее, когда нейрохирурги (те же, которые лечили мою мать) объявили меня здоровой, выяснилось, что мальчишке повезло куда меньше. Его Палатиал — устройство, благодаря которому мы, не встречаясь, погружались в одинаковые иллюзии, — давал сбои еще похуже

моего. Из зеленого куба извлекли улыбающийся, пускающий слюни овощ, и все попытки восстановить его когнитивные функции провалились. В итоге его вернули в Палатиал, подключив к игре на нейронном уровне. Лишь в зеленом кубе ему было хорошо.

Меня, к счастью, вытащили вовремя.

Так мне всегда представлялась моя жизнь. Отдельные ее эпизоды вызывают куда больше вопросов. Родилась я в большом, постоянно меняющемся доме на краю Золотого Часа. Бóльшую часть моего затянувшегося детства у меня был приятель, который изредка прилетал поиграть. Я помню шаттл и роботов, спускающихся по трапу вместе с маленьким хозяином. Мальчишка был вредный, а вот имени его я не помню. Возможно, он даже являлся наследником конкурирующего семейства, а взрослые надеялись, что детская дружба приведет к браку. Не вызывает сомнений, что у меня был Палатиал, который со временем вышел из строя и затянул меня в свой мир.

По-моему, если подавлять воспоминание, с ним случится одно из двух. Либо оно останется подавленным, закрытым для осознанного и неосознанного воспроизведения. Либо, что куда вероятнее, подавленное воспоминание проявит-

ся иначе. Оно проникнет в другие воспоминания и подгонит их под себя.

Я вспоминала гибель Призрачного Солдата. В его крике звучала агония, подрывавшая мою взрослую уверенность в себе.

Мы совершили чудовищное преступление?

Если конкретнее: я его совершила?

Последним местом, где я побывала в ипостаси Абигейл (речь только о той ипостаси), стала лаборатория, где мы растили шаттерлингов, — огромная комната со сводчатым потолком, со сверкающими белыми балконами и лестницами, со штабелями баков. Если не считать гула устройств, подающих энергию, периодических звонков и писка контрольных приборов, в лаборатории было тихо как в могиле. Все стерильное, холодное, — казалось, это место смерти, а не создания чего-то связанного с жизнью и страстью. Людмила Марцеллин уже получила тысячу клонов самой себя. В этой лаборатории содержались девятьсот девяносто девять клонов Горечавки. Приготовили и тысячный бак, но он пока пустовал.

Людмила отправила свои корабли в космический войд, а сама решила остаться. Главным парадоксом ее авантюрной затеи стало то, что

ей не следовало отлучаться с Золотого Часа, если она желает упиваться обожанием общества, ее породившего. Людмила утешалась тем, что ее клонированные копии с багажом ее воспоминаний, накопленных на момент последнего сканирования, полетят к звездам. Если все получится — по-моему, Людмила не сомневалась в этом ни секунды, — клоны унесут ее квинтэссенцию в необозримое будущее. В один прекрасный день клоны могут слиться в единое человеческое существо, которое назовется Людмилой Марцеллин, хотя настоящая Людмила к тому времени будет давно мертва и, наверное, забыта.

Здóрово, когда тобой восхищаются, — это я понимала. Только я не была первой, использовала чужую идею и не могла рассчитывать на восхищение, равное тому, которым упивалась Людмила. Поэтому я решила не остаться на Золотом Часе, а полететь с клонами.

Скоро мои воспоминания отсканируют в последний раз, меня подготовят к погружению в бак и синхронизируют с другими шаттерлингами по стадии роста. Мой пол на конечной стадии будет выбран случайно. Никто, даже техники, которые разрабатывали и курировали программу клонирования, не заметит разницу между мной и

обитателями других баков. Дважды слепой скрининг утаит мою сущность даже от контрольных приборов, которые будут работать со мной так же, как с другими шаттерлингами. Не останется и документации с определением того, который из шаттерлингов — настоящая Абигейл. Когда проснусь, я возьму себе новое имя.

Самое прекрасное в том, что я даже не вспомню, кем была прежде. Мои отсканированные воспоминания подаются во все головы, так что все шаттерлинги запомнят, как заходили в лабораторию и смотрели на пустой бак. Все они смогут воображать себя Абигейл. Всех снабдят стандартным набором моих воспоминаний — о доме, о мальчишке, об опасных играх в Палатиале. Само погружение в бак не сделает мои воспоминания ярче или достовернее, чем у других.

В лабораторию я вошла одна, но сейчас за спиной услышала чье-то дыхание. Полная дурных предчувствий, я обернулась, но это была лишь мадам Кляйнфельтер. Совсем старая, она теперь носила экзоскелет и передвигалась по дому бесшумно, как призраки моей матери. Мадам Кляйнфельтер по-прежнему имела допуск во все комнаты дома, поэтому и в лабораторию вошла без предупреждения.

— По-твоему, уже пора, да, Абигейл? — недовольно спросила мадам Кляйнфельтер, глядя на пустой бак, рядом с которым я стояла.

— Корабли готовы и испытаны. Клоны близки к зрелости — хоть сейчас выпускай из баков и шлифуй сознание.

— А ты? Ты готова стать тысячной?

— Полностью готова.

— Боюсь, нейрохирурги не согласятся.

— Им платят, чтобы они ни с чем не соглашались. По крайней мере, мне так кажется. — Я пристально взглянула на мадам Кляйнфельтер, показывая, что не потерплю возражений. — Я права? Что они вам наговорили?

— Что ты еще не оправилась от пагубного воздействия Палатиала.

— Прошло больше года. Сколько времени, по их словам, мне еще понадобится?

— Они не хотят делать скоропалительных прогнозов. Может, полгода, может, год.

— Или два, или три… Вам не приходило в голову, что, пока я «больна», у них есть работа и жалованье?

— Они и твою мать лечат.

— На ней они поставили крест много лет назад, — с ухмылкой напомнила я.

Мадам Кляйнфельтер нахмурилась, признавая, возможно неосознанно, мою правоту:

— Тем не менее прислушаться к ним стоит. Последнее сканирование фактически увековечит твой характер. Все плохое и хорошее, что будет в нем на тот момент, перейдет шаттерлингам. С твоими пороками и недостатками им жить до скончания времен. Не находишь, что должна передать им что-то получше нездоровой психики?

— Ничего я им не должна. Они — это я.

— Нет, Абигейл. Они — это не ты, как бы тебе этого ни хотелось. Шаттерлинги — твои дети. Чем отчаяннее подгонять их под себя, тем неуправляемее они станут, тем сильнее тебя разочаруют. Из-за шести месяцев или года — или сколько там уйдет на полное выздоровление… Не разумно ли подождать, прежде чем начинять им головы? Если все пойдет по плану, перед тобой целая вечность. Спешить сейчас не к чему.

— Не хочу оставаться в этом доме ни одной лишней секунды.

— Благодаря этому дому ты стала такой, как есть.

— Тогда, пожалуй, стоит его разрушить после того, как я улечу. Не беспокойтесь, мадам Кляйнфельтер, о вас я позабочусь.

— Ты ведь давно меня знаешь. Неужели думаешь, что о себе я беспокоюсь больше, чем о тебе?

Горло судорожно сжалось, задушив приготовленный ответ. Устройства гудели, свистели, пищали. Клоны в баках мерно вдыхали сжиженный воздух. Глаза вздрагивали под веками — это информация поступала им в мозг через еще формирующиеся нервные цепи.

— Вы правы, — наконец проговорила я. — Спасибо за заботу, мадам Кляйнфельтер. Вы были очень добры ко мне, и я не отмахиваюсь от ваших советов. Но Людмила улетела, и другие, вдохновившись ее примером, уже строят планы. Не хочу, чтобы меня лишили шанса стать второй. Сегодня после обеда я проведу окончательное сканирование мозга, а потом займу пустой бак.

— Я не уговорю тебя подождать?

— Нет, — ответила я, — решение принято.

— Тогда желаю удачи.

— Хоть и считаете, что я совершаю большую ошибку?

— Да, Абигейл, хоть я так и считаю.

В лаборатории царил холод, и я не сразу, но замерзла.

— Вы увидите их… то есть нас, когда мы вылезем из баков?

— Вряд ли, Абигейл. Шаттерлинги вспомнят меня, но это не значит, что нам будет о чем поговорить. Да и я в тот момент могу оказаться в другой комнате. Дел-то еще много.

— Тогда, возможно, это наш последний разговор, — сказала я.

— Вполне возможно. — Мадам Кляйнфельтер замерла, и на один ужасный миг я подумала, что ей конец или что парализовало экзоскелет. Но вот морщинистое лицо ожило, и мадам заговорила снова: — Абигейл, я знаю тебя почти сорок лет и очень любила малышку, которой ты когда-то была. С грустью и тоской вспоминаю я день, когда тебе удалили замедлитель роста. К женщине, которой ты стала, я нежных чувств не испытываю.

— Благодарю вас, — съязвила я.

— Но каждый способен измениться. Когда вылезешь из бака, ты уже не будешь Абигейл, хотя которым из шаттерлингов станешь — не знаю. Пожалуй, это не важно — на роль Абигейл сможет одинаково претендовать любой из них. Если в новой жизни вспомнишь этот разговор, пусть даже отрывками, сделай ради меня кое-что.

— Что именно?

— Хоть раз будь хорошей девочкой.

Глава 35

Мерцающее имаго вспыхнуло и стабилизировалось. Здоровый глаз с голубой радужкой покраснел от усталости. Калган сел в древнее антигравитационное кресло. Черная обвивка вздулась вокруг его лица, словно кресло заглатывало Калгана заживо. Мы еще носили траур по Минуарции, а вот он оделся в белое.

— Через тридцать минут буду в зоне обстрела, — объявил Калган. — Пока не поздно, спрошу: это точно Портулак?

— Да, мы же проверили, — ответил я.

— Проверили мы прежде, чем она пропала на день с лишним. За это время роботы легко могут принять обличье и изучить манеры любого.

— На связь выходила Портулак, примем это как данность, — заявил Чистец. — Если бы у Лихниса возникли сомнения, он выразил бы их.

— Это Портулак, — подтвердил я. — Она жива, значит наш план не меняется.

— Вопреки всему, что мы узнали? Вопреки тому, что роботы почти наверняка летят к звездамбе? Вопреки горячей просьбе Портулак остановить их любой ценой? — перечислил Калган.

Я злился на него, но не мог не признать справедливость вопроса.

— Портулак поступила так, как в подобных обстоятельствах поступил бы любой из нас, — поставила интересы Линии выше личных, — сказал Горчица. — Она проявила смелость и самоотверженность — ничего другого от нее мы и не ждали. Но это не значит, что мы непременно выполним ее желание. «Полуночная королева» быстрее и вооружена лучше любого потерянного нами корабля. Калган сможет подбить «Серебряные крылья» бортовым залпом. Тогда их и уничтожать не придется.

Калган пожал плечами и кивнул, словно этот вопрос не особо его интересовал.

— Решайте, леди и джентльмены. Только прикажите подбить — я с удовольствием попробую это сделать. Мы ведь так и хотели?

— Слишком не рискуй, — попросил Чистец. — Подольше не убирай защитное поле, а если откроют сильный ответный огонь, сразу возвращайся. По мне, так лучше вернуть тебя и «Полуночную королеву» невредимыми, чем готовиться к возведению нового памятника.

— Спасибо за заботу, но особо волноваться не стоит. Никакого геройства от меня не жди-

те. — Калган глянул на индикаторы у себя на корабле. — Сейчас я отключусь. Нужно перепроверить пушки и самому настроиться. Обещаю быть осторожным.

— Счастливо, Калган! — сказал я.

Его имаго погасло. В зоне обстрела «Серебряных крыльев» он должен был оказаться менее чем через полчаса. Коротать это время, рассуждая о возможных последствиях атаки, никому не хотелось. Я машинально полез в карман за пузырьком синхросока.

Отчаянно захотелось ухватиться за удобную возможность, но рука застыла на полпути. Надо выдержать и ради Портулак, и ради Калгана.

Глава 36

— Они не справятся, — проговорила Каденция, словно я поинтересовалась ее мнением. — Даже будь у них средства — а их нет — остановить твой корабль, они все равно не справились бы.

— Ты так уверена?

— Если на то пошло, то да.

— Если на то пошло, заткни свою серебряную пасть, пока я дырку в ней не прожгла.

— Прожигай на здоровье. Мое сознание рас-

пределено по всему телу. Чем не пример для подражания? А то запихнули драгоценный человеческий опыт в сотню-другую кубических сантиметров мозговой ткани и спрятали в хрупкий контейнер, который называется черепом. По-моему, не слишком надежно, а ведь от этого зависит ваше существование.

— Мы существуем шесть миллионов лет, даже дольше, если учесть доисторический период. А вы… Пожалуйста, напомни, сколько существуете вы?

— Важно не как долго, а как эффективно. Пока вы, люди, слонялись по галактике, гадая, зачем, почему и в результате каких событий появились на свет, мы творили великие дела. Ты и чихнуть не успеешь, а я решу больше задач, чем ты за год. Представь масштаб интеллектуальной деятельности людей-машин с момента зарождения нашей цивилизации.

— И к чему сейчас тебе этот масштаб?

— Портулак, она испытывает твое терпение?

От неожиданности и облегчения я чуть пистолет из рук не выпустила. Геспер заговорил! За стеклянными панелями над его ушами снова кружились огоньки. Каденция нарочно отвлекала меня, чтобы я их не заметила.

— Ты пришел в себя!

— Будто и не отключался. — Геспер коснулся черной воронки у себя на груди. — Рана не такая страшная, как кажется. Главное — не внешний вид, а то, что внутри.

В Геспере говорил Абрахам Вальмик, Фантом Воздуха. Каденция следила за его движениями с безразличием заводной куклы. Интересно, она почувствовала, что его манеры изменились?

— Тебе… лучше? — спросила я.

— Да, восстановление в процессе. Механогель помог. Извини, что пришлось отключиться почти без предупреждения, но иначе я не мог. Как наша гостья?

— Она чудо, само обаяние.

— Представляю. Неужели обошлось без фокусов?

— Был один, да я пресекла его выстрелом.

— Понятно. — Геспер прижал ладони к полу и рывком поднялся. До отключения он двигался неуклюже и неуверенно, а сейчас вернулась былая плавность. — Портулак, ты молодец, хорошо справилась. Давай я возьму пистолет? Отдых тебе не помешает.

— Да, но сперва я хочу кое-что тебе сказать. Выяснилось, куда летят «Крылья». — Я с опаской

взглянула на Каденцию, но ведь она слышала весь мой разговор с Лихнисом. — Корабль направляется к звездамбе Горечавок, от которой до Невмы шестьдесят с лишним тысяч световых лет.

— Зачем нашим гостям звездамба?

— Я надеялась, что ты подскажешь.

— Они смогут ее открыть?

— Без ключа — нет. Но я склоняюсь к мысли, что ключ на борту «Серебряных крыльев».

— Однако ты о нем не знаешь?

— Наверное, прежде знала. Геспер, стоило нам с Лихнисом заговорить о ключе, все сразу встало на свои места. Я была хранительницей одноразового ключа. Я берегла его с тех пор, как Горечавки возвели дамбу. Поэтому Каскаду с Каденцией понадобился мой корабль.

Геспер повернулся к Каденции:

— Это правда? Ваша цель — звездамба, а ключ — причина попасть на «Серебряные крылья зари»?

— А ты, предатель, как думаешь? — спросила Каденция.

Геспер подошел к искореженной серебристой кукле. В одной руке он держал пистолет, другую — убрал за спину, словно боялся не сдержаться.

— Я предатель, потому что не поддерживаю

геноцид живых существ?

Разговор они вели ради меня. Два робота способны обмениваться мыслями с молниеносной скоростью, но Каденция и Геспер хотели, чтобы я их слышала.

— Люди истребляли роботов. С какой стати роботам жалеть биологические существа?

— Люди уничтожили первую расу роботов. Разумеется, напрасно. Но нельзя путать непредумышленное убийство с предумышленным или с резней.

— Они искали возможность убить тех роботов.

— Только при необходимости, — уточнил Геспер. — Желание, конечно, неоправданное, но вполне понятное. Роботы были новым видом цивилизации. Исторически новое подавляет старое. Спроси у динозавров.

— Вражеский пособник! — процедила Каденция и отвернулась.

Геспер выпустил пистолет, оставив его в воздухе нацеленным на Каденцию, присел и пальцем коснулся места чуть ниже грудины. Как у Каскада, когда они с Каденцией осматривали самого Геспера, палец золотого робота скользнул под броню серебристого, словно прочнейший материал размягчился.

— Меня интересует, зачем вам открывать звездамбу. Вне зависимости от ее расположения вы должны понимать, что в лучшем случае навредите небольшой части метацивилизации. Это ваша цель? Бесполезный, по сути, жест?

Пальцы Геспера погрузились глубже, по самые костяшки. Металл слился с металлом, золото с серебром, я уже не представляла, как Геспер освободит руку.

— Ничего ты от меня не узнаешь, — заявила Каденция.

— Откуда такая уверенность?

Каденция вздрогнула и выгнулась дугой. Свободной рукой Геспер прижал ее к полу.

— Спокойно, — мягко проговорил он, — сопротивляться бесполезно. Видишь, я сильнее, чем прежде, сильнее, чем ты представляла. Все твои баррикады, все хлипкие преграды, за которыми ты прячешь свои секреты, для меня ничто.

— Кто ты? — с благоговением спросила Каденция, не в силах побороть любопытство.

— Нечто куда большее, чем ты. Я Геспер. Я Абрахам Вальмик. Я Фантом Воздуха. Я старейшее разумное существо галактики, старее старейших шаттерлингов. — Геспер прижал пальцы к ее губам. — Тсс, не пытайся себя убить. Ты уже не

отключишься, как ни старайся. Время упущено.

Каденция снова выгнулась, и я отвела взгляд, повторяя себе, что это один робот выкачивает информацию из другого, то есть происходит механический обмен информацией.

— Вернемся к звездамбе, — предложил Гесперр. — Объясни, Каденция, зачем она вам? Потом обсудим, как облегчить твои страдания.

Глава 37

Сигнал Аконита улетел с Невмы на скорости света, но должен был преодолеть большое отставание, ведь мы стартовали днем раньше практически на той же скорости. Нас он нагнал настолько смещенным в красную сторону и растянутым за пределы обычной полосы пропускания, что мы не сразу опознали его как сигнал Горечавки.

— Так быстро ответа с Невмы я не ждал, — признался Горчица.

— Это не о звездамбе, — покачал головой Чистец. — Дело в чем-то другом.

Единственным способом выяснить было воспроизвести сообщение. На мостиках наших кораблей появились копии имаго Аконита. Он

еще не заговорил, а мы уже поняли, что новости плохие, — его выдавало выражение лица.

— Мне трудно об этом говорить, — медленно и четко начал Аконит. — Мы с Волчник обсудили последний допрос Синюшки. Она перечислила ему имена Горечавок, всю тысячу, включая погибших несколько циклов назад. Волчник ждала узнавания, сигнала, что имя имеет для Синюшки особое значение. Мозг его разложен на полу, как ковер, так что наблюдать за ответами было несложно. Результат есть. Синюшка по-особому отреагировал имен на двенадцать. Во-первых, он знает Волчник, меня и тех, кто участвовал в допросах. Синюшка из Марцеллинов и некоторые имена слышал давным-давно, еще во времена Абигейл, Людмилы и Золотого Часа. Сыграло роль и то, что он давно интересовался нашей Линией. На общем фоне выделяется одно имя. Для Волчник это было полной неожиданностью. Ни славы, ни популярности этот шаттерлинг не снискал. Он не участвовал в допросах, но Синюшке знаком. Он жив и до сих пор среди нас.

Я вздохнул с облегчением. Предатель остался на Невме. Аконит с ним разберется. Нас он просто ставит в известность.

Однако Аконит еще не закончил.

— Если бы я мог послать сообщение определенным шаттерлингам, я так и сделал бы. Увы, наши протоколы такой возможности не дают. Я зашифровал бы сообщение, но сам сигнал не спрячешь. Да и какая разница — фигурант все равно поймет, что его разоблачили. — Аконит глубоко вдохнул, готовясь к главному. — Мы думаем, это Калган. Допускаю, что дело в элементарном совпадении — опровергнуть или подтвердить это сможет лишь Синюшка, — но мы не видим иной причины столь бурной реакции на имя и лицо. Синюшка знает Калгана, значит Калган — предатель и вражеский лазутчик, таившийся среди нас. Может, есть и другие. Кто-то должен был рассказать про нить Лихниса врагам, точнее — устроившим засаду. Раз Калган — предатель, дальше искать не к чему. Раз Калган — предатель, нет нужды искать и убийцу Минуарции. — Имаго Аконита криво улыбнулось. — Лихнис, братан, надеюсь, ты меня слышишь. Тут ты попал в точку. Ее тело впрямь выглядело странно, да никто, кроме тебя, не заметил. Минуарция отправила нам послание. Не совсем из могилы, а во время долгого падения. Она знала, кто ее убийца, — успела четко его разглядеть; знала, что погибнет, — ни одно устройство Имира, ни одно лекарство Горе-

чавок не спасло бы ее. Но до последней секунды она была большой умницей и пыталась оставить нам подсказку.

— Кольца, — тихо сказал я.

— Что? — изумленно переспросил Чистец.

— Лихнис почувствовал неладное, — продолжал Аконит, не ведая, что его перебили, — но не разобрал, в чем дело, да и мы, наверное, не догадались бы, только… реакция Синюшки не оставляет сомнений. Минуарция сняла кольца с левой руки и надела на правую. Лихнис заметил это, заволновался, хотя и не понял из-за чего. Но у нас есть и прижизненные изображения Минуарции, и посмертные. Мы сравнили их и обнаружили, что кольца на другой руке. Минуарция успела перенизать их, пока падала. Больше ни на что времени не хватило. Царапать имя убийцы себе на коже она не хотела — понимала, что после падения на цоколь обелиска Дара Небес от нее мало что останется. Зато кольца выдержали, а мы, как надеялась Минуарция, должны были сообразить, что она убита, а не случайно упала с балкона. Перенизанные кольца стали единственным способом сообщить нам это.

— Однозначно на Калгана это не указывает, — заметила Пижма.

— Но раз мы его уже подозреваем… — начал Чистец.

— Калгана нужно остановить, — перебил я.

Чистец прервал сообщение Аконита — к нему можно было вернуться после решения неотложнейшей из проблем. По тактическим прогнозам, в зону обстрела «Серебряных крыльев» Калган должен был попасть менее чем через пять минут.

— Сигнал он уже получил, — сказал Паслен. — Калган знает, что мы в курсе.

Чистец вновь открыл канал связи с «Полуночной королевой»:

— Калган… нам нужно поговорить. Если ты видел сообщение Аконита, то понимаешь, что у нас серьезный повод для беспокойства. Вероятно, наши опасения необоснованны — я хорошо знаю тебя и доверяю, — но отмахнуться от них я не могу. Не начинай атаку, вернись, и тему мы закроем.

— Если вернется, Калган невиновен, — сказал я. — Только, по-моему, у него таких намерений нет.

Горчица смотрел на меня так, словно я знал ответы на все вопросы:

— Думаешь, он служит людям-машинам?

— Нет, он же старается не пустить их к звез-

дамбе.

— Так, получается, он за нас?

— Нет, пока жива Портулак.

Мы ждали ответа, но, как я и предполагал, напрасно. О чем Калгану было с нами беседовать? С позволения Линии он беспрепятственно попал туда, куда хотел. Недаром я усомнился в его отваге, когда он пожелал возглавить атаку на «Серебряные крылья». Хотя дело не в трусости, а в том, что я не знал его по-настоящему. Таился среди нас, а сам докладывал хозяевам из Дома Солнц — теперь я чувствовал, что Калган отважнее нас всех.

— Входящее сообщение, — неожиданно объявил Чистец.

— От Калгана?

— Нет, от Портулак.

Я приготовился рассказать ей о вероятных планах Калгана, хотя она вряд ли могла бы защититься.

— Лихнис, у меня есть новости, только… неважные. — Портулак вздохнула, и в ее голосе зазвучало напряжение. — Геспер поймал Каденцию, но особого повода для оптимизма нет, ведь «Серебряные крылья» до сих пор не в наших руках. Зато мы заглянули в ее мысли. Насчет звез-

дамбы ты прав — роботы направляются именно туда. Одноразовый ключ спрятан на борту моего корабля. Где именно, я не представляю, только при другом раскладе Каскад и Каденция не захватили бы «Крылья». Лихнис, им известно о нас больше, чем нам самим. — Портулак запнулась, будто сбившись с мысли. Я чувствовал ее усталость — каждое слово стоило неимоверных усилий. — Звездамба не то, что мы думаем. Нет, собирали ее Горечавки, но не для того, чтобы законсервировать энергию умирающей звезды. В ней что-то другое, нам совершенно неизвестное. Или зарытое в наших воспоминаниях так глубоко, что мы сами не видим. Хотя не исключено, что у тебя получится лучше, чем у меня. Главное — там не застывшая сверхновая, а что-то хуже и страшнее.

Голова гудела, и я решил приостановить воспроизведение:

— Портулак, послушай, мы выяснили, что Калган — предатель. Он и засаду подстроил, и Минуарцию убил. Его атака будет куда мощнее нашей. Пусть Каскад учтет это, если подслушивает.

— С ума сошел? — шепотом спросил Лопух.

— Нет, не сошел, — ответил я, приостановив

передачу сигнала. — Пусть лучше Каскад убьет Калгана, пока Портулак на борту.

— Но цель роботов…

— …волнует меня куда меньше, чем безопасность Портулак. — Я почувствовал, как краснею от напускной храбрости. — Я и Геспера хочу спасти, мы перед ним в долгу. Если кто не согласен, пристрелите меня сразу. До звездамбы лететь шестьдесят с лишним тысяч лет. Я не намерен ставить на Портулак крест с самого начала.

— Пусть Лихнис отправит свое сообщение, — проговорил Чистец.

— Добавить почти нечего, — продолжил я, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Если Каскад управляет пушками «Серебряных крыльев», пусть стреляет по Калгану из всех. Это не значит, что, когда он уничтожит предателя, я не постараюсь убить его самого.

Я отослал свой сигнал и вернулся к сообщению Портулак.

— Вот что тебе нужно знать, — продолжила она. — Люди-машины — не первые носители искусственного интеллекта. Задолго до них существовала другая цивилизация. Назовем их Первыми Роботами, пока не выяснили, как называли себя они сами. Откуда взялись те роботы, не

важно. Важно другое — ключевыми игроками на галактической арене они так и не стали. Первые Роботы погибли, пав жертвами искусственного вируса… — Чувствовалось, что Портулак опускает больше, чем говорит. — Так мне объяснил Геспер. Ему известно ровно столько, сколько Каденции, а она старательно прячет от него свои мысли.

Зачем она *лжет*? Понимает ведь, что я чувствую фальшь. Потому что Каскад наверняка подслушивает?

«Читай между строк», — велел голос Портулак.

— Первые Роботы вымерли, но не все. Некоторые сорвались с места прежде, чем вирус распространился. Они заперты в звездамбе. Томятся там миллионы лет и ждут шанса выбраться. Пойми, Лихнис, вполне возможно, что они настроены против нас. Мы заперли их в звездамбу. Мы, Лихнис, мы, Горечавки. Для Каскада и Каденции Первые Роботы как исчезнувшие боги — такие же, как люди-машины, только быстрее, лучше, сильнее. За миллионы лет взаперти они еще усовершенствовались. Люди-машины хотят освободить Первых Роботов, чтобы те распространились по галактике и поработили человеческую метацивилизацию. В этом их цель, Лихнис, — в уничтожении человечества, а не местных циви-

лизаций. Роботам хватило ума понять: если не предпринять мер, чтобы уничтожить нас, рано или поздно мы уничтожим их.

— Может, пусть тогда Калган их одолеет? — спросил Щавель.

Мне бы возненавидеть его за гнусные слова, но злобы в них не было, только трезвая оценка ситуации. Самое ужасное, я уже не исключал, что он прав.

Глава 38

Геспер отступил от сломанной, безрукой, безногой, мутноглазой куклы, которая еще недавно была Каденцией. Он тщательно осмотрел ее — проверил, нет ли признаков жизни, не симулирует ли она коматозное состояние, тайком готовя контрманевр.

— Отвернись, — велел робот и выстрелил из энергетического пистолета. Запахло паленым. Когда я снова повернулась, Каденция превратилась в тлеющую черную кучку. В ранах мерцали синеватые уголья. — Больше она нас не потревожит.

— Тебе не хотелось ее добивать.

— Каденция из моего народа. Она рисковала

жизнью во имя цели, в которую верила.

— Во имя геноцида.

— Не совсем так. Каденция искренне полагала, что биологические существа не могут примириться с существованием машинного интеллекта. Ненависти в ее вере не было, только острое чувство долга. В ее разуме жило нечто светлое и ясное, а я взял и уничтожил его. — Геспер вернул мне пистолет. — Да, мне не хотелось ее добивать, но иначе я поступить не мог.

— Геспер, я благодарна за все, что ты для нас сделал.

— Небось гадаешь, почему я рассуждаю иначе, чем Каденция.

От таких слов у меня мурашки по спине поползли.

— Ну, я задумывалась об этом.

— В определенной степени я с ней согласен. С учетом имеющихся доказательств глупо надеяться, что биологические и механические создания смогут мирно сосуществовать до скончания веков. Каденция не зря беспокоилась о будущем машинного народа.

— И была права в желании выпустить Первых Роботов из звездамбы?

— Нет, ее беспокойство было обоснованно,

а действия — ошибочны, хоть и опирались на здравые рассуждения. Я по-прежнему полон решимости сорвать миссию Каскада.

— Даже ковчег уничтожить?

— Это в крайнем случае, если больше ничего не поможет. — Геспер сделал паузу, а потом добавил: — Сейчас тебе нужно погрузиться в стазис до окончания атаки Калгана.

— Во время прошлой атаки я не спала.

— Эта может сложиться иначе. И сама атака, и ответные удары обещают оказаться куда яростнее. Боюсь, вынести сильную недемпфированную нагрузку тебе будет тяжеловато.

— Тогда, в отсеке, Каскад и Каденция не пытались сохранить мне жизнь?

— Нет, в их планы ничего подобного не входило, — начал Геспер тоном взрослого, раскрывающего ребенку горькую правду. — Каскада с Каденцией интересовал лишь ключ. К их услугам разведданные, но неполные. Судя по воспоминаниям Каденции, один ключ они разыскали и использовали, но он оказался от другой дамбы. Причем ошибку они поняли, уже открыв дамбу.

— Угарит-Пант… Содружество… — Я потрясенно качала головой. — Хочешь сказать, это их работа?

— Банальная ошибка. Каскад и Каденция открыли не ту дамбу.

— И уничтожили целую цивилизацию.

— Это не слишком их смутило — так, небольшая помеха на пути. Каскад и Каденция заново проанализировали разведданные и вычислили, что ключ на борту «Серебряных крыльев». Где именно, они не знали, поэтому не устранили ни одного корабля в твоем грузовом отсеке. — Гесперр взглянул на Каденцию, словно убеждаясь, что ее обугленные останки не подслушивают. — Так где он?

— В этом-то и проблема. Я не знаю.

— Значит, нужно найти его и вывести из строя. Но то и другое подождет до конца атаки Калгана.

Ближайшие стазокамеры были в двух шагах от мостика — у стены стояло целых четыре. Белые, по форме они напоминали параллелепипеды с закругленными углами или, наоборот, угловатые яйца.

— Не люблю стазис.

— Тем не менее он защитит тебя лучше заморозки. Возникнут трудности — я помогу тебе вернуться в реальное время. — Гесперр открыл белую дверцу ближайшей камеры, демонстрируя ее белую же «начинку»: стазоустройство, крес-

ло с высокой спинкой, системы управления и герметизации — все набито плотно, как кишки. Кресло тут же выдвинулось, приглашая меня погрузиться в его мягкие объятия, рычаги панели управления удобно разместились под пальцами.

— Какую продолжительность задавать? И какую кратность сжатия времени?

— Я сам разберусь с настройками. Не хочу, чтобы ты просыпалась, пока не буду уверен, что Калган больше не опасен.

Ледяные клешни клаустрофобии стиснули мне горло.

— Вдруг я не проснусь?

— Я позабочусь, чтобы проснулась. Хочешь сказать что-нибудь Лихнису, прежде чем заснешь?

Я села в кресло и сунула руки и ноги в самозатягивающиеся обручи-ограничители.

— А не слишком поздно?

— Не забывай, что я записывающее устройство высокой точности воспроизведения. Скажи, что хочешь, и я передам Лихнису, как только получится выйти на связь.

— Я люблю его и благодарю за то, что он летит за мной в такую даль.

— Нет, Портулак, скажи мне все это так, будто я Лихнис.

Я набрала в грудь побольше воздуха. Странновато смотреть в прекрасное золотое лицо и представлять, что это твой друг и любовник.

— Я люблю тебя, шаттерлинг. Спасибо за то, что ты делаешь. Постарайся остановить «Серебряные крылья», но и себя береги. Хочу увидеть тебя снова, хочу любоваться с тобой закатом, смаковать доброе вино и вспоминать нынешние события, когда они будут уже в прошлом, а после них было много хорошего и интересного.

— Так и будет, — пообещал Геспер.

Кресло въехало обратно в стазокамеру, ограничители пригвоздили меня к месту. В окошко со стеклом, прозрачным с одной стороны, я наблюдала, как робот закрывает дверцу. Ворот с жужжанием лег мне на шею и еще плотнее вжал в сиденье — достаточно сильно, чтобы создать неудобства, но недостаточно, чтобы придушить. Голос объявил, что я вот-вот погружусь в стазис с кратностью сжатия времени один миллион. Если я не желаю, чтобы вокруг меня образовалось поле, следует немедленно воспользоваться функцией аварийного прекращения операции.

«Последнее предупреждение, — отчеканил голос. — Стазополе активизируется через три секунды… две… одну».

Раз! — и Геспер исчез. Окружающий мир вспыхнул голубым и медленно принял псевдонормальное состояние. Я подумала, что засиделась в камере, а в реальности за этот миг прошло десять дней.

Геспер либо погиб, либо обманул меня. Руки потянулись к тактильной системе управления. Я сдвинула рычажок в обратную сторону, чувствуя, как меняются значения кратности. Один миллион. Сто тысяч. Десять тысяч.

«Обращаю ваше внимание, что ручное изменение настроек более невозможно, — предупредил голос. — Действуют лишь изменения, произведенные извне».

Пролетели десятки секунд. В реальности это сто дней.

«Серебряные крылья зари» уже летели на скорости настолько близкой к световой, что корабельное время текло более чем в двадцать раз медленнее планетарного. Корабль все ускорялся. Сто дней по корабельному времени — это две тысячи дней в стационарной вселенной. С тех пор как меня посадили в камеру, я едва вздохнуть успела, а корабль пролетел шесть световых лет. Еще шесть прошло с тех пор, как я впервые задумалась о расстоянии, которое преодолели

«Крылья».

Двенадцать световых лет. Сейчас, наверное, уже восемнадцать. Или двадцать. Еще немного — и «Серебряные крылья зари» улетят от Невмы более чем на световой век.

Один день в стазокамере, и мы доберемся до звездамбы.

— Геспер, поганка *лживая*! — прорычала я.

Глава 39

Разбитый и истерзанный, его корабль приближался к нам. Псевдотяга отсутствовала, тормозило лишь слабейшее трение межзвездного пространства — «Полуночная королева» могла позволить себе только пассивный полет. Скорость была всего на десятую долю процента ниже световой — очень высокая по меркам любого физического тела Вселенной. Но «Лентяй» и другие корабли группы преследования летели чуть быстрее. Подбитому кораблю Калгана оставалось лишь пассивно двигаться по противоположному вектору. Еще немного — и он должен был оказаться в зоне обстрела наших кораблей.

— Убьем его, — проговорил Щавель. — Никаких «но». Слова подонку вымолвить не дадим. Откро-

ем огонь — и все.

— Я стреляю первым, — буркнул Горчица, так и не оправившийся от потери корабля; Калгана он винил в случившемся не меньше, чем роботов, и хотел на ком-нибудь отыграться.

Я прекрасно его понимал, но четко представлял, как здорово было бы сжать горло Калгана и давить, давить, давить… Я давил бы медленно и методично, столько времени, сколько Минуарция падала с балкона. Она знала, что погибнет, что никому на свете ее не спасти. Пусть бы Калган почувствовал такую же страшную безысходность. Выстрел гамма-пушки подобного удовольствия доставить не в силах.

— «Полуночная королева» может нам пригодиться, — спокойно возразил Чистец. — Может, и сам Калган, если знает что-то ценное, но корабль — однозначно.

— «Полуночная королева» подбита, — напомнил я.

— Ее можно починить. Все можно починить техническими средствами, которые у нас имеются. Из уцелевших в бойне кораблей «Полуночная королева» быстрейшая — разумеется, после «Серебряных крыльев». Для «Королевы» преследование закончилось, но ее двигатель вполне

пригоден для использования. Если загнать ее в грузовой отсек, отремонтировать или восстановить элементы двигателя, может выйти толк. Стоит «Серебряным крыльям» ускориться, ни один из наших кораблей не сумеет ликвидировать отставание, а у «Полуночной королевы» получится.

Больно, обидно и досадно, однако я понимал, что он прав.

— Чистец дело говорит.

— А если пальнуть в него из гамма-пушки, а потом поковыряться в обломках? — предложил Лопух, будто мы впрямь могли так поступить.

Чистец его словно не слышал:

— Я перехвачу «Полуночную королеву». Мне же достаточно слегка подкорректировать курс «Голубянки красивой». На корабле я один, так что ничьими жизнями не рискую.

— «Полуночная королева» в «Голубянку» не поместится, — заметил я. — Подходящий грузовой отсек только на «Лентяе».

— У меня есть миноги. Они нагонят «Королеву» и подтащат ближе к остальным. О грузовом отсеке подумаем потом.

— Я с тобой, — проговорил я.

— Не надо, Лихнис. Зачем нам обоим риско-

вать?

— Нет, я с тобой, — настаивал я, не давая ему возразить. — Курс перехвата уже готов?

— Ну да, — уклончиво ответил Чистец. — Только твое решение мне не нравится.

— Да брось ты, Чистец. Сам понимаешь, что «Лентяй» пригодится. Если честно, это ты мне не нужен.

— Тогда выхода нет. — Чистец впился в меня взглядом, подбивая моргнуть, потом покачал головой то ли от досады, то ли признавая поражение, то ли от того и другого вместе. — Лети за мной. «Ромб сгущения», «Буран» и «Скоростная аберрация», держитесь прежнего курса. Мы заарканим «Королеву» и возвратимся к вам.

«Голубянка красивая» резко повернула — не просто нарушила меры безопасности при разгоне, а словно забыла о них. Старичок «Лентяй» не угнался бы за ней, но после апгрейда Атешги стал порезвее. Я стоял на мостике и смотрел, как отдаляются другие три корабля. Когда мы отлетели на треть световой секунды, «Голубянка красивая» повернула снова и легла на прежний курс. Теперь мы двигались по параллельному вектору, судя по всему, прямо на столкновение с неуправляемой «Полуночной королевой».

— У тебя были подозрения? — спросил Чистец, пока мы ждали, когда «Королева» окажется в пределах досягаемости миног и ее перехватят. — Ну, относительно Калгана? — Голос Чистеца звучал тепло и доверительно, словно я наконец оправдался в его глазах.

— Ни малейших, — сказал я имаго.

— У меня тоже. Не могу избавиться от мысли, что это ошибка. Я думал, что держу руку на пульсе Линии, еще до засады считал, что знаю всех шаттерлингов. Когда случилось страшное и от Линии остались сущие крохи, я полагал, что знаю каждого из уцелевших как самого себя.

— Мы давно чувствовали, что пригрели на груди змею. После гибели Минуарции отпали последние сомнения. Если это поможет, скажу, что никогда не заподозрил бы Калгана. Даже после инцидента с Угарит-Пантом.

— Я думал, это твой прокол, а не его.

— Возможно, я его спровоцировал — дал удобный повод довести посла до ручки. Калган показал Панту запись во Всеобщем актуарии, касающуюся Содружества. Там четко сказано, что цивилизация уничтожена.

— А если это невинная ошибка? — спросил Чистец, но, поразмыслив, согласился: — Нет,

вряд ли.

— Ничего невинного здесь нет. Калган не единственный шаттерлинг, у которого Угарит-Пант выуживал информацию после моего прокола. Но единственный, кто решил показать ему не космотеку, а Всеобщий актуарий. Посол обмолвился, что хотел заглянуть в актуарий и до встречи с Калганом, но мне кажется, без подстрекательства тут не обошлось.

— Калган просто упомянул Всеобщий актуарий или устроил так, что кто-то упомянул его при послé?

— Калган добился своего — выложил правду о родине посла, а себя не выдал. В лучшем случае его проделки вообще остались бы за кадром, а в худшем — их назвали бы очередным проколом. Чистец, Угарит-Пант рассказывал мне о случившемся. Вместо того чтобы сразу принять меры, я согласился прикрыть Калгана, пожалел мерзавца, представив себя на его месте. А Калган надеялся на то, что посол расстроится настолько, что сыграет в камикадзе прямо в Имире. Мощный взрыв легко уничтожил бы остатки нашей Линии.

— И самого Калгана, — вставил Чистец.

— Совершенно необязательно. Почувствовав,

что посол на грани суицида, Калган легко нашел бы предлог покинуть Невму. Кстати, так он и поступил — мы похоронили Минуарцию, а на другой день Калган вызвался патрулировать. Наверняка надеялся, что большинство из нас уничтожит слон, а уцелевших он сам перебьет из космоса.

— Но он не знал о планах Каскада и Каденции.

— Да, роботы застали его врасплох. Калган небось рассчитывал, что они погибнут вместе с нами. В любом случае он был уже в космосе, на быстром корабле, то есть в удобной позиции для начала погони.

— Нам следовало все это предвидеть.

— Но мы не предвидели, поэтому не стоит терзать друг друга упреками и обвинениями. Вот если бы я чуть раньше понял намек Минуарции…

— Даже не начинай. Если хоть один из нас считает, что сделал недостаточно, — это уже плохо. Просто мы люди, Лихнис. Мы люди — и в ответственные моменты ошибаемся, вот и весь сказ. Эту фразу можно высечь на надгробном памятнике нашей цивилизации.

— Думаешь, будет кому ее прочесть?

Чистец уже собрался ответить, когда что-то

привлекло его внимание. Я услышал предупредительный сигнал.

— Пора, Лихнис. Я выпускаю миног.

На моих глазах из надутого зеленого чрева «Голубянки» посыпались искры. Миноги, похожие на яркие тире, резко тормозили на подлете к подбитому кораблю Калгана. Я выпустил в помощь Чистецу двадцать своих миног, благо «Лентяй» успел восполнить те, что потерял, когда на нас напали в системе несостоявшегося сбора.

Постоянный контроль миногам не требовался — суть конкретного задания они улавливали сами. Им следовало пристыковаться к «Королеве», по возможности восстановить ее целостность и подтащить поближе к нашим кораблям. Нам с Чистецом оставалось следить за происходящим, замирая от тревоги. Мы понимали, что группа преследования понемногу отрывается от нас. Чтобы ликвидировать отставание, предстояло целиком и полностью отказаться от мер безопасности, и без того условных.

— Давай держаться от Калгана на расстоянии, — предложил я, — пока не убедимся, что он погиб и не дал «Королеве» команду на самоуничтожение вблизи нас.

— Мне показалось, ты мечтаешь с ним распра-

виться.

— Это было так очевидно?

Через пару минут звуковой сигнал сообщил, что миноги беспрепятственно приблизились к «Полуночной королеве» и состыковались с ней. Мы с Чистецом наблюдали за подбитым кораблем, сомневаясь, что Калган мог пережить такую сильную атаку, не погрузившись в латентность. Целые акры корпуса были содраны, искореженные внутренности корабля обнажены.

— Может, бросить ее? — спросил Чистец, наблюдая за изуродованной «Королевой». — По-моему, забирать там особо нечего.

— Основной компонент двигателя, вероятно, невелик и хорошо защищен, — проговорил я, словно Чистец сам этого не знал. — Мы залетели в такую даль!.. не возвращаться же с пустыми руками! — Миноги потащили корабль Калгана к нам. Не в силах справиться с волнением, я барабанил пальцами по столу. — Давай зашлем на «Королеву» зонд.

— Некогда, старик, некогда. Там миллион мест, где мог затаиться Калган. Недели уйдут, если захотим обследовать каждую трещину и щель.

Чистец говорил дело. Раз зондирование невозможно… Я не хотел даже слышать о том, что нам

остается в таком случае.

— Не исключено, что это западня.

— Потому тебе и надо было держаться группы преследования. — В голосе Чистеца не слышалось и намека на раздражение — он явно был благодарен за то, что я с ним полетел. — «Голубянка красивая» идет на сближение. Я приготовлюсь к атаке, но защитную оболочку выпущу в самый последний момент. Так все и выясним.

— Не нравится мне это.

— Никто не спрашивает, что тебе нравится. Главное — если операция выйдет из-под контроля, не теряй времени. Если я сам не справлюсь, ты особо не выручишь. Возвращайся к остальным, вместе подумаете, как мне помочь. Но пусть хоть один корабль продолжит погоню — это обязательно.

— Мы уже договорились. С тех пор как Калган атаковал «Серебряные крылья», от Портулак вестей нет, но…

— Она жива, даже не сомневайся.

Чистец позволил миногам подтащить дохлую добычу поближе к «Голубянке красивой». «Лентяй» остался на месте, наши корабли по-прежнему разделяло целых десять тысяч километров. Жабообразный корабль Чистеца был больше

«Полуночной королевы», но не настолько, чтобы затянуть ее в грузовой отсек. Чистец привел пушки в боевую готовность, не отключая псевдотягу, а защитную оболочку не выпустил. Еще десять миног выскочили из чрева «Голубянки», чтобы обеспечить тягу, если Чистецу придется активировать защитную оболочку. Сто километров до «Королевы» превратились в десять, потом в один. На последнем этапе мне показалось, что корабли безнадежно слились воедино, словно налетели друг на друга.

Я почувствовал неладное чуть раньше, чем заметил реакцию Чистеца. Либо он растерялся, либо защитная оболочка «Голубянки» оказалась менее эффективна, чем он надеялся, и, пока раскрывалась, съела драгоценные доли секунды. Поврежденный корпус «Полуночной королевы», который распадался на наших глазах и обнажал беззащитные внутренности, раскололся на острые кривые осколки. «Критическое нарушение целостности», — определил я, наблюдая, как сыплется обшивка, а нагрузка терзает искореженный труп корабля. Секундой позже я понял, в чем дело. Беззащитные внутренности оказались внешним маскировочным слоем, который осыпался вместе с фальшивым корпусом. Настоящий корпус

скрывался под ним, темный, гладкий, неповрежденный. Этакий кинжал в двойных ножнах.

— Чистец! — закричал я.

Поздно, беда уже случилась. Защитная оболочка активировалась, но слишком медленно, обломки фальшивого корпуса дождем посыпались на «Голубянку красивую» и сильно ее поранили. Невредимый корабль Калгана ощетинился гамма-пушками — я заметил как минимум десять; пушки открыли огонь по Чистецу. Защитная оболочка отразила часть энергии. Когда фотоны стали видимыми, оболочка замерцала, как электрическая лампочка, а когда ее захлестнули асимметрии полей, вспыхнула ярко-голубым. Атака продолжалась, «Голубянку» расстреливали почти в упор, да еще ее корпус сильно пострадал от обломков. Однако миноги Чистеца открыли ответный огонь. Их спиральные световые залпы пронзали пространство и хлестали стробирующую защитную оболочку, которую выпустил Калган. Иногда выстрелы приходились на короткие промежутки пассивного состояния поля и попадали в цель. Увы, серьезного вреда они не наносили — слегка царапали темный корпус, а важные системы не задевали.

Лишенные возможности полноценно исполь-

зовать псевдотягу, оба корабля стали выпадать из ускоренной системы координат «Лентяя». Защитные оболочки сливались в подобие гантели — это корабли старались минимизировать контактную зону.

Совсем как два древних парусника в ближнем бою — снасти безнадежно перепутались и обрекли врагов умереть вместе.

— Лихнис, убирайся отсюда… — прохрипел Чистец. Имаго я уже не видел. — Сейчас же убирайся…

— Чистец… — начал я.

— Улетай… Разыщи Портулак. Спаси ее! Передай, что я ужасно сглупил и прошу прощения.

Я развернул «Лентяя» и погнал прочь от перестреливающихся кораблей, краем уха слыша возмущенное верещание пульта, сулящего мне неминуемую погибель. Я был на полпути к группе преследования, когда один из кораблей позади меня превратился в ослепительно-яркую точку, которая раздулась и заполнила грязно-белым сиянием двойную петлю изуродованной защитной оболочки. Волны радиации натянули ее и прорвали с яростью миниатюрной сверхновой. Среди таких мощных потоков энергии не мог уцелеть ни один корабль, даже самые защищенные

отсеки. Чистец пожертвовал собой, совершил последний подвиг ради Линии, которой так дорожил. Он делал ошибки, наживал врагов, просчитывался и прокалывался, но последним поступком оправдал себя целиком и полностью, по крайней мере в моих глазах.

Только Калгана он не уничтожил.

Сперва мы ничего не заметили. Калган здорово замаскировал свой корабль — ни дать ни взять обломок, вылетевший из огненного шара. Паслен почуял неладное и чуть изменил курс «Ромба сгущения», пообещав нагнать нас, как только удовлетворит любопытство.

Он наткнулся на черное яйцо в пузыре защитной оболочки. Кораблик метров десяти длиной, казалось, не имел ни двигателя, ни центра управления.

С яйцом мы разобрались быстро. Калган надеялся сбежать в такие дали, где можно объявиться без страха. На тысячу, десять, пятьдесят тысяч световых лет — он унесся бы в воздушное пространство другой метацивилизации, отделенный пространством и временем от своих преступлений. Калган попросил бы у местных помощи, и они с удовольствием помогли бы — даже на пределе своих научных достижений, а сама операция

растянулась бы на века, если не на тысячелетия.

Паслен посигналил яйцу, и какое-то примитивное устройство вывело Калгана из латентности.

Его имаго появилось на дисплеере каждого из наших кораблей. Калган сиял, радуясь чудесному спасению.

— Приветствую, о братья по разуму, представители человеческой метацивилизации! — начал он на Языке. — Я… — Калган замялся на долю секунды, подбирая себе новое имя, — …Лихнис, шаттерлинг Горечавки, переживший атаку на нашу Линию. Мой корабль уничтожили, и вот уже долгое время я странствую по космосу на околосветовой скорости. Нижайше прошу вас, помогите мне перейти на планетарную скорость, чтобы я связался с братьями и сестрами. Надеюсь, хоть кто-то уцелел в той чудовищной бойне. В моей спасательной капсуле космотека с данными о научных и культурных достижениях миллионов цивилизаций. Я с удовольствием открою ее тому, кто мне поможет. — Калган сложил руки на коленях и снова улыбнулся. — С нетерпением жду вашего ответа.

— Здоро́во, Калган! — отозвался Паслен. — Извини, сорвал твои планы, но в латентности ты был не так долго, как, очевидно, рассчитывал.

Чуть меньше часа, если хочешь знать горькую правду.

В спасательной капсуле было тесно, и Калган, похоже, лишь сейчас присмотрелся к хронометру. Сухой смешок наверняка означал понимание, что его выставили вселенским идиотом.

— Спокойно! — осадил он себя.

— Боюсь, Лихнису не понравится милая байка, которую ты наплел.

— Точно не понравится. — Калган потер уголок искусственного глаза. — Лихнис, если ты меня слышишь, прости. Иначе я не мог. Разумно ли было и дальше называть себя Калганом?

— Рано или поздно я все равно узнал бы.

— Не сомневаюсь, только суть не в этом. Все старания напрасны. Я роботов не остановил и не думаю, что ты остановишь.

— Зачем тебе это? — спросил я.

— Причина банальна: я поступал так, как считаю правильным. Дом Солнц мне важнее Дома Цветов. Дом Цветов лишь часть Союза — исчезнет, и ничего не изменится, а Дом Солнц — основа всего.

— Что представляет собой этот Дом Солнц?

— То, что вы думали. Это секретная Линия, созданная Союзом, чтобы скрыть наше участие в

истреблении Первых Роботов. Кстати, отличное название. — Калган ухмыльнулся. — Я подслушивал ваш разговор с Портулак.

— Про истребление я слышу впервые. Портулак сказала, что Первые Роботы вымерли.

— Ну, Портулак кое-что утаила, у нее свои причины. Страшная, отвратительная правда заключается в том, что давным-давно мы уничтожили Первых Роботов. Дали им отравленную чашу и бросили корчиться в агонии, как Призрачных Солдат в Палатиале. Нет, мы не хотели, чтобы они падали замертво, да разве это оправдание? Мы искали способ их уничтожить и вдруг — бац! — уничтожили.

Откровения Калгана я слушал вполуха, раскладывал по полочкам, чтобы разобраться потом, но близко к сердцу не принимал.

— Как действовал Дом Солнц?

— Где Чистец? — вдруг спросил Калган.

— Чистец погиб, поэтому вопросы задаю я.

— Бедняга Чистец. Очень старался, но планку завысил.

— Ты не ответил на мой вопрос.

В шумном выдохе Калгана слышалась вселенская усталость.

— Дом Солнц создали, чтобы охранять и под-

держивать нашу самостоятельно вызванную амнезию. Следовало, во-первых, не вспоминать о геноциде Первых Роботов, во-вторых, не позволять Горечавкам и другим причастным Линиям откапывать улики. Этим мы и занимались. Пять миллионов лет, с тех пор как Линии стерли уничтожение Первых Роботов из своей общей истории, мы таились в тени — смотрели и ждали. Мы всегда знали правду — кто-то должен был ее помнить. Нам поручили следить, чтобы ни Линии, ни другие высокоразвитые цивилизации не сложили кусочки головоломки воедино. Четыре из пяти миллионов лет мы особо не боялись, что у кого-то пазл сложится. Мы люди и с себе подобными справились бы.

— Но тут появились люди-машины, — подсказал я. — Ситуация кардинально изменилась.

— Лихнис, ты за мир или за войну? Да, все настолько просто. Мы не могли запретить Вигильности собирать информацию. К счастью, бóльшая часть данных мертвым грузом оседала в их архивах. Но ты вдруг втерся к ним в доверие и раскопал нечто опасное. Мы поняли: выбора нет. На следующем сборе Горечавок следовало уничтожить. Жестоко — да, но если вариантов не оставалось…

— Только людям-машинам уже был известен секрет.

— Они лишь подозревали. Мы не могли этого знать, но, даже если бы знали, ничего не изменилось бы.

— Вы даже не представляли, что Каскад и Каденция — шпионы.

— А кто представлял?

— Верно, никто. А про звездамбу вы знали?

— О планах роботов ее открыть — нет, про саму звездамбу — да. За ней нам тоже следовало приглядывать. Вот о том, что ключ у Портулак, я не знал. — Калган прочел на моем лице непонимание и раздраженно зыркнул здоровым глазом. — Лихнис, прошло пять миллионов лет. Порой забывается даже то, что очень стараешься помнить. Мы распространили столько дезинформации, что она вышла боком нам самим. Мы думали, ключ уничтожен или потерян много циклов назад. И понятия не имели, что он до сих пор у нашей Линии, а что уцелел в бойне — тем более. А вот роботы знали, где искать. О чем это говорит? — Не успел я ответить, вспотевший Калган подался вперед. — В Линии Горечавки у них шпионы, которые маскируются так ловко, что даже Дом Солнц не в курсе. Они вынюхивают

наши секреты, узнают о нас то, что нам самим неизвестно. Например, что ключ у Портулак. Можешь убить меня — я ни словом не помешаю. Уясни другое: что бы ты ни думал обо мне, «Серебряные крылья» нельзя пускать к дамбе.

— Очень постараемся не пустить.

— Ты не понимаешь. Может, не понимает даже Портулак, вопреки тому что ей известно. Та ее история о Первых Роботах, запертых в дамбе…

— Что с той историей?

— Портулак рассказала далеко не все.

— Наше терпение стремительно тает, — предупредил Горчица.

— Там действительно звездамба, но поставили ее не для того, чтобы сажать внутрь роботов. Если бы мы ухитрились загнать их в такое небольшое пространство, то и истребить смогли бы. Расстреляли бы их из гамма-пушек и превратили бы в гору шлака.

— Такая мысль у меня возникала, — признался я.

— В звездамбе не Первые Роботы. Они в другом месте. Но там и не умирающая звезда. Там дверь, портал, отверстие. — Калган облизнул бескровные губы бледным языком. Получилось очень по-змеиному. — Его соорудили Предтечи

еще в кембрийский период, когда мы мягкотелыми тварями плавали в океанах. Они решили проблему каузальности — открыли червоточину, достаточно большую для перемещения макроскопических тел. Наши жалкие потуги вечно упираются в причинность, невозможность распространения информации со скоростью, превышающей световую.

— От причинности запросто не избавишься, — возразил я. — Она фундамент нашей реальности.

— Уверяю, Лихнис, они нашли способ. Перемещение в межзвездном пространстве трудности не представляло — Предтеч, как и нас, устраивала скорость, максимально близкая к световой. Две тысячи лет на полет вокруг галактики? Если привыкнуть, не так уж это и много. А вот путешествие на Андромеду или в другую галактику Местной Группы — совсем иное дело. Там счет ведется на миллионы лет. Мы, мать вашу, существуем шесть с половиной миллионов.

— Хватит на полет к Андромеде и обратно.

— Вот именно. На второй полет времени недостаточно, даже если бы мы хотели его совершить. Предтеч это не устраивало, поэтому они пробили червоточину между двумя галактиками. После их исчезновения червоточина не исчезла

— осталась неиспользуемой, но функционально исправной. Во времена Первых Роботов никто не понимал, что она собой представляет. Лишь когда их истребили, нам открылось назначение портала.

— Так Первые Роботы удрали на Андромеду через червоточину?

— Тепло, но не горячо, — с улыбкой отозвался Калган. — На Андромеду они удрали исключительно своими силами, на субсветовой скорости. Разумеется, речь о небольшом числе уцелевших. Долгое время никто не беспокоился, что Первые Роботы сбежали, а Линии не могут их выследить и добить, — уцелевших следовало бы уничтожить, хотя большинство погибли случайно. Они полетели на Андромеду. Догнать их мы не могли, зато могли выбросить из головы. Пусть летят куда угодно — у нас своя галактика, у них своя. Никто не ждал, что они выживут и начнут выкидывать фокусы.

— Пустошь… — вырвалось у меня.

Калган кивнул с самым серьезным видом:

— До тех пор Первые Роботы никого особо не беспокоили. Они не подавали признаков жизни, и вся галактика считала Андромеду необитаемой. Но вот появилась Пустошь, и мы поняли, что

ситуация изменилась.

— Так что такое Пустошь?

— Доказательство того, что червоточину расконсервировали. С момента ее появления Дом Солнц вел бой сразу на двух фронтах. Следовало, во-первых, скрывать данные о геноциде от людей-машин, во-вторых, предотвратить возвращение Первых Роботов. Законсервировать червоточины мы не могли — это выше наших возможностей. Утешало, что невредима звездамба, наш последний и единственный рубеж. К счастью, этого хватало. Мы не сомневались: ее не прорвать. Раз дамба сдерживает энергию сверхновой, известным Линии оружием ее не пробить. Дамба справлялась — с тех пор, как появилась Пустошь, за ее пределы ничто не просочилось.

— А теперь?

— Пораскинь мозгами. Каскаду с Каденцией нужен ключ, чтобы пустить Первых Роботов к нам в галактику. Поэтому архиважно их остановить. Речь не о парочке злобных роботов, просидевших в ящике пять миллионов лет. Их там целая галактика. Роботы спят и видят возвращение. По-моему, не стоит рассчитывать, что они будут настроены мирно и доброжелательно.

— Мы очень постараемся их остановить, — сно-

ва пообещал я.

— Но жизнью Портулак ты рисковать не станешь.

— Ты собирался убить ее. Только на исход операции это не повлияло.

— Лихнис, у меня был только один корабль, а у вас четыре. Хотя мне-то какая разница? Я рассказал вам все, о чем знал, не потому, что мне небезразлично, как вы ко мне относитесь, а потому, что вы должны понять, как важно остановить «Серебряные крылья». Свое дело я сделал, можете меня убить.

— Похоже, ты полностью с этим примирился, — заметил Горчица.

— Разве у меня есть выбор? Даже с активированной защитной оболочкой эта капсула не выдержит массированный обстрел.

— Не выдержит, — пожал плечами Горчица.

— Тогда пусть расстрел будет быстрым. Я погружусь в стазис и ничего не почувствую. Делайте со мной что хотите.

— Ага, сделаем, — кивнул Горчица.

Калган потянулся к невидному нам пульту. Зажужжали ограничители, плотнее прижимая его к креслу. Калган напрягся, словно ждал удара током. Раз! — и вокруг него сомкнулся красный

кокон поля стазиса.

— Хотите, жребий бросим? — предложил Горчица.

— Кому его казнить? — спросила Пижма.

— Кому везти его на Невму. Одному из нас придется оставить погоню и вернуться домой. Калган утверждает, что рассказал все, но мы же не можем поверить ему на слово.

— Согласен, — кивнул я.

— Не то чтобы я против погони, — начал Щавель, — только из «Бурана» уже выжаты все соки. Если «Серебряные крылья» увеличат псевдотягу, толку от него не будет.

Он взглянул на летевшую с ним Лебеду. Судя по выражению лица, она с ним соглашалась.

— Пусть Щавель возвращается, кому-то же нужно. Думаю, тем, кто не хочет преследовать «Крылья», стоит перебросится на «Буран» при первой же возможности. По большому счету перебросится стоит всем. По скорости «Лентяй» не уступает ни одному из уцелевших кораблей. Вам незачем тащиться через всю галактику.

— Я бы лучше тебя проводила, — сказала Пижма.

— И я тоже, — эхом отозвался Паслен после небольшой паузы.

— Тогда я отвезу Калгана на Невму, — заявил Щавель. — Одному из нас нужно вернуться и рассказать нашим о случившемся. Сигналу они до конца не поверят, а если увидят меня во плоти, непременно послушают. — Щавель выделил мое имаго и заглянул мне в глаза. — Я скажу, что Портулак — молодец и ты, конечно, тоже. Я объясню скептикам, что они не правы.

— В один прекрасный день она сама их убедит. Удачи, Щавель. Возвращайся на Невму и помоги Линии сплотиться. Какое-то время мы наверняка будем не на связи. Только мы Горечавки. Рано или поздно вы придумаете, как послать мне весточку.

— Не сомневаюсь в этом ни секунды.

— Я тебе немного завидую, — признался я.

— Соскучился по поющим барханам Невмы?

— Нет. Я бы дорого отдал, чтобы увидеть лицо Калгана, когда его выведут из стазиса. Особенно если разбудит его затачивающая ножи Волчник.

Глава 40

Отсек с белыми стенами за моим оконцем был неподвижен, как картина. Порой глаза якобы ловили вспышку сублиминального движения, но

скоро я научилась не доверять им. При нынешней кратности сжатия времени Гесперу пришлось бы не шевелиться часами, чтобы мои органы чувств его зарегистрировали. Да и откуда уверенность, что человек-машина до сих пор на ковчеге? Если камера не выпустит меня из-под контроля, как не выпустила сразу после активации стазиса, я вполне могла здесь умереть.

Черная мыслишка нарезала тысячный или десятитысячный круг у меня в голове, когда спокойный голос камеры объявил о скором возвращении к реальному времени.

«Текущая кратность сжатия, один к ста тысячам, плавно уменьшается. Стабильность поля оптимальная».

Кратность понизилась до тысячи, нескольких сотен, десятков, потом поле выпустило меня. Ограничители ослабли — я смогла вытащить руки и ноги из обручей и повернуть голову. Шея и спина словно окаменели. Не люблю я стазис.

Ш-ш-ш — дверь распахнулась, кресло выдвинулось из камеры. Я запретила себе думать о неприятных ощущениях и встала, опираясь на спинку. Взаперти я просидела менее двадцати четырех субъективных часов, но раз кратность сжатия времени в один миллион действовала

весь период, значит на ковчеге прошло почти три тысячелетия. Я доковыляла до стены и провела рукой по ее белой обшивке, ожидая увидеть пыль. Глупые надежды! Пальцы остались чистейшими. Абсолютно все в отсеке сверкало новизной, будто созданное минуту назад.

— Геспер! — хрипло позвала я, откашлялась и позвала снова: — Геспер! Это я, Портулак, я проснулась.

Ответа не последовало. Я вдыхала неподвижный воздух древности. Эти атомы не попадали в человеческие легкие уже тридцать веков.

Дверь в соседний отсек была открыта, и я заметила что-то яркое и блестящее, как стекло. На ватных ногах я проковыляла туда и увидела белый стол с белым же стулом. Стол накрыли к завтраку: свежевыжатый апельсиновый сок, круассан на тарелочке, кофейник с кофе, фрукты. В вазе стояли цветы, рядом — двойная белая карточка, вроде меню. Круассан был еще теплый, а кофе, судя по запаху, черный, крепкий, как я люблю, и обжигающий. Я налила кофе в белую фарфоровую чашку и прежде, чем сделать глоток, насладилась ароматом. Сперва я отломила уголок круассана, сунула в рот и, почувствовав, как оголодала в стазокамере, дала себе волю. Я

съела круассан, три разных фрукта, выпила весь сок и две чашки кофе. Лишь потом я открыла белую карточку. Послание написали золотыми буквами. Красивый почерк казался чересчур каллиграфичным для человеческого. Геспер подписался, хотя необходимости в этом не было.

Он извинялся, что не присутствует при моем пробуждении, поскольку неотложные дела задерживали его в другом месте, объяснял, что велел роботам-швейцарам приготовить завтрак незадолго до отключения стазополя, и надеялся, что еда и напитки мне понравятся. Указания он давал за несколько веков до моего пробуждения, но не сомневался, что швейцары выполнят их с безукоризненной точностью.

«Не знаю, буду ли я жив, когда ты прочтешь это послание, — писал Геспер. — Если да, то ты застанешь меня на мостике „Серебряных крыльев“. Очень хочу тебя видеть, но волей обстоятельств ты должна прийти ко мне, а не наоборот. Прежде чем отправишься, осмотри грузовой отсек ковчега. Полагаю, его содержимое наведет тебя на нужные мысли. До того как покинуть ковчег, непременно оцени обстановку. Если опасности нет, увидишь множество золотых кабелей, тянущихся из грузового отсека. Белые кабели

означают, что опасность присутствует; золотые и белые — что следует проявлять осторожность. Перебросом пользуйся только при отсутствии иных вариантов. — Словно поразмыслив, Гесперприписал: — По моим указаниям синтезатор изготовил для тебя скафандр. Надеюсь, тебе подойдет. С нетерпением жду нашей новой встречи. Твой друг Гесперр».

— Спасибо, — тихо проговорила я.

После завтрака я опорожнила мочевой пузырь, вымылась, велела синтезатору изготовить мне сменную одежду и лишь затем отправилась на поиски новых сообщений.

Вскоре я увидела первую нить — брела по коридору в расчете найти скафандр, а обнаружила препятствие, которого прежде не замечала. Кабель толщиной с мое запястье тянулся на уровне груди от одной стены к другой. Белый, как сосулька, он пробивался сквозь стены, кроша их. Я очень сомневалась, что ковчегу он родной. Второй кабель я увидела почти тотчас. Тоже белый, он проходил по полу и раздваивался — одна часть зарывалась под пол, другая тянулась к потолку и пробивала его.

От страха засосало под ложечкой, но я побрела дальше и в следующем отсеке увидела целую

сеть кабелей, белых и золотых. Они пронизывали разные поверхности, чудовищной паутиной тянулись по воздуху во всех возможных направлениях. Сквозь сеть приходилось прорываться, а кабели оказались жесткими, застывшими. Кое-где белый обвивал золотой, кое-где наоборот — так лианы душат дерево. Все вокруг было неподвижно, но я чувствовала, что попала на поле смертельного боя.

В других отсеках наблюдалась та же картина. Где-то доминировал белый кабель, где-то золотой, где-то явного лидера не было. Не раз и не два я натыкалась на обрывки и вспоминала, как Каденция выпускала из ран отростки, которые тянулись к ключевым системам ковчега, чтобы устроить диверсию. Здесь я видела нечто подобное, но в куда более крупном масштабе.

Геспер рекомендовал заглянуть в грузовой отсек? Если бы не его слова, я бы в жизни туда не сунулась, ведь память твердила, что там пусто, как и в других помещениях древнего лайнера. Стараниями Геспера я потеряла покой. Неведомая сила гнала меня вперед — словно во сне, я брела к цели, известной только моему подсознанию. Каждый шаг давался с огромным трудом — плотность бело-золотой сети удвоилась, потом

учетверилась, и вот мне уже приходилось протискиваться сквозь щели. Значит, содержимое грузового отсека чрезвычайно важно.

Понемногу паутина редела — самый страшный участок остался позади, — и в промежутке я увидела свою цель. Сегодня отсек освещался, хоть и не так равномерно, как я ожидала, мерцая то синим, то фиолетовым. Я прищурилась и заглянула внутрь. Отсек не пустовал. В самом центре, почти во всю его длину, висело устройство, которое я сразу узнала, хотя понятия не имела, что передо мной. Восемь сфер медного цвета словно насадили на стержень. Каждая диаметром метров по сто, в светоотражении сферы не уступали зеркалам. Больше и сказать о них было нечего.

Ключ — вот что хранилось в отсеке. На ковчеге действовала гравитация, а ключ парил на собственных леваторах, да еще генерировал защитную оболочку — восемь округлых пузырей, соединенных в подобие колбасы с перемычками. Контуры пузырей просматривались благодаря вспышкам энергии, на миг застывавшим причудливыми узорами, точь-в-точь как переливы масла на воде. Ключ окружали пистолеты, нацеленные на оболочку. Чуть больше изготовленного для меня синтезатором, они крепились

к золотым проводам, а те соединялись с золотой нервной системой, которой Геспер оплел отсек.

Получается, я всегда знала, что ключ здесь. Когда выбирала корабль-убежище, меня направляло подсознание. Интуитивно я понимала, что роботы не нападут на ковчег, если заподозрят, что там хранится. Раз я знала про ключ, значит знала и про звездамбу, для которой его создали. Если так, я была в курсе и своего участия в геноциде Первых Роботов задолго до откровений Геспера.

Насмотревшись на ключ, я побрела дальше. В одном отсеке, где были только золотые кабели, явно победил Геспер. Там у мощного синтезатора и лежал скафандр. Робот не ошибся — он подошел идеально. Скафандров я не надевала давно, но тут сразу вспомнила былые ощущения.

— Здравствуй, Портулак! — сказал шлем, когда в нем загорелись иконки состояния. — Я бы и раньше к тебе обратился, но не мог проникнуть к тебе в разум. Поэтому надеялся, что рано или поздно ты найдешь скафандр.

Я улыбнулась, несмотря на все страхи и опасения, что никогда не увижу Лихниса и других шаттерлингов. Здорово слышать голос Геспера!

— У тебя все нормально?

— У тебя, надеюсь, тоже, — вместо ответа,

уклончиво отозвался Геспер. — Прости, что долго держал тебя в стазокамере, но мне казалось, так лучше. Да и зачем тебе бодрствовать на протяжении всего перелета, даже если бы я мог это устроить? После атаки Калгана…

Геспер рассказывал о событиях, происшедших два тысячелетия назад, для меня же это были вчерашние новости.

— Чем все закончилось?

— У Калгана не получилось.

— Убить меня или задержать «Серебряные крылья»?

— Не достигнута ни одна из его целей. Сопротивление, которое встретил Калган, оказалось куда серьезнее, чем он рассчитывал. «Полуночную королеву» подбили, и она двинулась навстречу группе преследования. Завязалась перестрелка, во время которой был уничтожен корабль Чистеца. Все это я узнал из последующих бесед с Лихнисом.

— Ты на связи с Лихнисом?

— Сейчас нет, но я уверен, что он жив. «Лентяй» следует за нами с тех пор, как закончился бой.

— А другие?

— Других нет. За нами летит только «Лентяй». Но Лихнис жив, в этом я не сомневаюсь. Думаю,

он в стазисе и ждет новостей от нас. Очень скоро он их получит.

— Где мы сейчас?

— Приближаемся к звездамбе. От Невмы мы отлетели на шестьдесят две тысячи световых лет.

Так далеко я не забиралась с тех самых пор, как впервые покинула Золотой Час. Слова Геспера выбили из колеи, хотя подсознательно я ожидала чего-то подобного. Такие расстояния не для людей — мы рождены копошиться вокруг одной и той же деревни, в том же часовом поясе, под теми же звездами.

— Ты говорил, что мне опасно тебя разыскивать, — напомнила я.

— Сейчас уже нет. Будь осторожна, но слишком сильно не беспокойся. Каналы переброса безопасны, я их подготовил. Приходи на мостик, нам многое нужно обсудить.

Ковчег я покидала, полная недобрых предчувствий. После битвы Каскада и Геспера в грузовой отсек я не выходила и теперь ожидала увидеть отсеченные конечности, ползающие на буксире белых отростков. Только ведь по корабельным меркам с тех пор минуло уже несколько тысячелетий.

На первый взгляд отсек совершенно не изме-

нился — тот же ошеломляющий простор, потолок, стены в километрах от меня. На таком фоне белый ковчег со своим грузовым отсеком терялся полностью. Приглядевшись чуть внимательнее, я поняла, что ошиблась, — многое здесь стало другим. Каждый корабль покрылся волокнистым бело-золотым панцирем. Контуры их сгладились, как у заросших плющом домов. Отростки оплели каждый предмет, исказив его истинную форму. Я и ковчег едва узнала. Белые и золотые провода душили старый корабль, разветвлялись, сплетались в чудовищно сложные узоры, пробивали едва видимый корпус в сотне мест. Люк, из которого я вышла, оказался на одном из немногих чистых участков. Толстый жгут золотых проводов окружал его, словно ров. Золотые отростки сдерживали белые и тянулись дальше переплетенным туннелем, тропинкой через лес.

— А ты не сидел сложа руки, — проговорила я.

— Нужно же было чем-то заниматься.

Я дошла до ближайшей камеры переброса. Эта часть корабля осталась более-менее узнаваемой. Местами попадались золотые отростки, но в целом стены и потолок не изменились. Пульт парил в воздухе, словно ждал меня. Я задала переброс в носовую часть корабля, моментально

туда попала и по мосту пересекла громадную шахту. Устройства в форме наковальни, обычно двигавшиеся туда-сюда, сейчас замерли, парализованные бело-золотой паутиной.

Другая камера переброса доставила меня на мостик.

— Атмосферу я вернул, — объявил Геспер. — Можешь снять шлем.

До того момента я не была уверена, что это мой друг, но его голос Каскаду скопировать не удалось бы.

Геспер оказался жив, но с определенными оговорками. На мостике, друг против друга, находились два робота. К стене слева от меня крепились голова и торс Каскада, у стены справа таким же образом разместился Геспер. Оба потеряли конечности, точнее, отрастили столько новых, что мутировавшие, разветвившиеся руки и ноги затерялись среди них. Каскад превратился в спрута с гуманоидными головой и торсом, а Геспер — в золотую звезду с лучами, тянущимися во все румбы компаса. У торсов отростки были толщиной с руку или ногу, но постепенно сужались в кабели, которые я уже видела. Они ползли от тел, сталкивались, переплетались в плотный покров. Я попробовала проследить за од-

ним проводом — куда там, узоры были слишком сложными. Я почти не сомневалась, что бóльшая часть отростков, а то и все, уползают с мостика. Здесь находился нервный центр, отсюда оба робота, удлинив свои тела, захватывали ключевые системы и грузовой отсек «Серебряных крыльев». Они переработали тысячи, если не миллионы тонн вещества — поглощали материал корабля и использовали для самоудлинения.

— Сними шлем, — снова предложил Геспер. — Здесь безопасно, а без него проще разговаривать.

Я послушалась. Если воздух непригоден для дыхания, скафандр не позволит мне отстегнуть шлем, но слова Геспера обнадеживали.

— Давно ты в таком состоянии?

— Некоторое время.

— С тех пор, как погрузил меня в стазис?

Геспер улыбнулся — это у него еще получалось.

— Нет, неподвижным я стал гораздо позднее, около шести столетий назад. Долгое время я был таким, каким ты меня запомнила. Когда ты погрузилась в латентность, я направил энергию на то, чтобы снова подчинить корабль своей воле. Многие годы я прятался от пушек и следящих устройств, которые нацеливал на меня Каскад.

При этом ковчег он не штурмовал. Тогда я и задумался о местонахождении ключа. Возникли первые догадки, а нашел я его довольно быстро, после нескольких веков кропотливых исследований.

— Так ключ все время был на ковчеге и ждал, когда я на него натолкнусь?

— Ключ спрятан под маскирующей защитной оболочкой. Если не присматриваться, ты видела бы лишь пустой отсек. Думаю, в далеком прошлом ты пару раз туда заглядывала.

— Может быть, — с сомнением отозвалась я, не исключая, что подсознание не подпускало меня к отсеку, зная о секрете, который там скрыт.

— Я пытался вывести ключ из строя, но безуспешно. Кто-то проявил недюжинные хитроумие и изобретательность, чтобы надежно его защитить. Потрясающее мастерство!

— Это я такая мастерица?

— Очень вероятно.

Я беззвучно выругалась:

— Что ты пробовал?

— Все мыслимые способы. Ни один из них не дал результата. Возможно, ты заметила, что я пытаюсь перегрузить защитное поле потоками концентрированной энергии. Шансов на успех

не много — это лишь очередной вариант. Я испытываю его уже триста семьдесят лет.

— А корабль? Кто им сейчас управляет?

— Никто. После веков пассивного существования я попробовал отвоевать «Крылья». Каскад был силен, только и я не простой робот, каким он меня считал. Мало-помалу я сломил его — подчинил себе и разобрал его разум на части. За несколько веков я превратил его в робота-овощ, в ящик, реагирующий на внешние раздражители. Но без умений, унаследованных от Вальмика, у меня ничего не получилось бы.

Я глянула на неподвижного белого робота слева от меня:

— А сейчас?

— Я борюсь с овощем. Безобидным и обделенным тактическими хитростями Каскада не назовешь. Прежде чем я лишил его мыслительных способностей, он запустил программу, остановить которую мне не под силу. Курс корабля задан, в другом направлении он не полетит.

— Неужели нельзя вывести Каскада из строя и отменить его команды?

— Этим я занимаюсь уже сотни лет. Увы, безуспешно. Каскад был куда мудрее многих. Он наверняка предвидел, что в итоге я захвачу его

разум.

— А если мне взять энергетический пистолет и сию секунду расстрелять Каскада?

— Не поможет. Корабль все равно полетит к звездамбе, а мне все равно придется подавлять останки Каскада.

— Далеко до нее?

— Мы совсем рядом, менее чем в световом месяце. Думаю, ключ очень скоро сработает. Посмотри на дамбу, если хочешь.

Не дожидаясь ответа, Геспер вызвал изображение на главный дисплеер. Бело-золотые гирлянды спускались к нему, но саму поверхность не обвивали. На заднем плане мерцала россыпь подсиненных звезд, а на их фоне, увеличенный системой, висел круг цвета непроглядного мрака. Как ни подсинивай звездамбу, она останется черной.

— Это она?

— Да. Изображение в режиме реального времени, — подтвердил Геспер.

Черный круг и обрамляющее его пространство кишели красными иконками.

— А это что? Планеты?

— Корабли и боевые установки. Нас ждут. Едва прояснилось, куда мы летим и зачем, Линия

Горечавки послала упреждающий сигнал. Поэтому звездамбу теперь охраняют все местные цивилизации.

Я почувствовала себя преданной, хотя понимала: вариантов у Горечавок не оставалось.

— Сколько времени у них было?

— Чуть больше шестидесяти лет. Жители соседних систем успели скоординироваться и отправить к звездамбе более-менее приличные корабли. Портулак, они нам не помеха.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я видел «Серебряные крылья» в бою, видел, как они уничтожили корабли Горчицы, Лебеды и Лопуха, а потом отмахнулись от корабля Калгана, несмотря на все его пушки, куда более мощные, чем на других кораблях. Из троицы продолживших погоню — «Ромб сгущения», «Скоростная аберрация» и «Лентяй» — остался лишь «Лентяй». Другие попробовали нас задержать, но «Крылья» легко вывели их из строя. Нам практически не причинили повреждений — восстановимся без труда. Если верить информации, которую я собрал об участниках кордона, шансы, что они нанесут нам ощутимый ущерб, тем более задержат, ничтожны. Грядет битва, которая не изменит ровным счетом ничего.

— А если ты не прав? Если там есть и другие корабли, но они спрятаны и покажутся в самый последний момент?

— Может случиться и так… — Геспер замялся. — Портулак, я позволил себе небольшую вольность. Надеюсь, ты не рассердишься.

— После того как держал меня взаперти три тысячи лет? На что мне злиться?

— Я послал кордону сигнал — до такой степени «Серебряные крылья» мне подчиняются — и объяснил ситуацию. Сказал, что мы с тобой невинные заложники, не способные ни изменить курс и скорость корабля, ни ответить на враждебные действия. Я предложил им графические доказательства того, что уже видел сам. Показал, что, даже объединившись, они не остановят «Крылья зари», а потери живой силы и техники будут значительными. Я также попросил отменить боевую готовность кораблей и, чтобы свести потери к минимуму, оставить лишь автоматические боевые установки.

— Они прислушались?

— Ответа я пока не получил и не заметил никаких изменений в их оборонительной тактике. Полагаю, они получили мой сигнал и оставили его без внимания.

— Их можно понять. Наверняка думают, что сигналит Каскад или Каденция, чтобы отговорить от атаки, которая может сложиться удачно.

— Извини, Портулак, ничего лучше я не придумал.

— А если мне с ними поговорить?

— Что это изменит? Твое лицо и голос легко скопировать.

— Я все-таки хотела бы попробовать.

— Пробуй.

— Прямо сейчас?

— Чем скорее они выведут корабли из зоны обстрела, тем меньшие потери понесут. Им нас не остановить, так пусть и ненужных жертв не будет. — Геспер ободряюще улыбнулся. — Обратись к ним, Портулак. Может, у тебя получится то, что не удалось мне.

— Не представляю, с чего начать. Знать бы хоть что-то о тех, к кому я обращаюсь. Хоть самое основное: двуногие ли они, дышащие ли — и так далее.

— К сожалению, я помочь тебе ничем не могу. Надеюсь, они хоть Язык понимают. Должны понимать, раз ответили на предупреждение Горечавок.

— Ладно… — Я откашлялась — в горле пересох-

ло, несмотря на выпитое за завтраком. — Говорит Портулак, шаттерлинг Линии Горечавки. Вы уже получили послание моих братьев и сестер. И моего друга Геспера — тоже. Знайте, оба послания — правда. На борту нашего корабля одноразовый ключ к этой звездамбе. Если он сработает, случится беда. Пострадают все: люди, постлюди — каждое разумное биологическое существо метацивилизации. Это факт. Вы правы, что собираетесь нас остановить. Если бы имелся безопасный способ уничтожить наш корабль, я сама скомандовала бы вам: «Вперед!» Только для вас эта задача невыполнима. Геспер правильно сказал: вы лишь впустую погубите живую силу и технику. Если у вас есть неизвестное мне абсолютное оружие, если десять тысяч кораблей, равных этому, в укрытии дожидаются приказа открыть огонь из гамма-пушек, не теряйте времени. Если нет — умоляю отвести пилотируемые корабли подальше от звездамбы.

Я замолчала.

Геспер кивнул:

— Отлично, Портулак. Получилось очень убедительно.

— Но они ведь меня не послушают?

— Не знаю, будем надеяться на лучшее.

Я провела рукой по волосам, спутавшимся под шлемом.

— Только разве это сейчас важно? Если долетим до звездамбы, число погибших в битве покажется ничтожным в сравнении с последующими потерями. С числом жертв Первых Роботов, которые к нам прорвутся.

— Вот чего я боюсь больше всего и хотел бы обсудить с тобой эту тему.

— Я думала, ты хотел, чтобы я убедила участников кордона отвести корабли.

— Кордон — лишь прелюдия к самому страшному. Как ты сказала, если звездамба откроется и если Первые Роботы настроены враждебно, даже гибель целой цивилизации покажется эпизодом.

— Первые Роботы настроены враждебно. Как бы ты был настроен на их месте?

— Я уже говорил, месть — удел биологических существ.

— Скажи это Каскаду и Каденции. По-моему, для них месть была чуть ли не первостепенной задачей.

— Ты права.

— Так что ты хотел обсудить?

— Я могу остановить «Серебряные крылья» в любую секунду. — Геспер сделал паузу, чтобы

до меня дошел смысл сказанного. Его прекрасные бирюзово-опаловые глаза изучали меня, пока он не решил, что можно продолжать. — Я не управляю «Крыльями» целиком и полностью — не могу менять скорость и направление, не могу остановить обстрел дружественных нам сил. Но я в состоянии уничтожить и сам корабль, и ключ. У меня получится запрограммировать двигатель ковчега на самоуничтожение. Как мы говорили много веков назад, «Серебряным крыльям» не сдержать такого мощного выброса энергии.

— Ключ под защитной оболочкой. Он точно не уцелеет?

Я могла сосредоточиться только на практической стороне предложенного, а не на его чудовищной подоплеке.

— Вряд ли. Энергию оружия оболочка выдерживает, а с мощным выбросом от взрыва двигателя едва ли справится.

— Других вариантов нет?

— Внешняя сила нас не остановит. Все в наших руках.

Я заново прокрутила в голове варианты, которые мы рассмотрели и отмели.

— А если покинуть корабль и управлять двигателем ковчега дистанционно?

— Мне отсюда не выбраться. Чтобы преобразовать себя, уйдет слишком много времени, а у нас его нет.

— Извини.

— К сожалению, это и для тебя не вариант. Я не в состоянии ни отключить завесу на грузовом отсеке, ни открыть люк. В скафандре ты сможешь выбраться через пассажирский шлюз, но в открытом космосе долго не продержишься.

— Ну и ладно. Одного тебя я здесь не оставлю.

— Спасибо, Портулак, ты настоящий друг.

— Что нужно для уничтожения ковчега?

— Одно твое слово. Скажешь — и его не станет.

— Зря ты меня разбудил. Сделал бы по-своему, и точка.

— Нет, право выбора принадлежит тебе.

Я не ответила, понимая, что Геспер прав. Все дороги в жизни я выбирала сама, начиная с момента, когда мадам Кляйнфельтер удалила мне замедлитель роста. Возмущаются только живые, но, как ни абсурдно, я понимала, что возмутилась бы, если бы меня лишили шанса выбрать в последний раз.

— Надеюсь, что на твоем месте поступила бы так же. Геспер, мы разумные существа и заслуживаем права выбирать.

— Чувствуется, ты уже приняла решение.

— Разве у нас есть альтернатива? Решиться просто, ведь все остальные варианты мы испробовали. Ты не можешь нас остановить. Кордон не сможет нас остановить. Линия Горечавки не смогла нас остановить. Попытка унесла жизнь достойных шаттерлингов, а ведь Линия и так держится на честном слове. Горечавки потеряют и меня, но, по-моему, цена невысока. Не понимаю, зачем вообще об этом говорить. Жизнь человека и жизнь робота — или макровойна между механическими и биологическими существами? Я бы не мешкала, не тратила время на разговоры, а перешла к делу.

— Хочешь попрощаться с Лихнисом? Его корабль сохранит послание до тех пор, пока он не проснется.

— Хочу. Спасибо, Геспер.

— Говори сколько хочешь.

На сей раз я собиралась быть краткой, но слова шли куда труднее.

— Это Портулак. Ради меня ты залетел в такую даль и не представляешь, как я тебе благодарна. Чистеца и остальных очень жаль. Мы так старались, а получается — напрасно. Я решила уничтожить «Серебряные крылья» — другого

выхода нет. Пройдет все быстро и для меня безболезненно. А еще вполне достойно — чисто и ослепительно-ярко. Разворачивайся и лети искать Линию. Выступи на моих похоронах, поставь мне памятник, а потом живи дальше. Я люблю тебя и буду любить всегда.

Геспер опустил голову:

— Готово. Сигнал отправлен. «Лентяй» скоро его получит.

— Точно?

— Несомненно.

Я снова взглянула на дисплеер — на черный круг звездамбы и красные иконки бесполезного, обреченного на уничтожение кордона. Спрашивать, есть ли изменения, было бессмысленно. Его участники еще не получили мое сообщение, а когда получат, времени для маневров почти не останется.

— По-моему, ждать больше нечего. Чем дольше мы тянем резину, тем вероятнее, что ключ сработает.

— Да, такая возможность есть. Шансы пережить самоуничтожение двигателя у тебя невелики, но они максимально возрастут, если снова погрузиться в стазис. При чрезвычайно удачном стечении обстоятельств твоя стазокамера уце-

леет.

— «При чрезвычайно удачном стечении обстоятельств…» Умеешь ты обнадежить!

— Не хочу завышать твои шансы.

— Ясно, Геспер. А как ты оцениваешь свои?

— Если честно, не слишком высоко. Только это ничего не меняет. Уверен, будь на моем месте, ты убедила бы меня сделать все ради выживания, какими бы ничтожными шансы ни казались.

Достойных возражений у меня не нашлось.

— Тогда вернусь на ковчег. Стазокамеру я могу настроить сама.

— Нет, так ничего не выйдет. Возможность выжить ты получишь, если погрузишься в стазис на максимальном удалении от ковчега и двигателя «Серебряных крыльев». К счастью, такое место есть. Когда я блуждал по кораблю, нашел секретную комнату с бронированной стазокамерой, снабженной несколькими слоями защитной оболочки. Она в носовой части корабля, недалеко отсюда. Ты наверняка построила ее, чтобы защититься в ситуации вроде нынешней: если аварийная остановка двигателя застанет на борту корабля.

Осознанных воспоминаний об этом у меня не сохранилось.

— Ту камеру построила я?

— Портулак, в этом нет ни малейших сомнений. Я тебя знаю сравнительно недолго, но твою работу определил сразу. Ты молодец, о будущем позаботилась.

— Еще я молодец, что защитила ключ от чужих посягательств.

— Не вини себя. Ты не могла предвидеть, что сама будешь на него посягать.

— Лучше объясни, как попасть в секретную комнату.

— Я добавил ее к маршрутам камеры переброса. Набери на пульте «конец» и попадешь туда.

— Помимо секретной комнаты, есть и секретный канал переброса?

— Корабль большой, места для сюрпризов предостаточно.

— Спасибо, Геспер. Теперь хоть будет на что надеяться, и в стазис я погружусь не обреченной на гибель. Просвет, пусть крошечный, остается. По крайней мере, для меня.

— Чудесное спасение на мою долю выпадало уже не раз. Не исключено, что снова повезет. Ступай, Портулак!

Хотелось сказать ему тысячу вещей, задать тысячу вопросов. Только ключ в любую секунду

мог активироваться и послать звездамбе неотменяемый приказ.

Мы попрощались. Я дошла до камеры переброса, набрала команду, о которой говорил Геспер, и приготовилась. За миг до активации поля я вдруг подумала, что Геспер мог лгать. А если секретной комнаты нет и камера швырнет меня в глухую стену? Поле поглотило меня, камера понеслась по каналу, о существовании которого я не подозревала. После головокружительного путешествия по неразличимым закоулкам корабля я попала… куда-то.

Я не узнавала это помещение. Едва я вышла из камеры, вокруг стало светло. Места было меньше, чем на мостике «Серебряных крыльев», — как в фойе или на кухне. Ровные металлические стены укреплялись чем-то вроде болтов. Пустоту комнаты нарушало устройство для спасения в экстренных ситуациях, которое упоминал Геспер.

Устройство я узнала.

Зеленый куб покрывали крошечные дворцы и замки, рыцари и принцессы, драконы, пони и морские звери. Я смотрела на Палатиал или на качественную копию древней игры. Наверное, я привезла его с Золотого Часа шесть миллионов

лет назад.

Куб был точно таким, каким я его помнила.

С одной стороны располагался портал. Я вошла, но увидела не голографический пейзаж Королевства с Облачным Дворцом в центре, а только стазокамеру в окружении множества генераторов защитного поля.

«Почему здесь?» — спросила я себя, но если ответа не знала сама, то, вероятно, не знал никто.

Я села в кресло. Ситуация критическая, значит имеет смысл выбирать лишь самый высокий уровень стазиса. Я установила рычажок на отметку в один миллион. Если «Серебряные крылья» самоуничтожатся, корабли кордона могут спасти меня в течение нескольких месяцев или лет по планетарному времени. С другой стороны, если пролечу мимо них, странствовать мне по космосу десятки тысячелетий. На этот раз я, по крайней мере, подготовилась к долгому сидению взаперти. Пока не затянулись ограничители, я закапала в глаза синхросок. Он в сочетании со стазисом и относительным сжатием времени сохранит мне жизнь, пока я не окажусь на другом краю галактики.

— Геспер! — позвала я, когда камера предупредила, что вот-вот активируется стазополе. — Ты

меня слышишь?

— Конечно, Портулак.

— Я сейчас усну. Хотела сказать…

— Не нужно ничего говорить. Я был и останусь твоим другом.

— Пожалуйста, прости нас за то, что мы совершили.

— Если нас с тобой постигнет неудача, роботы смогут отплатить биологическим существам за содеянное. Однажды прощение может понадобиться нам обоим. До тех пор я прощаю тебя и благодарю.

— Геспер! — снова позвала я.

Ответа не последовало. Начали затягиваться ограничители. Пока еще могла двигаться, я завела хронометр, чтобы синхросок подействовал. Я погружалась в стазис, а мое сознание успело выдать две связные мысли.

Во-первых, я еще жива.

Во-вторых, нас определенно постигла неудача.

Глава 41

Когда я вышел из стазиса, меня ждало сообщение от Геспера. Я рассчитывал проснуться, как только «Серебряные крылья зари» приблизятся

к звездамбе, незадолго до активации ключа, а получилось — в разгар космической битвы, почти макровойны между кордоном у звездамбы и кораблем, который участники кордона хотели остановить. Слово «битва» звучит холодно и беспристрастно, на самом деле ужасающе неравная борьба напоминала бойню. «Серебряные крылья» отмахнулись от потуг местных цивилизаций, словно обратить на них внимание считали ниже своего достоинства. Однако местные не отступили, хотя пожертвовали десятками кораблей, чтобы поразить безнадежно неуязвимую мишень. Потрясенный до глубины души, я наблюдал, как люди и машины все прибывают и прибывают.

«У меня ничего не получилось, — признался Геспер после того, как я прослушал послание Портулак, то самое, которое она записала до погружения в стазис. Находясь на час впереди меня, робот говорил спокойно, несмотря на окружающий хаос. — Я объяснил Портулак, что есть шанс остановить „Серебряные крылья“, уничтожив ковчег. Думал, мне это по силам, но ошибся и просчет свой понял, лишь отдав последний приказ. Предугадать его эффективность я не мог».

Геспер поведал мне все. Они решили уничто-

жить «Крылья», чтобы участники кордона не погибли и звездамба не открылась. Он убедил Портулак погрузиться в стазис, чтобы получить небольшой, но ощутимый шанс выжить, когда взорвутся ковчег, ключ и сами «Крылья».

«В общем, я обезопасил Портулак насколько смог и, довольный результатом, отдал приказ. Секунду спустя я еще был в сознании — тогда и понял, что план провалился. Лихнис, она оказалась умнее нас обоих — и меня, и своей будущей ипостаси; раз защитила ключ от посягательств, то вполне естественно, что предусмотрела и этот вариант. Приказ мой перехватили и нейтрализовали предохранительные экраны. Но самое страшное то, что ключ активировался, — я почувствовал исходящий гравитонный сигнал. Не знаю, мой ли приказ его вызвал, или просто время подошло, но… мы просчитались. — Геспер долго молчал, и я уже решил, что сообщение закончилось, но он заговорил снова: — „Крылья зари“ сбрасывают скорость. Ты уже наверняка это заметил, но, если не доверяешь точности своих датчиков, я подтверждаю. Догнать нас теперь просто, но, раз ключ уже активирован, уничтожать „Крылья“ бессмысленно. Разумеется, ты можешь усомниться в достоверности этого

сообщения, и я тебя не упрекну, но можешь и задуматься о причинах того, что мы замедляемся. Если не отклоняться от нынешнего курса — а мы не отклоняемся — „Серебряные крылья“ подойдут к звездамбе через несколько часов после сигнала ключа. Если бы мы не снижали скорость, дамба не открылась бы настолько, чтобы корабль проскользнул между двумя мирами-кольцами. Только „Крылья“ уже тормозят, и это полностью меняет расклад. Брешь будет узкой, но и лететь нам теперь дольше, поэтому мы наверняка проскользнем. Изменение скорости было задано тридцать веков назад, если считать по корабельному времени. Полагаю, Каскад и Каденция планировали войти в звездамбу навстречу тому, что в ней скрыто. Целью их миссии было выпустить Первых Роботов, но уверен — они хотели связаться и с роботами Андромеды. Каскад и Каденция намеревались проникнуть в червоточину, и, боюсь, их намерению суждено осуществиться».

Гесперснова замолчал, и я успел поразмыслить над скудными данными, которые мы получили от Калгана, прежде чем отправить его на Невму, в заботливые руки Волчник. «Дверь, портал, отверстие, макроскопическая червоточина между

нашей галактикой и Андромедой…»

Наконец я понял, зачем Геспер все это рассказывал.

«Боюсь, долго звездамба открытой не останется. Не гарантирую, что „Серебряные крылья“ выдержат переход — человеческие корабли подобные перелеты еще не совершали, — но, если не полетишь следом, второго шанса не будет. До Андромеды можно добраться и иначе, но тот путь очень долгий».

Я отправил ответ: «Если кордон пропустит, я лечу за вами».

Линия поставила перед местными цивилизациями четкие задачи. Участники кордона потеряли много кораблей и защитных установок, но отыграться на «Лентяе» не пытался никто. Местные поняли, что я преследую корабль Портулак шестьдесят два тысячелетия, а им вредить не собираюсь.

Скорость «Серебряных крыльев» упала до восьмидесяти процентов световой. Я теперь отставал лишь на пять минут и тоже затормозил. «Крылья» в последний раз попробовали остановить, хотя ключ уже активировался. Корабль Портулак летел куда медленнее, однако орудия местных цивилизаций едва задевали его корпус.

Темная сложносочлененная звездамба уже отвечала на сигнал. Миры-кольца, удерживаемые толкателями, меняли угол наклона. Двигались они до ужаса медленно, однако устройства слежения подтверждали, что процесс идет. Никаких сигналов тревоги — сенсоры зафиксировали, что звездамба исполняет команду ключа Горечавки. По ее экватору начало открываться отверстие — словно глаз в черном мраморном шарике. «Серебряные крылья» продолжали снижать скорость. За несколько часов она упала сперва до половины, потом до трети световой. Корабль Портулак летел прямиком к глазу.

Утешаться оставалось тем, что из отверстия не льется слепящий свет, — сверхновую эта звездамба не сдерживала. Местные цивилизации могли хотя бы звезды не бояться. Судя по всему, Калган нам не врал.

Я видел, как «Серебряные крылья» провалились в черное жерло звездамбы. Пару световых секунд корабль Портулак держался прежнего курса, потом резко свернул и исчез из поля зрения. Через несколько секунд поступил сигнал, довольно сбивчивый, потому как прошел через множество точек отражения. «Лентяй» собрал из путаницы связное сообщение.

— Говорит Геспер. Лихнис, надеюсь, ты получишь мое послание. Дабы пройти в бреши между внутренними мирами-кольцами, «Серебряные крылья» радикально меняют курс, причем не однократно, а периодически. Изменения столь велики, что инерционная компенсация не работает как должно. Непогашенные силы превышают пятьсот «же» и продолжают увеличиваться. Для Портулак они не опасны — она в стазисе. В реальном времени она погибла бы. Тебе тоже следует принять меры предосторожности. Непосредственного контроля над «Серебряными крыльями» у меня пока нет, но я могу переслать «Лентяю» запись нашей траектории, чтобы ты продолжил погоню. Если заранее узнаешь обстановку внутри звездамбы, то, вероятно, уменьшишь нагрузку на свой корабль.

— Спасибо, Геспер, — поблагодарил я. — Погружаюсь в стазис. Удачи тебе! Надеюсь, переход ты выдержишь.

— До встречи на другой стороне. Нам с тобой будет что обсудить.

— Да, пожалуй, — отозвался я, удивляясь, что его речь стала естественнее.

Вскоре «Лентяй» сообщил, что зафиксировал траекторию «Серебряных крыльев». Корабль Пор-

тулак петлял внутри звездамбы, протискиваясь в бреши, ширина которых порой не превышала несколько тысяч километров. Недаром Геспер посоветовал мне погрузиться в стазис. «Лентяю» непросто будет выделывать такие фортели, а заботиться при этом о своем пилоте — и подавно.

Я еще успевал рассказать Линии о своих планах, отослав сообщение в сторону Невмы. Копию я направил в ближайший узел чьей-то внутренней сети. Я не знал ни кто ее контролирует, ни остались ли живые Горечавки. Мы неслись так быстро, что нас догнала лишь передача с Невмы — и то с задержкой в несколько веков.

Я сделал все, что мог, довольный собой, приказал «Лентяю» двигаться по следу Портулак и перебросился в стазокамеру. Кратность я поставил в один миллион, хронометр — на сто часов по корабельному времени (что называется, методом тыка, потому что понятия не имел, сколько лететь через звездамбу или через всю червоточину) и окунулся в стазополе.

Через четыре секунды стазиса я вернулся в реальное время.

Я выбрался из камеры. Отсек ничуть не изменился, гравитация казалась нормальной, полет — плавным. Я был в самом сердце «Лентяя» и осо-

бых повреждений его систем не заметил. На миг я даже подумал, что Гесперу надул меня и отправил не по своей траектории, а мимо звездамбы, решив, что сохранить мне жизнь важнее, чем сдержать слово. Нет, вряд ли. Гесперу известно: я скорее умру, чем откажусь следовать за Портулак.

На мостик я перебросился с чувством, что отсутствовал там совсем недолго. Датчики уверяли, что внешние показатели в норме, — «Лентяй» словно плыл по безмятежному космическому вакууму. Вот только дисплеер не показывал ровным счетом ничего, ссылаясь на недостаток информации об окружающей среде. Нынешнее местонахождение «Лентяя» он тоже не определял. Последние достоверные координаты система космонавигации выдала на момент вхождения в звездамбу, но, судя по воспоминаниям «Лентяя» о его перемещениях, пролететь ее мой корабль должен был почти сто часов назад. Тем не менее он не мог ни получить информацию с навигационных пульсаров и бакенов, ни найти знакомые звезды. «Лентяй» вообще не мог отыскать звезд.

Итак, мы попали непонятно куда. Возможно, это уже и не Млечный Путь. Вдруг мы в черном кармане Пустоши, рассекаем беззвездный вакуум

бывшей галактики? Я сел в кресло пилота, подтянул к себе пульт и набрал команды для дисплеера — показать хоть что-нибудь, пусть даже здравому смыслу вопреки. «Лентяй» так заботился обо мне, что скорее утаил бы данные, чем дал увидеть нечто подозрительное, вероятно искаженное механическим эквивалентом галлюцинаторного бреда. Однако я настоял на своем.

И совершенно напрасно.

Достоверно открывшуюся мне картину описать затрудняюсь. Да, я отмечал попытки «Лентяя» придать своим наблюдениям доступную мне форму, то есть отражение отражения, но и это было слишком и чересчур. Блестящие громадины проносились мимо в стольких направлениях, что я терялся. Они приближались и одновременно удалялись, плавно и безостановочно меняли форму, отчего напоминали не машину и не явление природы, а амебу-протея. Чувствовались ужасающая скорость и ужасающая неподвижность, словно «Лентяй» метался, оказавшись во власти бури, и при этом поднимал бурю сам, застыв в ее безмятежном глазу. Либо я лицезрел Пустошь, либо мы еще не выбрались из червоточины.

«Это дело рук Предтеч, — подумал я. — Мы предположили, что их наука на много уровней выше

нашей, когда наблюдали за мирами-кольцами и древними сфинксоподобными машинами, вращающимися вокруг центральной черной дыры Млечного Пути, а на деле даже представить не могли их истинных способностей». От такого вывода мой разум захотел забиться вглубь черепа — пусть эта Вселенная исчезнет! За шесть миллионов лет мы не коснулись и малой части возможного, едва понимали, что есть чего касаться.

Я хотел снова погрузиться в стазис, но не представлял, сколько еще нужно спать, поэтому выбрал синхросок. Кратность замедления я поставил на десять, чтобы следить за внешним временем и оперативно реагировать на внешние события. Через три часа под действием сока, то есть через тридцать часов корабельного времени, я получил сообщение от объекта, который, по осторожной оценке «Лентяя», находился перед нами.

Прислал сообщение Геспер. Частота сигнала постоянно варьировалась, словно «Серебряные крылья» ежесекундно меняли скорость — то убегали от меня на половине световой скорости, то замедлялись до четверти. Я мог объяснить это только большой эластичностью пространства-

времени между нашими кораблями.

— Лихнис, надеюсь, ты меня слышишь. Ты у меня в зоне оклика, значит часть основных функций «Лентяй» сохранил. Задержка времени между нашими кораблями постоянно меняется, в любую секунду мы можем оказаться вне зоны сигнала. К сожалению, «Серебряные крылья» сильно пострадали на конечном этапе пролета через звездамбу и на входе в червоточину. Я пытаюсь стабилизировать состояние корабля и усилить основные системы, но мешает блокировка, которую установил Каскад. Не знаю, как скоро мы вернемся в открытый космос, но боюсь, выход получится не легче входа. Может, тебе будет проще, ведь «Лентяй» меньше и проворнее. Я очень постараюсь защитить Портулак, но гарантировать ничего не могу.

— Я цел и невредим, — ответил я. — «Лентяй» в прекрасном состоянии, только сориентироваться не может.

Ответ поступил сорок минут спустя:

— Отличные новости, Лихнис! Однако рекомендую при первой же возможности снова погрузиться в стазис. Настрой свою камеру так, чтобы я разбудил тебя, когда решу, что наши корабли в безопасности.

— Спасибо, Геспер, но мне и так неплохо.

На сей раз ответ пришел через девяносто секунд:

— Решать тебе, Лихнис. Тем не менее, едва почувствую, что возвращаюсь в открытый космос, я дам тебе сигнал. Возможно, ты успеешь защититься, прежде чем «Лентяй» столкнется с проблемами.

— С другой стороны что-нибудь выходило? Ты сам видел?

Теперь ответ я получил через одиннадцать минут, смещенным в красную сторону почти до невразумительности.

— Учитывая беспорядочное состояние окружающей среды, понятие «с другой стороны» весьма неопределенно, но я тебя понял. Других физических тел в червоточине не обнаружено. Единственные два корабля — наши. Тебя, несомненно, интересуют Первые Роботы.

— Да, мне приходило в голову, что флотилий захватчиков, рвущихся к нам в галактику, почему-то не видно.

— Лихнис, ты так долго молчал, что я заволновался, — пять секунд спустя проговорил Геспер. — Очень хорошо, что ты жив. Твое замечание полностью обоснованно. Может, окончательные

выводы делать преждевременно, но отсутствие летательных аппаратов, не говоря уже о косвенных доказательствах присутствия Первых Роботов, в самом деле… удивительно.

— Интересно, что сейчас сказали бы Каскад и Каденция, будь они живы?

— Полагаю, они… рассердились бы.

— Первые Роботы существовали. Это сомнений не вызывает.

— Лихнис, я встречал их, — ответил Геспер одиннадцать минут спустя. — Очень давно, но не думаю, что память меня подводит.

— Не представляю, как ты мог их встречать, зато уверен, вам с Портулак есть что рассказать мне. Вопросов у меня целое море, но самый важный очевиден: где Первые Роботы?

— Может, мы разберемся в этом на выходе из червоточины, — через пятнадцать секунд отозвался Геспер.

— Как думаешь, что мы увидим на Андромеде? Сможем существовать в Пустоши?

— Каскад и Каденция наверняка рассчитывали, что смогут, иначе не задали бы этот курс «Серебряным крыльям», — пришел ответ Геспера через девятнадцать часов двадцать две минуты. И сразу: — Но они же были роботами, возможно,

это повлияло на их рассуждения.

Я улыбнулся этим малоутешительным словам:

— По-твоему, какую цель они перед собой ставили?

— Встретить Первых Роботов, — долетело шесть часов спустя. — Прикоснуться к божеству. Лихнис, я же заглядывал в разум Каденции. Для нее это было паломничеством, долгим путешествием к святому месту. Я что-то чувствую, — добавил Геспер. — Окружающая среда меняется. Наверное, ты тоже это ощутил. Думаю, мы приближаемся к выходу в открытый космос. Лихнис, тебе следует скорее погрузиться в стазис. Я не могу…

Связь оборвалась резко и полностью. «Серебряные крылья» не издавали даже несущего сигнала.

— Геспер!

Ответа не последовало. Я прождал минуту, десять минут, потом перебросился к стазокамере, задал продолжительность сто часов при кратности замедления в один миллион и доверил себя аппаратуре.

Звездный хребет изгибался в небе, неярко освещенном миллиардами солнц, у которых не было человеческих названий. Вспомнилось низкое небо над планетой кентавров, вкус крепкого

вина на моих губах. Тем вечером мы с Портулак сидели у бухты, смотрели, как плавает доктор Менинкс, и сильно переживали, не зная, согласится ли мистер Небьюли купить мою космотеку. И тогда и сейчас над нами висел многокостный хребет Млечного Пути, только теперь это был другой Млечный Путь, принадлежащий другой галактике. Он казался до боли знакомым, хотя от родной системы меня отделяло два с половиной миллиона лет. Одна звездная рощица может напоминать другую, вот только лес уже не тот.

Я знал, что меня куда-то занесло, а не швырнуло в другую точку родного пространства или времени. Окружающая среда казалась знакомой, но лишь в целом. «Лентяй» искал голоса пульсаров, но известных не слышал. Пульсары в этом галактическом диске были, но ни один не вращался на нужной частоте. Даже с учетом замедления в тысячу лет, даже в десять тысяч лет ни один из них не соответствовал ожидаемым параметрам. То же самое относилось к ярчайшим звездам — дома они окружены звездамбами. Ни одной из них на моих картах не было. Я попал в терра инкогнита.

Однако не совсем. До появления Пустоши Андромеда существовала миллионы лет и неизученной, разумеется, не осталась. В космотеках

имелась информация о населении ее звезд, о пульсарах, о шаровых звездных скоплениях, даже о типе и местоположении отдельных планет. Может, со временем навигационная система «Лентяя» и могла разобраться в путанице старых данных, экстраполировать их, сопоставить с нынешними наблюдениями и приблизительно определить, где мы находимся.

Рано или поздно я понял бы, куда попал, даже без помощи окрестных галактических вех. В конце концов, я по-прежнему был в Местной Группе. Я велел «Лентяю» разыскать Млечный Путь, любые другие галактики Местной Группы и триангулировать наше текущее местоположение. Пусть будет с точностью до тысяч световых лет — мне бы только понять, в каком спиральном рукаве я нахожусь.

«Лентяй» взялся за дело, а я в ожидании его ответа огляделся по сторонам: ну, что тут интересного? Следов Геспера или «Серебряных крыльев» нигде не было. Плохо это или хорошо, я не знал. Наверное, лучше, чем наткнуться на обломок корабля, но ненамного. Космос молчал, если не считать бессмысленного свиста и стрекота радиозвезд и квазаров. Знакомая мне галактика ежесекундно оглашалась человеческой болтов-

ней, эта же напоминала мавзолей.

«Лентяй» все еще решал мою задачу.

Я заметил планету — она удалялась от нас на скорости в одну треть световой. Солнца при ней не было — либо из-за намеренного перемещения в межзвездное пространство, либо из-за выброса из системы после давней гравитационной встречи. Безвоздушная, изъеденная кратерами планета освещалась лишь звездами. Зато вокруг нее что-то вращалось — пятно пространственного искажения, разверстая пасть червоточины, которая привела меня сюда. Устройство Предтеч, открывавшее пасть, представлялось невообразимым совершенством — его же простым глазом не увидишь. Я велел «Лентяю» вычислить точную траекторию движения планеты, чтобы найти ее снова. Потом спросил, почему так сложно триангулировать Местную Группу.

«Лентяй» пожаловался, что не может найти мою родную галактику. Там, где ей следовало находиться (судя по предполагаемым характеристикам других галактик), был только черный овал в обрамлении россыпи звезд.

Вторая Пустошь.

Шокированный возможными последствиями этого открытия, я отбросил предрассудки и велел

«Лентяю» триангулировать, исходя из того что вторая Пустошь — моя родная галактика. На сей раз ответ был дан моментально.

Я попал на Андромеду. Мое местоположение определялось с точностью до кубического объема с гранью в тысячу световых лет. Теперь «Лентяй» смог даже найти окружающие нас ориентиры. В шести тысячах лет к галактическому центру находился известный космотеке звездный инкубатор, в котором до сих пор рождались новые планеты и звезды. Еще через тридцать тысяч лет — нейтронная звезда, близкая родственница нашей SS 433[5].

А я не мог сообразить, почему все вокруг так знакомо. Куда ни глянь, везде нормальные звезды нормальными скоплениями движутся по нормальным орбитам. За звездами я наблюдал шаровые скопления, галактики-спутники Андромеды и другие, еще более дальние галактики; за Местной Группой видел необъятность Местного Скопления, а за ним — основу структуры Вселенной, галактические войды и суперскопления; за

[5] Примечания: 5

SS 433 — затменная рентгеновская двойная система, один из компонентов которой, предположительно, черная дыра или, что менее вероятно, нейтронная звезда. Второй компонент, вероятно звезда спектрального класса A SS 433, — первый открытый микроквазар.

самыми дальними суперскоплениями слышал трели квазаров, смещенных в красную сторону, и мерный свист фонового космического излучения. Все было в порядке. Все в норме.

Никаких признаков Пустоши. Ни черного тумана, застилающего все вокруг, ни черной пелены, отгораживающей галактику от Вселенной.

Теперь я понял, что все наши теории о Пустоши ошибочны. Она не то, что мы предполагали, совершенно не то. Мы и насчет Первых Роботов ошиблись. О них не было ни слуху ни духу.

«Но ведь червоточину кто-то реактивировал», — напомнил я себе.

Вскоре я уловил сигнал Горечавки. Удручающе слабый, но среди бессмысленного космического шума, стрекота и шипения ловился он элементарно. Если верить его координатам, сигнал исходил из системы в трех с лишним тысячах световых лет от моего нынешнего местонахождения. Чтобы не надеяться впустую, я сразу сказал себе, что это не Портулак. Если «Серебряные крылья» не вылетели из другой горловины червоточины, так быстро в такую даль она улететь не могла.

Только других вариантов и зацепок не было, и я приказал «Лентяю» следовать за сигналом.

Сто пятьдесят лет перелета по корабельному

времени сжались стазисом в несколько минут — можно было и с синхросоком не возиться. Сигнал усиливался, но частоту не менял, если не считать циклического изменения, вызванного вращением планеты вокруг звезды, хотя порой слабел, точно его блокировал некий объект. Похоже, его источник сигнала вращался вместе с планетой — либо находился на ее поверхности, либо на корабле двигался по той же орбите. Снова и снова я запрещал себе надеяться, что это Портулак, но не мог понять, откуда на Андромеде сообщение с характеристиками Горечавок. Вряд ли кто-то обнаружил в межгалактическом пространстве наше старое — протоколы были вполне современными.

До сих пор я не встретил доказательств существования Первых Роботов — лишь косвенные свидетельства, оставшиеся от Предтеч Андромеды. Однако вблизи целевой системы «Лентяй», по-прежнему летевший чуть медленнее световой скорости, различил сооружения, размером напоминающие артефакты Предтеч, задокументированные в космотеках. Сооружения парили в пространстве неподалеку от звезды. Осторожность уговаривала сбавить скорость, что я и сделал в шести световых месяцах от

источника сигнала, предвкушая невероятное, ошеломляющее зрелище. Его авторы роботы или биологические существа, я не знал. Зато понимал, что на его фоне величайшие творения Горечавок — топорные поделки пещерного человека. Мы гордились звездамбами, хотя их компоненты создали другие, а Горечавки лишь устанавливали. Мы считали, что ловко используем червоточины, а сами едва понимали их устройство.

Я приближался не к системе, а к памятнику божественному интеллекту и божественным способностям. Он низвергал амбиции Горечавок. Он потешался над нашими «достижениями».

Система представляла собой трехмерную модель Солнечной системы из Платоновых тел. Каждый из пяти многогранников — октаэдр, икосаэдр, додекаэдр, тетраэдр и куб — был вписан в одну сферу и описан вокруг другой, а каждая из сфер являлась сетчатым шаром. Толще звезд, гораздо толще планет, балки огромной конструкции растянулись на множество световых минут, а наружная сфера диаметром превышала наибольшую из возведенных Горечавками звездамб. Многогранники вращались, каждые два соседних в противоположные стороны. Внутри этой огромной пульсирующей конструкции скрывалась

единственная планета системы. Я еще сбросил скорость и принялся наблюдать, как планета, не отклоняясь от орбиты, мелькает в просветах между балками. Модель получилась достаточно плотной, чтобы скрывать ее из виду и блокировать сигнал, но при этом практически невесомой. Я гадал, из чего она. Из стабилизированной материи лезии, которую оставили гамма-пушки?

«Лентяй» сбавил скорость до двадцати процентов световой, до десяти, до пяти… С тех пор как пошел на сближение, я сам посылал опознавательный сигнал Горечавки, чтобы предупредить о своем появлении, но ответа не получал. Вот уже шесть тысяч лет мой корабль принимал сигнал с одними и теми же характеристиками.

На скорости в один процент световой «Лентяй» прошел сквозь оболочку самого большого шара. Я проник под внешний слой и стал ждать какой-нибудь реакции, но ее не последовало ни от модели, ни от планеты, ни от источника сигнала. К тому времени я уже определил, что источник этот находится на поверхности или в пределах атмосферы. На планете присутствовали вода и растительность, а в атмосфере — кислород. «Лентяй» уже заверил, правда с определенными оговорками, что я смог бы там жить.

Я пересек куб, тетраэдр и оказался внутри додекаэдра. Там и проходила орбита планеты, балки она прорезала, как проволока дерево. Звезда системы была на шесть световых минут дальше — уместилась между двумя наименьшими многогранниками и окружающими их шарами. Точно фонарь за прутьями кружащейся клетки, она отбрасывала на Вселенную целый театр теней.

Я сосредоточил внимание на планете, понизив скорость до тысячи километров в секунду. Континенты и океаны я видел и из межзвездного пространства, но сейчас рассмотрел рельеф поверхности. Планета двигалась по орбите — один оборот за двадцать четыре часа, словно ее контролировали люди. «Лентяй» корректировал карты и изучал данные, выискивая признаки технологической активности.

Тут я и обнаружил обломок «Серебряных крыльев зари». Корабль парил чуть выше уровня, на котором трение атмосферы низвергло бы его на планету.

Когда обломок был опознан, у меня чуть сердце не остановилось. Я видел, как этот величественный корабль отмахивался от домогательства местных цивилизаций, не удосуживаясь заметить их оружие. Я едва не отстал, когда «Крылья»

нырнули в звездамбу, не тревожась об опасности заданного курса. Я наблюдал, как корабль Портулак снижается к океанам тысячи планет, как возносится над ними. Я настолько отождествлял его с любимой, что содрогался от его нынешнего состояния.

Похоже, прилет на эту планету стал последним действием «Серебряных крыльев». Судя по масштабу повреждений, теперь они вряд ли могли развить скорость и в малую долю световой. От корабля оторвало километровые куски, в том числе и зону двигателя. Одно приподнятое, изогнутое лебединое крыло смялось, а другое просто-напросто отсутствовало. Из тускло-серебристого корпус превратился в черный, за исключением участков, где проступили скрытые прежде детали. Как ни принюхивался «Лентяй», энергии в мертвом двадцатипятикилометровом обломке не почувствовал. Я понимал, что могу послать туда зонды, только вряд ли они обнаружат признаки жизни. Интуиция подсказывала: убаюканной стазисом Портулак в чреве обломка нет. Чтобы не осталось сомнений, следовало организовать поиски, но сумею ли я дождаться результата?

А если снова окликнуть?

«Геспер! Геспер или Портулак! Это Лихнис!»

Никто не ответил, хотя звал я целых десять часов.

После этого я сосредоточился на поверхности планеты и на источнике сигнала Горечавки. Вообще-то, я и не забывал про него, просто «Лентяй» уже осмотрел центр вещания и признаков организованной деятельности не нашел. Что-то генерировало этот сигнал, но мне оставалось предполагать, что в последний момент «Крылья» сбросили маяк, объявив безымянную планету территорией Горечавок.

Тем не менее я счел нужным проверить.

Я спустил «Лентяя» в атмосферу и оказался в пригодном для дыхания воздухе впервые с тех пор, как покинул Невму. Мой корабль прошил клубящиеся тропические облака и полетел над густыми джунглями, которые тянулись на тысячи километров, от одного горизонта до другого. Откуда взялась эта одинокая планетка? Она — единственное напоминание о системе, которая стала сырьем для невесомых Платоновых тел? Или родилась у другой звезды, в противоположном конце этой пустой галактики? Кто выпестовал ее до такого биологического плодородия? Когда оно наступило, миллионы или миллиарды лет назад?

Местонахождение сигнала Горечавки удалось определить с точностью до нескольких километров. Сузить зону поиска «Лентяй» не мог. «Неужели источник сигнала столь велик?» — подумал я. На поверхности таких больших устройств не просматривалось. Я снизил скорость до километра в секунду и внимательно изучил местность, надеясь увидеть нечто, незаметное из космоса. Джунгли расступились, сменившись ровными плато, разделенными глубокими ущельями. Они возвышались над густыми лесами, но на каменистых склонах растительности не было. На одних плато образовались собственные микроэкосистемы — дождевая вода из прудов стекала тонкими искрящимися струйками, другие казались сухими и безжизненными. Судя по данным «Лентяя», сигнал Горечавки поступал с голого плато.

В ста метрах от поверхности я перевел корабль в режим зависания. Сесть он не мог — был слишком велик и опасно выдавался бы за края. Я не надел скафандр, доверившись утверждениям «Лентяя», что быстро и окончательно местная атмосфера меня не убьет, спустил трап и сошел на поверхность планеты лишь в траурном одеянии. «Лентяй» тут же втянул трап и набрал такую высоту, что превратился в пятно размером

с ладонь. В лицо мне ударил теплый, напоенный ароматами ветер. В воздухе носились пыльца и микроорганизмы, на которые тотчас отреагировали древние системы защиты. Я вытер нос рукавом, подошел к краю скалы — теперь от крошащегося выступа меня отделял один шаг — и подумал о долгом падении Минуарции. «Лентяй» отлетел достаточно далеко, чтобы не успеть оперативно отреагировать и прийти на помощь, если я потеряю равновесие. Теплый ветер поменял направление, угрожая смахнуть меня со скалы, а не оттолкнуть от края, и я отступил с трусливой поспешностью.

— Лихнис, присядем на минутку.

Голос напугал по двум причинам: во-первых, я не думал, что меня потревожат; во-вторых, не ждал, что ко мне обратятся на трансе человеческим голосом, который я не узна́ю. Ни Гесперу, ни Портулак голос не принадлежал. Я медленно обернулся — говорящий подобрался ко мне сзади. А я-то считал, что нахожусь на плато один. Хорошо еще, что не взял энергетический пистолет, не то наверняка выстрелил бы.

Ко мне шел человек — и в то же время нечеловек. Держался он спокойно и дружелюбно, даже поднял руку в знак приветствия. Он сгущался

из воздуха и с каждым шагом становился все материальнее, а когда приблизился, я увидел, что состоит он из тысяч стеклянных шариков такого же размера, какими я играл в бытность Абигейл. Шарики слетались с разных сторон и складывались в мужскую фигуру. Прежде они были в воздухе и могли обнаружиться только по сигналу, который издавали. Ко мне шел агрегат устройств наподобие Фантома Воздуха.

— Кто вы? — спросил я.

— Еще раз предлагаю, давай присядем на минутку. — Стеклянный тип уселся на краю скалы, свесив ноги в пропасть. Теперь он был в нескольких метрах слева от меня и похлопал по камням, приглашая занять место рядом, — стеклянная ладонь зазвенела. — Давай-давай! — проговорил он так же спокойно и приветливо, только в чересчур человеческом, чересчур добродушном голосе таилось нечто, не позволявшее мне ослушаться. — Других-то дел у тебя нет, верно, шаттерлинг?

Стеклянный был прав. Я прилетел сюда за Портулак и за ответами. Если ее нет, придется довольствоваться одними ответами. Я осторожно сел рядом с ним и свесил ноги, отчетливо понимая, насколько шатко — во всех смыслах — мое

положение.

— Позволю себе еще раз спросить: кто вы?

— Ты и сам знаешь. Ты рассчитывал найти нас в этой галактике, но не застал. Здесь один я, последний из Первых Роботов.

— Так вас называла только Портулак.

— Портулак сказала Гесперу, и тот запомнил ее слова, — уточнил стеклянный тип.

— Значит, вы разговаривали с ним?

— Не совсем. Сюда Геспер добрался в очень плохом состоянии. Переход получился тяжелым. Ты же видел корабль.

— Что с Геспером?

— Он упал на поверхность планеты. Сгруппироваться успел, но разум его к моменту моего появления почти погиб. Я забрал остатки его воспоминаний, хотя бóльшую их часть он уничтожил. Это все, что я мог сделать для личности Геспера. — Стеклянный замолчал, словно поминая погибшего собрата. Я ждал продолжения и смотрел на расселину, отделяющую нас от отвесной стены соседнего плато. Джунгли окутал туман, приглушая шум далекого водопада. — Очень жаль, — наконец сказал стеклянный тип. — Нам с ним было бы что обсудить и что вспомнить. Мне всегда нравилась его компания.

— Вы не могли знать Геспера. Он был роботом. Ваш народ истребили за миллион лет до появления людей-машин.

— Ты ошибаешься, шаттерлинг. Хотя твоей вины тут нет — тебе известны далеко не все факты. Геспер был не только роботом, но и Абрахамом Вальмиком, человеком, рожденным на Золотом Часе. Когда появились Первые Роботы, Вальмик стал нам верным другом. Мы звали его Заступником, очень ценили и надеялись, что он поможет наладить доверительные отношения между двумя формами жизни. Увы, не получилось, только Вальмика упрекнуть не в чем — он сделал все, что мог, и мы были ему благодарны.

— Правда, что мы истребили Первых Роботов?

— Вы искали возможность убить нас, держать кинжал у наших сердец. Увы, рука дрогнула, кинжал сделал свое черное дело. Произошло все случайно, однако это не умаляет отвратительности того, что вы вообще подняли его против нас. — Стеклянный тип прижал ладонь к сердцу. — Иным повезло оказаться в безопасном отдалении от центра нашей цивилизации. Они бежали, приспособились, нивелировали угрозу. Я был в числе последних. Мы укрылись на Андромеде и решили, что, если не трогать галактику

биологических существ, они оставят нас в покое.

— Мы забыли о преступлении, — проговорил я. — А потом появились люди-машины.

— Да. Бойкий народ. Думаешь, из них выйдет толк? — спросил стеклянный тип, словно его впрямь интересовал мой ответ. — А то у нас и надежды и опасения.

— По-моему, они хотят нас уничтожить.

— Ты ставишь им это в вину? Должен отметить, что вы продемонстрировали явную склонность к истреблению роботов. Люди-машины имеют все основания принять меры предосторожности, согласен?

— Не знаю. Линии совершили злодейское преступление, потом стерли его из истории. Вы считаете, других представителей нашей метацивилизации надо призвать к ответственности за то, о чем они даже не слышали, не говоря об их неучастии?

— Хороший вопрос.

— Мы думали, что Первые Роботы проникнут к нам через червоточину и помогут машинному народу. На это рассчитывали Каскад и Каденция.

— Да, Каскад и Каденция, — с неприязнью повторил стеклянный тип. — О них я знаю из воспоминаний Геспера. Ну так что, шаттерлинг?

Узрел полчища Первых Роботов, готовых прорваться сквозь звездамбу и истреблять вас так же, как истребляли вы? Увидел, как жаждем мы мести, самого бессмысленного из биологических побуждений?

— Помимо этой системы, я вообще особо ничего не увидел. Андромеда кажется заброшенной.

— А ты ожидал другого?

— Мы считали Пустошь результатом организованных действий Предтеч Андромеды. Когда я узнал про Первых Роботов, то решил, что Пустошь — их работа. Но здесь нет ничего, только миллиарды мертвых систем. Может, вы прячетесь, может, маскируетесь — если так, то делаете это мастерски. Из отчета космонавигатора я знаю, что это Андромеда, однако все здесь выглядит абсолютно нормально. Вселенная просматривается целиком, но, если взглянуть в направлении нашей галактики, видна другая Пустошь.

— Ты прав лишь в одном, — отозвался стеклянный тип, — Пустошь — результат организованных действий. Реактивация каналов червоточин — последнее, что сделали Первые Роботы, прежде чем уйти.

— Не понимаю.

— Дело в сохранении каузальности. То, что вы

считали Пустошью Андромеды, не более чем барьер, пропускающий инфопоток только в одну сторону. Андромеда на месте. Когда ты смотришь на край Вселенной, то фиксируешь фотоны, которые прошли через барьер в разрешенном направлении. По той же причине ни фотонам, ни другим частицам — носителям информации не позволено покидать Андромеду. Ты видишь темную оболочку, закрывающую всю галактику, за исключением внешних звезд, которые оказались за ее пределами. Гравитационное поле галактики за барьер проникает, но оно статично и никакой информации не несет.

— А как насчет нашей галактики?

— Действуют те же принципы. Когда реактивировали каналы червоточин и стал возможен сверхсветовой обмен информацией между галактиками, пришлось отгораживаться от Вселенной. Сейчас ты извне видишь Пустошь Млечного Пути, существует она с тех же пор, что и Пустошь Андромеды. Просто вы беспрепятственно получали внешние сигналы и не подозревали о барьере.

— Но ведь мы не улетели бы из галактики. Через барьер ни сигнал, ни корабль не пройдет.

— Шаттерлинг, а Линии посылали корабли в межгалактическое пространство?

— Не знаю, ни об одном не слышал.

— Тогда объясню. Пустошь — барьер, который без нарушения постулата каузальности делает возможным сверхсветовое перемещение между двумя точками в космосе, удаленными друг от друга на миллионы лет. Вселенная вне этих двух точек законам сверхсветового перемещения не подчиняется.

— Вы создали Пустоши или только реактивировали?

— Вот тебе информация к размышлению. Машинный интеллект существует пять миллионов лет. Предтечи, которые создали систему червоточин, миллиарды лет управляли материей и энергией на космологическом уровне. Но и для них Пустоши наверняка стали чрезвычайно трудной задачей. Мы понимаем, как Пустоши работают, а как Предтечи их создали — до сих пор не представляем.

— Оборотная сторона межгалактических перемещений в том, что никуда дальше мы не попадем. К этому вы клоните?

— Ничего подобного я не говорил. Думаешь, ты прибыл сюда по единственной червоточине на всей Андромеде? Есть другие, много других. Мы потратили немало времени, чтобы определить и

зафиксировать для себя их местоположение. — Стеклянный тип поднял руку, показывая на небесную зону к западу от медленно садящегося солнца. — Ночью ты увидел бы Пустошь Волопаса, до нее двести пятьдесят миллионов световых лет, другими словами — в сто раз больше, чем пролетел ты. Это одна из самых протяженных Пустошей видимой Вселенной, огромная безгалактическая область, абсолютнейший войд. Но вообрази, что в том мраке есть галактики, каждая спрятана за собственной Пустошью и связана с ближайшей каналом сверхсветовой червоточины. Только представь, Лихнис, представь огромную, многотысячную сеть галактик, равную целому суперскоплению.

— Пустоши видны. Они блокируют свет микроволнового фона.

— Может быть. — Стеклянный тип отмахнулся, словно счел мое замечание совершенно неинтересным. — У Первых Роботов есть другие теории, согласно которым суперцивилизация может делать Пустоши невидимыми, если сочтет нужным. На практике мы таких высот еще не достигли, но кто знает, что станет возможным через миллион или миллиард лет. Червоточины еще просыпаются после долгого бездействия. Во время перехода

ты наверняка заметил, как сильно и непредсказуемо меняется пространство-время. Пустошь тоже лишь приближается к своему окончательному состоянию.

Я хотел было вставить слово, но стеклянный тип перебил:

— Смысл в том, что космос безграничен. Я — последний из Первых Роботов, но это лишь потому, что сам решил остаться. Мои собратья покинули Андромеду по исходящим каналам, решив улететь по ним как можно дальше. Почти уверен, что они уже за Местной Группой, если еще не достигли Пустоши Волопаса.

— Что они надеются там найти?

— Нечто больше и лучше себя. Ты же видел, что́ при желании мы можем сотворить с материей. Как тебе наша модель Кеплера?

— Если честно, она вызывает у меня страх.

— Так же, как у нас суперцивилизация Волопаса, если она существует.

— Вы полетите туда? — спросил я, наблюдая за туманом, поднимающимся из расселины.

— Вполне возможно, когда закончу здешние дела. Хватит с меня Андромеды.

— А мы? Вы накажете нас за содеянное?

Стеклянный положил шариковую ладонь мне

на спину:

— Ты впрямь думаешь, что нас интересует наказание?

— Мы едва вас не истребили.

— Верно, и это непростительно. Однако мы даруем вам прощение. Зачем быть суперцивилизацией, если изредка не позволять себе такое? Я мог бы столкнуть тебя со скалы и смотреть, как ты летишь в пропасть. Определенное удовольствие я, наверное, получил бы, памятуя, как вы с нами поступили. Только разве это поможет мне достичь истинных целей?

Шариковая ладонь перестала давить, и я чуть подался назад:

— Такого я не ожидал.

— Сюрпризы — это всегда здорово. Разумные существа вроде нас с тобой ради них и живут. — Стеклянный тип рывком поднялся на ноги. — Шаттерлинг, эта галактика нам почти не нужна, забирайте ее. А вот в сеть червоточин за нами лучше не лезть. Хотя бы пару миллионов лет, ну, не пару, а пять-десять. Потом поговорим как метацивилизация с метацивилизацией. Пока постарайтесь не слишком испортить эту галактику. Каким там словом вы этот процесс называете? Перерождение? Должен быть способ

получше, согласен?

— Не знаю, — искренне ответил я. — Мы до сих пор копошимся во мраке, пытаемся понять, что значит быть гражданами галактики.

— Ты прав, вам пока рановато. Я не должен быть слишком строг.

— Неужели будет война? Между нами и людьми-машинами?

— Возможно, она уже началась. После тебя в червоточину никто не проникал. Но раз ты прилетел сюда на скорости чуть ниже световой, не исключено, что следом придут и другие. Возможно, они уже потянулись; возможно, потянутся через тысячелетия; возможно, звездамба закрылась. При любом раскладе не сомневаюсь: времена грядут интереснейшие.

— Макровойна охватит весь Млечный Путь?

— Почему непременно так? Войну, даже если она разразится, можно остановить. Враги среди машинного народа у вас определенно есть, но есть и друзья, и сочувствующие вроде Геспера. В этом отношении не считай его уникумом. Прогрессивным элементам человеческой метацивилизации стоит сделать шаг навстречу жителям Машинного пространства. Линии должны занять активную позицию, даже некая

истерзанная потерями Линия, у шаттерлингов которой руки в крови.

— Линия Горечавки?

— Именно.

— Нам конец. Насколько мне известно, я — последний из шаттерлингов.

— Лихнис, ты ошибаешься.

Стеклянный тип начал распадаться на шарики, которые разлетались и таяли в воздухе. Рассыпающейся рукой он коснулся своего лба:

— Что же я раньше не сказал?! Когда ты прошел через червоточину? Чуть более трех тысячелетий назад?

— Примерно тогда, — кивнул я, почуяв недоброе.

— «Серебряные крылья зари» попали к нам намного раньше. Корабль был сильно поврежден переходом и не способен на высокие скорости. На орбиту этой планеты он вышел семнадцать с половиной тысячелетий назад.

Мне показалось, что каменный выступ наконец рухнул, а с ним и мои надежды. Они поманили меня, как солнце, которое, выглянув из-за облаков, мгновенно озаряет все вокруг. Теперь облака сгустились снова и превратились в тучи.

— Не понимаю.

— Я говорил, что червоточину еще лихорадит. Такое бывает. Вы справитесь. С глубоким временем вы уже сталкивались.

— Про Геспера вы рассказали. А что случилось с Портулак? Вы нашли ее в стазисе?

— Я нашел робота. Он упал из космоса, спасаясь с гибнущего корабля. На борту «Серебряных крыльев» стало невозможно существовать — из-за угрозы детонации двигателя даже стазис уже не был безопасным. Насколько я разобрался в воспоминаниях Геспера, он не мог ни посадить корабль, ни спуститься сюда на шаттле.

«Крылья» занесли Геспера в такую даль, а он так и не добился контроля над основными функциями корабля. Летели они явно не на сигнал Горечавки, значит притягивал их первый попавшийся аналог сознательной деятельности — модель Солнечной системы из пяти Платоновых тел с мудрено загороженной звездой.

— Он взял Портулак с собой?

— Шаттерлинг, я покажу тебе робота, — может, заинтересуешься. Много времени это не займет — он в джунглях у подножия плато. — Стеклянный тип поманил меня за край обрыва. — Прыгай.

— Что?

— Ты знаешь другой способ туда спуститься?

«Лентяй» слишком велик и неповоротлив — на него не уповай. Не бойся и помни: я тебя поймаю.

— Я должен поверить вам на слово?

— Да, — кивнул стеклянный. — Суть в этом. Отныне доверия должно быть не в пример больше. Ну что, пошли, раз решили?

Я закрыл глаза. Вдруг это и есть наказание? Вдруг Первые Роботы оставили стеклянного типа мучить последнего живого представителя человечества, решив отомстить не всей метацивилизации, а одному мне?

Однако Гесперо говорил, что месть — удел биологических существ. Роботы решают вопросы иначе.

Я шагнул в пустоту.

«Обманули», — подумал я, на миг повиснув в невесомости.

В следующий момент стеклянный тип поймал меня в падении, так же как Фантом Воздуха на Невме. Шарики поддерживали мне руки, спину, ноги.

Сквозь туман меня опустили в зеленый мрак джунглей неподалеку от ревущего водопада. Среди пышной флоры я не увидел фауну — никого с разумом и пастью. Тишину леса нарушали

только шелест листьев, скрип старых деревьев и мерный плеск падающей воды, похожий на шипение миллионов квазаров. По воздуху мы приблизились к поляне у основания плато. Здесь туман был белым потолком, в котором мелькали то небо, то отвесный склон.

Приземлился я мягко. Поляна поросла… неужели травой? Да, сочной и росистой трава бывает даже на Андромеде. На траве лежал стеклянный шар метров трех в диаметре, а в нем покоился распростертый золотой силуэт.

— Геспер по-прежнему в стазисе, — объяснил стеклянный тип, собираясь в человеческую фигуру. — Он спит уже семнадцать тысячелетий, хотя для него прошло менее шести дней.

— А где устройство? Я не вижу стазокамеры.

— И не увидишь. — По мановению стеклянной руки стазопузырь лопнул, и искореженное тело Геспера плавно опустилось на траву. — Время можно сжимать куда проще. Рано или поздно вы поймете как и удивитесь, что прежде доставляли себе такие хлопоты.

Переломало Геспера основательно. Золотая броня стала черной и бесформенной, словно плавилась и снова застывала. Местами она растрескалась, как старая картина, местами бле-

стела, как янтарь. Геспер казался больше, чем мне помнилось, — не золотой человек, а человекообразный золотой саркофаг. Его руки прикипели к бокам, ноги слились воедино. Раздутая голова казалась безжизненной, расплывшееся лицо весьма отдаленно напоминало человеческое. Глаза исчезли. Панели над ушами потемнели, но я видел, что огоньки за ним не горят.

— Вы сказали, что Геспер погиб, — напомнил я, — что от его личности ничего не осталось.

— Так и есть.

— Тогда зачем погружать его в стазис?

— Ради того, что внутри его. Я упомянул, что Геспер пожертвовал своими высшими функциями и намеренно уничтожил значительную часть воспоминаний. Он сделал это не просто так, а чтобы освободить место для той, которую ценил больше всего. — Стеклянный тип кивнул моим мыслям, словно читал их без труда. — Геспер стал доспехами, Лихнис, перестроил себя, чтобы уберечь Портулак при падении на эту планету. Решение защитить ее стало одним из последних, принятых им в полном сознании.

Ноги мои задрожали, и я рухнул на колени рядом с распростертым золотым телом:

— Она внутри его?

— Под броней человеческая особь женского пола. Особь жива, хотя погружена в кому. Я не специалист в таких вопросах, но, по-моему, особь не пострадала. Разумеется, это может быть не Портулак, но в силу имеющихся доказательств…

Я закрыл глаза и зарыдал в три ручья — со слезами вытекали страхи и наихудшие опасения. Как я жалел Геспера, как благодарен был ему за бесценный груз, который он сохранил…

— Мне… нужно… снять броню, — пролепетал я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Я помогу тебе, — пообещал стеклянный тип, глядя, как я тщетно колупаю швы золотой маски. — А потом мне, к сожалению, придется тебя покинуть.

Ночи белладонны

Лихнис занимал мои мысли задолго до того, как я обнаружила оставленные им под моей дверью цветы.

По обычаю Линии Мимозы мы приглашали на наши сборы свидетелей. Всю тысячу ночей празднества среди нас присутствовали несколько десятков гостей, загружая в нашу общую память воспоминания и впечатления, собранные за двести тысяч лет странствий по галактике.

Они прибывали из самых дальних уголков космоса, их корабли делили орбиты с нашими девятьюстами девяноста девятью кораблями. Некоторые принадлежали к иным Линиям — Бархатниц, Чеканов и Марцеллинов, — в то время как другие представляли более или менее устоявшиеся планетарные и звездные цивилизации. Среди них были посланники кентавров, Спасателей и Канопус-Солидарности, а также представители машинного народа. Наша Линия одна из немногих поддерживала дружеские связи с роботами Кольца Единорога.

В числе гостей был и Лихнис, единственный

представитель Линии Горечавки, из старейших в Союзе. Линия Горечавки уходила корнями в Золотой Час, первое тысячелетие космической эры человечества. Лихнис пользовался популярностью, постоянно пребывая в чьем-либо обществе. Он держался приветливо и непринужденно среди незнакомцев, и ему всегда было что рассказать; но точно так же он охотно выслушивал наши истории, кивая и смеясь в нужных местах. Его худощавая фигура не бросалась в глаза, а улыбчивое лицо и кудрявые волосы придавали ему по-мальчишески простодушный вид. Столь же скромными были его одежда и вкусы, и он чувствовал себя среди других гостей так же свободно, как и среди шаттерлингов нашей Линии. Казалось, он доступен для каждого и готов заговорить с кем угодно.

За исключением меня.

В первые дни особых мыслей на этот счет у меня не возникало — и без того хватало, на что отвлечься. И прежде всего это касалось места проведения собрания. Фекде, завоевавшей приз за лучшую нить в Тысячную ночь нашего прошлого сбора, было поручено подготовить к нашему прибытию эту планету. Некоторые поначалу ворчали, но теперь все соглашались, что Фекда

превосходно справилась с задачей.

Она прибыла заранее, примерно за столетие до всех остальных. На Терции, планете, которую мы выбрали для сбора, имелся единственный центральный континент, окруженный единственным бескрайним океаном. Три луны с похожими на черепа ликами вздымали в этом огромном зеленом первобытном море ленивые приливные волны. Презрев сушу, Фекда оборудовала место проведения сбора далеко от побережья, использовав технологию Хранителей для возведения на морском дне громадных, похожих на пальцы башен.

Эти каменные колонны уходили в небо на километры. В верхней их части были выдолблены многочисленные залы и галереи, обеспечивавшие достаточно пространства для жилья и празднеств. Некоторые башни соединялись мостами, а с их верхних уровней мы совершали стремительные перелеты к дальним башням или находившимся на орбите кораблям. Некоторым башням Фекда придала черты, соответствовавшие особенностям ее личности. В ее нити-победительнице немалую роль играла музыка, так что одну из башен венчала скрипка величиной с корабль, и мы называли это сооружение

Скрипичной башней. Другую колонну украшала голова совы, третью — оплавленная свеча, а самая большая заканчивалась башенными часами со строгими черными стрелками, отмечавшими ход тысячи ночей.

Фекда отлично справилась. Это был наш двадцать второй сбор, и мало кто мог вспомнить место, более подходящее для того, чтобы отпраздновать успехи совместных странствий. Кто бы ни победил на этот раз, ему бы предстояло приложить немало усилий, чтобы с ней сравниться.

И это точно не я. Мое странствие получилось достаточно успешным, но были и другие путешественники, кто уже сплел нити получше тех, что смогла бы сплести я на основании пережитого. Впрочем, я особо не расстраивалась. Если мы сохраним нашу численность, то однажды может прийти и мой черед. А пока этот миг далек, я просто радуюсь моему участию в столь масштабном предприятии.

Прошло, вероятно, пятьдесят ночей или больше, прежде чем меня всерьез заинтересовал Лихнис. Поначалу мои сомнения казались совершенно невинными. Всем хотелось заполучить кусочек нашего гостя-Горечавки, и вряд ли стоило удивляться, что кому-то приходится ждать

своей очереди. Но постепенно созрело ощущение, будто Лихнис изо всех сил меня сторонится. Он непременно покидал компанию при моем появлении и раньше времени вставал из-за стола за завтраком, когда я осмеливалась сесть поближе.

Я убеждала себя, что глупо считать, будто он столь холодно относится исключительно ко мне, — в конце концов, я лишь одна из сотен шаттерлингов Мимозы, еще не общавшихся с ним лично. Но ощущение никуда не девалось. А когда я заметила, что Лихнис изредка бросает на меня взгляд, полагая, что я не вижу, мое замешательство лишь усилилось. Неужели я чем-то обидела его или кого-то из шаттерлингов его Линии?

История с цветами началась не сразу. Впервые они появились этак на сотую ночь, оставленные в простой белой вазе на пороге моей комнаты в Совиной башне. Я рассматривала их без особого интереса. С бутонами в форме луковиц, темно-пурпурные, они сменили цвет почти на черный, пока я не вынесла их на балкон.

Я пыталась расспрашивать, кто мог оставить цветы и что это могло означать. Никто другой не получил столь загадочного подарка. Но никто не признался, и я решила выкинуть странное событие из головы. Для шаттерлингов нет ничего

необычного в том, чтобы обмениваться шутливыми сообщениями или подарками, а может, само это место ведет со своими гостями некую загадочную игру.

Еще через пятьдесят или шестьдесят ночей цветы появились снова. Предыдущие к тому времени увяли, но теперь я воспользовалась оказией, чтобы слетать к себе на корабль и пропустить цветы через бортовой анализатор — просто хотела убедиться, что в них и в самом деле нет ничего особенного.

Цветы оказались красавкой, или белладонной. Судя по данным «Сарабанды», они ядовиты, но лишь в историческом смысле. Среди нас не было бессмертных, но если бы кто-то и решил умереть, для этого потребовалось бы нечто посерьезнее биологического яда — оружие, отказ стазис-поля, рукотворная катастрофа с участием не прощающей ошибок физики. Но вовсе не творение неуклюжей природы.

Так что я по-прежнему не имела ни малейшего понятия, что означают эти цветы.

Ближе к двухсотой ночи белладонна вновь появилась на моем пороге, и на этот раз я могла бы поклясться, что успела заметить в коридоре силуэт, прежде чем он скрылся за поворотом. Я

убеждала себя, что это не мог быть Лихнис, и тем не менее я видела человека с похожим телосложением, с такими же короткими кудряшками, в такой же одежде.

Тогда я установила возле двери «глаз», что в определенной степени нарушало правила Линии — считалось неприемлемым отслеживать или записывать все происходящее в общественных местах. Но, учитывая возникшее ощущение некой тайны, я решила, что могу позволить себе подобную дерзость.

В течение долгого времени цветы не появлялись. Я решила, что спугнула загадочного гостя, но на триста двенадцатую ночь мой «глаз» застал с поличным Лихниса.

Потом я несколько раз замечала, как он на меня поглядывает. Мы оба знали, что происходит, но я решила ничего не выпытывать — по крайней мере пока. В триста семидесятую ночь он уже не сможет меня проигнорировать — это будет ночь сплетения моей нити, единственная, в которую мне предстояло стать центром всеобщего внимания.

Нравится это Лихнису или нет, но ему придется терпеть мое присутствие.

Лихнис улыбнулся. Мы впервые смотрели друг

на друга в упор, не отводя взгляда.

— Наверное, ты считаешь нас слишком робкими? — спросила я.

— Не знаю. А почему я должен так считать?

— Линия Горечавки постепенно увядает. Вас уже не девятьсот девяносто девять, и с каждым очередным циклом вас будет еще меньше. Сколько вас нынче? Назови точную цифру.

Он сделал вид, будто вспоминает, хотя нелегко было поверить, что это число не выжглось в его мозгу.

— Вроде девятьсот семь… Девятьсот шесть, если предположить, что не вернется Чистец — от него уже полмиллиона лет нет вестей.

— Это десятая часть вашей Линии. Вы потеряли почти сотню шаттерлингов.

— Осмотр достопримечательностей — небезопасное занятие. Тебя ведь зовут Шаула?

— Ты прекрасно знаешь мое имя.

— Как скажешь, — усмехнулся он.

Его реплики звучали легкомысленно, будто придумывались на ходу, — казалось, он считал, что более серьезный уровень мне попросту недоступен. Несмотря на улыбку и веселые искорки в глазах, угадывалась некая фальшь, напряженность, которую он очень старался скрыть. Было

утро накануне ночи сплетения моей нити, и хотя день не полностью принадлежал мне — продолжалось чествование Нунки, которая сплела свою нить прошлой ночью, — с каждым часом я все острее чувствовала, как всеобщее внимание переключается на меня. Сегодня ночью мои воспоминания должны проникнуть в головы остальных, а утром, когда мы проснемся, все станут разбирать их по косточкам и критиковать, после чего состоится празднество уже в мою честь. По крайней мере в течение этих двух дней Лихнис будет обязан меня слушать и отвечать на мои вопросы.

Мы стояли на высоком балконе Свечной башни, вдыхая пряный запах морского воздуха и ощущая ступнями теплоту голубых плиток.

— Если столько ваших погибло… Как это происходит у вас, Лихнис? Ваши сборы длятся меньше, чем наши?

— Нет, всё ту же тысячу ночей. Но разумеется, бывают пробелы, когда нет возможности сплести новые воспоминания. В такие ночи мы поминаем умерших. Банк нитей проигрывает оставшиеся от них нити или создает новые комбинации из старых воспоминаний. Иногда мы возвращаем мертвых в виде физических имаго, позволяя им

ходить и разговаривать среди нас, как будто они всё еще живы. Некоторым это не по душе, но я не вижу никакого вреда в том, чтобы отпраздновать чью-то хорошо прожитую жизнь.

— У нас нет такой проблемы, — сказала я.

— Да, — осторожно, словно боясь обидеть, произнес он. — У вас — нет.

— Если на то пошло, можно сказать: у нас просто отсутствует врожденная тяга к приключениям, раз уж мы никого не потеряли.

Лихнис пожал плечами:

— Или вы просто выбираете правильные приключения. В осторожности нет ничего постыдного, Шаула. Все вы — частицы одной личности, вас такими сделали для того, чтобы вы могли исследовать Вселенную, а не искали новые способы умереть.

— Значит, ты не считаешь, что мы достойны презрения?

— Если бы я так считал, ноги бы моей здесь не было. Ни разу.

Его ответ тогда полностью удовлетворил меня, показавшись совершенно искренним. Лишь позже, когда я обдумывала наш разговор, вдруг вспомнилось это «ни разу». Как будто Лихнис гостил у нас уже не впервые.

Видимо, он просто оговорился. То был наш двадцать второй сбор, и Лихнис никогда раньше не составлял нам компанию.

И все же…

Я чувствовала себя крайне глупо. Мы пообщались, и все прошло легко и спокойно, словно между нами никогда не существовало непонятной дистанции. И это само по себе казалось странным, внушая тревогу.

День еще не закончился, и я знала, что у нас будет возможность поговорить. Но мне требовалось заранее заготовить все вопросы и не поддаваться беззаботной манере Лихниса. Если он чего-то хотел от меня, то я всерьез намеревалась выяснить, чего именно.

Я не сомневалась, что цветы дарились с намеком, и у меня уже наполовину сложился ответ. Похоже, белладонна подразумевала некий полузабытый факт, служила ассоциацией. В голову тем не менее ничего не приходило, и, когда утро сменилось полднем, меня в основном занимало внесение последних поправок в мою нить. Естественно, у меня были сотни дней, чтобы отредактировать мои воспоминания, но отчего-то я все еще сомневалась, что они приведены в приемлемый вид. Частично я могла это проделать

у себя комнате в Совиной башне, но большие фрагменты памяти остались на моем корабле, и я поняла: работа упростится и ускорится, если переберусь на орбиту.

Поднявшись по винтовой лестнице на крышу Совиной башни, я взмыла к моему кораблю. Несмотря на все очарование сотворенного Фекдой места, я была рада вернуться туда, где чувствовала себя как дома. Войдя на мостик «Сарабанды», устроилась на собственном троне, чтобы вызвать к жизни дисплеи и приборные панели. Считала светящиеся показания и с удовольствием отметила, что с кораблем все в порядке. Через шестьсот тридцать дней мы все покинем Терцию и я разгоню параметрический двигатель «Сарабанды» почти до скорости света. Мысленно я уже предвкушала очередное странствие с посещением бесчисленных звездных систем и миров.

В панорамном окне на мостике «Сарабанды» виднелось не меньше сотни других кораблей. Глядя на них, я восхищалась разнообразием форм и размеров — плодами труда моих соплеменников-шаттерлингов. Общими у этих кораблей были лишь два критерия: скорость и надежность. Некоторые звездолеты принадлежали нашим гостям, в том числе скромный «Лентяй» Лихниса,

казавшийся карликом на фоне практически любого корабля на орбите Терции.

Я прошлась по моим сегментам памяти. Времени это заняло немного, но, когда я закончила, что-то вдруг заставило меня остаться на мостике.

— Корабль, — сказала я вслух, — выдай информацию по запросу «белладонна».

— Число ссылок по данному запросу слишком велико, — сообщила «Сарабанда». — Учитывая текущие ограничения твоих нейропроцессов, тебе потребуется восемнадцать тысяч лет, чтобы просмотреть их все. Желаешь применить поисковый фильтр?

— Да, пожалуй. Сузь поиск до ссылок, в которых прямо упоминаются Линии или Союз. — У меня имелось лишь зыбкое подозрение, но оно странно бередило душу.

— Прекрасно. Все равно остается свыше тысячи ста ссылок. Но наиболее релевантные из них относятся к Линии Горечавки.

Я наклонилась вперед:

— Дальше?

— Протокол Белладонны — экстренная мера, разработанная Линией Горечавки с целью обеспечить продолжение Линии в случае угрозы ее

вымирания в результате случайной катастрофы или враждебных действий.

— Поясни.

— Протокол Белладонны, или просто Белладонна, — условленная последовательность действий по оставлению одного места сбора и перемещению в другое. Никакая заранее договоренная цель не требуется. Белладонна функционирует как алгоритм принятия решений, который определит конкретное место для отступления, с использованием простых критериев поиска и отбраковки.

Меня охватила тревожная дрожь.

— Линия Горечавки запустила протокол Белладонны?

— Нет, Шаула. В этом никогда не возникало необходимости. Но протокол Белладонны переняли некоторые другие Линии, включая Линию Мимозы.

— А мы… — Я тотчас умолкла, почувствовав себя глупо. — Конечно нет. Если бы мы хоть раз привели в действие Белладонну, я бы знала. И нам точно не грозило бы вымирание. Да и вообще не было бы серьезных угроз.

«Для этого мы чересчур робкие, — подумала я. — Разве нет?»

Когда я вернулась на Терцию, Лихнис отдыхал в

лучах послеполуденного солнца на верхней галерее Свечной башни, с присущими ему обаянием и скромностью отвечая на вопросы о возможностях его корабля.

— Да, за все эти годы я обзавелся кое-каким оружием — а у кого его нет? Но уж точно ничего похожего на гомункулярное. Бои в космосе? Было такое пару раз. Как правило, я стараюсь уклоняться, но порой неприятностей не избежать. Однажды я разнес на куски луну Аргула в Клине Терцета, но лишь для того, чтобы прикрыться ее обломками. Тогда на Аргуле никто не жил — по крайней мере, я так думаю. А потом наткнулся на флотилию Одиннадцатых Интерцессионных, неподалеку от Сердоликовой бухты…

— Лихнис, — обратилась я, и его слушатели не стали возражать против вмешательства, поскольку сегодня был день сплетения моей нити, — можно с тобой поговорить? Где-нибудь наедине?

— Конечно, Шаула. Если только не будешь ничего рассказывать про свою нить.

— Нить тут ни при чем.

Поднявшись с кресла, он стряхнул с одежды хлебные крошки, рассеянно кивнул своим обожателям, и мы вместе направились в тенистый

уголок галереи.

— Что тебя беспокоит, Шаула? Мандражируешь перед выступлением?

— Ты прекрасно знаешь, что меня беспокоит. — Я понизила голос, чтобы он не звучал угрожающе, хотя больше всего мне хотелось вцепиться в тощую шею и выжать из Лихниса всю правду. — Что за игру ты со мной ведешь? Даже точнее: на каких струнах играешь?

— Игру? — спокойно, но настороженно переспросил он.

— Те цветы. Я подозревала, что это ты приносил, еще до того, как поставила «глаз». Но ты все равно избегаешь смотреть мне в глаза. А сегодня утром даже прикинулся, будто не знаешь, как меня зовут. Отделываешься легкомысленными ответами и несерьезными улыбочками, словно не происходит ничего странного. Но с меня хватит. Мне нужно обрести ясность мыслей, прежде чем я отправлю мою нить в банк нитей, и ты мне в этом поможешь. Начинай отвечать.

— Отвечать? — переспросил он.

— Ты ведь никогда не сомневался в том, как меня зовут?

Он на мгновение отвел взгляд, а когда снова на меня посмотрел, в его лице что-то изменилось.

Появилась некая обреченность, нечто вроде долгожданной капитуляции.

— Верно, нисколько не сомневался. Уж что-что, а твое имя я вряд ли мог легко забыть.

— Говоришь так, будто мы уже давно знакомы.

— Все верно.

Я покачала головой:

— Если бы в странствиях мне повстречался кто-нибудь из Горечавок, я бы запомнила.

— Это было не в странствиях. Мы познакомились здесь, на Терции.

Я еще энергичнее мотнула головой:

— Нет, это даже менее вероятно. Ты не обращал на меня внимания с момента моего прибытия. Было очень трудно к тебе добраться, а когда это удавалось, ты обязательно находил повод уйти. И потому вся эта история с цветами раздражает еще больше. Если бы ты хотел со мной поговорить…

— Хотел, — перебил он. — С самого начала. И мы действительно раньше встречались, именно на Терции. Знаю, ты скажешь, это невозможно, поскольку Линия Мимозы никогда раньше не бывала на Терции, а этим башням не больше века. Но я говорю правду. Мы уже побывали здесь. Оба.

— Не понимаю.

— Этот день наступает каждый раз, просто сейчас он наступил чуть раньше. — Лихнис уставился на мозаичные плитки пола, холодно отсвечивавшие оттенками индиго в полутени. — Или мой трюк с цветами срабатывает все хуже и хуже, или у тебя остаются между циклами какие-то воспоминания.

— В каком смысле — между циклами? — Я дотронулась до его руки, давая понять, что хочу положить конец этому издевательству с полуправдами и загадками. — Я спросила мой корабль насчет цветов и узнала о протоколе Белладонны. Да, я смутно помнила что-то такое, но кого может интересовать этот алгоритм, если мы не потеряли ни одного шаттерлинга? И почему ты приносил цветы, вместо того чтобы просто прийти и высказаться?

— Потому что ты взяла с меня обещание, — ответил Лихнис. — Идея насчет цветов — твоя. Это своего рода тест. Не слишком очевидно, но и не особо загадочно. Если поймешь, в чем суть, — так тому и быть. Если нет — придется тебе всю тысячу ночей провести в блаженном неведении.

— Моя идея? Блаженное неведение? О чем ты?

Казалось, слова даются ему с трудом.

— О том, что стало с Линией Мимозы.

Лихнис повел меня на самую верхнюю площадку Часовой башни. Мы стояли под ее куполом, выкрашенным изнутри в пастельный синий цвет и усеянным золотыми звездами, и нас окружали вырезанные в камне окна. Меня удивило, что здесь нет никого, кроме нас. Мы видели шаттерлингов на галереях и променадах других башен, но в эту вечернюю пору Часовая была необычно тиха. Молчали и мы. Превосходство было на стороне Лихниса, но, похоже, он пока не знал, что с этим делать.

— Фекда неплохо справилась, как думаешь? — спросила я, чтобы заполнить пустоту.

— Ты говорила, что вернулась на свой корабль.

— Да. — Я указала на синий свод, за которым расстелилось настоящее небо. — Прекрасное зрелище, когда смотришь на звезды с Терции, но по-настоящему этого не осознаёшь, если ты не на орбите. Я туда время от времени возвращаюсь, даже когда в том нет нужды. «Сарабанда» — моя спутница в десятках странствий, и я чувствую себя оторванной от нее, если слишком долго нахожусь на планете.

— Понимаю. Примерно такие же чувства у меня к «Лентяю». Портулак говорит, что этот корабль просто посмешище, но меня он устраивает.

— Портулак?

У Лихниса слегка напряглось лицо.

— Шаула, давай-ка я тебе кое-что покажу. Здесь довольно мощные фильтры восприятия, но я без особого труда сниму их, если ты согласишься.

Я нахмурилась:

— Фекда ничего не говорила ни про какие фильтры.

— А с чего бы ей говорить? — Лихнис на секунду закрыл глаза, посылая какую-то команду. — Сейчас я уберу потолок. Он вполне настоящий — эти башни в самом деле выращены из морского дна, — но сейчас мешает нам. — Взмах руки, и свод с золотыми звездами растворился в синем небе. — А теперь покажу корабли так, будто сейчас ночь и ты можешь видеть их на орбите. Если не возражаешь, я их слегка увеличу.

— Делай, что считаешь нужным.

В синеве, будто распустившиеся цветы, возникли корабли всех оттенков и форм. Они выстроились неровной цепочкой по дуге, от горизонта до горизонта, — кинжалы, клинья, сферы, параллелепипеды, цилиндры и изящные решетчатые конструкции. Некоторые больше походили на морских драконов, чем машины. Кроме той сотни, что я сейчас видела, еще девятьсот с лишним

не успели появиться в поле зрения. Это была столь простая и красивая коррекция восприятия, что я удивилась, почему мне самой никогда не приходило подобного в голову.

И тут Лихнис заявил:

— Большинство из них ненастоящие.

— То есть?

— Их на самом деле не существует. Это фантомы, созданные здесь, на месте. На орбите Терции лишь горстка реальных кораблей.

Один за другим разноцветные корабли таяли в небе, расширяя промежутки в цепи. Процесс продолжался. Исчез один из десяти, потом два из десяти, три…

Я смотрела на Лихниса, пытаясь понять его чувства. Лицо было совершенно бесстрастным, как у хирурга, который ощущает страдания пациента, но знает, что необходимо продолжать опасную операцию. Уже остался только один из десяти кораблей. Потом один из двадцати, из тридцати…

— Мой настоящий, — наконец сказал Лихнис. — И три корабля Линии Мимозы. Других здесь нет, включая всех тех, которые, как ты считала, принадлежат вашим гостям.

— Тогда как здесь оказались эти гости?

— Никак. Никого нет, кроме меня. Как нет и

шаттерлингов Линии, кентавров, машинного народа… никого. Еще одна местная иллюзия. — Он приложил руку к груди. — Я единственный ваш гость. Я прилетел, потому что никто другой не мог этого вынести. И я действительно гощу здесь далеко не в первый раз.

Подняв руку, он раскрыл кулак, и один из кораблей начал увеличиваться, а вскоре сделался крупнее любой из лун Терции.

Когда-то это наверняка был корабль, но с тех пор прошло бессчетное количество эпох. От него осталась лишь оболочка — открытая космосу, испещренная отверстиями. Выпотрошенный и продырявленный, он походил на отвратительный череп, с которого дочиста обглодали мясо, и дрейфовал на орбите под неестественным углом. И все же я сумела узнать его очертания.

«Сарабанда».

Мой корабль.

— Вы все погибли, — тихо проговорил Лихнис. — Шаула, ты не права насчет вашей робости. Как раз напротив — вы были чересчур смелы, слишком любили приключения. Линия Мимозы шла на риск, которого чурались все остальные. Вы видели и совершали чудеса. Но за свою отвагу заплатили жестокую цену. Ваша численность

быстро сокращалась, и, когда уцелевшие шаттерлинги осознали всю серьезность ситуации, вы привели в действие Белладонну. — Он сглотнул и облизнул губы. — Но было слишком поздно. Несколько кораблей сумели добраться до Терции, вашего запасного космодрома. Но к тому времени все вы были мертвы и корабли летели на автоматическом управлении. С тех пор половина кораблей сгорела в атмосфере.

— Нет, — заявила я. — Определенно не все мы…

Но он лишь качнул головой — понимающе и сочувственно.

— Осталось только это место. Ваши корабли создали его и подготовили все необходимое для Тысячи ночей. Но больше нет никого из вас, кто мог бы видеть здесь сны. Ты спрашивала про Линию Горечавки и про то, как мы чтим память наших умерших. Я ответил, что мы используем имаго, позволяя тем, кого уже нет, вновь ходить среди нас. Есть только имаго — включая тебя. Их девятьсот девяносто девять, созданных по образцам, хранящимся в вашем банке нитей, из воспоминаний изначальных шаттерлингов Мимозы. В том числе из воспоминаний Шаулы, которая всегда была самой умной и способной

из вас.

Я выдавила недоверчивую усмешку.

— Хочешь сказать, я умерла?

— Я хочу сказать, что вы все умерли. Вы мертвы намного дольше, чем длится один цикл. Все, что осталось, — это место. Оно само себя поддерживает и терпеливо ждет двести тысяч лет, а потом тысячу ночей само себя преследует вашими призраками.

Хотелось отмахнуться от его слов, обругать за столь нелепую и безвкусную ложь, но меня вдруг снова охватило глубокое мрачное предчувствие, долго таившееся в душе.

— Как давно?

Ветерок пошевелил его короткие кудряшки.

— Тебе в самом деле хочется знать?

— Иначе я бы не спрашивала.

Но мы оба понимали, что это неправда. С другой стороны, его нежелание отвечать было достаточным ответом.

— Вы пробыли на Терции миллион двести пять тысяч лет. Это ваш седьмой сбор. Вы ходите среди здешних башен, но каждый раз вам видятся всего лишь одни и те же мертвые сны.

— И ты прилетал на нас посмотреть?

— Только последние пять раз, включая этот.

Во время первого вашего сбора, после того как вы запустили протокол Белладонны, я был на другом конце рукава Центавра, а когда узнал про второй — когда тут не было никого, кроме ваших собственных призраков, — менять планы было слишком поздно. Но я постарался присутствовать на следующем сборе.

Лучи заходящего солнца придавали его профилю золотистый оттенок. Я чувствовала, что Лихнису трудно смотреть мне прямо в глаза.

— Никто не хотел сюда прилетать, Шаула. Не потому, что они ненавидели Линию Мимозы или завидовали вашим достижениям, а потому, что вы затронули их глубочайшие страхи. То, что случилось с вами, с вашими приключениями и свершениями, вошло в анналы Союза, и никто не может закрыть на это глаза. Ни одной Линии не хочется всерьез задуматься о вымирании. И особенно о том, что такая судьба ждет каждого.

— Но жребий пока не выпал — для вас.

— Рано или поздно это случится. — Лихнис наконец снова повернулся ко мне, и его лицо показалось мне одновременно молодым и старым, преисполненным грусти. — Я знаю, Шаула. Но это не мешает мне радоваться жизни, пока есть возможность. Вселенная по-прежнему чудесна.

И по-прежнему восхитительно ощущать, что ты жив, что у тебя есть разум, память и пять человеческих чувств, чтобы упиваться всем, что тебя окружает. У меня хватает историй, которыми я готов с тобой поделиться. Однажды я летел вокруг нейтронной звезды… — Он улыбнулся и покачал головой. — Пожалуй, в следующий раз. Ты все так же будешь здесь, как и эта планета. Восстановится и это место, а заодно сотрет все следы предыдущего сбора.

— Включая все воспоминания о нашем знакомстве.

— Иначе и быть не может. Полагаю, какие-то фрагменты воспоминаний остаются, но главного ты знать не будешь.

— Но я же попрошу тебя передать послание, да? Попрошу оставить цветы у меня под дверью. И ты послушно согласишься, а потом вернешься снова, и когда-нибудь вечером, через двести тысяч лет плюс-минус несколько столетий, мы опять будем стоять на этой площадке и вести почти такой же разговор, и я ни на секунду не постарею и не буду знать, почему ты выглядишь старше и печальнее. А потом ты покажешь мне корабли-призраки, и я кое-что вспомню, совсем чуть-чуть, как будто я всегда это знала, и начну расспрашивать про

следующий сбор, который случится еще через двести тысяч лет. Ведь так?

Лихнис кивнул:

— Думаешь, было бы лучше, если бы я вообще здесь не появлялся?

— По крайней мере, тебе хватило смелости увидеться с нами. По крайней мере, ты не испугался напоминания о смерти. И мы снова ожили, внутри тебя. Ведь другие Линии нас не забудут? И еще скажи: ты передавал какие-то наши истории другим Горечавкам во время вашей Тысячи ночей?

— Да, — ответил он, и в глазах мелькнуло грустное воспоминание. — И в половину из них поверили. Но только вы виноваты в том, что из-за своей чрезмерной отваги прожили так мало. Мы могли бы многому научиться у вас.

— Не принимай наш урок слишком близко к сердцу.

— Нам просто не хватило бы смелости.

Солнце уже почти зашло, и в воздухе повеяло прохладой. Пора спускаться с Часовой башни, чтобы готовиться к бессмысленным вечерним празднествам, когда призраки будут танцевать с призраками, будто заводные куклы.

Призраки всю ночь будут видеть пустые сновидения других призраков и верить, что живы.

Имаго шаттерлинга, когда-то носившего имя Шаула, тоже будет бесстрашно верить, что она все еще жива.

— Почему я, Лихнис? Почему именно со мной ты решил так поступить?

— Потому что ты уже знала половину правды, — поколебавшись, ответил он. — Я понял это по твоим глазам, Шаула. От тебя не ускользает то, что способно обмануть остальных. И ты не права. Ты в самом деле меняешься. Может, и не постареешь ни на секунду между этим сбором и следующим, но я видел, что с каждым разом ты все сильнее грустишь. И каждый раз ты забираешь цветы чуть раньше. И если бы я хоть чем-то мог помочь…

— Есть чем, — поспешила произнести я, пока хватало смелости.

Он серьезно, с пониманием посмотрел на меня:

— Я снова принесу тебе цветы.

— Нет. Не надо цветов. И никакого следующего раза. — Я сглотнула, зная, что слова будут даваться трудно. — Ты покончишь с этим, Лихнис. Я знаю, у тебя есть оружие. На орбите остались лишь остовы, они не смогут сопротивляться. Ты разнесешь эти корабли вдребезги, как разнес

луну Аргула, а потом расстреляешь эти башни. Преврати их в лаву, смой в море, не оставив следа. Обрати машины в прах, чтобы они не смогли восстановить ни башни, ни нас. А потом покинь Терцию и никогда сюда не возвращайся.

Лихнис долго смотрел на меня, и лицо оставалось совершенно неподвижным — как будто паралич разбил все до единой лицевые мышцы.

— Ты просишь меня убить Линию?

— Нет, Лихнис, — терпеливо ответила я. — Линии больше не существует, и ты уже почтил нашу память. Все, о чем я прошу, — о последней милости. — Я положила ладонь на его запястье, а потом сдвинула ее ниже, сплетя его пальцы со своими. — По-твоему, вам не хватает отваги для великих свершений. Я считаю это глубочайшим заблуждением. Но даже будь это правдой, вот твой шанс кое-что совершить. Проявить смелость, благоразумие и самоотверженность. Мы мертвы. Мы мертвы уже миллион лет. Подари нам покой.

— Шаула… — начал он.

— Подумай, — перебила я. — Оцени варианты, взвесь риски, рассчитай вероятность неудачи. Ты все равно придешь к некоему выводу и выберешь тот или иной путь. Если решишь покончить с

нами, дождись конца Тысячной ночи, но даже не пробуй намекнуть мне хотя бы словом.

— Я не очень-то умею хранить тайны.

— Тебе и не потребуется. Сегодня сплетение моей нити, Лихнис. Моя ночь ночей. Это значит, что у меня есть особое право корректировать и подавлять собственные воспоминания, чтобы моя нить произвела оптимальное воздействие. И у меня все еще есть возможность отменить часть воспоминаний, включая весь этот разговор. Я забуду и фантомы, и протокол Белладонны, и то, о чем тебя только что просила.

— Моя Линия не одобрила бы подобного.

— Но тебе ведь сошло с рук уже сделанное. Речь лишь о пустяковой коррекции, которую никто не заметит.

— Но ведь я буду помнить наш разговор. И размышлять о твоей просьбе.

— Верно. И если я не ошиблась в тебе, ты никому об этом не расскажешь. У нас наверняка будет еще много разговоров до Тысячной ночи. Но как бы я ни настаивала — а я наверняка буду настаивать, увидев в твоих глазах нечто странное, — не вздумай проговориться. Если я стану спрашивать о цветах, или о других гостях, или еще о чем-нибудь — тупо смотри на меня, и все.

Рано или поздно я сумею убедить себя, что ты в самом деле таков, а не притворяешься.

— Буду стараться изо всех сил, — напряженно проговорил Лихнис. — Уверена, что иначе никак?

— Никак. И ты прекрасно это знаешь. Уверена, ты исполнишь мое желание, когда хорошенько все обдумаешь. — Я повернулась к выходу. — Пойду в Совиную башню и отменю это воспоминание. Подожди немного, а потом снова позови меня в Часовую. Я буду плоховато соображать, возможно, попытаюсь задавать странные вопросы. Ты аккуратно переведешь разговор в другое русло, а потом скажешь, что пора идти на сплетение. И мы спустимся по лестнице, как будто ничего не изменилось.

— Но ведь все изменится, — сказал Лихнис.

— Ты будешь об этом знать, а я — нет. Все, что от тебя потребуется, — играть роль лихого ухажера. Улыбайся, танцуй, говори комплименты и поздравляй меня с выдающимся странствием. Справишься?

— Пожалуй.

— Даже не сомневаюсь.

Оставив его, я вернулась в свою комнату.

Потом мы танцевали на утесе Скрипичной баш-

ни. Было ощущение, что между нами случилось нечто неприятное, о чем остались лишь зыбкие мимолетные воспоминания. Но вряд ли к этому стоило относиться серьезно. Лихнис оказался идеальным кавалером, внимательным и учтивым, щедрым на остроты, похвалы и теплые слова. Меня несказанно радовало, что я наконец-то разрушила барьер между нами, что до Тысячной ночи еще очень далеко и железные стрелки на Часовой башне не скоро завершат свой круг.

Я мечтала о предстоящих вечерах, о ярких нитях, которые еще не явились нам в сновидениях, о грядущих чудесах и приключениях и говорила себе: как же здорово, когда ты жива, когда у тебя есть разум, память и пять человеческих чувств — все необходимое, чтобы наслаждаться тем, что тебя окружает.

Тысячная ночь

Вечером накануне сплетения моей нити я не мог найти себе места, не в силах был унять нервную дрожь. Пропал аппетит, а вместе с ним и всяческое желание вести светские беседы. Хотелось лишь одного — чтобы последующие сутки пролетели как можно скорее и пришел черед потеть кому-нибудь другому вместо меня. Хотя подобное и запрещалось правилами этикета, я бы с радостью сбежал к себе на корабль и завалился спать до утра. Но мне приходилось улыбаться и терпеть, как и всем прочим, когда наступала их ночь.

В километре внизу бились о белые, как кость, утесы волны, осыпая брызгами изящный подвесной мост из тех, что связывали главный остров с окружавшими его островами поменьше. За островами среди волн виднелся горбатый силуэт водного обитателя. Я различал крошечные точки — людей, которые резвились на мосту, танцуя в водяных брызгах.

Настала моя очередь готовить место для карнавала, и, похоже, я справился не так уж и плохо.

Жаль, что ничто из сделанного не просуществует долго. Чуть меньше чем через год машины превратят острова в пыль, а похожие на башни здания — в мельчайшие обломки. Их поглотит море к тому времени, когда последний из наших кораблей покинет систему. Но даже само море продержится затем лишь несколько тысяч лет. Я направил кометы из воды и льда на эту засушливую планету лишь для того, чтобы создать океаны. Здешняя атмосфера отличалась динамической неустойчивостью. Сейчас мы еще могли ею дышать, но на месте сбора не было никакой иной биомассы, способной восполнять кислород, который мы превращали в углекислый газ. Через двадцать тысяч лет на планете не останется иной жизни, кроме самых выносливых микроорганизмов. И так будет на протяжении большей части последующих ста восьмидесяти тысяч лет, до нашего возвращения.

Впрочем, к тому времени здешний ландшафт станет проблемой для кого-то другого. В Тысячную ночь — последний вечер сбора — тому, кто сплел признанную лучшей нить, будет поручено спроектировать место для следующего собрания, и он прибудет сюда за несколько тысяч лет — от одной до десяти, в зависимости от его планов, —

до официального открытия.

Я стиснул поручни высокого балкона, услышав приближающиеся сзади шаги. Торопливый стук высоких каблуков по мрамору, шелест вечернего платья…

— Можешь ничего не говорить, Лихнис. Нервы?

Повернувшись навстречу Портулак — прекрасной, царственной Портулак, — я натянуто улыбнулся и утвердительно буркнул:

— Угу. Как ты догадалась?

— Интуиция, — ответила она. — Собственно, я вообще удивляюсь, что ты здесь.

— С чего бы тебе удивляться?

— Когда придет моя очередь, я наверняка все еще буду торчать на моем корабле, до последнего момента отчаянно внося поправки.

— В том-то и проблема, — сказал я, — что все необходимые поправки я уже сделал. Исправлять просто нечего. С прошлого раза со мной не произошло ничего существенного.

Портулак одарила меня многозначительной улыбкой. Ее волосы были уложены в высокую прическу, напоминавшую сказочный замок со шпилями и башенками.

— Типичная ложная скромность.

Она сунула мне в руку бокал красного вина, прежде чем я успел отказаться.

— Что ж, на этот раз никакой лжи. Моя нить окажется сокрушительным разочарованием для всех. И чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.

— Неужели она настолько скучная?

Я пригубил вина.

— Самая что ни на есть квинтэссенция скуки. Последние двести тысяч лет прошли для меня исключительно уныло.

— То же самое, Лихнис, ты говорил и в прошлый раз. А потом показал нам потрясающие чудеса и диковины. Ты стал настоящим королем сбора.

— Может, я просто старею, — сказал я. — Но на этот раз предпочел выбрать путь немного полегче. Я сознательно старался держаться подальше от обитаемых планет и вообще от всего, где могло бы случиться что-то захватывающее. Зато я видел множество закатов.

— Закатов? — переспросила она.

— В основном звезд солнечного типа. При определенных условиях, в спокойной атмосфере и с подходящей высоты можно иногда увидеть зеленый луч перед тем, как звезда уйдет за горизонт… — Я запнулся, ненавидя собственный

голос. — Ладно. Это всего лишь часть ландшафта.

— И так все двести тысяч лет?

— Нисколько не жалею. Я наслаждался каждой минутой.

Вздохнув, Портулак покачала головой. С ее точки зрения, я был безнадежен, и она не пыталась это скрыть.

— Я не видела тебя сегодня утром на оргии. Хотела спросить, что ты думаешь о нити Калгана.

Воспоминания Калгана, прожженные минувшей ночью в моем мозгу, все еще оставались яркими, как электрический свет.

— Его ничто не волнует, кроме собственных интересов, — сказал я. — Замечала, что любые приключения, в которые ввязывается Калган, непременно заканчиваются тем, что он выглядит геройски, а все остальные малость туповато?

— Верно. На этот раз даже его обычные обожатели перешептывались у него за спиной.

— Ему это только на пользу.

Портулак взглянула на море, видневшееся за скоплением парящих вокруг небольшого архипелага кораблей. К вечеру сгустились облака, и корабли, в большинстве своем расположенные носом вниз, пронизывали их, будто кинжалы. Кораблей было около тысячи. Вид напоминал

перевернутый ландшафт — море тумана, нарушаемое стройными светящимися шпилями зданий.

— Корабля Асфодели еще никто не видел, — сказала Портулак. — Похоже, она сюда не доберется.

— Думаешь, ее нет в живых?

Портулак склонила голову:

— Вполне возможно. Ее последняя нить… была слишком рискованной.

Эта нить, представленная на прошлом сборе, изобиловала полетами в окрестностях гибельных явлений, и каждый раз Асфодель бросала вызов смерти. То, что тогда казалось прекрасным — извергающая огненные сполохи двойная звезда или взрывающаяся сверхновая, — вероятно, наконец настигло ее и убило. Убило одну из нас.

— Мне нравилась Асфодель, — рассеянно проговорил я. — Жаль, если ее больше нет. Может, она просто задержалась?

— Почему бы тебе не вернуться внутрь и не перестать хандрить? — сказала Портулак, пытаясь увести меня с балкона. — Тебе это не к лицу.

— Я в самом деле не в настроении.

— Честно, Лихнис, я уверена, сегодня ты нас удивишь.

— Зависит от того, — ответил я, — насколько вы любите закаты.

В ту ночь мои воспоминания сплелись со сновидениями других гостей. Наутро многие из них сумели высказать хвалебные замечания о моей нити, но под покровом вежливости слишком явно читалось разочарование. Дело было не просто в том, что мои воспоминания не добавили к целому ничего потрясающего. Больше всего гостей раздражало, что я, судя по всему, поставил перед собой цель проводить время как можно скучнее. Подразумевалось, что, выискивая вместо приключений бессмысленные зеленые лучи, я преднамеренно отказывался добавить что-либо полезное в гобелен наших общих знаний. К вечеру мое терпение опасно истощилось.

— Что ж, по крайней мере в Тысячную ночь ты не будешь нервно ерзать на стуле, — сказал Критмум, мой старый знакомый по Линии. — Ведь таким был твой план?

— Прошу прощения?

— Устроить что-нибудь позануднее, чтобы не соревноваться за лучшую нить.

— Вовсе нет, — раздраженно возразил я. — Впрочем, если думаешь, что это была сплошная скука… дело твое. Когда твоя нить, Критмум? Хочу от всей души поздравить, пока все остальные будут разносить тебя в пух и прах.

— На восьмисотый день, — спокойно ответил он. — У меня еще куча времени, чтобы изучить противника и внести несколько разумных поправок.

Он придвинулся слишком близко, и мне стало неуютно. Я всегда считал Критмума чересчур слащавым, но терпел его общество, поскольку его нити обычно оказывались незабываемыми. Он питал склонность к раскопкам руин древних человеческих цивилизаций, искал там причудливые технологии, ужасающее оружие и машинные разумы, свихнувшиеся за два миллиона лет одиночества.

— Так что, — заговорщически произнес он, — Тысячная ночь, и только она. Не могу дождаться, когда ты покажешь, что для нас сочинил.

— Я тоже не могу дождаться.

— И что это будет? Если делаешь Облачную оперу — не пойдет. Такая у нас уже была в прошлый раз.

— Хотя и далеко не лучшая.

— А в позапрошлый раз что было?

— Кажется, реконструкция крупного звездного сражения. Вполне эффектно, хотя и грубовато.

— Да, теперь вспоминаю. Вроде корабль Овсяницы принял это сражение за настоящее? И

проделал в коре планеты кратер шириной в десять километров, когда сработали его экраны? Этот придурок поставил слишком низкий порог защиты.

К несчастью, Овсяница все слышал. Посмотрев на нас через плечо шаттерлинга, с которым беседовал, он бросил на меня предостерегающий взгляд, а затем вернулся к прерванному разговору.

— И что значит — тоже не можешь дождаться? — как ни в чем не бывало продолжал Критмум. — Это твое шоу, Лихнис. Либо у тебя был какой-то план, либо нет.

Я с сожалением взглянул на него:

— Твоя нить никогда не выигрывала, да?

— Хоть я и был близок к этому… с нитью на тему Гомункулярной войны… — Он покачал головой. — Не важно. К чему ты клонишь?

— К тому, что иногда победитель решает подавить собственные воспоминания о том, какую именно форму примет празднование Тысячной ночи.

Критмум дотронулся пальцем до носа.

— Я тебя знаю, Лихнис. Все будет скромно и со вкусом… и очень, очень скучно.

— Удачи тебе с твоей нитью, — холодно ска-

зал я.

Критмум ушел. Я надеялся хоть немного побыть в одиночестве, но едва повернулся, чтобы насладиться видом, как рядом со мной на балюстраду облокотился Овсяница, потягивая вино из бокала, который он держал за ножку унизанными перстнями пальцами.

— Наслаждаешься, Лихнис? — спросил он своим обычным низким голосом в отеческой, слегка неодобрительной манере.

Ветер развевал серо-стальные волосы над его аристократическим лбом.

— В общем, да. А ты?

— Мы здесь не для того, чтобы наслаждаться. По крайней мере некоторые из нас. Есть работа, которую приходится выполнять во время сборов, — серьезная и крайне важная для будущего статуса Линии.

— Расслабься, — буркнул я.

Мы с Овсяницей никогда не сходились во мнениях. Среди девятисот девяноста трех выживших шаттерлингов Линии имелось два или три десятка тех, кто обладал особым влиянием. Хотя все мы были созданы одновременно, эти немногочисленные личности были воплощением молчаливого превосходства, любые легкомысленные аспекты

сбора были у них не в чести. Во внешности и одежде они предпочитали подчеркнуто деловой стиль. Немало времени они проводили, собираясь в серьезного вида группы, и при виде чужой фривольности осуждающе качали головой. Многие из них были Сторонниками, как и сам Овсяница.

Если Овсяница и услышал мою реплику, то не подал виду.

— Я видел тебя с Портулак, — сказал он.

— Это не противозаконно.

— Ты слишком много времени проводишь с ней.

— Опять-таки… кому какое дело? Ты придираешься лишь потому, что ей не по душе ваш маленький элитарный клуб?

— Осторожнее, Лихнис. На этот раз тебе повезло, но не переоценивай себя. С Портулак сплошные проблемы. Она бельмо на глазу нашей Линии.

— Она моя подруга.

— Ну конечно.

— В каком смысле? — ощетинился я.

— Я не видел сегодня утром на оргии ни тебя, ни ее. Вы немало времени проводите вдвоем. Спите вместе, но пренебрегаете сексом с другими. В Линии Горечавки так себя не ведут.

— Зато вы, Сторонники, держитесь в своем

кругу.

— Это совсем другое. У нас есть долг… обязательства. Портулак этого не понять. У нее был шанс к нам присоединиться.

— Если тебе есть что сказать — скажи ей это прямо в лицо.

Он отвел взгляд, уставившись на тонкую линию горизонта.

— У тебя здорово получилось с водными жителями, — рассеянно проговорил он. — Неплохо придумано. Млекопитающие. Они ведь… со старого места?

— Не помню. К чему вся эта зажигательная речь, Овсяница? Убеждаешь меня держаться подальше от Портулак?

— Я убеждаю тебя встряхнуться. Покажи, что хоть на что-то годишься, Лихнис. Наступают бурные времена. Любоваться закатами — это, конечно, хорошо, но сейчас нам требуются надежные данные о развивающихся цивилизациях по всей галактике. Нам нужно знать, кто с нами, а кто нет. Когда завершим Великое Деяние, у нас будет все время мира, чтобы поваляться на пляжах. — Овсяница вылил остатки своего вина в мой океан. — А пока нам необходимо сосредоточиться.

— Сосредотачивайся сам, — сказал я, поворачиваясь, чтобы уйти.

Ситуация начала улучшаться к вечеру, когда интерес переместился к завтрашней нити. Портулак нашла меня, когда я занимался сложной перестройкой одной из дальних башен. Она сказала, что слышала о некой весьма необычной оргии на пятидесятом уровне главной башни и хочет, чтобы я встретился с ней там через час. Все еще остро переживая критические замечания Овсяницы, я ответил, что не в настроении, но Портулак была настойчива, и я пообещал прийти, когда закончу.

Я пришел, но там не оказалось никого, кроме нее.

— Я что, ошибся этажом?

— Нет, — ответила Портурлак, стоя на идеально прозрачном полу выносного балкона, отчего казалось, будто она парит на высоте двух километров над морем. — Этаж тот самый и время то же. Я же сказала: будет нечто особенное.

— Но ты не говорила, что аж настолько, — проворчал я.

Портулак разделась. Когда она отошла в сторону, ее одежда приобрела текстуру выветрелого камня и застыла в виде античных изваяний.

— Тебе что-то не нравится?

Моя собственная одежда превратилась в облако вишневых лепестков и поплыла к двери.

— Да нет, не сказал бы.

Портулак одобрительно взглянула на меня:

— Оно и видно.

Мы возились на стеклянном полу, который становился то мягче, то тверже в точном соответствии с нашими потребностями. Пока мы занимались любовью, я пытался вспомнить, создал ли я этот пол двусторонне прозрачным, и если да, то о чем сейчас судачат те, кто смотрит на пятидесятый уровень снизу. А потом решил, что все равно. Если даже мы кого-то шокируем — ну и пусть.

— Ты был прав, — сказала Портулак, когда мы лежали рядом.

— Прав насчет чего?

— Насчет закатов. Каждый… по-своему возбуждает. Как ты и говорил.

— Ну-ну, продолжай. Пинай упавшего.

— Собственно, я восхищаюсь твоей выдержкой, — сказала она. — У тебя был план, и ты ему упорно следовал. А некоторые закаты и впрямь вполне симпатичные.

С ее точки зрения, это был комплимент, но я не

смог подавить обиду.

— Вполне симпатичные?

Портулак сотворила виноградину и сунула мне в рот.

— Извини, Лихнис.

— Все в порядке, — ответил я. — По крайней мере, никто не будет донимать меня до конца карнавала, пытаясь добраться до воспоминаний, которые я стер из нити. И по крайней мере, они узнают, что закаты могут по-своему возбуждать.

Напряжение и впрямь спало, и, к своему удивлению, я расслабился, наслаждаясь оставшимися днями и ночами. В прошлый раз представленная мной нить была принята столь хорошо, что ходили слухи, будто я слегка ее приукрасил для пущего эффекта. На самом деле ничего подобного не требовалось — все случилось со мной в действительности, — и тем не менее пришлось предохраняться от возможных упреков до конца сбора.

На этот раз все было лучше. Я получал удовольствие от того, как мой разум наполнялся новыми яркими переживаниями, бесчисленными видами головокружительно сложной и щедрой галактики. Это было нечто вроде пьяной эйфории в сочетании с абсолютно кристальной ясностью

ума. Это было восхитительно и ошеломительно: настоящая лавина истории.

По последним подсчетам, имелось десять миллионов населенных солнечных систем, пятьдесят миллионов планет. Со времени последнего сбора успело возникнуть и погибнуть несколько цивилизаций. По завершении каждого сбора казалось невероятным, что у самых дальних очагов человеческого мира есть шанс сделаться еще более чуждыми, еще менее узнаваемыми. Но так было: человечество всегда умело затекать в любые космические щели, подобно жидкой лаве, а потом выдалбливать для своего обитания новые ниши, о которых оно прежде и мечтать не смело.

За два миллиона лет биоинженерии и киборгизации люди обрели способность существовать в любой среде. Двадцать тысяч различных ветвей человечества вернулись в чужие моря, и каждая из них выбрала свое решение проблемы жизни в воде. Некоторые в той или иной степени сохранили человеческий облик, но другие превратились в изящных акулоподобных существ, в ловких многоруких моллюсков или в заключенных в жесткий панцирь членистоногих. Тысяча триста различных человеческих цивилизаций обитали в атмосфере газовых гигантов, а девяносто плава-

ли в океанах металлического водорода под ней. Некоторые существовали в вакууме, некоторые — среди звезд. Были те, кто жил на деревьях, а также те, кто в каком-то смысле сам стал деревом. Существовали люди величиной с небольшую луну, давшие приют внутри своих тел целым сообществам. Некоторые закодировали себя в ядерной структуре нейтронных звезд, хотя в последнее время о них почти ничего не слышно. На фоне всех этих перемен девятьсот девяносто три шаттерлинга Линии Горечавки наверняка выглядели смехотворно старомодными, учитывая нашу стойкую приверженность традиционной анатомии. Но все это лишь условность. До прибытия на эту планету мы могли свободно выбирать любую внешнюю форму. Единственное правило состояло в том, что, покидая свои корабли, мы должны были принимать облик взрослых людей, а также брать с собой собственный разум. Мелочи вроде пола, телосложения, цвета кожи и сексуальной ориентации оставлялись на наше усмотрение, но все мы были обязаны иметь черты лица Абигейл Джентиан, Горечавки, — высокие скулы, волевой подбородок, а также разноцветные глаза — зеленый левый и иссиня-голубой правый.

Все остальное могло быть каким угодно.

Возможно, причина в том, что с добавлением каждой очередной нити вновь пробуждалось прошлое, но с приближением Тысячной ночи все мы чувствовали, как наш разум все больше заполняется воспоминаниями Абигейл Горечавки. Мы помнили, что значит быть лишь одним индивидуумом, помнили, что было много веков назад, до того, как Абигейл разделилась на множество клонов-шаттерлингов и отправила их странствовать по галактике. Все мы помнили, как мы были Абигейл.

Ближе к сплетению семисотой нити ко мне снова пришла Портулак. Ее волосы были уложены в жесткие завитки, напоминавшие структуру нашей галактики; среди них мерцали красные, желтые и голубоватые драгоценные камни, соответствовавшие различным звездным скоплениям.

— Лихнис, — осторожно позвала она.

Я покинул балкон, с которого восстанавливал после шторма один из мостов, магическими движениями рук заставляя крошечные невидимые механизмы — составные части моста — соединяться в единое целое. Материал тек, будто молоко, а потом волшебным образом за-

твердевал.

— Явилась помучить меня расспросами про закаты?

— Вообще-то, нет. Нам нужно поговорить.

— Всегда можно отправиться на одну из этих особенных оргий, — насмешливо бросил я.

— Я имела в виду — наедине. Без посторонних. — Вид у нее был необычно рассеянный. — Ты создал на этом острове какое-нибудь Убежище?

— Не видел в том нужды. Могу создать, если считаешь, что овчинка стоит выделки.

— Нет, это только привлечет лишнее внимание. Придется обойтись моим кораблем.

— Мне обязательно нужно закончить с этим мостом.

— Заканчивай. Когда будешь готов — я у себя на борту.

— В чем, собственно, дело, Портулак?

— Жду тебя на корабле.

Она повернулась, и мгновение спустя с неба опустилась квадратная стеклянная пластина. Портулак ступила на нее. Пластина расширилась и сложилась, образовав нечто вроде куба. Куб плавно поднялся в воздух, а затем, внезапно набрав скорость, умчался прочь. Я смотрел, как он исчезает вдали, отбрасывая серые отблески от

одной из своих граней, и превращается в мерцающую точку, чтобы исчезнуть внутри похожего на покрытую шрамами гору корабля.

Слегка удивленный, я вернулся к ремонту моста.

— О чем, собственно, речь?

— В числе прочего — о твоей нити. — Портулак проницательно взглянула на меня, откинувшись на спинку кресла, которым снабдил ее корабль. — Ты ведь рассказал нам всю правду? Ты в самом деле провел двести тысяч лет, глядя на закаты?

— Тебе не кажется, что если бы я хотел приврать, то сочинил бы что-нибудь поувлекательнее?

— Я так и подумала.

— К тому же на этот раз мне вовсе не хотелось победить, — продолжал я. — И так хватило головной боли, пока создавал это место. Ты даже не представляешь, как я намучился с размещением островов, не говоря уже обо всем остальном, что приготовил для Тысячной ночи.

— Я верю тебе. Просто должна была спросить. — Она растянула завиток своей прически и нервно прикусила его кончик. — Хотя, полагаю, ты все-таки умеешь лгать.

— Я не лгу. Может, перейдешь к сути?

Куб доставил меня на парящий над планетой

корабль Портулак через час после нее. Мой корабль имел скромные размеры для межзвездного транспортного средства, всего три километра в длину, а корабль Портулак был воистину огромен — двести километров от носа до хвоста и двадцать в самом широком месте. Хвостовые части выступали за пределы атмосферы, в космический вакуум, и по ночам мерцали вспышками защитных полей, перехватывавших и превращавших в пар метеориты. По верху корабля то и дело пробегали светящиеся волны, подобные сполохам зари.

Имелось много причин, по которым кому-то мог потребоваться столь большой корабль. Он мог быть сооружен вокруг некоего древнего, но ценного двигателя величиной с луну или какого-нибудь громадного, сказочно эффективного ускорителя, которого не было ни у кого другого. Ценность представляло все, что позволяло чуть ближе подобраться к скорости света. А может, ее корабль нес некий тайный груз вроде всего разумного населения покинутой планеты. Или, предположим, корабль был построен столь громадным в порыве безумного энтузиазма, просто потому, что имелась такая возможность. Или — при этой мысли я вдруг ощутил странную горечь

— такие размеры корабля нужны для того, чтобы вместить одного-единственного живого пассажира. Портулак сейчас имела размеры обычного человека, но кто мог знать, какова ее истинная форма между нашими встречами?

Знать мне этого не хотелось, и спрашивать я не стал.

— Суть весьма деликатная, — сказала Портулак. — Я вполне могу ошибаться. Даже почти наверняка ошибаюсь. В конце концов, никто, похоже, не заметил ничего необычного.

— Чего именно необычного?

— Помнишь нить Лопуха?

— Лопуха? Да, конечно.

Вопрос прозвучал глупо — никто из нас не мог забыть ни одну из сплетенных нитей, если только не стер ее осознанным усилием из памяти.

— Другое дело, что помнить там особо нечего, — добавил я.

Лопух, всегда тихий и скромный, никогда не пытался выделиться среди других. Свою нить он сплел несколько недель назад. Никакими особыми событиями она не отличалась и практически прошла мимо моего внимания.

— Такое ощущение, будто он пытался превзойти меня по уровню скуки.

— Думаю, он солгал, — сказала Портулак. — Мне кажется, нить Лопуха была преднамеренно изменена.

— Кто ее изменил? Сам Лопух?

— Да.

— А зачем ему это? В ней и так не было ничего интересного.

— Полагаю, что суть именно в этом. Думаю, он пытался скрыть нечто произошедшее на самом деле. Использовал скуку как преднамеренный камуфляж.

— Погоди, — произнес я. — С чего ты так уверена, что все было не столь скучно?

— Есть одно противоречие, — ответила Портулак. — Когда закончился прошлый сбор, мы все разлетелись в разные концы галактики. И насколько я помню, никто из нас не делился планами и маршрутами.

— Это в любом случае запрещено, — сказал я.

— Да. И шансы на то, что за это время кто-то из нас наткнется на другого, были крайне малы.

— Но это все-таки случилось?

— Не совсем. Но думаю, с Лопухом точно что-то случилось. Нечто такое, из-за чего он подделал свою нить, чтобы создать ложное алиби.

Я поерзал в кресле. Это было серьезное об-

винение, куда серьезнее обычных циничных умозаключений, которыми сопровождалось любое обсуждение с глазу на глаз других шаттерлингов Линии Горечавки.

— С чего ты взяла?

— С того, что воспоминания Лопуха противоречат твоим. Я знаю, проверяла. Судя по вашим нитям, вы оба должны были находиться в одно время в одной и той же системе.

— В какой системе?

Портулак объяснила. Речь шла о совершенно неприметном месте — всего лишь очередная звезда, заходящая над чужим морем, не более того.

— Я там был, — кивнул я. — Но с Лопухом уж точно не сталкивался. — Я пошарил в памяти, просматривая мнемонические заголовки конкретных событий. — Он даже поблизости не пролетал. За время моего пребывания в окрестностях той планеты не появился ни один межзвездный транспорт. Возможно, корабль Лопуха был замаскирован…

— Вряд ли. Так или иначе, о тебе он тоже не упоминал. Ты маскировал свой корабль?

— Нет.

— Тогда он должен был видеть, как ты прилетал или улетал. Межзвездная среда в тех краях

достаточно плотная, релятивистский корабль не может не оставить в ней следа. Будь его нить настоящей, он бы наверняка хоть что-то об этом сказал.

Она была права. Нежданные встречи всегда становились поводом для праздника, как триумф случайности в нечеловечески огромных просторах галактики.

— И что, по-твоему, случилось?

— Полагаю, Лопуху просто не повезло, — сказала Портулак. — Думаю, он выбрал эту планету наугад, не подозревая, что ты на ней побывал как раз в то время, когда, по его утверждению, там был он сам.

— Но его нить была сплетена после моей. Если он собирался солгать…

— Вряд ли он обратил внимание на твой каталог закатов, — сказала Портулак. — Хотя стоит ли его в этом винить?

— С тем же успехом мог лгать я, — заметил я.

— И все же я поставила бы на Лопуха. В любом случае это не единственная проблема с его историей. Есть еще несколько несовпадений, не столь вопиющих, но их вполне хватило, чтобы я занялась поиском аномалий. Тогда я и заметила это противоречие.

Я удивленно воззрился на нее:

— Это и впрямь серьезно.

— Вполне может быть.

— Наверняка. Одно дело — безобидное преувеличение. Даже прямую ложь можно понять. Но зачем заменять правду на нечто куда менее интересное, если тебе нечего скрывать?

— Вот и я так подумала.

— Зачем ему создавать себе алиби, когда он мог столь же легко стереть из своей нити все проблемные воспоминания?

— Рискованно, — сказала Портулак. — Безопаснее заменить систему, где он в самом деле побывал, на другую в том же уголке галактики, так что особого расхождения по времени не возникло бы. Это на случай, если бы кто-нибудь решил глубже покопаться в его нити.

— Однако это никак не помогает нам понять, где он был. Тот же уголок галактики может означать сотни световых лет и тысячи систем.

— Галактика большая, — кивнула Портулак.

Наступило неловкое молчание. Высоко над нами, за слоями бронированного металла, звучал сейсмический стон некоего колосса, который ерзал и вертелся, будто спящий младенец.

— Ты говорила с Лопухом?

— Об этом — нет.

— А с кем-нибудь еще?

— Только с тобой, — ответила Портулак. — Я беспокоюсь, Лихнис. Что, если Лопух в самом деле что-то совершил?

— Преступление?

— Не исключено.

Но представить такое было попросту невозможно. Линия Горечавки не являлась единственной в своем роде. Когда Абигейл разделилась на множество частей, подобным образом поступили и другие. Некоторые из тех Линий со временем вымерли, но большинство сохранилось в той или иной форме. Хотя их обычаи разнились, у большинства Линий имелось нечто похожее на сбор — место, где они заново сплетали воспоминания.

За последние два миллиона лет эти Линии не раз контактировали между собой. До недавнего времени Линия Горечавки держалась в стороне, но некоторые другие образовывали свободные союзы. Существовала и вражда. Одна Линия была уничтожена целиком, когда соперничающая Линия заложила на их эквиваленте сбора бомбу из антиматерии, оставшуюся после Войны в Местном Пузыре. Теперь мы все вели себя намного осторожнее. Между многими Линиями

возникали формальные связи. Появились правила поведения. Вражду сменили брачные союзы. Строились планы дальнейшего сотрудничества, такие как Великое Деяние.

Великим Деянием назывался проект — пока еще не начавшийся, — который требовал активного взаимодействия многих Линий. И что бы он собой ни представлял, он был воистину великим. Больше я ничего о нем не знал. В своем невежестве я был не одинок — официально никого из шаттерлингов Линии Горечавки не посвящали в детали Великого Деяния. Информацией о нем владел Союз Линий, в котором нам пока не предоставили полноправного членства. Ожидалось, однако, что скоро нас пригласят в этот клуб. Среди гостей сбора были посланники других Линий; некоторые из них присутствовали тайно. Они наблюдали за нами, оценивая наши нити и делая на их основе выводы о нашем здравомыслии и готовности.

Неофициально также существовали некоторые шаттерлинги Горечавки — эти, похоже, что-то знали. Я вспомнил, как Овсяница критиковал мою нить, вспомнил его слова о грядущих бурных временах и о том, что у меня будет в распоряжении все время мира, чтобы валяться на пляжах,

когда завершится Великое Деяние. Овсяница и горстка других шаттерлингов почти наверняка знали несколько больше.

Мы называли их Сторонниками.

Несмотря на вероятность того, что нас вскоре пригласят участвовать в проекте, мы оказались крайне уязвимы. Единственная ошибка могла ослабить наше положение среди прочих Линий. И мы все помнили об этом, готовя нити.

Но что, если кто-то из нас совершил нечто воистину ужасное? Преступление, совершенное одним шаттерлингом Горечавки, бросит тень на всех нас. Формально мы являемся различными олицетворениями одного и того же индивидуума. Если один шаттерлинг Горечавки способен на нечто дурное, можно предположить, что на то же самое способны мы все.

Если Лопух действительно совершил преступление и если это преступление раскроется, нас вполне могут отстранить от Великого Деяния.

— Это может плохо кончиться, — сказал я.

В последующие дни мне было крайне тяжело вести себя как обычно. Куда бы ни шел, я обязательно натыкался на Лопуха. В течение последнего карнавала наши пути почти не пересекались, но теперь мы с ним, похоже, были

обречены на ежедневные встречи, и я изо всех сил старался найти верный тон, чтобы ничем не выдать подозрения, возникшие у нас с Портулак. В то же время воображение неудержимо подбрасывало картины преступлений. Как и любые члены путешествующего среди звезд сообщества, шаттерлинги Горечавки располагали невообразимой мощью. Хватило бы неосторожного использования одного из наших кораблей, чтобы запросто испепелить планету. Мысль о преднамеренном действии еще сильнее повергала в дрожь. Шаттерлингам других Линий в далеком прошлом доводилось совершать злодеяния. История была вымощена актами геноцида.

Но ничто в Лопухе не выдавало преступных наклонностей. Он не был тщеславен, и его нити никогда не относились к числу запоминающихся. Он не пытался влиять на политику Горечавок и не имел явных врагов.

— Как думаешь, кто-нибудь еще знает? — спросил я Портулак при очередной тайной встрече на ее корабле. — Все-таки доказательства видны невооруженным глазом. При достаточной внимательности все эти противоречия может заметить любой другой.

— В том-то и суть, что никто не обращает вни-

мания. Мы с тобой друзья. Вероятно, я больше интересовалась твоими закатами, чем остальные. И я стараюсь докапываться до мелочей. Я выискивала ложные нити на каждом карнавале.

— Потому что подозревала, что кто-то из нас может лгать?

— Потому что так интереснее.

— Возможно, мы придаем этому слишком большое значение, — сказал я. — Предположим, он просто совершил нечто постыдное и пытался это скрыть. Не преступление, а нечто такое, из-за чего выглядел бы глупо.

— Мы все совершаем глупости. Но это никому из нас не помешало включать их в наши нити. Помнишь, что сделала Очиток на третьем карнавале?

Очиток выставила себя на посмешище — возле нейтронной звезды SS433 едва не разбила свой корабль. Но ее искренность пленила всех нас, и именно ее выбрали на роль создательницы места для четвертого карнавала. С тех пор стало почти правилом включать в свою нить какую-нибудь историю, ставившую ее автора в неловкое положение.

— Возможно, нам следует поговорить с Лопухом, — сказал я.

— А вдруг мы ошибаемся? Если Лопух почувствует себя оскорбленным, вся Линия может отвернуться от нас.

— Да, в том есть определенный риск, — согласился я. — Но если он совершил нечто дурное, Линия должна об этом знать. Будет весьма неприятно, если кто-то из другой Линии обнаружит правду раньше нас.

— Может, мы просто делаем из мухи слона?

— А может, и нет. Как бы нам вынести этот вопрос на всеобщее обсуждение? Что, если ты публично обвинишь меня во лжи?

— Рискованно, Лихнис. А если мне поверят?

— Никаких изъянов в моей истории им не найти, поскольку таковых попросту нет. В конечном счете все внимание сосредоточится на Лопухе. Если, как ты говорила, в его нити еще что-то не сходится…

— Не нравится мне это.

— Мне тоже. Но ничего другого все равно не придумать.

— Возможно, есть способ. — Портулак бросила на меня осторожный взгляд. — В конце концов, это ведь ты построил острова.

— Да, — кивнул я.

— Вряд ли тебе так уж сильно придется на-

прятать твои способности, чтобы шпионить за Лопухом.

— Ну уж нет, — покачал я головой.

Портулак успокаивающе подняла руку:

— Я вовсе не предлагаю подсадить ему жучка, или следовать за ним до его корабля, или что-то в этом роде. Просто фиксировать все, что он делает или говорит на публике. Твоя окружающая среда на это способна?

Солгать я не мог.

— Конечно. Она постоянно отслеживает все, что мы делаем на публике, ради нашей же безопасности. Если с кем-то что-то случится…

— Тогда в чем проблема?

— Среда мне не докладывает. Эту информацию она держит при себе.

— Но ее ведь можно перепрограммировать, чтобы она обо всем докладывала? — спросила Портулак.

Я поежился:

— Да.

— Понимаю, это не вполне обычно, Лихнис. Но думаю, нам придется так поступить, учитывая, что стоит на кону.

— Лопух может ничего не сказать.

— Мы этого не узнаем, если не попытаемся.

Сколько тебе потребуется времени, чтобы все организовать?

— Вполне тривиальная задача, — признался я.

— Тогда действуй. Вчера ночью была сплетена восемьсот третья нить. Осталось меньше двухсот дней до того, как все мы покинем сбор. Если сейчас не выясним, что замышляет Лопух, возможно, другого шанса у нас не будет никогда. — Глаза Портулак возбужденно блеснули. — Нельзя терять ни минуты.

Мы с Портулак договорились с этого момента свести наши встречи к минимуму, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Связи между шаттерлингами одной Линии считались вполне нормальным делом, даже связи долговременные, но сам факт, что мы старательно избегаем встреч на публике, не мог не вызвать удивления. Пусть здесь не было ни одного Убежища, но вполне хватало укромных мест для невинных свиданий.

Вот только наши свидания были далеко не невинными.

После того как мы разработали план, поддерживать контакт было уже нетрудно. Поскольку именно я спроектировал и построил это место, аппаратура, вплетавшая нити в наши ночные сновидения, находилась под моим полным кон-

тролем. Каждый вечер я считывал накопившуюся информацию о тайных наблюдениях за Лопухом и запускал простую программу, выделявшую те моменты, когда Лопух говорил с кем-нибудь или получал данные из одного из публичных узлов, которые я расставил повсюду. Затем выделенные последовательности я вводил в сновидения Портулак вместе с предназначенной для этой ночи нитью. То же самое я проделывал и с собой; в итоге нам снилось больше, чем всем остальным, но вряд ли это была чрезмерная цена за полученные сведения.

Днем, исполняя наши общественные обязанности, мы независимо друг от друга изучали данные о Лопухе. Мы договорились, что если один заметит нечто необычное, то оставит для другого некий знак. Поскольку я заведовал местом проведения сбора, мой знак заключался в изменении узора плиток на полу террасы тридцатого этажа — таким образом хитро кодировалось время необычного события. С этими узорами я забавлялся задолго до истории с Лопухом, так что для остальных в моих действиях не было ничего странного. Что же касается Портулак, то мы договорились, что в полдень она будет стоять в определенной точке на одном из моих

осыпаемых брызгами подвесных мостов. Сосчитав количество тросов между ней и берегом, я смогу вычислить время аномалии с точностью до нескольких десятков минут.

Мы также договорились, что не будем встречаться, пока не найдем время изучить наблюдения друг друга, а если решим, что есть нечто достойное обсуждения, то «случайно» увидимся в ближайшие дни и выберем подходящий момент, чтобы ускользнуть на корабль Портулак. Но шли недели, а Лопух не совершал ничего такого, что мы сочли бы достойным обсуждения или хотя бы странным. Иногда он делом или словом намекал на некую мрачную личную тайну, но, если учесть, сколь пристально мы за ним наблюдали, подобное могло рано или поздно случиться с каждым. Да и у кого из нас не было тайн?

Но вскоре мы начали замечать нечто такое, чем нельзя было пренебречь.

— Он уже третий раз искал информацию о Великом Деянии, — сказала Портулак.

Я кивнул. Лопух трижды заводил разговор с другими шаттерлингами на тему Великого Деяния.

— Он ведет себя весьма осмотрительно, — заметил я. — Но ясно, что ему не терпится узнать побольше. Впрочем, разве всем нам не хочется

того же?

— Не до такой степени, — возразила она. — Да, мне любопытно, что так возбуждает все Линии. Но меня вовсе не мучает из-за этого бессонница. Я знаю: рано или поздно тайное станет явным. И я достаточно терпелива, чтобы подождать.

— Что, правда? — спросил я.

— Да. И, кроме того, до меня дошло немало слухов, и теперь я наполовину знаю ответ.

Для меня это стало новостью.

— Продолжай.

— Речь идет о сплетении миров Линий в единую сущность — своего рода галактическую империю. В данный момент подобное вряд ли осуществимо — нам потребуется двести тысяч лет лишь для одного пролета через галактику. В человеческих масштабах это слишком долго. Может, мы и не особо замечаем, как идет время на наших кораблях, но к живущим на планетах это не относится. Пока мы корректируем курс, успевают расцвести и угаснуть целые цивилизации. Некоторые жители планет владеют разнообразными формами бессмертия, но от этого история не начинает идти медленнее. И эта история постоянно ведет к разрушению, не давая нам в полной мере реализовать наш потенциал.

— Кажется, я не вполне за тобой поспеваю, — сказал я.

— Представь себе все эти мириады человеческих цивилизаций, — продолжала Портулак. — С любой точки зрения они существуют независимо друг от друга. Те, что разделены несколькими световыми годами, способны обмениваться идеями и даже в какой-то степени торговать. Но большинство так сильно разнесены, что в лучшем случае лишь смутно догадываются о существовании друг друга благодаря дальней космической связи или информации, исходящей от кого-нибудь вроде нас с тобой. Но что могут знать две цивилизации на разных концах галактики? К тому времени, когда одна услышит о другой, та, вероятно, уже перестанет существовать. Нет никакой возможности взаимного сотрудничества, обмена интеллектуальными ресурсами. — Портулак пожала плечами. — Так что эти цивилизации бредут во тьме, раз за разом совершая одни и те же ошибки и заново изобретая колесо. В лучшем случае им что-то известно из галактической истории, что позволяет избежать трагических ошибок. В худшем — они живут в полном неведении. Некоторые даже не помнят, откуда они вообще взялись.

Я пожал плечами вслед за Портулак:

— Но ведь так и должно быть. В силу человеческой природы нам свойственно меняться, экспериментировать с новыми обществами, новыми технологиями, новыми способами мышления…

— И именно эти эксперименты разрывают общества на куски, продолжая вращать колесо истории.

— Но если бы мы были иными, то не были бы людьми. У каждой цивилизации в галактике есть средства, чтобы завтра же погрузиться в застой, если возникнет такое желание. Вероятно, некоторые уже пытались. Но какой смысл? Мы можем остановить колесо истории, но тогда перестанем быть людьми.

— Согласна, — кивнула Портулак. — Вмешательство в человеческую природу ничего не решит. Но представь, что можно каким-то образом использовать интеллектуальные способности всех человеческих диаспор. В данный момент все эти цивилизации толкутся, будто случайные атомы в газообразной среде. Что, если их привести в когерентное состояние, подобно атомам в лазере? Тогда наступит настоящий прогресс, при котором достижения будут следовать одно за другим. И

мы сможем наконец делать что-то реальное.

Я едва не рассмеялся:

— Мы — бессмертные сверхсущества, которые живут дольше некоторых путешествующих среди звезд цивилизаций, включая многих Предтеч. При желании мы пересечем галактику со скоростью мысли. Мы ради развлечения создаем миры и взрываем солнца. Мы наслаждаемся сновидениями и кошмарами пятидесяти миллионов миллиардов разумных созданий. Тебе этого недостаточно?

— Может, этого достаточно нам с тобой, Лихнис. Но с другой стороны, наши амбиции всегда отличались скромностью.

— Но что насчет Лопуха? — спросил я. — Насколько мне известно, со Сторонниками он никак не связан. Вряд ли активно их избегает, но явно не тратит время на поиск нужных контактов.

— Мне нужно снова изучить записи, — сказала Портулак. — Но я почти уверена, что ни к кому из известных Сторонников он не обращался. Его цель — люди с периферии, шаттерлинги, которые могут что-то знать, но не посвящены напрямую в большую тайну.

— Почему бы ему прямо не спросить Сторонников?

— Хороший вопрос, — кивнула Портулак. — Естественно, мы всегда можем спросить его самого.

— Только когда узнаем чуть побольше о том, во что он ввязался.

— Есть еще кое-что, — проговорила Портулак, — чем мы могли бы заняться.

От ее тона у меня зашевелились волосы на затылке.

— Мне это не понравится, да?

— Я о том, чтобы изучить записи на его корабле и выяснить, что он на самом деле замышляет.

— Вряд ли он нам позволит.

— Не собираюсь спрашивать у него разрешения. — На губах Портулак играла зловещая и возбуждающая улыбка; похоже, она всерьез наслаждалась нашей маленькой авантюрой. — Предлагаю отправиться туда и выяснить самим.

— Вот так просто?

— Я не говорю, что это будет легко. Но ведь ты создал это место, Лихнис. И вряд ли твоих выдающихся способностей не хватит, чтобы совершить отвлекающий маневр.

— Лестью ты добьешься почти чего угодно, — сказал я. — Но проникнуть на его корабль? Это уж точно не детские игрушки.

Портулак прижала изящный палец к моим губам:

— О корабле побеспокоюсь я. А ты побеспокойся насчет отвлекающего маневра.

В последующие недели, пока мы следили за Лопухом, у нас постепенно складывался весьма опасный и оттого не менее восхитительный план. Лопух вел себя как и прежде, задавая вопросы о сути Великого Деяния, но не обращаясь с ними к известным Сторонникам. Нам все больше казалось, будто его тревожит некое обстоятельство, касающееся Деяния, причем настолько деликатное, что он не рискует откровенничать с теми, кто имел непосредственное отношение к проекту. Но поскольку мы с Портулак ничего не знали о том, в чем реально состоит Великое Деяние, нам оставалось лишь догадываться, что́ так беспокоит Лопуха. Мы решили, что нужно узнать побольше, но из-за наших подозрений (и, соответственно, из-за собственных подозрений Лопуха) мы точно так же не могли напрямик спрашивать у Сторонников. В последующие дни я поймал себя на том, что, как и Лопух, задаю завуалированные вопросы, но не тем, кого он донимал, поскольку не хочу вызвать ненужное любопытство. Так же поступала и Портулак, и

мы, продолжая готовить абсолютно незаконный набег на корабль Лопуха, складывали воедино кусочки собранной информации.

Нового она почти ничего не давала, но и не ослабляла убежденность Портулак в том, что Великое Деяние связано с возникновением единой, простирающейся на всю галактику сверхцивилизации. Ходили мрачные слухи о тайном развитии технологий, которые должны к этому привести.

— Наверняка речь идет о низкой скорости межзвездных коммуникаций, — задумчиво проговорил я. — Как ни крути, это фундаментальное препятствие. Никакой сигнал, никакой корабль не способен пересечь галактику достаточно быстро, чтобы за этот срок в ней успела возникнуть одна из традиционных политических систем. А Линии чересчур независимы, чтобы допустить ту разновидность социальной инженерии, которую мы с тобой обсуждали. Они попросту не примут ни одну систему, которая накладывает ограничения на творчество человека.

— Никто не воспринимает всерьез перелеты со скоростью больше световой, Лихнис.

— Перелеты вовсе не обязательны, достаточно механизма передачи сигналов. Мы все можем оставаться дома, общаясь посредством клонов

или роботов. Вместо того чтобы отправлять собственное тело на другую планету, я воспользуюсь телом-носителем, которое уже находится там. — Я пожал плечами. — Или с помощью сенсорной стимуляции создам точную копию другой планеты и всех ее обитателей. В любом случае разница будет незаметна. Так не все ли равно?

— Но за два миллиона лет, — сказала Портулак, — ни одна цивилизация в галактике так и не овладела связью или полетами быстрее скорости света.

— Хотя многие пытались. Что, если некоторым удалось, но они сохранили свое достижение в тайне?

— Или их уничтожили, чтобы защитить существующее положение дел? В эту игру мы можем играть вечно. Штука в том, что и сверхсветовые полеты, и связь кажутся сейчас еще менее вероятными, чем миллион лет назад. Вселенная просто к ним не приспособлена. Это примерно как играть в стоклеточные шашки на обычной шахматной доске.

— Конечно же ты права, — вздохнул я. — Когда-то я изучал эту математику, целый век ей посвятил. С какой стороны ни подступись, она кажется непрошибаемой. Но если это все же не

так…

— Вряд ли это так. Конечно, нам надо держать разум открытым… Но думаю, Великое Деяние заключается в чем-то другом. А в чем именно — ума не приложу.

— И это все?

— Боюсь, что да. Только не делай такое разочарованное лицо, Лихнис. Тебе совершенно не идет.

А потом с Лопухом случилось нечто странное. Первым намеком послужила его безупречная ориентация в Лабиринте настроений.

По обычаю, ночи сбора посвящались невинным играм и иным развлечениям. Вечером восемьсот семидесятого дня я открыл на одном из высоких балконов лабиринт, предложив скромную награду тому, кто быстрее найдет в нем путь. Лабиринту предстояло существовать до девятисотой ночи — вполне достаточно, чтобы попытаться мог каждый.

Но Лабиринт настроений — не обычный лабиринт. Основанный на игре, о которой я узнал в моих странствиях, Лабиринт настроений был чувствителен к эмоциональным состояниям, которые определял по самым слабым признакам с помощью не бросающихся в глаза приборов. Пока

игрок сохранял полное спокойствие, геометрия Лабиринта не менялась. Но едва стены получали малейший намек на растерянность, геометрия претерпевала коварные трансформации — стены смещались, перекрывая один путь и освобождая другой. Чем пуще терялся игрок, тем более извилистым становился Лабиринт. Вспышки злости могли привести даже к тому, что Лабиринт создавал вокруг злополучного игрока замкнутую петлю, и у того не оставалось иного выбора, кроме как ходить кругами, пока он не успокаивался. Стоит сказать, что считалось дурным тоном входить в Лабиринт настроений, располагая чем-либо отличным от базового человеческого интеллекта. Исключительные способности к запоминанию или ориентации в пространстве перед участием в игре полагалось отключать.

Лабиринт настроений был достаточно приятным развлечением, популярным у большинства рискнувших однажды в нем побывать. Но, создавая его, я имел в виду нечто большее. Я надеялся, что Лабиринт что-то расскажет мне об умонастроениях Лопуха, если только тот решит участвовать в игре. Поскольку участие было добровольным, меня никто не мог обвинить в том, что я незаконно проникаю в тайны его души.

Но Лопух беспрепятственно преодолел Лабиринт, причем датчики в стенах практически не отметили каких-либо изменений в его эмоциональном состоянии. Нельзя было исключать жульничество, хотя это выглядело маловероятным — Лабиринт настроений выявлял большинство уловок, за чем следовало соответствующее наказание. И даже если Лопуху было что скрывать, он с легкостью мог вообще отказаться от прохождения Лабиринта.

Больше всего меня удивили растерянность и злость некоторых других участников. Когда группа Сторонников поспорили, кто быстрее преодолеет Лабиринт, самое большое унижение испытал Овсяница, угодивший в замкнутую петлю. Видя его нарастающую ярость, я в конце концов тактично вмешался и позволил ему покинуть Лабиринт.

Я встретил Овсяницу у выхода.

— Что, чертовски непростая задачка? — усмехнулся я, пытаясь разрядить атмосферу.

— Страшилки для детей, — сердито бросил он. — Впрочем, ничего другого я от тебя и не ожидал.

— Это всего лишь игра. Тебе вовсе не обязательно было в ней участвовать.

— Да для тебя вообще все — игра без каких-либо последствий. — Он покосился на других Сторонников, насмешливо смотревших на нас. — Ты понятия не имеешь, что поставлено на карту. И даже если бы знал, то дрожал бы от страха при одной лишь мысли об ответственности.

— Ладно, — я примирительно поднял руки, — запрещу тебе участвовать в любых моих играх. Тебя это удовлетворит?

— Если хочешь знать, что меня удовлетворит… — начал Овсяница, но тут же нахмурился и повернулся, чтобы уйти.

— Портулак, да? — спросил я.

Он понизил голос до шепота:

— Я честно тебя предупреждал. Но что толку? Ты так и ухлестываешь за ней, пренебрегая всеми остальными. Ваши сексуальные отношения — практически моногамия. Тебе плевать на традиции Линии.

— И это все из-за Лабиринта, Овсяница? — бесстрастно спросил я, не клюнув на приманку. — Никогда не думал, что на тебя так действует поражение.

— Ты понятия не имеешь, что поставлено на карту, — повторил он. — Грядут перемены, Лихнис, — резкие и внезапные перемены. И

единственное, что сможет удержать Линию, — самопожертвование.

— Речь идет о Великом Деянии? — спросил я.

— Речь идет о долге, — ответил он. — О том, чего ты, похоже, не способен понять. — Он бросил взгляд на Лабиринт, будто желая, чтобы тот рассыпался в прах. — Продолжай играть в игрушки, Лихнис. Развлекайся, сколько душе угодно. А вещи поважнее оставь другим.

Овсяница ушел. Я растерянно моргал, сожалея, что упомянул о Великом Деянии. Теперь о моем интересе к нему знает по крайней мере один Сторонник.

Чья-то рука коснулась моего плеча.

— Вижу, этот старый пердун опять тебя достает?

Это был Критмум, вторгшийся в мое личное пространство. В обычной ситуации я бы попросту отстранился, но сейчас расслабился, радуясь возможности облегчить душу.

— Похоже, он не в восторге от Лабиринта настроений, — сказал я.

— Не бери в голову. Овсяница уже несколько недель странно себя ведет. Что у него за проблемы?

— Ему не нравится, что я провожу время с

Портулак.

— Лишь потому, что этот мерзавец так и не сумел ее трахнуть.

— Думаю, дело не только в этом. Овсяница в чем-то замешан. Ты ведь знаешь, о чем я?

Критмум понизил голос:

— Не имею ни малейшего представления. Кроме того, что это некое деяние и что оно великое. Может, у тебя информации побольше?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Но так или иначе, Овсяница считает, что оно намного важнее праздного времяпровождения, к которому склонны мы с Портулак.

— Он что, пытался тебя завербовать?

— Не уверен. Не могу понять, то ли он осуждает меня за все, то ли просто крайне разочарован, что я растрачиваю впустую талант.

— Что ж, бессонницей я от этого точно не стал бы страдать. Овсяница — всего лишь старый унылый зануда. Его нить вроде не вызвала фурора на всем острове?

— Как и моя.

— Разница в том, что Овсяница явно ожидал большего. Между нами… — Критмум, поколебавшись, огляделся. — Думаю, он утаил кое-какие факты.

Я нахмурился:

— Хочешь сказать, он подделал свою нить?

— Некоторые детали. Мы едва не встретились у Вуали Геспера — достаточно близко сошлись, чтобы обменяться опознавательными протоколами.

Я кивнул. Неподалеку от Вуали Геспера находилась сверхновая, и некоторые из нас планировали подобраться к ней поближе.

— Вряд ли этого достаточно, чтобы обвинить его во *лжи*.

— Да, — кивнул Критмум. — Но, судя по его нити, он вообще миновал Вуаль. Зачем ему было врать? Затем, что либо до, либо после он побывал где-то еще, о чем не хотел нам сообщить. Вероятно, в каком-то намного менее интересном месте, чем те, что наличествуют в его нити.

Я ощутил легкую дрожь, подумав, не замешан ли Овсяница также и в истории с Лопухом. Не могут ли они быть сообщниками?

— Довольно тяжкое обвинение, — заметил я, чувствуя, как в голове теснится множество мыслей.

— Ну, я ничего с этим делать не собираюсь. Я уже подправил мою собственную нить, чтобы его не смущать. Рано или поздно он все равно на чем-нибудь споткнется.

— Пожалуй, ты прав, — проговорил я, не в силах скрыть разочарование.

Мысль о публичном унижении Овсяницы, изобличенного в подделке фрагментов его нити, казалась постыдно сладостной.

— Не допускай, чтобы он чересчур тебя донимал, — посоветовал Критмум. — Он всего лишь грустный старикашка, у которого слишком много свободного времени.

— Самое забавное, — сказал я, — что он ничуть не старше любого из нас.

— Он ведет себя как старик. И это главное.

Откровения Критмума улучшили мое настроение, и я с немалым удовольствием рассказал Портулак о том, что узнал. Лишенные ядовитого жала угрозы Овсяницы лишь подбодрили нас обоих. Мы то и дело устраивали встречи на ее корабле — настолько тайные, насколько это было возможно, — и обсуждали то, что нам удалось выяснить.

Именно там я упомянул о молниеносном прохождении Лопуха через Лабиринт.

— Возможно, он жульничал, — сказал я. — Судя по данным Лабиринта, его эмоциональные показатели практически не менялись.

— Не пойму, зачем ему жульничать, — ответи-

ла Портулак. — По общему мнению, авторитетом в Линии он не пользуется, но есть и другие способы завоевать уважение, если это для него столь важно. Такое впечатление, будто он прошел Лабиринт, потому что считал себя обязанным это сделать… Вот только Лабиринт оказался для него слишком прост.

— Есть еще кое-что, — добавил я. — Не уверен, заметил ли бы я это, если бы не история с Лабиринтом… Но с тех пор я присматриваюсь к Лопуху еще внимательнее.

— И что? Чем он таким занимается?

— Скорее не занимается. Если ты понимаешь, о чем я.

Портулак глубокомысленно кивнула:

— Я тоже это заметила — если мы говорим об одном и том же. Уже с неделю не занимается.

— Значит, мне не показалось, — облегченно вздохнул я при мысли, что наши наблюдения совпадают.

— Я сомневалась, стоит ли говорить. Не то чтобы его поведение радикально изменилось, просто…

Я закончил за нее — раздражающая привычка, от которой я пытался избавиться последний миллион лет:

— …он больше не интересуется Великим Деянием.

Глаза Портулак блеснули в подтверждение моих слов.

— Именно.

— Если только я не упустил чего-то, он оставил попытки выяснить, что это такое.

— Из чего следуют две альтернативы, — сказала Портулак. — Либо он считает, что узнал уже достаточно…

— Либо кто-то его припугнул.

— Нам в самом деле нужно взглянуть на его корабль, — заявила она. — Просто необходимо.

Портулак отлично справилась с задачей. Когда Лопух в очередной раз посещал свой корабль, она пустила следом за ним дрон, маленькую прозрачную стрекозу, незаметно проскользнувшую в транспортный куб. Дрон перехватил обмен опознавательными протоколами между кубом и парящим в небе кораблем. Второй визит подтвердил, что протокол остался прежним — Лопух не применил случайным образом меняющийся ключ. В этом не было ничего удивительного — все мы считали себя единой семьей и на многих припаркованных кораблях не имелось никаких средств охраны. Никому попросту не приходило

в голову вынюхивать что-то без разрешения.

По крайней мере, решена была половина проблемы. Мы могли проникнуть на корабль Лопуха, но нам еще требовалось замаскировать наш отлет с острова и наше отсутствие.

— Надеюсь, у тебя имеются мысли на этот счет, — сказала Портулак.

Что ж, они у меня имелись, но я сомневался, что мое предложение ей очень понравится.

— Есть одна идея, — ответил я. — Весь остров под моим наблюдением, так что я всегда знаю, где в данный момент находится Лопух и что он делает.

— Продолжай.

— Дождемся, когда мои системы выберут временной промежуток, в котором Лопух будет занят чем-то другим. Оргией, игрой, долгим разговором…

Портулак задумчиво кивнула:

— А если ему наскучит эта оргия, игра или разговор и он освободится раньше времени?

— Тогда будет сложнее, — согласился я. — Но остров в любом случае мой. Ловко вмешавшись, я заставлю Лопуха задержаться на час или два, прежде чем у него возникнет слишком много подозрений.

— Этого может не хватить. Ты же не сможешь держать его в плену?

— Нет.

— И даже если тебе удастся занять Лопуха на то время, которое нам требуется, есть маленькая проблема: все остальные. А вдруг кто-нибудь увидит, как мы входим на корабль Лопуха или покидаем его?

— Да, ты права, — кивнул я. — Вот почему это было лишь предложение номер один. Собственно, я и не думал, что оно тебя устроит. Готова к предложению номер два?

— Готова, — ответила Портулак таким тоном, будто догадывалась, что шагает прямо в западню.

— Нам нужен отвлекающий маневр получше, от которого Лопуху не увильнуть через час-другой. А еще необходимо чем-то занять всех остальных, чтобы они не заметили нашего отсутствия.

— И ты, конечно же, что-то придумал?

— Через десять дней ты представишь свою нить, Портулак. — Я заметил мелькнувшее на ее лице беспокойство, но продолжил, зная, что она наверняка поймет. — Это наш единственный шанс. По правилам Горечавок каждый на этом

острове обязан получить твою нить. Естественно, за одним исключением.

— Это исключение — я сама, — медленно кивнула она. — Мое физическое присутствие не требуется, поскольку мне уже известны мои собственные воспоминания. Но что насчет…

— Меня? Что ж, это тоже не проблема. Поскольку аппаратурой управляю я, никто не обязан знать, что меня не было на острове, когда сплеталась твоя нить.

Я наблюдал за Портулак, пока та размышляла над моей идеей. Сомнений в том, что все получится, у меня не было. Я изучил проблему со всех возможных точек зрения, выискивая малейший изъян, но ничего не обнаружил. По крайней мере, ничего такого, с чем не мог бы справиться.

— Но ты не будешь знать мою нить, — сказала Портулак. — Что, если кто-то спросит?..

— И это тоже не проблема. Как только мы договоримся насчет нити, я смогу немедленно ее получить. Я просто никому ничего не скажу до твоего дня сплетения. Все будет выглядеть так, будто я получил ее тем же способом, что и все остальные.

— Погоди. — Портулак подняла руку. — Что ты сейчас сказал… о нашей договоренности насчет

нити?

— Гм?..

— Я что-то упустила? Договариваться не о чем. Я уже подготовила и отредактировала мою нить так, что она полностью меня устраивает. Не осталось ни одного воспоминания, с которым бы я не намучилась тысячу раз, то вставляя его, то вновь убирая.

— Ты наверняка права, — сказал я, зная, как Портулак стремится к совершенству во всем. — Но к несчастью, нам придется сделать это событие чуть более ярким.

— Не вполне тебя понимаю, Лихнис.

— Нужен надежный отвлекающий маневр. Твои воспоминания должны взволновать всех на острове и стать темой для разговоров на многие дни. И повод к ним следует дать еще до сплетения нити, чтобы все с нетерпением ждали. Тебе придется делать намеки и выглядеть гордой и самодовольной. И равнодушно похваливать нить кого-то другого.

— Упаси нас Господь от равнодушных похвал.

— Поверь, — сказал я, — я все это прекрасно знаю.

Она покачала головой:

— Я не смогу, Лихнис. Это не в моем стиле. Я не

умею хвастаться.

— Вламываться в чужие корабли тоже не в твоем стиле. Правила изменились, теперь нужна гибкость.

— Тебе хорошо говорить. Ведь это меня просят врать… и, собственно, почему я должна соглашаться? Ты что, хочешь сказать, что моя настоящая нить вряд ли вызовет особый интерес?

— Вот что, — заявил я, будто эта идея только что пришла мне в голову, — как насчет того, чтобы я взглянул сегодня ночью на твою нить? Я быстро прогоню во сне запланированную на сегодня нить и выкрою время для твоей.

— А что потом?

— Потом мы встретимся и обсудим материал, с которым нам предстоит работать. Сделаем несколько поправок — усилим одно воспоминание, ослабим другое. Возможно, чуть сэкономим на правдивости изображаемых событий…

— В смысле, присочиним?

— Нам нужен отвлекающий маневр, — сказал я. — Это единственный способ, Портулак. Если поможет… не думай об этом как о лжи. Считай это созданием маленькой неправды ради освобождения куда большей правды. Как тебе?

— По мне, это очень опасно, Лихнис.

Но мы именно так и сделали.

Десять дней — предельно малый срок, а впрочем, будь у нас больше времени, в мою душу наверняка закрались бы сомнения, правильно ли мы поступаем. Приходилось каждый раз напоминать себе, что поводом для нашего предприятия стала фальшивая нить. Из-за лжи Лопуха и мы вынуждены пойти на ложь. Увы, иной реальной альтернативы я не видел.

Изначальная нить Портулак оказалась не так плоха, как я опасался. В ней содержался достаточно многообещающий материал, требовалось лишь надлежащим образом его преподнести. И уж точно он выглядел куда более волнующим и захватывающим, чем мой краткий очерк о закатах. Тем не менее имелось множество возможностей аккуратно подправить некоторые факты — ничего выдающегося, ничего такого, что побудило бы других искать изъяны в нити Портулак, но достаточно, чтобы оправдать предвкушение, которое она уже разжигала. И в этом отношении она превзошла саму себя: фактически ничего не сказав, сумела создать вокруг своей нити атмосферу нетерпеливого ожидания. Вполне хватало высокомерной походки, расчетливой уверенности во взгляде, сочувственной, чуть

жалостливой улыбки, с которой она реагировала на усилия всех остальных. Я знал, что Портулак ненавидит каждую минуту этой игры, но, к ее чести, свою роль она исполнила со всей страстью. К вечеру сплетения ее нити всеобщее возбуждение выросло до предела. Нити Портулак предстояло назавтра стать предметом стольких обсуждений, что вряд ли кто-нибудь рискнул не увидеть ее во сне этой ночью, даже если бы моя аппаратура позволила подобное. Для каждого стало бы невероятным позором лишиться возможности высказать свое мнение о нити Портулак.

К полуночи шаттерлинги и их гости разошлись, чтобы заснуть и увидеть сон. Система наблюдения подтвердила: бодрствующих не осталось, включая Лопуха. Нить вплеталась в их коллективные воспоминания. В течение последующего часа между островом и кораблями никто не перемещался. С запада дул теплый ветерок, но море оставалось спокойным, если не считать иногда появлявшихся на поверхности водных обитателей.

Мы с Портулак взялись за дело. Окружив себя транспортными кубами, поднялись над островом сквозь гущу висящих кораблей. Корабль, принадлежавший Лопуху, выглядел скромно по

меркам Линии Горечавки — длиной в километр, не слишком современный и быстрый, но при этом массивный и надежный. Его бронированный зеленый корпус казался полупрозрачным, будто отполированный черепаший панцирь. Со стороны кормы торчала на шипастом стебле покрытая прожилками зеленая луковица двигателя, с которой и свисал носом вниз корабль, слегка покачиваясь на вечернем ветру.

Куб Портулак летел впереди. Она скользнула под похожий на лягушку нос корабля, затем вынырнула с другой стороны. На половине высоты корпуса, между парой темно-зеленых пластин, виднелся морщинистый шлюз. Ее куб передал опознавательный протокол, и шлюз раскрылся, будто заспанный глаз. Внутри хватало места для двух кубов, и те расстелились, выпустив нас наружу.

Ничто во внешности Лопуха не свидетельствовало о том, что воздух на его корабле чем-то отличается от стандартной кислородно-азотной смеси. И все же я облегченно выдохнул, после того как набрал в грудь воздуха и понял, что им можно дышать. Было бы крайне неприятно возвращаться на остров и переделывать мои легкие, приспосабливая их к ядовитой среде.

— Мне знаком этот тип корабля, — прошептала Портулак.

Мы находились в красной, будто простуженная глотка, входной камере.

— Третий Интерцессионный. У меня когда-то был похожий. Если Лопух не слишком многое в нем поменял, вряд ли мне сложно будет тут ориентироваться.

— Корабль знает, что мы здесь?

— Да, конечно. Но с того момента, как мы оказались внутри, он должен воспринимать нас как друзей.

— Что-то вся эта затея вдруг показалась мне не столь превосходной, как десять дней назад.

— Обратно уже не повернуть, Лихнис. Там, на острове, другие видят во сне мою нить и гадают, с чего это вдруг я стала такой ярой искательницей приключений. Не для того я во все это ввязалась, чтобы ты пошел на попятный.

— Ладно, — сказал я, — считай, что ты меня должным образом приободрила.

Несмотря на попытки шутить, я не мог избавиться от ощущения, что наша авантюра приняла куда более серьезный оборот. До этого вечера мы лишь занимались безобидной слежкой, что добавляло пикантности времяпровождению.

Теперь же подделали нить и вторглись без спроса на чужой корабль. И то и другое было не меньшим преступлением, чем прочие, совершенные за всю историю Линии Горечавки. Его раскрытие могло означать изгнание из Линии, если не кое-что похуже. Это уже не игра.

Когда мы приблизились к краю камеры, сфинктер в ее конце раскрылся с отвратительным чавкающим звуком, впустив теплый, влажный воздух с едким запахом.

Пригнувшись, мы шагнули через низкий проем в куда более просторное помещение. Как и камера шлюза, оно освещалось случайным образом расположенными световыми узлами, торчавшими из мясистых стен, будто вклинившиеся в древесную кору орехи. В разные стороны уходило полдюжины коридоров, обозначенных символами на каком-то устаревшем языке. Я помедлил, дожидаясь, когда мой мозг извлечет из глубин памяти и прочтет необходимые сведения.

— Этот, похоже, ведет на мостик, — сказал я, когда символы внезапно обрели смысл. — Согласна?

— Да, — кивнула Портулак, едва заметно поколебавшись.

— Что-то не так?

— Может, ты и прав. Может, это все-таки была не самая лучшая идея.

— Почему ты испугалась?

— Слишком все просто, — ответила Портулак.

— Я думал, так и должно быть. Иначе зачем бы нам понадобились все эти сложности с протоколом доступа?

— Знаю, — кивнула она. — Но мне кажется… Я ожидала какого-то препятствия. А теперь меня тревожит, что мы, возможно, идем прямо в ловушку.

— Лопуху нет никакого смысла ставить ловушку, — сказал я, хотя и не мог отрицать, что мне точно так же не по себе. — Он не ожидает нашего визита. Вообще не догадывается, что мы за ним следим.

— Давай проверим мостик, — предложила она. — Только побыстрее, ладно? Чем скорее вернемся на остров, тем сильнее я обрадуюсь.

Мы двинулись по коридору, который уходил вверх и несколько раз сворачивал. Все это время мы сверялись с обозначавшими мостик знаками. Вокруг нас дышал и булькал корабль, будто спящее чудовище переваривало сытный ужин. Биомеханические конструкции были типичными продуктами Третьего Интерцессионного

кораблестроения, но я никогда не питал к ним особой любви, предпочитая, чтобы мои машины имели твердую поверхность и определенную форму, как и заведено природой.

Нашего продвижения в сторону мостика ничто, однако, не задержало. Мы оказались в просторном помещении с окном в форме полумесяца в одной из изогнутых стен; окно смотрело через море на остров. Россыпь золотистых огоньков очерчивала темнеющую полоску главной башни. Я подумал о тех, кто спал и видел сны в этой башне, и о лжи, которую мы им скармливали.

Из пола торчали грибовидные консоли высотой по пояс. Портулак переходила от одной к другой, вызывая данные мановением руки.

— Пока все хорошо, — сказала она. — Управляющая архитектура примерно как та, что была на моем корабле. Навигационные журналы должны быть где-то… тут. — Остановившись возле очередного гриба, она повела руками, будто в танце, и в воздухе образовался водопад из разноцветных изображений. — Сейчас нет времени все это изучать. Просто отправлю в эйдетическую память, а просмотрю позже.

Она увеличивала поток символов, пока тот не слился в белую пелену. Я нервно расхаживал

вдоль окна-полумесяца.

— Меня это вполне устроит. Просто из чистого интереса: каковы шансы, что мы вообще обнаружим улики?

Портулак на секунду переключила внимание на меня:

— Почему нет? Мы точно знаем, что он солгал.

— Но разве он не мог подделать и эти журналы? Если ему есть что скрывать… зачем оставлять доказательства на собственном корабле?

Портулак не ответила. Она смотрела за мою спину, на дверь, через которую мы вошли. Губы шевельнулись, издав полный ужаса и удивления возглас.

— Прошу прекратить.

Я обернулся, и все мои опасения тут же подтвердились. Но ни голос, ни говоривший были мне незнакомы.

Внешне он выглядел как самый обычный человек. Ничто в его лице не свидетельствовало о принадлежности к Линии Горечавки. Округлый череп лишен выступающих скул Абигейл, глаза одинаково темно-синие; их взгляд кажется пронизывающим даже в приглушенном свете мостика.

— Кто ты? — спросил я. — Ты не один из нас, и

ты не похож ни на кого из наших гостей.

— Он не гость, — сказала Портулак.

— Прошу отойти от консоли.

Говорил незнакомец тихо и неспешно, но более серьезного стимула, чем устройство, которое он сжимал в кулаке, нам не требовалось. Это было оружие невероятно древнее и жуткое, с поблескивающим драгоценными камнями стволом. Палец в перчатке поглаживал изящный спусковой крючок. Над рукояткой, расчерченной рубиновыми завитками, виднелась аммонитовая улитка миниатюрного циклотрона. Я узнал лучемет, стреляющий потоком заряженных частиц. Выпущенный из него луч мог рассечь с одинаковой легкостью и нас, и корпус корабля Лопуха.

— В случае чего я им воспользуюсь, — сказал незнакомец, — так что прошу делать, что я говорю. Перейдите на середину помещения, подальше от приборов.

Мы с Портулак подчинились, встав друг подле друга. Я взглянул на незнакомца, пытаясь как-то вписать его в загадку Лопуха. По обычным меркам его возраст соответствовал поздней зрелости. Лицо покрыто морщинами, особенно вокруг глаз, в шевелюре и бороде — проседь. Что-то в его поведении подсказывало, что он и на самом

деле стар. Он был одет в коричневатый костюм из жесткой обтягивающей ткани, которую испещряли металлические разъемы и гнезда. Шею окружало непонятного предназначения металлическое кольцо.

— Мы не знаем, кто ты, — сказал я. — Но мы не замышляли ничего дурного.

— Вторжение на этот корабль — по-вашему, ничего дурного? — Он говорил на языке Горечавок внятно и грамотно, будто выучил его специально для этого случая.

— Мы просто искали информацию, — объяснила Портулак.

— Информацию? Какого рода?

Портулак покосилась на меня и тихо проговорила:

— Лихнис, мы вполне можем сказать правду. Нам нечего терять.

— Мы хотели узнать, где побывал этот корабль. — Я понимал, что она права, но ее решение мне все равно не нравилось.

Незнакомец ткнул лучеметом в мою сторону.

— Зачем? Какое вам дело?

— Очень даже есть дело. Лопух, законный владелец этого корабля, похоже, не рассказал всю правду о том, где он побывал после прошлого

сбора.

— Это дело Лопуха, а не ваше.

— Ты знаешь Лопуха? — рискнул спросить я.

— Прекрасно знаю, — ответил незнакомец. — Полагаю, лучше, чем ты.

— Сомневаюсь. Он один из нас. От плоти Горечавки.

— Гордиться тут вовсе нечем, — сказал незнакомец. — По крайней мере там, откуда я родом, это не принято. Окажись сейчас здесь Абигейл Джентиан, я бы проделал в ней дыру, через которую ты запросто смог бы помочиться.

Ледяное спокойствие незнакомца не оставило ни малейших сомнений, что он говорит серьезно. Меня пробрал страх. Этот человек с радостью уничтожил бы не только Абигейл, но и всю ее Линию.

Странное чувство, когда тебя презирают.

— Кто ты? — спросила Портулак. — И откуда ты знаешь Лопуха?

— Я Гриша, — ответил незнакомец. — Единственный, кто выжил.

— Выжил после чего? — спросил я. — И как ты оказался на корабле Лопуха?

Гриша взглянул на меня, и на округлом лице отразилось некое подобие мыслительного про-

цесса, который, похоже, завершился принятием решения.

— Ждите здесь, — сказал он. — Сейчас вернусь.

Он выпустил из руки лучемет. Вместо того чтобы упасть на пол, оружие просто повисло в воздухе, продолжая целиться в нашу сторону. Гриша скрылся за дверью.

— Я знала, что это ошибка, — прошептала Портулак. — Думаешь, эта штука в самом деле…

Я слегка отодвинулся от Портулак, и лучемет переключил свое внимание на меня. Вздохнув, я вернулся на прежнее место. Оружие следило за моими движениями.

— Да, — кивнул я.

Вскоре вернулся Гриша и, сомкнув ладонь на рукоятке лучемета, опустил его чуть ниже. Оружие больше не целилось в нас, но мы все еще оставались во власти Гриши.

— Пойдемте, — сказал он. — Вы должны кое с кем увидеться.

Ближе к центру корабля находилось помещение без окон. Как я понял, это была спальная камера, где обитатели корабля погружались в метаболический стазис перед долгими межзвездными прыжками. На некоторых кораблях имелись достаточно мощные двигатели, способ-

ные разгоняться до скорости настолько близкой к световой, что субъективное время полета сжималось в произвольно короткие промежутки. Но этот корабль к быстроходным не относился. Экипаж был вынужден проводить среди звезд по меньшей мере годы. Именно по этой причине помещение было оборудовано медицинскими системами для многократных модификаций и омоложений тела.

Было там и тело. Бледное, наполовину сожранное хрупкой серебристой коростой, которая покрыла его сплошь от пояса до пяток и уже заползла на половину груди, правое плечо и одну сторону лица. Тело покоилось в подрагивавшем герметичном пузыре, искажавшем его облик. Вокруг него суетились машины цвета слоновой кости.

— Можете взглянуть, — разрешил Гриша.

Мы с Портулак взглянули, и у обоих вырвался судорожный вздох. Тело на койке принадлежало Лопуху.

— Ничего не понимаю, — проговорил я, всматриваясь. — Тело, которое у него на острове, в отличном состоянии. Зачем поддерживать жизнь в этом, если оно отказало?

— Это не дубликат, — сказал Гриша, кивая на

пузырь. — Это его единственное тело. Это и есть Лопух.

— Нет, — возразил я. — Когда мы улетали, Лопух все еще был на острове.

— Там не Лопух, — устало вздохнул Гриша, показывая лучеметом на пару стульев возле койки. — Садитесь, и я попытаюсь объяснить.

— Что с ним? — спросила Портулак, когда мы выполнили распоряжение Гриши.

— Его отравили. Наемные убийцы. Чем-то утонченным, медленным и смертоносным. — Гриша погладил поверхность пузыря, оставляя на ней мерцающие розовые вмятины от пальцев. — Защита предназначена скорее для вас, чем для меня. Если бы я подцепил эту заразу, все обошлось бы неприятной сыпью на коже. Вас же она убила бы точно так же, как убивает сейчас его.

— Нет, — сказал я. — Он из Линии Горечавки. Нас не может убить никакая инфекция.

— Это оружие против конкретной Линии. Оно создано для того, чтобы убивать подобных вам.

— Кто с ним это сделал? — спросила Портулак. — Ты, Гриша?

Вопрос, похоже, нисколько его не задел.

— Нет, не я. Это был один из вас. Лопух подозревал, что кто-то из Сторонников.

Я нахмурился, глядя на изъеденное серебром тело.

— Лопух сказал тебе, кто именно?

— У Лопуха имелись подозрения. Но точно знать, кто его отравил, он не мог.

— Не понимаю. Что, собственно, произошло? Как вообще Лопух может лежать здесь при смерти, если мы всего лишь пару часов назад видели, как он носился по острову?

На губах Гриши возникла едва заметная улыбка — первое проявление чувств с момента нашей встречи.

— Тот, кого вы видели, не Лопух. Это конструкт, подделка, созданная его врагами, которая заменила настоящего Лопуха почти три недели назад. А настоящего Лопуха отравили, прежде чем он вернулся на свой корабль.

Я взглянул на Портулак и кивнул:

— Если Гриша говорит правду, это, по крайней мере, объясняет перемены в поведении Лопуха. Мы считали, что он боится задавать новые вопросы о Великом Деянии. А на самом деле его просто подменили.

— Значит, он задавал слишком много вопросов, — сказала Портулак, наморщив симпатичный лобик. — Хотя погоди. Если он знал, что его

отравили, почему ничего не сказал остальным? И почему остался на корабле, прячась от всех, в то время как его двойник бегал по острову?

— У него не было выбора, — ответил Гриша. — Когда он прилетел сюда, корабль обнаружил заразу и не позволил ему уйти.

— Весьма благородно, — заметил я.

— Он сам запрограммировал корабль на это. Думаю, подозревал, что враги могут предпринять нечто подобное. Не хотел вернуться и распространять заразу. Он думал обо всех остальных.

Какое-то время мы с Портулак молчали. Полагаю, нас обоих одолевали одни и те же печальные мысли. Нам никогда не приходило в голову, что Лопух может повести себя достойно, даже героически. Вне зависимости от того, что еще мне предстояло узнать за этот вечер, я понял, что уже неверно оценил того, кто заслуживал лучшего.

— И все равно, — сказал я, — это никак не объясняет, почему он не предупредил остальных. Если знал, что его отравили, и хотя бы догадывался, кто способен это сделать, то преступник мог всерьез поплатиться.

— Вне всякого сомнения, — кивнул Гриша. — Но Лопух понимал, что риск слишком велик.

— Риск чего? — спросила Портулак.

— Того, что станет известно о моем существовании. Если бы его враги прознали обо мне и о том, какими сведениями я обладаю, они бы сделали все возможное, чтобы я не заговорил.

— Имеешь в виду, что тебя тоже убили бы? — спросил я.

Гриша издал кудахчущий смешок.

— Да, меня наверняка бы убили. Но не только меня. Этого им было бы недостаточно. И этим кораблем они бы не ограничились. Они бы уничтожили все корабли в окрестностях острова, потом сам остров, а затем, возможно, и планету.

Я с безмолвным ужасом переваривал услышанное. Но в правдивости слов Гриши можно было не сомневаться.

— Хочешь сказать, они убили бы всех нас?

— Речь идет не просто о Линии Горечавки, — сказал Гриша. — Потеря одной Линии стала бы для остальных ударом, но не сокрушительным. Другие Линии заполнили бы образовавшийся пробел. Это не помешало бы Великому Деянию.

Я посмотрел на него:

— Что ты знаешь о Великом Деянии?

— Все, — ответил он.

— Может, расскажешь нам? — спросила Портулак.

— Нет, — сказал Гриша. — Предоставлю это Лопуху. У него еще осталось несколько минут сознательного существования, и, думаю, он предпочел бы потратить их на рассказ. Однако, прежде чем я его разбужу, думаю, вам не повредит, если я поведаю вкратце о себе и о том, как я тут оказался.

— У нас впереди весь вечер, — ответил я.

Гриша был родом с планеты археологов. Они жили в одной и той же системе два миллиона лет, с тех пор как ее заселили прибывшие в Ковчеге поколений. Происходящим в масштабах галактики они почти не интересовались, и, похоже, их вполне устраивала продолжительность жизни в двести лет. Бóльшую часть этого срока они отдавали упорному, как монашеский подвиг, изучению цивилизации Предтеч, обитавших в этой системе в те времена, когда человечество было лишь искоркой в глазах эволюции.

Предтечи называли себя Наблюдателями. Будучи многоногими существами с твердым панцирем, они проводили половину жизни под водой. Их биология и культура выглядели столь чуждо, что на изучение того и другого не хватило бы жизни даже современного человека. Но хотя внешне они во всех отношениях отличались от

народа Гриши, между двумя цивилизациями имелось определенное сходство. Наблюдатели тоже были своего рода археологами.

Они полностью сосредоточились на единственном простом вопросе. К тому времени, когда им удалось определить возраст Вселенной, та существовала уже одиннадцать с лишним миллиардов лет. И тем не менее в результате изучения звездных популяций в спиральных галактиках с различными красными смещениями было установлено, что предпосылки для возникновения разумной жизни имели место за несколько миллиардов лет до того, как эволюционировали Наблюдатели, даже при самом консервативном сценарии.

Являлись ли они первой разумной цивилизацией во Вселенной, или разум уже успел возникнуть в одной из тех далеких спиралей?

Чтобы ответить на этот вопрос, Наблюдатели взяли одну из своих планет и разнесли ее в молекулярную пыль. Из высвобожденных таким образом элементов они создали целый рой чудесных глаз — телескопов, превосходивших числом звезды в небе. Окутав этим роем свою систему, они сотворили на ее основе нечто вроде простодушного разума-тугодума. Теле-

скопы глядели сквозь скопление местных звезд в межгалактическое пространство, пересылая данные на дистанции в десятки световых часов; их зрение становилось все острее, пока они не превратились в подобие единого всевидящего ока величиной с Солнечную систему.

Чтобы достичь Ока из далеких галактик, свету требовалось время. Чем дальше всматривалось Око, тем глубже оно заглядывало в историю Вселенной. Оно видело отстоявшие на десять миллионов световых лет галактики такими, какими они были десять миллионов лет назад, а те, что отстояли на миллиард световых лет, открывали окно во Вселенную тех времен, когда она была на миллиард лет моложе.

Око наблюдало за множеством спиральных галактик, старательно высматривая признаки разумной деятельности. Оно искало сигналы по всему электромагнитному спектру, просеивало параллельные потоки нейтрино и гравитационных волн. Оно охотилось за свидетельствами межзвездной инженерии наподобие той, которой уже занимались Предтечи, — планетами, преобразованными с целью увеличения площади суши, звездами, заключенными в захватывающие энергию оболочки, целыми звездными

системами, перенесенными из одного галактического региона в другой.

Однажды оно нашло то, что искало.

В чрезвычайно далеком красном смещении Око обнаружило спиральную галактику, где имелась разумная жизнь. Судя по исходившим из галактики сигналам — случайным или нет, — древняя спираль уже два или три миллиона лет была домом для путешествующей среди звезд цивилизации. Цивилизация эта, возможно, сложилась из различных космических разумов, а может, возникла на какой-то одной планете. Учитывая расстояния во времени и пространстве, особого значения это не имело.

В любом случае было ясно, что данная цивилизация достигла плато в социальном и технологическом развитии. Эти существа колонизировали каждую пригодную каменную глыбу в своей галактике; в итоге их совокупная биомасса превзошла массу крупного газового гиганта. Они стали специалистами в обращении со звездами; они вмешивались в процессы ядерного синтеза, чтобы продлить жизнь звезд или разогреть их до более высоких температур. Они дробили планеты, превращая их в изящные произведения искусства. Они играли с материей и силами при-

роды так, как ребенок играет с песком и водой. Для них не существовало ничего непреодолимого, за исключением времени, пространства и железного барьера — скорости света.

На этом месте повествования Гриши мы с Портулак вдруг понимающе переглянулись.

— Как играем мы, — сказали хором.

Гриша кивнул, соглашаясь с нашей оценкой.

— Они во многих отношениях были подобны вам. Они стремились к абсолютному знанию. Но их постоянно ограничивали невероятные масштабы галактики. Они не могли узнать всего, им доставались лишь устаревшие обрывки информации. Между их пальцев ускользали истории цивилизаций, никем не виденных и не оплаканных. Как и у вас, у них возникло нечто вроде обширных Линий — группы клонов, которые играли роль независимых наблюдателей, собирая информацию и добывая опыт; все это затем складывалось в общую копилку. И подобно вам, они обнаружили, что это лишь половина победы.

— А потом? — спросил я.

— Потом… — Гриша, похоже, хотел что-то сказать, но передумал и заговорил о другом. — Наблюдатели продолжали изучать цивилизацию той спирали. Они собирали данные, которые

после их смерти были погребены на первой планете, где поселился мой народ. В процессе исследований мы наткнулись на эти данные и в конце концов сумели их понять. В последующие сотни тысяч лет мы о них не вспоминали, считая их всего лишь очередной диковинкой среди многих, собранных нашими Предтечами.

— И что стало с той цивилизацией? — спросил я.

— Пусть вам расскажет Лопух. Так будет лучше.

— Ты собирался объяснить, как оказался на его корабле, — напомнила Портулак.

Гриша взглянул на фигуру, окруженную подрагивающим полем.

— Я здесь потому, что Лопух меня спас, — сказал он. — Мой народ истребили. Машины-убийцы захватывали нашу систему, планету за планетой. Естественно, мы составили планы эвакуации, построили корабли, чтобы хоть немногие из нас смогли улететь в другую систему. Мы все еще ничего не знали о релятивистских межзвездных перелетах, так что те корабли в силу естественных причин были медленными и ненадежными. Это была единственная наша ошибка — мы не предполагали, что нам может понадобиться

умение строить быстрые корабли. Впрочем, будь иначе, вряд ли я бы с вами тут разговаривал. Мой народ расселился бы по другим системам, и мне не пришлось бы идти на подобную хитрость. Но так уж вышло, что я оказался единственным выжившим.

Корабль с десятками тысяч беженцев на борту тащился прочь от системы, где шла бойня. Они постарались как можно лучше замаскировать корабль, и какое-то время им верилось, что удастся невредимыми выйти в межзвездное пространство. Но потом неполадка в ядерном реакторе привела к тому, что корабль издал трубный звук, распространившийся на десятки световых часов. Вскоре его атаковали машины.

Большинство людей погибли сразу, лишь горстке удалось покинуть корабль на шлюпках. Их тоже перебили, но Гриша сумел сбежать. Он летел на суденышке с отказавшими двигателями и едва работающим жизнеобеспечением, и тем не менее его еще могли видеть и слышать. Но на этот раз его нашли не машины, а корабль Линии Горечавки, случайно оказавшийся поблизости.

Лопух извлек Гришу из шлюпки, вывел из аварийной гибернации и разгадал его древний язык, после чего научил его своему языку.

— Он спас мне жизнь, — сказал Гриша. — Мы бежали из системы на максимальном ускорении, обгоняя машины. Они пытались нас догнать, и какое-то время казалось, что им это удастся. Но в конце концов мы сумели оторваться.

Еще не сформулировав вопрос, я заподозрил, каким будет ответ.

— Машины… те самые, которые уничтожили ваш народ?

— Да, — ответил Гриша.

— Кто их послал?

Он посмотрел на нас и очень тихо проговорил:

— Вы.

Мы разбудили Лопуха.

Убийственный яд пожирал его с умеренной скоростью — несколько кубических сантиметров в час при нормальной температуре тела. Когда Лопух пребывал в анабиозе, эта скорость замедлялась — примерно с такой движется ледник. Но для того чтобы Лопух мог говорить с нами, требовалось его согреть. Гриша предупредил, что ему остались минуты сознательной жизни, причем сознание будет угасать, поскольку яд с новой силой вгрызется в мозг.

— Я надеялся, что кто-нибудь сюда доберется, — сказал Лопух, открыв глаза. Он не повернул

голову к нам — не позволила пожиравшая его тело короста, — но я предположил, что он все же сумел каким-то образом нас узнать. Его губы едва шевелились, однако что-то усиливало его слова. — Я знаю, как вы проникли на мой корабль. Полагаю, Гриша уже рассказал кое-что о его роли во всей этой истории.

— Кое-что, — кивнул я.

— Что ж, хорошо — не придется повторять. — Его речь звучала сбивчиво, как прерывистая струйка воды. — Но что, собственно, вас сюда привело?

— В твоей нити имелись несоответствия, — сказала Портулак, опасно приблизившись к окружавшему койку пузырю. — Она противоречила версии событий, которой располагал Лихнис. Кто-то из вас лгал.

— Ты говорил, будто был там, где на самом деле не бывал, — объяснил я. — Я случайно оказался в том же месте в то же время. Не случись этого, никто бы ничего не узнал.

— Да, — сказал он. — Я солгал, представив поддельную нить. В ней много правды — вероятно, об этом вы и сами догадались, — но мне пришлось скрыть мой визит в систему Гриши.

Я кивнул:

— Потому что ты знал, кто уничтожил народ Гриши?

— Они применили древнее оружие, миллионолетний реликт какой-то древней войны. Выяснить, откуда взялись эти машины, сейчас невозможно, но я нашел одну из них, деактивированную и брошенную. На старую технику были установлены новые системы управления. И эти системы использовали протоколы Линии.

— Линии Горечавки?

— Горечавки или кого-то из наших союзников. Я стал свидетелем чудовищного преступления, худшего геноцида из всех зафиксированных в нашей истории.

— Почему ты это скрыл? — спросила Портулак.

— Сам факт этого злодеяния перепугал меня до смерти. Но мою нить я изменил вовсе не по этой причине. Мне требовалось время, чтобы найти виновных и собрать достаточно доказательств, чтобы призвать их к ответу. Если преступники среди нас — а у меня имелись основания так считать, — они наверняка убили бы Гришу, опасного свидетеля. А если вместе с Гришей понадобилось бы уничтожить всех нас, они бы это сделали, даже глазом не моргнув. — Он выдавил печальный смешок. — Если ты только что стер с лица

Вселенной цивилизацию, просуществовавшую два миллиона лет, что для тебя значит какая-то тысяча клонов?

— Уничтожить всю Линию? — с трудом скрывая недоверие, спросил я. — Думаешь, они зашли бы так далеко лишь ради того, чтобы замести следы преступления?

— И даже дальше, — мрачно проговорил Лопух. — Речь идет не только о нашей маленькой и ничего не значащей Линии, Лихнис.

— Великое Деяние, — проговорила Портулак, озвучивая мои собственные мысли. — Проект, который куда важнее любой Линии. Ведь именно из-за него они убивали? И именно из-за него готовы убивать снова.

— Молодцы, — усмехнулся Лопух. — Лучшей парочки сыщиков-любителей я даже представить не мог.

— Мы по-прежнему ничего не знаем о самом Великом Деянии, — сказал я. — Или о том, почему должен был погибнуть народ Гриши.

— Про Деяние я вам расскажу, когда придет время. Сперва нужно поговорить о тех, кто желает смерти Грише.

Портулак взглянула на Гришу, потом снова на Лопуха.

— Ты знаешь, кто они?

— Именно это я и пытался выяснить, — ответил он. — У меня было подозрение — почти интуитивное, — что тот геноцид как-то связан с Деянием.

— Хорошая интуиция, — заметил я.

— Не особо. Кто бы за этим ни стоял, у него имелась серьезная причина перебить тех людей, а единственная серьезная причина, которую я могу себе представить, это Деяние. Что еще обсуждают Сторонники, Лихнис, помимо непомерно раздутого собственного эго?

— Пожалуй, ты прав.

— Чем глубже я копал, тем больше убеждался, что моя догадка верна. Случившееся в самом деле было напрямую связано с Великим Деянием. Но имен тех, кто за этим стоит, я все еще не знал. Я считал, что, если удастся хотя бы выделить среди шаттерлингов тех, кто имеет самое непосредственное отношение к Деянию, можно будет начать поиск изъянов в их нитях…

— Изъянов? — переспросила Портулак.

— Да. По крайней мере один из этих шаттерлингов должен был находиться неподалеку от системы Гриши одновременно со мной. Вряд ли они воспользовались бы посредниками.

Нам просто повезло, что мы нашли изъян в

нити Лопуха, подумал я. Даже если кто-то еще подделал свою нить полностью или частично, вряд ли стоит предполагать, что он совершил ту же ошибку.

— Тебе удалось кого-то найти? — спросила Портулак.

— Несколько подозреваемых… в основном из числа видных Сторонников. Наверняка вы бы и сами без особых усилий составили такой же список.

Я вспомнил знакомых Сторонников, в том числе одну личность, которая никогда мне не нравилась.

— Среди них есть Овсяница?

— Да, — ответил Лопух. — Как я понимаю, особой любви ты к нему не питаешь?

— Овсяница — старший Сторонник, — сказала Портулак. — Он пытался помешать нашему с Лихнисом общению. Вполне вероятно, он знает, что мы о чем-то догадываемся. Если у кого-то и имеется возможность, то…

— Кроме Овсяницы, есть и другие. Мне нужно было узнать, кто именно. Вот почему я начал проявлять любопытство, пытаясь вызвать кого-нибудь на откровенность.

— Мы заметили, — кивнул я.

— Видимо, я действовал недостаточно тонко. Так или иначе, мои подозрения подтвердились. В этом замешан по крайней мере один из шаттерлингов нашей Линии.

Я постучал пальцем по носу.

— Почему тебя просто не убили на острове?

— Это твой остров, Лихнис. Разве они смогли бы убить меня так, чтобы ты этого не заметил? Ввести яд намного проще, к тому же не пришлось бы избавляться от трупа.

— Ты знаешь о своем двойнике? — спросил я.

— Мой корабль наблюдал за островом. И я не раз видел себя самого, прогуливающегося по бульварам.

— Ты мог бы дать нам знак, — сказала Портулак. — Сымитировать какую-нибудь поломку корабля. Что-нибудь в этом роде.

— Естественно, у меня были такие мысли. Но если бы у моих врагов возникло хоть малейшее подозрение, что я жив, они бы атаковали корабль. Не забывайте, они отравили меня не потому, что я знал о случившемся, а всего лишь потому, что я задавал вопросы. Вполне возможно, что в прошлом они поступали так же и с другими шаттерлингами. На твоем острове могут быть другие двойники, Лихнис.

— Я бы об этом знал, — машинально ответил я.

— В самом деле?

У меня вдруг возникли сомнения. Я не имел привычки заглядывать в голову другим шаттерлингам, чтобы удостовериться, что они в самом деле те, кем должны быть. Мысли каждого всегда считались его личным делом. А нить оставалась нитью, кем бы она ни была создана — думающей личностью или безмозглым дубликатом.

— Ты мог бы послать кому-нибудь из нас весточку, — сказала Портулак.

— А как бы я узнал, что вам можно доверять? В моей ситуации подозревать приходилось каждого.

— Но теперь ты нам доверяешь? — спросил я.

— Пожалуй, да, — ответил Лопух, хотя и не столь убежденно, как я надеялся. — Впрочем, разве у меня есть выбор?

— Мы никак в этом не замешаны, — успокаивающе проговорила Портулак. — Но нам крайне важно узнать правду.

— Это опасно. Все, о чем я говорил, остается в силе. Они готовы разнести эту планету вдребезги, чтобы защитить Великое Деяние. Разве что вам удастся собрать достаточно союзников и быстро выступить против врагов… Боюсь, превосходство

на их стороне.

— В таком случае придется попросту их переиграть, не дав им шанса.

Легче сказать, чем сделать, подумал я. Мы даже не представляли, кому можем доверять, кроме самого Лопуха.

— Что бы мы ни предприняли, — сказала Портулак, — нужно успеть до Тысячной ночи. Если сейчас и есть какие-то свидетельства преступления, то к тому времени, когда мы снова сюда вернемся, они будут потеряны навсегда.

— Она права, — кивнул я. — Если в этом замешана Линия Горечавки, то преступники должны сейчас находиться на острове. Что дает нам преимущество — по крайней мере, все они в одном месте.

— Тысячная ночь — вполне подходящее время для действий, — задумчиво проговорила Портулак. — Если дотянем до последнего, они, скорее всего, решат, что уже ничего не случится.

— Рискованно, — заметил я.

— Риск есть всегда. По крайней мере, это шанс усыпить их бдительность. В Тысячную ночь каждый думает только об одном.

— Пожалуй, Портулак права, — сказал Лопух. — Кем бы ни были преступники, они остаются

частью Линии. И они будут ждать, когда объявят, чья нить признана лучшей. Как и все вы.

Я отметил, что он сказал «вы», а не «мы». Лежа на смертном одре, Лопух уже отрекся от всего, связанного с Линией Горечавки. Зная, что ему не увидеть Тысячную ночь, не говоря уже о другом сборе, он, по сути, отсек себя от Линии.

Абигейл ценила смерть не меньше, чем жизнь. Хотя все мы были формально бессмертны, бессмертие касалось лишь процессов в наших клетках. Разрушая свои тела, мы умирали. Протокол Линии Горечавки запрещал резервное копирование или нейросканирование в последнюю минуту. Абигейл хотела, чтобы в ее воспоминаниях вечно жило знание: жизнь, даже длящаяся сотни тысяч лет, — всего лишь вспышка света между двумя бескрайними океанами тьмы.

Лопух умирал, и ничто во Вселенной не могло этому помешать.

— Когда ты стал свидетелем преступления, заметил хоть что-то, что могло бы указывать на виновника? — спросил я.

— Я тысячу раз прокручивал в памяти воспоминания о том, как пролетал через систему Гриши, — ответил он. — После того как спас Гришу, я заметил след двигателя, уходившего

из системы в противоположном направлении. Вероятно, тот, кто отправил машины, еще находился неподалеку — хотел удостовериться, что они выполнили свою задачу.

— Можно попробовать сравнить сигнатуру двигателя с сигнатурами тех кораблей, что парят над островом, — сказал я.

— Я пытался, но след был слишком слабым. Мне так и не удалось сузить список подозреваемых.

— Может, свежая пара глаз могла бы помочь? — спросила Портулак. — Или даже две пары?

— Непосредственный обмен воспоминаниями запрещен, за исключением сплетения нитей, — тяжело проговорил Лопух.

— Можешь добавить это в список правил Линии Горечавки, которые мы сегодня нарушили, — сказал я. — Подделка нити Портулак, отсутствие на острове во время сплетения, вторжение на чужой корабль… Может, пусть правила волнуют меня самого, Лопух? Я и так уже рискую головой.

— Пожалуй, еще одно нарушение ничего не изменит, — обреченно вздохнул он. — Записи датчиков, сделанные во время моего пролета через систему Гриши, — в архиве корабля. Этого хватит?

— Никаких других свидетельств нет?

— Нет. Все, что я видел, тем или иным образом прошло через глаза или уши корабля.

— Этого должно хватить. Можешь переслать эти данные на мой корабль?

— И на мой тоже, — добавила Портулак.

Лопух немного помедлил.

— Готово. Боюсь, у вас все равно могут быть проблемы с совместимостью.

Закодированное мысленное сообщение — садящаяся на цветок пчела — известило меня, что мой корабль принял передачу с другого корабля в незнакомом файловом формате. Я послал моему кораблю еще одну команду: приступить к переформатированию. Была надежда, что он справится с задачей, — я нередко поручал ему переводить с языка Предтеч, просто для того, чтобы держать его разум в тонусе.

— Спасибо, — сказал я.

— Можете делать с этим что хотите. Боюсь, в записях датчиков немало пробелов. Вам придется чем-то их заполнить.

— Сделаем что сможем, — ответила Портулак. — Но если мы хотим призвать кого-то к ответу, нам нужно знать, о чем вообще речь. Ты должен рассказать нам все, что тебе известно о Великом Деянии.

— Я не так уж много знаю. Это в основном догадки.

— В любом случае это больше, чем знаем мы с Лихнисом.

— Ладно, — с некоторым облегчением сказал Лопух. — Я расскажу. Но чтобы сделать это цивилизованным способом, у меня нет времени. Позволите послать образы прямо вам в голову?

Мы с Портулак тревожно переглянулись. С рациональной точки зрения опасаться было нечего: будь у Лопуха возможность вмешаться в работу нашего мозга и желай он нам зла, уже бы вызвал галлюцинации или даже без особых усилий убил. Мы добровольно открывали свой разум во время каждого сплетения, но это являлось священной составляющей многовековой церемонии, когда все были одинаково уязвимы. Мы уже знали, что Лопух однажды солгал. Что, если остальной его рассказ — тоже ложь? У нас не было никаких доказательств, что Гриша — реальность, а не созданная кораблем фикция.

— Вы должны мне поверить, — умоляюще проговорил Лопух. — Времени осталось мало.

— Он прав. — Портулак крепко сжала мою руку. — Рискованно, но бездействовать — точно такой же риск.

Я кивнул Лопуху:

— Рассказывай.

— Приготовьтесь, — прошептал он.

Мгновение спустя я ощутил, как что-то незримо коснулось моего мозга, прокладывая себе путь, — будто в раковину забирается осьминог. Портулак крепче сжала мою руку, слившись со мной в единое целое. Миг сопротивления — и началось вторжение в мой разум.

Чувство пребывания в помещении исчезло, как будто мое тело внезапно оказалось на дальнем конце длинного пучка нервных волокон, а мозг — где-то совсем в другом месте. Я не знал, каким образом это проделал Лопух, но представлял как минимум два варианта. Воздух в его корабле мог быть насыщен устройствами, способными проникать в нервную систему и непосредственно воздействовать на мыслительные процессы. Или сам корабль мог генерировать высокоточные магнитные поля, направляя их в мой череп и стимулируя микроскопические области мозга. Я лишь смутно осознавал, что на меня смотрят Гриша и Лопух; казалось, я от них отделен половиной Вселенной.

Меня охватил холод, сопровождавшийся электрическим потрескиванием и шипением

субатомного излучения. Мой взгляд сместился, и перед ним предстало нечто дивное. По мере того как мои лишенные тела глаза приспосабливались к темноте, оно сияло все ярче, разрешаясь в ошеломляющие подробности.

Это была спиральная галактика.

Я тотчас узнал Млечный Путь, где бывал достаточно часто, чтобы познать причудливую структуру его звездных рукавов и пыльных тропинок, столь же уникальную, как отпечаток пальца. Сотни миллиардов звезд сливались в ослепительную пелену, но благодаря некоему трюку восприятия я мог разглядеть любую из систем, которые посетил в своих странствиях, так же как и те, о которых узнал из общих воспоминаний Линии Горечавки. Я различил маленькое желтое солнце, на орбите которого мы сейчас находились, представил себя на покрытой водой планете близ этой звезды и ощутил себя неизмеримо крошечной песчинкой и одновременно богом, вмещающим в своей голове целую галактику.

— Тебе, конечно, все это знакомо, — произнес бестелесный голос Лопуха. — Как одно из воплощений Абигейл, ты бывал там десять или двенадцать раз, ощутив вкус воздуха несколь-

ких сотен планет. Пожалуй, вполне хватило бы для одной жизни. Но этого никогда не хватало для Абигейл, для всех нас. Осколки сущности Абигейл, мы десятки тысяч раз бывали в этой галактике и познали миллионы планет. Мы видели чудеса и кошмары, рай и ад. Мы видели, как рушатся империи и исчезают династии. Но нам все равно этого недостаточно. По большому счету мы остались обезьянами. Если судить о глубинной структуре нашего мозга, мы только что слезли с деревьев. И всегда найдется более яркий и сочный плод, до которого хочется дотянуться. Мы тянулись два миллиона лет и в итоге оказались здесь и сейчас. И тянемся дальше, воплощая в жизнь наш величайший на данный момент план — Великое Деяние.

Вид Млечного Пути нисколько не изменился, но я вдруг ощутил, как между звездами перемещается множество людей. Корабли, очень похожие на корабли Линии Горечавки, расходились в разные стороны из точек сбора, облетали обширные просторы галактики и собирались снова двести или триста тысяч лет спустя, готовые поделиться опытом. Заключенным в кокон релятивистского времени пилотам путешествия вовсе не казались ужасающе долгими — всего лишь годы,

максимум десятилетия, а остальное время, которое могло составлять многие века, посвящалось знакомству с новыми планетами, накоплению воспоминаний и знаний. На самом же деле все происходило невероятно медленно, хотя корабли двигались со скоростью на грани световой. До представлявшей интерес звездной системы приходилось лететь тысячи и тысячи лет. Время на планетах шло намного быстрее. Жизнь на кораблях не поспевала за ходом событий на планетах, так что пережитое путешественниками становилось лишь разрозненными крупицами общей истории. Пока в течение считаных столетий расцветали и увядали золотые эпохи, корабли все еще странствовали среди звезд. И все великолепие этих эпох не запечатлевалось ни в чьей памяти.

С этим что-то нужно было делать.

— Линии пытались решить проблему сверхсветовых полетов в течение полумиллиона лет, — сказал Лопух. — Но она не поддалась — такова уж сущность Вселенной. Остается только два других варианта. Можно переделать человеческую природу так, чтобы замедлить течение истории, и тогда звездные путешественники смогут угнаться за ходом времени на планетах.

Другая альтернатива — переделать саму галактику, сократив ее до человеческих масштабов.

В мгновение ока нам стало ясно, в чем суть Великого Деяния и почему для этого понадобилось уничтожить народ Гриши. Было задумано переместить звезды со всеми планетами на их орбитах. Не больше и не меньше.

Переместить звезды было на самом деле не так сложно, как может показаться. Такое не раз проделывали Предтечи, используя множество разнообразных методов. Такое случалось даже в эпоху человечества, когда надо было продемонстрировать превосходство какой-либо цивилизации или покровительствовавшей ей Линии. Но Великое Деяние не сводилось к тому, чтобы передвинуть одну или две звезды на несколько световых лет, сколь бы впечатляюще это ни выглядело. Речь шла о невообразимых величинах — о том, чтобы переместить сотни миллионов звезд на десятки тысяч световых лет. Мечтой Сторонников было сделать Млечный Путь более компактным, взяв на себя работу сил природы и превратив его в нечто более пригодное для заселения людьми. С точки зрения сообразительных обезьян, это выглядело примерно так же, как расчистка леса или осушение болота.

Лопух рассказал нам, что Сторонники тайно возрождали методы звездной инженерии, которыми пользовались Предтечи. Они сравнивали эти методы, пытаясь выявить наиболее эффективные. Похоже, к таковым относилось применение в качестве главной движущей силы ядерной энергии самой звезды. С помощью зеркал они канализировали выход энергии, наподобие ракетного сопла. При достаточно небольшом ускорении звезда могла унести с собой весь выводок планет, а также космический мусор и пыль.

Из всех испытанных до сих пор прежде методов Предтеч ни один не позволил разогнать солнцеподобную звезду до скорости, превышающей один процент световой, — смехотворно медленно по сравнению даже с самыми старыми нашими кораблями, но для Сторонников это не имело значения. Даже если бы для перемещения всех намеченных звезд потребовалось два или три миллиона лет, дело все равно того стоило. Как они любили говорить — все, что произошло до этого, является лишь прологом к истории. Настоящие свершения человечества начнутся по-настоящему лишь тогда, когда последняя звезда окажется на назначенной ей галактической орбите. Что значат несколько миллионов лет по

сравнению с простирающимися впереди миллиардами (пока сама галактика не начнет увядать или не переживет сокрушительного столкновения с Андромедой)?

Примерно то же самое, что отложить великое путешествие на несколько часов.

По завершении Великого Деяния галактика выглядела бы совершенно иначе. Все звезды, способные породить жизнь (по большей части прохладные долгоживущие солнца), оказались бы намного ближе к ее ядру — в радиусе всего лишь пяти тысяч световых лет. Раскаленные голубые звезды, готовые в ближайшие миллионы лет превратиться в сверхновые, были бы взорваны раньше времени или убраны на безопасное расстояние. Нестабильные двойные звезды были бы обезврежены подобно бомбам с часовым механизмом. Громоздкую машину центральной черной дыры приручили бы на пользу человечества. Звезды, уже готовые в нее упасть, сделались бы источниками сырья. Создавались бы и новые планеты, огромные, как сами звезды, — золотые дворцы и сенаты новой галактической империи. И такая империя действительно возможна, учитывая, что свет пересекал бы ее за каких-то пятьдесят столетий. История больше не опере-

жала бы космических странников вроде нас с Портулак. Узнав о некоем чуде на другом краю человеческого космоса, мы бы вполне могли надеяться, что к моменту нашего прибытия оно еще будет существовать. И большая часть человечества обитала бы в радиусе намного меньшем, чем пятьдесят веков.

Такова суть Великого Деяния, венца двухмиллионолетней человеческой эволюции. Для такого предприятия требуется вся изобретательность и мастерство самых могущественных Линий. Предстоит забыть любые ссоры и объединиться для мирного сотрудничества. И по его завершении (если кто-то из нас до этого доживет) мы сможем похвастаться выдающимся достижением человечества, а плод наших трудов будет виден из любой точки космоса как яркий символ нашей обезьяньей сообразительности.

И этого нельзя допустить.

Вот какое послание обнаружил народ Гриши, когда проводил археологические исследования на планете Предтеч. В нем говорилось, что Наблюдатели уже стали однажды свидетелями чего-то похожего на Великое Деяние в далекой спиральной галактике, за которой они следили. Возможно, подобной болезнью обречена страдать

каждая цивилизация, достигшая определенного уровня развития. Устав от масштабов своей галактики, жители пытаются ее сжать.

Но таким образом они создали условия для собственного вымирания. Если раньше они перемещались слишком медленно, чтобы представлять угрозу для звездных систем, кроме нескольких соседних, то в сжатой галактике войны и эпидемии могли распространяться со скоростью лесного пожара. Нечеловеческие масштабы колонизированной людьми галактики являлись как ее слабостью, так и силой — время и расстояния не допускали катастроф. Рассеявшись на десятки тысяч световых лет, мы уберегли себя от гибели — по крайней мере, гибели от наших собственных рук.

В сжатой галактике смерть может настичь нас меньше чем за пять тысячелетий.

— Полагаю, Сторонники всё знали, — сказал Лопух. — Но они считали, что это всего лишь теоретическая проблема, которую можно решить со временем. Наверняка рассудили, что нам хватит ума избежать подобной глупости. Но потом проведали об открытии, совершенном Наблюдателями и вновь обнаруженном народом Гриши. Еще одна цивилизация в спиральной галактике

пошла тем же путем — и в итоге перестала существовать в одно мгновение по космическим меркам. Возможно, подобной судьбы нельзя было избежать, как ни мудра была та цивилизация. По справедливости, Сторонникам следовало воспринять эти сведения как грозное предостережение и отказаться от Великого Деяния до того, как будет сдвинута на дюйм хотя бы одна звезда.

Но этому не суждено было случиться. Линии уже вложили немало сил в проект. Были созданы союзы, поделены сферы влияния и ответственности. Отказ от задуманного означал катастрофическую потерю лица для старших Линий. Вновь открылись бы прежние раны, ожили бы забытые распри. Великое Деяние должно было связать Линии воедино, но отказ от него с легкостью мог подтолкнуть некоторые из них к войне. Вот почему они заставили замолчать народ Гриши, даже если это было равносильно геноциду. Ибо что значит потеря одной цивилизации на фоне столь громадных свершений? Если мы все еще живем в прологе к истории, этот народ заслуживает в лучшем случае краткого упоминания.

На этом видение закончилось, и я почувствовал, как мой разум возвращается в покинутое тело (о котором я почти забыл) на корабле Лопуха.

На миг возникло неприятное ощущение, будто меня запихивают в чересчур тесную бутылку, а потом я понял, что все так же держу за руку Портулак и нас обоих слегка шатает — вестибулярный аппарат пытался приспособиться к вернувшейся силе тяжести.

Гриша стоял возле койки, держа в руке лучемет.

— Узнали всё, что хотели? — спросил он.

— Думаю, да, — сказал я.

— Это хорошо, — кивнул Гриша. — Потому что Лопух умер. Он подарил вам последние минуты своей жизни.

Когда мы с Портулак вернулись на остров, близился рассвет. Над головой все еще простиралась полуночная синева, но на горизонте сквозь полосы облаков просвечивали едва заметные оранжевые отблески. Пока куб лавировал среди парящих кораблей, продвигаясь к острову, я начал различать золотистые гребни волн.

В путешествиях мне довелось увидеть немало рассветов, но я никогда от них не уставал. Даже сейчас, несмотря на всю тяжесть случившегося, некая часть моего разума наслаждалась простой красотой восхода солнца на очередной планете. Интересно, как бы это воспринял Лопух? Подей-

ствовал бы на него восход с той же волшебной силой, минуя разум и обращаясь к звериному началу, от которого нас отделяет лишь одно мгновение с точки зрения эволюции? Возможно, я сумел бы найти некий намек в нитях, которыми поделился Лопух, пребывая среди нас. Но я знал, что больше их не будет.

Смерть кого-нибудь из Линии была редким и страшным событием. Когда такое случалось, одному из нас поручали создать соответствующий мемориал среди звезд. Такие мемориалы могли выглядеть по-разному. Когда-то давно, чтобы почтить память погибшего, рассеяли ферритовую пыль в атмосфере умирающей звезды незадолго до того, как та сбросила свою оболочку, в результате чего возникла туманность в виде человеческой головы, окаймленной кружевными завитками: сине-зелеными — кислорода и красными — водорода; эта голова мчалась со скоростью шестьдесят километров в секунду. Другой мемориал, столь же патетический, имел облик каменного очага на лишенном воздуха спутнике. Оба выглядели вполне уместно.

Мы знали, что Лопуху в любом случае отдадут надлежащие почести, но его смерть должна была оставаться тайной до Тысячной ночи. А пока нам

с Портулак предстояло жить среди остальных шаттерлингов, храня правду в сердцах, но не выдавая ее ни малейшим намеком.

Таков был наш долг перед Лопухом.

— Успели, — сказал я, когда куб приблизился к острову. — Времени потребовалось больше, чем я рассчитывал, но сплетение еще не закончилось. Никто пока нас не хватился.

Портулак прижала ладонь ко лбу:

— Господи, сплетение… Я совсем о нем забыла. Значит, придется целый день врать. Уверен, что это была хорошая идея, Лихнис?

— А что, нет? Теперь нам известно, что случилось с Лопухом. Мы знаем про Гришу и про Великое Деяние. Конечно, оно того стоило.

— Точно? Все, что мы теперь знаем — если задавать слишком много вопросов, можно нарваться на серьезные неприятности. Мы так и не выяснили, кто на самом деле за этим стоит. Возможно, я предпочла бы и дальше пребывать в блаженном неведении.

— У нас есть записи с корабля Лопуха, — напомнил я.

— Ты их уже просмотрел, Лихнис? — Судя по тону, особого впечатления записи на нее не произвели. — Мой корабль прислал предварительный

анализ. Данные Лопуха полны пробелов.

— Он предупреждал нас, что есть несколько пропусков.

— Но он не говорил, что отсутствует тридцать процентов данных. В семидесяти оставшихся, может, и есть что-то полезное, но вполне вероятно, что самое главное пропало.

— Откуда вообще эти пробелы? Как считаешь, он мог что-то убрать, поскольку не хотел, чтобы мы это видели?

Портулак покачала головой:

— Вряд ли. Пробелы, похоже, связаны с тем, что включавшееся защитное поле ослепляло приборы. Ты же сам видел, насколько стар тот корабль. Вероятно, на нем стоят слишком древние генераторы поля, или слишком древние датчики, или и то и другое вместе.

— Зачем вообще нужно было включать поле?

— Из-за космического мусора, — ответила Портулак. — Солнечная система народа Гриши превратилась в радиоактивное облако. Лопух не приближался к ней вплотную, но вокруг наверняка летало множество обломков. Если бы он догадался увеличить порог срабатывания защиты, возможно, у нас было бы больше информации…

Я постарался, чтобы голос звучал как можно оптимистичнее:

— Просто придется извлечь все возможное из того, что осталось.

— Мой корабль уже провел базовый анализ. Я видела выхлоп, который упоминал Лопух, но он слишком слаб, чтобы его можно было с чем-то точно сопоставить. Если убийцы до этого находились в окрестностях системы, наверняка они как следует замаскировались.

— Не можем же мы просто сдаться. — Я подумал о человеке, которого мы оставили на корабле Лопуха. — Мы в долгу перед Лопухом, перед Гришей и перед народом Гриши.

— Но если там ничего нет, значит нет, — сказала Портулак.

Она была права. Но мне хотелось услышать вовсе не это.

Приземлившись на острове, мы переставили свои биологические часы так, чтобы на первый взгляд казалось, будто мы только что провели спокойную, полную сновидений ночь. По крайней мере, так было задумано. Но когда я сотворил зеркало и взглянул на собственное лицо, то увидел, как слегка подрагивают, будто в нервном тике, мышцы вокруг рта. Попытка избавиться от

дрожи ни к чему не привела. Когда мы с Портулак встретились на балконе после завтрака в обществе нескольких шаттерлингов, я мог поклясться, что вижу на ее лице такую же нервную дрожь.

— Как все прошло? — спросил я.

Она понизила голос:

— Как я и опасалась — ничего хорошего. Все решили, что моя нить просто великолепна и теперь вовсю о ней расспрашивают. Они меня просто ненавидят.

— Примерно на такую реакцию мы и рассчитывали. Главное, что никто не интересуется, чем ты занималась прошлой ночью. И мы можем быть уверены, что этой нити никто не избежал.

— Что насчет двойника Лопуха? Мы ничего о нем не знали, когда разрабатывали план.

— Ему все еще приходится вести себя как Лопух, — сказал я. — И это означает, что он должен был увидеть во сне твою нить.

— Надеюсь, ты прав.

— Тебе нужно всего лишь пережить этот день. Сегодня ночь нити Ургинеи. Сновидения, которыми он делится, всегда хороши.

Портулак с сожалением посмотрела на меня:

— Если бы, Лихнис. Ургинея уже полмиллиона лет не в форме.

Увы, она оказалась права насчет Ургинеи. Его нить состояла из бесконечных посещений планет и оставшихся после Промежуточного восстания артефактов, а также утомительных, интересных только ему самому монологов на тему исторического анализа. Его нить вовсе не была хитом сбора и не сумела отвлечь всеобщее внимание от Портулак.

Следующая ночь оказалась ничем не лучше: нить Коровяка представляла собой профессиональное исследование тридцати цивилизаций, вернувшихся в эпоху доиндустриального феодализма.

— Грязь, — услышал я чьи-то удрученные слова на следующий день. — Сплошная грязь.

Неудачной была и третья ночь. Именно тогда должна была представить свою нить Асфодель, если бы сумела добраться до сбора. По нашему обычаю взамен ее личного вклада использовалась компиляция ее прошлых нитей. Все выглядело вполне достойно, но не настолько, чтобы прекратились разговоры о достижениях Портулак.

К счастью, на четвертую ночь судьба оказалась к ней благосклонна. Нить Огуречника во всех подробностях описывала его героические усилия по

спасению населенной планеты в облаке Оорта, к которой опасно приближалась звезда. Огуречник сбросил на ближайший спутник планеты репликаторы и преобразовал его часть в тороидальный защитный экран, уберегший планету от падения сорванных со своих орбит комет. Затем он снова сложил спутник воедино и (следует заметить, это была гениальная идея) изобразил на его обратной стороне свою подпись в виде цепочки кратеров. Выглядело это достаточно пафосно и во многом противоречило обычаям Линии, но разговоры переключились с Портулак на Огуречника.

Я готов был расцеловать этого самовлюбленного урода.

— Думаю, по крайней мере одна проблема решилась, — сказал я Портулак, когда она наконец смогла перемещаться по острову без назойливого сопровождения толпы любопытствующих.

— Вот и хорошо, — кивнула она. — Но это вовсе не значит, что мы хоть немного приблизились к ответу на вопрос, кто истребил народ Гриши.

— Вообще-то, я думал на этот счет, — заметил я. — Возможно, в тех записях все-таки что-то есть.

— Мы прочесали их вдоль и поперек.

— Но искали лишь очевидные признаки, —

сказал я.

— Слишком много пробелов.

— Может, пробелы о чем-то говорят? В чем их причина?

— Лопух вел себя чересчур осторожно, включая защитное поле каждый раз, когда в радиусе световой секунды от его корабля оказывалась хотя бы пылинка. Его поле непрозрачно для датчиков, по крайней мере, на всех полезных диапазонах.

— Верно. Но возможно, иногда активировать поле действительно требовалось — обломков там было не так уж мало.

— Продолжай, — сказала Портулак.

— Ну… если на таком отдалении хватало обломков, то ближе к месту событий их должно было быть еще больше. Достаточно для того, чтобы включилось поле того — другого — корабля.

— Об этом я не подумала.

— Я тоже раньше не думал. А поиск, которым мы пользовались, не позволял выделить сигнатуры поля. Нужно расчленить массив данных на малые временные окна и отфильтровать узкополосные колебания гравитонов. Может, тогда удастся что-нибудь найти.

— Уже приступила, — сказала Портулак.

Закрыв глаза, я послал команду своему ко-

раблю.

— Я тоже. Хочешь поспорить, кто найдет это что-нибудь первым?

— Нет смысла, Лихнис. Тебе все равно не выиграть.

Так и оказалось. Ее корабль, получив нужные критерии поиска, почти сразу же что-то обнаружил.

— Все еще на пределе, — сказала она. — Вероятно, у них было отключено поле, именно по этой причине. Но сбежать с отключенным полем они никак не могли.

— Этого достаточно, чтобы сузить поиск?

— Достаточно, чтобы сделать выводы. Резонансная частота гравитонных колебаний на минимуме, а это значит, что поле было весьма обширным.

Примерно как выдуть низкую ноту из большой бутылки, а не высокую ноту из маленькой.

— То есть корабль был большой, — сказал я.

— Думаю, что как минимум километров пятьдесят или шестьдесят. — Она взглянула на парящие корабли. — Уже за счет этого поиск сужается до сотни кораблей.

Мой корабль прислал мне мысленный образ: девушка сидит в позе лотоса, над ее сложенными

ладонями вращается золотистый куб. Это означало, что корабль получил результат.

— У меня готово, — сказал я, запрашивая полную сводку. — Мой корабль сообщает о семидесяти километрах как минимум, со средней оценкой примерно в девяносто. Смотри-ка, пусть медленно, но все же сумел.

— Мой корабль провел уточняющий анализ и пришел примерно к такому же выводу, — сказала Портулак. — Это еще больше сужает поиск. Речь идет, может, о двадцати кораблях.

— Все равно этого недостаточно, — уныло проговорил я. — Не можем же мы тыкать наугад пальцем, пока не придет в голову идея получше.

— Согласна. Но у нас еще есть дополнительное ограничение — выхлоп двигателей. Из тех двадцати кораблей даже не все используют видимое пламя. И мы также знаем, с кем говорил Лопух о Великом Деянии.

Я помедлил, дожидаясь, когда корабль переварит все эти сведения.

— Уже лучше. Остается… сколько? Семь или восемь кораблей, в зависимости от того, как оценивать их размер. Семь или восемь имен. И так уж вышло, что одно из них — Овсяница.

— И все равно этого недостаточно.

Я на мгновение задумался.

— Если сумеем сузить поиск до единственного корабля… тогда ведь уже точно можно будет не сомневаться?

— В том-то и проблема, Лихнис. Нам его настолько не сузить. Если только мы не поймем, как выглядели те защитные поля.

— Именно, — кивнул я. — Если сумеем вынудить их включить защиту… нам потребуется лишь найти корабль с резонансом, наиболее близким к резонансу корабля, побывавшего в системе Гриши.

— Что ты задумал? — Глаза Портулак предостерегающе вспыхнули.

— Мне нужно всего лишь найти способ, который заставит их включить поля. Естественно, полностью.

— Не выйдет. Если они сообразят, что у тебя на уме, то просто перестроятся на другой резонанс.

— В таком случае надо не дать им для этого повода, — сказал я. — Мы проделаем это в Тысячную ночь, как и говорили. Они ничего не успеют спланировать заранее и вряд ли будут ждать сюрприза в последнюю минуту.

— Мне нравится, как ты говоришь «мы».

— Мы теперь оба в этом замешаны, — ответил

я. — Назад дороги нет, даже если потянем за собой всю Линию.

Портулак понюхала свой бокал.

— Как ты собираешься заставить всех включить поля?

Я прищурился, глядя на солнце:

— Наверняка что-нибудь придумаю.

Я так сильно боялся Тысячной ночи, что ее приход показался мне полной неожиданностью. После того как Портулак обнаружила ложь Лопуха, сбор пронесся в мгновение ока. В течение девятисот девяноста девяти ночей мы видели во сне солнца и планеты, космические чудеса и диковины, а также, возможно, немного грязи. Наши познания о галактике, которую мы называли своим домом, пополнились новыми подробностями, даже притом, что из-за бесконечных изменений истории эти знания стали практически бесполезными. Для большинства из нас это не имело значения. Важны были лишь присущее нам восхищение нитями, зрелище, интрига и очарование этого последнего вечера. Чего, впрочем, нельзя было сказать о Сторонниках, которые дрожали от нетерпения, как ни пытались это скрыть. В течение двух миллионов лет они вынуждены были принимать как долж-

ное невероятные масштабы галактики, сознавая собственную малозначительность на их фоне. Когда Абигейл Джентиан-Горечавка разделилась на девятьсот девяносто девять подобных драгоценным камням клонов-шаттерлингов, она надеялась покорить пространство и время. Но вместо этого лишь глубже осознала свою микроскопическую сущность. И Сторонники больше не желали этого терпеть.

Напряженно улыбаясь, я ходил среди празднующих Тысячную ночь, принимал комплименты. Хотя моя нить не вызвала всеобщего восторга, на место проведения церемонии никто всерьез не жаловался. Остров был достаточно небольшим, чтобы создавать ощущение интимной обстановки, но на нем хватало любопытных закоулков и архитектурных причуд, чтобы никому не приходилось скучать. Время от времени я вносил небольшие изменения, перемещал дорогу или лестницу, и мои усилия обычно бывали оценены. Белые террасы, балконы и мосты обладали собственным очарованием, но не отвлекали внимания от нитей, и сплетения проходили без малейших изъянов. Меня то и дело хватали за рукав, спрашивая, что я приготовил на последнюю ночь, и я всегда разводил руками: мол, не уверен,

что у меня имеются какие-то замыслы.

Само собой, я прекрасно знал, что буду делать.

Вечер сменился ночью. В теплом воздухе парили бумажные фонарики, роняя на празднующих косые лучи в пастельных тонах. По обычаю Горечавок все были в костюмах, в той или иной степени отражавших содержание их сновидений, и в карнавальных масках. Игра заключалась в том, чтобы сопоставить сновидца со сновидением до того, как будут сорваны маски. На мне была маска луны и простая одежда в оттенках заката, с повторяющимся мотивом полузашедших солнц, а на Портулак — маска лисицы и костюм арлекина, в каждом квадрате которого изображены подробности ее легендарных приключений. Остальным потребовалось не так уж много времени, чтобы сообразить, кто этот арлекин, и ее снова начали донимать вопросами о поддельной нити, но ей оставалось притворяться считаные часы. Вскоре нам предстояло раскрыть наш обман и попросить прощения.

— Смотри! — сказал кто-то рядом со мной, показывая в зенит. — Падающая звезда!

Резко подняв взгляд, я успел заметить яркий след, прежде чем тот скрылся из виду. Возможно, доброе предзнаменование, подумал я. Вот только

в предзнаменования я не верил, особенно когда их символизировали куски космического мусора, врезающиеся в атмосферу планеты.

Несколько минут спустя ко мне подошла Портулак:

— Уверен, что готов через все это пройти?

— Да. Меньше чем через сутки все корабли, которые ты тут видишь, покинут систему. Мы должны либо сделать это сейчас, либо забыть навсегда.

— Забыть… Может, так было бы проще.

— Проще — да. Но нам хочется не этого.

В небе пронеслась еще одна падающая звезда.

— Согласна, — кивнула Портулак.

К полуночи празднующие собрались на высоком балконе, вынесенном в сторону от главной башни на изогнутой опоре из слоновой кости. Все уже проголосовали, и моя система подсчитывала, какая из нитей окажется победительницей. Вскоре эта информация появится у меня в голове, и мне предстоит объявить долгожданный результат. Один из нас покинет систему, зная, что его сновидение произвело на всех наиболее сильное впечатление и что ему оказана честь подготовить место для следующей церемонии. Кто бы это ни был, я пожелал ему всего наилуч-

шего. Я давно уже понял, что похвалы быстро заканчиваются, а затем появляется тяжкое бремя ответственности.

Я стоял на балконе, расположенном еще выше, глядел на медленно движущиеся по своим орбитам фигуры в масках и костюмах. По мере того как близилось время моего объявления, атмосфера праздника становилась все напряженнее. На фоне всеобщего веселья явственно ощущалась грусть. Установившиеся здесь дружеские отношения вынужденно прерывались до следующего сбора, который случится через двести тысяч лет. Мы знали, что время и расстояния наверняка изменят некоторых из нас. Мы будем уже не теми, что прежде, и далеко не каждая дружба переживет такой срок.

Пора.

Я шагнул с балкона. Внизу раздался всеобщий судорожный вздох, хотя никто всерьез не ожидал, что со мной что-то может случиться. Как только моя левая нога ступила в пустоту, под нее скользнула плита из белого мрамора, а когда примеру левой последовала правая, опора появилась и под ней. Я снова сделал шаг, и первая плита изогнулась подо мной, встречая опускающуюся ступню. Ступая между двумя плитами, я неторопливо

спустился на нижний балкон. Эффект оказался именно таким, как я и желал, и я попытался изобразить на лице соответствующую моменту удовлетворенность.

Но далеко не все взгляды были прикованы ко мне. Часть лиц в масках и без масок смотрела куда-то вверх. Подняв голову, я увидел очередную пронесшуюся в небе звезду, а потом еще одну. Одна за другой небо от зенита до горизонта рассекли еще шесть, потом еще и еще — десяток за первую минуту, два десятка за вторую. Я улыбнулся, поняв, что это и есть тот самый сюрприз, который я приготовил на Тысячную ночь. Метеорный дождь!

Все просто, подумал я. Требовалось лишь столкнуть комету на нужную орбиту, разбить ее на куски и позволить ее пыльному хвосту пересечь орбиту моей планеты в нужной точке пространства и времени… здесь, сегодня ночью. При мысли об этом мне вдруг почудилось нечто знакомое… Память о совершенном стерлась не полностью.

С чьей-то точки зрения подобное могло показаться чересчур примитивным, и на мгновение мне подумалось, что я неверно оценил произведенный эффект… Но едва у меня возникли первые нотки беспокойства, послышались апло-

дисменты — сперва вежливые, затем все более восторженные, набиравшие силу по мере того, как звезды убыстряли свое появление, проносясь над головой с такой скоростью, что их не удавалось сосчитать.

— Браво, Лихнис! — услышал я чей-то голос. — Со вкусом и сдержанно… Красота в простоте!

Я шагнул на невысокий постамент, так что мои голова и плечи возвышались над толпой. Заставив себя улыбнуться, взмахом руки прекратил аплодисменты.

— Спасибо вам, — сказал я. — Рад, что все так хорошо прошло. Но своим успехом этот сбор куда больше обязан его участникам, чем месту проведения. — Я оглянулся на главную башню у себя за спиной. — Хотя и место не столь уж плохое, верно?

Все засмеялись и зааплодировали, и я снова улыбнулся, надеясь, что в моем облике и голосе нет ни малейшей фальши. Это было непросто, но я не мог подать вид, будто у меня что-то припрятано в рукаве.

— Каждая нить по-своему ценна, — продолжал я, придав голосу слегка торжественный тон. — Каждый опыт и каждое воспоминание священны. В эту Тысячную ночь мы собрались,

чтобы выбрать одну нить, тронувшую нас больше всех прочих. Таков наш обычай. Но этим мы никак не принижаем все остальные нити. Они в равной мере важны для нашего общего опыта и одинаково желанны. — Я с сочувственной улыбкой взглянул на Коровяка. — Даже те, в которых необычно высоко содержание грязи.

Коровяк добродушно рассмеялся, на мгновение вновь став звездой шоу. Беззлобная насмешка над кем-нибудь из нас тоже являлась традицией. Кто-кто, а Коровяк теперь мог расслабиться.

— Вскоре мы вернемся на наши корабли, — продолжал я. — Снова отправимся в путешествие по галактике в поисках новых впечатлений, и новые нити будут вплетены в великий гобелен коллективной памяти Линии Горечавки. Все мы покидаем этот остров уже не такими, какими были тысячу дней назад, а когда вернемся, вновь будем иными. Такова часть чуда, в которое превратила себя Абигейл. Другие Линии предпочитают строгую регламентацию — тысячу идентичных клонов, каждый из которых запрограммирован одинаково реагировать на одни и те же воздействия. С тем же успехом можно было бы посылать роботов. Но Абигейл хотела не этого. Она хотела наслаждаться реальностью,

окунаться в нее, упиваться всеми диковинками мира. И нашим цветущим разнообразием мы чтим этот ее порыв. — Я скрестил руки на груди, кивая тем, кто стоял ближе. — А теперь — пора. Система сообщила мне имя победителя… которое я сейчас назову. — Я изобразил на лице нечто вроде удивления. — И это…

Я вдруг снова замолчал и нахмурился. Толпа напряглась.

— Погодите минуту, — сказал я. — Прошу прощения, но… что-то случилось. Пришло экстренное сообщение с моего корабля. — Я повысил голос, услышав всеобщий ропот. — К сожалению, возникла техническая проблема с двигателем. Есть небольшой, но не пренебрежимо малый риск, что он может взорваться. — Я добавил паническую нотку в голос, делая вид, будто пытаюсь сохранять спокойствие. — Прошу всех не волноваться. Я приказал моему кораблю переместиться на безопасное расстояние… — Я взглянул на море парящих над головой кораблей и мысленно сосчитал до пяти. — Не отвечает… Попробую еще раз, но… — (Головы задвигались, голоса угрожали меня заглушить.) — Все еще не отвечает. — Я состроил напряженную гримасу. — Похоже, команда не проходит. — Я повысил голос почти

до крика. — Здесь нам ничто не угрожает, через несколько секунд я накрою остров защитным полем. Но прежде чем я это сделаю, советую вам приказать своим кораблям поставить защиту.

Некоторые уже это сделали. Их корабли дрожали внутри полупрозрачной оболочки защитных полей, будто насекомые в капле слюны. Через несколько секунд поля обрели устойчивую форму, и их сложнее стало различить. Я позволил себе бросить взгляд на Портулак, и она едва заметно ободряюще кивнула в ответ.

Все работало как надо.

— Прошу вас, поторопитесь, — попросил я. — Через десять секунд я включу защитное поле острова, после чего, вероятно, вы не сможете отправить команду.

Все больше кораблей окружало себя дрожащими защитными полями. Срабатывание систем отзывалось далекими, глухими раскатами грома. Наверняка многие удивлялись происходящему, размышляя, как так получилось, что мой корабль грозит взорваться в тот самый момент, когда я стал центром всеобщего внимания. Я лишь надеялся, что им хватит ума сперва включить защиту, а уже потом думать о странных совпадениях.

Однако некоторые из самых больших кораб-

лей все еще были незащищенными. Тянуть со включением защиты острова я больше не мог. Оставалось надеяться, что необходимые команды уже посланы и те корабли просто медленно реагируют.

Но когда включилось защитное поле острова и все вокруг стало размытым, будто нас накрыл грязный стеклянный колпак, я вдруг понял, что мой план начинает разваливаться на части.

Всеобщее внимание привлек низкий голос Овсяницы.

— Опасность миновала, — сказал он. — Мой корабль создал вокруг твоего вторичное поле, Лихнис. Можешь снять защиту острова.

Ответ застрял у меня в горле.

— Мой корабль может в любой момент взорваться. Уверен, что вторичной защиты хватит?

— Да, — властно заявил Овсяница. — Более чем уверен.

Собравшиеся посмотрели на мой корабль, упрямо остававшийся целым и невредимым внутри кокона, в который заключил его Овсяница.

— Сними защиту с острова, Лихнис. — Овсяница не закончил, а его корабль уже увлек мой корабль прочь, в верхние слои атмосферы, где оба скрылись из виду.

Только теперь я заметил, что метеорный дождь завершился.

— Сними защиту, — повторил Овсяница.

Я отдал необходимые команды.

— Спасибо, — в смятении проговорил я, тяжело дыша. — Ты… быстро сообразил, Овсяница.

— Наверняка это ложная тревога, — сказал он, пронзив меня взглядом не прикрытых маской глаз. — Или какая-то ошибка.

— Я решил, что мой корабль сейчас взорвется.

— Конечно решил. Иначе зачем бы стал нам об этом говорить? — проворчал Овсяница. — Ты собирался объявить победителя, Лихнис. Может, продолжишь?

Послышался одобрительный ропот. Если еще пять минут назад я сочувствовал собравшимся, то теперь никакой симпатии не осталось. У меня пересохло в горле. Я увидел Портулак, которая сняла лисью маску; на ее лице отразилось нечто вроде ужаса.

— Лихнис, — не отступал Овсяница, — назови победителя… если не трудно.

Но победителя я не знал. Система должна была сообщить мне его имя лишь через час. Я отсрочил получение информации, не желая отвлекаться от главного.

— Э-э… победитель… Да. Нить-победительница… Лучшая нить… Итак, победитель… — Я замолчал, окаменев под взглядами почти тысячи замерших в ожидании зрителей. А потом вдруг оказался в эпицентре душевного спокойствия, будто вылетев из собственного тела. — Победителя нет, — тихо проговорил я. — Пока нет.

— Пожалуй, тебе стоит оттуда сойти, — сказал Овсяница. — Все мы согласны, что ты организовал отличный сбор. Было бы жаль сейчас все испортить.

Овсяница шагнул ко мне, явно намереваясь помочь спуститься с постамента.

— Погоди, — со всем возможным достоинством возразил я. — Погоди и выслушай меня. И все вы тоже выслушайте.

— Ты что, готов как-то объяснить весь этот абсурд? — спросил Овсяница.

— Да, — ответил я. — Готов.

Остановившись, он скрестил руки на груди.

— Тогда послушаем. Лихнис, мне хотелось бы думать, что это как-то связано с твоими планами на Тысячную ночь.

— Произошло нечто ужасное, — сказал я. — Имеет место заговор… убийство. Одного из нас убили.

Овсяница склонил набок голову:

— Одного из нас?

Окинув взглядом толпу, я показал на двойника Лопуха.

— Это не Лопух, — объявил я. — Это самозванец. Настоящий Лопух мертв.

Двойник Лопуха ошеломленно взглянул на тех, кто его окружал, затем снова на меня. Он что-то сказал, и остальные рассмеялись.

— Настоящий Лопух мертв? — переспросил Овсяница. — Ты в этом уверен, Лихнис?

— Да. Я знаю, потому что видел его тело. Когда мы проникли на его корабль…

— Когда мы проникли на его корабль, — повторил Овсяница, не дав мне закончить. — Хочешь сказать, что в этом участвовал кто-то еще?

— Это была я, — звонко и отчетливо прозвучал голос Портулак. — Мы с Лихнисом проникли на корабль Лопуха. Все, что он говорит, — правда. Лопуха убили сторонники Великого Деяния, поскольку тот знал, что они совершили.

Овсяница заинтригованно посмотрел на нее:

— И что же?

— Они уничтожили целую цивилизацию… народ Гриши… Цивилизацию, обнаружившую данные Предтеч — сведения, которые могли по-

вредить Великому Деянию. Они истребили всех с помощью гомункулярного оружия. Лопух пытался скрыть то, что узнал, опасаясь Сторонников. В сновидениях лже-Лопуха имелись несоответствия… — Голос Портулак дрогнул. — Он сказал, что побывал там, где его на самом деле не было… Там, где побывал Лихнис.

— Значит, речь идет о слове Лопуха против слова Лихниса? — Овсяница повернулся к самозванцу. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Тот пожал плечами, глядя на меня со смесью жалости и злобы.

— Выслушайте нас, — настаивала Портулак. — Лихнис всего лишь рассчитывал спровоцировать включение защитных полей. Корабль, уничтоживший народ Гриши… Мы знаем резонансные частоты его полей, но, прежде чем их с чем-то сопоставить, нам требовалось увидеть ваши поля. — Портулак сглотнула, постепенно успокаиваясь. — Я передаю данные на все корабли. Взгляните сами. Взгляните, что эти мерзавцы сделали с народом Гриши.

Последовала пауза — собравшиеся оценивали данные, к которым только что предоставила доступ Портулак. Раскрывая эту информацию, она серьезно рисковала, поскольку теперь у наших

врагов появился повод расправиться с нами, даже если это означало убийство всех остальных на острове. Но я был с ней согласен. Вариантов у нас не осталось.

За исключением одного.

— Весьма впечатляюще, — заметил Овсяница. — Но у нас нет никаких доказательств, что вы не подделали эти данные.

— К ним привязан идентификатор Лопуха, — ответила Портулак.

Овсяница с сожалением на нее посмотрел:

— При определенной изобретательности идентификатор всегда можно подделать. Вы сами признались, что вторглись на корабль Лопуха. Откажись от участия в этой авантюре, Портулак, пока не поздно.

— Нет, — сказала она. — Не стану.

Овсяница кивнул стоявшим вокруг, в том числе нескольким старшим Сторонникам:

— Арестуйте обоих.

Я нащупал металл под своим костюмом цвета пламени. Пальцы сомкнулись на рукоятке лучемета Гриши. Толпа смолкла, когда в свете фонарей блеснуло зловещее маленькое оружие, которое я заблаговременно настроил на Лопуха. Я нажал на украшенную драгоценным камнем

кнопку, и оружие шевельнулось, будто ведомое невидимой рукой, едва не вырвавшись из моего кулака. Развернувшись к Лопуху, лучемет уставился на него змеиным взглядом, и даже если бы я его отпустил, оно продолжало бы следовать за назначенной целью.

— Прошу всех отойти, — сказал я.

— Только без глупостей, — проговорил Овсяница, глядя, как расступается толпа вокруг двойника Лопуха.

Реальность сомкнулась вокруг меня, подобно тискам. Я увидел настоящего, умирающего на своем корабле Лопуха, — по крайней мере, мне так казалось. Нажав на спуск, я убью автомат, биомеханический конструкт, запрограммированный точно имитировать поведение Лопуха… но убью не живое существо. Не того, кто осознаёт себя.

Но что, если на корабле умер двойник, а здешний Лопух настоящий? Что, если вся история насчет Гриши и смертельного яда — ложь, а настоящий Лопух стоит передо мной? Я понятия не имел, кому мог понадобиться столь замысловатый фарс… но и исключить подобное тоже не мог. Внезапно мне в голову пришла еще одна возможность — а вдруг у Лопуха имеются враги среди шаттерлингов, которые хотят его убить, но

при этом взвалить вину на кого-то другого? От этих лихорадочно сменяющих друг друга мыслей у меня закружилась голова. Нужно было сделать простой выбор. Нужно было довериться интуитивному ощущению, где правда, а где ложь.

— Если это ошибка, — сказал я, — прошу меня простить.

Я нажал на спуск. Поток заряженных частиц рассек пространство и вонзился в грудь стоявшего передо мной.

Двойник Лопуха приложил ладонь к дымящейся ране, раскрыл рот, будто собираясь что-то сказать, и осел наземь. Толпа в ужасе закричала, пораженная зрелищем: один шаттерлинг Горечавки убил другого.

Я выпустил из руки лучемет. Тот остался парить передо мной, словно приглашая выстрелить еще раз. Двойник Лопуха лежал на боку, подняв к небу совершенно сухую ладонь, которую только что прижимал к ране. Крови на ней не было. Я облегченно вздохнул. Все наверняка поймут, что я убил не человека, а бескровный конструкт. Но едва я успел об этом подумать, как застреленный дернулся и изрыгнул на идеально-белый мрамор террасы комок черной крови. На его лице застыли страх и непонимание. А потом он замер.

Толпа набросилась на меня; оружие отлетело в сторону. Меня стащили с постамента и прижали к земле так, что я едва мог дышать. С меня со звериной яростью срывали одежду. Я слышал крики одиночек, пытавшихся оттащить от меня остальных, но всеобщие гнев и отвращение были чересчур сильны, чтобы противостоять им. В груди у меня что-то треснуло; после удара кулаком в челюсть я ощутил вкус крови. Я корчился и извивался, борясь за жизнь, но нападавших было слишком много. Большинство оставалось в карнавальных масках.

Когда я уже был готов лишиться чувств, атака вдруг прекратилась. Кто-то в последний раз пнул меня в грудь, отчего позвоночник пронзило острой болью, а затем отошел в сторону. Меня оставили лежать на земле, сплошь в ушибах и с окровавленным ртом. Я знал, что они еще не закончили.

Сотни людей столпились у низкого ограждения балкона. Они смотрели на море, привлеченные чем-то происходившим за пределами острова. С трудом поднявшись на ноги, я подковылял к сгорбившейся Портулак. Ей досталось меньше, чем мне, но на губе виднелась ссадина.

— Как ты? — спросил я, сплевывая кровь.

— Получше тебя, — ответила она.

— Вряд ли все закончилось. Их просто что-то отвлекло… Может, сумеем добраться до наших кораблей?

Она покачала головой, стирая пальцем кровь с моего подбородка.

— Мы это начали, Лихнис. Нам и заканчивать.

— Это все Овсяница, — сказал он. — Он, и больше никто.

Мы последовали за зрителями на балкон. Никто не обращал на нас внимания, даже когда мы проталкивались вперед. Все взгляды были устремлены на море. Из полуночных вод всплывали изящные существа, черные, как сама ночь. Они взмывали над волнами, отталкиваясь огромным хвостом и плавниками, и из дыхал вырывались белые фонтаны.

— Что происходит? — спросила Портулак.

— Не знаю, — ответил я.

— Ты же все планировал, Лихнис. Наверняка это как-то связано с Тысячной ночью.

— Планировал. — Я поморщился от боли и понял, что сломано ребро. — Но вот этого что-то не припомню. Думал, метеорным дождем все закончилось.

Водные обитатели были теперь повсюду,

всплывали десятками и сотнями.

— Как будто они к чему-то готовятся, — сказала Портулак. — К миграции или чему-то вроде этого.

— Миграция? Куда?

— Тебе лучше знать, Лихнис.

Но не пришлось ей объяснять. Вскоре водные обитатели стали покидать океан. С их тел стекали потоки воды. Сперва по одному и по двое, а потом целыми косяками они взмывали в небо между парящими утесами — нашими кораблями, — будто рожденные для того, чтобы летать.

— Этого… не может быть, — проговорил я. — Они живут в воде. Они… не летают.

— Если только ты сам не сделал их такими. Если ты не планировал это с самого начала.

Вокруг морских обитателей возникло розоватое свечение — вероятно, поле, которое позволяло им летать, а также существовать в разреженном воздухе высоко над нами. В моем мозгу всплыли призрачные воспоминания. В самом ли деле я приспособил этих существ к полету, снабдив их вживленными генераторами поля и звериным умом, которого хватало, чтобы ими пользоваться? Я попытался сосредоточиться, но возникшая в мозгу искорка тут же погасла.

— Возможно, — сказал я.

— Ладно, — кивнула Портулак. — Тогда следующий вопрос: зачем?

Но долго об этом размышлять нам не пришлось. Внезапно небо рассек надвое самый яркий метеор из всех виденных нами. Он с грохотом скрылся за горизонтом, оставив зеленоватый след.

За ним последовал другой, еще ярче.

Они как будто послужили сигналом: море вздыбилось гигантским валом улетающих водных обитателей. Их теперь были тысячи, сбившиеся в огромные стаи; каждая двигалась как единое целое. Море избавлялось от всего живого. В небе пронесся еще один метеор, ненадолго стало светло как днем. Над горизонтом разгорался зловещий ложный рассвет, свидетельствуя о чудовищном взрыве. Что-то огромное врезалось в мою планету. Глядя на новые светящиеся следы, я понял, что этот взрыв не последний.

Остров содрогнулся под нашими ногами. Странно — ударная волна еще никак не могла до нас добраться, но все ощутили чудовищный толчок. Я схватился за ограждение.

— Что… — начала Портулак.

Остров снова вздрогнул. Толпа опять начала проявлять ко мне интерес, отвлекшись от бегства

водных обитателей. Портулак прижалась ко мне, и я крепко ее обнял и почувствовал, как она обнимает меня вдвое сильнее.

Толпа надвигалась.

— Стоять! — прогремело вдруг.

Все остановились и обернулись на голос. Это был Овсяница, он сидел на корточках возле трупа, по запястье погрузив руку в проделанную мной рану. Он медленно поднял скользкую от крови кисть, и я увидел в пальцах нечто извивающееся, будто маленькая серебристая морская звезда.

— Это не Лопух, — сказал Овсяница, вставая и разглядывая отвратительную дергающуюся тварь. — Это… нечто иное. Как и сказали нам Лихнис и Портулак. — Овсяница бросил на меня тяжелый и вместе с тем великодушный взгляд. — Вы были правы.

— Да, — выдохнул я, поняв, что ошибался насчет Овсяницы. Очень сильно ошибался.

— Значит, это в самом деле произошло, — продолжал он. — Один из нас совершил преступление.

— Тело Лопуха на его корабле, — сказал я. — Все можно доказать… если вы нам позволите.

Земля снова содрогнулась. Метеорная атака над головой стала непрерывной, горизонт за-

лился ярким пламенем. Я осознал это лишь в тот момент, когда небольшой осколок рухнул с неба километрах в пятнадцати от острова, пробив в поверхности моря яркую пенящуюся рану. Почувствовав опасность, включилось защитное поле острова, заглушив грохот взрыва. Еще один метеор вонзился в воду в пятидесяти километрах от нас, подняв высокий столб перегретого пара.

Удары становились все серьезнее.

— Мы все видели доказательства, которые представила Портулак, — снова заговорил Овсяница. — Учитывая правду насчет Лопуха… думаю, нам столь же серьезно стоит отнестись и ко всему остальному, включая уничтожение целой цивилизации. — Он посмотрел на нас обоих. — Как я понимаю, вы хотели увидеть наши защитные поля?

— Так мы узнаем, кто это сделал, — сказала Портулак.

— Полагаю, вскоре ваше желание исполнится.

Он был прав. По всему острову корабли снова включали поля, защищаясь от бомбардировки метеорами, — сперва те, что поменьше, потом более крупные, и так вплоть до самых больших кораблей, выступавших за пределы атмосферы. Поля дрогнули и стабилизировались, отражая

град мелких осколков.

— Так что? — Овсяница повернулся к Портулак. — Видишь то, что искала?

— Да, — ответила она. — Вижу.

Овсяница мрачно кивнул:

— Может, скажешь нам, кто это?

Портулак моргнула, парализованная чудовищностью того, о чем ей предстояло сообщить. Я взял ее за руку, пытаясь подбодрить.

— Я думала, что это мог быть ты, — сказала она Овсянице. — Твой корабль соответствовал по размерам… А когда ты разрушил замысел Лихниса…

— Вряд ли он этого хотел, — заметил я.

— Конечно не хотел, — кивнула Портулак. — Теперь это очевидно. И в любом случае поле его корабля не вполне совпадает с нашими данными. Однако корабль Критмума…

Все как один воззрились на Критмума.

— Нет, — пробормотал он. — Это какая-то ошибка.

— Возможно, — согласился Овсяница. — Но остается вопрос насчет оружия, о котором упоминала Портулак, — того самого, что было применено против народа Гриши. Ты всегда интересовался древним оружием, Критмум… особенно оружием времен Гомункулярных войн.

Критмум ошеломленно уставился на него:

— Это было миллион с лишним лет назад! Древняя история…

— Но что такое миллион лет для Линии Горечавки? Ты знал, где искать это оружие, и, вероятно, неплохо представлял себе, как оно работает.

— Нет, — сказал Критмум. — Чушь!

— Вполне может быть, — кивнул Овсяница. — Так или иначе, у тебя будет достаточно времени, чтобы подготовить доводы в свою защиту перед судом товарищей. Если ты невиновен, мы докажем это и извинимся перед тобой — так же, как было с Чистецом много лет назад. Если ты виновен, мы тоже это докажем — и разоблачим твоих сообщников. Ты никогда не казался мне слишком расчетливым, Критмум, и сомневаюсь, что ты обошелся без посторонней помощи.

Выражение лица Критмума вдруг изменилось, взгляд стал жестким.

— Можете доказывать что хотите, — сказал он. — Это уже ни на что не повлияет.

— Подозрительно похоже на признание вины, — заметил Овсяница. — Значит, это правда? Ты в самом деле уничтожил целую цивилизацию лишь ради того, чтобы защитить Великое Деяние?

Критмум бросил на Овсяницу полный презрения взгляд, и в голосе появились властные нотки, которых я никогда прежде не слышал.

— Всего одна цивилизация, — проговорил Критмум. — Всего один камешек на берегу по сравнению с целым океаном возможностей! Ты всерьез считаешь, будто этот народ был для кого-то важен? Всерьез веришь, что мы будем помнить его через миллиард лет?

Овсяница повернулся к своим друзьям Сторонникам:

— Арестовать его.

Трое Сторонников направились к Критмуму. Но они успели сделать лишь три или четыре шага, как вдруг Критмум покачал головой, скорее печально, чем гневно, и разорвал на себе рубашку, обнажив до пояса гладкую безволосую грудь. Вонзив пальцы в собственную кожу, он потянул ее в стороны, будто театральный занавес, не выказывая никаких признаков боли. Вместо мышц и костей мы увидели лишь хитросплетение полупрозрачных розовых устройств, расположившихся вокруг светящейся голубым сердцевины.

— Гомункулярная технология, — с ужасающим спокойствием проговорил Овсяница. — Он сам

оружие.

Критмум улыбнулся, и в его раскрытой груди вспыхнул белый свет, который все разгорался и вскоре превратился в бьющее изо рта и глаз адское пламя. Тело конструкта корчилось в судорогах — сработавшее оружие пожирало изнутри его нервную систему. Внешняя оболочка с треском распадалась.

Но что-то все еще сдерживало взрыв. Белый свет — настолько яркий, что на него невозможно было смотреть, — не мог покинуть пузырь величиной с человека, сомкнувшийся вокруг Критмума.

Я взглянул на Овсяницу. Он стоял, вытянув руки, как воображающий облик своей композиции скульптор. На пальцах сверкали толстые металлические кольца. Только теперь я понял, что это не украшения, а миниатюрные генераторы поля. Овсяница удерживал пузырь вокруг Критмума, не давая вспышке вырваться наружу и уничтожить нас всех. На его лице отражалось невероятное напряжение, которого требовало управление генераторами.

— Не знаю точно, какова его мощность, — с трудом выговаривая слова, сообщил Овсяница. — Думаю, меньше килотонны — иначе твои

системы, Лихнис, обнаружили бы гомункулярную технологию. Но ее вполне хватит, чтобы снести этот балкон. Остров может окружить это… существо полем?

— Нет, — ответил я. — Я просто не предусмотрел… такой возможности.

— Так я и думал. Вряд ли я сумею долго его удерживать… может, секунд двадцать пять или тридцать. — Взгляд Овсяницы был полон железной решимости. — У тебя есть контроль над этим зданием, Лихнис? Можешь менять его форму по своему желанию?

— Д-да, — заикаясь, ответил я.

— Тогда нужно сделать так, чтобы я и он провалились сквозь пол.

Их разделяло всего несколько метров. Мне требовалось лишь на мгновение сосредоточиться, чтобы приказать куску пола рухнуть вниз. Но тогда я отправил бы Овсяницу на смерть.

— Давай же! — прошипел он.

— Не могу, — сказал я.

— Лихнис, — убедительно произнес он, — я хорошо тебя знаю и всегда критиковал за бесхребетность. Что ж, теперь у тебя появился шанс доказать, что я ошибался. Так что давай! Сделай это! Ради Линии!

Я взглянул на лица остальных шаттерлингов. В них читалась боль, но вместе с тем и мрачное согласие. Они без слов говорили мне, что выбора нет. Они приказывали убить Овсяницу и спасти всех нас.

И я это сделал.

Я пожелал, чтобы пол вокруг Овсяницы и Критмума отделился от балкона. Крошечные модули, из которых состоял пол, с тупой покорностью исполнили мое желание, разорвав молекулярные связи, соединявшие каждый из них с соседним.

В течение душераздирающего мгновения казалось, будто пол завис на месте.

Поле вокруг Критмума дрогнуло, начиная терять целостность. Генераторам Овсяницы не хватало мощности, а сам он больше не мог сосредоточиться.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Хорошая работа, Лихнис.

А потом они рухнули.

Падать было далеко, и они все еще летели, когда все остальные разом устремились к краю балкона. Вспышка на миг затмила самые яркие хвосты продолжавших сыпаться на планету метеоров. Овсяница верно оценил мощность оружия — примерно килотонна. Он был прав: взрыв

бы убил нас всех и переломил башню пополам, не будь балкон вынесен так далеко в сторону. То была лишь случайная прихоть проектировщика, но она спасла нас.

Она — и Овсяница.

В ту ночь случилось большое космическое сражение, но на этот раз настоящее, а не инсценированное в память о каком-то покрытом туманом времени конфликте. Настоящий Критмум находился на своем корабле, и когда конструкту не удалось уничтожить остров, хозяин сбежал на орбиту — вероятно, чтобы оттуда обратить вооружение корабля против сбора. Но союзники Овсяницы были начеку, и когда корабль Критмума сорвался с места, за ним последовал десяток других. Его перехватили над разорванной атмосферой моей гибнущей планеты, и небо осветила чудовищная вспышка взрыва. Критмум погиб — или, по крайней мере, та версия Критмума, которую послали внедриться в наше собрание. Она вполне могла оказаться не последней. И это мог быть не единственный самозванец среди нас.

После сражения меня отвела в сторону Чина, одна из Сторонников, и поделилась тем, что было ей известно.

— Овсяница поддерживал Великое Деяние, —

сказала она. — Но не любой ценой. Когда он узнал, что во имя Деяния было совершено зверство… уничтожение целой человеческой цивилизации, он понял, что не все мы разделяем его взгляды.

— Значит, Овсяница обо всем знал с самого начала сбора? — потрясенно спросил я.

— Нет. Он располагал лишь обрывками информации — намеками, слухами, сплетнями. Кто совершил преступление и насколько глубоко они связаны с Линией Горечавки — это ему было неведомо. И он не знал, можно ли доверять остальным Сторонникам. — Она помолчала. — Он доверял мне и другим. Но не всем.

— Но Овсяница говорил со мной о Великом Деянии, — сказал я. — Мол, всем нам нужно объединиться, чтобы воплотить его в жизнь.

— Он считал, что так будет лучше всего. Но вполне возможно, он прощупывал тебя — вызывал на откровенность, хотел выяснить, какие у тебя мысли на этот счет.

Чина взглянула на бурлящее море, испещренное сотнями открывшихся в коре планеты вулканических жерл. Мы смотрели с головокружительной высоты — остров отделился от сбора и медленно поплыл в космос, толкаемый огромными двигателями, которые я установил в его

каменном основании. Взрыв оружия Критмума разнес окрестные острова, их обломки рухнули в море. Оставшийся после главного острова кратер стремительно заполнился водой, и теперь ничто не указывало на то, что он вообще когда-то существовал.

Празднество закончилось.

— Он подозревал, что в преступлении замешан кто-то из Сторонников, — продолжала Чина. — Но не мог исключить и участия кого-то постороннего, спящего агента, которого никто не мог бы заподозрить.

— Наверняка он подозревал нас с Портулак, — сказал я.

— Возможно. Все-таки вы много общались друг с другом. Могу лишь сказать в утешение, что вряд ли вы были единственными подозреваемыми. У него могли быть сомнения даже насчет Критмума.

— Что теперь будет с Великим Деянием?

— Это вопрос не только Линии Горечавки, — ответила Чина. — Но полагаю, многие будут настаивать, чтобы его положили под сукно на несколько сотен тысяч лет. Пока не остынут страсти. — В ее голосе появились грустные нотки. — Овсяница пользовался уважением, и у него

было немало друзей вне нашей Линии.

— Я его ненавидел, — сказал я.

— Вряд ли его это волновало. Всерьез Овсяницу заботила только судьба Линии. Ты правильно поступил, Лихнис.

— Я его убил.

— Ты спас всех нас. И Овсяница тебе за это благодарен.

— Как ты можешь знать? — спросил я.

Она приложила палец к губам:

— Я знаю. Разве тебе этого мало?

Чуть позже мы с Портулак стояли в одиночестве на самом высоком балконе центральной башни острова. Остров поднялся на такую высоту, что оказался бы за пределами атмосферы сбора, если бы атмосфера сохранилась.

Далеко внизу сквозь подрагивающую пелену защитного пузыря было видно, как корчится в агонии моя планета. На нее сыпались яростные удары — ежеминутно падали по крайней мере два, а иногда три или четыре астероида. Взрывы рассеяли бóльшую часть атмосферы, и в небо на тысячи километров взмывали по параболе оплавленные куски литосферы с огненными хвостами. Чем-то это напоминало корональные арки звезды позднего типа. Океан исчез, превратившись в пар

и пыль. Сотрясения от многочисленных взрывов уже нарушили тонкий механизм магнитогидродинамического ядра. Сохранись на планете место, где все еще была бы ночь, там наверняка шикарно смотрелось бы порожденное магнитной бурей сияние. На миг я пожалел, что сделал такое сияние частью всего представления.

Но жалеть было поздно. И я знал, что в следующий раз это будет уже не моя забота.

Портулак взяла меня за руку.

— Не грусти, Лихнис. Ты отлично справился. Прекрасный финал.

— Думаешь?

— Об этом будут говорить еще миллион лет. То, что ты сделал с теми китами… — Она с нескрываемым восхищением покачала головой.

— Не мог же я позволить, чтобы они остались в океане.

— Это был чудесный момент. Если забыть обо всем остальном… Хотя и сейчас не так уж плохо.

Мы помолчали, глядя на череду взрывов. В мантии планеты уже возникали трещины — сверкающие, как солнце, раны величиной с континент.

— Я создал нечто, а теперь разрушаю его. Тебе не кажется, что это слегка… по-детски? Овсяница

наверняка бы не одобрил.

— Не знаю, — ответила Портулак. — Вряд ли эта планета имела шансы нас пережить. Она была создана, чтобы существовать в конкретный момент времени — как песчаный замок или ледяная скульптура. Была — и нет. В том-то и состоит ее красота. Кто бы восхищался песчаными замками, если бы они существовали вечно?

— Или закатами, — сказал я.

— Только не начинай опять про закаты, — взмолилась она. — Я думала, ты полностью избавился от подобных мыслей.

— Так и есть, — кивнул я. — Окончательно и бесповоротно. А сейчас я думаю над совершенно другой темой моего путешествия. Это не будет иметь ничего общего с закатами.

— Вот и хорошо.

— Что-нибудь вроде… водопадов.

— Водопадов?

— Сама знаешь, они есть почти повсюду. На любой планете с неким подобием атмосферы и неким подобием поверхности рано или поздно возникает нечто похожее на водопад. Если не особо придираться к тому, что подразумевается под словом «вода».

— Вообще-то, мне нравятся водопады, — сказа-

ла Портулак. — Помнится, видела один в пути… высотой десять километров, из чистого метана. Я стояла под ним и чувствовала исходящий от него холод. Вполне хватило, чтобы дрожать от восторга.

— Вероятно, его давно нет, — с грустью проговорил я. — Они живут недолго — по сравнению с нами.

— Но ты наверняка найдешь водопад даже получше того.

— Буду искать очень тщательно. Путешествуя, я нанес на карту несколько многообещающих рек — там геологические условия способствуют образованию водопадов. Надеюсь вновь побывать в этих местах, вспомнить былое.

— Привези мне воспоминание.

— Обязательно. Жаль только, что ты никогда не увидишь водопады собственными глазами… — Я замолчал, сообразив, что разговор подошел к опасному моменту. — В смысле, мы вместе не увидим.

— Ты же знаешь, что Линия не поощряет запланированные связи, — сказала Портулак, будто требовалось мне об этом напоминать. — Подобные встречи разрушают сам дух случайности и приключений, который хотела вселить в нас

Абигейл. Если мы встретимся до следующего сбора, это может произойти исключительно по воле случая.

— Значит, мы никогда не встретимся.

— Скорее всего, никогда.

— Дурацкое правило, верно? Если учесть все, что здесь случилось… И какое нам, собственно, до него дело?

Портулак долго молчала, прежде чем ответить.

— Лихнис, мы традиционалисты. Мы преданы Линии до мозга костей.

Она крепче сжала поручни, глядя, как с расплавленной планеты стремительно взмывает последний из моих водных обитателей, задержавшийся по причине лени, а может, инстинктивного любопытства. Окруженное полем гигантское существо было черным как ночь и гладким, на его брюхе играли медно-красные отблески пожаров. Оно зависло на уровне балкона, всмотрелось в нас одним маленьким глазом — окруженный морщинами, он был до жути похож на человеческий. Затем, сильно ударив хвостом, существо унеслось на орбиту, где уже собрались его сородичи.

— Впрочем, есть кое-что еще, — добавила Портулак.

— О чем ты?

— Наверное, не стоило об этом упоминать… но, возможно, я не слишком благоразумно поступила. Помнишь тот трюк, который я проделала, чтобы проникнуть на корабль Лопуха? Он столь же успешно сработал и с твоим.

— Что ты сделала?

— Ничего серьезного. Просто установила на твоем корабле копию моего полетного плана… для твоего сведения. Чтобы ты всегда знал, где я нахожусь.

— Ты права, — произнес я. — Это было крайне неблагоразумно.

— Я ничего не могла с собой поделать.

— Вряд ли наша встреча была бы уместной.

— Это точно, — энергично кивнула Портулак.

— Но ты все равно будешь придерживаться своего плана?

— Досконально. — Она допила вино и швырнула пустой бокал в пространство.

Я смотрел ему вслед, ожидая короткой вспышки при ударе о пузырь. Но не дождался — Портулак взяла меня за руку и повернула лицом к себе.

— Идем внутрь, Лихнис. Всем хочется услышать, чья нить стала лучшей.

— Не могу поверить, что после всего случившегося это еще кого-то волнует.

— Нельзя недооценивать целительную силу человеческого тщеславия, — глубокомысленно изрекла Портулак. — Кроме того, дело не только в нити. Нужно создать два мемориала: для Лопуха и Овсяницы.

— Когда-нибудь нам потребуется мемориал и для Критмума, — сказал я.

— Думаю, мы постараемся как можно скорее о нем забыть.

— Возможно, он все еще жив. Или его прикончили и заменили двойником, как Лопуха. У меня такое чувство, что с ним еще не покончено. Как и с Великим Деянием.

— Но сейчас мы выиграли сражение. Разве этого мало?

— Тут не поспоришь, — вздохнул я.

— И все же кое-что меня беспокоит, — сказала Портулак. — Мы так никому и не сказали, что моя нить была не совсем настоящей. Рано или поздно об этом узнают.

— Но не сегодня.

— Лихнис… если победительницей окажусь я… что мне делать?

Я изобразил озабоченность, с трудом пряча улыбку:

— Веди себя так, как вел бы себя я. Храни се-

рьезное выражение лица.

— Предлагаешь… просто согласиться? Не очень-то честно, тебе не кажется?

— Совсем нечестно, — кивнул я. — И все же оно того стоит.

Портулак сжала мою руку, и мы направились в зал, где ждали остальные. Под нами первобытный огонь пожирал мою маленькую планету, а высоко над ней собирались стаи водных обитателей, готовясь к долгой миграции.